

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое
общество

ХАРЬКОВСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ДРЕВНОСТИ

2014–2015

СТАТЬИ
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ
РЕЦЕНЗИИ
ХРОНИКА

ВЫПУСК 13
Издается с 1994 года

Харьковское историко-археологическое общество
ООО «НТМТ»
2015

УДК 930.26
ББК 63.4+63.4в6+63.3(0)32+63.3(2Ук52)
Д73

Харьковский историко-археологический ежегодник

ДРЕВНОСТИ 2014–2015

Пер. № КВ 557

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор **С. И. Посохов**, *главный редактор*
канд. ист. наук **В. С. Аксенов**
канд. ист. наук, доцент **С. И. Берестнев**
д-р ист. наук, профессор **Н. Н. Болгов**
канд. ист. наук, доцент **В. Ю. Буйнов**
канд. ист. наук, доцент **С. В. Дьячков**, *зам. главного редактора*
канд. ист. наук, доцент **В. В. Колода**
канд. ист. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *отв. секретарь*
канд. ист. наук, доцент **А. П. Мартемьянов**
д-р ист. наук, профессор **А. П. Медведев**
д-р ист. наук, профессор **А. Д. Пряхин**
д-р ист. наук, профессор **И. П. Сергеев**
канд. ист. наук, доцент **В. В. Скирда**
д-р ист. наук, профессор **Д. Слапек**
д-р ист. наук, профессор **С. Б. Сорочан**
канд. ист. наук, доцент **И. Б. Шрамко**

Учредители:

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

Адрес редакционной коллегии:
площадь Свободы, 6, к. 4–89, г. Харьков, 61022
E-mail: hiao@mail.ru
<https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>

ISSN 2309-6608

© Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина,
2015
© Харьковское историко-
археологическое общество, 2015

Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне
товариство

ХАРКІВСЬКИЙ
ІСТОРИКО - АРХЕОЛОГІЧНИЙ
ЩОРІЧНИК

СТАРОЖИТНОСТІ

2014—2015

СТАТТІ
ПУБЛІКАЦІЇ
НОТАТКИ
РЕЦЕНЗІЇ
ХРОНІКА

ВИПУСК 13
Видається з 1994 року

Харківське історико-археологічне товариство
ТОВ «НТМТ»
2015

УДК 930.26
ББК 63.4+63.4в6+63.3(0)32+63.3(2Ук52)
Д73

Харківський історико-археологічний щорічник

СТАРОЖИТНОСТІ 2014–2015

Пер. № КВ 557

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, професор **С. І. Посохов**, *головний редактор*
канд. іст. наук **В. С. Аксьонов**
канд. іст. наук, доцент **С. І. Берестнєв**
д-р іст. наук, професор **М. М. Болгов**
канд. іст. наук, доцент **Ю. В. Буйнов**
канд. іст. наук, доцент **С. В. Д'ячков**, *заст. головного редактора*
канд. іст. наук, доцент **В. В. Колода**
канд. іст. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *відп. секретар*
канд. іст. наук, доцент **О. П. Мартем'янов**
д-р іст. наук, професор **О. П. Медведєв**
д-р іст. наук, професор **А. Д. Пряжін**
д-р іст. наук, професор **І. П. Сергєєв**
канд. іст. наук, доцент **В. В. Скирда**
д-р іст. наук, професор **Д. Слапек**
д-р іст. наук, професор **С. Б. Сорочан**
канд. іст. наук, доцент **І. Б. Шрамко**

Засновники:

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

Адреса редакційної колегії:

площа Свободи, 6, к. 4–89, м. Харків, 61022

E-mail: hiao@mail.ru

<https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>

ISSN 2309-6608

© Харківський національний
університет імені В. Н. Каразіна,
2015

© Харківське історико-археологічне
товариство, 2015

The Ministry of Education, Science of Ukraine
V. N. Karazin Kharkiv National University
Kharkiv Historical & Archaeological Society

KHARKIV
HISTORICAL & ARCHAEOLOGICAL
ANNUAL

ANTIQUITIES

2014–2015

ARTICLES
PUBLICATIONS
NOTES
REVIEWS
CHRONICLE

VOLUME 13

Published since 1994

Kharkiv Historical & Archaeological Society
NTMT, Ltd
2015

УДК 930.26
ББК 63.4+63.4в6+63.3(0)32+63.3(2Ук52)
Д73

Kharkiv Historical & Archaeological Annual

ANTIQUITIES 2014–2015

Reg. No. KB 557

Editorial Board:

S. I. Posokhov, Professor, *Editor-in-Chief*
V. S. Aksyonov, Doctor
S. I. Berestnev, Doctor
N. N. Bolgov, Professor
Yu. V. Buynov, Doctor
S. V. Dyachkov, Doctor, *Sub-Editor-in-Chief*
V. V. Koloda, Doctor
S. D. Litovchenko, Doctor, *Executive Secretary*
A. P. Martemyanov, Doctor
A. P. Medvedev, Professor
A. D. Pryahin, Professor
I. P. Sergeev, Professor
V. V. Skirda, Doctor
D. Slapek, Professor
S. B. Sorochan, Professor
I. B. Shramko, Doctor

Founded by

V. N. Karazin Kharkiv National University
Kharkiv Historical & Archaeological Society

Address of the Editorial Board:

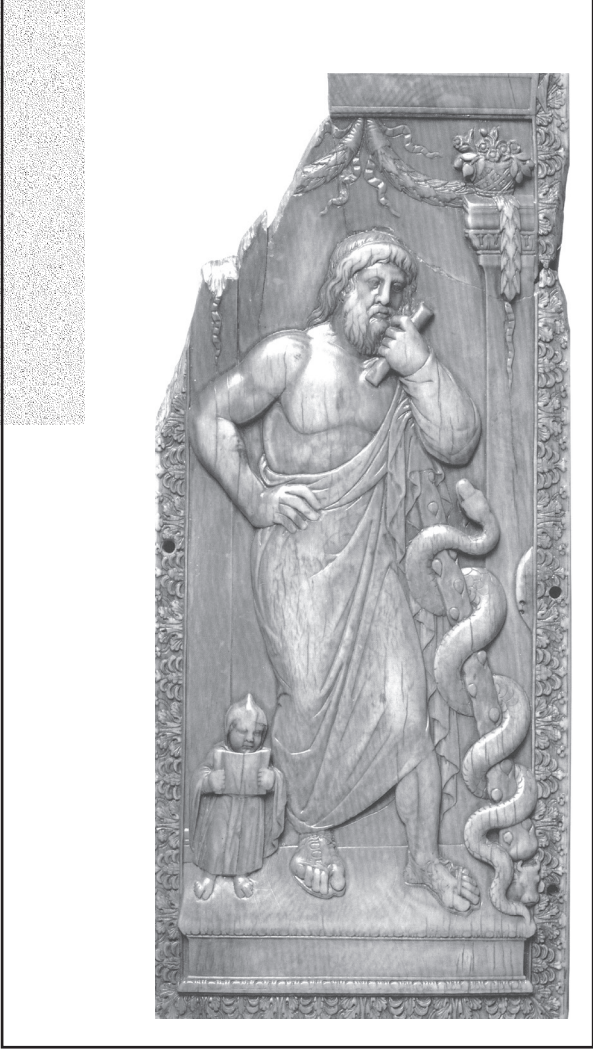
Svobody sq., 6, office 4–89, Kharkiv, 61022

E-mail: hiao@mail.ru

<https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>

ISSN 2309-6608

© V. N. Karazin Kharkiv National
University, 2015
© Kharkiv Historical &
Archaeological Society,
2015

Статьи

ИСТОРИЯ

А. Г. Чердниченко

О религии древних индоевропейцев (по итогам анализа лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка)

Известные языковые семьи и языки возникали как в результате диалектного членения праязыков и развития из их диалектов новых языков, так и вследствие образования «языковых союзов», в ареалах которых происходили процессы пиджинизации, креолизации и гибридации языков [1; 2; 3; 4; 5, с. 419–501; 6, с. 191–239; 7; 8; 9, с. 34–61; 10; 11; 12; 13]. Несмотря на то, что раздробление индоевропейского праязыка (общего языка-предка) на диалекты было явлением достаточно ранним, в настоящее время не подвергается сомнению сам факт реального существования этого праязыка и этноса его носителей [7; 9, с. 52–61; 10, с. 26–67; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Индоевропейский этнос и его язык можно локализовать в пространстве и времени. Датировать их существование эпохами раннего неолита, мезолита или даже верхнего палеолита вряд ли возможно. Например, Н. Д. Андреев предложил реконструкцию лексической системы раннеиндоевропейского праязыка, состоящей из 203 биконсонантных корневых слов (силлабем) [25]. По мнению исследователя, раннеиндоевропейский праязык выделился из гипотетического «бореального праязыка», якобы предка раннеиндоевропейского, алтайского и уральского праязыков, в период перехода от позднего палеолита к раннему мезолиту. «Племена» носителей раннеиндоевропейского праязыка кочевали между Рейном и Днепром. К сожалению, автор «бореальной гипотезы» не задумался, были ли человеческие коллективы верхнего палеолита и мезолита племенами или речь должна идти о небольших родовых группах. Вызывает глубокие сомнения и правильность его реконструкции раннеиндоевропейского праязыка. Несостоятельность концепции Н. Д. Андреева заключается в том, что реконструируемые силлабемы представлены не только в индоевропейских, но и во многих других языках мира разных хронологических уровней. Как правило, они относятся к группам лепетной (детской) речи, звукоизображениям и звукоподражаниям. Разброс значений каждой реконструкции делает невозможным непротиворечивую реконструкцию семантического архетипа, а их фонетический облик совершенно невозможно подтвердить внутренней реконструкцией индоевропейского праязыка. Материалы Н. Д. Андреева могут служить иллюстрацией к типологии языка, но не к лингвистической генетике или ареалистике. Кроме того, датировка раннеиндоевропейского праязыкового состояния эпохами позднего палеолита и раннего мезолита резко противоречит известным социолингвистическим и хронологическим параметрам индоевропейского праязыка [16; 17; 18; 21; 23; 24; 26].

«Бореальная» гипотеза Н. Д. Андреева сходна с «ностратической» теорией [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40]. По мнению Х. Педерсена, В. М. Иллич-Свитыча и их последователей, реконструируемые индоевропейский, семито-хамитский (афразийский), картвельский, дравидийский, уральский и алтайский праязыки возникли в результате распада гипотетического «ностратического» праязыка (прапраязыка), носители которого якобы обитали в лесах Южного Урала и соседних регионов (Поволжья и Западной Сибири) 15–11 тысяч лет назад. Предполагается особая близость уральского праязыка «ностратическому» и географическая близость «ностратической» прародины к прародине уральских языков. Реконструируемые сино-тибетский, енисейский и северокавказский праязыки возводятся к гипотетическому «сино-кавказскому» праязыку (прапраязыку), в качестве первоначального ареала распространения которого рассматриваются Анатолия и сопредельные области Передней Азии IX—VIII тыс. до н. э. Однако не уточняется, какими могли быть коллективы носителей «ностратического» и «сино-кавказского» прапраязыков, если те существовали в эпоху мезолита. Сторонниками «ностратической» теории абсолютизируется фактор генетического родства языков, в то время как глоттогенез характеризуется еще и явлениями ареального схождения и типологического сходства идиом [41]. Кроме того, весьма спорен тезис об особой близости уральского праязыка и произошедшего от него финно-угорского праязыка, распавшегося во второй половине III — начале II тыс. до н. э., гипотетическому «ностратическому» праязыку [41; 42, с. 105–198; 43; 44, с. 138–340].

Остается дискуссионным вопрос о характеристиках человеческой речи в эпоху верхнего палеолита и эпоху мезолита [45; 46]. Что касается языковой ситуации в неолитическую эпоху, она наиболее адекватно реконструируется на основе наблюдений этнографов и лингвистов на острове Новая Гвинея [47, с. 128–153; 48, с. 35–62; 49, с. 375–382; 50, с. 48–49]. Там наблюдается континуум языков, диалектов и говоров, т.е. сохраняются состояние «первобытной языковой непрерывности».

На Новой Гвинее почти каждая деревня имеет свой особый язык, диалект или говор. Рассмотрим цепочку поселений А—Z. Житель каждой отдельной деревни регулярно общается с жителями соседних деревень, но не контактирует с жителями более удаленных поселений. Жители деревень А и В, говорящие на несколько различающихся диалектах (говорах), достаточно хорошо понимают друг друга. Жители деревни А могут общаться и с жителями поселений С и D, но уже с трудом, а вот жителей поселка Z они совершенно не поймут. По всей видимости, подобный языковой континуум охватывал в периоды неолита и энеолита всю ойкумену. Его реликтами были «*banana languages*» древнего Ближнего Востока и силлабо-морфемный язык «линейного письма А» на Крите [51, с. 91–92; 52, с. 59–66]. Из первобытного континуума и выделились праязыки известных языковых семей. Так, уже в IV тыс. до н. э. обособился шумерский язык, состоявший из «языка мужей» и «языка жен», т.е. диалектов *eme-gir* и *eme-sal* [53, с. 11–15; 54, р. 15–33, 285–294]. Существование «мужского» и «женского» языков можно объяснить тем, что древнейшие этносы являли собой общности, состоявшие из двух кровнородственных групп (мужской и женской).

Выделение индоевропейского праязыка из «первобытной языковой непрерывности» состоялось, скорее всего, в ту же эпоху, что и обособление шумерского языка, но не ранее. По крайней мере, отделение индоевропейских диалектов «группы *satəm*» от диалектов «группы *septum*» произошло только в конце III — начале II тыс. до н. э. Например, древнейшие письменные памятники хетто-лувийских языков, лишь слегка затронутых сатэмизацией, датируются XVIII—XVI вв. до н. э. [55, с. 8–28]. Индоевропейско-семитские и индоевропейско-древнеегипетские языковые контакты относятся к периоду, когда индоевропейские сатэмные (восточноиндоевропейские) диалекты полностью отделились от кентумных (западноиндоевропейских). Они являются, по сути, только восточноиндоевропейско-семитскими и восточноиндоевропейско-древнеегипетскими контактами [56; 57]. Их возникновение можно датировать II тыс. до

н. э. и связать с Ближним Востоком. Там, как известно, существовало индоевропейско-хурритское царство Митанни (XVI—XIII вв. до н. э.), в котором господствующее положение занимали носители сатэмных диалектов [1, с. 30–36; 58, с. 429–431; 59].

Что касается индоевропейского праязыкового состояния, оно характеризуется переходом от парадигматического типа языка к языку синтагматического типа [60, с. 157–163]. Вероятно, предковый вид индоевропейского праязыка до полураспада в конце III тыс. до н. э. на западную и восточную группы диалектов прошел следующие языковые состояния:

- 1) один или два из бесчисленных силлабо-тонических «диалектов» первобытного языкового континуума Старого Света («язык жен» и «язык мужей»);
- 2) обособившийся протоиндоевропейский диалект, который характеризуется контракцией слогов, окружающих слог лексико-семантического уровня; в результате этой контракции образовались корнеобразующие форманты индоевропейского праязыка: ***mī-râ- > *mī-r-;* ***mī-lâ- > *mī-l-;* ***mī-tâ- > *mī-t-;* некоторые, некогда полнозначные, силлабические морфемы постепенно превратились в основообразующие префиксы, аффиксы, инфиксы, суффиксы, тематические гласные и т. п., а другие некогда полнозначные силлабические морфемы стали источником серий будущих флексий;
- 3) диалектно расчлененный ранний индоевропейский праязык — язык номинативного строя со сложным вокализмом; в нем слово состояло уже из корневой морфемы, префикса, аффикса, иногда инфикса, суффикса и флексии; в раннем индоевропейском праязыке методами внешней и внутренней реконструкции выявлены фонемы (дюжина согласных, от одной до пяти гласных) и просодия (четыре тона).

Реконструкция фонетики и просодии раннего индоевропейского праязыка находит ближайшие соответствия и аналоги в праязыках центральноазиатского мира в понимании А. П. Дульзона [61; 62; 63; 64; 65]. Реконструируемое индоевропейское праязыковое состояние, т.е. тоновый индоевропейский праязык, языковой строй такого типа можно было бы локализовать где-то между сино-тибетским и уральским праязыковыми состояниями [60, с. 162–163].

Вследствие территориальной экспансии носителей диалектов индоевропейского праязыка из первичного центра их расселения, произошло отделение сатэмной общности от носителей кентумных диалектов.

Вопрос о локализации первичного центра распространения индоевропейского праязыка (именно праязыка, а не протоиндоевропейского диалекта) и, соответственно, ареала обитания индоевропейского этноса пока остается открытым. Британский исследователь Эндрю Колин Ренфрю в конце 80-х гг. прошлого века сформулировал революционную для гуманитарного знания идею: формирование праязыков известных языковых семей и генезис этносов носителей этих праязыков происходили в центрах «неолитической революции» [66; 67]. С «Плодородным полумесяцем» Передней Азии, в т. ч. с ареалами археологических культур эпохи неолита и энеолита Тель-Халаф и Эль-Убейд, скорее всего, связано выделение из первобытного языкового континуума шумерского, эламского, хаттского языков, хуррито-урартского, семитского праязыков [68; 69; 70; 71, р. 29–139]. Но обособление индоевропейского праязыка из «первобытной языковой непрерывности» и формирование протоиндоевропейского диалекта могло произойти не в ареале ближневосточного «Плодородного полумесяца», а в одном из периферийных центров «неолитизации».

По крайней мере, реконструируемый лексикон раннего индоевропейского праязыка характеризует мир этноса его носителей следующим образом [23; 24; 72, с. 190–251; 73; 74; 75; 76; 77; 78, S. 15–16, 107–108, 111, 198–199, 214–217; 79, S. 446, 482–483, 548, 554, 610, 632–633, 639–640, 653, 691; 80, S. 784, 1118–1120, 1131, 1170]:

- 1) древнейшие индоевропейцы обитали в гористой местности, изобиловавшей лесами, обширными долинами, а также реками, озерами и болотами;

- 2) из рыб им были точно известны лосось и форель (*lak-so-s; *lokso-);
- 3) отсутствие общеиндоевропейского названия для травы (вост.-и.-е. *koi-no-) свидетельствует, что степи не были обычным ареалом проживания индоевропейцев;
- 4) зато известны общеиндоевропейские названия дуба и бука (*deru-; *dreuə: *drū-; *bhāgō-s), пригодных для кормления скота;
- 5) индоевропейцы вели полукочевой образ жизни и занимались перегонным скотоводством и охотой (в т. ч. на диких быков) с использованием собак (*g^uou-, Nom. Sg. *g^ubus, Gen. *g^uous; *k^uon-, *k^un-);
- 6) они разводили в основном овец (*ōi-s, Gen. Sg. *ōiios; uer_cn-);
- 7) из domesticiрованных растений носители индоевропейского праязыка знали ячмень и, возможно, лен (*gherzd(h)-, Gen. *gh^urd(h)-es; *gh^urdā; *bhares-; *lī-no-);
- 8) индоевропейцам были известны обработка меди (*aios-), колесо и повозки (*k^uelo-, *k^uolo-, *k^uek^ulo-, *k^uok^ulo-; *uegh-no-);
- 9) вместо постоянных поселений носители индоевропейского праязыка имели временные сооружения типа краалей, предназначенные для людей и домашнего скота (*domo-, *domu-; *ueik-, *uiġ-, *uiġko-);
- 11) для индоевропейского социума была характерна пуналуальная семья;
- 12) расселение индоевропейцев происходило через обряд, известный в Древней Италии как «Священная весна» (Ver sacrum).

Какому именно локусу ойкумены соответствует реконструируемая картина мира носителей раннего индоевропейского праязыка, еще предстоит выяснить. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что индоевропейский этнос был создателем энеолитической археологической культуры Баден-Пецель-Болераз (ок. 3600–2800 гг. до н. э.) в Среднем Подунавье [81, с. 70–97; 82, с. 196–256; 83; 84; 85; 86; 87]. На формирование Баденской культуры оказала влияние энеолитическая культура Чернавода (ок. 4000–3200 гг. до н. э., ареал — территория современной Румынии) [84; 85; 88, с. 40–64]. В свою очередь, генезис культуры Чернавода связан с экспансией носителей Среднестоговской археологической культуры эпохи энеолита (ок. 4500–3500 гг. до н. э.), распространенной в Днестро-Донском междуречье [89, с. 156–172, 291–320; 90].

В любом случае, мир носителей раннего индоевропейского праязыка не был миром жрецов-сказителей, царей-воителей и свободных общинников, как это рисует теория Ж. Дюмезиля [91]. Мир носителей раннего индоевропейского праязыка был миром воинственных охотников и скотоводов эпохи энеолита. И он был весьма суров. Об этом свидетельствует большое количество индоевропейских глаголов лексико-семантического поля «резать» [73, р. 552–567; 78, S. 107, 133–135, 138, 175–179, 272, 332–333, 338; 79, S. 401–402, 434, 470–471, 541–542, 545, 551, 571, 586, 636, 674, 681–682, 697, 760; 80, S. 818–819, 821, 827–828, 835, 857–858, 865, 895–896, 938–947, 954, 972–973, 974, 977, 985–987, 992–993, 1050, 1071–1073, 1099, 1102, 1108, 1144–1145, 1147, 1163–1164, 1169–1171]. Их насчитывается около 60 (например, *dā-/ *dē- ‘резать, рвать’, *d^hb- ‘резать, заострять’, *gleub^h- ‘резать’, *sek-/ *ke-/ *skē-/ *sē- ‘резать, рвать’, *sueg- ‘резать, колоть’, *tcei- ‘рубить, бить острым инструментом’, *uēn- ‘бить острым, ранить’ и т. д.).

Однако неправильно было бы утверждать, что индоевропейский этнос вообще не создал духовной культуры. Например, истоки поэзии индоевропейских народов явно восходят к эпохе бытования раннего индоевропейского праязыка. Возникновение поэзии связано с обрядами инициаций, во время которых сакральные генеалогические предания передавались старейшинами молодежи племени в устной форме. Иницируемые легче запоминали рифмованные тексты. Собственно поэзия и метрика получили дальнейшее развитие в позднеиндоевропейский период, после разделения носителей кентумных и сатэмных диалектов [21, р. 352–367, 423–441; 92; 93; 94; 95; 96; 97].

Ключевым для характеристики духовной культуры этноса индоевропейцев представляется анализ лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка.

Индоевропейская лексика (общеиндоевропейская и представленная в нескольких группах дочерних языков), связанная с религиозной формой общественного сознания, весьма скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой», т. е. у древнейших индоевропейцев отсутствовало вообще вербальное обозначение могущественной внешней силы, необоримой и много превышающей человеческие возможности. Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить», «хулить» и многие другие.

Единый практически общеиндоевропейский теоним, представленный в индоиранских, балтийских, германских, кельтских, латинском языках, в диалектах эллинского языка, это — *diu-, *dieu-, *deiços ‘of the daylight, дневного света’, *diçinos ‘divine, божественный’, *djuniper ‘juniper, можжевельник’, *djunõna, ‘Iuno, Junona’, *diupater, *dyeuspater ‘Iup(p)iter, Ζεύς πατήρ’, *diut ‘daylight, дневной свет’ [73, p. 1464–1465; 78, S. 183–186; 98, с. 53–54; 99, p. 399, 429–430; 100, S. 1286–1296; 101, p. 497–500; 102, S. 731–732]. Первичное значение данного теонима — «имеющий природу света, дневного света». Обозначаемое — небесная сила, метающая метеориты и молнии. Теоним *diu-, *dieu-, *deiços, *diupater, *dyeuspater тесно сопряжен с термином родства «отец», который выступает устойчивым его определением. Дьеус, таким образом, был включен в генеалогию первичной индоевропейской фратрии, считался всеобщим отцом фратрии.

К сожалению, общеиндоевропейский теоним для женской пары Дьеуса не обнаруживается, а он, судя по всему, существовал изначально. Ясно только, что это был концепт Земли-матери, всеобщей праматери индоевропейского женского рода, сестринства. Ср. др.-инд. dyāvā-bhūmi dual., dyāvā-kṣam dual., dyāvā-kṣāmā dual., dyāvā-ṛṥthivī dual. ‘небо и земля’ [98, с. 53–54; 101, p. 499–500; 103, с. 290].

Широко распространен в нескольких группах индоевропейских языков (индоиранской, славянской, эллинской, латинской) апофонический глагольный корень *iag-, *iæg-, *ig-, *eig- (др.-инд. yāga- & yajati, др.-перс. yaza’tē & yiz; праслав. *jьgra & *jьgrati; др.-греч. ἄγιος & ἀγῦρος; лат. prodigium), первичное значение которого реконструируется в виде «совершать обрядовые действия, ритуальное застолье, ритуальный танец, ритуальные игры и единоборства, священнодействовать», с заметным коллективным, общинным, общенародным характером этих священнодействий [101, p. 839, 850; 79, S. 501–502; 104; 105, S. 235; 106, p. 25–26, 91; 107, S. 304; 108, S. 480–481; 109, S. 368]. Обозначаемое — общинные обряды, танцы, игры, единоборства, общее застолье, приуроченные к определенному месту и времени даже на архаичной стадии «безмолвного богопочитания» [110, с. 65–90, 205–252, 355–388; 111, с. 227–256; 112, с. 196–208, 235–238].

Важное дополнение к обширной литературе о роли института prodigium в религии, политике и словесности Рима сделал А. Е. Кузнецов [113]. Уточнение семантики термина, по его мнению, возможно в результате подправки античного комментатора: “Prodigium..., quod [porro pro] longius [in futurum] dirigit significationem» (Serv. ad Aen. II, 681). Prodigium понимается как чудо или знамение (пророческий сон), указывающее не на любое событие, но предписывающее совершение впредь, в будущем, определенных ритуальных действий [113, с. 276–277, 280–281]. Однако относительно возможной этимологии на базе науки Марка Теренция Варрона А. Е. Кузнецов высказывается отрицательно. С устранением варроновских свидетельств утратятся основания, по которым ago ‘закалывать жертвенное животное’ (в ритуальном смысле ἀγών?) может быть сведено к ago ‘вести, делать’. Восстанавливаемая на основе предлагаемого автором членения *prod-ig-ium самостоятельная лексическая единица -ig- является продолжением и.-е. *iag- ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т. п.’, ср. др.-греч. ἄγ-, др.-перс. yaz-, др.-инд. yaj-, праслав. *jьg- [113, с. 281].

К сожалению, этот корень не представлен в кельтских и германских языках. Но он оказался в древнетюркских надписях, выполненных монументальным «руническим» письмом VIII в. н. э. [114; 115; 116; 117]. Надписи на углах памятника Кюль-тегина также дают пищу для размышления [115, с. 19–55]. В сообщении о принесении в жертву четырех тысяч голов скота привлекает внимание глагол jaǵmīš (jaǵ- ‘приносить жертву’, если это не joǵ- ‘совершать погребение, похороны?’). Он не попал в перечень

общетюркских и межтюркских основ на буквы ж, й [118, с. 55–67]. Предполагаем в данном случае заимствование из буддийского санскрита или индоарийского языка Крорайны (Krogaimna, Лоулань), ср. др.-инд. *yāga-* ‘жертва, пожертвование’ [101, р. 850; 103, с. 528; 119, с. 10–11, 265–273].

И.-е. **dā[i]-* ‘резать жертвенное животное, даровать жертву’ дополняет и.-е. **iag-* ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т. п.’ [78, S. 175–179].

Почти общеиндоевропейский статус имеет лексема **nāus*, косв. пад. **nāu-*, тесно сопряженная с индоевропейским похоронным ритуалом [79, S. 755–756]. Первичные значения: «плавательное судно», «мореплаватель», «смерть, труп», «обиталище, жилище». Обозначаемое: плавательное судно, сколь угодно примитивное (вариант — ладья на колесах), используемое в обряде погребения мертвеца, чаще всего кремации, как на суше, так и в реке или море. Кроме того, этот концепт лежит в основе индоевропейской храмовой архитектуры — нефа (лат. *navis* ‘корабль’, франц. *une nef* ‘корабль’ и *la nef d’église* ‘церковный неф’ в конечном счете восходят к и.-е. **nāus*, ср. др.-греч. *ναός, νηός, νεός* ‘храм’). Индоевропейский концепт **nāus* долго являл пережитки в дочерних традициях от лодки Харона до славянских навьев или навий [112, с. 189–191; 120, с. 271; 121, с. 49–53]. У этого слова есть религиозный аспект в виде названия навьего дня (*навьскыи великъдънь*) — общинного дня поминовения мертвых [120, с. 271; 121, с. 52–53; 122, с. 27–36].

В нескольких группах индоевропейских языков представлены продолжения глагольного корня **bheidh-* ‘убедить, победить, принудить’: скифское царское имя *Ἄριαλειθεός*, *Ἄριαλειθεί*, *Ἄριαλειθης*, *Σταρυαλειθεός* (Herodot. IV, 76; IV, 78) можно толковать, исходя из др.-греч. *πείθω, πείθομαι, πείσσω, πείσομαι* ‘убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться’ [123, с. 255, 295; 124, с. 54–58]. Этот глагол имеет старые религиозные коннотации.

Итак, анализ лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка показывает, что индоевропейская лексика, связанная с религиозной формой общественного сознания, удивительно скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой». Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить» и «хулить» и т. п. Единственный почти общеиндоевропейский теоним — **diu-*, **dieu-*, **deiuos*, **dīupāter*, **dīeuspāter*. Первичное значение данного теонима — «имеющий природу света, дневного света». Обозначаемое — небесная сила, метающая метеориты и молнии. Теоним **diu-*, **dieu-*, **deiuos*, **dīupāter*, **dīeuspāter* тесно связан с термином родства «отец», который выступает устойчивым его определением. Дьеус, судя по всему, был включен в генеалогию первичной индоевропейской фратрии, считался всеобщим отцом фратрии. Общеиндоевропейский теоним для женской пары Дьеуса не обнаруживается, но он, по всей видимости, изначально существовал. Ясно только, что это был концепт Земли-матери, всеобщей праматери индоевропейского женского рода, сестринства. В целом же, религиозные верования носителей раннего индоевропейского праязыка соответствовали архаичной стадии «безмолвного богопочитания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барфру Т. Санскрит: Пер. с англ. — М., 1976.
2. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. — 2-е изд. — М., 2002.
3. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. — 2-е изд. — М., 2004.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: Пер. с фр. — М., 2002.
5. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
6. Ольдерогге Д. А. Эпигамия: Избранные статьи. — М., 1983.

7. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области: Пер. с нем. — 2-е изд. — М., 2003.
8. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. — 2-е изд. — М., 2002.
9. Состор Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. — М., 2000.
10. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. — М., 1988.
11. Толстов С. П. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // КСИЭ. — 1946. — Вып. 1.
12. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. — 1958. — № 1.
13. Griechische und lateinische Sprachwissenschaft / Bearbeitet von K. Brugmann, F. Stolz, J. G. Schmalz, G. Autenrieth, F. Heerdegen, R. Volkmann und H. Gleditsch. — 2 Aufl. — München, 1890.
14. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Ч. 1. — Тбилиси, 1984.
15. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Ч. 2. — Тбилиси, 1984.
16. Герценберг А. Г. Краткое введение в индоевропеистику. — СПб., 2010.
17. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
18. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). — Л., 1967.
19. Krabe H. Indogermanische Sprachwissenschaft. — Berlin, 1943.
20. Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. — L., 1992.
21. Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. — Oxford, 2006.
22. Meringer R. Indogermanische Sprachwissenschaft. — 3 Aufl. — Leipzig, 1903.
23. Schrader O. Die älteste Zeittheilung des indogermanischen Volkes. — Berlin, 1878.
24. Schrader O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. — Jena, 1883.
25. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. — Л., 1986.
26. Beekes R. S. P. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. — Amsterdam; Philadelphia, 1995.
27. Вийтсо Т.-Р. Спорные проблемы уралоистики, важные для ностратики // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
28. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 1: Введение. Сравнительный словарь (b—q). — М., 1971.
29. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 2: Сравнительный словарь (l—z). Указатели. — М., 1976.
30. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). — Т. 3: Сравнительный словарь (p—q) (по карточкам автора). — М., 1984.
31. Пейрос И. И. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток: Этнокультурные связи. — М., 1988.
32. Пейрос И. И. Лингвистические аспекты изучения древнейшей этнической истории Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. — М., 1990.
33. Поленова Г. Т. Енисейско-ностратические параллели в области местоименных слов // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
34. Смирнов Ю. И. Ностратические исследования и фольклор // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.

35. *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.) / Институт востоковедения АН СССР. — Ч. 1. — М., 1989.
36. *Герентьев В. А.* Ностратические этимологии // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
37. *Герентьев В. А.* Ностратические этимологии // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тез. докл. — М., 1991.
38. *Хелимский Е. А.* К топохронологии уральско-алтайских этноязыковых связей // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тез. докл. — М., 1991.
39. *Яхонтов С. Е.* В защиту аустро-тайской гипотезы // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». — М., 1977.
40. *Яхонтов С. Е.* Прародина ностратических языков // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика»: Тезисы докладов. — М., 1991.
41. *Серебрянников Б. А.* Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы? // ВЯ. — 1986. — № 3.
42. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистуку. — Ижевск, 1997.
43. *Напольских В. В.* Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова). — М., 2010.
44. *Хайду П.* Уральские языки и народы: Пер. с венг. — М., 1985.
45. *Вишняцкий А. Б.* Происхождение языка: Современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // ВЯ. — 2002. — № 2.
46. *Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. — М., 1985.
47. *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху: Пер. с англ. — М., 1986.
48. *Бутинцов Н. А.* Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). — СПб., 2000.
49. *Народы мира: Этнографические очерки. Народы Австралии и Океании.* — М., 1956.
50. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культуры. — 2-е изд. — М., 1985.
51. *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации.* — Ч. 1: Месопотамия. — М., 1983.
52. *Молчанов А. А.* Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). — М., 1992.
53. *Канева И. Т.* Шумерский язык. — 2-е изд. — СПб., 2006.
54. *Thomsen M.-L.* The Sumerian Language: An Introduction to Its History and Grammatical Structure. — Copenhagen, 1984.
55. *Иванов В. В.* Хеттский язык. — 2-е изд. — М., 2001.
56. *Бомхард А. Р.* Пересмотр индоевропейско-семитской гипотезы // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
57. *Бомхард А. Р.* Придыхательные смывные в праиндоевропейском // ВЯ. — 1992. — № 2.
58. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I—IV. — М., 1989.
59. *Freu J.* Histoire du Mitanni. — P., 2003.
60. *Герценберг А. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. — Л., 1981.
61. *Быконя В. В., Кузнецова Н. Г.* Самодийское направление лингвистической школы А. П. Дульзона // ВЯ. — 2000. — № 3. — С. 12 — 20.
62. *Галкина Т. В., Осипова О. А.* А. П. Дульзон и его школа // ВЯ. — 2000. — № 3.
63. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 3. — Томск, 1970.
64. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 4. — Томск, 1971.
65. *Дульзон А. П.* Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 5. — Томск, 1972.

66. Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages // Scientific American. — 1989. — № 10.
67. Renfrew C. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. — N. Y.; Cambridge; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.
68. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока: Пер. с англ. — М., 1982.
69. *Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East.* — Chicago, 2010.
70. Lamberg-Karlovsky C. The Proto-Elamites on the Iranian Plateau // Antiquity. — 1978. — Vol. 205.
71. *The Archaeology of Western Iran: Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest.* — Washington; L., 1987.
72. Йорданов Ст. Проблеми на потестарно-политическата и историческата етнология. — Ч. 1. — Велико Търново, 2009.
73. Bueck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. — Chicago; L., 1988.
74. Gubernatis A. de. Zoological Mythology or the Legends of Animals. — Vol. 1. — L., 1872.
75. Gubernatis A. de. Zoological Mythology or the Legends of Animals. — Vol. 2. — L., 1872.
76. Gubernatis A. de. La mythologie des plantes ou les légendes du royaume végétale. — T. 1. — P., 1878.
77. Gubernatis A. de. La mythologie des plantes ou les légendes du règne végétale. — T. 2. — P., 1882.
78. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. I. — Bern; München; Wien, 1959.
79. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. II. — Bern; München; Wien, 1959.
80. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bd. III. — Bern; München; Wien, 1959.
81. История Европы. — Т. 1: Древняя Европа. — М., 1988.
82. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. — М., 1973.
83. Титов В. С. Совместные исследования советских и венгерских археологов в Венгрии // КСИА. — Вып. 180. — М., 1984.
84. Bondár M. Thoughts on Continuity (The Baden culture) // Antaeus. 19–20 (1990–1991). — Budapest, 1991.
85. Bondár M. Contacts of the Early Period of the Baden Culture in the Light of a Unique Vessel Type (The problem of the so-called Bratislava type bowls) // Antaeus. 25 (2002). — Budapest, 2002.
86. Häusler A. Der Ursprung des Wagens in der Diskussion der Gegenwart // Archäologische Mitteilungen in der Nordwestdeutschland. — Heft 15. — Oldenburg, 1992.
87. *The Baden Complex and the Outside World* / Edited by M. Furholt, M. Szmyt and A. Zastawny, in cooperation with E. Schalk. — Bonn, 2008.
88. Федоров Г. Б., Полевой А. А. Археология Румынии. — М., 1973.
89. Археология Украинской ССР. — Т. 1: Первобытная археология. — К., 1985.
90. Телегин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.
91. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев: Пер. с фр. — М., 1986.
92. Елизафенкова Т. Я. Об искусстве ведийских риши // Переднеазиатский сборник. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. — М., 1986.
93. Майрхофер М. Санскрит и языки древней Европы: Два века открытий и диспутов // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
94. Топоров В. Н. Indo-Iranica: к связи грамматического и мифо-ритуального // Переднеазиатский сборник. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. — М., 1986.

95. Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
96. Уэст М. Л. Индоевропейская метрика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
97. West M. L. Indo-European Poetry and Myth. — Oxford, 2007.
98. Елизаренкова Т. Я. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа: Избранные гимны / Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1972.
99. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. — Т. 2. Е—К. — Р., 1970.
100. Holder A. Alt-Celtischer Sprachschatz. — Bd. I. — Graz, 1961.
101. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged, with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. — Oxford, 1960.
102. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — 3 Aufl. — Bd. I: A—L. — Heidelberg, 1938.
103. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — 2-е изд. — М., 1987.
104. Жуйкова М. В. Праславянский глагол *jьgrati: Прототипическая референция и семантика // Международная конференция «Северное Причерноморье: К истокам славянской культуры». VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева: Материалы (Феодосия, 10–15 сентября 2012 г.) / Институт русского языка РАН, Институт языковедения НАНУ. — К.; М.; Феодосия, 2012.
105. Bartholomae Cbr. Handbuch der altiranischen Dialekte (kurzgefasste vergleichende Grammatik, Lesestücke und Glossar). — Leipzig, 1883.
106. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. — Т. 1. А—Д. — Р., 1968.
107. Geiger W. Handbuch der Awestasprache. Grammatik, Chrestomathie und Glossar. — Erlangen, 1879.
108. Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. — Heidelberg, 1909.
109. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — 3 Aufl. — Bd. II: M—Z. — Heidelberg, 1954.
110. Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. — М., 1989.
111. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990.
112. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. — 2-е изд. — М., 2003.
113. Кузнецов А. Е. Древняя этимология латинского *prodigium* (Varro Fr. 440 Funaioli) // *Hrdā mānasā*: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга. — СПб., 2005.
114. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб., 2006.
115. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.
116. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. — М.; Л., 1952.
117. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959.
118. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Э. В. Севортян, А. С. Левитская. — М., 1989.
119. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории / Под ред. С. А. Тихвинского, Б. А. Литвинского. — М., 1988.
120. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. / В. Я. Петрухин и др. — М., 1995.
121. ЭССЯ. — Вып. 24: *navijati(ṣę) / *navivati(ṣę) — *perodimъ(jь). / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1997.
122. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. — М., 2003.
123. Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология. 2009–2011. — М., 2012.
124. ЭССЯ. — Вып. 2: *bez — *bratъ / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1975.

Резюме

Чередниченко А. Г. *Про релігію стародавніх індоєвропейців (за підсумками аналізу лексико-семантичного поля «релігія» ранньої індоєвропейської прамови)*

Стаття присвячена аналізу лексико-семантичного поля «релігія» ранньої індоєвропейської прамови. Аналіз показує, що індоєвропейської лексики, яка пов'язана з релігійною формою суспільної свідомості, дуже мало. Відсутні загально індоєвропейські лексеми «бог», «дух», «душа», «сила», «святий». Пізніє ареальне гетерогенне походження мають індоєвропейські дієслова «молити(ся)», «жертвувати», «співати», «хвалити», «хулити» й т. п.

Ключові слова: релігія, теонім, лексико-семантичне поле, рання індоєвропейська прамова, «мовчазне богопоклоніння».

Резюме

Чередниченко А. Г. *О религии древних индоевропейцев (по итогам анализа лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка)*

Статья посвящена анализу лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка. Указанный анализ показывает, что индоевропейская лексика, связанная с религиозной формой общественного сознания, скудна. Отсутствуют общеиндоевропейские лексемы «бог», «дух», «душа», «сила», «святой». Позднее ареальное гетерогенное происхождение имеют индоевропейские глаголы «молить(ся)», «жертвовать», «петь», «хвалить», «хулить» и т. п.

Ключевые слова: религия, теоним, лексико-семантическое поле, ранний индоевропейский праязык, «безмолвное богопочитание».

Summary

A. Cherednichenko. *About the Religion of the Ancient Indo-Europeans (Resulting from the Analysis of the Lexical-Semantic Field “Religion” of the Early Indo-European Proto-Language)*

The article is devoted to analysis of the lexical-semantic field “religion” of the Early Indo-European proto-language. The analysis shows that the Indo-European lexicon, related to the religious form of public consciousness, is scarce. There are no common Indo-European lexemes “god”, “spirit”, “soul”, “power” and “saint”. The Indo-European verbs “to pray”, “to sacrifice”, “to sing”, “to praise” and “to blaspheme”, etc. have later areal heterogeneous origin.

Key words: religion, theonym, lexical-semantic field, the Early Indo-European proto-language, “silent worship of gods”.

А. Л. Зелинский

Еще раз о Коринфе и учреждении культа Птолемея I на Родосе¹

В рамках VIII международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины», проходившей 9–10 ноября 2012 г. в Харькове, мною был прочитан доклад на тему: «Возможная причина воздаяния божеских почестей Птолемею Сотеру родосцами». Почти в это же время данная тема нашла свое отображение и на страницах моей публикации «Обожнения Птолемея I родосцами: співвідношення заслуг і винагороди», увидевшей свет в декабрьском номере журнала «Східний світ» за тот же год. В рамках вышеупомянутых доклада и публикации мною было оспорено общепринятое представление о причине учреждения родосцами культа в честь царя Египта Птолемея I Сотера. Согласно данному представлению, Птолемей был удостоен божеских почестей в знак признательности за довольно ограниченную материальную и военную помощь, оказанную последним во время осады упомянутой островной республики, проводимой в 305–304 гг. до н. э. Деметрием Полиоркетом [1, S. 109–110; 2, S. 339; 3, p. 51–52; 4, p. 170; 5, S. 58; 6, p. 271–273; 7, p. 22, 93; 8, S. 191; 9, S. 92; 10, p. 355–356; ср.: 11, с. 108 прим. 58]². Согласно же предложенной мною гипотезе, первоочередную причину обожествления александрийского властителя следует усматривать в передаче им во владение тогдашнему правителю Македонии Кассандру города Коринфа; исходя из воссозданной мной реконструкции событий, именно данная уступка побудила Кассандра к активизации боевых действий в Аттике, что, в свою очередь, вынудило Деметрия прекратить осаду Родоса и заняться греческими делами. Таким образом,

¹ Выражаю искреннюю признательность канд. ист. наук К. Ю. Нефедову (Харьков) за горячее участие в обсуждении данного сюжета. При этом, ответственность за все выводы, сделанные на страницах этой публикации, несу исключительно я.

² Предположение К. Ю. Нефедова, согласно которому помощь Птолемея родосцам послужила островитянам лишь поводом для приравнивания дружественного им правителя и выгодного экономического партнера к Антигону Монофталму и сыну последнего, вышеупомянутому Деметрию Полиоркету [11, с. 109–111], представляется мне неудовлетворительным. Как верно отметил в частном письме сам харьковский исследователь, родосцы, чье благосостояние базировалось на посреднической торговле, были заинтересованы в возникновении на развалинах империи Александра Великого как можно большего количества независимых государств. Исходя из этого, в свете теории К. Ю. Нефедова, родосцы должны были бы способствовать обретению божественного статуса всеми претендентами на наследие Александра. Однако, как известно, этого не произошло. Кассандр и Лисимах, подобно Птолемею претендовавшие на царский статус [12, S. 93–107; 13, p. 74–75; 14, p. 172–175; 15, p. 56–57; 4, p. 160–161; 7, p. 20–22; 8, S. 184–185, 191], в благодарность за оказанную ими во время осады материальную помощь, были удостоены родосцами лишь тривиального воздвижения статуй (Diod. XX. 100).

совершенно экстраординарное деяние Птолемея, по сути, спасшее Родос, вполне могло в глазах жителей острова подпадать под определение божественного [16, с. 50–51; 17, с. 49–55].

К сожалению, уже после появления публикации в «Східному світі», мною был обнаружен еще один небезинтересный аргумент в пользу вышеупомянутой гипотезы, делающий ее более обоснованной. Речь идет об одном из элементов так называемой Великой Процессии, организованной сыном и приемником Птолемея I Сотера, Птолемеем II Филадельфом во время одного из празднеств, раз в четыре года проводившихся в память основателя династии¹. Рассказ об упомянутой процессии, составленный Калликсеном Родосским, дошел до нас в пересказе Афиней из Навкратиса (Athen., V, 196a–203b). Как мы знаем, данное действо включало в себя ряд церемониальных и религиозных шествий (Ibid., V, 197c–202f), демонстрацию экзотических животных (Ibid., V, 200c–201c, 201f), военный парад (Ibid., V, 202f–203a), различные состязания (Ibid., V, 203a), массовую раздачу угощений простому люду [ср.: 18, р. 29, 31, 35, 190; 19, р. 370–371], а также праздничный банкет, устроенный царем для почетных гостей фестиваля (Athen., V, 196a–197c), прибывших из разных уголков эллинской ойкумены [ср.: 18, р. 31–34, 150, 182–183; 19, р. 369–370, 372, 378].

В современной историографии, события, описанные родосским писателем, как правило, относят к одному из первых трех фестивалей, проводимых в честь Птолемея Сотера, припадавших, соответственно, на 279/278, 275/274 и 271/270 гг. до н. э. [18, р. 183–185; 20, р. 90–104; 19, р. 381–388; 7, р. 39; 8, S. 323; 21, р. 2 not. 5–6; 22, р. 406 not. 17; 23, р. 156 not. 25; 24, р. 65 not. 42]². По моему же мнению, наиболее вероятным является второй вариант датировки [ср.: 20, р. 90–104; 7, р. 39; 8, S. 323]. С одной стороны — на это указывает отсутствие в описании процессии какого-либо упоминания о женах Птолемея II — Арсиное I (Schol. Theocr., 17, 128; Paus., I, VII, 3) и Арсиное II (Cal. {ed. Pfeiffer}, Fr. 392; Theocr. Idyl., XVII; P. Haun. № 6, fr. 1; Schol. Theocr., 17, 128; Paus., I, VII, 1; 3; IX, XXXI, 1; Plut., Quaest. Conv., IX, I, 2; idem, De Lib. Ed., 14; Lucian., Icar., 15; Herodian., I, III, 3; Athen., XIV, 620f–621a), свидетельствующее о том, что интересующее нас событие происходило в период между первым и вторым браками александрийского властителя [ср.: 18, р. 39–43, 202–208; 27, S. 202–205]³; с другой

¹ Детальнее об учреждении и характере этого праздника, именуемого Пентетерии либо Птолемайя, см. нп: [25, S. 50–56; 19, р. 365–388; 8, S. 320–321].

² По мнению Р. Хеззерда, Великую Процессию Птолемея Филадельфа следует датировать 262-м г. до н. э. [26, р. 47–81]. Однако, данное предположение равно, как и вся гипотеза Р. Хеззерда об учреждении Филадельфом в 263/262-м г. до н. э. Эры Сотера [26], частью которой оно является, пестрит натяжками и сугубо умозрительными построениями [ср.: 11, с. 118; а также прим. 2 на стр. 23 данной статьи].

³ Развод Птолемеем II с Арсиноей I (Schol. Theocr., 17, 128; ср. Diog. Laert., VII, 186) вероятно состоялся ближе к концу 275 г. до н. э. Во всяком случае, на основании одной из кипрских надписей, датированной 11-м годом царствования Птолемея II (275/274 г. до н. э.), можно судить, что на тот момент или немногим ранее она еще пребывала в качестве царской супруги. В пользу данного положения вещей свидетельствует то обстоятельство, что автор надписи, некий Ятонбаал, ставит себе в заслугу жертвоприношение, сделанное им ранее за Птолемея II и за его жену [30, р. 71–72; ср.: 31, р. 188–189]. В свою очередь, Арсиноя II впервые названа супругой упомянутого александрийского властителя лишь в связи с событиями 274/273 г. до н. э., когда она, согласно свидетельству Первой Пифомской стелы, сопровождала Птолемея II во время инспектирования военных укреплений на восточной границе Египта [18, р. 42; 20, р. 102; 32, S. 53; 7, р. 40; 8, р. 269; ср. 34, р. 158 not. 32]. Отсутствие же упоминаний Арсинои II во время подобных торжеств, состоявшихся после ее смерти — 270 или 268 гг. до н. э. [27, S. 287, 328; 33, р. 139–150; 34, р. 104–105, 168 not. 192–194, 169 not. 2] — ввиду беспрецедентного распространения культа последней [34, р. 106–134], также представляется маловероятным.

же стороны, присутствие в оформлении шатра, предназначенного для царского пира с привилегированными гостями фестиваля, позолоченных щитов галатского типа (Athen., V, 196f) [ср.: 28, S. 136; 29, p. 175–177]¹, символизирующее подавление Птолемеем II мятежа галатских наемников, имевшего место во второй половине 275-го г. до н. э. (Cal., Numn., IV, 186–187; Schol. In Cal., IV, 175–187; Paus., I, VII, 2)².

Заинтересовавший меня фрагмент описания Великой процессии Птолемея Филадельфа выглядит следующим образом: «Следом — на четырехколесной повозке — везли Диониса-просителя, спасающегося от преследований Геры у алтаря Реи. Он был в золотом венке; рядом стоял в золотом венке из плюща Приап. На статуе Геры была золотая диадема. Далее стояли статуи Александра и Птолемея, стоявшие на площадях венками из золота. Статуя Добродетели, стоявшая близ Птолемея, была увенчана золотым венком из листьев оливы. Приап, стоявший подле них, также был увенчан золотым венком из плюща. Возле Птолемея стояла также статуя города Коринфа, увенчанная золотой диадемой. Рядом стоял поставец для киликов, полный золота, а также золотой кратер, вмещавший пять метретов. За этой колесницей шли женщины в нарядных плащах с дорогими украшениями — они олицетворяли города: некоторые — ионийские, а остальные — те эллинские, которыми прежде в Азии и на островах владели персы. Все они были в золотых венках» (Athen., V, 201c–e).³

В современной историографии существует несколько вариантов интерпретаций, целью которых является объяснение значения всей вышеперечисленной тематической группы в целом и персонификации Коринфа в частности. Так, наиболее распространенным объяснением появления образа Коринфа, сопровождаемого персонификациями эллинских полисов, идущими за колесницей, является его непосредственная связь со знаменитым Коринфским союзом времен Филиппа II и Александра Великого [39, p. 219–220; 40, p. 60–61; 5, S. 318; 19, p. 375; 7, p. 39; 41, p. 237; ср.: 18, p. 102–107, 190–191; 8, S. 322 Anm. 135; 27, S. 145 Anm. 379]. Существует также точка зрения, согласно которой нахождение персонификации Коринфа рядом со статуей Птолемея I следует связывать с балканской кампанией, осуществленной последним в 308-м г. до н. э. и, собственно, позволившей ему на несколько лет овладеть вышеупомянутым полисом [18, p. 106–107; 20, p. 91]⁴. Кроме того, следует упомянуть еще одну, весьма причудливую интерпретацию, исходя из которой, на колеснице изображалась аллегория совершения Птолемеем I выбора между достойной и порочной жизнью⁵; при этом Коринф, известный своими гетерами, должен был олицетворять собой сладострастие [ср.: 18, p. 103–104; 19, p. 375 not. 39].

Однако ни одна из вышеприведенных интерпретаций, на мой взгляд, не является достаточно обоснованной. Прежде всего, как будет показано ниже, какой-либо акцент

¹ Я благодарен канд. ист. наук Ю. Н. Кузьмину (Самара), обратившему мое внимание на данное обстоятельство.

² Детальнее об этом событии см. [35, p. 170–171, 184–191; 13, p. 145–146; 36, p. 416; 37, p. 35–38; 5, S. 305–307; 7, p. 39]. О возможности более поздней его датировки см.: [8, S. 266–269; 38, p. 300].

³ Вышеприведенный перевод принадлежит Н. Т. Голинкевичу (Афиней. Пир мудрецов. В 15 кн. — М., 2004). Оригинальный текст и английский перевод данного фрагмента можно найти в работе Э. Райс «Великая процессия Птолемея Филадельфа» [18, p. 18–21]. Также мною использовался английский перевод, сделанный Ч. Янгом (1857 г.).

⁴ Подробнее об этой кампании см. (SIG, № 390; Diod., XX, 37; Plut., Demetr., 15; Polyaeon., VIII, 58; Diog. Laert., II, 115), а также [42, S. 186–188; 43, S. 49; 44, с. 47–48; 13, p. 69; 4, p. 145–146, 148; 7, p. 19; 8, S. 177].

⁵ Именно такой выбор, согласно истории, приписываемой Продику, якобы должен был сделать Геракл (Xen., Mem., II, 1, 21–32).

на политической или стратегической роли Коринфа играл бы не столько на руку Птолемеям, сколько на руку их потенциальным, а зачастую и реальным политическим конкурентам — Антигонидам.

Так, коннотации, связанные с Коринфским союзом представляются неуместными на основании того факта, что последняя на тот момент попытка возрождения данного политического образования, имевшая место в 302 г. до н. э. [8, S. 194; 15, p. 57], была осуществлена отнюдь не Птолемеем I¹, а недругом Египта — вышеупомянутым Деметрием Полиоркетом (Plut., Demetr., 25). Кроме того, я не вижу оснований для утверждения, согласно которому, персонификации полисов, следовавшие за колесницей (см.: выше), олицетворяли собой членов Коринфского союза времен Александра [ср.: 18, p. 103]. В частности, отсутствуют доказательства в пользу вхождения в состав данного образования малоазиатских и значительной части островных полисов [45, с. 109–110, 158–159; ср.: 18, p. 103]. На мой взгляд, присутствие в процессии Филадельфа полисов, поработанных в свое время Ахеменидами, следует рассматривать как пропагандистский намек на новых «персов», коими александрийский властитель мог изображать враждебное ему государство Селевкидов [ср.: 46, с. 24–25]², которым в то время правил сын иранки Апамы, Антиох I [ср.: 47, p. 151; 48, p. 24–26; 49, 118–119]³.

Не представляется убедительной и попытка связать персонификацию Коринфа с балканской экспедицией, осуществленной Птолемеем в 308 г. до н. э. Как известно, данное мероприятие, несмотря на кратковременное установление птолемеевского господства над Коринфом (см.: выше), в целом завершилось провалом (Diod., XX, 37). Кроме того, в середине 270-х гг. до н. э. Коринф находился во власти сына Деметрия Полиоркета — Антигона Гоната [14, p. 269–270; 19, p. 375; 54, с. 82–83], ставшего незадолго до этого зятем и потенциальным союзником вышеупомянутого Антиоха Сотера [ср.: 55, S. 33; 44, с. 179; 53, с. 66; 14, p. 251; 49, p. 178, 194, not. 50; 52, p. 82].

Версия же об изображении на колеснице аллегорической композиции, якобы представляющей сцену, в которой Птолемей I, подобно Гераклу, выбирает между добродетелью {Арете} и пороком, как правило, вообще не принимается всерьез подавляющим большинством исследователей [ср.: 18, p. 103–104]. Причиной тому, в первую очередь, является отсутствие на колеснице собственно изображения порочности {Какиа}, долженствовавшей, исходя из истории о Геракле, противостоять присутствующей там добродетели [18, p. 104]. Кроме того, образ находящегося там же бога плодородия, Приапа, начал повсеместно ассоциироваться с сексуальной разнужданностью несколько позже описываемых здесь событий [ср.: 18, p. 107–108]. И наконец, наличие у персонификации Коринфа такого значительного атрибута, как диадема, автоматически ставит упомянутую фигуру выше каких-либо игривых или же малопристойных аллюзий, связанных с гетерами [18, p. 104–105].

Таким образом, проблема, связанная с интерпретацией композиции, представленной на колеснице, равно как и с объяснением присутствия там персонификации Коринфа, до сих пор остается нерешенной. Данное обстоятельство дает мне право рассмотреть упомянутую композицию в свете предложенной ранее гипотезы об основной причине обожествления Птолемея I родосцами. На возможность подобной взаимосвязи могут указывать ряд нижеприведенных факторов.

¹ Разумеется, в случае, если Птолемей I, вообще, имел намерение возродить Коринфский союз [ср.: 50, S. 216; 51, S. 137f anm. 34; 8, S. 177 anm. 642], в чем я лично не уверен.

² Об истоках вражды между Птолемеями и Селевкидами см.: (Polyb., V, 67; Diod., XX, 113., XXI, 1; Paus., I, VI, 8), а также: [7, p. 22–23; 8, S. 198–200; 52, p. 34–35, 37–38].

³ Подобная интерпретация представляется особенно уместной, если учесть, что как раз на середину 270-х гг. до н. э. приходится начало I Сирийской войны, в которой государство Селевкидов противостояло птолемеевскому Египту (Paus., I, VII, 1–3), см. также: [13, p. 144–149; 53, с. 69–74; 32, S. 51–57; 7, p. 38–40; 8, S. 265–271; 52, p. 81–87].

Во-первых, следует учесть, что несмотря на всю многогранность и разноплановость Великой процессии, центральной ее фигурой, равно как и основным объектом александрийских пентетерий вообще (SIG, № 390; SEG, XLIX, № 113, 55–56), был именно обожествленный Птолемей I [20, р. 100–101; 19, р. 366, 369, 378; ср.: 18, р. 182–186; 26, р. 47–81; также см. прим. 3]. Во-вторых, статуя основателя александрийской династии, водруженная на упомянутую колесницу, находилась в окружении ряда божеств (Диониса, Приапа, Геры и обожествленного Александра Великого¹ — Athen., V, 201c–d), а также сосудов (Ibid., V, 201d), вероятно предназначенных для жертвенных возлияний. Таким образом, данную композицию, скорее всего, следует рассматривать как олицетворение причастности Птолемея I к сонму небожителей. В-третьих, обращает на себя внимание присутствие рядом со статуей основателя александрийской династии изображения даймонессы Арете (Ibid., V, 201d), чьим отцом, согласно древнегреческой мифологической традиции, был некий даймон по имени Сотер (Suda {ed. Adler}, pi, 2212) [ср.: 56, р. 57–58]; при этом, следует иметь в виду, что именно эпиклесой «Сотер» (Спаситель) царь Египта был наделен благодарными родосцами наряду с божественным статусом (Paus., I, VI, 8; также см. выше)². В-четвертых, единственным «пассажиром» интересующей нас колесницы, не несущим в себе никаких божественных коннотаций, является именно Коринф. В частности, Э. Райс обратила внимание на то обстоятельство, что данная персонификация призвана была изображать собственно город, а не его одноименного героя — одного из сыновей Зевса [18, р. 108–109]³. И, наконец, в-пятых, процессия должна была продемонстрировать миру величие и процветание государства Птолемеев и могущество его властителей [ср.: 18, р. 190; 19, р. 380]; при этом, если для рядовых зрителей было достаточно таких простых и общепонятных вещей как пышные шествия, демонстрация экзотических животных, военный парад и т. д. (см. выше), то для образованных представителей полисных элит, прибывших на александрийское празднество в качестве официальных священных послов — феоров [ср. Нп: 18, р. 31–34, 150, 182–183, 190; 19, р. 369–370, 372, 378], утонченный интеллект, Птолемей Филадельф (Ael., Var. Hist., IV, 15), мог использовать более замысловатые образы и аллегории⁴.

Одна из таких аллегорий, по моему мнению, и была представлена на интересующей нас колеснице⁵. Ее содержание должно было напомнить представителям полисных элит о роли Коринфа в обретении основателем александрийской династии

¹ В частности, о культе Александра Великого в Александрии см. нп: [57, с. 251–252, 310–311 прим. 271–283].

² Р. Хеззерд в ряде своих работ попытался оспорить наличие взаимосвязи между обретением Птолемеем I эпиклеса «Сотер» и осадой Родоса [58, р. 52–56; 26, р. 1–81; ср.: 10, р. 356 not. 1; 56, р. 55–56], однако К. Джонсон и К. Ю. Нефедов, на мой взгляд, привели довольно весомые контраргументы, опровергающие умопостроения вышеупомянутого исследователя [6, р. 271–273; 60, р. 102–106; 60, р. 112–116; 11, с. 118–119].

³ Об эпонимном герое Коринфа см.: (Paus., II, I, 1).

⁴ Не исключаю, что с помощью этого нехитрого приема, царь рассчитывал завоевать расположение своих знатных гостей, давая им понять, что относит их к представителям своего интеллектуального уровня. В этом же контексте не лишним будет вспомнить, что Филадельф всегда старался окружить особым вниманием и заботой высокопоставленных визитеров, прибывавших к александрийскому двору из различных государств эллинской ойкумены, таким образом бесспорно желая расширить сферу своего политического влияния. Среди упомянутых царских гостей можно назвать молодого правителя Сикиона, Арата (Plut., Arat., 11–13, 15; ср.: Cic., De Of., II, 82), а также послов боспорского царя Перисада II и аргосских феоров, посетивших Египет в 254-м г. до н. э. (P. Lond., VII, № 1973) [ср.: 8, р. 300, 302].

⁵ Во всяком случае, можно предположить, что данные аллегории были представлены на всех помостах и колесницах, относящихся к шествию в честь Диониса (ср.: Athen., V, 220b–201e), считавшегося божественным предком династии Птолемеев (ср. OGIS, № 54), а также: [19, р. 378].

божественного статуса и эпиклеса Сотер¹; а также о том, что для Птолемея, в отличие от прочих эллинистических властителей, благо союзников всегда было и остается более важным, нежели приумножение собственных владений².

ЛИТЕРАТУРА

1. *Habicht Ch.* Gotmenschentum und griechische Stäaete. — München, 1970.
2. *Hauben H.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B. C. // *Historia*. — 1977. — Bd. 26.
3. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // *Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World*. — Berkeley; L. A.; Oxf., 1993.
4. *Billows R.* Antigonos the One-eyed and the creation of the hellenistic state. — (2 ed.) — Berkeley, 1997.
5. *Weber G.* Dichtung und hoefische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemaeer. — Stuttgart, 1993.
6. *Johnson C.* Ptolemaic Royal Titulature in Royal and Civil Documents (304–116 B. C.). Diss... Doct. Phil. — Toronto, 1994.
7. *Hoelbl G.* A History of the Ptolemaic Empire: Transl. from germ. — L.; N. Y., 2001.
8. *Huss W.* Aegypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. — München, 2001.
9. *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie: Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. — B., 2002.
10. *Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries Between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). — Athens, 2008.
11. *Нефедов К. Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // Из истории античного общества. — 2009. — В. 12.
12. *Mueller O.* Antigonos Monophthalmos und “Das Jahr der Koenige”. — Bonn, 1973.
13. *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.): in 2 v. V. 1. — (2 éd.). — Nancy, 1979.
14. *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia: in III v. V. III. — Oxf., 1988.
15. *Walbank F. W.* The Hellenistic World. — (2 ed.). — Cambridge (Mass.), 1993.
16. *Зелинский А. А.* Возможная причина воздаяния божеских почестей Птолемею Сотеру родосцами // Проблемы історії та археології України. Матеріали VIII міжнародної наук. конф. (9–10 листопада 2012 року. Харків). — Х., 2012.
17. *Зелинський А. А.* Обоження Птолемея I родосцями: співвідношення заслуг і винагороди // СхСв. — 2012. — № 4.
18. *Rice E.* The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. — Oxf., 1983.
19. *Thompson D. J.* Philadelphus’ Procession: Dynastic Power in the Mediterranean Context // *Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World* / Ed. by L. Mooren. — Leuven, 2000.

¹ Отсутствие в интересующем нас пассаже каких-либо аллюзий на Родос можно объяснить фрагментарным характером изложения Афиняя, а также тем обстоятельством, что сам Калликсен Родосский не был ни очевидцем, ни даже современником описываемых событий [ср.: 18, р. 112–110, 134–176]. В частности, не исключено, что именно персонификация полиса родосцев возглавляла шествие островных и малоазиатских городов, некогда подвластных персам (ср.: Athen., V, 201d-e).

² В этой связи стоит упомянуть, что сам Филадельф как минимум дважды дарил союзным ему полисам земельные владения. Так, в 279/278 г. до н. э. подобный подарок получил Милет (SIG, № 322; RC, № 14) [ср.: 7, р. 38; 8, S. 262], а несколько позднее — Византий (Dion. Byz., 41) [ср.: 61 S. 291–292; 62, с. 103–111].

20. *Foertmeyer V.* The Dating of the Pompe of Ptolemy // *Historia*. — 1988. — Bd. 37.
21. *Hunter R.* (ed.) *Theocritus Encomium of Ptolemy Philadelphus*. — Berkeley: L.; L. A., 2003.
22. *van Oppen de Ruiter B.* The religious identification of Ptolemaic queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis: Dis. Doct. Phil. — N. Y., 2007.
23. *Mori A.* Piety and Diplomacy in Apollonius' *Argonautica* // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / ed. P. McKechnie, Philippe Guillaume. — Leiden; Boston, 2008.
24. *Constantakopoulou C.* Identity and resistance: The Islanders' League, the Aegean islands and the Hellenistic Kings // *Mediterranean Historical Review*. — 2012. — № 1.
25. *Dreyer B.* Der Beginn der Freiheitsphase Athens 287 v. Chr. und das Datum der Panathenaen und Ptolemaia im Kalliasdekret // *ZPE*. — 1996. — Bd. 111.
26. *Hazzard R.* Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda // *Phoenix*. — (suppl.). — 2000. — V. 37.
27. *Mueller S.* Das hellenistische Koenigspaar in der medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. — B.; N. Y., 2009.
28. *Laubscher H.* Ein ptolemaisches Gallierdenkmal // *Antike Kunst*. — 1987. — Bd. 30.
29. *Cavagna A.* L'oro dei Theoi Adelphoi // *Nova vestigia antiquitatis*. — 2008. — Quaderni di Acme. 102.
30. *Bennett Cb.* Three Notes on Arsinoe I // *A Delta-Man in Yebu* / Ed. A. Eyma, Ch. Bennett. — Parkland, 2003.
31. *Teixidor J.* Ptolemaic Chronology in the Phoenician Inscriptions from Cyprus // *ZPE*. — 1988. — Bd. 71.
32. *Winnicki J.-K.* Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. — Warszawa, 1989.
33. *van Oppen de Ruiter B.* The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered // *ZPE*. — 2010. — Bd. 174.
34. *Carney E. D.* *Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity)*. — Oxf., 2013.
35. *Nachtergaeel G.* Les Galâtes en Grèce et les Sôtéria de Delphes. — Bruxelles, 1977.
36. *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // *The Cambridge Ancient History*. — 1984. — Vol. VII. — Part. 1.
37. *Mastrocinque A.* "Guerra di successione" e Prima guerra di Ceesiria un falso moderno e una questione storica // *Ancient society*. — 1993. — V. 24.
38. *Buraselis K.* The problem of the Ptolemaic Sibling Marriage: a Case of Dynastic Acculturation? // *Ptolemy II Philadelphus and his World*. — Leiden; Boston, 2008.
39. *Tarn W. W.* The Dedicated Ship of Antigonos Gonatas // *JHS*. — 1910. — V. 30.
40. *Tarn W. W.* Two Notes on Ptolemaic History // *JHS*. — 1933. — V. 53.
41. *Barbantani S.* Ideologie royale et litterature de cour dans l'Egypte lagide // *Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l'orient hellénistique et romain (IVe siècle avant J.-C. — IIe siècle après J.-C.)*. — Grenoble, 2010.
42. *Seibert J.* Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. — München, 1969.
43. *Buraselis K.* Das hellenistische Makedonien und die Aegaeis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden im Aegaeischen Meer und in Westkleinasien. — München, 1982.
44. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма: пер. с нем. — М., 1982.
45. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский: пер. с нем. — М., 1984.
46. *Зелінський А. А.* Епіграми Посидіппа у контексті птолемеївської пропаганди // *СхСв*. — 2005. — № 4.
47. *Grainger J.* Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. — L.; N. Y., 1990.
48. *Sherwin-White S., Kubrt A.* From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire. — Berkeley; L. A., 1993.

49. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. — L.; Swansea, 1999.
50. *Lenschau T.* Alexander der Grosse und Chios // *Klio*. — 1940. — Bd. 33.
51. *Lehmann G.* Der Lamische Krieg und die Freiheit der Hellenen: Ueberlegungen Zur Hieronymianischen Tradition // *ZPE*. — 1988. — Bd. 73.
52. *Grainger J.* The Syrian Wars. — Leiden; Boston, 2010.
53. *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. — Казань, 1980.
54. *Кузьмин Ю. Н.* Кратер — брат царя Антигона: биография на фоне эпохи // *Античный мир и археология*. — Саратов. — 2006. — Вып. 12.
55. *Seibert J.* Historische Beitrage zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. — Wiesbaden, 1967.
56. *Marquaille C.* The Foreign Policy of Ptolemy II // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / ed. P. McKechnie, Philippe Guillaume. — Leiden; Boston, 2008.
57. *Зелінський А. А.* Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. — К., 2010.
58. *Hazzard R.* Did Ptolemy I get his Surname from the Rhodians in 304? // *ZPE*. — 1992. — Bd. 93.
59. *Johnson C.* Ptolemy I's Epiklesis Soter: Origin and Definition // *Ancient History bulletin*. — 2000. — № 3.
60. *Johnson C.* "OGIS" 98 and the Divinization of the Ptolemies // *Historia*. — 2002. — Bd. 51.
61. *Vinogradov Ju. G.* Der Staatsbesuch von "Isis" nach dem Bosporos // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. — 1999. — № 4.
62. *Габелко О. А.* История Вифинского царства. — СПб., 2005.

Резюме

Зелінський А. А. Ще раз про Коринф і запровадження культу Птолемея I на Родосі

У цій статті я продовжую розвивати гіпотезу про існування взаємозв'язку між обожненням царя Єгипту, Птолемея I Сотера, родосцями і передачею ним міста Коринф володареві Македонії, Кассандру. Новий доказ на користь цього припущення знайдено мною у розповіді Калліксена Родоського про так звану Велику Процесію, яку син і наступник Сотера, Птолемей II Філадельф, влаштував на честь обожненого батька. Зокрема, на існування зазначеного взаємозв'язку може вказувати повідомлення Калліксена про певну алегоричну композицію, до складу якої входили персоніфікація Коринфу і оточена небожителями статуя Птолемея (Athen., V, 201c—d).

Ключові слова: Елліністичний Єгипет, Птолемей Сотер, Птолемей Філадельф, Коринф, Пентетерії, обожнення.

Резюме

Зелинский А. А. Еще раз о Коринфе и учреждении культа Птолемея I на Родосе

В этой статье я продолжаю развивать гипотезу о существовании взаимосвязи между обожествлением царя Египта, Птолемея I, Сотера родосцами и передачей им Коринфа властителю Македонии, Кассандру. Новое доказательство в пользу этого предположения найдено мною в рассказе Калликсена Родосского о так называемой Великой Процессии, устроенной сыном и преемником Сотера, Птолемеем II Филадельфом, в честь обожествленного отца. В частности, на существование упомянутой

взаимосвязи может указывать сообщение Калликсена о некоей аллегорической композиции, в состав которой входили персонификация Коринфа и окруженная небожителями статуя Птолемея (Athen., V, 201 c—d).

Ключевые слова: Эллинистический Египет, Птолемей Сотер, Птолемей Филадельф, Коринф, Пентетерии, обожествление.

Summary

A. Zelinskyi. Again on Corinth and Establishment the Cult of Ptolemy I on Rhodes

In this article I continue to develop my hypothesis of interrelation between the divinization of the king of Egypt Ptolemy I Soter by Rhodians, and Ptolemy's transfer of Corinth to the governor of Macedonia, Cassander. The new proof in favour of this assumption was found by me in the account by Callixenus of Rhodes, on the so-called Great Procession arranged by the son and successor of Soter, Ptolemy II Philadelphus, in honour of his divinized father. In particular, should be noted one record of the allegorical composition, which had included personification of Corinth and the statue of Ptolemy, surrounded by deities (Athen., V, 201c—d).

Key words: Hellenistic Egypt, Ptolemy Soter, Ptolemy Philadelphus, Corinth, Penteteris, divination.

К. М. Колесников

Міжнародні відносини, зовнішньополітичний статус та проблема митно-податкового суверенітету Херсонесу Таврійського від початку до кінця II ст. до н. е.

Н е втрачає своєї актуальності в сучасній історичній науці проблема зовнішньополітичних змін навколо античних колоній Північного Причорномор'я. Ці зміни, коли повільні і довготривалі, коли швидкі і мінливо-калейдоскопічні, обов'язково позначалися на трансформації міжнародно-правового статусу цих колоній. Протягом майже півтори сотні років від першої половини II ст. до другої половини I ст. до н. е. політична ситуація на північному узбережжі Чорного моря зазнала докорінних змін. Давньогрецькі анклави, що вузькою смугою протягнулися вздовж узбережжя, фактично зажаті між безмежними масивами варварів на Півночі та потужними середземноморськими центрами на Півдні, остаточно і неухильно втрачали те, що зараз ми називаємо національним суверенітетом. На початку цієї доби, що охопила пізній еллінізм та ранній римський період, найважливішим зовнішнім чинником, який впливав на положення Херсонесу були північні варвари — скіфи і сармати, наприкінці — єдиним визначальним чинником став великодержавний Рим. Упродовж цієї доби поліс був інтегрований у загальнопонтійські владні структури царства Мітридата VI Євпатора, а з їх крахом, як свого роду спадщина Мітридатидів, потрапив під протекторат Боспору, опіки якого весь час прагнув здихатися за допомоги римлян. Протягом цих майже 150-ти років військово-політичних змін і комбінацій неодноразово змінювався міжнародно-правовий статус Херсонеса — найпотужнішої еллінської громади Західного Криму і всього Північно-Західного Причорномор'я. Спробуємо, отже, в загальних рисах простежити частину цих змін, що відбулися впродовж II ст. до н. е., в зв'язку з митно-податковими прерогативами громади херсонеситів, ступенем її самостійності чи залежності, тобто в зв'язку з так званим митно-податковим суверенітетом.

У Стародавній Греції, зрозуміло, не існувало поняття «національний суверенітет», саме поняття «держава» там було невіддільним від поняття «громада», тим не менш слів для іменування чогось подібного не бракувало. Так, для означення незалежного зовнішнього становища та вільного внутрішнього стану структурованого колективу громадян (полісу) використовувалися терміни *автономія* (*αυτονομία*) та *ελευθερία* (*ελευθερία*). Перший дослівно перекладається «самозаконня», «підвладність власним законам», тобто суверенне право громадян бути собі законодавцями, другий — «свобода», тобто свобода від внутрішньої тиранії і зовнішньої залежності. Обидва терміни тривалий час застосовувалися як синоніми [1, с. 417–429].

Нове об'ємне дослідження доктора А. Ханіотіса дозволяє нам розглянути неформальні, проте дуже важливі, атрибути суверенного статусу давньогрецьких громад. Так, ознакою автономії — «сутнісним привілеєм вільного і незалежного міста», на

думку дослідника, є право ведення війни [2, с. 48]. «Ампутацією свободи» називає автор руйнування оборонних стін або зайняття акрополя і фортець іноземними гарнізонами: якщо відсутність фортифікаційних споруд робить громаду вразливою, то присутність гарнізону обмежує її можливість вільно висловлювати свою волю. Дослідник підкреслює, що «з початку IV ст. до н. е. термін *apbrouretos* — «той, що не має гарнізону» — у дипломатичній мові греків стає майже синонімом для поняття *autonomos*. Слова *autonomos* та *apbrouretos*¹ з'являються поряд одне з одним у декількох договорах, які мають за мету гарантувати незалежність поліса» [4, р. 99–113; 2, с. 48–49]. Елліни усвідомлювали, що іноземні війська були зняряддям прямого контролю над політичними інститутами громадянської общини, певною мірою вони контролювали та використовували її економічні ресурси та займали її військові споруди (фортеці, акрополі, гавані). Іноземний гарнізон не допускав проявів військової активності з боку міста, де він розташовувався.

Суттєвим виразом незалежності («автономії / елевтерії») міста було його право укладати договори. В елліністичний час вони охопили широке коло предметів — від управління святилищами до міжнародного посередництва й економічного співробітництва. Левову долю складала договори про союз, прямо пов'язані з війною. На думку фахівців, показовими тут є договори про союз між нерівними сторонами, оскільки вони демонструють, що обмеження, які накладають на свободу більш слабкої сторони у військовій області, означають її підкорення. А. Ханіотіс узагальнює, що від часів класики такі нерівноправні договори зобов'язували ведучу державу допомагати залежному місту тільки в його оборонних війнах, тоді як від залежного міста вимагалася слідувати за державою-гегемоном проти будь-якого супротивника, якого вона обере [2, р. 50]. Яскравий приклад до цих висновків — перебіг Діофантових війн у Тавриді: міське херсонеське ополчення як допоміжний контингент бере участь не тільки в успішній боротьбі проти свого стратегічного ворога — Скіфського царства (IOSPE, I², 352, 18–23), але й допомагає понтійському полководцеві скорити невдоволених на Боспорі. Також Херсонес надсилає військовий корабель для евакуації Діофанта з Пантікапея щойно владу в царстві захоплюють повстанці Савмака та надсилає найкращих із громадян до складу понтійського експедиційного корпусу, який нав'язує Боспору панування нового володаря — Мітридата VI замість вбитого повстанцями Перісада V (IOSPE, I², 352, 36–41).

Слід зауважити, що розміщення постійного гарнізону (*φρουρά*) подекуди розцінювалося (або принаймні подавалося сильнішою стороною) як акт благодіяння, що мав на меті захист певного міста. Так, Полібій засвідчив, коли етолійський оратор і політик Александр Ісський спитав у царя Філіпа V, чому він тримав гарнізон у Лісімахії у Фракії (198 р. до н. е.), ставлячи під загрозу свободу міста, той підкреслив різницю між поняттями *φρούρειν* (*phrourein*, розташовуватися гарнізоном)² та *φυλάττειν* (*phylattein*, охороняти)³: його війська перебували там не як гарнізон, але як захисники міста від фракійців (Polib. XVIII. 4. 6). «Подібним чином, — зазначає А. Ханіотіс, — птолеївський гарнізон в Ітані на Криті, можливо, і розміщений за ініціативою самих ітанійців, але дуже вигідно з точки зору контролю за морськими шляхами в південній частині Егейського моря, офіційно призначався для «допомоги і захисту ітанійців» (I. Cret. III iv 9, lin. 40: *charin boetheias kai phylakes*; lin. 97: *eis prostasian kai phylaken*)» [2,

¹ У словнику Вейсмана: ἄ-φρούρητος, (φρουρέω) ἀφρούρος (φρουρά) — той, що не має сторожі, залоги; той, що не охороняється гарнізоном [3, с. 234].

² У словнику Вейсмана: φρουρέω — сторожити, стояти на сторожі (у гарнізоні, у фортеці) [3, с. 1327].

³ У словнику Вейсмана: φυλακή (кор. φυλακ., φυλάσσω) — сторожа, караул, охорона (означає і дію охоронця, і його особу, і місце, що перебуває під охороною, або в'язницю); φυλακὴν εἶχειν, φυλάττειν тощо) — сторожити, караулити, стояти на сторожі, у переносному сенсі — бути занепокоєним, вживати заходи безпеки [3, с. 1329–1330].

с. 121]. Тут, забігаючи наперед, варто зауважити, що і Херсонес, і Ольвія, і поліси Боспору (приміром, Фанагорія, яка дарувала своє громадянство іноземним найманцям), приймаючи понтійські чи римські гарнізони, користувалися низкою автономних прав. Зокрема певний час не припинялася практика видання або ухвалення постанов народних зборів або карбування власної (не тільки мідної, але навіть і срібної) монети. Таким чином, ці гарнізони розглядалися не як окупаційні, а як союзні, тобто вони охороняли, а не займали фортеці — «*phylattein*», а не «*phrourein*».

Для розгляду нашої теми цікавим також уявляється ще одне спостереження А. Ханіотіса: як тільки царська влада, що тримала у покорі більш-менш значні території, занепадала, відроджувалася автономія міст, а разом із нею можливість самостійно вести війни. А. Ханіотіс узагальнює, що сильна монархічна влада могла бути непопулярною серед полісів з їх розвинутих почуттям свободи саме тому, що позбавляла їх свободи воювати один з одним [2, с. 123].

Напередодні виділеного нами 150-річного періоду, на зламі III—II ст. до н. е. Херсонес, можна сказати, насолоджувався своєю свободою. Наприкінці цієї доби — у другій половині I ст. до н. е. — можливо знову гордо заявив про свою елевтерію, відчеканивши два типи міських монет, у легенді яких повідомлялося про свободу громади херсонеситів (*Χερσονήσου Ἐλευθέρας*)¹. Проте свобода ця була дарована Римом і захищена міццю його залізних легіонів. Що сталося між цими двома «елевтеріями»? Що являли собою ці «свободи»?

З першою половиною — серединою II ст. до н. е. пов'язують становлення скіфської держави в Криму зі столицею в Неаполі на Салгірі. Ця держава, що досягає піку могутності за царів Скілура і Палака, розпочинає систематичний тиск на Херсонес. Виходом із такої небезпеки міг стати союз (сіммахія, *συμμαχία*) з якоюсь третьою стороною. Претендентом на роль такого союзника-покровителя, здавалося могли стати сармати, через військову звитягу яких у попередньому столітті загинула Велика Скіфія. Вірогідно, ще в III ст. до н. е.² сарматська цариця Амага приходила на поміч Херсонесу. Якщо вірити Полієну, вона з невеличким загonom у 120 відбірних вояків після однодобового рейду в 1200 стадіїв (близько 213–230 км) несподівано захопила скіфську столицю і стратила скіфського царя разом з його оточенням. На царський престол було посаджено сина скинутого володаря з наказом правити справедливо і не чіпляти Херсонес (Polyen. VIII. 56). Проте навряд чи нестійкі воєнно-племінні угруповання сарматів підходили на роль стабільних партнерів таврійського поліса.

Ще однією традиційною військово-політичною потугою Надчорномор'я був Боспор. Його відносини зі скіфами Криму були нерівномірними. В другій половині IV ст. до н. е. Перісад I воював зі скіфами (Dem. XXXIV. 8). У міжусобиці його синів скіфи виступили союзниками законного спадкоємця престолу Боспору — старшого брата Сатира. А після перемоги в 310/309 р. до н. е. молодшого Євмела, який за повідомленням Діодора Сицилійського, спирався на нескіфські племена Прикубання (Diod. XX. 22–24)³, закономірно розпочалося чергове загострення відносин Боспору зі скіфами. Упродовж III ст. до н. е. ситуація в Східному Криму залишалася напруженою, про що свідчать монетні клади першої половини

¹ Якщо не приймати гіпотези М. І. Ростовцева про цезареву елевтерію Херсонеса, надану після поразки Фарнака II при Зелі в 47 р. до н. е., місто хоч і не отримало свободи, але принаймні заявило про себе перед могутнім Римом, відіславши до столиці світу посольство Гая Юлія Сатира (IOSPE, I², 691).

² Існує думка, що розповідь про Амагу відбиває події, дуже близькі за часом до укладання договору 179 р. до н. е. [5, с. 144]. Якщо визнати таку хронологію, акція цариці Амаги виявиться пов'язаною з фігурою союзного Херсонесу сарматського царя Гатала, який був згаданий Полібієм як одна зі сторін договору 179 р. до н. е. (Polyb. XXV. 2. 12–13).

³ Це могли бути меотські племена фатейів [6, с. 73] або сарматські кочівники сіраки [8, с. 177].

III ст. до н. е. в околицях Керчі і скіфські наконечники стріл із шарів другої чверті III ст. до н. е. у Зеноновому Херсонесі [8, с. 231].

З херсонеського декрету другої половини III ст. до н. е. на честь історика Сиріска, сина Геракліда, який дослідив відносини з дружніми містами і царями Боспору «відповідно до чеснот народу» (IOSPE, I², 344, 5, 18), дізнаємося про дружні взаємини Боспору і Херсонесу. Досвід союзницьких відносин між Боспором і Херсонесом — нібито підштовхував держави на зустріч одна одній. Утім, могутність царства на початку II ст. до н. е. була під сумнівом: екологічна і соціально-економічна криза III ст. до н. е. й ворожа активність варварів не оминули його меж. Боспорські володарі практично без боротьби втрачали східні прикубанські володіння¹. Вже хрестоматійним є спостереження, як у титулатурі боспорських володарів одна за одною зникали вказівки на царювання над тим чи тим сіңдо-меотським племенем. Хоча археологи і не знаходять слідів війн і руйнувань на східних боспорських і прикубанських поселеннях наприкінці III — упродовж більшої частини II ст. до н. е., показовим залишається наступне повідомлення Аппіана (App. Mithr. 102). Так, вийшовши навесні 65 р. до н. е. з Діоскурії й пройшовши терени геніохів й ахейців, Мітрідат VI увійшов у меотійські землі — колишні азійські володіння Боспору, де зіткнувся з багатьма володарями (династами *δυναστων*). Владарювання в другій чверті I ст. до н. е. на території східного Приазов'я незалежних династій стало наслідком послаблення в II ст. до н. е. влади останніх Спартоکیدів. У результаті боспорські монархи самі опинилися в стані пошуку надійного союзника. На думку Ю. А. Виноградова та В. А. Горончаровського, у другій половині II ст. до н. е. вони вже схилилися до союзу зі скіфами [10, с. 123–128], через що й не прагнули активізувати західну політику. Боспор, отже, на роль союзника-рятівника Херсонеса не підходив.

Безнадійна ситуація з пошуком союзників була несподівано врятована завдяки встановленню союзницьких відносин з Фарнаком I, володарем Понту — потужної держави на південному узбережжі Чорного моря, в Малій Азії. Херсонеський договір з царем Фарнаком датується «157 р., місяцем даїсієм², як рахує цар Фарнак» (IOSPE, I², 402, 30–31). Під цією датою традиційно розуміється 179 р. до н. е.³, оскільки початок «ери Фарнака» пов'язується, згідно з Р. Х. Лепером [19, с. 23–70], із 336 р. до н. е., коли на давній престол Ахеменідів сів Дарій III Кодоман. Понтійські володарі в своєму протистоянні з македонцям Селевкідами, Лісімахом і Кассандром принципово декларували династичний зв'язок із останнім Ахеменідом [17, с. 26–34].

В угоді двічі згадуються римляни, «дружба» (*Ῥωμαίους φίλιαν*) з якими оговорюється як умова херсонесько-понтійських союзницьких відносин. Двостороння угода була підписана, вірогідніше за все, в контексті широкого мирного врегулювання 179 р. до н. е. після п'ятирічної війни володарів Віфінії, Пергаму, Каппадокії з правителями Понту і Вірменії (Polyb. XXV. 2. 12). Фактично укладений за римським посередництвом мирний договір між учасниками бойових дій мав стати основою тривалого післявоєнного порядку не тільки в Малій Азії, але і на півночі всього Східного Середземномор'я. В угоді брали участь з одного боку — Євмен II Пергамський (197–159 рр. до н. е.), Аріарат IV Евсеб Каппадокійський (220–163 рр. до н. е.) та Прусій II Віфінський (183–149 рр. до н. е.), з другого боку — Фарнак I Понтійський (185–170 рр. до н. е.) та Мітрідат, сатрап Вірменії. До угоди також долучилися з азійських володарів — Артаксій, цар Великої Вірменії (189–160 рр. до н. е.), Акусілох, якого ототожнюють з колхським царем Акою,

¹ Література з цього питання дуже об'ємна. З останніх великих праць див. : [9, с. 97–100].

² Місяць між травнем і серпнем, за македонським календарем — червень.

³ Деякі дослідники пропонують датувати договір за селевкідською ерою з 312 р. до н. е. і відносять його до 155 р. до н. е. [11, 5. 7; 12, р. 53–254]. Аргументація на користь виправлення колишнього датування IOSPE, I², 402 підсумована у праці: [13, S. 78 f, 81, 82]. Див. також: [14, р. 147; 15]. Критику цієї позиції див. : [16, с. 204–210; 17, с. 26–34; 18, с. 176–179].

з європейських володарів — сарматський ватажок Гатал та «вільні народи» — громади гераклеотів, месембріанців, херсонеситів та кізикійців.

Як бачимо, у цей договір були включені Херсонес Таврійський та дружній останньому сарматський цар Гатал (Polyb. XXV. 2. 12–13). Крім того велика мирна угода 179 р. до н. е. могла доповнюватися серією двосторонніх договорів суб'єктів примирення. (Якщо це дійсно так, то з них до нас дійшов тільки згаданий херсонесько-понтійський договір). Гарантом мирного врегулювання виступила могутня Римська республіка, що після перемог над македонцями при Кіноскефалах (197 р. до н. е.) та сирійцями-селевкідами при Магнезії (190 р. до н. е.) перетворилася на беззаперечний авторитет у Східному Середземномор'ї.

Існує два пояснення причин укладання херсонесько-понтійської угоди: 1) Рим активно поширював власні дипломатичні мережі на північ Понту, щоб чужими руками знешкодити варварську загрозу північно-східним кордонам ойкумени; 2) понтійський володар готував ґрунт для загально-чорноморської держави, торив шлях, яким пройде вже його онук — знаменитий Мітрідат VI Євпатор.

Перша позиція представлена В. І. Кузіциним [20, с. 87–92]. Він наголошував, що у римлян існували реальні інтереси у Північному Причорномор'ї вже в першій половині II ст. до н. е. Рим прагнув створити на півночі Понту опорний пункт — союзна державу. Існування такого союзника дозволило б не тільки відстежувати пересування варварських племен, але й утворило б північний фланг для контролю над усіма східними просторами елліністичного Середземномор'я, охопленими римськими інтересами. Потреба в появі такого союзника обумовлювалася не лише зовнішньополітичними, але й економічними причинами: контролюючи Південне Причорномор'я і внутрішні райони Малої Азії, Рим був зацікавлений у «замкненні» з півночі понтійського регіону, щоб відстежувати і політичні контакти, і торговельні потоки в регіоні, єдність якого була реальністю ось уже кілька століть [21, с. 5–56]. Інакше кажучи, надійно контролювати ситуацію в Малій Азії, Єгеїді і в Леванті без спираючого на північний берег Чорного моря в Херсонесі — ключовому (виходячи з особливостей понтійського судноплавства) пункті — було неможливо. Отже, за В. І. Кузіциним, після явної поразки Фарнак I — цар країни, виснаженої п'ятирічною війною, взяв на себе союзницькі зобов'язання захищати Херсонес не з власної ініціативи, а відповідно до бажання римлян, які розгорнули в регіоні складну дипломатичну гру [20, с. 91, 92, прим. 9].

Прихильники іншого пояснення причин укладання херсонесько-понтійського союзу [22, с. 196; 23, с. 15–17; 24, с. 35–36] виходять з того, що в першій половині II ст. до н. е. могутність Риму ще не настільки зросла, щоб його політики і дипломати були зацікавлені долею віддаленого Херсонесу. На їх думку, справжнім ініціатором угоди був Фарнак I, за пропозицією якого, як за рятівну соломинку, схопилися херсонеські магистрати. Його інтерес був різностороннім. Наприклад, після скасування окремою статтею угоди 179 р. до н. е. договорів Понту з галатами, з яких набиралися частини понтійської найманої армії, Фарнак переорієнтувався на грецькі наймані контингенти. Їх постачанню мали сприяти дружні відносини Понту з Кізиком, Месембрією, Одесом, Гераклеєю і Херсонесом. Дружній нейтралітет Гераклеї — суперниці ворожій Понту Віфінії та метрополії Херсонеса — був украй необхідним Фарнаку в останній війні та післявоєнному врегулюванні: з мовчазної згоди сторін Понт привласнив захоплену південнопонтійську Синопу, яку швидко зробив своєю новою столицею. Традиційно теплі стосунки понтійських царів, починаючи з Мітрідата II, із Гераклеєю та союз Фарнака I з її північнопонтійською колонією Херсонесом могли бути зорієнтованими саме на створення загальнопонтійської держави, на перетворення Понту Евксінського на внутрішнє море Понту. Згідно з Діодором Сицилійським (Diod. XX. 24–25), за століття перед цим таким шляхом намагався пройти Євмел Боспорський (310/9–304/3 рр. до н. е.), який зміцнив свій міжнародний авторитет вдалою боротьбою з понтійськими піратами — геніохами, таврами й ахейцями. Діодор писав, що Євмел

задумав «підкорити всі племена, що оточують Понт, і швидко втілив би свій задум, якщо б раптова смерть не перервала його життя» (Diod. XX. 25) [25, с. 502].

Кому належала ініціатива укладання херсонесько-понтійської сіммахії — Фарнаку, Херсонесу або Риму? Наведені аргументи «pro et contra» щодо кожної з можливостей здаються досить переконливими. Втім, «речових доказів» у прихильників кожної з трьох точок зору в жодному разі просто немає: усі позиції обґрунтовуються, виходячи виключно з аналізу міжнародної ситуації в Причорноморському басейні й логіко-теоретичної аргументації на кшталт *Cui bono vel Quis potens est* («кому вигідно?» або «хто може?»).

На нашу думку, малоімовірним є припущення, згідно з яким ініціатором понтійсько-херсонеської сіммахії 170-х рр. до н. е. був володар Понту, який нібито вже тоді прагнув розширити свою сферу впливу на північ. Фарнак I вийшов із великої малоазійської війни фактично переможеним, понісши чималі територіальні, матеріальні і фінансові збитки, тому брати на себе добровільне зобов'язання захищати далекий заморський Херсонес він міг лише за «дружньою порадою» римлян, двічі згаданих у договорі. Погодитися з думкою, що Фарнак I самостійно, на власноруч ініціював союз із Херсонесом або з власної згоди пішов на зустріч херсонеській ініціативі можна лише за тієї умови, якщо припустити, що херсонесько-понтійський договір носив не стільки реальний, скільки декларативний характер, і був потрібний двом сторонам, щоб маніфестувати свої дружні стосунки перед лицем своїх теперішніх і потенційних супротивників по обидва береги Понту Евксинського.

У свою чергу, римляни могли зацікавитися долею Херсонесу в контексті формування на півночі Східного Середземномор'я міжнародної системи безпеки, що ґрунтувалася на мовчазливій згоді країн-учасниць, оплутаних мережею взаємних договорів, на римську протекцію [20, с. 87–92]. Небезпека, джерелом якої потенційно був північнопричорноморський регіон, дійсно могла інспірувати загострення уваги римлян до долі віддаленого Херсонесу. Про таку небезпеку свідчив як рух сарматських племен теренами колишньої Великої Скіфії, їхній перехід на правий берег Дніпра і поширення до лівобережжя Дунаю, так й активізація тиску царів Малої Скіфії на еллінів у Тавриці.

Складна схема мирної угоди 179 р. до н. е. не могла мати на меті виключно одне завдання — захист Херсонесу від зовнішніх загроз, оскільки являла собою набагато масштабніше явище: вона мала стати політико-правовою системою облаштування післявоєнного порядку в причорноморсько-малоазійському регіоні. А ось херсонесько-понтійська сіммахія, як необхідний елемент цієї угоди, мала саме таку спрямованість: у договорі містилося зобов'язання Фарнака надавати допомогу Херсонесу, «якщо сусідні варвари вирушать у похід на Херсонес або підвладну херсонеситам країну, або будуть ображати херсонеситів» (IOSPE, I², 402, 14–17). Утім, наскільки ефективною вона виявилася, сказати важко: на певний час скіфський натиск загальмувався, але не зупинився. Згаданий вже тристоронній херсонесько-сарматсько-боспорський союз зумів відвернути нову скіфську експансію десь на чверть століття, але вже через півстоліття над містом нависла небезпека тотальної катастрофи, ворог опинився безпосередньо «перед брамою» міста. За даними археології і нумізматики, херсонесити втратили контроль над своїми володіннями в Північно-Західній Тавриці в середині — на початку другої половини II ст. до н. е., а близьку хору на Гераклеїському півострові втратили в останній чверті століття [26, с. 126]. В таких умовах херсонесити знову звернулися до володарів Понту: останньою чвертю II ст. до н. е. датується почесний декрет на честь посла Мітрідата Євпатора — сина Кефали, амісійця (IOSPE, I², 349). Городяни були настільки задоволені результатами переговорів, що понтійський дипломат, ім'я якого не збереглося, був відзначений зі своїми нащадками проксенією, громадянством, недоторканістю, правом вільного проходження порту й іншими привілеями. Все це передувало так званим Діофантовим війнам, що повністю ліквідували скіфську загрозу та відкрили нову добу в історії регіону та

в зовнішньополітичному положенні Херсонесу. З херсонеського декрету на честь понтійського полководця Діофанта, сина Асклепідора, синопейця (IOSPE, I², 352), дізнаємося про попередні посольства херсонеситів до Мітрідата VI¹. У результаті двосторонніх дипломатичних зусиль між херсонеською громадою і понтійським царем укладено військово-політичний союз (сіммахію). У ході Діофантових війн упродовж 112–107 рр. до н. е. союзні війська зламали опір не лише кримських скіфів, але й скорили всіх своїх супротивників на Боспорі, останній законний володар якого, Перісад V, відмовився від влади на користь Мітрідата.

Яким саме був міжнародно-правовий статус Херсонесу між договором з Фарнаком I (170-і рр. до н. е.) та договором з Мітрідатом VI (110-і рр. до н. е.)? Зазнаючи тиск з боку скіфів, втрачаючи одне своє володіння за другим, Херсонес, тим не менш, протягом шести десятиків років, безумовно зберігав суверенний статус, тобто у термінології того часу — статус автономії / елевтерії. Про це, зокрема, свідчить проксенічна діяльність громади херсонеситів та використання у карбуванні Херсонеса традиційних монетних типів — усе це міг собі дозволити виключно суверенний громадянський колектив.

Видання впродовж другої третини — кінця II ст. до н. е. народними зборами проксеній — офіційних декретів з надання іноземцям громадянства і митно-податкових пільг було знову ж таки прерогативою виключно автономного (= вільного) утворення. Таких актів небагато, проте вони є. По-перше, може бути названим почесний декрет ольвіополіту (IOSPE, I², 439 = НЭПХ, № 109), що, виходячи з особливостей шрифту, датується III—II ст. до н. е. По-друге, почесний декрет Менофілу, сину Менофіла, синопейцю (IOSPE, I², 351), що за характером письма і типом ейсегетичної формули датується кінцем II ст. до н. е. По-третє, це вже згадана вище проксенія послу царя Мітрідата Євпатора — сину Кефали, амісійцю (IOSPE, I², 349 = НЭПХ, № 110), що датується другою половиною — кінцем II ст. до н. е. Цей акт свідчить про укладання нової (або відновлення / підтвердження старої) херсонесько-понтійської сіммахії² та однозначно говорить про суверенний статус Херсонесу напередодні Діофантових війн і територіального розширення держави Мітрідата на північ Понту.

Монети II ст. до н. е. містили зображення небесної покровительки міста — богині Діви (*Παρθένος*) у вигляді двійника Артеміди-мисливиці з оленем, інколи упольованим, та зображення атрибутів Діви — того самого оленя, сагайдаку і луку, а також зображення бика, що б'є рогами, — сюжет, запозичений з херсонеської метрополії — Гераклеї Понтійської [27, с. 150, табл. XXXVI, 1–11]. Останній символ, до речі, став свого роду гербом Херсонесу — міським *παράσημον*. А. Н. Зограф визначав період, що передував бурхливим подіям II ст. до н. е., як «автономію», а наступну добу, що розпочалася з Діофантових війн початку останнього десятиліття II ст. до н. е., як «втрату Херсонесом своєї самостійності та підкорення його царю Понту і Боспору». У монетній справі період від самого кінця II ст. до 25/24 р. до н. е. дослідник визначив як «боспорський вплив і першу елевтерію» [27, с. 150–154].

Отже, систематичне видання проксенічних актів, карбування відповідних «автономних» монетних типів та, нарешті, сама логіка розвитку подій, що наступили після понтійського посольства амісійця, сина Кефали, самостійна й досить визначна роль Херсонесу та його ополчення в Діофантових війнах — усе це однозначно свідчить, що

¹ У Діофантовому декреті йдеться: «Крім того, він [Діофант], сприяючи посольствам, що відряджалися народом, в усьому корисному херсонеситам, є прихильний і ревний» (IOSPE, I², 352, 44–46).

² У декреті херсонесити твердять, що царський посланець «в усьому виявляє своє добре ставлення, влаштовує всі справи, пов'язані з посольством, щонайкращим чином і перебування своє робить достойним і корисним як для царя, так і для нашого народу» (IOSPE, I², 349, 6–11).

підтримання союзницьких відносин із Понтом упродовж 170–110-х рр., на відміну від наступного століття, не зашкодило міській автономії / елевтерії.

Привертає увагу, що до кінця елліністичної доби в політичному словнику давніх греків для визначення самостійності міських громад переважно використовувалися поняття «автономія». Термін «елевтерія» застосовувався головним чином у тих контекстах, де йшлося про вільного шляхетного індивіда та його якості [1, с. 417–420]. Згодом, у процесі встановлення римського контролю над елліністичним світом Східного Середземномор'я через неодноразові спекуляції з цим поняттям, відбулася певна термінологічна еволюція, в результаті якої все частіше для визначення незалежного міжнародно-правового статусу використовується слово «свобода» — «елевтерія». Декілька серій херсонеських монет II ст. до н. е. містили написи, похідні від термінів *'Ελευθερία* — *'Ελευθερίας*, що чітко вказували на демократичний лад та зовнішньополітичну самостійність міської громади, тобто підкреслювали «елевторальний» статус міста-держави.

Щодо так званого митно-податкового суверенітету, то безперечно, цього поняття Стародавня Еллада не знала. Втім, розуміння щільного зв'язку між самостійністю держави та її здатністю розпоряджатися власними фінансовими ресурсами та фіскальними потужностями було поширене серед давньогрецьких філософів-теоретиків й політиків-практиків. Сплата прямого податку завжди розглядалася як символ підкорення. Це властиве індивідуальному рівневі (пряме оподаткування метеків і ксенів у полісах) та рівню суспільному (стягування з полісів Делоської сіммахії, а згодом Афіїнської архе, плати за членство — форосу, що досить швидко перестав бути добровільним внеском у загальносоюзну касу). Херсонеська громада не сплачувала понтіїцям за союз і військову підтримку ані за Фарнака II у зв'язку з договором 179 р. до н. е., ані за Мітридата VI, у часи Діофантових війн. Згодом ситуація докорінно зміниться, але це — тема вже іншої студії.

ЛІТЕРАТУРА

1. Колесников К. М. Слова та визначення: «елевтерія» Херсонеса та «автономія» Тіри // Ейдос. ΕΙΔΟΣ. Альманах теорії та історії історичної науки. — Вип. 5. — 2010–2011.
2. Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история / Пер. с англ. А. В. Махлаюка; науч. ред. О. А. Габелко. — СПб., 2013.
3. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь: издание пятое. — СПб., 1899.
4. Chaniotis A. Foreign Soldiers — Native Girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons // *Army and Power in the Ancient World* / Ed. by A. Chaniotis, P. Ducrey. — Stuttgart, 2002.
5. Пуздровский А. Е. О скифо-херсонесских конфликтах III—II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья: материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. — Севастополь, 1995.
6. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.; Л., 1949.
7. Жебелев С. А. Боспорские этюды // Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. — М.; Л., 1953.
8. Бессонова С. С., Гаврилюк Н. О., Зубар В. М. та ін. Давня історія України: в 3-х т. — Т. 2 : Скіфо-антична доба. — К., 1998.
9. Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. — Симферополь; Керчь, 2006. — (Боспорские исследования. — Вып. XII).
10. Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). — СПб., 2009. (*Historia Militaris*).

11. *Burstein S. M.* The Aftermath of the Peace of Apamea. Rome and the Pontic War // *AJAH.* — Vol. 5 (1980).
12. *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. — Leiden, 1986.
13. *Leschborn W.* Antike Ären. Zeitrechnung. Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. — Stuttgart, 1993.
14. *Højte J. M.* The Data of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE, I², 402) and its Implication // *Chronologies the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / V.* Stolba, L. Hannestad (eds.). — Aarhus, 2005.
15. *Панов А. Р.* Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н. э. — первой трети II в. н. э. — Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2008.
16. *Сапрыкин С. Ю.* Рец.: *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. — Leiden, 1986 // *ВДИ.* — 1990. — № 2.
17. *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. — М., 1996.
18. *Сапрыкин С. Ю.* Рец.: *А. Р. Панов.* Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н. э. — первой трети II в. н. э. — Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2008. — 359 с. // *ВДИ.* — 2010. — № 4.
19. *Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи // *ИИАК.* — 1912. — № 45.
20. *Кузищин В. И.* Херсонес и Рим в начале II в. н. э. Первые контакты // *Херсонесский сборник.* — VII. — Севастополь, 1997.
21. *Виноградов Ю. Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // *Античные полисы и местное население Причерноморья: материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура».* — Севастополь, 1995.
22. *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // *ВДИ.* — 1979. — № 3.
23. *Молев Е. А.* Властитель Понта. — Нижний Новгород, 1995.
24. *Колобова К. М.* Фарнак I Понтийский // *ВДИ.* — 1949. — № 3.
25. *Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции.* — СПб., 2000.
26. *Кутайсов В. А.* Керкенидида в античную эпоху. — К., 2004.
27. *Зозграф А. Н.* Античные монеты. — М.; Л., 1951.— (МИА, № 16).

Резюме

Колесников К. М. Міжнародні відносини, зовнішньополітичний статус та проблема митно-податкового суверенітету Херсонесу Таврійського від початку до кінця II ст. до н. е.

Ця робота присвячена аналізу міжнародно-правового статусу та митно-податкового суверенітету Херсонесу Таврійського на тлі міжнародних відносин у Чорноморському регіоні в II ст. до н. е.

Автор розглядає зміст понять «той, що управляється власними законами, автономний» (*αυτονομος*), «вільний, незалежний» (*ελευθερος*), «той, що не має гарнізону» (*α-φρουρητος*), які в період еллінізму позначали свободу і самостійність громадянської общини (полісу). У статті розглянуто складне військово-політичне становище Херсонесського поліса та необхідність пошуку зовнішніх союзників для боротьби з експансією кримських скіфів. У роботі розглядаються обставини підписання та зміст договору 179 р. до н. е. між народом херсонеситів і понтійським царем Фарнаком I. Автор доводить, що укладення військово-політичного союзу між Херсонесом і Понтом було більшою мірою вигідно першій стороні.

Ключові слова: міжнародні відносини, зовнішньополітичний статус, митно-податковий суверенітет, Херсонес Таврійський, Рим, Понт, Боспор, автономія (*αὐτονομία*), елевтерія (*ελευθερία*), монетна справа, проксенічна діяльність, симмахія (*συμμαχία*).

Резюме

Колесников К. Н. *Международные отношения, внешнеполитический статус и проблема налогово-таможенного суверенитета Херсонеса Таврического от начала до конца II в. до н. э.*

Данная работа посвящена анализу внешнеполитического статуса и налогово-таможенного суверенитета Херсонеса Таврического на фоне международных отношений в Причерноморском регионе II вв. до н. э.

Автор рассматривает содержание понятий «управляемый собственными законами, автономный» (*αὐτόνομος*), «свободный, независимый» (*ελευθέρος*), «не имеющий гарнизона» (*ἀφρούρητος*), которые в эллинистический период обозначали свободу и самостоятельность гражданской общины. В статье показано сложное военно-политическое положение Херсонесского полиса и необходимость поиска внешних союзников для борьбы с экспансией крымских скифов. В работе рассматриваются обстоятельства подписания и содержание договора 179 г. до н. э. между народом херсонеситов и понтийским царем Фарнаком I. Автор доказывает, что заключение военно-политического союза между Херсонесом и Понтом было в большей мере выгодно первой стороне.

Ключевые слова: международные отношения, внешнеполитический статус, налогово-таможенный суверенитет, Херсонес Таврический, Рим, Понт, Боспор, автономия (*αὐτονομία*), элевтерія (*ελευθερία*), монетное дело, проксеническая деятельность, симмахія (*συμμαχία*).

Summary

K. Kolesnykov. *International Relations, Foreign Status and the Problem of the Customs and Tax Sovereignty of the Chersonese Tauric From the Beginning to the End of the II Centuries BC*

This work is devoted to the analysis of international legal status and the customs and tax sovereignty of the Chersonese Tauric on the background of international relations in Black Sea region in II centuries BC.

The author examines the concept of «*autonomos*» (*αὐτόνομος*), «*eleutheros*» (*ελευθέρος*), «*aphrouretos*» (*ἀφρούρητος*) that in the Hellenistic period signified freedom and independence of the civil community. The article shows the heavy military-political situation in Chersonese state and the search for external allies to fight against the expansion of the Crimean Scythians. This paper considers the circumstances of the signing of the agreement of 179 BC between the People of Chersonese and the king of Pontus Pharnaces I and the content of this treaty. The author argues that the conclusion of the military-political alliance (*συμμαχία*) between Chersonese and Pontus was increasingly profitable first side.

Keywords: international relations, foreign policy status, tax and customs sovereignty, Chersonese, Rome, Pontus, Bosphorus, autonomy (*αὐτονομία*), eleutheria (*ελευθερία*), coinage, proxenian activities, symmachia (*συμμαχία*).

А. Е. Барышников

Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии?¹

43 г. н. э. на побережье Британии высадились легионы под командованием Авла Плавтия, положив начало длительному процессу завоевания острова. Как сообщает Кассий Дион, поводом для римского вторжения стало изгнание с острова Верики, одного из бриттских царей (Dio, LX, 19.1). Светоний хотя и объясняет решение Клавдия о походе в Британию желанием нового принцепса укрепить свою репутацию настоящим триумфом, также указывает, что сам остров волновался, «не получая от римлян своих перебежчиков» (Suet., Claud., 17)².

Сам процесс завоевания Британии выглядел как ряд военных операций против некоторых враждебно настроенных царьков местных племен, отказавшихся подчиниться римской власти; в то же время элита, продемонстрировавшая лояльность Риму, сохранила свою власть и территории на несколько десятилетий. Благодаря античной традиции, мы знаем нескольких ярких представителей и первого, и второго типа поведения. К самым известным врагам Рима относятся Каратак, Венуций, Боудикка (после смерти мужа), к «друзьям» — Прасутаг, супруг Боудикки, Картимандуя, жена Венуция, Тогидубн. Последний является уникальным для истории ранней римской Британии персонажем, поскольку некоторые стороны его жизни отражены не только в античной традиции, но и в эпиграфике³. В данной заметке мы попробуем рассмотреть данные источников о Тогидубне и существующие в современном антиковедении интерпретации этих свидетельств.

Перед тем, как перейти к изучению сообщений о Тогидубне, взглянем на общую картину политического развития юго-востока острова накануне римского вторжения. Она выглядит неполной, что обусловлено состоянием источниковой базы — у нас есть лишь краткие сообщения античной традиции и трудно интерпретируемые нумизматические материалы.

Ключевым моментом в развитии доримской Британии стали экспедиции Цезаря в 55–54 гг. до н. э. [2, р. 56–59; 3, р. 67]. Одним из главных последствий первого столкновения с Римом стало возникновение двух «царств»⁴ — Восточного и Южного.

¹ Автор выражает благодарность д-р ист. наук Я. Ю. Межеричкому и д-р ист. наук А. В. Махлаюку за помощь, оказанную при подготовке данной статьи.

² Пер. М. А. Гаспарова.

³ В отечественной историографии Тогидубну посвящена статья М. С. Садовской [1]. Многие ее тезисы еще актуальны, но современная наука располагает рядом фактических данных, позволяющих обновить представления о Тогидубне.

⁴ Определение уровня политического развития бриттских обществ — одна из важных задач, стоящих перед исследователями древней Британии. Возможно, к ряду политических образований, в частности, к Южному и Восточному царствам, может быть применен термин «вождество» [4, 5].

Первое сообщение античной традиции, касающееся Южного царства, содержится в VIII, написанной Авлом Гирцием, книге «Записок о Галльской войне». Оно связано с Коммием — одним из предводителей галльского племени атребатов, который ранее был союзником Цезаря и принимал участие в его британской экспедиции. Во время восстания Верцингеторига Коммий вместе со своим племенем перешел на сторону восставших и был избран одним из верховных командующих войском, двигавшимся на Алезию (Caes. BG, VII, 76). После поражения галлов Коммий объединил свои силы с Корреем и его войском белловаков, позже, когда Коррей был убит, а белловаки разгромлены, — попытался заручиться поддержкой германцев (BG, VIII, 21). Не сумев договориться с другими галльскими общинами, он, тем не менее, не спешил сдаваться и чуть было не погиб в результате покушения, организованного Титом Лабиемом (Caes. [Hirt.] BG, VIII, 23). Сообщения Гирция и Фронтинана в купе с данными нумизматики позволяют восстановить ход дальнейших событий: спасаясь от преследований Лабиена и Волузена Квадрата, атребат бежал в Британию, откуда — через Марка Антония — сумел заверить Цезаря в своей будущей лояльности, прислав заложников (Caes. [Hirt.] BG, VIII, 47–48; Front., Strat., II, 13, 11) [2, p. 59–65].

Насколько можно судить по нумизматическим источникам, Коммий стал основателем династии, правившей Южным царством, включавшим территории графств Сассекс, Суррей, Хэмпшир [2, p. 77, fig. 3.8]. Преемниками и наследниками Коммия последовательно были Тинкомар¹, Эпилл и Верика².

Восточное царство образовалось на территориях катувеллаунов и триновантов (графства Хартфордшир, Эссекс). Последние в 54 г. до н. э. обратились за помощью к Цезарю: их правитель был убит Кассивелауном, а его сын, Мандубракий, оказался в изгнании. Одержав победу над Кассивелауном и его союзниками, Цезарь вручил власть над триновантами Мандубракию (Caes. BG. V, 20–22). Однако на монетах второй половины I в. до н. э. мы не встречаем имен Кассивелауна и Мандубракия; события нескольких десятилетий после похода Цезаря остаются практически неизвестными. Лишь в последней четверти I в. до н. э. власть в регионе сосредотачивается в руках одного правителя — им оказался некий Тасциован. Ему удалось объединить два крупных племени и основать собственную династию. Преемником Тасциована стал Кунобелин, при котором Восточное царство достигает пика своего могущества³.

¹ Его имя, на монетах обозначаемое сокращением «TINCOM», восстанавливалось как «Тинкоммий», но после обнаружения клада в Элтоне (графство Хэмпшир) выяснилось, что преемника Коммия звали «Тинкомар» [6, p. 309, n. 54]. Тинкомар был одним из двух бриттских царьков, упоминаемых в «Деяниях божественного Августа» (RGDA, XXII). Возможно, в Южном царстве произошла усобица, из-за которой он был вынужден бежать и просить Августа об убежище.

² Тинкомар, Эпилл и Верика декларировали на юге свое родство с Коммием, так же, как Кунобелин и Эпатикк с Тациованом на востоке — при помощи добавления F(Pius) в монетные легенды. Но, как указывают современные исследователи, слово «filius» было индикатором принадлежности к правящему роду, но не обозначением конкретного родства. Соответственно, термин «династия» по отношению к правителям Южного и Восточного должен применяться с учетом этой особенности [2, p. 170–172].

³ Вероятно, утверждению Кунобелина у власти предшествовала смута. Ранний период чеканки монет Кунобелином совпадает с монетами, легенды которых содержат имена «SEGO», «RUIIS», «DIAS». Это могли быть родственники Тасциована и Кунобелина, либо представители конкурирующих родов и династий. Кроме того, с восточной Англией связаны серии монет Аддедомара и Дубновеллауна, которые могли быть правителями, зависимыми от Тасциована. Ситуация осложняется тем, что одного из правителей Кантия (графство Кент) также звали Дубновеллауном. Мы не можем точно сказать, какой из двух Дубновеллаунов бежал с острова под защиту Рима и упоминался вместе с Тинкомаром в «Деяниях» (RGDA, XXII) [2, p. 75, 78; 7, p. 21–22].

История отношений Южного и Восточного царств не очень понятна. Большинство исследователей рассматривает их как череду политических конфликтов и военных столкновений. Наглядными результатами таких конфликтов были изменения в легендах монет и ареалах их распространения. При таком подходе получается, что Восточное царство постепенно усиливалось, тесня своих конкурентов. Правители Юга утратили контроль над племенами Кантия и одним из важнейших городов доримской Британии — Каллевой (совр. Силчестер). Смерть Кунобелина не изменила расклада сил, и последний представитель династии Коммия, Верика, был вынужден бежать и просить Рим о помощи. Данная реконструкция, впрочем, не является единственно возможной. Так, Дж. Крайтон обратил внимание на замечание Диодора Сицилийского о том, что многочисленные цари Британии живут между собой в мире (Diod., V, 21.5). Пассаж Диодора стал отправной точкой для пересмотра традиционной картины взаимоотношений Восточного и Южного царств. По словам Дж. Крайтона, династии были тесно связаны, в том числе и семейными узами, что позволяло им спокойно сосуществовать. Конечно, противоречия внутри элиты существовали, и со временем они вылились в открытый конфликт между правителями и претендентами на власть. Конфликт начался в конце правления Кунобелина, когда на континент сначала бежал Аммин¹, один из его сыновей, а позже, после смерти царя — Верика из Южной династии (Suet., Cal. 43.2; Dio, LX, 19.1) [2, p. 216].

Какими бы ни были отношения южной и восточной династий между собой, и обе они находились в тесной связи с Римом. Связь эта была, прежде всего, политической: многие представители царских родов Британии бывали в Риме в качестве заложников, некоторые (как Тинкомар и Дубновеллаун) находили в могущественной державе спасение от врагов на родине. Некоторые правители — и это, скорее всего, были представители южной и восточной династий — признали власть Рима, заключив, как сообщает Страбон, договор о дружбе с Августом (Strabo, V, 3). Фактически Рим и принцепс выступали покровителями бриттских царьков и могли быть арбитрами в спорах. Связи с Римом не ограничивались политикой. Инвентарь погребений представителей бриттской элиты (в Лексдене, Стэнвее, Фолли Лейн) указывает на то, что местная знать вполне усвоила отдельные римские обычаи [9, 10, 11, 12, p. 25–26, 13]. Можно сказать, что юго-восточная Британия стала частью римского мира еще до создания провинции [2, p. 79].

Внутренняя усобица, начавшаяся после смерти Кунобелина (между 40 и 42 гг. н. э.), изменила сложившуюся систему взаимоотношений между Римом и юго-востоком Британии. Остров должен был стать полноценной провинцией Рима. Дальнейшие события известны: в результате вторжения восточное царство было уничтожено, Каратак, сын Кунобелина, бежал на запад Альбиона, и вместе с ним переместился активный центр сопротивления римлянам. Южное царство было восстановлено, но о подробностях этого события мы можем лишь догадываться. Не очень ясно, получил ли Верика обратно свое царство или по каким-то причинам оказался не у дел². Если ему удалось вновь стать царем, пробыл он им недолго — уже в период наместничества Остория Скапулы (47–52 гг. н. э.) правителем Южного царства был Тогидубн.

Итак, Тогидубн появился на исторической арене в первые годы после начала римского завоевания. Самым ранним и единственным бесспорным свидетельством традиции, касающимся его, является пассаж из «Жизнеописания Агриколы». Рассказывая о переустройстве Британии при Авле Плавтии и Остории Скапуле, Тацит писал: *«quaedam civitates Cogidumno regi donatae (is ad nostram usque memoriam fidissimus*

¹ Мы придерживаемся прочтения имени, предложенного в статье М. Хенига и Д. Нэша [8, p. 245–246].

² М. Хениг предположил, что царская власть Верики была восстановлена, а после его смерти перешла к племяннику — Тогидубну [14, p. 37].

mansit), vetere ac iam recepta populi Romani consuetudine, ut haberet instrumenta servitutis et reges» (Тас. Agr., 14).

Некоторые детали этого сообщения заслуживают особого внимания. В первую очередь, вызывает сомнения точность в передаче двусоставного кельтского имени. «*Dubno/Dumno*» («глубокий, темный») часто встречается в этниконе и ономастиконе не только Британии, но и других регионов с преобладанием кельтского населения — Галлии, Галатии [см. напр.: 15]. Иначе обстоит дело с «*Cogi-*» — имена с такой основой крайне редки. Ч. Мерджа, проанализировав рукописную традицию «Агриколы» и данные кельтской ономастики, пришел к выводу, что правильным в данном случае будет читать «*Togi-*» («топор») [16, р. 339]. Р. Коутс в недавно опубликованной статье присоединяется к мнению Ч. Мерджа и отмечает, что имя «То-гидубн», скорее всего, имеет галльское происхождение [17]¹.

Второе заслуживающее внимания обстоятельство — время и условия расширения царства Тогиудубна². Пассаж Тацита о клиентском государстве на юге Англии входит в главу, посвященную деятельности римских наместников в период между 47 и 61 гг. н. э., то есть после наместничества Авла Плавтия и до восстания Боудикки. Информация о годах римской власти в регионе оказалась спрессована в небольшой текст, поэтому сложно сказать, когда южное царство было расширено. Можно предположить, что своей экспансией оно было обязано именно Осторию Скапуле, который проводил реорганизацию покоренной территории, чтобы иметь тыл для операций против силуров. Причиной для расширения царства Тогиудубна могла стать его помощь во время зимних волнений бриттов в 47 г. н. э. [19, р. 128; 20]. Исследователи не могут сойтись во мнении, какими территориями Тогиудубн управлял после расширения: Б. Канлифф полагает, что в его власти остались лишь регны [21, р. 23]; М. Миллетт — что к областям регнов прибавились земли атребатов и бельгов (то есть регионы, входившие в Южное царство до усиления Кунобелина) [22, р. 68]; К. Хаселгроув допускает, что под власть Тогиудубна попал весь юго-восток Британии за исключением колонии в Камулодуне [23, р. 36]³. Нам представляется наиболее вероятной ситуация, в которой Тогиудубн изначально был правителем регнов и бельгов, а после реорганизации римскими наместниками завоеванных территорий получил под свою власть регион атребатов с центром в Каллеве.

Сообщение Тацита — единственное, на основании которого можно строить предположения о длительности правления Тогиудубна. Слова историка о том, что царь «*ad nostram usque memoriam fidissimus mansit*» вкупе с содержанием дальнейшего рассказа о деятельности Агриколы, в котором вассальное южное царство не появляется, указывают на то, что Тогиудубн к 78 г. н. э. был уже мертв. Это косвенно надписи Гая Сальвия Либерала из *Urbs Salvia*, согласно содержанию которой Либерал занимал пост *irudici Britanniae* (CIL, IX, 5533 = ILS, 1011) [25, р. 269]. По мнению Э. Берли, появление такого чиновника на острове было связано с необходимостью реорганизовать царство Тогиудубна и включить его в состав провинции [25, р. 468].

Свидетельство Тацита может быть дополнено информацией одного из самых известных эпиграфических памятников Римской Британии — надписи из Чичестера (древний Новиомаг). Она была обнаружена в начале апреля 1723 г. во время строительных работ на перекрестке Лайон-стрит и Норт-стрит. Надпись представляет собой

¹ Это не означает, что Тогиудубн родился в Галлии. Появление такого имени может указывать на сохранившиеся связи с галльской знатью.

² Э. Барретт в одной из статей, посвященных Тогиудубну, заметил, что свидетельство Тацита заставляет думать, что царство было создано вновь [18, р. 232–233].

³ Интересно изменение мнения Дж. Крайтона: в монографии 2000-го года он соглашается с указанной точкой зрения К. Хаселгроува, но через шесть лет склоняется к мысли, высказанной М. Миллеттом (а до него — П. Сэлвеем) [2, р. 220; 24, р. 31].

посвящение Нептуну и Минерве, изготовленное по заказу коллегии ремесленников и некоего сына Пуденция. Надпись сохранилась плохо — левый край утерян, оставшаяся часть расколота на четыре фрагмента, ныне соединенных с помощью цементного раствора [26, р. 243]. В течение двух веков исследователей ставила в тупик пятая строка надписи, традиционно реконструируемая как «[Co]gidubni r(egis) (et) lega[ti] Aug(usti) in Brit(annia)». Предпринимались многочисленные попытки объяснить, как Тогидубн мог одновременно быть царем и легатом [18, р. 233–235]. Конец этим попыткам положила статья Ю. Богэрса. Он подробно исследовал не только саму надпись, но и традицию ее изучения. Это позволило ему указать на высказанную в 1723 г. мысль Э. Бэйли о том, что вместо «r(egis) (et) lega[ti] Aug(usti)» следует читать «re[g(is) ma]gni» [26, р. 247–248]. Предложенное Богэрсом исправление позволяет восстановить текст надписи: «[N]eptuno et Minervae|templum|[pr]o salute do[mus] divinae|[ex] auctorita[e Ti(beri)] Claud(i) | [To]gidubni re[g(is) ma]gni Brit(anniae/annorum?) | [cole]givm fabr(um) et qui in eo | [sun]t d(e) s(uo) d(ederunt) donante aream | ...] ente Pudentini fil(io)» (RIB, I, 91, с уточнениями).

Надпись подтверждает сообщение Тацита о царстве Тогидубна и позволяет уточнить титул самого Тогидубна: он именовался не просто царем, но «великим царем Британии». Одним из центров его царства был Новиомаг, где обнаружена данная надпись. Археологические исследования показали, что в 50–60-х гг. н. э. в крупнейших поселениях, расположенных по соседству с Новиомагом, — Каллеве Атребатов и Венте Бельгов (Уинчестер) — синхронно были сооружены однотипные земляные укрепления [27, р. 66].

Но история Тогидубна может быть несколько более запутанной, чем представляется по надписи из Новиомага и сообщению Тацита.

В рассказе Кассия Диона о действиях римской армии Авла Плавтия в 43 г. н. э. упоминается некий Тогодумн, брат Каратака. Этот Тогодумн появляется дважды: сначала он терпит поражение в битве с Плавтием, а потом погибает (Dio, LX, 20.1; 21.1). С точки зрения лингвистики, Тогидубн и Тогодумн представляют собой разные варианты произношения и написания одного имени [17, р. 364]. Основываясь на этом, некоторые исследователи с оговорками допускали, что Тогодумн и Тогидубн — это один человек [28, р. 738–742].

Это мнение было вновь озвучено в недавней статье Дж. Хайнда [29]¹. Автор, настаивающий на ревизии традиционной картины римского вторжения 43 г. н. э.² предпринял попытку проанализировать соответствующие пассажи из сочинения Кассия Диона. Дж. Хайнд указал, что Дион мог неверно истолковать текст своего латинского источника или не очень точно перевести его, создав иллюзию «смерти» Тогодумна, когда речь должна была идти о его выходе из борьбы с захватчиками [29, р. 97–98]. После поражения Тогодумн отмежевался от Каратака и перешел на сторону Рима, за что и был впоследствии награжден царским титулом и властью [29, р. 98–100].

Гипотеза Дж. Хайнда интересна. Согласившись с отождествлением Тогидубна и Тогодумна, мы получаем по-настоящему увлекательную историю. В юго-восточной Британии правят братья, среди которых выделяются два брата — Тогодумн и Каратак. На остров вторгаются римляне, братья выступают вождями сопротивления, но терпят несколько поражений. Горечь неудач способствует раздору между братьями: и вот один из них, Тогодумн, сдается и переходит на сторону Рима, променяв свободу на личную власть и блага цивилизации. Каратак сдаваться отказывается, бежит к племени силуров и поднимает их на борьбу с Римом. Его личная война с Римом продолжается до тех пор, пока — из-за предательства — он не попадает в плен. Оказавшись перед лицом императора, бритт отказывается признать за собой вину.

¹ Независимо от Дж. Хайнда к тому же мнению пришел М. Расселл [30, р. 41–43].

² В дискуссии также активное участие принимают М. Фулфорд, Ш. Фрир, Э. Блэк [31, 32, 33].

Принцепс, впечатленный стойкостью пленника, дарует ему и его родственникам прощение (Тас. ann., XII, 36–37). История, таким образом, имеет счастливый конец — и Тогодунн, и Каратак не погибают и не оказываются опозоренными.

Несмотря на всю красоту, такая реконструкция является исключительно игрой разума. Серьезных оснований для отождествления Тогидубна и Тогодунна, на наш взгляд, нет. Совпадение имен не должно смущать — оба корня, составляющих имя, не являются уникальными, следовательно, вероятность того, что мы говорим о тезках, а не об одном человеке, велика. Появление одного имени в ономастических и южной, и восточной династий может подтверждать мысль Дж. Крайтона о существовании между ними союза, скрепленного рядом междинастических браков.

Наконец, если мы отождествим Тогидубна и Тогодунна, то возникнет целый ряд вопросов к Тациту. Почему он изображает только Каратака лидером сопротивления («братья» Каратака, которые получают вместе с ним прощение, так и остаются безымянными)? Почему Тогидубн в «Жизнеописании Агриколы» характеризуется исключительно как верный союзник Рима?

Попытка ответить на эти вопросы толкает нас на путь спекулятивного обсуждения источников, заставляет формулировать хитроумные решения с ароматом «теории заговора», заведомо сомнительные и практически не доказуемые [см. напр.: 34]. В случае отождествления Тогидубна и Тогодунна возникает больше проблем, чем решений. Ситуация будет иной, если мы допустим, что в Британии было два Тогидубна. Один из них был представителем южной династии, другой — восточной. Один был лоялен Риму и получил за это царство, другой выступил против и погиб.

Что мы можем сказать о правлении Тогидубна в Британии? Как развивалось его царство в период 50–70-х гг. н. э.? Традиционной иллюстрацией тезиса о проримской культурной политике Тогидубна служит «протодворец» в Фишборне (три километра от Чичестера) [35]¹. Строительство «протодворца» датируется периодом 1с (60–75/80 гг. н. э.). В это время жилое здание (Building 3) с каменным фундаментом и деревянные постройки сменяются масштабными каменными сооружениями «протодворца». Планировка этих строений (Building 1, Building 2) предполагала наличие множества жилых комнат, бань, помещений хозяйственного характера; стены были украшены росписями и мозаиками; был проложен водопровод; за стенами домов был разбит большой сад [35; 37]. Технологии строительства и отделки интерьеров, материалы, использованные мастерами, сам план дворцового комплекса — все это указывает на пристрастие владельца и заказчика «протодворца» к римскому образу жизни. Впрочем, Тогидубн не успел насладиться своей резиденцией в полной мере. Данные археологических исследований показывают, что «протодворец» не был достроен; в конце 70-х гг. н. э. здесь начинается новая фаза строительства, и комплекс «протодворца» сменяется еще более масштабным дворцовым ансамблем, предназначенным, по-видимому, для наместника провинции. Это является свидетельством в пользу предположения о том, что Тогидубн умер незадолго до 78 г. н. э.

Архитектурный комплекс в Фишборне — не единственный памятник политике Тогидубна. Благодаря раскопкам в Каллеве Атребатов мы можем более полно восстановить картину развития Тогидубнова царства.

В доримское время Каллева представляла собой крупное поселение протогородского типа. Этот центр племени атребатов, занимавший площадь в 32,5 га, имел прочные торговые связи с континентом. Останки керамики *terra nigra*, *terra rubra*, *terra sigillata*, обнаруженные как в центре поселения, так и за его границей, указывают, что жившие здесь люди были хорошо знакомы с материальной культурой империи [38, р. 120–121]. Но наиболее важная особенность в развитии доримского поселения была замечена Э. Фокс в 1948 г. [39]. Исследовав расположение некоторых зданий

¹ С сомнением эту идею оценивала М. С. Садовская; см. также заметку Э. Блэка [1, с. 36].

в центре Каллевы Тогидубна, она указала на их аномальное, отклоняющееся расположение по отношению к основным улицам, пересекающимся под прямыми углами. Отклонения оказались неслучайными — эти здания строились в соответствии с другой планировкой улиц, которая появилась еще до римского завоевания [3, р. 170; 40, р. 129; 41, р. 256]. Существование регулярной планировки, пусть и не до конца нам известной, в других доримских поселениях Британии не зафиксировано. Это обстоятельство представляется нам весьма значимым — появление регулярного плана не могло быть случайным, оно отражало вкусы и намерения местной элиты, знакомой с городским образом жизни в Империи.

Каллева долгое время находилась под властью представителей южной династии (в частности, здесь были распространены монеты Тинкомара и Эпилла), потом перешла под контроль некоего Эпаттика, который ориентировался на восточную династию — и, возможно, был родственником или доверенным лицом Кунобелина [42, р. 16–17]. После римского вторжения город, как и племена атребатов, оказались под властью Тогидубна. С этого времени в Каллеве начинаются серьезные перемены. В период 50–60-х гг. н. э. поселение активно перестраивалось. На основе вновь проложенных, пересекающихся под прямым углом *cardo maximus* и *decumanus maximus*, была создана новая система улиц, отличающаяся от прежней. В это же время в Инсуле XXII строятся общественные бани с портиком из тосканских колонн, за пределами Каллевы возводится деревянный амфитеатр, вокруг города вырастают защитные земляные сооружения. Но наиболее интересное сооружение возводится в центре — на территории IX, IV, III, II и I Инсул.

Масштабы этого здания и его план пока до конца не определены, поскольку следы первоначальной застройки были смешаны и запутаны последующими переустройствами центра города при Флавиях и Антонинах. Двадцать лет назад Майкл Фулфорд, главный специалист по Каллеве, настаивал на военном характере сооружения, полагая, что речь должна идти о претории [42, р. 19–23]. Последующие археологические изыскания не подтвердили подобную интерпретацию, но позволили предложить другую, соответствующую контексту развития всего региона.

Известно, что это здание занимало большую площадь, имело колонны тосканского и коринфского ордера [43, р. 5], при его отделке использовался кампанский мрамор. Крыша была укрыта черепицами с клеймом «NERCLCAEAVGGR» («*Ner(o) Cl(audius) Cae(sar) Aug(ustus) G(e)r(manicus)*» — RIB, II, 2482.2), что указывает на заинтересованность императора Нерона в этом строительном проекте.

Хронологически с сооружением здания в центре Каллевы совпадают другие масштабные проекты устройства городского поселения в Новиомаге, укрепление Венты Бельгов, строительство бань в Акве Сулис (совр. Бат), работы по возведению комплекса «протодворца» в Фишборне [43, р. 8–9]. Заказчиком указанных мероприятий мог быть лишь Тиберий Клавдий Тогидубн, царь бриттов и друг Рима. Здание в Каллеве было городской резиденцией Тогидубна, и наглядно демонстрировало его власть и близость к Риму.

Интересно, что в строительстве дворца в центре Каллевы помощь Тогидубну оказала центральная власть. Степень реального участия Нерона и его окружения в строительных проектах Тогидубна мы установить, конечно, не можем — она известна лишь по клеймам императорских мастерских на черепице и кирпичах (RIB, II, 2482.3–5). Впрочем, отсутствие изделий с такими клеймами в других регионах Британии ясно указывает на особое внимание имперских властей к Тогидубну и его инициативам. С чем это могло быть связано? Была ли это благодарность за верность Риму, продемонстрированную во время завоевания острова? Или Тогидубн оказал Риму какие-то еще услуги?

Мы склонны согласиться с предположением М. Фулфорда о том, что участие Нерона в строительстве дворца в Каллеве было благодарностью за лояльность, проявленную царем

в самый тяжелый момент в ранней истории провинции, — во время восстания Боудикки [43, р. 6]. Как известно, восстание вспыхнуло, когда наместник, Светоний Паулин, руководил военной операцией на острове Мона. Быстрые успехи бриттов создали серьезную угрозу римской власти на острове (Тас. ann., XIV, 31–37). Однако археология и античная традиция сходятся в том, что территории, подчиненные Тогидубну, не пострадали от восстания¹. Вряд ли это было случайностью. Как мы уже знаем, Тогидубн защитил свои основные города системой земляных укреплений. Кроме того, есть основания предполагать, что царь создал собственную армию, обученную и вооруженную по римскому образцу [24, р. 67–68]. Сильное и лояльное Риму царство Тогидубна было естественным препятствием для восставших, и это позволило Паулину не оказаться в абсолютном враждебном окружении. Таким образом, скорый разгром Боудикки был бы невозможен, если бы Тогидубн не сохранил верность Риму. Такое поведение бриттского царя Рим должен был оценить по достоинству.

Реализация строительной программы Тогидубна была невозможна без привлечения ремесленников и строителей с континента. За ними потянулись торговцы: археологические исследования фиксируют всплеск импорта континентальной керамики [38, р. 121]. Купцы и мастера обосновывались здесь надолго, о чем свидетельствуют надписи коллегий из Новиомага и Каллевы (RIB, I, 69–71, 91). Представители британских элит получили доступ к доселе невиданным предметам роскоши (например, изящная камешка из черного стекла с изображением Аретузы, покровительницы Сиракуз) и смогли по-настоящему приобщиться к римскому образу жизни [45, р. 209–210]. Осознанно или нет, но Тогидубн претворял в жизнь ту же культурную политику, что Тацит приписывал Агриколе (Тас. Agr. 21). Бриттский царь своими действиями способствовал превращению бриттов в добропорядочных жителей римского мира. Косвенным свидетельством успеха и эффективности подобной политики служит мирная реорганизация царства Тогидубна после его смерти. Пример царства иценов показывает, что подобные мероприятия были чреваты волнениями и восстаниями, но южное царство было разделено на три области и включено в состав провинции без крови.

Тиберий Клавдий Тогидубн был умелым политиком: он с успехом поддерживал отношения с тремя разными принцепсами, не испортил отношений с соплеменниками (чего не удалось Картимандуе). Проримские тенденции, хорошо заметные в доримский период, при Тогидубне получили мощный импульс для развития: *oppida* превращались в города, менялись быт и образ жизни значительного числа бриттов. В свою очередь, для Рима Тогидубн был настоящим «подарком» — спокойное царство обеспечивало наместникам надежный тыл и развязывало руки для военных акций против непокорных племен.

Тиберий Клавдий Тогидубн сделал для «покорения» южного царства, для превращения племен бельгов, регнов и атребатов в «римлян», для укрепления имперской власти на юге острова больше, чем любой из наместников провинции. Остается лишь пожалеть, что сведения о нем фрагментарны. Множество важных вопросов — например, о том, как именно был связан Тогидубн с Верикой, почему власть была передана именно ему, чем он занимался до римского завоевания Британии, каковы были его отношения с Каратаком, — остается пока без ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовская М. С. Тиберий Клавдий Когидубн (к вопросу о романизации Британии в I в. н. э.) // Из Истории Античного Общества. — Горький, 1986.

¹ Исследования Инсулы IX в 2006–2009 гг. показали, что как минимум одно строение (Building D) сгорело в период между 50 и 70 гг. н. э. Предположение о том, что этот пожар был связан с восстанием Боудикки, пока не может быть доказано [44, р. 7].

2. *Creighton J.* Coins and Power in Late Iron Age Britain. — Cambridge, 2000.
3. *Mattingly D.* An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire, 54 BC — AD 409. — L., 2007.
4. *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. — М., 1995.
5. *Чэбел П., Фейнман Г. М., Скальник П.* По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. — Волгоград, 2006.
6. *Cheesman C. E. A.* Tincomarus Commi filius // *Britannia.* — L., 1998. — Vol. 29.
7. *Van Arsdell A.* Celtic Coinage of Britain. — L., 1989.
8. *Henig M., Nash D.* Amminus and the Kingdom of Verica // *OJA.* — Oxford: 1982. — Vol. 1. Issue 2.
9. *Crummy P., Crummy N., Jackson R., Schalder U.* Stanway: an Elite Cemetery at Camulodunum. — York, 2007.
10. *Foster J.* The Lexden Tumulus: A re-appraisal of an Iron Age burial from Colchester, Essex. — Oxford, 1986.
11. *Niblett R.* The Excavation of Ceremonial Site at Folly Lane, St. Albans // *Niblett R. Verulamium: The Roman City of St. Albans.* — L., 1999.
12. *Haselgrove C.* Society and Polity in Late Iron Age Britain // *A Companion to Roman Britain.* — Oxford, 2004.
13. *Niblett R.* The Native Elite and their Funerary Practices from the First Century BC to Nero // *A Companion to Roman Britain.* — Oxford, 2004.
14. *Henig M.* The Heirs of King Verica: Culture and Politics in Roman Britain. — Stroud, Gloucestershire, 2002.
15. *Чошкун А.* Межкультурная антропонимия в эллинистической и римской Галатии // *GALATICA: сб. ст. под ред. О. А. Габелко (в печати).*
16. *Murgia C. E.* The Minor Works of Tacitus: the Study in Textual Criticism // *Classical Philology.* — Chicago, 1977. — October. Vol. 72. № 4.
17. *Coates R.* Cogidubnus Revisited // *The Antiquaries Journal.* — 2005 — Vol. 85.
18. *Barrett A.* The Career of Tiberius Claudius Cogidubnus // *Britannia.* — L., 1979. — Vol. 10.
19. *Barrett A.* Tiberius Claudius Cogidubnus // *Webster G. Rome against Caratacus. The Roman Campaigns in Britain 48–58 AD.* — L., Batsford, 2003.
20. *Barrett A.* The Military Situation in Britain in AD 47 // *AJPh.* — Baltimore, 1979. — Vol. 100, № 4.
21. *Cunliffe B.* The Regni. — L., 1973.
22. *Millett M.* The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation. — Cambridge, 2005.
23. *Haselgrove C.* Romanization before the Conquest: Gaulish Precedents and British Consequences // *Military and Civilian in Roman Britain* — Oxford, 1984.
24. *Creighton J.* *Britannia. The Creation of a Roman Province.* — L., N. Y., 2006.
25. *Birley A.* The Roman Government of Britain. — Oxford, 2005.
26. *Bogaers J. E.* King Cogidubnus in Chichester: Another Reading of RIB 91 // *Britannia.* — L., 1979. — Vol. 10
27. *Frere Sb. S.* British Urban Defences in the Earthwork // *Britannia.* — L., 1984. — Vol. 15.
28. *Salway P.* *Roman Britain.* — Oxford, 2003.
29. *Hind J. G. F. A.* Plautius' Campaign in Britain: An Alternative Reading of the Narrative in Cassius Dio (60.19.5–21.2) // *Britannia.* — L., 2007. — Vol. 38.

30. *Russell M.* Roman Sussex. — Stroud, Gloucestershire: Tempus, 2006.
31. *Black E. W.* Sentius Saturninus and the Roman Invasion of Britain // *Britannia.*— L., 2000.
32. *Frere S. S., Fulford M.* The Roman Invasion of AD 43 // *Britannia.* Vol. 32. — L., 2001. — Vol. 31.
33. *Hind J. G. F.* The Invasion of Britain in A. D. 43 — An Alternative Strategy for Aulus Plautius // *Britannia.* — L., 1989. — Vol. 20.
34. *Henig M.* Togidubnus and Roman Liberation // *British Archaeology.*— York, 1998. — Issue 37.
35. *Cunliffe B.* Fishbourne Roman Palace. — Stroud, 1998.
36. *Black E.* Doubting Togidubnus at Fishbourne // *British Archaeology.*— York, 1998. — Issue 39.
37. *Manley J., Rudkin D.* Fishborne Roman Palace Final Interim 1995–99. — Sussex Archaeological society. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sussexpast.co.uk/wp-content/uploads/2011/08/FBE-95-99.pdf>
38. *Fulford M., Rippon S., Ford S., Timby J., Williams B.* Silchester: Excavations at the North Gate, on the North Walls, and in the Northern Suburbs 1988 and 1991–1993 // *Britannia.* — L., 1997. — Vol. 28.
39. *Fox A.* The Early Plan and Town Houses of Silchester // *Antiquity.* — Durham, 1948. — Vol. 22.
40. *Clarke A., Fulford M.* The excavation of Insula IX, Silchester: the first five years of the ‘Town Life’ Project, —1997–2001 // *Britannia.* — L., 2002. — Vol. 33.
41. *Wacher J.* The Towns of Roman Britain. — L., 1978.
42. *Fulford M.* Silchester: the Early Development of a Civitas Capital // *Roman towns: the Wheeler Inheritance* / Ed S. J. Greep. — York, 1993.
43. *Fulford M.* Nero and Britain: the Palace of the Client King at Calleva and Imperial Police towards the Province after Boudicca // *Britannia.* — L., 2008. — Vol. 39.
44. *Fulford M., Clarke A.* Silchester Insula IX. The ‘Town Life’ Project 2006–2009. — Reading, 2010.
45. *Henig M., Greenaway J.* A Moulded Glass Cameo from Silchester // *Britannia.* — L., 1975. — Vol. 6.

Резюме

Барышников А. Е. Скільки потрібно Тогідубнів задля підкорення Британії?

У статті розглядається одна з найбільш значних фігур в історії ранньої римської Британії — Тиберій Клавдій Тогідубн. Розглянувши наявні джерела і висунуті в науковій літературі гіпотези, автор приходять до висновку про те, що Тогідубна, який з'являється в оповіданні Тацита і у напису з Новіомага, не слід ототожнювати з Тогодумном з твору Касія Діона. Тиберій Клавдій Тогідубн походив з південної династії і спочатку був вельми лояльний Риму; в подяку за цю лояльність і реальну допомогу царство Тогідубна було розширено. Сам Тогідубн користувався підтримкою Риму з розумом — було розпочато кілька масштабних будівельних проектів, до царства почали залучатися ремісники й торговці з континенту. Але головним наслідком політики Тогідубна слід визнати прилучення бриттів до римського способу життя, «культурне завоювання» півдня Британії. Без Тогідубна і його діяльності перетворення острова в провінцію забрало б у Риму набагато більше сил.

Ключові слова: Тиберій Клавдій Тогідубн, Британія пізнього залізного віку, Римська Британія, вторгнення Клавдія.

Резюме

Барышников А. Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии?

В статье рассматривается одна из наиболее значительных фигур в истории ранней римской Британии — Тиберий Клавдий Тогидубн. Рассмотрев имеющиеся источники и выдвинутые в научной литературе гипотезы, авторы приходят к выводу о том, что Тогидубна, который появляется в рассказе Тацита и надписи из Новиомага, не следует отождествлять с Тогодумном из сочинения Кассия Диона. Тиберий Клавдий Тогидубн происходил из южной династии и изначально был весьма лоялен Риму; в благодарность за эту лояльность и реальную помощь царство Тогидубна было расширено. Сам Тогидубн пользовался поддержкой Рима с умом — было начато несколько масштабных строительных проектов, территории царства стали привлекать ремесленников и торговцев с континента. Но главным следствием политики Тогидубна следует признать приобщение бриттов к римскому образу жизни, «культурное завоевание» юга Британии. Без Тогидубна и его деятельности превращение острова в провинцию отняло бы у Рима намного больше сил.

Ключевые слова: Тиберий Клавдий Тогидубн, Британия позднего железного века, Римская Британия, вторжение Клавдия.

Summary

A. Baryshnikov. How many Togidubni are Needed to Conquer Britain?

The paper deals with one of the most significant figures in the history of early Roman Britain — Tiberius Claudius Togidubnus. The author considers evidence of sources and some hypotheses made by modern scholars and comes to conclusion that Togidubnus mentioned by Tacitus and in the inscription from *Noviomagus* shouldn't be identified with Togodumnus from Dio's narrative. Tiberius Claudius Togidubnus was a member of 'southern' dynasty and initially was loyal to Rome. This loyalty and some assistance were rewarded by expansion of Togidubnus's realm. Togidubnus used this reward well — several ambitious architectural projects had begun, the kingdom had turned to be attractive for craftsmen and merchants from the continent. But the main consequence of the Togidubnus policy was 'cultural conquest' of southern Britain — Britons became used to Roman way of life. Without Togidubnus and his activity the creation of Roman province would require much more force from Rome.

Key words: Tiberius Claudius Togidubnus, Late Iron Age Britain, Roman Britain, Claudian Conquest

Е. В. Смыков

«Несостоявшийся Александр»: некоторые аспекты образа Германика у Тацита

воим героям Тацит редко давал развернутые характеристики. Мрачный ли деспотизм Тиберия или артистическая жестокость Нерона, суровость Гальбы или таланты Веспасиана — все это предстает перед нами в поступках героев, характеристиках, которые дают им окружающие, общей тональности повествования. Одним из отступлений от этого правила является характеристика Германика, даваемая историком через его сравнение с Александром Великим: «Похоронам Германика — без изображений предков, без всякой пышности — придала торжественность его слава и память о его добродетелях. Иные, вспоминая о его красоте, возрасте, обстоятельствах смерти и, наконец, также о том, что он умер поблизости от тех мест, где окончилась жизнь Александра Великого, сравнивали их судьбы. Ибо и тот, и другой, отличаясь благородною внешностью и знатностью рода, прожили немногим больше тридцати лет, погибли среди чужих племен от коварства своих приближенных; но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей; а качествами воина он не уступал Александру, даже если и не обладал его безрассудством, а Германию, приведенную в смятение столькими победами, ему поработить помешали. Будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагай царскими правами и титулом, он настолько быстрее, чем Александр, добился бы воинской славы, насколько превосходил его милосердием, воздержностью и другими добрыми качествами» (пер. А. С. Бобовича, с изменениями)¹.

В дошедшей до нас литературной традиции это — единственное сравнение Германика с Александром². Пара, с нашей точки зрения, довольно странная: всемирно известный завоеватель, чей образ прочно вошел в культуру Запада, Востока

¹ Tac. Ann. II.73: Funus sine imaginibus et pompa per laudes ac memoriam virtutum eius celebre fuit. et erant qui formam, aetatem, genus mortis ob propinquitatem etiam locorum in quibus interiit, magni Alexandri fatis adacquarent. nam utrumque corpore decoro, genere insigni, haud multum triginta annos egressum, suorum insidiis externas inter gentis occidisse: sed hunc mitem erga amicos, modicum voluptatum, uno matrimonio, certis liberis egisse, neque minus proeliatorem, etiam si temeritas afuerit praepeditusque sit percussas tot victoriis Germanias servitio premere. quod si solus arbiter rerum, si lure et nomine regio fuisset, tanto promptius adsecuturum gloriae militiae quantum clementia, temperantia, ceteris bonis artibus praestitisset

² [1, с. 286]. Исследователь, впрочем, допускает наличие в прошлом и других сравнений, не дошедших до нас.

и России¹ — и достаточно заурядный римский полководец, имя которого известно лишь узким специалистам! Впрочем, такая странность была присуща римлянам издавна, если вспомнить, что в комедии Плавта «Привидение», поставленной, скорее всего, между 194 и 184 гг. до н. э., в последнее десятилетие его жизни, раб Транион говорит: «Утверждают, что двое, Александр Великий и Агафокл, свершили великие деяния: а что же будет мне, третьему, который — один-единственный! — совершает бессмертные дела?» (Plaut. Most., 775–777). Вновь Александр оказывается рядом с фигурой, на наш взгляд несопоставимой по масштабам!² В связи с этим возникают два взаимосвязанных вопроса: во-первых, есть ли некая реальная основа под таким сопоставлением, т. е. является ли приведенный текст отражением сознательной *imitatio Alexandri* со стороны Германика; во-вторых, кто конкретно скрывается под словами «иные... сравнивали» (*egant qui... adacquarent*)?

Что касается сознательности подражания Александру со стороны Германика, то материалов здесь, фактически, никаких нет. Обычно в доказательство ссылаются на косвенные данные, связанные с маршрутом поездки римского полководца по Востоку³. Указывают, что он посетил Акции (Тас. Апп., II, 53) — место, где его дед Антоний, избравший Александра моделью для своего поведения на Востоке, потерпел окончательное поражение в борьбе за власть; затем он останавливался в Афинах (Тас. Апп., II, 53), где подолгу жил и Антоний; в Азии посетил руины Илиона (Тас. Апп., II, 54), как в свое время сделал и Александр; наконец, посетил Египет (Тас. Апп., II, 59–61) — вновь по следам Александра [4, S. 383]. Доводы эти сильными не назовешь. Действительно, подражание Александру со стороны Марка Антония — дело далеко не столь очевидное, как может показаться, и само еще нуждается в детальном обосновании⁴. Между тем и визит в Акции, где «перед ним постоянно витали великие примеры радости и скорби» (Тас. Апп., II, 53), связанные с семейными воспоминаниями не только об Антонии, но и о его противнике, который приходился Германику дядей, и, тем более, визит в Афины, которые не миновал ни один знатный римлянин, были вполне естественны без всякого подражания кому-либо. Что касается посещения Илиона, то и здесь Тацит дает вполне убедительное объяснение: город интересовал Германика «как знак изменчивости судьбы и как памятник нашего происхождения» (Тас. Апп., II, 54). В итоге можно сказать, что если уж что объединяет эти три места воедино, — то отнюдь не витающая над ними тень Александра, а, скорее, память о происхождении, своем личном и своего народа.

Несколько сложнее обстоит дело с Египтом. Кроме тацитовского рассказа о путешествии Германика, Герхард Алдерс ссылается на папирус, из которого, по его мнению, следует, что Германик, свободно общаясь с населением Александрии (что вызвало недовольство Тиберия!) следовал в этом образцу Александра. Более того, он, оказывая благодеяния народу Александрии (снижение цен на хлеб и т. п.) действовал так, как действовал бы на его месте великий македонянин [7, S. 384]. Однако при ближайшем рассмотрении эти аргументы оказываются довольно слабыми. Во-первых, само путешествие Германика по Египту, как недвусмысленно указывает Тацит, имело целью ознакомление с его древностями (Тас. Апп., II, 59; ср.: Plin. NH., VIII, 185; *Ann. Mag.* XXII, 14, 8 — о посещении Германиком святилища Аписа в Мемфисе)

¹ Яркие образцы того, что в России Александр не был достоянием только «книжной» культуры, см., например, в очень интересной статье петербургского исследователя В. В. Виноградова, ныне, к сожалению, покойного: [2, с. 95–102].

² Для оценки этого фрагмента из Плавта см.: [3, с. 10].

³ Наиболее подробный анализ см.: [4, S. 165 f.].

⁴ Идея о том, что Марк Антоний на Востоке подражал своими действиями Александру, распространена довольно широко [см., напр.: 5, S. 109 f.; 6, S. 193 f.] Однако зачастую основания для такого утверждения явно недостаточны [см.: 3, с. 14].

и было направлено в районы, которые со времен Гекатея и Геродота и даже ранее традиционно привлекали туристов, но не имеют никакого отношения к Александру (Фивы, колосс Мемнона и т. п.)¹. Во-вторых, Тацит указывает, что своим поведением в Александрии Германик следовал примеру Публия Сципиона на Сицилии (Тас. Анн., II, 59). Правда, некоторые авторы считают, что Сципион, в свою очередь, подражал Александру², но это вызывает большие сомнения³.

Если же рассмотреть те политические выгоды, которые мог получить Германик в результате такого подражания, то окажется, что их почти не было, а вот неприятности за этим визитом последовали. Египет был на дурном счету у римских императоров первого века империи; Германик был первый из членов императорской фамилии, который посетил его, нарушив тем самым закон, запрещающий посещение этой провинции сенаторами без разрешения принцепса. В своем стремлении угодить ему египтяне даже допустили политическую бестактность по отношению к правящему принцепсу — хотели даровать божеские почести, которые Германик отклонил⁴. Все это, естественно, не могло нравиться Тиберию, который сделал Германику выговор за его поведение⁵. Так что любые политические игры последнего в Египте неминуемо вовлекли бы его в конфликт с принцепсом и были чреваты непредсказуемыми последствиями⁶.

Итак, оснований говорить об *imitatio Alexandri* со стороны Германика у нас нет⁷. Иное дело — посмертное сравнение этих двух персонажей. Несмотря на то, что особых полководческих достижений за Германиком не числилось [12, р. 463], к сопоставлению располагали и возраст, в котором они оба ушли из жизни, и их несомненная личная харизма. Такого рода похвалы-сопоставления легко представить еще при жизни Германика в устах греков из его окружения, для которых Александр был эталоном героя, или как часть посмертных восхвалений в его адрес со стороны безутешной Агриппины [8, р. 77]. Однако все не так просто. Сравнение с Александром вполне *могло* прозвучать, но в таком виде, как его приводит Тацит, оно прозвучало вряд ли. Во-первых, оно содержит вполне очевидный подтекст — сравниваются не только Германик и Александр, но и Германик и Тиберий. Действительно, последний, как и Александр, не мог похвалиться ни прочной семьей, ни воздержанностью, ни милосердием; он не выказывал особой личной доблести, хотя и был умелым полководцем, и готов был отказаться от дальнейших завоеваний; а упоминание о том, что Германику помешали покорить Германию, прямо напоминало об императоре. Трудно поверить, что при

¹ Кстати, посещения прославленных памятников древности императорами и членами их фамилий в I в. были довольно распространены [см.: 9, р. 771].

² [См.: 7, S. 383, Анн. 20]. Здесь приводится ссылка на ряд источников, которые, впрочем, можно трактовать и иным образом. [См. также: 6, S. 37 f.; 8, р. 17 f.].

³ Для оценки см.: [3, с. 13 (с указанием на литературу в ссылках)].

⁴ Обзор материала см.: 10, р. 186.

⁵ Вполне возможно, Тиберий опасался того, что Египет попадет под влияние харизматического, в отличие от него самого, Германика, сильного военного лидера [10, р. 187].

⁶ К этому следует добавить, что у самого «ультра-римлянина» Тиберия не обнаруживается никаких следов интереса к великому македонскому завоевателю [11, р. 76]. Тем подозрительнее были бы для него любые попытки Германика «эллинизировать» свое поведение в духе Александра; в свете незаконности самой поездки, это могло быть расценено мнительным принцепсом как прямой вызов.

⁷ А. Кюнен, правда, усматривает подражание Александру еще и в манере обращения Германика с солдатами [4, S. 165]. Однако, думается, здесь мы имеем дело с более общей и вневременной чертой — стремлением полководца личным общением с рядовым составом поддержать боевой дух войска. Такое поведение было характерно не только для Александра, но и для Сципиона, Цезаря, Марка Антония и других военачальников, как римских, так и чужеземных.

жизни Тиберия кто-нибудь решился бы на такую критику. Во-вторых, похвалы в адрес Германика явно неумеренны, преувеличены настолько, что Р. Сайм характеризует их как «восхваление, гротескное в своей диспропорции (the laudation grotesque in its disproportion)» [9, p. 492]. Таким образом, автором того сопоставления, которое мы имеем, несомненно, является сам Тацит, оно носит чисто литературный характер и является типичным образцом подобных текстов [11, p. 76]. При этом сам автор очень ловко дистанцируется от его содержания, вводя анонимных лиц, которые, якобы, так говорили [4, S. 163]¹.

Сама идея такого сопоставления не нова — здесь сразу же вспоминается «экскурс об Александре» у Тита Ливия, в котором рассматривается вопрос о возможности победы Александра над римлянами. Сравнение этих двух текстов демонстрирует интересные несоответствия уже в самой их логике. Ливий начинает с констатации превосходства римских полководцев и коллективной мудрости сената над военными талантами одного юноши, затем он подчеркивает, что Александр был у македонян один, и его величие «остается всего лишь величием одного человека, которому чуть больше десяти лет сопутствовала удача» (Liv. IX, 18, 8. Пер. Н. В. Брагинской), причем достойно сносить эту удачу он был способен менее всех людей. Здесь следует характеристика отвратительных черт характера и поведения Александра: «Горько, рассказывая о таком великом царе, вспоминать о кичливой перемене в его облачении, о требовании в знак почтения земных поклонов, непереносимых для македонян... А ужасные казни, убийства друзей на пирах и попойках, а тщеславная ложь о своем происхождении! Что если пристрастие к вину росло бы в нем день ото дня, а приступы ярости делались бы все свирепей и неукротимей? И я ведь говорю лишь о том, в чем никто из писателей не сомневается!» (Liv. 18, 4–5). Наконец, Ливий сравнивает армии Александра и римлян в чисто техническом отношении — и снова не в пользу македонян.

Прежде всего, отметим, что у Тацита исчезло противопоставление, связанное с вопросом о возможности победить Рим; он проводит более узкое, но логически гораздо более корректное сопоставление двух личностей, двух полководцев. Тацит не утруждает себя перечислением отрицательных моральных качеств Александра. Противительный союз, идущий сразу же после перечисления сходных черт, ясно указывает, что всеми дальнейшими качествами Александр не обладал², детали образованный читатель, несомненно, мог дополнить и сам, опираясь на риторическую (экскурс Ливия, «Достопамятные деяния и изречения» Валерия Максима) или историческую (Трог Помпей, Курций Руф) традицию. Таким образом, темные стороны личности Александра как бы оттеняют блестящие достоинства римского военачальника [4, S. 163]. Кроме того, в конце своего текста Тацит перечисляет качества, которыми Германик Александра превосходил, т. е., иными словами, они были характерны и для Александра, но в меньшей степени — милосердие, умеренность, «прочие добрые качества» (*clementia, temperantia, ceteris bonis artibus*)³.

Любопытно, что ни одному из названных Тацитом положительных качеств Александра не нашлось места в ливиевой характеристике. Связано это со спецификой политической лексики его времени. Согласно интерпретации Ж. Эллегуара, в политическом

¹ Кстати, текст Тацита, возможно, имеет и второй план. По мнению Р. Сайма, в нем содержатся аллюзии на современные историку события, смерть Траяна на Востоке в 117 г. [см.: 9, p. 492, 771].

² «Но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей» (*sed hunc mitem erga amicos, modicum voluptatum, uno matrimonio, certis liberis egisse*). При этом, как отмечает А. Кюнел, в своей довольно краткой характеристике Тацит сумел воспроизвести все основные черты образа Александра, который рисует враждебная ему традиция [4, S. 163].

³ Ср. достоинства Александра согласно Валерию Максиму: III, 8, ext. 6; IV, 7, ext. 2; V, 1, ext. 1; VI, 4, ext. 3; VIII, 11, ext. 2. [Для оценки контекста см.: 13, с. 145–152].

языке поздней Римской республики *temperantia* — это поведение человека, который при любых обстоятельствах делает то, что надлежит, сохраняет чувство меры, столь важное для идеального политика; противоположностью этому качеству являются *libido* (произвол) или *luxuria* (необузданность) [14, р. 259]. Но ведь именно необузданность, хотя соответствующие термины Ливием при характеристике Александра не употребляются, является едва ли не основной чертой характера македонского завоевателя! Он рисуется им как человек, все больше утрачивавший чувство меры, который в Италию «явился бы больше похожий на Дария, чем на Александра» (Liv. IX, 18, 3).

Что касается термина *clementia*, то это понятие во времена республики имело не только двусмысленный характер и применялось главным образом в сфере внешней политики, по отношению к покоренным народам. На практике это означало, что оно выражает отношение высшего, имеющего право проявить снисходительность, к низшему и в этом смысле несет в себе элемент произвола [15, с. 283 сл.]. Таким образом, для республиканца Ливия оно едва ли могло быть похвалой в адрес Александра. Во времена Тацита восприятие этого понятия кардинально изменилась: *clementia* была официальной политикой Цезаря, эта добродетель была начертана на поднесенном сенатом Августу щите и за столетие успела закрепиться в политическом лексиконе как одна из главных добродетелей принцепса. Применительно ко времени Тиберия подчеркивание милосердия Германика служит историку, конечно, для того, чтобы создать контраст жестокости Тиберия.

Итак, при чисто внешних сходствах (возраст, внешность и т. п.), Германик превосходит Александра и в личной, и в общественной жизни. Столь же однозначно, с точки зрения римлянина, его превосходство как воителя: «Качествами воина он не уступал Александру, даже если и не обладал его безрассудством» (*neque minus proeliatorem, etiam si temeritas afuerit*). Известно, что воинская доблесть занимала исключительно важное место в характерной для античности системе ценностей. Однако, как продемонстрировал А. В. Махлаюк, между ее пониманием греками и римлянами существовали весьма существенные различия. Речь идет, прежде всего, о личном участии полководцев в сражениях, которое у римлян встречается гораздо чаще, чем у греков¹. Подводя итог, исследователь подчеркивает: «В греческой истории в подобных эпизодах выступали почти исключительно незаурядные полководцы. В Риме же это было императивной нормой, которой следовали военачальники и правители, самые разные по способностям, происхождению и характеру» [16, с. 118].

В армии Александра личный пример полководца имел для его воинов огромное значение, что отличало ее от армий классической Греции². В этом смысле Александр был близок и понятен римлянам, с ним можно было сразиться за первенство — и вот Тит Ливий задается вопросом (риторическим!): «А Манлий Торкват или Валерий Корв, стяжавшие славу ратоборцев прежде славы полководцев, разве уступили бы они на поле брани бойцовской доблести Александра, ведь и она немало прибавила к его славе?» (Liv. IX, 17, 12). Германик, не уступающий Александру как воитель, встает в этот же ряд. Но при этом следует помнить, что «высшим проявлением личного мужества в Риме все же считалась готовность встретить опасность лицом к лицу в ситуации, когда это вызывалось прямой необходимостью» [17, с. 302] — отсюда оговорка Тацита насчет безрассудства (*temeritas*). Александр слишком часто подвергал опасности судьбу похода, демонстрируя доблесть без прямой необходимости; римлянин позволить себе этого не мог.

¹ [16, с. 112 сл. (выразительный набор примеров из греческой теории и римской практики)].

² [17, с. 309, со ссылками на источники]. Отношение к войне как к «царскому делу» сохранилось и в эллинистических монархиях [см.: 18, с. 100 сл., 163 сл.].

Однако кроме личной доблести полководцу, чтобы сравняться с Александром, нужны блестящие победы, между тем именно здесь Германик выглядел достаточно бледно на фоне македонского героя. Поэтому Тацит продолжает фразу: ...temeritas afuerit praepeditusque sit percultas tot victoriis Germanias servitio premere («...а Германию, приведенную в смятение столькими победами, ему поработить помешали»). Итак, Германик — жертва внешних обстоятельств, реализовать полководческий талант ему просто не дали. Несмотря на отсутствие прямых указаний в разбираемом фрагменте, Тацит в других местах своего труда и не скрывает, что помешал Германику не кто иной, как Тиберий, завидовавший его популярности и успехам¹. Разумеется, все было бы иначе, «будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагай царскими правами и титулом» (Tac. Ann. II.73: si solus arbiter rerum, si lure et nomine regio fuisset) — воинской славы он бы добился настолько же быстрее, насколько превосходил Александра добрыми качествами.

Тема помех, которые чинят полководцу окружающие, тоже не нова, она присутствует уже в экскурсе Ливия. В его время она выглядела так: «...Они (полководцы Республики. — Е. С.) заслуживают большего восхищения, чем Александр или любой другой царь, еще и потому, что иные из них диктаторами были по десять или двадцать дней, а консулом никто не был дольше года; и потому еще, что народные трибуны мешали им производить набор, и на войну они бывало отправлялись с опозданием, и еще до срока их отзывали проводить выборы, и срок их полномочий истекал порою тогда, когда дело было в самом разгаре, и товарищи по должности, случалось, чинили им препятствия или наносили урон кто трусостью, а кто безрассудством, и войну они продолжали, получив в наследство неудачи предшественников, и войско им доставалось из новобранцев или плохо обученных военной службе. А цари, клянусь Геркулесом, не только свободны ото всех этих препон, но вольны распоряжаться и временем, и обстоятельствами, подчиняя все это своему замыслу и ни к чему не применяясь» (Liv. IX, 13–16). Разница вполне очевидна: на пути к победе у республиканских полководцев препятствий было не меньше — но они ее добивались, *несмотря* на то, что не обладали царской властью. Германик, которому перечисленные Ливием факторы практически не мешали, не смог добиться победы, *потому что* не обладал царской властью. Сравнение с Александром, которое Ливий использовал, чтобы превознести virtutes Romanas, превратилось у Тацита в способ обоснования необходимости царской власти для харизматичного полководца — единственного средства защитить его от зависти вышестоящих лиц. Впрочем, век такого полководца недолог, смерть его воспринимается историком как смерть самой надежды, и повествование его окончательно погружается во мрак [1, р. 301].

ЛИТЕРАТУРА

1. Gissel J. A. P. Germanicus as an Alexander figure // Classica et Medievalia. — 2001. — Vol. 52.

¹ Ср.: Tac. Ann. II, 26; 41 (прямое обвинение: «Тиберий не дал Германику закончить войну»). Справедливости ради отметим, что здесь Тацит просто дает волю своей неприязни к Тиберию. Давно и убедительно показано, что конкретный материал (в том числе и приводимый самим Тацитом) не подтверждает выдвинутых в адрес принцепса обвинений в зависти к Германику [перечень фактов см., напр.: 19, р. 190 f.]. Да и в военном отношении Тацит сильно преувеличивает значение побед Германика. Как справедливо подчеркнул К. Пеллинг, в споре с принцепсом о германской политике он проявил, несмотря на романтическую ауру, которая его окружает, полную стратегическую некомпетентность [20, р. 281]. Для оценки см., напр.: [21, с. 259–260; 22, с. 91; 23, с. 115 сл.].

2. *Виноградов В. В.* Александр Македонский и русский фольклор // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре Материалы конф. 18 апреля 2007 г. [Труды Государственного Эрмитажа. Т. 63]. — СПб., 2012.
3. *Смыков Е. В.* Imitatio Alexandri в республиканском Риме: исторический факт или историографический миф? // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре. Материалы конф. 18 апреля 2007 г. [Труды Государственного Эрмитажа. Т. 63]. — СПб., 2012.
4. *Kühnen A.* Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. — Duisburg; Essen, 2005.
5. *Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. — Bruxelles, 1967.
6. *Weippert O.* Alexander-Imitatio und Römische Politik in Republikanischer Zeit. — Augsburg, 1972.
7. *Aalders H. Wzn G. J. D.* Germanicus und Alexander der Große // Historia. — 1961. — Bd. 10.3.
8. *Nadell J. B.* Alexander and Romans. Diss. — Ann Arbor, 1959.
9. *Syme R.* Tacitus. — Oxf., 1958. — Vol. 2.
10. *Sapponi L.* The Roman Period // A Companion to Ancient Egypt. — Oxf., 2010.
11. *Hengst D. den.* Alexander and Rome // Hengst D. den. Emperors and Historiography. Collected Essays on the Literature of the Roman Empire. — Leiden; Boston, 2010.
12. *Stadter Ph. A.* Character in Politics // A Companion to Greek and Roman political Thought / Ed. R. K. Balot. — Oxf., 2009.
13. *Смыков Е. В.* Образ Александра Великого в произведении Валерия Максима // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). — Казань, 2009.
14. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. — P., 1963.
15. *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир: Проблемы истории и культуры. — СПб., 1998.
16. *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и менталитета. — Н. Новгород, 2000.
17. *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. — СПб., 2006.
18. *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире. — СПб., 2013.
19. *Paladini M. L.* A proposito del parallelo Alessandro Magno — Germanico Cesare in Tacito // Alessandro Magno tra storia e mito / Ed. M. Sordi. — Milano, 1984.
20. *Pelling C. P.* Tacitus and Germanicus // Oxford readings in Tacitus. — Oxf., 2012.
21. *Крифт К.* История времен римских императоров. — Ростов н/Д., 1997. — Т. 1.
22. *Грант М.* Двенадцать Цезарей. — М., 1998.
23. *Парфенов В. Н.* «Consilium coercendi intra terminos imperii» (к проблеме преемственности европейской политики Августа и Тиберия) // АМА. — 2002. — Вып. 11.

Резюме

Смыков Е. В. «Несостоявшийся Олександр»: деякі аспекти способу Германіка у Тацита

У статті розглядається зіставлення Олександра Великого і Германіка, яке справив Тацит (Тас. Апп., II, 73). Воно, ймовірно, є літературним прийомом, за допомогою якого Тацит не тільки демонструє перевагу римського полководця над Олександром,

але і висловлює приховану критику на адресу імператора Тіберія. З погляду Тацита, Германік перевершив би своїми успіхами Олександра, якби мав монархічну владу. В цілому це порівняння демонструє зміщення акцентів у бік монархізму: Тит Лівій показував, як полководці домагалися успіху, незважаючи на те, що не мали монархічної влади, Тацит підкреслює, що відсутність такої влади завадила Германику добитися перемоги і реалізувати свої блискучі якості.

Ключові слова: Германік, Олександр Великий, Тіберій, зіставлення, наслідування, Тацит, Лівій.

Резюме

Смыков Е. В. «Несостоявшийся Александр»: некоторые аспекты образа Германика у Тацита

В статье рассматривается сопоставление Александра Великого и Германика, которое произвел Тацит (Тас. Анн., II, 73). Оно, вероятно, является литературным приемом, при помощи которого Тацит не только демонстрирует превосходство римского полководца над Александром, но и выражает скрытую критику в адрес императора Тиберию. С точки зрения Тацита, Германік превзошел бы своими успехами Александра, если бы имел монархическую власть. В целом это сравнение демонстрирует смещение акцентов в сторону монархизма: Тит Ливий показывал, как полководцы добивались успеха, несмотря на то, что не имели монархической власти, Тацит подчеркивает, что отсутствие такой власти помешало Германику добиться победы и реализовать свои блестящие качества.

Ключевые слова: Германік, Александр Великий, Тіберій, сопоставление, подражание, Тацит, Ливий.

Summary

E. Smykov. “Missed Alexander”: Some Aspects of the Image of Germanicus in Tacitus

The article deals with a comparison of Alexander the Great and Germanicus, which made Tacitus (Tac. Ann., II, 73). It is probably a literary device by which Tacitus not only demonstrates the superiority of the Roman general of Alexander, but also expresses a hidden criticism of the emperor Tiberius. From the point of view of Tacitus, Germanicus would have surpassed his successes Alexander if he had a monarchical power. In general, this comparison demonstrates the shift towards monarchism: Livy showed how generals succeeded, despite the fact that they had no monarchical power, Tacitus emphasizes that the lack of power prevented Germanicus win and realize his brilliant quality.

Key words: Germanicus, Alexander the Great, Tiberius, comparison, imitation, Tacitus, Livy.

К. Ю. Бардола

«Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв.

ценивая деятельность послов-дипломатов в международной политике Византийской империи, исследователи отмечали их заметную роль не только в процессе проведения переговоров по проблемам войны и мира, но и в не менее важных, хоть и не столь очевидных направлениях. В историографии нередко подчеркивалось значение их активности в культурном международном обмене, который затрагивал многочисленные вопросы теологии, науки, медицины и архитектуры [1; 61]. Византинисты также отмечали, что диплома-

ты часто осуществляли функции оптовых агентов в межгосударственном торговом обмене [2; 3]. Была отмечена также на первый взгляд незаметная, но значительная роль, которую послы играли в получении ценных разведывательных данных и ведении другой шпионской деятельности [4]. Тем не менее, некоторые аспекты деятельности византийских дипломатов незаслуженно остались без должного освещения. Например, в историографии весьма редко появлялись исследования, которые касаются особенностей риторики, применяемой византийскими послами во время переговоров. Ученые упускают из виду тот факт, что многие риторические приемы в дипломатическом общении оставались без изменений на протяжении столетий византийской истории, что свидетельствует о четко выраженной официальной позиции. Один из таких риторических приемов применялся ромеями для оправдания тех или иных территориальных завоеваний с такой регулярностью, по крайней мере до 1204 г, что можно говорить о своего рода дипломатическом «клише» или формуле. Условно эту позицию официального Константинополя можно определить, как «право на возврат владений», заимствованную из римской виндикационной практики. Таким образом, дипломаты официально заявляли, что византийцы имеют право на возврат территорий, когда-либо принадлежащих Римской империи и впоследствии «незаконно» захваченных варварами. Для данного исследования важным представляется понять причины выбора именно такой риторической формы, определить основные цели ее использования и оценить результативность применения.

В Средние века не каждая война приводила к территориальным изменениям границ государства. Многочисленные нашествия варваров на Европу оставляли после себя разрушения, а также людские и материальные потери, но зачастую не меняли границы государств. В свою очередь, изменение размеров государственной территории могло произойти не только вследствие удачной или неудачной войны, но также в результате династических или матримониальных изменений, а также на договорных началах. Два последних способа, широко распространенные в феодальной Европе, являлись редкостью для византийской истории. Основные территориальные потери и приобретения Византийская империя осуществляла после военных столкновений, но, в отличие от большинства своих противников, ее официальные лица, говоря

И
С
Т
О
Р
И
Я

о территориальных изменениях практически перестали заявлять о привычном для того времени праве войны.

Изменения в византийской дипломатической риторике

Тезис о справедливости возврата земель, принадлежащих Римской империи, стал активно применяться в официальной риторике во время правления императора Юстиниана I. К началу VI в. на бывших территориях Римской империи сложились новые варварские государства, политическая элита которых действовала в межгосударственных отношениях как вполне независимая сила. С другой стороны, византийское государство к этому времени оправилось от многочисленных потрясений предыдущих веков и могло вести более агрессивную внешнюю политику. Намечалось политическое противостояние, и византийским императорам требовалась новая идеологическая концепция.

Возможно, что неким толчком для изменения официальной риторики послужил яркий пример использования идеологического давления со стороны персидского посланца Сеоса во время обсуждения условий мира между шахом Кавадом и императором Юстином I. Представитель персидской стороны заявил, что «римляне насильственно и безо всякого на то права владеют издревле подвластной персам Колхидой, которая теперь называется Лазикой» (Procop. Bellum pers. I, 11). Римскую делегацию представляли знатные члены сенаторской аристократии, которые ностальгировали по ушедшим временам завоевательных войн и, наверняка, оценили подобную форму территориальных притязаний. И вот уже Велизарий в своем напутственном слове перед битвой под Децимом в сентябре 533 г. заявляет о справедливости возврата римских земель в Северной Африке (Procop. Bellum vandal. I, 19). Чуть позже им же было подвергнуто сомнению право владения готам на земли в Италии (Procop. Bellum vandal. II, 5). Когда военные действия переместились в Италию, риторику Велизария о «не принадлежащих готам землях» стали активно поддерживать императорские послы и Юстиниан I лично (Procop. Bellum goth. I, 5–6, 20; II, 6, 21). Тот же риторический прием применил вождь лояльных Империи сарацин Арефа, претендуя на земли, которые до этого были подвластны его основному сопернику Аламундару. Прокопий сообщает, что официально озвученным основанием для захвата земли стало его римское название «Страта» и свидетельства «старейших людей» (Procop. Bellum pers. II, I). В конце концов, в 562 г. уже Петр Патрикий в качестве главы византийской делегации к персидскому шаху Хосрою предлагает рассмотреть вопрос о правах на Сванию и Лазикю на основании документов, подтверждающих их давнюю принадлежность Римской империи (Menander, XI). Таким образом, к середине VI в. в Византии окончательно сложился дипломатический подход, согласно которому исторический факт даже непродолжительной принадлежности той или иной земли к Империи мог вполне служить справедливым основанием для территориальных претензий.

Доктрина реконкиты и теория «справедливой войны»

Определение эффективности дипломатической деятельности является задачей достаточно сложной, так как официально задекларированные дипломатами цели могли быть лишь ширмой для скрытых, но первоочередных задач [6]. Однако вряд ли кто-нибудь будет спорить, что риторика византийских послов не была простым проявлением индивидуальных способностей для витиеватости речи. Очевидно, что перед отправкой дипломатической миссии послы должны были проходить строгую проверку (Anonim., XLIII). Следовательно, дипломаты выражали официальную позицию, и форма изложения, вероятно, не была результатом личной инициативы. На первый взгляд использование подобных риторических приемов могло быть своего рода проекцией масштабного плана восстановления Римской империи с последующим формированием соответствующей многовековой военно-политической доктрины. Такая

точка зрения достаточно популярна в византинистике, хотя в последнее время подвергается вполне обоснованной критике [8, с. 237–238].

С другой стороны, отсутствие поддержки плана вторжения в Северную Африку у ближайшего окружения Юстиниана I, осторожный ход военной компании и очевидные сомнения в ее исходе у самого императора — все это свидетельствует скорее об удачной попытке воспользоваться внутренними неурядицами в вандалском королевстве, нежели об осуществлении первого этапа сложного, многоходового плана масштабной реконквисты (Procop. Bellum vandal. I, 10). В какой-то мере это подтверждает характер риторики, применяемой византийскими официальными лицами. В дипломатическом письме император всячески подчеркивал нежелание войны с вандалами, и утверждал, что его цель заключается исключительно в смене их предводителя Гелимера, дабы они смогли «наслаждаться миром и свободой» (Procop. Bellum vandal. I, 16). Даже заявления представителя византийских «ястребов» — Велизария во время вандалской войны были достаточно непоследовательными, и после битвы под Децимом он признается перед воинами, что они захватили все же «чужую землю» (Procop. Bellum vandal. II, 1). Лишь после окончания активной фазы войны с вандалами Велизарий в официальной переписке с Амаласунтой начинает подвергать сомнению права готов на владение ими Италией, а императорские послы поддержали эту риторику и того позже. К тому же, надо отметить избирательность использования подобного дипломатического давления. Например, при переговорах с франками о возможном союзе в готской войне, византийские послы предусмотрительно не использовали тезис «возврата своих владений», и вплоть до окончания готской войны придерживались такой же политики (Procop. Bellum goth. VIII, 24).

Все это свидетельствовало о том, что византийские официальные лица даже в период активизации внешней политики Юстиниана I использовали заявления об исконном праве на римские территории не постоянно, исходя из сложившейся международной обстановки и в зависимости от выбора дипломатического соперника. Такой же подход сохранялся и в последующие века. Уместно привести пример дипломатической деятельности Патриарха Николая Мистика, который пытался урезонить политические амбиции болгарского правителя Симеона I. Николай проявил удивительный политический такт и терпение, многие годы успокаивая, уговаривая болгарского правителя, предлагая найти компромисс. И лишь когда стало ясно, что цель неуступчивого Симеона I заключается непосредственно в захвате константинопольского престола, Николай заявил, что болгары — «бывшие рабы авар», а Балканский полуостров издавна «принадлежит империи ромеев» (Nicolas I. Epistola X; Epistola 27, col. 176) [13, с. 122]. Чуть позже ту же позицию повторил для Симеона I император Роман I Локапин, написав ему в послании, что все захваченные болгарскими землями должны быть возвращены. Тут же Роман добавил, что Симеон не имеет никаких законных оснований для именованного «императором ромеев», а титул «императора болгар» он может носить только потому, что когда-то его предкам разрешили поселиться на римской земле (Romanus Lecapinus, p. 298–314). В данном случае заявление о праве владения римскими землями не использовалось до последнего момента, так как было слишком агрессивным в сложившейся ситуации. Позднее весьма нечеткое определение «своей земли» дал император Никифор II Фока во время переговоров с послом Оттона I Лиутпрандом. Первоначально император высказал претензии на всю Италию как часть «римской» земли, но после «жесткого» негативного ответа его территориальные притязания ограничились лишь возвратом Капуи и Беневента (Liudprand, XXXVI) [15].

Такое поведение византийских официальных лиц, а также отсутствие прямых свидетельств в византийских законодательных источниках, императорских хрисовулах и военных трактатах говорит о том, что теория внешнеполитической доктрины глобальной реконквисты является безосновательной. Следовательно, дипломатическая риторика подобного рода имела несколько иные, менее масштабные и вполне практические цели.

Наиболее простое объяснение использования подобной дипломатической практики связано с потребностями самих дипломатов сохранить свое и, конечно же, императорское реноме. В условиях, когда в византийском обществе всячески подчеркивалось императорское миролюбие, ощущалась необходимость официального обоснованного оправдания наступательных войн. Если еще в IV в. анонимный автор трактата «О стратегике» пишет о войне как об источнике выгоды для казны, то в более поздний период авторы подобных работ почти в один голос говорят о войне как о «бедствии» и «наихудшем из зол» и декларируют безусловную предпочтительность мира, даже купленного за деньги (Лев. Тактика, II, 49; XX, 150; Кекавмен, XXIX; 18, XXXVI; Анна Комнина, XII, 2). Вероятно, именно поэтому после VI в. в военных трактатах все чаще используется термин «справедливой» или «законной» войны.

Византийский термин «законной» или «справедливой» войны (*dikaïos polemos*), скорее всего, был калькой римского «bellum iustum». Еще Цицерон объяснял, что справедливая война (*bellum iustum*) имеет две причины — возмездие за перенесенную несправедливость и защита государства от агрессоров. По его мнению, такая война должна вестись по определенным правилам и только против политической общины в качестве субъекта права. (Cicero. *De officiis* I, 11, 34 ff; *De re publica* 3, 23. 35) Позже Августин Блаженный добавлял, что война не является «нормальным», естественным состоянием общества, а конечная цель справедливой войны должна заключаться в подписании мира. В этом смысле справедливой причиной для начала войны может быть нарушение мирного правового порядка. К тому же «справедливую войну» может начинать только легитимная власть (Августин. *О Граде Божиим*, IV, 14–15, XV, 4, XIX, 8, 12; 22). Эти признаки стали основными для определения средневековой «справедливой войны» (*Decretum Gratiani*, с. 23 q. 2 с. 2). Но уже после XII в. богословы и юристы признавали еще две возможных причины «справедливой войны»: возврат отнятых владений и священная война, называемая «римская война» (*bellum romanum*) [23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30]. Как мы видим, к XII в. принцип возврата отнятых владений стал неотъемлемой частью теории «справедливой войны», чему несомненно поспособствовала практика византийской дипломатии.

Основной признак «законной» войны, согласно сведениям византийских источников, заключался в ее ответном характере (Лев. Тактика, II, 49; XX, 169–171). Однако, на практике византийские василевсы нередко утверждали, что они являются преемниками римских императоров, а факт захвата варварами земель Римской империи, а, следовательно, и законность ответных мер, не имеет срока давности. Таким образом, у Византии практически всегда была причина для «законной» или «справедливой» войны, и в перечне посольских навыков не последнее место стало занимать умение оперировать архивными документами и историческими сведениями. Неслучайно Константин Багрянородный, описывая в своих наставлениях соседей Византии, довольно часто упоминает предшествующую принадлежность их земель «римлянам» (Константин Багрянородный. *Об управлении*. XXIX, XXXI–XXXIII, XXXV, XXXVI).

«Справедливость» процесса возврата своих земель не только служила оправданием для начала «законной» войны, но и играла роль серьезного идеологического оружия, подрывая уверенность в себе потенциальных и реальных противников, а с другой стороны, убеждая своих подданных в справедливости территориальных претензий, а значит, и военных действий. Подобная задача могла иметь зеркальное отражение и быть направлена на доказательство «несправедливой» агрессии противника. Несмотря на то, что степень результативности подобного давления трудно установить с достаточной определенностью, регулярность официальных заявлений о праве возврата своих земель, а, следовательно, и надежды византийской дипломатии на их эффективность, во многом зависели от социально-политического уровня развития противника и его идеологической стойкости.

Право войны vs. права возврата владений

Риторическая формула «права возврата земель» создавалась византийской дипломатией в условиях противостояния с варварскими государствами, и являлась своего рода противовесом их официальной позиции, основанной на «праве завоевания». Это базовое для средневековой дипломатии право постфактум распоряжаться захваченными территориями как военной добычей было очень органично для военизированных раннесредневековых обществ и использовалось их официальными лицами практически повсеместно. Напротив, византийские дипломаты с большой неохотой упоминали этот тезис, несмотря на то, что в римском праве провинциальные земли — это земли, захваченные именно по праву завоевания (*ius ad bellum*). Выше уже отмечался миролюбивый характер византийского государства, которое предпочитало решать внешнеполитические задачи невоенными способами [4; 13]. Определенную роль в этом сыграло и стратегическое положение Империи, которая находилась под постоянным давлением варваров, но все же основные причины лежали в социально-экономической плоскости. В отличие от соседних государств и народов, которые в большинстве своем находились на социальном уровне военной демократии, византийское общество жило в большей степени не военной добычей, а сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Ценности войны не были приоритетом для политической элиты общества ромеев, а византийский василевс не желал опускаться до уровня варварского хагана. Наконец, приоритет использования тезиса «возврата римских земель», не заменял, а лишь усиливал базовое положение «права завоевания». Византийские императоры все же не забывали напоминать на международной арене о своих военных заслугах при помощи письменных докладов о победах, титулатуры (CJS. Instit. P. XXI; Cod. Just. XVII. 2, XXVII), прозвищ или церемониала. [32; 33, с. 185–192].

О столкновении двух дипломатических подходов говорит Агафий, описывая жалобы готских послов на византийцев во время встречи с Теодибальдом (Агафий, I, 5). Чуть позже, Петр Патрикий на переговорах с персами противопоставляет «праву завоевания», декларированного шахом Хосроем I, исконное право римлян на Лазику, а заодно и на Сванию (Menander, XI). На заявления о праве владения захваченными землями на основе завоевания, сделанные в разное время предводителями авар, болгар и россов, византийские дипломаты с неизменным упорством утверждали, что это их исконные земли, и пришельцы не имеют на них никаких прав (Феофан, 580 г, 594 г; Феофилакт Симокатта, I, 5; VII, 7; Лев Диакон, VI, 10; Nicolas. Epistola 10, col. 660) [13, с. 122]. Пропагандистская деятельность дипломатов была лишь одним из многих факторов, воздействующих на моральное состояние противника, но фактором немаловажным. Сами византийцы помнили, как действовала на римлян политика постоянных угроз и требований, которую осуществлял на их землях Атиллы. Страхом, непониманием, унижением пропитаны сведения источников о моральном состоянии римской и константинопольской элит во время многочисленных переговоров с «бичом божьим», что свидетельствовало о неготовности дипломатической службы противостоять подобному давлению [37, отр. 5–6; 38]. В VI в. ситуация изменилась и о схожем состоянии растерянности, подавленности и неуверенности, но уже в готском обществе, говорит Агафий, описывая подробности посольства готов к франкам. Львиная доля жалоб готов на византийцев касалась именно успешно проведенной теми пропагандистской кампании по возврату своих земель (Агафий, I, 5). О состоянии растерянности и неуверенности варварских элит достаточно красочно упоминает Прокопий Кесарийский, описывая вандальские и готские войны. Насколько отрицательно подобное воздействие может сказаться на моральном состоянии воюющих понимал автор Тактики Льва VI: «Установи для себя достижение справедливости конечной целью ведения войны, подобно тому, как ты это же имел в виду, приступая к ней. Если война будет вестись на принципах зла и бесчестия, то это подействует на войско разлагающе...» (Лев Тактика, XX, 171). Наиболее результативной византийская

дипломатия показала себя в Италии и на Балканах в борьбе против либо аморфных территориальных образований кочевников-язычников, либо недавно созданных государств с только формирующейся государственной или религиозной идеологией [39, с. 214–250; 40]. В дипломатическом общении с европейскими «империями» и арабским халифатом официальные территориальные претензии, основанные на римской истории и традиции, были гораздо менее эффективны.

Византийская дипломатическая риторика и «священная война»

Несмотря на то, что дипломатическая позиция по поводу возврата бывших римских земель усиливала идеологическое давление на противников византийских императоров, не следует преувеличивать ее глобальную эффективность. Официальный Константинополь старался реально оценивать возможности посольской риторики и использовал ее с оглядкой на политическую ситуацию. Не всегда ее применение было результативно, а иногда и вовсе не в интересах государства. Например, пытаясь не допустить союз франков с готами и остановить их вторжение в Италию, византийский посол Леонтий заявлял их королю Теодобальду, что император Юстиниан с великим трудом завладел «по праву войны» Италией, и, что франки в этом «совершенно не участвовали» (Procop. *Bellum goth.* VIII, 24). Вспоминать о праве на возврат своих территорий и заявлять франкам, что Италия вернулась к своему «законному владельцу» было весьма неосторожно, так как Теодобальд мог ощутить скрытые претензии и на его собственные земли. С другой стороны, Леонтий таким образом декларировал, что император и по варварским обычаям, то есть «по праву завоевания», имел полное право на владение Италией. Но главным соперником Византии на международной арене все же были не франки, а арабский халифат, и эффективность действий византийской дипломатии после его образования в VII в. заметно снижается.

Весьма частое применение формулы «возврата своих владений» на западном направлении и на Балканах заметно контрастировало с практически полным умалчиванием ее на востоке. Пробное дипломатическое столкновение между войсками мусульман и византийской официальной стороной прошло по привычному сценарию, и император объявил свои права на арабские земли (Себеос, XXX). Но первые же неудачи привели к тому, что в последующих довольно частых дипломатических сношениях с мусульманскими правителями византийские официальные лица как будто забывали, что львиная часть территорий, ранее принадлежащих Римской империи, находится под контролем арабского халифата. Очевидно, что привычная риторическая практика византийской дипломатии в этом направлении активно не использовалась. Основной причиной подобного положения, судя по всему, являлась явная неэффективность идеологического давления византийской дипломатии на мусульманскую сторону конфликта. Пророк Мухаммед и первые халифы нашли действенное противодействие византийской риторике в виде собственной идеологии завоевания территорий. Предлагаемая на переговорах инвариантная схема: принятие ислама либо согласие на арабский протекторат с фискальными обязательствами и, наконец, военное решение вопроса, — была новым приемом в практике переговорной риторики, и, судя по результатам, приемом весьма успешным (Абд ал-Хакам, с. 85) [42, с. 157]. Помимо базового принципа «завоевания» арабы, таким образом, озвучивали два других: религиозный и договорной, причем инициатива принятия решения отдавалась противоположной стороне. Практически все попытки византийских официальных лиц использовать «авторитет» Империи или договориться на своих условиях наталкивались на фанатичное несогласие со стороны мусульман (Абд ал-Хакам, с. 86–88) [43]. В результате значительное количество византийских городов и прилегающих к ним территорий перешли под власть мусульман без сопротивления. Если к этому добавить, что византийцы не особо пытались бороться за потерянные земли, за исключением единичных случаев, то складывается впечатление, что ислам первых столетий выиграл

идеологическую борьбу у византийской пропаганды на международной арене. В византийских источниках часто встречаются упоминания о растерянности, страхе, пассивности, «апатии», когда речь шла о сопротивлении мусульманам. Возникает вопрос: почему византийская дипломатия не использовала сходные с мусульманскими методы идеологического давления, практически без боя сдав свои позиции? Ответ кроется все в том же характере политической власти в византийского государства.

Договорные взаимоотношения предполагали определенную степень независимости будущих подвластных земель, что, конечно, не соответствовало императорскому стилю политического руководства. В 562 г. Петр Патрикий предложил Хосрою I, чтобы правитель сванов высказал свое мнение в дипломатической дискуссии о присоединении его области к Византии. Но быстро был вынужден согласиться с мнением шаха, что мнение «рабов» учитывать в таких вопросах несправедливо и незаконно (Procop. Bellum pers. II, 1). При этом византийские дипломаты могли признавать, если существовала политическая необходимость, договорные отношения на чужих территориях. Например, Николай Мистик напоминал в своем письме халифу о договорных условиях между мусульманами и киприотами-христианами (Николай Мистик. Письмо Халифу. III).

Характер политической власти в Империи несомненно сыграл свою роль и в слабом распространении идеи византийской «священной войны». В историографии часто обсуждалась тема применения доктрины крестового похода или священной войны в Византии, тем более, что в средневековой теории международных отношений эта война носила название «римской» (*bellum romanum*) [45, с. 302]. Иногда византийцы связывали это понятие с военной деятельностью императоров IV—V в., но чаще упоминали возврат Святого Креста из персидского плена императором Ираклием [46; 47]. Отдельные исследователи акцентировали внимание на «священной войне» императора Никифора II Фоки и его преемника Цимисхия [48; 49; 50]. Существует даже такая радикальная точка зрения, что раз византийский василевс был главой церкви, то все его войны можно назвать «священными» или по крайней мере религиозными [51]. У нас нет возможности в данной статье уделить достаточно внимания этой дискуссии, отметим только два момента. Во-первых, необходимо признать безусловное влияние, в большей или меньшей степени, религиозного элемента на деятельность византийской армии. И, во-вторых, этот элемент практически не был использован византийской дипломатией при предъявлении территориальных претензий, несмотря на очевидные возможности идеологического воздействия. Так, например, Прокопий Кесарийский приводит легенду, согласно которой именно священник убедил императора Юстиниана I «освободить христиан Ливии от тиранов» (Procop. Bellum vandal. I, 10). Да и сам император потом утверждал, что одной из причин вторжения были преступления вандалов против Церкви и возможность спасти от них верующих (Cod. Just. I, 27, 2–5; Nov. LXXVIII, 4, 1). Однако ни в дипломатических переговорах, ни даже в военной риторике религиозный элемент не превышал повседневного уровня. Похожая ситуация сложилась во времена персидских войн императора Ираклия I, когда активно использовался идеологический посыл «возврата Древа Креста Господнего». При этом императором была четко заявлена позиция о том, что византийская сторона даже в случае полной победы, не претендует на всю власть, и, следовательно, территорию персидской державы (Никифор Патриарх. Краткая история. XV). Наиболее близко к идее «священной войны» или «крестового похода» приблизился император Иоанн Цимисхий. В своем письме армянскому царю Ашоту III он пишет, что «вознамерился освободить Гроб Господа нашего Христа от порабощения мусульман» [53; 50]. Если оставить в стороне сомнения в авторстве и времени составления этого документа, интересным представляется структура самого письма. Первоначально Цимисхий указывает, что основной причиной его похода есть «наказание за высокомерие и гордость» арабского правителя, который напал на византийцев. Затем император описывает как были отвоены земли «ранее принадлежащие нам», и лишь потом он сообщает, что

у него возникло желание освободить Гроб Господний, когда войска смогли подойти к Иерусалиму [53]. Таким образом в этом риторическом послании император выдерживает привычную для византийской дипломатии риторику «справедливой войны» за «свои земли», а идея освобождения Гроба Господнего признается случайной.

Главная причина пренебрежения византийцами идей «священной войны» лежит не в миролюбивой сути христианского учения (например, это не повлияло на ход Крестовых походов), а характере имперской политической власти. Византийский бюрократический аппарат во главе с василевсом, по всей вероятности, не желал использовать для пропаганды плохо поддающуюся контролю идею «бог решил — верующий выполнил», заменяя более приемлемой: «император осуществил, то что богу угодно». К тому же, принимая к действию идею «священной войны», византийские императоры рисковали вывести на международный уровень духовенство как независимую политическую силу, что, конечно же, противоречило их интересам.

В результате византийская дипломатическая пропаганда в вопросе завоеваний проявляла свою несостоятельность против исламской, и это можно проследить на примере дипломатической переписки императора Феофила с кордовским омейядским правителем Абд-Рахманом II в 839–840 гг., которую опубликовал известный арабист Э. Леви-Провансаль. Василевс предложил Абд-Рахману II поддержку в восстановлении власти Омейядов в Сирии и Африке, но взамен просил его содействия в возврате «своих» земель на Крите, который был захвачен неподконтрольными власти эмира мусульманскими войсками. В результате он получил негативный ответ, суть которого состояла в следующих положениях: земля эмира та, которой он владеет; эмир не может противиться расширению ислама; если Крит является землей Феофила — пусть «великий император» его и отвоевывает [54].

Отсутствие адекватного ответа мусульманской пропаганде приводило к негативным последствиям. Византийцы в столкновениях с «сарацинами» часто испытывали страх, подавленность, с легкостью теряли земли, а затем переставали рассматривать их как «свои». Источники с удивлением описывают отказ от продолжительной борьбы императора Ираклия за Сирию и Африку (Феофан 625 г.; Себеос, XXX, XXXV; Гевонд. История Халифов I). Император Феофил считал, что основной причиной поражения от мусульман было нежелание его воинов сражаться с ними (Продолжатель Феофана. (Феофил), XXXVII). Такое же нежелание воевать против мусульман проявляли, несмотря на многочисленность, войска императора Романа III Аргира. Об этом свидетельствуют Иоанн Скилица и Михаил Пселл (Skylitzes, p. 359; Пселл, VII). Причем последний, несмотря на то, что военные действия должны были вестись на территориях некогда ромейских провинций, не видел «истинной причины» для начала военных действий. Константин VII Багрянородный считал войско мусульман непобедимым, если оно насчитывало более тысячи человек, и в отличие от других земель, также не причислял земли мусульман к бывшим «римским» (Константин Багрянородный. Об управлении, XV). Подводя некий итог византийской истории, Кекавмен описывает византийское общество после потери малоазийских и африканских византийских провинций как «пораженное великой немощью» (Кекавмен, VI). Такое отношение к мусульманам и их завоеваниям не было неизменным и складывалось из многочисленных составляющих, но несомненно, что в «войне идеологий» византийцы уступали мусульманам. В конце концов император Алексей Комнин I был вынужден импортировать «священную войну», обратившись за помощью к европейским рыцарям и независимому папству [60].

В целом, можно сделать вывод, что начиная с правления императора Юстиниана I и вплоть до XII в. византийские послы и другие официальные лица активно использовали идею «возврата своих земель», но как правило, в виде риторической пропаганды.

Этот тезис постепенно стал частью византийской, а затем и западноевропейской теории «справедливой войны». Византийская дипломатия трезво оценивала возможности идеологического влияния на моральное состояние противника, используя привычные для себя риторические приемы только там, где они имели шансы быть соответственно воспринятыми. Что касается формы подобных риторических приемов, то они напрямую зависели от социально-политического характера византийской власти и, несомненно, были ею ограничены. Но, несмотря на это, дипломатическая служба ромеев, умело используя полученные в наследство историю и традиции Римской империи, внесла свой вклад в теорию межгосударственных отношений, и в дальнейшем ее деятельность послужила примером для дипломатов многих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Drocourt N.* Quelques aspects du rôle des ambassadeurs dans les transferts culturels entre Byzance et ses voisins (VIIe—XIIe siècle) // Acteurs des transferts culturels en Méditerranée médiévale. — München, 2012.
2. *Shlosser F. E.* Weaving a Precious Web: The Use of Textiles in Diplomacy // BS. — 2005. — Т. 63.
3. *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. // ВВ. — 1947. — Т. 1 (23).
4. *Haldon J. F.* Blood and Ink: some observations on Byzantine attitudes toward Warfare and Diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
5. *Менандр* // Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Фелфан Византиец. Афиней. — Рязань, 2003.
6. *Antonopoulos, P.* The less obvious ends of Byzantine diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
7. *О стратегии.* Византийский военный трактат VI века / Пер. В. В. Кучма. — СПб., 2007.
8. *Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты // Известия Алтайского Государственного Университета. — Серия история, политология. — 2008. — № 4/3.
9. *Nicholas I.* Patriarch of Constantinople, Letters / Trans. by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. — Washington, 1973.
10. *Photius.* Epistolae // PG. — 1900, P. — Vol. 102.
11. *Romanus Lecapinus.* Epistolae // FHB. — Т. 8.
12. *Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum* // PL. — 1852. — Vol. 119.
13. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. — М., 1998.
14. *Liudprand of Cremona.* Relatio de legatione Constantinopolitana / Ed. and trans. B. Scott. — L., 1993.
15. *Schumner C. M. F.* Liudprand of Cremona — a diplomat? // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
16. *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва = Leonis imperatoris tactica // Лев VI Мудрый / Пер. В. В. Кучма. — СПб., 2012.
17. *Кекавмен.* Советы и рассказы. — СПб., 2003.
18. *Михаил Пселл.* Хронография. Краткая история / Пер. Я. Н. Любарский, Д. А. Черноглазов, Д. Р. Абдрахманова. — М., 1978.
19. *Анна Комнина.* Алексиада / Пер., коммент., Я. Н. Любарского. — М., 1965.
20. *Стратегикон* Маврикия / Изд. подготовил В. В. Кучма. — СПб., 2004.

21. *Августин Блаженный*. О Граде Божиим // Творения: В 4 т.— СПб., 1998. — Т. 3.
22. *Regout R.* La doctrine de la guerre juste de saint Augustin a nos jours d'après les théologiens et les canonistes catholiques. — P., 1935.
23. *Bainton R. H.* Christian Attitudes towards War and Peace. A Historical Survey and Critical Reevaluation. — L., 1961.
24. *Bond B.* The «Just War» in Historical Perspective // History Today. — 1966. — № 16.
25. *Contamine Ph.* L'idée de guerre a la fin du Moyen Age: aspects juridiques et éthiques // AIBL. — 1979.
26. *Hrabar V. E.* Le droit international au Moyen Age // Revue de Droit international. — 1936. — № 18.
27. *Hubrecht G.* La juste guerre dans la doctrine chretienne des origines au milieu du XVI siecle // Recueils de la Societe Jean-Badin. — 1961. — Т. 15.
28. *Hubrecht G.* La «juste guerre» dans le decret de Gratien // Studio Gratiana. 1955. — № 3.
29. *Leclercq J.* L'attitude spirituelle desaint Bernard devant la guerre // Collectanea cisterciensia. — 1974. — № 36.
30. *Russell F. H.* The Just War in the Middle Ages. — Cambridge. 1975.
31. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. под редакцией Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. — М., 1991.
32. *Mullett M. E.* The language of diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
33. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. — М.; Л., 1953.
34. *Летопись* Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. — Рязань, 2005.
35. *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996.
36. *Лев Диакон*. История. — М., 1988.
37. *Приск Панийский*. Сказания Приска Панийского / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. — Рязань, 2005.
38. *Gracanin H.* The Western Roman Embassy to the Court of Attila in A. D. 449 // BS. — 2003. — Т. 61.
39. *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. — М., 2010.
40. *Moorhead J.* Italian Loyalties during Justinian's Gothic War // Byzantion. — 1983. — Т. 53.
41. *Абд ар-Рахман ибн 'Абд ал-Хакам*. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. — М., 1985.
42. *Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). — М., 1982.
43. *Stern S. M.* An Embassy of the Byzantine Emperor to the Fatimid Caliph al-Mu'izz // Byzantion. — 1950. — Т. 20.
44. *Николай Мистик*. Письмо халифу // Византийские сочинения об исламе. — М., 2012.
45. *Контамин Ф.* Война в Средние века. — СПб., 2001.
46. *Kolia-Dermitzaki A.* The Byzantine «Holy War»: The Idea and Propagation of Religious War in Byzantium. — Athens, 1991.
47. *Regan G.* First Crusader: Byzantium's Holy Wars. — N. Y., 2003.
48. *Dennis G. T.* Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World. — Washington, 2001.
49. *Stouraitis I.* Jihad and Crusade: Byzantine Positions towards the Notions of Holy War // Byzantina Συμμεικτα. — 2011. — Т. 21.
50. *Walker P.* The «Crusade» of John Tzimisce in the Light of New Arabic Evidence // Byzantion. — 1977. — Т. 42.

51. *Stephenson P.* Imperial Christianinity and Sacred War in Byzantium // Belief and Bloodshed: Religion and Violence across Time and Tradition Paperback. — Lanham, 2007.
52. *Патриарх Никифор.* Краткая история // Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. — Минск, 2001.
53. *Письмо* императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // ВВ.—1903. — Т. 10.
54. *Levi-Provensal A.* Un Échange d'Ambassades entre Cordove et Byzance au IXe siècle // Byzantion. — 1937. — Т. 12.
55. *Shepard J.* Past and future in Middle Byzantine diplomacy: some preliminary observations // Byzance et le monde extйrieur: Contacts, relations, ёchanges. — Р., 2005.
56. *Себеос.* История. — Ереван, 1939.
57. *Гевонд.* История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканова. — СПб., 1862.
58. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
59. *John Skylitzes.* A Synopsis of Byzantine History / Trans. by J. Wortley. — Cambridge, 2010.
60. *Waba M.* La lettre d'Alexis I Comnине a Robert le Frison: Une revision // Byzantion. — 1977. — Т. 47.
61. *Sypiański J.* Arabo-Byzantine relations in the 9th and 10th centuries as an area of cultural rivalry // Byzantium and the Arab World: Encounter of Civilizations. — Thessalonique, 2011.

Резюме

Бардола К. Ю. *«Право повернення володінь» як основа територіальних претензій Візантії в VI—XII ст.*

Стаття присвячена особливостям дипломатичної риторики, висловлюваної візантійськими офіційними особами в VI—XII ст. у разі пред'явлення територіальних претензій іншому суб'єкту міжнародного права. У результаті дослідження були зроблені висновки, що головний риторичний прийом, що застосовувався візантійськими дипломатами в цей період, ґрунтувався на згадці фактів попереднього володіння римськими або візантійськими імператорами територією, на яку пред'являлася претензія. Цей риторичний прийом був більш-менш ефективний залежно від дипломатичного супротивника і надалі став частиною середньовічного вчення про «справедливу війну».

Ключови слова: Візантійська дипломатія, візантійська риторика, ідеологія, священна війна, справедлива війна, право завоювання.

Резюме

Бардола К. Ю. *«Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв.*

Статья посвящена особенностям дипломатической риторики, высказываемой византийскими официальными лицами в VI—XII вв. при предъявлении территориальных претензий другому субъекту международного права. В результате исследования были сделаны выводы, что основной риторический прием, применявшийся византийскими дипломатами в этот период, основывался на упоминании фактов предшествующего

В
Д
Р
Е
В
Н
О
С
Т
И

владения римскими или византийскими императорами территорией, на которую предъявлялась претензия. Этот риторический прием был более или менее эффективен в зависимости от дипломатического противника и в дальнейшем стал частью средневекового учения о «справедливой войне».

Ключевые слова: Византийская дипломатия, византийская риторика, идеология, священная война, справедливая, право завоевания.

Summary

K. Bardola. The «Right to Return Possession» as a Basis of Territorial Claims in Byzantium VI—XII Centuries

The article is devoted to the peculiarities of diplomatic rhetoric voiced by Byzantine officials in VI—XII centuries upon presentation of the territorial claims against another subject of international law. The study was concluded that the main rhetorical technique used Byzantine diplomacy in this period, based on the mention of the facts prior ownership of the Roman or Byzantine emperor's areas on which to make a complaint. This rhetorical device was more or less effective depending on the opponent and diplomatic later became part of the medieval doctrine of "just war."

Key words: Byzantine diplomacy, Byzantine rhetoric, ideology, holy war, just war, the right of conquest.

О. М. Луговий

«Дани» на Русі та у Візантії на початку XI ст.

ід А. Кронхольма йде традиція вважати більшість скандинавів на службі як Візантії, так і Русі, шведами [1, р. 108]. Проте після досліджень французького історика хрестових походів та участі в них скандинавських армій П. Ріана [2] стало очевидним, що і сусіди Швеції виявляли неабияку зацікавленість подіями на Сході. Зокрема в XII ст. низка джерел свідчить про активну хрестоносну діяльність датчан.

Тим не менш датська складова варангського / варязького контингенту завжди розглядалась в тіні інших скандинавських загонів, тому причини та різноманітні аспекти, що стосувались їхньої служби у Візантії автоматично поширювались і на датчан. При цьому не враховувались кардинально інші темпи розвитку державних інституцій у Данії, більша включеність до континентальних течій суспільного розвитку, зокрема феодалізації та християнізації, хрестоносного руху. Насамкінець не можна ігнорувати власну, особливу хронологію появи датчан у історичних джерелах, присвячених півничанам на імперській службі. Фактично першим дослідженням, що поставило питання особливостей найму саме датських воїнів у Комнінівській армії, стала кандидатська дисертація Т. В. Николаєвої, аспірантки Г. А. Курбатова, захищена в Москві в 2009 р. [3].

Т. В. Николаєва вважає, що «с визита короля Эриха Доброго к Алексею I Комнину начинается многолетняя традиция регулярного пополнения византийской гвардии за счет воинского датского контингента, основанная на договорах между правителями обоих государств» [3, с. 17]. Дійсно, важко переоцінити історичне значення візиту 1103 р. датського конунга до Константинополя для налагодження прямих зв'язків між двома державами. Російська дослідниця ґрунтовно продемонструвала це. Пізніше, у другій половині XII ст. датчани постійно згадуються у складі збройних сил Візантії. Проте чи вперше тоді датчани з'явились у Візантії та на Русі, поєднані із Візантією єдиною системою організації військового найму?

Перша згадка етноніма данів (Dani, термін, що у середньовічній латині часто позначав взагалі будь-яких скандинавів, але й датчан зокрема) у візантійській армії належить Льву Марсійському, укладачу анналів монастиря Монте-Кассіно (кінець XI ст.). Він згадує данів у зв'язку із повстанням Мело в Барі, центрі візантійських володінь в Італії, в 1010–1011 р. В літературі існує думка, що «Danis, Russis et Gualanis», перераховані Львом, були залучені до додаткових військ, що їх тоді надіслав до Італії імператор Василій для придушення повстання [4, р. 51]. Однак дослівно Лев Марсійський передає наступне: «Отож, сей Мело, — повертаюсь трохи назад, — з барійських громадян та й з усієї Апулії, найперший, як і найзнатніший, був, безумовно, найвідважніший, як і найрозважливіший, муж. Але із гордощами та пихою греків, які незадовго перед тим, а саме в часи першого Оттона, Апулію та Калабрію, отримавши допомогу від данів, русів та гваланів, собі привласнили, апулійці змиритися не могли, і з тим же Мело та певним лицарем Датто, рівною мірою найшляхетнішим та самого Мело родичем, на-решті повстали» (Leonis Marsicanis et Petri Diaconi Chronica Monasterii Casinensis, II, 37:

Н
Д
Т
С

«...Grecorum qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottónis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Guálanis vendicaverant...»). Події датовані правлінням Оттона I, імператора Священної Римської імперії з 962 р. Який саме конфлікт тут згаданий, сказати важко. В правління Оттона I візантійські війська не проводили у Південній Італії таких дій, котрі можна було охарактеризувати як «привласнення» (їхня стратегія була скоріш оборонною). Однак очевидний зв'язок із двома бойовими кораблями русів, котрі бачив 19 липня 968 р. посол Оттона Ліудпранд Кремонський у гавані Константинополя. Руські кораблі були готові до відбуття в Італію разом із імперським флотом у складі ще 24 візантійських келандій та двох франкських суден (Legatio, 29). В X ст. скандинава у Візантії найвірогідніше було б очікувати зустріти саме у складі загонів етніків-росів, що візантійські автори їх поки що не розрізняли за етнічною належністю. Натомість італійці могли виявитись більш чутливими до мовного розмаїття у візантійській армії.

В монастирі Монте-Кассіно Лев Марсійський виконував обов'язки бібліотекаря і був добре ознайомлений із подіями IX, X та початку XI ст. Втім не можна виключати і того, що згадуючи про конфлікт між Візантією та Священною Римською імперією 960-х рр. у зв'язку з повстанням Мело у 1010 р., Лев Марсійський наділив візантійську армію деякими рисами сучасними для самого автора. Важко сказати також, чи відрізняв Лев Марсійський або ж його джерела датчан від шведів чи норвежців і кого саме тут позначають «дани». Однак важливо, що «дани», які в тексті зустрічаються лише один раз, вочевидь, відділені від «норманів», лицарів скандинавського походження із Нормандії, чиє завоювання Південної Італії є одним із головних сюжетів хроніки.

Близькою за часом є перша згадка «данів» на Русі. Вона з'явилась в контексті міжособної боротьби на Русі після смерті князя Володимира Святого. Святополк Володимирович кілька разів звертався за допомогою до свого тестя, польського князя Болеслава Хороброго, з метою протиставити об'єднані сили своєму братові Ярославу. Найзначнішим епізодом усобиці був похід 1018 р. польсько-печенізько-угорсько-німецького війська Болеслава проти Ярослава, котрий привів до зайняття Києва [див. напр.: 5, с. 26–32].

У зв'язку із цими подіями німецький хроніст Тітмар Мерзебургський створив один із найдавніших за часом описів середньовічного Києва: «У великому цьому місті, що того королівства столицею є, більше сорока церков наявні та вісім ринків, населення ж не злічити. Воно, як і вся тамтешня провінція, силами біглих рабів, що стікаються звідусіль, та особливо швидких данів, протистоїть печенігам та інших перемагає» («In magna hac civitate, que istius regni caput est, plus quam quadringente habentur ecclesiae et mercatus VIII, populi autem ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluentium, et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat». Thietmar. VIII, 32 (16))¹.

В даному випадку ми приймаємо варіант перекладу, за яким згадка про рабів та «данів» відноситься не до населення Києва, а до тих, хто його захищає від печенігів. Чому варто розуміти цей фрагмент саме так, вичерпно обґрунтував професор університету Пенсільванії О. В. Рязановський [8]. На жаль в останньому російському перекладі «Хроніки Тітмара Мерзебургського» (на відміну від перекладу досліджуваного фрагменту М. Б. Свердлова та О. В. Назаренка [9, с. 143, тут же див. докладну історіографію перекладу фрагменту]) прийнятий застарілий варіант інтерпретації, якого в XIX ст. дотримувались Е. Кунік та В. Томсен [1, р. 124]¹. Згідно з ним населення

¹ П. Карлін-Хейтер пропонувала версію спорідненості «швидких данів» та росів-дромітів Псевдо-Сімеона [6, р. 359]. Нещодавно О. Черняк відкинув цю версію, надавши перевагу гіпотезі про звичайну описовість дій норманів з боку західноєвропейського автора [7, р. 85–91].

Києва в цілому «состоит из сильных беглых рабов, собравшихся здесь отовсюду, и, особенно из быстрых данов» [13, с. 178]. Такий переклад як мінімум не відповідає контексту інформації, повідомленої Тітмаром.

Публікуючи російський переклад твору німецького хроніста, М. Б. Свердлов відзначив нелюбів автора до терміну «нормани», котрий майже не вживається в цьому джерелі. Радянський дослідник підкреслював, що Тітмар зазвичай кличе вікінгів «піратами» або «данами», середньовічним етнонімом, який жодним чином не виказує їхньої національної належності [14; с. 100–101]. Втім «нормани» в тексті Тітмара все ж таки зустрічаються — тричі. Тому варто проаналізувати, наскільки конкретними були уявлення Тітмара про «данів». Етнонім *Dani* згадується у змістовній частині «Хроніки» дев'ять разів (нумерація розділів — за виданням 2009 р. У дужках — нумерація параграфів за виданням MGH, 1839 р.):

1. Lib. I, 17 (9) — йдеться про виправу короля Генріха I в Данію в 934 р., де були підкорені «нормани і дани». Тут Тітмар передає інформацію Відукінда Корвейського (I, 40). Відукінд, однак, згадує лише «данів».
2. Lib. II, 14 (8) — про хрещення «данів, керованих тоді Гаральдом» — Гаральдом Синьозубим, королем Данії, котрий прийняв хрещення близько 965 р.
3. Lib. II, 23 (15) — відсилка до загибелі саксонського герцога Бруно у 880 р. в бою проти «данів». Згідно із Фультенськими анналами герцог Бруно загинув, коли «Normanni» напали на Саксонію (*Annalium Fuldensium*, р. III, 880 // MGH SS I, р. 393), причому, судячи з переліку загиблих та полонених, напад був напрочуд вдалим. Відукінд Корвейський зазначає причиною смерті Бруно його «*exercitum contra Danos*» (*Widukindi Res Gestae Saxonicae*. I, 16). Оскільки географічно найближчими супротивниками Саксонії із народів Скандинавії були датчани, то логічно буде припустити, що саме вони напали на герцогство й у 880 р.
4. Lib. II, 31 (20) — згадка про датських послів (*legati... Danogum*) поряд із правителями та послами багатьох інших народів, що їх звезли до Кведлінбургу у 973 р. Посли з інших скандинавських країн не згадані, але варто зазначити, що Данія була головним дипломатичним партнером Священної Римської імперії на півночі і васалом німецького короля, тож варто було очікувати зустріти в Кведлінбурзі послів саме Данії.
5. Lib. III, 6 (4) — інформація про похід Оттона II проти «данів» у Шлезвіг у 974 р.
6. Lib. III, 24 (14) — інформація про спалення «данами» укріплень Хедебу у 983 р. Обидві останні події географічно тяжіють до власне Данії.
- 7–8. Lib. VII, 36 (26) та 41 (28) — детальний опис нападу на Англію синів «короля данів» Свена (датського короля Свена Вилобородого) та битви «данів» герцога Туркіля із англосаксонським військом. Йдеться про завоювання Англії датчанами 1014 р.
9. Lib. VIII, 32 (16) — нарешті остання згадка «данів», яка пов'язує їх із Києвом.

Зрозуміло, що з попередніх восьми згадок шість безумовно стосуються датчан, в двох же випадках таке розуміння етноніму більш ніж вірогідне. Якщо зазвичай Тітмар Мерзебурзький називав «данами» саме мешканців Ютландського півострову, то цілком логічно припустити, що і вдев'яте він застосував цей етнонім таким же чином. В цьому немає нічого дивного. В німецьких землях Данія була добре відома.

¹ В перекладі П. Голубовського, студента Київського університету св. Володимира, взагалі випущена інформація про «данів», а залишені лише «беглецы из рабов» [10, с. 35]. Ще 1957 р. старої версії перекладу дотримувався Х. Ловмянський, котрий тлумачив ці відомості як наслідок перебільшень та неточностей в описі Русі Тітмара, котрий не приймав безпосередньої участі у поході Болеслава та користався інформацією з других рук [11, с. 226, п. 5]. Так само в перекладі 1980 р. [12, с. 66] При цьому самих перекладачів дивує алогічність отриманих відомостей, що не підтверджуються іншими джерелами.

Сусідній народ німецькі автори зазвичай не сплутували із набагато більш віддаленими норвежцями та шведами. Наведемо формулювання одного із найкращих знавців скандинавських реалій серед середньовічних німецьких хроністів Адама Бременського: «Адже дани та інші народи, що є за Данією, франкськими істориками всі зуться норманами» (Adam. I, 16: *Nam Dani et ceteri qui trans Daniam sunt populi ab istoricis Francorum omnes Nordmanni vocantur*).

Отже згадка «данів» у Києві 1018 р. скоріш за все вказує саме на вихідців з Данії, а не на скандинавів взагалі. Чи така вже неймовірна присутність саме датчан на Східному шляху на початку XI ст.?

В історіографії міжнародних відносин початку XI ст. поширена думка, згідно із якою датсько-англійський король Кнут ворогував із князем Ярославом та підтримував дружні стосунки із Болеславом Хоробрим, польським князем, союзником Святополка Окаянного, супротивника Ярослава.

Перша частина цього твердження доводиться переважно долею синів англійського короля Едмунда Залізобокого, загиблого у бою із датчанами. Спершу вони перехувались у Данії. Адам Бременський (Adam. II, 51) та ранній коментар до «Законів Едуарда» прямо вказують на Русь як місце їхнього притулку. Князь Ярослав виступає в якості переховувача політичних біженців — ворогів Кнута [15, с. 135]. Друга частина вказаного твердження доводиться хіба що відсутністю згадок про прямі конфлікти між двома державами, Данією та Польщею, в 1014–1025 рр. [16, с. 265]. Оскільки відомо, що приблизно в цей час польське Помор'я визнало владу датського короля Кнута Свенсона, то припускається, що ця влада базувалась на добровільній покорі поморських князів більш сильному датському володарю, до того ж за матір'ю онуку Мешка I [17, с. 443–444; 18, с. 312–313]. Та навіть цей аргумент має слабкі сторони, як це показано у новітніх дослідженнях.

Завдяки «Сазі про Олава Святого» та «Пасму про Еймунда» ми знаємо, що варязька дружина Ярослава складалась зокрема із шведів вестготландського ярла Рьогнвальда Ульвсона та норвежців Еймунда Грінгсона, колишнього ярла Грінгарікі [19, с. 1073; 20, с. 73; 21, с. 4.]. Можна припустити, як це робив А. І. Лященко, що загопи цих ватажків склали усю варязьку дружину Ярослава, проте джерела не вказують кількості вояків в кожному окремому загоні, тож ми не можемо бути впевнені, що знаємо країни походження усіх варягів на руській службі в період боротьби Ярослава та Святополка Володимировичів.

Зазначений відомий етнічний склад варягів Ярослава можливий лише після одруження Інгігерди та київського князя, що відбулося за підрахунками О. В. Назаренка 1019 р. [22, с. 495–496]. Однак руський князь мав союз і з Кнутом Датським, підтвердженням чого є шлюб сестри Кнута Естрід-Маргаріти із «сином короля Русі», зафіксований Адамом Бременським у приписці до генеалогії датського короля Свена Естрідсена (Adam, II, 52, schol. 40: *Knut sororem suam Estred filio regis de Ruzzia dedit in matrimonium*). Цей матримоніальний союз датують 1014–1016 чи 1019 рр. В останньому випадку за гіпотезою О. В. Назаренка руським княжичем є Ілля, син Ярослава, посаджений ним на Новгородський престол та померлий 1019 р. [22, с. 484–486]. В будь-якому випадку цей династичний шлюб мав підкреслити та закріпити певні союзні стосунки між королівством Кнута та Руссю. Їх підтвердження О. В. Назаренко вбачає у військових діях Кнута взимку 1019–1020 р. проти якихось *Wandalos*, (на думку цього дослідника — поляків), зафіксованих «Історією англів» Генріха Хантінгтонського, та у *Witlandi* у 1022 р. (повідомлення «Англо-саксонської хроніки») [22, с. 496–498].

За цих обставин прихисток, наданий Ярославом синам Едмунда, виглядає скоріше як послуга королю Кнуту. Адже згідно із повідомленням Адама Бременського сини Едмунда (у Адама — Емунда) не збігли на Русь, а були засуджені до заслання на Русь (Adam, II, 51: *filii eius in Ruzziam exilio dampnati*). За свідомством Жоффрау Гаймара, автора віршованої хроніки «*Lestorie des Engles*» (бл. 1150 р.), коли король Кнут під

впливом своєї дружини Імми задумав позбутись претендентів на англійський трон (Гаймар називає братів Едгаром та Етельредом — Eadgar, Æthelred), їхній наставник, також датчанин, Вальгар вивіз їх через Русь до Угорщини [23, р. 144–145; 24, с. 31–33]. Отож погроза вбивства братів походила, на думку Гаймара, в першу чергу від дружини Кнута, а не від самого короля. Не важко припустити, що дії ярла Вальгара були санкціоновані королем. У цьому зв'язку важко погодитись із тим, що відносини Русі та королівства Кнута Великого були ворожими протягом усього його правління. Ворожими вони стають лише після 1022–1025 рр. [22, с. 499–502].

Таким чином присутність датчан у варязькій дружині Ярослава під час боротьби за Київ у 1018 р., тобто до приєднання до неї значного шведського контингенту під проводом Рьогнвальда Ульвсона та в обставинах союзу між королем Кнудом та князем Ярославом є цілком можливою.

Чи можна знайти бодай натяк на ранній потяг датчан до Візантії та Східного шляху у власне скандинавських джерелах? У двох останніх розділах «Саги про йомсвікінгів» (тієї її поширеної редакції, що додана до «Саги про Олава Трюггвессона» в «Книзі з плаского острова») міститься важлива інформація про перебування на службі у Візантії датського хускарла Ейліва Торгільсона (Æilijfr Þorgilsson). Він був намісником короля Свейна Вилобородого в Лондоні та керував армадою з 60-ти кораблів на Темзі. Після смерті Свейна в 1014 р. та обрання королем Англії Едмунда в 1016 р. і його успіхів у протистоянні із датчанами, Ейлів втік до Данії. Зважаючи на молодий вік нового короля Кнута, Ейлів не став там затримуватись і вирушив до Візантії, де очолив загін варангів та загинув в бою (Æilijfr ferr vt j Mykladgard ok geordizst höfðinge firir Uæringialide ok fell þar vm sidir) [25, S. 203–205]. Такі свідчення скандинавського джерела дозволили дослідникам зарахувати Ейліва Торгільсона до ватажків скандинавських найманців у Візантії [див. перелік варягів ісландських сімейних саг у Константинополі: 20, с. 326].

Втім в дослідницькій літературі наводились певні міркування про те, що Ейлів залишався в Англії значно пізніше. «Хроніка принців» (відома також під валлійською назвою «Brut y Tŷwysogion»), що велась в якості анналів у валлійському абатстві Страта Флоріда, повідомляє під 1021 роком про напад на Уельс якогось Ейлафа (Eulaff), котрий розорив землі колишнього королівства Дівед на південному заході країни. В бою із Ейлафом загинув брат короля Ллівеліна ап Сейсілла Гівел. Лише втручання самого короля Ллівеліна примусило Ейлафа відступити [26, р. 44–45]. Звісно, ці свідчення, які розцінювались як доказ того, що Ейлів Торгільсон залишився в Англії та служив королю Кнуду, змусили дослідників намагатися узгодити між собою хронологію подій у спосіб, котрий навряд чи можна вважати вдалим [див. про цю дискусію: 4, р. 201–202].

Попри сумніви, що висловлювались щодо автентичності самої «Хроніки принців», (її єдиний манускрипт відноситься аж до середини XVI ст., та являє собою, мовляв, валлійський переклад латиномовного оригіналу [27]), припустимо, що події, викладені тут, реальні. Але чи є необхідність взагалі узгоджувати їх із текстом «Саги про йомсвікінгів»? Ейлів є досить поширеним скандинавським ім'ям. Цілком реально припустити існування в обмежений період часу кількох скандинавських військових ватажків із одним іменем. Більше того, Eulaff може бути викривленням у кількох послідовних перекладах ще більш поширеного імені Олаф.

Якщо ж уважніше придивитись до тексту статті в «Хроніці принців», то побачимо й прямі аргументи проти того, що напад здійснив Ейлів Торгільсон: одразу після повідомлення про напад Ейлафа йдеться про дії там-таки на півдні Уельсу скоттів (Ysgottiaid). Цим етнонімом у джерелі зазвичай названі ірландці. Скотти підійшли під місто Кармартен, їх супроводжували Гівель та Мередід, сини Едвіна, спадкоємці Діведу. Ллівелін «вийшов супроти них і змусив Ейлафа до втечі». Таким чином два напади на Уельс не розділені. Ейлаф, котрий не має жодного іншого визначення (він скажімо не засоційований ані з датчанами-Daeniaid, ані з саксами-Saeson)

виступає лідером скоттів, котрі допомагають королевичам Діведу здобути батьківський стіл. Географія нападу (спочатку землі Діведу, далі — місто Кармартен, що знаходиться на східному кордоні цього регіону), здається, підтверджує напрямок нападу із заходу, а перші слова річної статті «Хроніки» прямо вказують на прибуття Ейлафа до Британії ззовні.

В цілому ці відомості навряд чи виказують дії Ейліва Торгільсона, який мав би нападати зі сходу, з середини Британії, з наново окупованої датчанами короля Кнута Англії. Надто якщо врахувати пряму вказівку «Саги про йомсвікінгів» про те, що Ейлів не залишився при дворі Кнута. Тож він не міг в 20-х рр. XI ст. брати участь у подіях на Британських островах. Скоріше варто атрибутувати напад на королівство Дівед до когось із ватажків вікінгів в Ірландії, відомих схильністю до найманої служби різним місцевим династам. Можливо, на роль Eulaff'a «Хроніки принців» міг би претендувати юний Олаф, син дублінського конунга Сіґтриґга Шовкобородого, відомий своїми більш пізніми звітями. В будь-якому разі ми маємо відмовитись від спроб узгоджувати між собою біографії Ейліва та Ейлафа та сприймати першого як окремого персонажа датської історії.

Таким чином, можна впевнено стверджувати, що повідомлення німецького хроніста Тітмара Мерзебурзького, однієї із редакцій «Саги про йомсвікінгів» та Монте-Кассінського анналіста Льва Марсійського засвідчили початковий період самостійного, відокремленого від інших скандинавських потоків, просування датчан через володіння руських князів Східним шляхом до Візантії. Взяті окремо ці три свідчення є вельми сумнівними, однак разом вони створюють досить цілісну картину. Датчани можливо вже з X ст., та напевне з XI ст. присутні у візантійському війську, куди вони в цей час прибували Руссю, проходячи на своєму шляху через службу руським князям, де вони й зафіксовані у 1018 р. Присутність датчан цього року серед оборонців Києва обумовлена просуванням до Візантії хускарлів Свейна Вилобородого, які не побажали визнати нового датського короля Кнута своїм володарем, або можливими союзними відносинами Ярослава Володимировича із Кнутом.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Thomsen V.* The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and The Origin of the Russian State. — L.; Oxford, 1877.
2. *Riant P.* Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. — P., 1865.
3. *Николаева Т. В.* Отношения между Данией и Византией в XII в. (по хронике Саксона Грамматика «Деяния данов», книги X—XVI, и византийским источникам XII в.). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. — М., 2009.
4. *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium: an Aspect of Byzantine Military History / Transl., revised and rewritten by B. Benedikz. — N. Y., 1978.
5. *Головка А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. — К., 1988.
6. *Karlin-Hayter P.* (P. K.-H.) «Swift Danes» // Byzantion. — 1965. — Vol. 35.
7. *Schernyak A.* Rôs-Dromitai et «veloces Dani» de Thietmar von Merseburg // Византинороссика. — Т. 3. — 2005.
8. *Riasanovsky A. V.* «Runaway Slaves» and «Swift Danes» in Eleventh-Century Kiev // Speculum. — 1964. — Vol. 39, № 2.
9. *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI в. — М., 1993.
10. *Голубовский П.* Хроника Дитмара, как источник для русской истории // Университетские известия. — Год. 18. — 1878. — № 9.
11. *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Пер. с польского. — М., 1985.

12. Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 1980. — № 3.
13. Титмар Мерзебургский. Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. — Изд. 2-е. — М., 2009.
14. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII в. — М.; Л., 1989.
15. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968.
16. Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. — М., 1964.
17. Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. IV. История Балтийских славян. — СПб., 1874.
18. Labuda G. Polska a Skandynawia w IX—X wieku // Początki państwa Polskiego. T. I Organizacja polityczna. — Poznań, 1962.
19. Лященко А. И. «Eymundar saga» и русские летописи // Известия АН СССР. VI сер. — 1926. — Т. 20. — № 12.
20. Прицак О. Походження Русі. Т. II. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. — К., 2003.
21. Луговий О. Найм скандинавських вояків у Київській Русі та Візантії в цифрах // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Вип. 16. — Рівне, 2009.
22. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. — М., 2001.
23. Lestorie des Engles solum la Translacion Maistre Geffrei Gaimar / Transl., edited by Th.D.Hardy and Ch. Tr. Martin. — L., 1889.
24. Алексеев М. П. К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. — 1945. — № 4.
25. Flateyjarbók. En Samlung af Norske Konge-sagaer / Ed. Guðbrandur Vigfússon and C. R. Unger. — Bd. I. — Christiania, 1860.
26. Brut y Tywysogion // Archæologia Cambrensis. Journal of the Cambrian Archæological Association. — Vol. X, third series. — L., 1864. — Part 2.
27. Tout Th. Fr. Eineon // Dictionary of National Biography, 1885—1900. — Vol. 17.

Резюме

Луговий О. М. «Дани» на Русі та у Візантії на початку XI ст.

У статті проаналізовано низку свідочств, що доводять позитивну кон'юнктуру для переміщення датських вояків до Візантії Східним шляхом на початку XI ст. Першим свідочством є згадка «данів» у візантійській армії в Італії в другій половині X ст. Львом Марсійським. Особливо важливою є інформація «Хроніки» Титмара Мерзебургського про «данів» в Києві під час боротьби за владу між Ярославом та Святополком Володимировичами. Титмар використовує етнонім «дани» саме для визначення вихідців з Ютландського півострова, а не скандинавів взагалі, як зазвичай стверджується. Тому його згадка про «данів» у 1018 р. підтверджує можливість в цей час мирних відносин між князем Ярославом та Кнудом Великим, королем Данії. «Сага про йомсвікінгів» вказує на можливість перебування на Русі датських загонів після смерті Свейна Виллобородого і без волі його сина Кнута.

Ключові слова: Візантія, Київська Русь, Данія, Східний шлях, високе середньовіччя, військове найманство.

Резюме

Луговой О. М. «Даны» на Руси и Византии в начале XI в.

В статье анализируется ряд свидетельств, доказывающих существование позитивной конъюнктуры для перемещения датских воинов в Византию по Восточному пути

уже в начале XI в. Первым свидетельством является упоминание Львом Марсиканским «данов» в составе византийской армии в Италии во второй половине X в. Особенно важна информация «Хроники» Титмара Мерзебургского о «данах» в Киеве во время борьбы за власть между Ярославом и Святополком Владимировичем. Титмар использует этноним «даны» именно для определения выходцев с Ютландского полуострова, а не скандинавов вообще, как обычно утверждается. Поэтому его упоминание о «данах» в 1018 г. подтверждает возможность в это время мирных отношений между князем Ярославом и Кнудом Великим, королем Дании. Кроме того, «Сага о йомсвикингах» указывает на возможность пребывания на Руси датских отрядов после смерти Свейна Вилобородого и помимо воли его сына Кнута.

Ключевые слова: Византия, Киевская Русь, Дания, Восточный путь, высокое средневековье, военное наемничество.

Summary

O. Lugovyi. Concerning Danes in Rus' and Byzance at the Beginning of the XI cent.

Article analyses a number of witnesses that proves the positive conjuncture for transfer of Danish warriors towards Byzantium by the Austerwegr at the beginning of XI cent. First is the allusion by Leo of the Marsi for the *Danes* in the Byzantine army in Italy already at the second half of the X cent. The information from "Chronic" of Thietmar of Merseburg about *Danes* in Kiev at the time of struggle for power between Vladimir sons Yaroslav and Svyatopolk is of particular importance. Thietmar used ethnonym *Danes* as usual not to indicate all Scandinavians but exactly descendants from Jutland peninsula. So we can concern *Danes* in this very case to be also from Denmark, which reveal the possibility of peaceful relations between knyaz Yaroslav and Canute the Great, king of Denmark. "Yomsvikinga-saga" points out the possibility of Danish detachment ingress at the Rus after the death of Sweyn Forkbeard even without his son Canute will.

Key words: Byzantium, Kievan Rus, Denmark, Danes, Austerwegr, High Middle Ages, mercenaries.

Е. В. Булдакова

"Defensor pacis": путь к десакрализации власти

роцесс возрождения и последующего формирования рационального представления о государстве и власти в эпоху Средневековья — период распространения и господства теократической идеологии — занимает особое место в истории развития европейской политической мысли. Этот процесс был достаточно длительным, сложным и парадоксальным. Его сложность и парадоксальность состояла в том, что он протекал в церковной среде, сосредоточившей внутри себя самых образованных людей времени. Именно те, кто изначально посвятил

свою жизнь Богу, оказались способными оценить изменения, происходящие в социальной жизни и, опираясь на соответствующие идеи античных философов, сделать выводы, которые, в конечном счете, изменили отношение людей к своему земному существованию и, в целом, их мировоззрение. Заметная роль в истории секуляризации общественной мысли принадлежала таким известным средневековым схоластам, как Марсилий Падуанский (ок. 1275–1342) и Жан Жанденский (ок. 1286–1328). Многие исследователи неоднократно обращались к изучению и анализу их сочинений. В частности, внимание заслуживает ряд работ английских, французских и русских ученых XX ст.: А. Геверта [1], Э. Жильсона [2; 7], Ж. Лагарда [3], Ж. Кийе [4], Т. Егоровой [6], Ф. Коплстона [10], Д. Петрушевского [11], Б. Чичерина [12]. Кроме того, А. Геверту принадлежит полный перевод на английский язык самого известного труда этих ученых — трактата "Defensor pacis" («Защитник мира»).

Этот трактат стал распространяться в ученой среде Парижа в 1324 г. Несмотря на то, что сочинение было написано при более значимом участии первого ученого, в целом оно выражало позицию, присущую обоим интеллектуалам. Эта работа сразу же привлекла внимание образованной элиты. Ее содержание в короткие сроки стало известно и в стенах римской курии, где она вызвала крайне негативную реакцию. В 1327 г. по приказу Папы Иоанна XXII оба ученых были провозглашены инквизицией еретиками и отлучены от Церкви, их приговорили к сожжению на костре, а сочинение включили в индекс запрещенных книг. Марсилий и Жан нашли укрытие и поддержку при дворе могущественного немецкого князя (будущего германского императора) Людвиг Баварского в Нюрнберге, который находился в жесткой оппозиции по отношению к Папе.

Возмущение главы Католической Церкви, очевидно, было вызвано идеями, изложенными в книге опальными учеными, которые посмели на ее страницах выступить против церковной иерархии и ее главы — римского епископа, обвинив священство в притязаниях на светскую власть и объявив это желание Рима причиной всех смут и войн, происходящих в западном христианском мире. Свое сочинение Марсилий Падуанский и Жан Жанденский разделили на три раздела-рассуждения. В первом из них, включающем 19 глав, они представили собственную концепцию государства, определение закона и свое видение процесса законотворения. Вторая часть трактата, состоящая из 30 глав, была посвящена учеными описанию института Римской Церкви

И
Л
Т
С

и вопросам соотношения духовной и светской юрисдикции. Последний раздел «Защитника мира» в трех главах подводил итог сказанному в первых двух частях сочинения. Подобно Фоме Аквинскому и ряду других современных им ученых, Марсили и Жан выступили комментаторами самого почитаемого авторитета этого времени Аристотеля. В центре их внимания оказалась пятая книга «Политики» [5], посвященная античным философом описанию государственного института. Чтобы со своей стороны дать читателю не менее ясное представление о происхождении и устройстве государства, авторы трактата, прежде всего, Марсили Падуанский, который имел медицинское образование, прибегли к сравнению государственного организма с телом животного. Основой послужил материал еще одного сочинения Аристотеля «О животных», отчасти ими также был использован и труд Галена «О формировании утробного плода» (это в большей степени нашли отражение в первом разделе трактата). Парижские ученые утверждали, что государство подобно устройству животного организма. Как тело животного состоит из частей, каждая из которых выполняет свою задачу ради функционирования всего организма, так и государство, телом которого является народ, состоит из сословий, выполняющих определенную работу ради благополучия всего общества.

В отличие от большинства своих современников, которые продолжали традиционно представлять государство исключительно в виде монархии, мыслители детерминировали этот социальный институт и как «некоторое количество городов или провинций, имеющих одно устройство» (*The Defensor Pacis*, engl. trad. // Gewirth A. *Marsilius of Padua, the Defender of Peace*. — N. Y., 1956. — Vol. 2. — 1, II). Здесь в большей степени отразился политический опыт Марсилиа, который был родом из крупного североитальянского города-республики. Далее расхождение представлений авторов трактата с официально признанными церковными теориями становится еще более очевидным. Обращаясь к вопросу о происхождении государства, Марсили и его коллега описывали его как совершенное сообщество, основанное на разуме и опыте людей, которое существует для того, чтобы «жить и жить хорошо», не жизнью животных или рабов, но людей, которые имеют время для свободных занятий, в частности, для обучения и совершения благих дел. Стремление к такой жизни, по убеждению ученых, является естественной целью любого человека и любого общества (*Ibid.*, 1, II). Идею божественного происхождения государства, излагаемую в рамках традиционных теократических концепций, они считали недоказуемым предметом веры.

Марсили и Жан Жанденский учили, что возникновение государства является результатом естественной эволюции человеческого общества (*Ibid.*, 1, III). Изначально общество состояло из мужчины и женщины (Адама и Евы). Затем их дети создали несколько хозяйств, из которых образовалась деревня. Но деревня еще не могла представлять совершенное общество, так как не обладала возможностью обеспечивать людей всем необходимым для жизни. Совершенным обществом стало только тогда, когда совокупность деревень достигла уровня города, действительно способного удовлетворять все человеческие запросы, что требовало знания большого количества искусств (*Ibid.*, 1, IV). Эти искусства, в свою очередь, являлись результатом труда людей разных порядков (сословий). В общественной структуре ученые выделяли уже не три, как это было принято в рамках монархической модели, а шесть порядков: три высших сословия — военные, священники, судьи, которые по своему предназначению призваны служить достижению общественного блага; и, соответственно, три низших сословия: земледельцы, ремесленники, купцы, деятельность которых служит удовлетворению своих собственных интересов (*Ibid.*, 1, V). При этом земледельцев, ремесленников и судей они относили к основным порядкам, а военных, священников и купцов считали корректирующими общественными порядками. По мнению ученых, люди занимают те или иные должности в соответствии со своими склонностями, которые природа приспособила для удовлетворения их разнообразных потребностей

(Ibid., 1, VII). Тем не менее, когда люди собираются вместе для того, чтобы обменяться своими услугами, между ними часто возникают ссоры, которые могут привести к разрушению общества. Избежать разногласий и установить мир между общественными порядками помогают законы, регулирующие отношения в обществе. Так, Марсилий Падуанский и Жан Жанденский, по сути, первыми в истории средневековья стали рассматривать государство, как результат общественного договора, направленного к достижению общественного блага, а не как институт, имеющий своей целью обеспечивать потребности церкви — посредника между земным и небесным миром и гарантом спасения, что опять же проистекало из теократических теорий (Ibid., 1, VI).

Авторы «Защитника мира» рассматривали два вида управления государством — правильный и отклоняющийся (Ibid., 1, VIII). Правильным они называли такой вид управления, который служит достижению общего блага подданных; отклоняющийся же вид они связывали с деятельностью правителей, направленной на достижение собственного блага, без учета воли подданных. К правильному виду управления они относили такие формы, как монархия, аристократия и полития. К отклоняющемуся виду — тираническую монархию, олигархию и демократию (влияние на представления этих средневековых философов Аристотеля в этом случае более чем ощутимо).

Задаваясь вопросом о происхождении феномена управления, ученые признавали существование сверхъестественного способа его появления, когда власть дается непосредственно от Бога, однако при этом они отмечали, что такое случается крайне редко: «Бог не всегда действует непосредственно, наоборот, в большинстве случаев, даже почти везде, Он устанавливает управление посредством человеческих разумов, которым Он попускает действовать по своему усмотрению» (Ibid., 1, IX). Рассуждая о формах правления, Марсилий и Жан Жанденский опирались на два вытекающих из этого убеждения критерия определения лучшего правления: общее благо и согласие подданных. Лучшей из всех форм правления Марсилий и его коллега называли монархию и писали о том, что существует два способа ее установления — наследование власти и избрание правителя. Последний способ установления монархического правления предполагает избрание правителя на пожизненный или ограниченный срок. Именно ему отдавали предпочтение ученые. Обосновывая свое мнение, они привели в своем сочинении 13 доводов в пользу выборной монархии (в сравнении с наследственной), среди которых выделяется тезис, гласящий, что только пожизненно избираемый народом монарх будет нести ответственность перед ним и править на основе установленных законов. Кроме того, они считали, что избираемые монархи лучше тех, кто наследует трон, так как власть они получают благодаря своим добродетелям, а выборы являются более древним, верным и непрерывным способом избрания правителя: «...Мы назвали избрание самым совершенным и превосходным из способов установления господства». Ведь и другие формы правильного правления — аристократия и полития — также определяются с помощью выборов. Все же формы отклоняющегося правления, в отличие от форм правильного, устанавливаются силой и обманом. Особо резкой критике Марсилия и Жана подвергалась наследственная тираническая власть королей. Тем не менее, они считали необходимым отметить, что знание наилучшей формы правления и способа избрания правителя не является гарантией того, что народы предпочтут их, так как люди часто принимают тот способ правления, который уместен в конкретных условиях (Ibid., 1, IX).

У Марсилия Падуанского и Жана Жанденского отсутствует представление о необходимости объединения в одной светской империи всего христианского мира, что было характерно для большинства ученых, отстаивавших теократические теории. Для них представляется более разумным предположить существование многообразия наций и государств: «Можно задаться вопросом, следует ли всем людям, живущим

в гражданском состоянии и населяющим поверхность земного шара, иметь единственного верховного правителя или же, напротив, предпочтительно, чтобы в разных краях, разделяемых географическими, языковыми или моральными границами, каждое сообщество обрело то правление, какое ему подобает. Кажется, предпочтительнее второе решение, в коем следует видеть воздействие небесной причины, желающей ограничить беспредельное размножение человеческого рода» (Ibid., 1, XVII). Появление подобной идеи на страницах «Защитника мира» свидетельствовало о том, что общественная мысль эпохи в это время уже приблизилась к тому, чтобы принять идею множественности христианского мира.

Рассмотрев вопрос о том, какую из форм правления и какой способ организации мира следует считать лучшим, ученые обращаются к проблеме управления государством, утверждая, что только закон следует рассматривать в качестве самого эффективного средства. Марсилий и его коллега определяли закон как «универсальное суждение о том, что относится к гражданской справедливости и пользе» (Ibid., 1, XI, 1) и отмечали, что он состоит из двух обязательных частей: определения того, что справедливо, и силы, принуждающей к его исполнению при помощи наказания или награды (Ibid., 1, X, 4, 5). Они также считали, что ни правителю, ни судьбе нельзя позволять выносить суждения или повеления вне закона (Ibid., 1, XI, 3), таким образом утверждая принцип ограничения власти силой закона. Если правитель правит по закону, то он застрахован от ошибок в управлении, и, соответственно, застрахован от мятежей и собственной гибели. Те же правители, которые не желают следовать законам, подвергают себя большой опасности: «...всем государям, а среди них особенно монархам, которые со всеми их потомками господствуют в порядке наследования, надлежит для того, чтобы их власть была безопаснее и долговременнее, править в соответствии с законом, а не пренебрегая им...» (Ibid., 1, XI, 5). В качестве примера ученые приводили французский политический урок — историю короля Филиппа IV Красивого, который едва не лишился престола, решив ввести в 1314 г. новые незаконные налоги. Поэтому цель закона, по их мнению, состоит не только в установлении справедливости, но и в обеспечении безопасности правителей и долговечность их власти.

Роль законодателя Марсилий Падуанский и Жан Жанденский отводили народу или, как они писали, всей совокупности граждан. «Законодатель — первая действующая причина, присущая закону, — сам народ, коллектив граждан, или его часть наиболее важная, выражающий свой выбор и свою волю относительно всего касающегося гражданских деяний, невыполнение которых грозит вполне земным наказанием» (Ibid., 1, XII). Гражданами государства они называли всех тех, кто имел право участвовать в народном собрании. В него не могут входить дети, рабы, чужеземцы и женщины. Только законодатель имеет право создавать, дополнять, изменять, толковать или отменять закон. Он может создавать законы напрямую или доверять их создание некоторым образованным и мудрым людям (или даже отдельному лицу), которые становятся законодателями на определенное время. Эти люди должны избираться или от каждого из сословий государства, или от всего народа сразу. Но когда избранные лица со своей стороны сформулируют закон, они обязаны его представить на обсуждение общего собрания. Только после обсуждения всем народом закон может быть утвержден (Ibid., 1, XIII). Аргументируя свои мысли, ученые указывали на то, что, действительно, только народ, по своей природе стремящийся к благополучной жизни в государстве, может создать наилучший закон, потому что по своей природе он стремится к благополучной жизни в государстве. «Итак, законы необходимы для того, чтобы исключить из гражданских судебных решений или постановлений злой умысел и заблуждения судей» (Ibid., 1, XI, 3). Кроме того, они утверждали, что закон лучше будет соблюдаться теми, кто его сам принимал. Нарушителей же закона следует считать преступниками, подлежащими наказанию.

Народу-законодателю также принадлежит право определять, какие люди могут занимать административные посты в государстве, и, в первую очередь, избирать правителя (Ibid., 1, XIV). Основными критериями для избрания правителя должны быть его качества, главными из которых являются рассудительность и моральная добродетель (Ibid., 1, XVI). Эти требования к личности правителя ученые предъявляли в связи с тем, что могут возникать ситуации, не регламентированные законами, и в таких случаях государю следует полагаться только на свой ум и добродетельность. Если правитель нарушает закон, то законодатель обладает властью потребовать исправления правителя, на некоторое время отстранить его от управления или, в крайнем случае, даже сместить его, если это необходимо для общего блага. Таким образом, Марсилий Падуанский и Жан Жанденский были одними из первых европейских ученых, которые стали проводить различие между законодательной и исполнительной властью государства. Очевидно, они считали, что власть законодательная должна определять компетенцию и организацию исполнительной власти, исполнительная же власть — монарх и правительство — обязана на основе закона осуществлять волю законодателя — народа.

Разрешая в духе аверроизма проблему соотношения разума и веры, склоняясь при этом к необходимости их четкого разделения, ученые сформулировали доктрину двойной истины: есть «земная истина», которая постигается разумом, а есть «истина небесная», которая постигается откровением и верой. Исходя из этого, они разделяли два вида жизни: земную (временную) жизнь, которой управляют государи, и небесную (вечную) жизнь, к которой священники ведут человека с помощью Откровения. Мыслители утверждали, что деятельность Церкви основывается на божественном законе, государство же есть учреждение, основанное на человеческих рациональных законах, поэтому духовную власть следует оградить от вмешательства светской власти и наоборот (Ibid., 2, III, IV).

Различия двух видов законов обуславливают разграничение сфер и способов деятельности церкви и государства. Церковь, опирающаяся на божественные законы, имеет право проповедовать христианское вероучение (такую проповедь, по мнению ученых, следует поручать людям из университетской среды по причине их хорошей образованности), но она не может наказывать грешников; нарушителей божественного закона вправе наказывать только Бог, установивший этот закон. Способствуя достижению людьми сверхприродной цели, Церковь не должна вмешиваться в их мирские дела и политику. Поскольку деятельность Церкви является более благородной, чем деятельность мирян, она не может покоряться тем, кто менее достоин. В том, что христианская религия является самой совершенной из всех, убеждает людей только вера. Поэтому в земной жизни Церковь должна быть подчинена государству (Ibid., 2, VIII, IX).

Рассуждая об институте Церкви, Марсилий и Жан писали, что, уподобляясь Христу, Церковь не должна иметь собственности, так как небесное царство принадлежит бедным. Церковную десятину ученые считали незаконной. Они также писали о том, что имущество Церкви не должно освобождаться от налогов, а число церковных должностей подлежит сокращению (Ibid., 2, XIII). Тем не менее, мыслители отмечали, что «все народы согласны в том, что надлежит учредить сословие священнослужителей, чтобы прославлять Бога и совершать служение Ему, и ради благ, которые будут следствием этого в нынешней жизни или в будущей». Но должность священника Марсилий и его коллега предпочитали рассматривать как символическую, поскольку считали, что священники не облечены особой благодатью, которую Католическая Церковь утратила с момента крещения римского императора Константина I. С этого времени Церковь превратилась в обычное государственное учреждение, и потому священники должны избираться своими прихожанами, а не посвящаться в сан епископами, и работать, как все люди. Ученые также считали, что возможность отпущения грехов священниками и передачи таинств находится

под большим сомнением, поскольку они не являются посредниками между божественным и земным, как не является этим посредником и сама Римская Церковь. Таким образом, Марсилиус Падуанский и Жан Жанденский отказывали духовенству в посреднической функции между Богом и людьми, сохраняя за ним только право наставлять верующих и совершать церковные таинства. Особой задачей священнического сословия они считали сохранение общественного порядка. И Марсилиус, и Жан утверждали, что любые религии, притом, что истинными они считали только иудейскую и христианскую веру (Ibid., 1, X, 3), создавались, чтобы призвать людей к добродетельной жизни, поэтому они должны играть роль воспитательной силы, поставленной на службу государству.

Решение церковных проблем ученые считали прерогативой соборов, организация которых возлагалась ими на светскую власть. За собором они сохраняли право налагать отлучение на государей и народы, но только в качестве нравственной меры. Папскую же власть Марсилиус Падуанский и Жан Жанденский считали не обоснованной ни божественным правом, ни текстами Священного Писания, поэтому утверждали, что понтифики не могут претендовать на высшую ступень в церковной иерархии, тем более, распространять свои претензии на осуществление светских функций. Обретение высшей власти римскими папами, по мнению ученых, следует рассматривать лишь как результат определенных исторических событий и обстоятельств (Ibid., 2, XVIII). Поскольку прерогатива избрания священников должна принадлежать народу, король, являющийся представителем народа, наделяется правом избирать Папу. Избранному таким образом понтифику вменялось в обязанность совместно с такой же выборной коллегией кардиналов приглашать светских правителей к созыву собора, председательствовать на соборе и сообщать его решения поместным церквам (Ibid., 2, XXI). Рассматривая Евангелие как религиозное поучение, а постановления Церкви, обеспеченные духовными санкциями, как рекомендации врача, Марсилиус и Жан Жанденский советовали для их утверждения прибегать к помощи государства, отмечая, что в этом случае они становятся законами государства.

Марсилиус Падуанский и Жан Жанденский отрицали возможность учреждения церковного суда, инквизиционных трибуналов или иных принуждающих и наказывающих инстанций внутри церковного института, поскольку, повторяли они, единственным его правом является право учить и наставлять. Хотя Церковь настаивала на том, что поступки людей в земной жизни оказывают непосредственное воздействие на жизнь небесную, ученые были убеждены в том, что Церковь не может брать на себя ответственность за наказание грешников. Даже наказание еретиков они относили либо к божественной юрисдикции, либо к сфере деятельности государства (Ibid., 2, X); только король, которому принадлежит высшая судебная власть, может изгнать (но не убивать!) их из страны. Таким образом, ученые стремились не просто ограничить вмешательство Церкви в светские дела, но подчинить и включить ее в систему государства.

Причина, по которой Марсилиус и Жан считали необходимым отстранить Церковь от участия в политической жизни, состояла в уверенности, что ее претензии грозят обществу войнами и раздорами. Доказательством для Марсилиуса Падуанского служила его собственная страна — Италия, которая на протяжении нескольких столетий оставалась центром бесконечных раздоров и смут, вызванных агрессивной политикой Римской Церкви. Со своей стороны, Жан Жанденский был хорошо осведомлен о серьезных конфликтах, имевших место между папами и французскими королями. Не случайно «Защитник мира» начинается с показательной цитаты из Кассиодора, восхваляющей мир, и последующего перечня причин войн и раздоров, известных еще с древних времен. К этому перечню ученые добавили еще одну — властные амбиции Римской Церкви. Поэтому, в рамках их политической концепции, лишенная возможности вмешиваться в земные дела, Церковь оказалась полностью отодвинутой

в область сверхприродного. Единственно реальной властью в этом мире учеными была объявлена светская власть. Марсилиус Падуанский и Жан Жанденский также утверждали, что сохранение единства в государстве требует полного отказа от теорий, согласно которым «совершенным» обществом, превосходящим государство, объявлялась Церковь, так как эти учения провоцировали конфликты между двумя ключевыми учреждениями христианского мира. Несмотря на то, что изначально трактат был посвящен императору Людовику Баварскому, в ближайшем будущем он станет интересен и другим европейским монархам, заметно усилившим свои властные позиции, прежде всего, французскому королю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gewirth A.* Marsilius of Padua, The Defender of Peace. — Vol. I. Marsilius of Padua and Medieval Political Philosophy. — N. Y., 1951; Vol. II. The Defensor Pacis. — N. Y., 1956.
2. *Gilson E.* La doctrine de la double verite // Etudes de la philosophie medievale. — Strasbourg, 1921.
3. *Lagarde G. de.* Le defensor pacis // La naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Âge. — P., 1970. — Т. 3.
4. *Quillet J.* La philosophie politique de Marsile de Padoue. — P., 1970.
5. *Аристотель.* Сочинения. — М., 1983. — Т. IV.
6. *Егорова Т. Е.* Трактат Марсилиуса Падуанского «Защитник Мира» // Культурология XX в. — М., 2000. — № 3.
7. *Жильсон Э.* Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. — М., 2004.
8. *Защитник мира: [Фрагменты]* // Антология мировой правовой мысли в 5-ти томах. — М., 1999. — Т. II: Европа V—XVII вв.
9. *История политических и правовых учений* / 4-е изд., перераб. и доп. Под ред. проф. В. С. Нерсесянца. — М., 2004.
10. *Колстон Ф. Ч.* История средневековой философии. — М., 1997.
11. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. — М., 2003.
12. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. — СПб., 1995. — Т. 2: От Библейского послания до Макиавелли.
13. *Чичерин Б. Н.* Политические мыслители древнего и нового мира. — М., 2001.

Резюме

Булдакова О. В. “Defensor pacis”: шлях до десакралізації влади

У статті представлено аналіз відомого трактату Марсілія Падуанського і Жана Жанденського. Мета цього твору полягала у визначенні причин розбратів і воєн, які затьмарювали життя західноєвропейського суспільства першої чверті XIV ст. Представляючи два владних інститути — Церкву і державу, винуватцем смут вчені називали Римську Церкву, яка претендує на здійснення не тільки духовної, але й світської юрисдикції. Ідеї, викладені на сторінках трактату, стали відображенням політичних змін, які були пов'язані з посиленням імперської і королівської влади в західноєвропейських країнах в означений час.

Дослідження було проведене на основі англійського перекладу джерела, виконаного Аланом Геверттом.

Ключові слова: держава, монархія, закон, Церква, Римський єпископ, собор, верховна влада.

Резюме

Булдакова Е. В. “Defensor pacis”: путь к десакрализации власти

В статье представлен анализ известного трактата Марсилия Падуанского и Жана Жанденского. Цель этого произведения состояла в определении причин раздоров и войн, которые омрачали жизнь западноевропейского общества первой четверти XIV в. Представляя два властных института — Церковь и государство, виновником смут ученые называли Римскую Церковь, которая претендует на осуществление не только духовной, но и светской юрисдикции. Идеи, изложенные на страницах трактата, стали отражением политических изменений, которые были связаны с усилением имперской и королевской власти в западноевропейских странах в указанное время.

Исследование было проведено на основе английского перевода источника, выполненного Аланом Гевиртом.

Ключевые слова: государство, монархия, закон, Церковь, Римский епископ, собор, верховная власть.

Summary

H. Buldakova. “Defensor Pacis”: a Way to De-sacralization of Power

The article presents an analysis of the famous treatise Marsilius Padua and Jean of Zhanden. The aim of this work was to determine the causes of disputes and wars that plagued the Western European society first quarter of the XIV century. Introducing two power institutes: church and state, the culprit troubles scientists called the Church of Rome, claiming to exercise not only spiritual, but also secular jurisdiction. The ideas, presented in the pages of the treatise, were reflected the political changes that have been associated with the strengthening of the imperial and royal power in Western Europe at the designated time.

The study was conducted on the basis of the English translation of the source made by Alan Gewirth.

Key words: government, monarchy, law, Church, the Roman bishop, council, the Supreme power.

С. А. Каріков

Євангелічна Церква в Саксонії та Нижній Саксонії в конфесійну епоху

агатоаспектним і тривалим є процес формування євангелізму як окремої конфесії. Зміст лютеранської конфесіоналізації, що стала закономірним наслідком утвердження принципів Реформації в німецькому суспільстві, визначався низкою взаємопов'язаних соціально-політичних, економічних, культурних, ідеологічних характеристик. Важливе місце серед них посідали трансформації в релігійно-церковному житті.

Сучасні дослідники Реформації і конфесіоналізації в Німеччині приділяють значну увагу вивченню змісту євангелічного віровчення та проблемам розбудови територіальної церковної організації в німецьких землях XVI ст. Зокрема, до цих питань у межах ґрунтовних праць узагальнюючого характеру зверталися Х. Рабе [1], Г. Шиллінг [2], В.-Д. Хаушільд [3], Г. Зеєбасс [4]. Однак поряд із названими роботами, які розкривають загальну панораму конфесійного життя Німеччини XVI ст., так само актуальним напрямом дослідження, на наш погляд, є розгляд рецепції ідейної спадщини раннього християнства у практиці євангелічного віровчення в окремих німецьких територіях. Такий підхід дає змогу визначити, як ранньохристиянські ідеї впливали на суспільство в умовах масштабних соціальних зрушень.

Предметом нашого дослідження є принципи устрою євангелічної церковної організації в курфюршестві Саксонському та нижньосаксонських землях (зокрема, в Ганновері, Брауншвейзько-Вольфенбюттельському герцогстві). Хронологічні рамки статті охоплюють період 20–70-х рр. XVI ст. — від перших змін церковного устрою в зазначених територіях до розробки лютеранської «Формули згоди», що постала своєрідним підсумком здійснених перетворень.

Повернення до ідей раннього християнства стало гаслом Реформації в Німеччині, починаючи з перших виступів Мартіна Лютера зі своїми програмними творами. Уже в лютерівських «95 тезах» йшлося про відмінності між «релігією відпущення гріхів» і справжньою вірою в Христа [5, с. 248]. Одним із фундаментальних принципів євангелізму була ідея «*sola scriptura*», що передбачала право віруючих самостійно, без посередництва Церкви, вивчати Біблію.

Безумовно, поширення таких настроїв визначалося загальною духовною ситуацією в німецькому суспільстві. Як зазначає В. О. Дятлов, зростання зовнішнього культу, характерне для епохи пізнього Середньовіччя, не призводило до заспокоєння душ віруючих і не знімало соціальної й релігійно-моральної напруги в суспільстві. Зовнішня добродесність перетворювалася на окремий елемент церковної культури, який ставав все більш автономним від віри. Захоплення зовнішньою стороною церковного життя відволікало від пошуку відповідей на нові морально-етичні й соціальні проблеми, що турбували людей [6, с. 132].

За таких умов закономірним було бажання віруючих відшукати морально-ціннісні дороговкази, які б повернули надію на спасіння. У період ранньої Реформації нові ідейні орієнтації виявилися спрямованими до первинного змісту християнського віровчення. Надалі постало закономірне питання щодо можливості узгодження принципів раннього християнства з вимогами перехідної епохи, що визначалися соціально-економічними, суспільно-політичними, конфесійними інтересами різних соціальних верств.

Перші спроби розбудови євангелічної церковної організації в курфюршестві Саксонському (віттенберзький рух 1521–1522 рр.), що були призупинені територіальною владою, зазнали критики Лютера передусім через методи впровадження перетворень у життя. Лідер Реформації вбачав у насильницьких діях небезпечний прецедент, що може бути використаний прибічниками католицизму для компрометації євангелічного вчення і його придушення [5, с. 280]. Він прагнув захистити християнську свободу від будь-якого примусу — як з боку папів, так і з боку радикалів-екстремістів [7, с. 54].

Після придушення Селянської війни ідея повернення до «чистого, істинного Євангелія» почала пов'язуватися реформаторами з необхідністю проповіді, яка стала основою нового порядку церковної служби — німецької меси. Єдність обрядовості була важливим засобом зміцнення євангелічних общин. Істинною формою богослужіння Лютер уважав літургію невеликої групи віруючих, які визнають Євангеліє словом та ділом [7, с. 57]. Однак у ситуації суспільно-політичного розколу сприятливі умови для відправи євангелічного богослужіння могла забезпечити тільки територіальна світська влада, оскільки імператор Карл V не приховував своїх прокатолицьких симпатій. Тому євангелічні князі та магістрати поставали гарантами стабільності і матеріального забезпечення лютеранських парафій.

Показовими у цьому відношенні є документи, на ґрунті яких почала здійснюватися розбудова територіальної євангелічної церковної організації. Для євангелічних територій Саксонії такими документами стали «Інструкція курфюрста Йоганна Саксонського візитаторам» 1527 р. та «Настанова візитаторів пасторам курфюршества Саксонського», створена Філіпом Меланхтоном за участю Лютера і Йоганна Бугенхагена. В останньому зі згаданих документів було недвозначно наголошено: «Освітчені люди потрібні не лише Церкві, але й світському правлінню, яке так само є бажаним Богу» [8, с. 59].

«Інструкція курфюрста...» та «Настанова візитаторів...» задекларували підтримку світської влади як необхідну умову відправи богослужіння. У зв'язку з цим Г.-В. Крумвіде вважає, що для обох документів характерною є внутрішня ідейна єдність [9, S. 109]. Така оцінка потребує певного уточнення. Саксонський курфюрст Йоганн Постійний в «Інструкції курфюрста...» утверджував принципи повної залежності візитаторів від світської влади. Лютер в передмові до «Настанови візитаторів...» спробував примирити вимоги князів з більш ранніми ідеями реформаторів про існування двох царств — духовного та світського. На думку Лютера, курфюрст насамперед має представляти спільні інтереси і діяти з почуттям своєї відповідальності перед суспільством [10, с. 11]. Однак, хоча цілі світських правителів та теологів дещо відрізнялися, як «Інструкція курфюрста...», так і «Настанова візитаторів...» закріплювали вплив територіальних князів на євангелічну церковну організацію. Реформатори визнали така розстановку сил, оскільки вона допомагала затвердити вчення євангелізму в масах.

Твори віттенберзьких теологів 1527–1528 рр. засвідчили перехід Реформації від опозиційного руху до інституційного руху. Для підтримки церковного ладу потрібно було чітко визначити, що саме слід знати, говорити і сповідувати кожному віруючому [11, с. 282]. Зазначена вимога засвідчує перетворення євангелізму з учення на доктрину, що постає характерною ознакою лютеранської конфесіоналізації.

Наслідком здійснення візитацій стало ухвалення територіальних євангелічних статутів. Ці документи поєднували розгляд практичних питань діяльності лютеранських священнослужителів та общин із систематизованим викладом основ євангелічного вчення. Аналіз змісту статутів дає змогу зробити певні висновки щодо рецепції ранньохристиянських ідей у нових історичних умовах, що в саксонських та нижньосаксонських землях дещо відрізнялися.

На території Нижньої Саксонії масштабні реформаційні зміни, порівняно з курфюршеством Саксонським, розгорнулися дещо пізніше. Таке певне «відставання» було зумовлене як ворожістю до євангелічного віровчення більшості представників територіальної князівської влади (зокрема, брауншвейзько-вольфенбюттельського та брауншвейзько-грубенхагенського герцогів), так і тим, що прибічники ідей Лютера на початку 20-х рр. XVI ст. апелювали до порівняно невеликої частини міського населення. Однак у наступні роки, з поширенням гасел Реформації в бюргерському середовищі (цьому сприяли контакти з Саксонією, зокрема — поширення «летючих листків» та навчання у Віттенберзькому університеті), ситуація для утвердження принципів євангелізму в нижньосаксонському суспільстві стала більш сприятливою.

Основи систематичних перетворень церковної організації в нижньосаксонських землях були закладені Брауншвейзьким церковним статутом 1528 р. Цей статут став першим у низці аналогічних документів, написаних Йоганном Бугенхагеном, що дає змогу дослідникам виокремити відповідний тип правових текстів. Важливим елементом євангелічних церковних статутів, починаючи з перших, постає формула легітимації, у якій обґрунтовується право світської влади виступати і діяти від імені Бога [12, S. 143]. Зазначений принцип розвивав учення Мартіна Лютера про два царства, забезпечуючи можливість його практичного здійснення і утверджуючи як одну з головних характеристик лютеранської конфесіоналізації.

Надалі євангелічна церковна організація все більше підпорядковується впливу територіальної влади. Отримавши право патронату над церквами, магістрати одночасно прийняли на себе обов'язок управління їх фінансовими справами. Диякони мали надавати звіт Радам міських районів про всі витрати [13, S. 82]. Такий порядок доводить, що Євангелічна Церква Брауншвейга виявилася матеріально залежною від міської адміністрації. Завдяки розширенню своїх повноважень магістрати посилили вплив на бюргерів.

Аналогічна тенденція простежується в Ганноверському церковному статуті, написаному реформатором Урбаном Регієм і ухваленому міською радою в 1536 р. Цей документ відображає серйозні проблеми, з якими зіткнулися прибічники лютеранства на рубежі 20–30-х рр. XVI ст. Невизнання Аугсбурзького віросповідання 1530 р., підготованого Філіпом Меланхтоном, і подальше оформлення Шмалькальденського союзу євангелічних князів та міст засвідчили загострення міжконфесійних суперечностей у німецькому суспільстві. Особливо гостре протистояння спостерігалось в містах, населення яких підтримало Реформацію всупереч позиції князівської влади, що дотримувалася прокатолицької орієнтації. Саме таке становище склалося в Ганновері [3, S. 127].

Лютеранські теологи рішуче виступали проти намагань прибічників католицизму оголосити євангелізм єретичним ученням. Не випадково Урбан Регій присвячує першу частину статуту викладу розвитку християнства, прагнучи довести, що лютерани дотримуються всіх його ключових положень. Він протиставляє непорушну єдність християнської Церкви і братерство віруючих як основу общини, що ґрунтується на визнанні Святого Письма найвищою істиною, численним ускладненим характеристикам сутності церковного устрою, характерним для середньовічної схоластики, яка вивисувала Римсько-Католицьку Церкву над рештою світу (Фома Аквінський, Бонавентура) [14, S. 966].

Заперечуючи роль Церкви як посередника між Богом та людьми і протиставляючи їй «істинну віру у Христа в людському серці» [14, S. 1002], Урбан Регій, однак,

дотримується тих основ релігійної організації, які вже почали впроваджуватися в євангелічних територіях. Відкидаючи складний ієрархічний устрій католицизму, він водночас погоджується з тим, що суперінтенденти, які контролюють діяльність священнослужителів, фактично діють від імені світської влади. Так, зокрема, усунення з посади проповідників у випадку виголошення положень, які суперечать євангелічному віровченню (наприклад, ідей анабаптизму), суперінтендент мав здійснювати за погодженням із бургомістром [14, S. 1004].

Регулярне здійснення контрольних заходів (перевірки парафій та шкіл мали здійснюватися щомісячно або двічі на місяць) дає змогу зробити висновок щодо прагнення влади посилити дисциплінарні санкції для зміцнення церковної організації. Аналогічні принципи спостерігаємо в інших нижньосаксонських церковних статутах періоду пізньої Реформації — Люнебурзькому (1531 р.), Геттінгенському (1531 р.), Нортгеймському (1539 р.). Їх укладачі керувалися принципами «Аугсбурзького віросповідання», у якому було наголошено, що «повноваження Церкви полягають у захисті вічних благ... і не можуть бути перешкодою світській владі та уряду» [15, S. 108]. Євангелічні статuti насамперед розвивали другу частину зазначеного принципу, виявляючи важливу тенденцію лютеранської конфесіоналізації — прагнення територіальних правителів (князів і магістратів) за рахунок церковних прав розширити власні повноваження.

На наш погляд, закріплення провідної ролі територіальної світської влади у регулюванні церковного життя свідчить про посилення з початку 30-х рр. XVI ст. авторитарних тенденцій в організації Євангелічної Церкви. Ліквідувавши інститути Римсько-Католицької Церкви (монастирі, штифти), що раніше мали помітний вплив на питання церковного життя, князівська та міська адміністрація не дала права парафіянам одноосібно вирішувати ці питання. Християнська община набула лише право дорадчого, а не вирішального голосу в управлінні парафіяльними церквами.

У другій половині XVI ст., коли після укладання Аугсбурзького миру за часів правління герцога Юліуса лютеранство було визнане на території Брауншвейзько-Вольфенбюттельського герцогства як окрема християнська конфесія, виникла потреба подальшого юридичного оформлення євангелічної церковної організації в нижньосаксонських землях. У Брауншвейзько-Вольфенбюттельському церковному статуті 1569 р., написаному від імені герцога Юліуса, було наголошено, що для збереження світської влади потрібні не лише поліцейські та земельні, але й церковні статuti [16, S. 84]. Відповідно, мали бути визначені й повноваження правителів у вирішенні питань діяльності євангелічних общин. Так, зокрема, статут 1569 р. прямо визначає герцога як єпископа, який бере участь в ординації євангелічних священнослужителів [16, S. 189]. Консисторія у Брауншвейзько-Вольфенбюттельському герцогстві і теологічний факультет Віттенберзького університету в Саксонському курфюрстві у другій половині XVI ст. постають інституціями, що закріплювали вплив світської влади на церковне життя, безпосередньо підпорядковуючись їй [8, S. 221].

«Формула згоди» 1577 р., підготована євангелічними теологами, остаточно закріпила догматичні положення лютеранства. Визнана в більшості євангелічних територій (зокрема, в курфюршествах Саксонському, Пфальцькому, Бранденбурзькому) [17, S. 773], вона допомогла подолати розкол між гнезіолютеранами та філіпістами — двома угрупованнями, які тривалий час вели гострі суперечки навколо змісту лютерівського вчення й напрямів його подальшого розвитку. Для цього було здійснено відхід від крайніх позицій обох угруповань, що дало змогу досягти компромісу між ними.

Основні принципи «Формули згоди» були закріплені у церковному статуті курфюршества Саксонського (1580 р.), складеному відомим теологом Якобом Андрее. Крім догматичних положень, цей документ охоплював низку організаційних питань: підготовку і повсякденну діяльність священнослужителів, проведення

наглядних заходів суперінтендентами, діяльність консисторії, навчання у князівських та «німецьких» школах, функціонування університетів [18, S. 212]. Верховний нагляд за вирішенням цих питань мав здійснювати саксонський курфюрст.

Еволюція організаційного устрою лютеранства в саксонських та нижньосаксонських територіях за часів конфесіоналізації до певної міри нагадує зміни в житті християн, що відбувалися в античну епоху. Якщо на початковому етапі розвитку християнства основною організаційною формою були общини з демократичним устроєм, оскільки всі віруючі вважалися однаково наділеними Божою благодаттю, то з часом становище змінилося. Вже в 60–70-х рр. II ст. «рівність обраних», судячи з послань єпископа Ігнатія, зникає. Влада єпископа у питаннях віровчення, обрядовості, житті християнських общин зображена в цих документах як монархічна [19, с. 9]. Територіальні німецькі князі у процесі лютеранської конфесіоналізації набули аналогічних повноважень, що вплинуло на структуру євангелічної церковної організації, побудованої на засадах ієрархічності та підпорядкування.

Отже, у розбудові євангелічної церковної організації в саксонських та нижньосаксонських територіях як складовій частині лютеранської конфесіоналізації простежуємо певні закономірності. За часів ранньої Реформації у цьому процесі виразною була демократична тенденція, що визначалася прагненням широких верств суспільства відшукати нові морально-етичні орієнтири в умовах соціальних перетворень. Ідейним підґрунтям цих пошуків постали принципи раннього християнства. На межі 20–30-х рр. XVI ст. ініціатива здійснення конфесійних перетворень перейшла до територіальних правителів. Відповідно відбулася зміна акцентів у церковних статутах, які регламентували устрій євангелічної організації: наголос почав робитися на дотриманні священнослужителями, учителями й усіма віруючими чітко визначених правил, встановлених міською та князівською владою.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Rabe H.* Reich und Glaubensspaltung. Deutschland 1500–1600. — München, 1989.
2. *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. — Berlin, 1994.
3. *Hauschild W.-D.* Lehrbuch der Kirchen- und Dogmengeschichte. — Gütersloh, 2005. — Bd. 2.
4. *Seebaß G.* Geschichte des Christentums III. Spätmittelalter — Reformation — Konfessionalisierung. — Stuttgart, 2006.
5. *Голубкин Ю. А.* Из любви к истине // Лютер М. Время молчания прошло. — Х., 1994.
6. *Дятлов В. О.* Реформи і Реформація у Німеччині (XV—XVI століття). — Чернігів, 2010.
7. *Голубкин Ю. А.* Мартин Лютер и реформирование мессы // ВХУ. — 2001. — № 526: Історія. — Вип. 33.
8. *Меланхтон Ф.* Наставление визитаторов, предназначенное для пасторов в землях герцога Генриха Саксонского // Европейская педагогика от античности до Нового времени: Исследования и материалы. — М., 1994. — Ч. 3.
9. *Krumwiede H.-W.* Zur Entstehung des landesherrlichen Kirchenregiments in Kursachsen und Braunschweig-Wolfenbüttel. — Göttingen, 1967.
10. *Голубкин Ю. О.* На шляху до суверенної територіальної Євангелічної Церкви в курфюрстві Саксонському // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка. — 2004. — Вип. 27. Серія: історичні науки: № 2.
11. *Брендлер Г.* Мартин Лютер: Теология и революция: пер. с нем. — М.; СПб., 2000.

12. *Bergholz T.* Reich Gottes und Kirchenordnung. Johannes Bugenhagens kirchenordnendes Wirken als Ausdruck seiner Ekklesiologie und Zwei-Reiche Lehre // Der späte Bugenhagen. — Leipzig, 2011.
13. *Schorn-Schütte L.* Evangelische Geistlichkeit in der Frühneuzeit: deren Anteil an der Entfaltung frühmoderner Staatlichkeit und Gesellschaft. — Gütersloh, 1996.
14. *Kirchenordnung* der statt Hannover durch D. Urbanum Regium // Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts. — Tübingen, 1957. — Bd. 6. — Hbd. 2.
15. *Das Augsburger Bekenntnis* // Unser Glaube. Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. — Gütersloh, 1991.
16. *Kirchenordnung* unser, von Gottes genaden Julii, herzogen zu Braunschweig und Lüneburg etc. 1569 // Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts. — Tübingen, 1955. — Bd. 6. — Hbd. 1.
17. *Konkordienformel* // Unser Glaube. Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. — Gütersloh, 1991.
18. *Koch E.* Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. — B., 1989.
19. *Федосук В. А.* Христианство в Римской империи (I — начало IV вв.) // Ивонин Ю. Е. и др. Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация). — Смоленск, 1999.

Резюме

Каріков С. А. Євангелічна Церква в Саксонії та Нижній Саксонії в конфесійну епоху

Розглянуто організацію Євангелічної Церкви в німецьких територіях раннього Нового часу. Охарактеризована рецепція ідейної спадщини раннього християнства в практиці євангелічних громад в курфюршестві Саксонському і нижньосаксонських землях. Проаналізовано церковні статuti саксонських і нижньосаксонських територій. Зазначено, що вміст євангелічних статутів відповідав інтересам територіальної влади. Визначено, що за часів конфесіоналізації відбувся поступовий перехід від демократичних ідей раннього християнства до принципів ієрархічності та підпорядкування.

Ключові слова: Реформація, конфесіоналізація, церковний статут, християнство, територіальна влада, Саксонія, Нижня Саксонія.

Резюме

Каріков С. А. Евангелическая Церковь в Саксонии и Нижней Саксонии в конфессиональную эпоху

Рассмотрена организация Евангелической Церкви в немецких территориях раннего Нового времени. Охарактеризована рецепция идейного наследия раннего христианства в практике евангелических общин в курфюршестве Саксонском и нижнесаксонских землях. Проанализированы церковные уставы саксонских и нижнесаксонских территорий. Отмечено, что содержание евангелических уставов соответствовало интересам территориальной власти. Определено, что во времена конфессионализации произошел постепенный переход от демократических идей раннего христианства к принципам иерархичности и подчинения.

Ключевые слова: Реформация, конфессионализация, церковный устав, христианство, территориальная власть, Саксония, Нижняя Саксония.

Summary

S. Karikov. The Evangelical Church in Saxony and Lower Saxony in the Confessional Age

The organization of the Evangelical Church in the German territories during early modern age is considered. The reception of ideological heritage of early Christianity in the practice of the evangelical communities in the Electorate of Saxony and Lower Saxony lands is characterized. Church orders of Saxony' and Lower Saxony' territories are analysed. It is noted that the content of evangelical charters corresponded to the interests of territorial authority. It is defined that a gradual transition from democratic ideas of early Christianity to the principles of hierarchy and subordination occurred during the confessional age.

Key words: Reformation, confessionalization, church order, Christianity, territorial authority, Saxony, Lower Saxony.

Ю. Г. Матвеева

«Завеса, называемая воздух»: терминология и реальный предмет

асполагавшиеся на кивориях завесы престола играли значительную роль в ранневизантийской церкви, но со временем постепенно утратили свое значение [1, с. 445–449; 2, с. 91–94; 3, с. 110–115; 4, с. 181–191; 5, с. 258–280]. Их функции и употребление уходили в прошлое и становились не понятны. В связи с этим упоминания таких завес в текстах стали нивелироваться, а иногда и совсем опускаться. Особенно это касается некоторых переводов, в которых реалии ранневизантийской практики переводились с точки зрения традиции более современной и таким образом существование завесы практически выходило из поля зрения ученых. Рассмотрению нескольких таких примеров и посвящена данная статья.

Один из ценных источников для рассмотрения литургического толкования церковных тканей творение св. патриарха Германа. Однако одно из важнейших упоминаний в нем завесы сегодня практически не идентифицируется. В русских переводах св. Германа слово катапетасма исключено из текста и переведено как «верхний покров», что совершенно уводит от мысли о связи самого слова и текста с завесой, как таковой. И, если в переводе середины XIX в. из сборника «Писания святых отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения» (1855 г.) после слов «верхний покров» в скобках приведено слово «*καταπέτασμα*», то в последнем критическом переводе Е. М. Ломизе [6] найти этот термин можно только обратившись к параллельному греческому тексту [6, с. 70], в русском же варианте это уточнение отсутствует [6, с. 71]. Таким образом, для исследователя, не вчитавшегося непосредственно в текст греческого оригинала, уточняющее значение «катапетасма» совершенно исчезает из толкования таинств, остается только «верхний покров», который, в современных представлениях никак не соотносится с завесой. Возможно, по таким же причинам этот термин не попал и в английский перевод, сделанный П. Меендорфом [7, с. 62–63], во всяком случае, западные авторы, ссылающиеся на него, утверждают, что толкование завесы у св. Германа отсутствует [8, с. 170; 9, с. 362–363].

Это стало серьезным толчком для работ, утверждающих полное отсутствие завес в византийской столичной литургической практике. К таким выводам приходит Р. Ф. Тафт [9, с. 362–363], и в поддержку их приводит несколько саркастическое замечание Т. Мэтьюза: «Было бы настоящей аномалией, если бы комментаторы, столь подробно описавшие интерьер алтаря, закрытого для доступа верных, были бы не в состоянии объяснить одну особенность, наиболее очевидную для сообщества мирян, а именно, завесу, закрывающую сам алтарь. И было бы совершенно неожиданным, если бы Герман, сделавший все возможное, чтобы объяснить значение каждого покрова, покрывающего сосуд, забыл бы о завесе, скрывающей весь темплон» [8, с. 170; 9, с. 362–363].

Возьмем свидетельство св. Германа о завесе-воздухе: «Верхний покров, или воздух, соответствует камню, которым Иосиф закрыл гроб и который запечатан был стражей Пилата», на греческом: «Τὸ καταπέτασμα, ἧρουν ὁ ἀήρ, ἐστὶν ἀντὶ τοῦ λίθου οὗ ἐσφάλισε τὸ μνημεῖον ὁ Ἰωσήφ ὄντες καὶ ἐσφράγισεν ἢ τοῦ Πιλάτου κουστωδία» [6, с. 71]. И далее в тексте идет речь о завесе. Всего слово «καταπέτασμα» употребляется еще четырежды, из них в двух важнейших пояснениях слово переведено как «верхний покров». Однако, как показывает текст оригинала, св. Герман о катапетасме не забыл.

Упоминанию катапетасмы у св. Германа, посвящены две работы, сделанные практически в одно время, чуть более века назад: работа В. Троицкого «История плащаницы» 1912 г. [10, с. 374–376] и исследование Г. Добронравова «История катапетасмы» 1912 г. [11, с. 14–16]. Анализируя работу св. Германа, оба автора приходят к выводу, что катапетасма была прародительницей воздуха. Но В. Троицкий считает, что для такого заключения недостаточно фактов и «говорить приходится поневоле предположительно», а Г. Добронрабов, более полно аргументируя свою позицию, высказывается с большей определенностью и настаивает на том, что св. патриарх Герман в своем толковании говорит о завесе, которая предшествовала воздуху. Но его доказательство сегодня имеет некоторые слабые стороны. Частично его объяснения основываются на более поздних средневековых вставках в тот же текст. Интересной стороной доказательства являются примеры из литургической практики более позднего времени, где в действиях с воздухом явно прослеживается, что ранее, в тех же движениях, использовалась завеса [11, с. 14–16]. Хотя это не дает пояснений тексту, с точки зрения современной ему практики, определенно побуждает к поиску таковой.

Нам представляется, что исследовать слова св. патриарха необходимо, учитывая ту традицию устройства алтарных завес, которая существовала в его время. Вопрос о завесах кивориев мы рассматривали в нескольких предыдущих работах [1, с. 445–449; 2, с. 91–94; 3, с. 110–115; 4, с. 181–191; 5, с. 258–280], где на основе анализа оригинальных греческих текстов и рассмотрения аналогий в ранних примерах иконографии, нами было показано, что завесы алтаря располагались на кивории и были его неотъемлемой частью, размещение же их на темплоне не встречается ранее середины XI в. Основные истоки такой традиции происходили из устройства завес Ковчега в ветхозаветной Скинии и завес кивория над императорским престолом. Завесы алтарного престола были особенно почетным императорским даром храму и сохранение обычая их дарения можно наблюдать от IV до XVI вв. Акцент в литургическом использовании завес делался на их открытии, а не на скрывании, утаивании того, что находилось за ними. Такое бытование катапетасмы говорит в пользу необходимости еще раз рассмотреть толкование св. Германа в свете новых данных.

Еще одна причина, выведшая завесу в работе св. патриарха из области научных рассуждений — двойное название, которое дает св. Герман этой ткани, упоминая ее впервые. Он говорит: «катапетасма, а именно воздух» или «катапетасма или воздух» [6, с. 70]. Нам представляется, что такая формулировка стала решающей для перевода слова «катапетасма», значением «верхний покров», что в большей степени ассоциируется с воздухом и это исключило понятие «завеса» из текста большинства переводов. Действительно, термин «воздух» уже многие столетия и в современном церковном обиходе обозначает третий верхний покров, но было ли это столь однозначно во время св. Германа? Чтобы разобраться в этом, необходимо рассмотреть другие случаи упоминания слова «воздух» в качестве литургического покрывала.

«Воздух» в значении третьего верхнего покрывала в свято-отеческой литературе употребляется не часто. Из всех крупных древнегреческих словарей, в таком значении он наиболее полно освещен у Г. В. Х. Лэмпа (G. W. H. Lampe) [12, с. 41]¹, где воздух

¹ В словаре А. Е. Софоклеса более кратко: «Квадратная ткань (cloth) для покрытия вместе диска и потира; называется также κάλυμμα. Не путать с εἰλητόν» [13, с. 86].

переводится так: «покров/завеса (veil), в литургическом значении третья большая завеса/покров (veil), покрывающая чашу и дискос вместе» [12, с. 41] (перевод наш — Ю. М.). Из приведенной цитаты видно, что и в ней есть некая неопределенность — автор словаря говорит о ткани, покрывающей потир и дискос вместе, но при этом называет ее «veil», что с одинаковой вероятностью может означать как покров, так и завесу и проясняет эту разницу обычно только контекст, а поскольку сегодня потир и дискос вместе покрываются именно покровом-воздухом, то этому значению и отдается предпочтение в переводах. Значит, чтобы разобраться, о каком предмете идет речь в толковании патриарха Германа, и какой перевод здесь предпочтительнее, надо уточнить контекст и сопоставить его с историческими реалиями рассматриваемого периода. Поэтому обратимся к текстам.

В своем словаре Г. В. Лэмп приводит примеры употребления воздуха (ἀήρ) как литургической ткани: один — из псевдо св. Василия, повторенный у св. Германа; второй — из литургии Преждеосвященных Даров; третий и четвертый из литургии Иоанна Златоуста [12, с. 41]. Для более полного анализа к приведенным текстам следует добавить 10 правило Двуглавого собора 861 г., на которое в связи с наиболее ранним упоминанием воздуха ссылается В. Троицкий [10, с. 372, сноска 4.]. Сразу оговоримся, что столь ограниченный набор текстов привлечен потому, что нас интересует не просто «воздух (ἀήρ)», как литургический предмет, а появление и применение его как термина. Мы полагаем, что разобравшись в употреблениях и значениях этого слова в наиболее ранний его период, можно будет объяснить и всю последующую путаницу, связанную с этим словом от позднего средневековья по сей день.

Рассмотрим свидетельство, более близкое по времени к св. Герману, это **текст 10 правила Двуглавого собора** [14, 10 правило], состоявшегося в мае 861 г. Воздух здесь упоминается вместе с другими тканями для престола и священными сосудами.

Сначала, цитируется 73-е правило из Апостольских постановлений, относящихся не ранее чем к середине IV в. [15], где из тканей упоминается только завеса: «Апостольское правило глаголет: сосуд золотой или серебряный освященный или **завесу (ἡ ὀβούνην)** никто уже да не возьмет в свое употребление: ибо беззаконно есть «...» (Ап. Пр. 73)» [16, правило 73]. Далее говорится, что нельзя оправдывать подобные кощунственные действия в отношении и других тканей, и обличаются те люди, «кои досточтимое облачение Святой Трапезы (ἐνδύτην) претворяют в собственный хитон или некую иную одежду» [14, правило 10], так к завесе, упомянутой в Апостольском правиле, Двуглавый собор добавляет индитью. Затем следует обобщение и формулировка нового постановления, где наряду с индитьей вместо слова «завеса» уже употреблен термин воздух, с оговоркой **«так называемый воздух»**: «Того ради святой Собор определил: те, кои Святую Чашу или Дискос, или Лжицу, или досточтимое облачение Трапезы (ἐνδύτην), или глаголемый **Покров (ἡ τὸν ἄερα)**, или какой бы то ни было из находящихся в алтаре священных и святых сосудов или одежда восхитят для собственной корысти или обратят в употребление на не священное, да подвергнутся совершенному извержению из своего чина» [14, правило 10]. Здесь мы видим, что набор предметов повторяется, но «завеса» заменена «воздухом». Таким образом, в этом упоминании он фактически употреблен как ее синоним, поскольку, если бы «ἀήρ» обозначал уже новый литургический покров, то завеса, вероятно, также вошла бы в повторное перечисление всех предметов наряду с чашей и дискосом. Кроме того, воздух здесь фигурирует в единственном числе, без малых покровов на потир и дискос, которые связаны с воздухом общей функцией и обычно упоминаются перед ним в связи с покрытием каждого из литургических сосудов, повторенных тут неоднократно.

Интересно, что слово, означающее в Апостольском правиле завесу — «ἡ ὀβούνην», имеет и другие значения, одни из которых употребляются как синонимы завесы — «полотнище», «парус», «одежда», а другие, в дальнейшем, станут значениями

воздуха — «тонкое полотно», «полотняная ткань или одежда», «плащаница», «саван»¹. Так в самом лексическом значении завесы — «ἡ ὀθόνη» уже была заложена возможность как для привлечения синонима — «воздух», так и для последующего развития его символики. До VIII в., а возможно и позднее, воздух имел только одно, причем общее с завесой значение — камень, которым был закрыт и запечатан Гроб Христа. Вероятно обособление воздуха не только как термина, но и как предмета должно было происходить уже после VIII в.

Таким образом, есть основания предположить, что в 10 правиле Двуглавого собора под словами «или так называемый воздух» все еще имеется в виду завеса или что-то совершенно равнозначное ей. Она сохраняет свое место и достоинство, как и завеса Апостольского правила, но названием «воздух» подчеркнуты оттенки значения и/или возможно физические качества: «тонкое полотно», «полотняная ткань».

Апостольское правило, относящееся к V в. — времени активного использования завес² и наиболее раннему упоминанию кивория над престолом христианского храма [18, sp. 1055], первоначально говоря только о завесе, закладывает основу для почитания всех престольных покровов и дальнейшего развития их символики, а 10 правило Двуглавого собора уточняет, подробно расписывает и фиксирует это начинание, распространяя его уже на все престольные покровы.

В литургии **Преждеосвященных Даров** воздух упомянут следующим образом: «Μετὰ τὴν τῶν θεῶν δῶρων εἰσόδου εἰς τὴν αἴθουσαν αἱ θύραι κατακλείσκονται ὁ δὲ ἱερεὺς τῷ ἀνοίχῳ πέπλῳ, ὃ καὶ ἄερα οἶδεν ὁ λόγος καλεῖν, τὰ δῶρα ἐπικαλύπτει» — «После внесения божественных Даров все готово для закрытия дверей; иерей верхней одеждой (πέπλω), тем, что и воздухом (ἄερα) называет Логос, Дары покрывает» [19, р. 348] (перевод наш — Ю. М.). Как видно, действие происходит после перенесения св. Даров на престол и связывается с закрытием дверей. Покрытие же воздухом Даров и закрытие дверей обычно несколько разнесены во времени³. В отрывке так же совсем не упоминаются малые покровы на потир и дискос, снятие которых предшествует покрытию Даров воздухом. Если же предположить, что под словом «воздух» вернее здесь опять употребляется уточнение «тем, что и воздухом (ἄερα) называет Логос», фигурирует завеса, то она напрямую связана с закрытием дверей, потому что этимологически и функционально и является дверью. Текст в этом случае становится более понятным с точки зрения производимых действий, смысл которых следующий — все готово для закрытия дверей и иерей завесой, называемой воздух, Дары закрывает. По действиям здесь фигурирует все еще та же завеса, но названная «воздух». В защиту выдвинутой версии добавим и то, что в словаре И. Х. Дворецкого глагол «ἐπικαλύπτω» может переводиться не только как «покрывать», но и «опускать в виде завесы», а один из синонимов завесы «καλύπτρα»⁴ не только связан с глаголом этимологически, но и имеет с ним общий корень.

Так из приведенных текстов видим, что «воздух» (ἄηρ) не всегда означает третий верхний покров, во всяком случае, этого нельзя утверждать однозначно.

Интересно определить временной диапазон, к которому относятся приведенные тексты. Работа св. Германа — около 730 г. Двуглавый собор — 861 г. Отрывок из

¹ Эти качества воздуха разбирает в своем комментарии Рейське [17, col. 164].

² Это видно на примере, равенских мозаик этого периода [5].

³ Например, Киприан Керн пишет, что после перенесения и поставления св. Даров на престол с них снимаются малые покровы и оба сосуда покрываются большим покровом-воздухом, потом следует молитвенный диалог иерея и диакона, после чего тот «выходит из алтаря северными дверями для произнесения просительной ектении» [20, с. 176, 177]. Действия же с завесой более соответствуют закрытию врат [20, с. 178].

⁴ Слово «καλύπτρα» в значении завесы престола употребляется, например, у Павла Силенциария при описании завесы на кивории в Софии Константинопольской. Подробнее об этом [2].

литургии Преждеосвященных Даров приводится Брайтманом по спискам IX в. и относится не к самим текстам молитв, а к так называемому формуляру литургии, который, как известно, появился в тексте не ранее VIII в. [20, с. 55–56]. Таким образом, все представленные тексты с упоминанием «воздуха» (ἀήρ) относятся к периоду между второй четв. VIII—IX в. Ранее этого периода в греческих текстах мы пока не находим случаев, чтобы покровы или завесы уточнялись термином «ἀήρ». На основании этого можно предположить, что до этого времени термин постепенно вводился в литургический обиход. На этот процесс ясно указывают и постоянные уточнения: «так называемый воздух», «а вернее воздух/ или же воздух» «воздуху название знает Логос/ воздух же знает и называет Логос». Эти высказывания отнесены не просто к покровам, а к словам, которые ранее использовались для обозначения завесы, т. е. и сам термин мог первоначально относиться только к завесе, как ее синоним, а затем некоторое время к покрову и завесе вместе, пока окончательно не перешел на покров вместе с первоначальной символикой завесы. Этим же объясняется и то, что воздух в ряде случаев дублирует катапетасму и в современной практике: св. Дары закрываются воздухом, после чего закрываются Двери и завеса; значение катапетасмы кивория как входа в гробницу сначала повторяется для воздуха, а потом присваивается ему окончательно и больше не относится к завесе.

К сожалению, столь своеобразное применение термина «ἀήρ» в текстах VIII—IX вв. окончательно размывает границу и между двумя предметами, покровом и завесой, особенно для современного исследователя: ведь в силу устоявшейся многовековой практики и терминологии воздух (ἀήρ) автоматически относят к третьему покрову. Поэтому случаи, упоминающие закрытие св. Даров (потира и дискаса вместе) тканями с названием «ἀήρ» или тем более с другими названиями, требуют повторных внимательных рассматриваний с учетом контекста, и возможности упоминания там не только покрыва, но и катапетасмы, особенно ранее VIII в. Основанием для этого являются упоминания с IV в. завес над престолом, скрывавших св. Дары в определенные моменты литургии, и происхождение этих тканей еще из ветхозаветной и позднеантичной традиций, тогда как обычай возлагать ткани непосредственно на священные сосуды не известен в античных или ветхозаветных параллелях, например в Скинии или в обиходе позднеантичных храмов.

Конечно, только полное и подробное пересмотрение текстов сможет дать окончательные и более точные результаты, что выходит за рамки статьи, поскольку требует гораздо более обширного привлечения текстов и их анализа.

Поэтому мы не настаиваем однозначно на том, что во всех текстах термином «воздух» может быть названа именно завеса кивория, но хотим обратить внимание на ряд precedентов, показывающих, что словом «воздух» (ἀήρ) может быть названа именно завеса кивория. Это происходит когда: 1) термин «воздух» употребляется в том же месте, где ранее была завеса; 2) воздух используется как ее синоним; 3) воздух символически поясняется так же, как и катапетасма; 4) рядом с воздухом есть слова, уточняющие, что это альтернативное название предмета, который подразумевается. Представленные факты показывают необходимость пересмотра роли завес кивориев в ранневизантийской литургической практике и уточнение связанных с ними переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева Ю. Г. Завеса // Православная энциклопедия. — Т. 19. — М., 2008.
2. Матвеева Ю. Г. Ткани в поэме Павла Силенциария: индития или завеса? // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв: Зб. наук. пр. — Х., 2011. — № 8.
3. Матвеева Ю. Г. Ткани для храма Св. Софии Константинопольской 360 года // Линтула. Сб. науч. ст. — СПб., 2012. — Вып. 5.

4. *Матвеева Ю. Г.* Велум: реальный прототип и иконографический символ // Линтула: сборник научных статей: [материалы науч. конф. VI Линтуловских чтений 2012 г.] — СПб., 2013. — Вып. 6.
5. *Матвеева Ю. Г.* Завесы с узлами: реальный прототип и иконографический символ // В созвездии Льва: Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. — М., 2014.
6. *Св. Герман Константинопольский.* Сказание о Церкви и рассмотрение таинств. — М., 1995. — Текст памятника парал. древнегреч., рус.
7. *St. Germanus of Constantinople.* On the Divine Liturgy. The Greek Text with Translation, Introduction and Commentary by Paul Meyendorff // *Historia ecclesiarum.* Vol. 9. — Crestwood, 1984.
8. *Mathews T. F.* The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. — University Park; L., 1971.
9. *Тафт Р. Ф.* Занавешенный алтарь // Тафт Р. Ф. Упадок причащения в Византии и отдаление мирян от литургического действия: причина, следствие или ни то, ни другое? // Тафт Р. Ф. Статьи. — Т. 1. — Омск, 2010.
10. *Троицкий В. А.* История плащаницы // Богословский вестник, февраль. — Сергиев Посад, 1912.
11. *Добронравов Г. С.* История катапетасмы. — М., 1912.
12. *Lampe G.W. H., D. D.* A Patristic Greek Lexicon. — Oxford, 1961.
13. *Sophocles A. E.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. — Zürich; N. Y., 1992.
14. [http://el.orthodox/Протодеυτέρα_Σύνδος_Κωνσταντινουπόλεως_\(κανόνες\)_Κανών_ιβ´_\(10\);_www.krotov.info/acts/2/0861kpl.html](http://el.orthodox/Протодеυτέρα_Σύνδος_Κωνσταντινουπόλεως_(κανόνες)_Κανών_ιβ´_(10);_www.krotov.info/acts/2/0861kpl.html) — Правило 10.
15. *Прот. Цытин Владислав, Литвинова Л. В.* Апостольские правила // Православная энциклопедия. — www.pravenc.ru/text/Апостольские_правила.html
16. http://users.uoa.gr/~nektar/orthodoxy/tributes/regulations/00_apostolic.htm. Κανών ΟΓ´; www.agioskanon.ru/apostol/001.htm. — Правило 73.
17. *Константин Багрянородный.* Церемонии // PG. — 1897, P. — Vol. 112.
18. *Wessel K.* Ciborium // RBK. — Stuttgart, 1973.
19. *Brightman F. E.* Liturgy of the Presanctified // *Liturgies Eastern and Western.* — Oxford University Press, 1965.
20. *Киприан.* Архимандрит (Жерн). Евхаристия. — М., 2001.

Резюме

Матвеева Ю. Г. «Завіса, що зветься воздух»: термінологія та реальний предмет

У статті розглядається проблема згадування церковних завіс (катапетάσμα) в ролі воздухів (ἀήρ) та виключення терміну «катапетасма» з перекладів оригінальних грецьких текстів на інші мови. Як наслідок виникає зникнення самого факту існування завіс у літургійному побуті. У роботі розбираються причини введення терміну «воздух» для означення предмету — завіса. Розглядаються декілька прецедентів, що показують випадки, коли словом «воздух» може бути названа саме завіса ківорію. Це відбувається коли: 1) термін «воздух» уживається на тому ж місці де до цього уживалася завіса; 2) термін «воздух» використовується в ролі її синоніма; 3) воздух символічно пояснюється так саме як і завіса; 4) поруч із воздухом є слова, що уточнюють, що це альтернативна назва предмету, що мається на увазі. Представлені факти показують необхідність переглядання ролі завіс ківорія в літургійній практиці у ранній візантійській період і уточнення зв'язаних з цим перекладів.

Ключові слова: катапетасма, завіса, воздух, ківорій, термінологія, літургійний ужиток.

Резюме

Матвеева Ю. Г. «Завеса, называемая воздух»: терминология и реальный предмет

В статье рассматривается проблема упоминаний церковных завес (καταπέτασμα) в качестве воздуха (αἴρ) и исключение термина «катапетасма» из переводов оригинальных греческих текстов на другие языки. Как следствие происходит исчезновение самого факта присутствия завес в истории литургического обихода. В работе разбираются причины введения термина «воздух» для обозначения предмета — завеса. Рассматриваются несколько прецедентов, показывающих, что словом «воздух» может быть названа именно завеса кивория. Это происходит, когда: 1) воздух употребляется в том же месте, где ранее была завеса; 2) воздух используется как ее синоним; 3) воздух символически поясняется, так же как и катапетасма; 4) рядом с воздухом есть слова уточняющие, что это альтернативное название предмета, который подразумевается. Представленные факты показывают необходимость пересмотра роли завес кивориев в ранневизантийской литургической практике, и уточнение связанных с ними переводов.

Ключевые слова: катапетасма, завеса, воздух, киворий, терминология, литургический обиход.

Summary

Yu. Matveyeva. "Curtain, is Called Aer" Terminology and Real Object

This article will examine the problem of mentioning of the church curtains (καταπέτασμα) in the role of aers (αἴρ) and exclusion of the term "καταπέτασμα" from translations of the original Greek texts. We can observe a complete disappearance of the fact of existence of the curtains in the history of liturgical custom. We also are looking at the reason for introduction of the term "aer" to signify the curtains. We are looking at several examples demonstrating that the word "aer" is used in the place of "curtains". It is either happening when the place for using "aer" is the same as a place where the word "curtains" has been used before, or where the terms are synonyms to each other, or when the symbolical meaning for "aer" is explained through the term "curtain". Sometimes "air" is used with the words which show that it's alternative meaning of the object which is implied. As a result of our analysis we acknowledge the need for specify the role curtains on ciborium had played in early Byzantium church practice and the requirement for a revision of the existing translations.

Key words: katapetasma, curtain, aer, ciborium, terminology, liturgical custom.

С. Б. Сорочан

К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки

Речь пойдет о плотной шелковой ленте, обнаруженной в известном, давно исследуемом могильнике Мощевая Балка (Карачаево-Черкессия, северо-западный Кавказ). Интерпретация этой находки вызывает интерес и с точки зрения византийской истории, поскольку связана с неким протоспафарием, и с точки зрения византийской филологии, ибо реконструкция текста, вытканного на ней, до сих пор не имеет однозначного толкования. Более того, этот археологический источник, введенный в оборот в 1996 г., породил к настоящему времени определенную историографию [1, с. 80–81; 2, S. 251; 3, S. 125–130; 4, с. 120–122; 5, с. 108–119; 6, с. 133–136], тоже нуждающуюся в осмыслении. Поэтому имеет смысл еще раз обратиться к ее анализу и дать истинную оценку значимости артефакта.

Сразу замечу, что оба варианта предложенных В. С. Шандровской прочтения и перевода надписи на именной шелковой ленте в целом верны¹. Но как еще один уточненный вариант можно было бы предложить следующее: ...ΙΜΕ ΧΑΙΡΕ ΕΝΔΟΞΕ ΚΥΡ[Ι]Ε ΙΒΑΝΗ ΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ΑΝΘΗΣ ΣΥ[Ν] ΝΕΟΤΗΣ ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ]... Перевод: «...приветствую досточтимый (прославленный) кир Ивани, протоспафарий, процветай с молодости (юности), радуйся (украшайся)...». Дело в том, что в наиболее полной публикации А. А. Иерусалимской 2012 г. [6, с. 135] в греческом тексте памятника оказались пропущены или перепутаны некоторые буквы: ΧΑΙΕ (вместо ΧΑΙΡΕ — приветствую, славлю), ΑΝΘΗΧ (вместо ΑΝΘΗΣ; это Coniunctivus praesentis activi, 2 л. Sing. от гл. ανθῶ — процветать; правильное должно быть ΑΝΘΗΣ, но так как Ι не читается, то ее вполне могли опустить при написании уставным шрифтом), ΧΥ[Ν] (вместо ΣΥ[Ν] оригинала; это четко просматривается и означает предлог «с, вместе, совместно», который требует дательного падежа, но стоящее после него существительное стоит в именительном падеже; возможно, здесь ΣΥ[Ν] использовали не как предлог, а как приставку и оно составило одно слово с существительным), ΝΕΟΤΗΧ (вместо ΝΕΟΤΗΣ, то есть от е νεότης — молодость, юность, III склонение), ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Ο] (вместо ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ] или ΦΑΙΔΡΥΝΗΣ, Coniunctivus praesentis activi, 2 л. Sing. от гл. φαίδρυνω). Видимо, такие отклонения от оригинала следствие тривиальных опечаток при переносе предложенного В. С. Шандровской текста в издание монографии А. А. Иерусалимской.

Недавно А. Ю. Виноградов, обратившись к памятнику, предложил свой вариант прочтения текста (ΙΜΕ ΧΑΙΡΕ ΕΝΔΟΞΕ ΚΥΡΙΒΑΝΗ ΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ΑΝΘΗΣ ΣΥΝ ΝΕΟΤΗΣ ΦΑΙΔΡΥΝΗ) и перевод, во многом совпадающий с нашим: «...радуйся, славный господин Иваний (или: Ваний) протоспафарий; пусть цветет твоя молодость, пусть сияет...» [7, с. 21–24].

¹ «...Слава тебе (да здравствуй) достопочтенный (прославленный) господин Иване протоспафарий, процветанию и молодости [своим] [ты] радуешься...» [1, с. 80]; «...Привет тебе, достопочтенный господин Ибане протоспафарий, ты процветаешь в молодости [своей], торжествуешь (вариант: радуешься)...» [6, с. 135].

Имя ИΒΑΝΗ (Ивани в рейхлиновом, Ибане в эразмовом произношении), на первый взгляд, читается совершенно ясно. Оно происходит от ИΒΑΝΗΣ (возможно, образованное от ΙΟΑΝΝΗΣ [ΙΟΑΝΗΣ]) и, согласно византийской традиции, должно читаться Иванис. Слово кир действительно переводится как «господин» (варианты — «хозяин, государь») и встречается в благопожелании — аккламации протоспафарию как вокатив ΚΥΡΙ, на что обратил внимание А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Такое сокращение от ΚΥΡΙ[Ε] в повелительном наклонении вполне допустимо, причем при обращении «господин» должно было бы быть множественное число ΧΑΙΡΕΤΕ, а не ΧΑΙΡΕ, что наводит на размышления.

В ранней Византии кир мог быть титулом, который соответствовал высшему классу чиновных званий. Но, важно подчеркнуть, он же обозначал некоторых иноземных правителей и был близок по смыслу к топарху — «правителю местности». Так называли правителей независимых и полунезависимых политических образований, расположенных в приграничных районах Византии и находившихся в союзных с Империей отношениях. В византийских источниках эквивалентом этого термина служили чаще всего титулы архонт, игемон, а в Таврике, очевидно, кир. В частности, так именовали должностное лицо в крымской архонтии и феме Херсон конца VIII—IX вв., которое обладало имперскими санами (ипат, спафарокандидат) [8, с. 207–216, 359, 361; 9, с. 524, 726]. Разница лишь в том, что при передаче византийской титулатуры сначала шел титул, а затем должность, тогда как в нашем варианте на ленте из Мощевой Балки сначала следует должность (если это должность, а не обращение, вокатив или имя собственное) и лишь затем титул, причем весьма престижный, значительный, хотя и не «чрезвычайно» [6, с. 135].

Протоспафарий дословно означало «первый меченосец». Так поначалу титуловали командира дворцового вооруженного отряда. Это был сан ниже патрикия и магистра, но достаточно высокий (одиннадцатое, начиная с низшего, место в Тактиконах IX в.). Как «генеральский» титул, он начал использоваться гораздо раньше, вероятно, уже с конца VII — начала VIII вв., и жаловался преимущественно военным или околовоенным, обычно стратигам (военачальникам, правителям округа, фемы, комендантам городов), апостратигам (отставным стратигам), а также придворным и императорским слугам, «царевым мужам», включая иноземцев, почетным стражникам василевса, которые имели право участвовать в торжественных выходах царя и организации царских пиров (примеры — протоспафарии Хрисотриклина и Лавсиака). Согласно «Клиторогию» Филофея 899 г., различали два вида протоспафариев — «бородатых» (*barbatoi*) и евнухов (*ektomiaí*), причем последние стояли выше. Важно отметить, что симеей (*simeia*), то есть инстингией, знаком власти носителей этого титула была никак не шелковая лента, подобная ленте из Мощевой Балки, а золотое оплечье — нашивной шелковый или из золота маниакий (*maniakion*), украшенный жемчугом, и особая одежда — белая, украшенная золотом туника и красная накидка-мантия с золотой каймой. Неевнухи вместе с титулом получали лично от василевса золотое ожерелье (*kloios*), украшенное драгоценными камнями, и, надо подчеркнуть, церемония вручения этой симеи происходила обязательно в Константинополе, при дворе. Все протоспафарии, исполнявшие придворные должности, именовались в целом оффициалами. В «Пире» Евстафия Ромея, юридическом трактате первой трети XI в., указывается, что лица, имевшие титул протоспафария, как и лица, которым были присвоены еще более высокие титулы, являлись членами синклита — высшего совещательного органа при василевсе, который состоял из высоких чиновников и военных, действительных и находившихся в отставке, и имел еще и судебные функции [подр. см.: 10, р. 22, 123; 11 р. 99–131; 12, р. 297; 13, р. 1748; 9, с. 663; 14].

Насколько все это относимо к упомянутому на ленте протоспафарию, сказать трудно. Мог быть возможен и первый, и второй вариант. Но в любом случае обращение, как и сама надпись, и вообще великолепно выполненная узкая, шириной 1,1 см,

скорее всего, налобная («наградная»?) тесьма-лента — диадема, не традиционны для византийской административной, церемониальной или дипломатической практики. Судя по сохранившимся двум фрагментам (большому с текстом, указанным выше, и малому, с пятью-шестью сохранившимися буквами, из которых отчетливо разбираются лишь ПРО), а также остатку слова ..ΙΜΕ (возможно, ..ΗΜΕ) — началу обращения к протоспафарию, лента могла иметь, вероятно, одинаковую надпись спереди и сзади (общая сохранившаяся длина 46,1 см). Важно учитывать, что начертание букв ее уставного шрифта, как и общая датировка могильника, позволяют относить находку не только к VIII в., как полагает А. А. Иерусалимская, но и к IX в., если не позднее¹. Полных аналогий она действительно не имеет. Скорее всего, мы все же имеем дело не с обычным церемониальным предметом, знаковым атрибутом протоспафария, неким вариантом золотого ожерелья или маниака, и тем более не с военным офицерским поясом (для этого он слишком узок и лишен полагавшихся металлических, золотых накладок, бляшек), а с экстраординарным, уникальным артефактом, выпущенным в столичной византийской мастерской для некоего конкретного протоспафария, причем не грека, к какому-то неизвестному нам событию.

Имя Иванис, переданное в греческой транскрипции, явно не ромейское, но и не тюркское. У болгар, насколько известно, в VIII—IX вв., до принятия христианства оно не встречалось, а появилось в славяно-болгарской ономастике не ранее конца IX — начала X вв. (Иван и еще более поздний Иванко), на что уже обратил внимание С. Н. Малахов [4, с. 121], но не учла в своих построениях А. А. Иерусалимская. Одно из таких первых свидетельств относится к Ивану, сыну болгарского царя Симеона (893–927 гг.), неудачному претенденту на трон, который в 927/928 г. поднял бунт против недавно унаследовавшего престол брата, царя Петра (927–969 гг.), и в итоге был брошен в тюрьму, а затем отправлен в Константинополь, с которым Петр заключил мир [16, с. 71–78]. Имя Иван (HBANN), написанное по-гречески, встречается на редком византийском моливдуле из Перника (изображение Св. Димитрия и надпись на обороте: «Господи, помоги рабу Иванн(и)»), то есть на ней фигурирует переданное в греческой транскрипции болгарское крестильное имя византийского функционера, но печать относится к 1040–1070 гг., то есть датируется, скорее всего, не ранее середины XI в., когда Болгария находилась под византийским владычеством и существовала практика награждать за службу местную знать [17, с. 135. табл. IV. 9]².

Впрочем, не исключены кавказские, грузинские (Иванэ, Иоване) или армянские (Ваанис, Вааниос, Ванис) аллюзии имени Иванис³, но уверенности в этом тоже нет. Странно, что имя протоспафария и кира не было дано в греческой надписи в византийском крестильном варианте, каковым, скорее всего, стал бы Иоанн (Иоаннос). Это можно объяснить только тем, что адресат ленты оставался не крещеным. Последнее обстоятельство тоже склоняет к предположению о его не ромейском происхождении.

Наконец, возможен и еще один, пока не учтенный другими исследователями вариант: кир не обращение, а имя собственное, редкое, но известное в греческой

¹ К такому же выводу пришел и А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Прежде я излишне доверчиво отнесся к публикации 1996 г. и, не имея возможности познакомиться с артефактом, вслед за А. А. Иерусалимской отнес ленту к свидетельствам сложных арабо-византийско-хазарских отношений на северном Кавказе в 30–40 гг. VIII в. [15, с. 490–491].

² Приношу благодарность проф. Георги Атаносову за помощь в этих разысканиях.

³ А. Ю. Виноградов считает возможным видеть на ленте указание на кира Ваниса, что позволило бы отнести функционера с таким именем к армянам IX в. Но это привлекательное исследовательское допущение ставило бы в тупик современников, которые не знали, что им читать на ленте — имя Иванис или Ванис, поскольку знак разделения отсутствовал. Кроме того, это армянское имя, как правило, писалось с двумя «а» — Ваанис, что признает сам А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Наконец, о славянской возможности этнонима Иванис [см.: 4, с. 122].

ономастике ранневизантийского и средневизантийского периодов, особенно на Ближнем Востоке, и тогда дело идет о некоем крещенном «досточтимом Кир Иванисе», где Иванис — фамильное имя, патроним. Отсюда обращение к нему ХΑΙΡΕ, а не ХΑΙΡΕΤΕ.

В любом случае, написано ли здесь Иванис или Ванис, это был иноземец, инородец — «эфник», хотя и на ромейской службе или, по меньшей мере, под ромейским влиянием. Что он делал в этом регионе и был ли в нем вообще, тоже остается в области догадок. Во всяком случае, отождествлять его поле деятельности именно с Хумаринской крепостью и помещать туда ставку протоспафария нет абсолютно никаких оснований [ср.: 5, с. 118; 6, с. 136]. Это произвольная историческая реконструкция, опирающаяся лишь на кабинетные размышления. С таким же успехом появление ленты в районе важных во всех отношениях перевалов верховьев Лабы и Кубани можно соотнести с хорошо известными из сообщений Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана событиями, связанными с присылкой хаганом и пехом Хазарии в 833 г. посольства в Константинополь с просьбой помочь отстроить крепость Саркел на Дону и весьма результативной экспедицией протоспафария Петроны Каматира, который через Пафлагонию и Херсон в 30-е гг. IX в. отправился выполнять это поручение василевса Феофила и должен был иметь в Подонье и Предкавказье эффективных помощников, продолжателей начатого им дела строительства Саркела, и, возможно, других крепостей [подр. см.: 15, с. 548–581; 18, с. 553–557; 19, с. 350–352]. Этот регион, как и алано-абхазская граница, всегда находились в русле приоритетных стратегических интересов Византийской империи, тем более в неудачную для ромеев эпоху борьбы с арабами в Малой Азии, Колхиде, Абхазии в 30–50-е гг. IX в., к перипетиям которой с некоторой долей вероятности могло относиться появление именной шелковой ленты из Мощевой Балки.

Очевидно, приоткрыть завесу тайны редкого артефакта мог бы анализ редкого имени его владельца, — того, кому был вручен этот дар, но кто был его носителем этнически, остается неизвестным. В византийской ономастике Иваниса нам разыскать не удалось, и косвенные факты подсказывают, скорее всего, его славяно-болгарский вариант. Однако условия находки ленты открывают большой простор для домыслов. Слишком много соединительных звеньев отсутствует. Появление ее на северном Кавказе могло быть совершенно случайным, следствием предыдущих этапов перехода из рук в руки, например, в виде военной добычи, причем даже с территории Балкан, как и последующая судьба, учитывая то прозаическое обстоятельство, что местные обитатели той же Мощевой Балки использовали шелка самого разного производства и рисунка, включая их лоскутки, которые сшивали между собой без учета сюжетов изображенного на них. Наконец, ее могла приспособить местная девочка или девушка в качестве налобной ленты, пример чему дает находка в одной из могил подобной ленты, украшенной нашитыми брактеатами с византийскими монетами [6, с. 72–73, рис. 42]. Содержание рисунков, как и надписи, даже если ее могли понять, несколько не волновало таких «потребителей» экзотичной «красивости». Похожая плотная шелковая лента из золотых и серебряных нитей с шахматным узором в виде мелких параллелограммов, но притороченная к круглой шапочке, известна в коллективной ранневизантийской гробнице — кимитирии из портового района крымского Херсона, где она покоилась на черепахе молодого человека, похороненного, в отличие от остальных, в гробу [20, л. 4–5; 21, с. 22; 22, с. 38, рис. 1, 2; 23, с. 315]. В случае же с нашим протоспафарием это была самостоятельная, вероятно, налобная, плотная лента-тесма или, точнее, облегченная диадема в виде дорогой шелковой ленты, что объясняет наличие на ней одинаковой надписи спереди и сзади. Подобные златотканые, но не именные шелковые ленты, украшенные жемчужинами, встречались даже в повседневном императорском обиходе, а не только в придворных церемониях [9, с. 44, 456].

Таким образом, все, что несет лента протоспафария, заключается в гипотетическом указании на некую существовавшую в исторической реальности политическую связь Кавказа, его туземных анклавов, пограничных лимитрофов с Византией в VIII—IX вв. Причем, учитывая особенности имени, как уже сказано, все же наиболее вероятно его славяно-болгарское происхождение, и в этом случае Иванис никак не мог появиться ранее крещения Болгарии. Скорее всего, дорогую ленту-диадему в свое время вручали в Константинополе сравнительно юному, молодому иноземцу — эфнику, может быть, сыну иноземного правителя. Намек в благопожелании на цветущую молодость, юность данного лица не обязательно аллюзия на текст раздела 5 Псалома 102, как полагает А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. За услуги (оказанные или возможные в перспективе) его почтили саном протоспафарий с жалованьем 72 номисм, соответствующими выплатами, а, возможно, и другими дарами. Последнее было вполне в духе дипломатической практики ромеев, охотно использовавших такой вариант скрытого подкупа [13, р. 1748]. Формально это рассматривалось даже как зачисление на государственную службу Империи. Именно так армянский правитель Гурген Арцруни получил сан ипата от василевса Михаила III [24, с. 97–98]. Случалось, что жаловали и титулом патрикия, а то и кесаря, как это можно видеть на примерах не крещенных болгарских вождей Органа-Орахана, Куврата, Тервела и прочих, или даже крещенного «кира Симеона василевса Болгарии» [25, с. 252–256, 268].

Наконец, еще один возможный вариант развития событий с участием Иваниса мог быть связан не с Кавказом, а с Болгарией 60-х гг. IX в. К тому времени византийцы вновь показали силу в войне с арабами и не только выправили ситуацию, заставив врага перейти к обороне, но и достигли большого успеха, в 863 г. окружив и наголову разгромив на границе Пафлагонии войска эмира Малатем (Мелитины), крупнейшего форпоста мусульман на востоке Малой Азии. Одержанная победа подняла авторитет Византии и усилила ее решимость к действиям. Ромейская армия появилась у границ Болгарии, а пополненный боевыми кораблями флот внушительно демонстрировал свою мощь у берегов Далмации, где издавна сохранялись зоны таких латинских поселений как Сплит или Задар. Стычки за Венецию, важный порт, заменивший соседствовавшую с ним Равенну, тоже складывались в пользу византийского контроля за этим регионом Балкан. Исподволь, постепенно ромейские власти восстановили ряд епархий, исчезнувших в результате славянских вторжений. Все это вынудило болгарского хана Бориса (852–889 гг.) перестать слать посольства к франкам и по заключению мира после очередного успешного похода Империи к болгарским пределам довольно поспешно принять от византийцев христианство в 864/865 г. После крещения он получил имя своего приемника, крестного отца, правившего на тот момент василевса Михаила и титул князя — по-ромейски «богоданного архонта». За ним крестились и его подданные, а при болгарском дворе образовалась сильная проромейская партия. Это был один из крупнейших официальных миссионерских, а, значит, и политических успехов Византийской империи после VIII в., отмеченного усилиями лишь единичных частных проповедников, таких как Стефан Сурожский (Сугдейский), пытавшегося умножить число христиан в юго-восточном Крыму [26, с. 76–96]. На фоне этих знаменательных исторических событий награждение некоего молодого, но знатного и, видимо, пользовавшегося влиянием болгарина Иваниса саном протоспафарий и диадемой в виде дорогой именной шелковой ленты кажутся не менее возможными, чем прочие предлагавшиеся выше варианты или любые другие, припадавшие на VIII—IX вв. (миссия Льва Исавра и осада Археополя, отпадение Лазики и Абхазии, походы Мервана ибн Мухаммеда (736–737 г.) и Сулеймана ибн Хакиама (738 г.), бегство Артавазда Мамиконяна в Эгриси (774–778 гг.), картлийский эрismтавар Нерсе в Абхазии (около 782 г.), провозглашение Абхазского царства (786–787 гг.), походы Варды и Феоктиста на Абхазию (ок. 840–842 гг.) и пр.) [подр. см.: 27, с. 156–176].

В любом случае, подыскивая все новые и новые гипотезы и искусственно подгоняя их к находке, мы не выйдем из области предположений, в которой держит нас интерпретация уникального артефакта из Мощевой Балки. С сожалением следует признать, что данных для его окончательного толкования нет, как нет и перспектив для дальнейшего изучения этого предмета. Факт пребывания византийского сановника именно на северо-западном Кавказе никак не несомненен. Определенно можно сказать, пожалуй, лишь то, что мы имеем дело не с бытовой вещью, и эта экстраординарная, редкая вещь в VIII—IX вв., если не позже, принадлежала протоспафарию не ромейского происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иерусалимская А. А.* Византийский военачальник на северном Кавказе. Шелковая лента из Мощевой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тез. докл. — М., 1996.
2. *Ierusalimskaja A.* Die Gräber der Moscevaja Balka. — München, 1996.
3. *Ierusalimskaja A.* Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? Le ruban en soie de Moscevaja Balka // LITHOSTOTON. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für M. Restle. — Stuttgart, 2000.
4. *Малахов С. Н.* Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тез. докл. XVII Всероссийской научной сессии византистов. Москва 26–27 мая 2004 г. — М., 2004.
5. *Афанасьев Г. Е.* Кто же действительно построил для хазар Левобережное Цимлянское городище? // РА. — 2011. — № 3.
6. *Иерусалимская А. А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском Шелковом пути. — СПб., 2012.
7. *Виноградов А. Ю.* Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Памятники раннего христианства на западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы Междунар. археологической конф. (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). — Краснодар, 2013.
8. *Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. — М.; Магнитогорск, 2006. — Вып. 16 / 1.
9. *Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. — Х., 2011.
10. *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. — L., 1911.
11. *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. — Berlin; Amsterdam, 1967. — Т. 2.
12. *Oikonomides N.* Les Listes de preance byzantines de IXe et Xe siecles / Introd., texte, traduct. et comment. — P., 1972.
13. *Protospatharios* // The Oxford Dictionary of Byzantium. — N. Y.; Oxford, 1991.
14. *Protospatharios* [Электронный ресурс]. Режим доступа: en.wikipedia.org/wiki/protospatharios.
15. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005. — Ч. 1.
16. *Попконстантинов К.* Эпиграфски бележки за Иван, царсимеоновият син // България в Северното Причерноморие. Изследования и материали. — Велико Търново, 1994. — Т. 3.
17. *Юркова Й.* Нумизматични и сфрагистични паметници (867–1195/1203) // Перник. — София, 1983. — Т. 2.

18. *Никифоров М. А.* К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* — Симферополь, 2009. — Вып. 15.
19. *Сорочан С. Б.* К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 2011. — Вып. 10.
20. *Отчет за 1903 год* // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». — Д. № 12.
21. *Раскопки в Херсонесе* // *Отчеты Археологической комиссии за 1903 год.* — СПб., 1906.
22. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // *Известия Археологической комиссии.* — СПб., 1905. — Вып. 16.
23. *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* — Симферополь, 1912. — № 46.
24. *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. — М., 1988.
25. *Люттвак Э.* Стратегия Византийской империи. — М., 2012.
26. *Мозагичев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009.
27. *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // *Древности Западного Кавказа.* — Краснодар, 2013. — Вып. 1.

Резюме

Сорочан С. Б. До питання про стрічку протоспафарія з Мощевої Балки

У статті розглядається унікальна шовкова стрічка, знайдена у відомому могильнику VIII—IX ст. на Північно-Західному Кавказі. Пропонується уточнений переклад напису на стрічці і розглядається історіографія питання вивчення артефакту. Аналіз дозволяє дійти висновку, що ми маємо справу з дорогою не побутовою, але й не церемоніальною річчю (вузькою налобною стрічкою-діадемою). Вона була виготовлена для молодого парубка іноземного походження, який отримав в Константинополі високий сан протоспафарія. Його слов'яно-болгарське, грузинське або вірменське походження, як і ім'я (Іваніс, Кір Іваніс, Ваніс), залишаються під питанням. Невідомі обставини появи стрічки на Кавказі та її широке датування не дозволяють використовувати знахідку в якості повноцінного джерела для реконструкції конкретних історичних подій. Спроби такого роду, які вже робилися, слід визнати невиправданими.

Ключові слова: Візантія, кір, протоспафарій, Мощева Балка, Кавказ, хазари, болгари.

Резюме

Сорочан С. Б. К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки

В статье рассматривается уникальная шелковая лента, обнаруженная в известном могильнике VIII—IX вв. на Северо-Западном Кавказе. Предлагается уточненный перевод надписи на ленте и рассматривается историография вопроса изучения артефакта. Анализ позволяет прийти к выводу, что мы имеем дело с дорогой не бытовой, но и не церемониальной вещью (узкой налобной лентой-диадемой?). Она была изготовлена для молодого человека иноземного происхождения, который был

возведен в Константинополе в высокий сан протоспафария. Его славяно-болгарское, грузинское или армянское происхождение, как и имя (Иванис, Кир Иванис, Ванис), остаются под вопросом. Неизвестные обстоятельства появления ленты на Кавказе и ее широкая датировка не позволяют использовать находку в качестве полноценного источника для реконструкции конкретных исторических событий. Предпринимавшиеся попытки такого рода следует признать неоправданными.

Ключевые слова: Византия, кир, протоспафарий, Мощевая Балка, Кавказ, хазары, болгары.

Summary

S. Sorochan. For the Issue of Protospatharios Ribbon from Moshevaja Balka

The article discusses the unique silk ribbon found in the famous burial ground of VIII—IX centuries in the Northwest Caucasus. The specified translation of inscriptions on the tape is proposed and historiography of studying the artifact is considered. Analysis allows us to conclude that we deal with neither common everyday thing nor an expensive ceremonial thing (narrow-headband tiara). It was made for a young person of foreign origin, who had been appointed in Constantinople in high protospatharios rank. His Slavic-Bulgarian, Georgian or Armenian origin, as the name (Ivanis, Cyr Ivanis, Vanis) remain questionable and in doubt. Unknown circumstances of this ribbon appearance in the Caucasus and its wide dating don't allow to use this find as a complete source for the reconstruction of specific historical events. This kind attempts have been made should be recognized as unjustified.

Key words: Byzantium, kyrios, protospatharios, Moshevaja Balka, Caucasus, Khazars, Bulgarians.

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. Корохина, В. И. Квитковский

Материалы эпохи поздней — финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-1 в бассейне Северского Донца

елище Пятницкое-1 расположено в 1 км к югу от одноименного села в Печенежском районе Харьковской области, является многослойным. Оно занимает широкую пойму левого берега р. Большая Бабка (правый приток Северского Донца). Его площадь значительна: вдоль реки оно тянется широкой (≈ 1 км) полосой на протяжении ≈ 2 км (рис. 1). Природной особенностью данного памятника является то, что гнезда поселений здесь располагались на песчаных останцах первой надпойменной террасы левого берега реки¹, которые, видимо, не затапливались во время весеннего половодья². На сегодняшний день территория памятника частично задернована, частично находится под распашкой.

Памятник был открыт С. А. Плетневой во время разведок в 1957 г. Исследовательница на основании подъемного материала объявила о существовании на левом берегу р. Большая Бабка двух селищ салтово-маяцкой культуры, расположенных в 500–600 м друг от друга. Тогда же было предположено наличие здесь культурного слоя бронзового века [2, с. 7–8]. Первые археологические исследования здесь были проведены Б. А. Шрамко, после случайного обнаружения вещей из раннесредневекового кремационного погребения [3, с. 48–50]. С тех пор, несколькими исследователями, в разных частях поселения было заложено 9 раскопов³ — 7 на левом берегу реки, 2 на правом (рис. 1). На всех левобережных раскопах был обнаружен культурный слой салтово-маяцкой культуры (VIII—IX вв.). На правом берегу (раскопы 7, 8), за исключением обломка кремниевого нуклеуса и фрагмента кухонного горшка салтовской культуры, археологического материала не было [4, с. 13]⁴.

Материалы, относящиеся к эпохе бронзы, были обнаружены в раскопах 1, 3 и 9 (рис. 1).

¹ В археологической литературе такие возвышения традиционно именуют дюнами.

² Такая же особенность неоднократно отмечалась для других микрорайонов Подонцовья [1].

³ Исследования на памятнике проводились харьковскими археологами Б. А. Шрамко (1977 г.), В. К. Михеевым (1978, 2005 гг.), А. В. Крыгановым (1988, 1990 гг.), В. В. Колодой (2008, 2009 гг.). С 2009 г. и по сегодняшний день работы по изучению селища проводятся под руководством одного из авторов данной работы.

⁴ Более подробная история исследования памятника уже была освещена в литературе [5, с. 14–16].

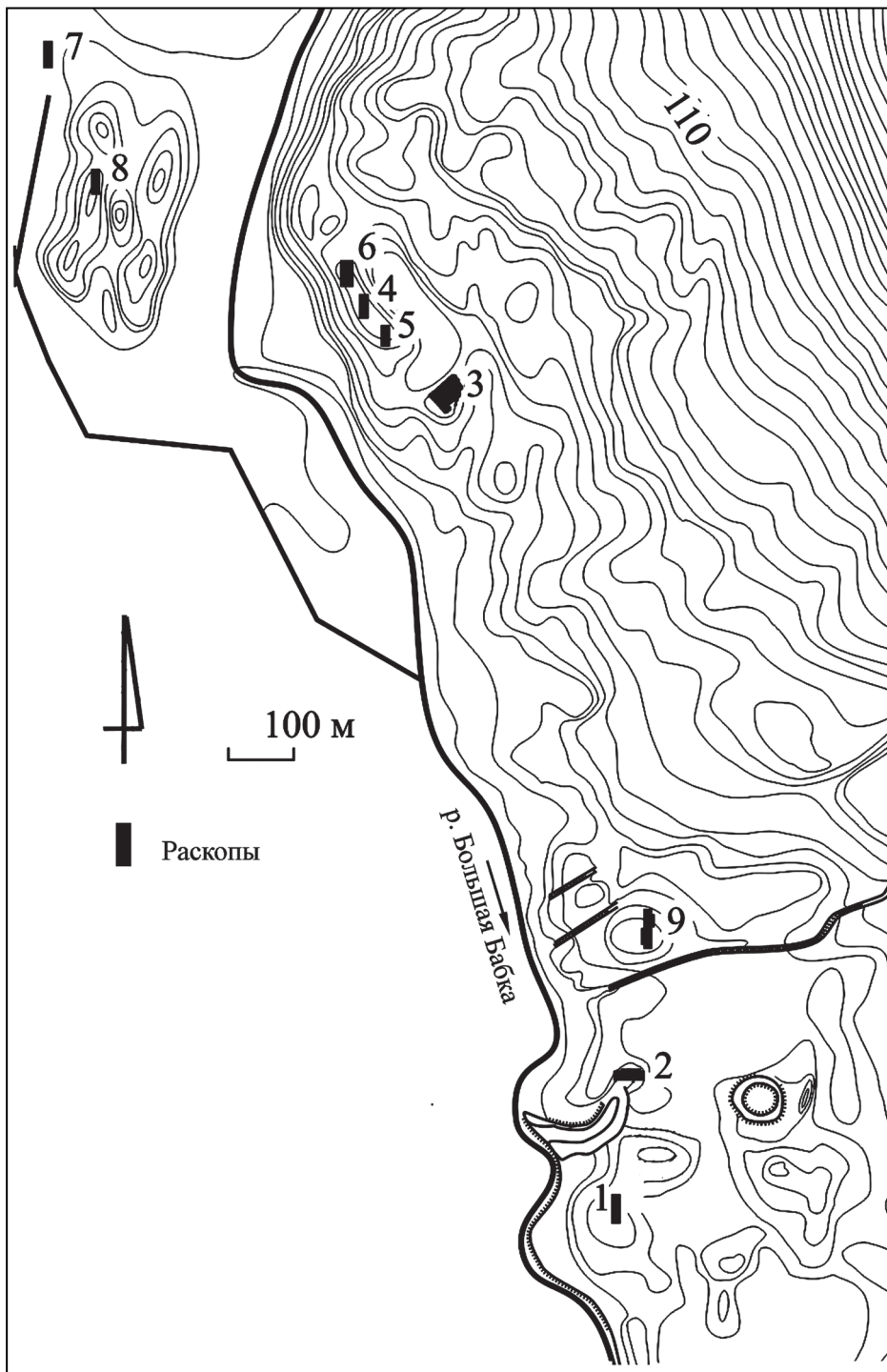

Рис. 1. Топографический план селища Пятницкое-I
 Fig. 1. Topographic plan of the settlement of Pyatnitskoe-I

Так, в раскопе 1 встречались лишь единичные фрагменты керамики срубной культуры [6, с. 7]. По всей площади раскопа 3 встречались отдельные фрагменты посуды бронзового века, хотя отдельного культурного слоя эпохи бронзы здесь не было. Кроме того, в северо-западной части раскопа, практически на уровне материка (60–80 см) было обнаружено 2 развала сосудов срубной культуры поставленных устьем вверх [7, с. 16; табл. XXVII], а в восточной части был исследован комплекс бондарихинской культуры с тремя перевернутыми вверх дном сосудами [8, с. 22–23]¹.

Лишь в раскопе 9, расположенном в южной части поселения на песчаном останце, примыкающем к левому берегу р. Большая Бабка (рис. 1), под раннесредневековым слоем залегал культурный горизонт бронзового века. Его мощность была различной на разных участках — от 25 до 50 см. Здесь, кроме комплексов раннего средневековья, были исследованы пять хозяйственных ям срубной культуры и одно ингумационное захоронение предположительно постсрубного времени, а также единичные артефакты, принадлежащие к культурам ямочно-гребенчатой керамики, бондарихинской и скифской [9, с. 147–148; 10, с. 185–186].

Обнаруженные на поселении материалы эпохи бронзы представляют срубную культурно-историческую общность (СКИО), традиции постсрубного времени и бондарихинскую культуру².

Керамика СКИО локализовалась в культурном слое и в заполнении хозяйственных ям (раскоп 9).

Керамическая коллекция немногочисленна, представлена фрагментами венчиков от 10 сосудов, среди которых достаточно уверенно выделяется только тип банок. В большинстве случаев они имеют выраженные плечики при отсутствии шейки (рис. 2: 1–6). Степень «открытости» различна, при этом точную профилировку в ряде случаев восстановить затруднительно. Возможно, некоторые экземпляры имели горизонтальные пропорции (рис. 2: 1, 6) — иногда такие сосуды выделяются в разновидность «миски» [11, с. 90, рис. 79]. Несколько сосудов имеют слабую профилировку, но их тип и размеры точно не устанавливаются. Их венчик чаще слегка отогнут при выделенном плечике (рис. 2: 7–9), в одном случае он вертикальный (рис. 2: 10). Срезы венчиков округлые (рис. 2: 1–2, 5–6, 8–9), уплощенные (рис. 2: 3–4, 7, 10), иногда имеют небольшую закраину с внешней стороны (рис. 2: 5–7).

Большинство фрагментов орнаментировано рядом вдавлений разной формы: широких подпрямоугольных под срезом венчика (рис. 2: 4); выполненных наклонными отпечатками орнаментиром с узкой рабочей частью в верхней части плечиков (рис. 2: 7); длинных вдавлений орнаментиром с широкой рабочей частью на шейке (рис. 2: 8); подовальных на плечиках (рис. 2: 10). Есть зигзаг, выполненный отпечатками веревки под срезом венчика (рис. 2: 3). Часть фрагментов не орнаментирована (рис. 2: 1–2, 5–6, 9). Внешняя и внутренняя поверхности керамики могли обрабатываться расчесами мелкозубчатого штампа (рис. 2: 1, 8–9). Внешние поверхности оранжевого, коричневого, серого цветов и всегда светлее внутренних — черных, иногда с более светлыми участками. В тесте визуально различается шамот.

Рассмотренную керамику предварительно можно отнести к бережновско-маевской срубной культуре (по В. В. Отрошенко), общая датировка которой определяется XV—XIII вв. до н. э. [12, с. 155–162; 13, с. 19]. Скорее всего, описанные артефакты связаны с существовавшим здесь поселением.

Хронологически более поздним по отношению к нему является погребение в раскопе 9, представляющее **традиции постсрубного времени**.

¹ Описание комплекса и найденных в нем сосудов будет приведено ниже.

² В настоящей работе ставится цель введения в научный оборот материалов раскопок 2008–2012 гг., непосредственно доступных авторам для обработки.

Рис. 2. Керамика эпохи бронзы с поселения Пятницкое-I:
 1–10 – керамика срубной культурно-исторической общности; 11–13 – керамика бондарихинской культуры

Fig. 2. Bronze Age ceramics from the settlement of Pyatnitskoe-I:

1–10 – ceramics of Srubnaya (Timber-Grave) Cultural-Historical Entity; 11–13 – ceramics of Bondarikha Culture

Ингумационное погребение было совершено в культурном слое. По всей видимости, оно было опущено в неглубокую яму, проследить которую не удалось. Общий уровень залегания скелета составлял -70 см, но отдельные кости найдены и на глубине в 80 см.

Костяк лежал головой на юг, лицом также — на юг, нижняя челюсть — вверх (рис. 3: 1). Скорченность позвоночника практически не прослеживается по причине отсутствия «in situ» ребер и большинства позвонков. Погребенный находился на правом боку. Нижние конечности согнуты в бедренном суставе практически перпендикулярно линии позвоночника, колени максимально согнуты, стопами — максимально к тазу. Кости стопы сохранились лишь частично, равно как и позвоночник. Отдельные позвонки и осколки ребер найдены вокруг костяка в радиусе до 3 м. Правая плечевая кость располагалась к линии позвоночника под углом $\approx 15^\circ$ к северо-востоку, малая кость предплечья внешним концом ориентирована практически на восток. Левая плечевая кость отходила от головы к западу практически под прямым углом, кости левого предплечья обращены к северу (под углом $\approx 120^\circ$). Кисти «in situ» вовсе отсутствовали. На месте найдена правая ключичная кость [14, с. 38–39]. В целом, судя по положению сохранившихся костей, покойный был уложен по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток (рис. 3: 1). Плохая сохранность скелета объясняется деятельностью грызунов и антропогенным воздействием в эпоху раннего средневековья.

Приблизительно в метре на юго-юго-запад от черепа (по оси костяка), в культурном слое, на глубине 70 см были найдены два развала сосуда [15, с. 26; рис. 43]. Меньший сосуд был вставлен в больший дном вверх. При обнаружении они были завалены на бок (венчиком большего сосуда на юг). Возможно, эти сосуды являются элементами погребального обряда. Хотя связь их со срубным поселением также не исключается.

Отметим, что юго-восточнее погребения была найдена небольшая круглая хозяйственная яма эпохи бронзы (рис. 3: 1), которая, по-видимому, относится к поселению, существовавшему здесь до совершения погребения.

Меньший из сосудов, отнесенных к погребению — целый, слабопрофилированный, горшковидной формы (рис. 3: 2). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на первую треть высоты, дно с закраиной. Высота 15 см, d венчика $12-14$ см, d боков $15,5$ см, d дна $7,5$ см. Внешняя поверхность темно-коричневая с черными участками, хорошо заглажена, внутренняя — черная. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова, опускаясь чуть ниже боков. Он выполнен специфическим мелкозубчатым штампом («колючая проволока») и включает два примыкающих друг к другу горизонтальных фриза. Первый фриз охватывает плечики, второй размещен на боках сосуда. Последовательность мотивов сверху вниз следующая: одна горизонтальная линия; ряд обращенных вправо «уточек»; две горизонтальные линии (разделители фризов); зигзаг, выполненный двумя параллельными линиями штампа; две горизонтальные линии, замыкающие нижний фриз.

Второй сосуд реконструируется до уровня придонной части. Сосуд слабопрофилированный горшковидный (рис. 3: 3). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты. Высота сохранившейся части 21 см, d венчика $22-22,5$ см, d боков около 26 см. Поверхности коричневые с черными участками, обработаны расчесами зубчатого штампа (крупнее, чем малобудковские). На внешней стороне от венчика до боков расчески вертикальные, на уровне боков — горизонтальные, в придонной части — диагональные. На внутренней поверхности горизонтальные расчески покрывают участок венчика и придонной части, начиная от боков. В тесте визуально заметна примесь шамота. На верхнюю часть плечиков (сразу под изгибом шейки) нанесена прочерченная или штампованная горизонтальная линия. С обеих ее сторон разнонаправленные отпечатки гладкого штампа создают мотив «елочки». По обе стороны от нее, на шейке и на боках нанесены по одному ряду наколов подтреугольной формы. Срез венчика орнаментирован наклонными вправо отпечатками гладкого штампа.

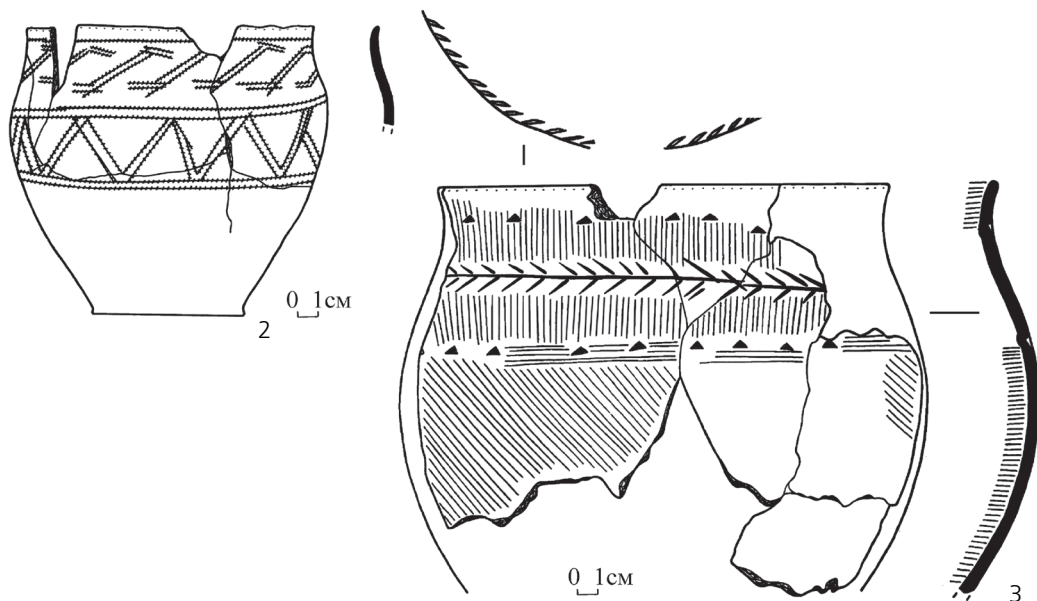
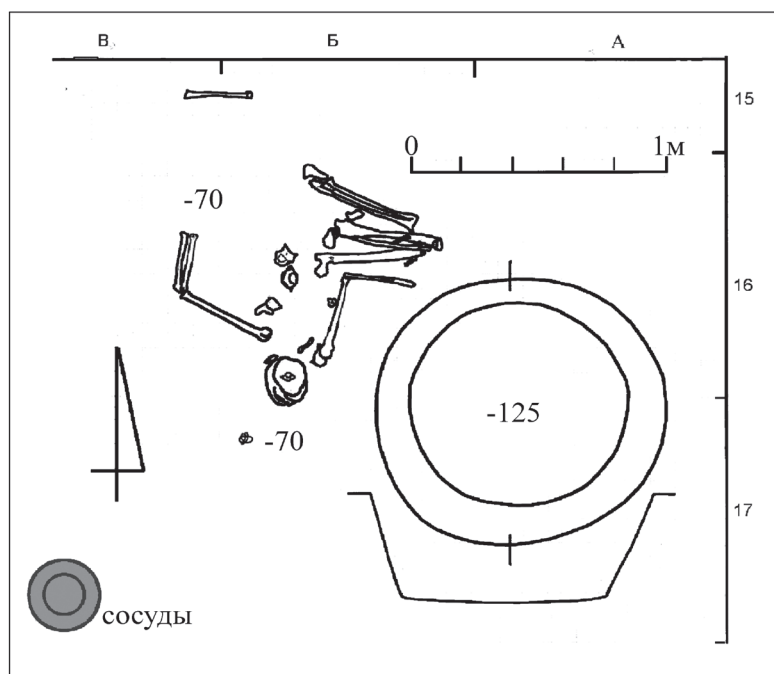

Рис. 3. Материалы постстубного времени из раскопа 9:
 1 – план ингумационного погребения. По: В. В. Колоде [14, рис. 63]; 2–3 – сосуды, найденные вблизи погребения
 Fig. 3. Materials of Post-Stubnaya Culture period from the pit 9:
 1 – plan of the inhumation burial. After: V. V. Koloda [14, рис. 63]; 2–3 – pottery found near the burial

В пользу датировки погребения временем финальной бронзы свидетельствуют, прежде всего, черты обряда — сочетание правобочного положения костяка и ориентации его в южном секторе, которые представляют определенную тенденцию в развитии погребальной обрядности населения Восточной Европы в рассматриваемое время. Ближайшие формальные аналогии этой традиции демонстрируют белозерская [16, с. 131], кобяковская [17, с. 24–26], отрадненская [18, с. 62; 19, с. 67; 20, с. 142–144; 21, с. 14–19; 22, с. 203], сусканская и ивановская культуры [23, с. 246–247, 256; 24, с. 212–213, рис. 1–2; 47, с. 212], некоторые погребения эпохи финальной бронзы Восточной Украины со спорной культурной атрибуцией, включенные В. А. Ромашко в состав «богуславско-белозерской» культуры [25, с. 76, рис. 2, 11; 26, с. 35, рис. 4, 3–4; 27, с. 118, рис. 2, 1–4; 28, с. 158–161]. Для СКИО эта традиция не характерна. Правда, и в последнем случае на заключительном этапе существования общности наблюдается появление в подкурганных захоронениях правобочного положения погребенных, либо их ориентация в южном (точнее — юго-восточном) секторе [12, с. 161, мал. 32; 28, с. 56–57; 29, с. 45; 30, с. 14, 17, табл. 10, 1–2; 12, 4–5; 31, с. 26–27, рис. 2, 4–5; 32, с. 69, рис. 1, 14, табл. 1; 33, с. 191–194 и другие].

Сосуды, обнаруженные вблизи от погребения, имеют близкую датировку и, как уже отмечалось, могли представлять сопровождающий его инвентарь.

Один из сосудов представляет традиции федоровской культуры андроновской культурно-исторической общности (рис. 3: 2). Подобная керамика и другие находки андронидного облика распространяются на запад вплоть до Поингуля. В частности, на территории Украины они зафиксированы в памятниках срубной общности¹, сабатиновской культуры и тшинецкого культурного круга [12, с. 161; 33, с. 71; 34, с. 93; 35, с. 72, 75–78; 36; 37, с. 63–65; 38, с. 122; 39, с. 181–183; 40, с. 248–250 и др.]. В. А. Ромашко также отмечает находки фрагментов андронидных кубков в горизонтах поселений постсрубного времени Восточной Украины, датированных им второй половиной XIII—XI вв. до н. э. Исследователь связывает их уже с местной традицией керамического производства [28, с. 180–202]. Правда, здесь следует учитывать, что в целом для культур постсрубного горизонта/типа отмечен иной состав компонентов, представляющий «восточную группу» [35, с. 75–78; 40, с. 250, 254], в связи с чем указанную традицию, видимо, следует считать изживающей себя.

Второй сосуд указывает на возможность датировки комплекса временем финальной бронзы (рис. 3: 3). В пользу этого свидетельствует характерный мотив орнамента в виде прочерченной «елочки» в сочетании с наколами. Его аналогии в Днепро-Донском междуречье известны на ряде поселений Лесостепи, которые в настоящее время правомерно относить к белозерскому времени — Шоссейное [41, рис. 5, 14], верхний горизонт Таранцево [42, рис. 5, 12], Клешня III [43, рис. 10, 6], либо переходному к нему периоду — Песочин-Мобиль [44, рис. 2, 15]². В работах последних десятилетий памятники подобного типа определяются чаще как «постсрубные», либо «финальносрубные», хотя атрибуция и ключевые вопросы их развития до сих пор остаются в состоянии дискуссии. Не останавливаясь подробно на ее нюансах [историографию см.: 28, с. 17–31], отметим практически

¹ Ю. И. Колев относит «срубные» погребения с андроновской керамикой Поднепровья к кругу древностей ивановской культуры или же к таковым, которые «демонстрируют процесс становления ивановской обрядности и участие андроновских традиций в формировании ивановской культуры» [47, с. 212–213].

² Подобный орнамент зафиксирован также на керамике малобудковского типа [35, рис. 14, 1] и развитой бондарихинской культуры [45, рис. 1, 6] — образований белозерского времени, однако пятницкий сосуд по форме и технологии не является бондарихинским.

единодушное признание исследователями многокомпонентного характера постсрубных образований, при значительном влиянии восточных валиковых культур в их сложении.

Так, Я. П. Гершкович в составе формирований соответствующего типа на территории Восточной Украины и Нижнего Поднепровья выделил группу «восточного», «поволжско-приуральско-казахстанского происхождения» [35, с. 72–89; 46]. В ряде работ постсрубные/финальносрубные памятники региона также непосредственно соотносятся с постсрубными и постандроновскими культурами Поволжско-Уральского региона (ивановской, саргаринско-алексеевской) [47, с. 209–210, 213, 220; карта 1; 48, с. 270], что представляется достаточно радикальным решением проблемы. Вместе с тем, значение восточного вектора контактов признается и теми исследователями, которые отстаивают тезис о местной основе сложения постсрубных памятников Восточной Украины [22, с. 227–228; 28, с. 212–235; 49, с. 62–68; 50, с. 17; 51, с. 50].

Таким образом, обнаруженные вблизи от погребения сосуды, вероятно, можно датировать временем перехода от эпохи поздней бронзы к ее финальному (заключительному) этапу.

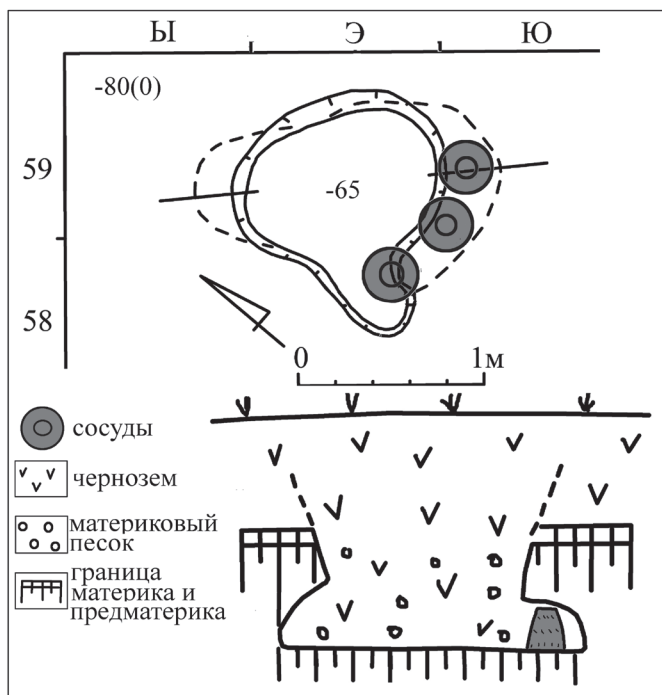
Предположение о связи их с погребением (в частности, сочетание андронидного сосуда с отмеченными особенностями положения погребенного), наводит на мысль о возможности поиска аналогий этого предположительного комплекса в образованиях Волго-Уральского региона. Наиболее вероятную аналогию, в таком случае, представляет сусканская культура Лесостепного Поволжья. Правда, для ее погребальных комплексов характерной считается юго-восточная ориентация погребенных [23, с. 246–247, 250–251]. Однако к «сусканско-атабаевской традиции» отнесены и погребения на поселении Шигоны III, ориентированные на юго-юго-запад и датированные финальным бронзовым веком [24]. Не исключено, что пятницкий и шигонские комплексы представляют явления одного культурного порядка. Формально их объединяет расположение в культурном слое поселений, ориентация и правобочная позиция погребенных, присутствие керамики, представляющей сусканскую традицию (в нашем случае – предположительное), датировка. Отметим также, что распространение элементов сусканской культуры на запад фиксируется до Среднего Поднепровья [40, с. 250, рис. 4, 1–2], и именно с влиянием ее и черкаскульской культуры В. В. Отрощенко связывает происхождение правобочного положения погребенных в среде бережновско-маевской срубной культуры [12, с. 159].

Наконец, наиболее поздний блок материалов представлен **бондарихинской культурой**. К ней относится комплекс 54 (яма) в раскопе 3 и несколько фрагментов из культурного слоя.

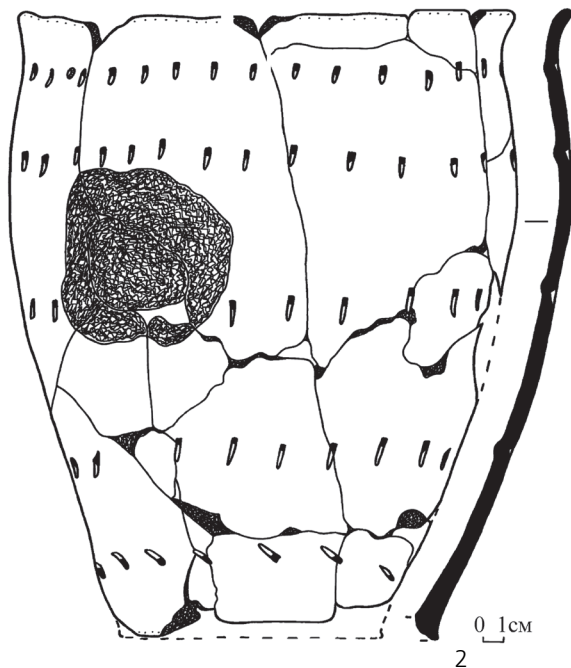
Комплекс 54 (рис. 4: 1) был обнаружен в восточной части раскопа 3 практически у самого подножия песчаного останца (дюны), на котором расположен раскоп. Он представлял собой овальную в плане яму с небольшой нишей в южном секторе, которую в верхней части немного перерезал раннесредневековый комплекс 53. Размеры ямы составили 130 × 120 см. Стенки и под небольшим углом спускались к ровному дну на глубину 65 см¹ (135 см от современной поверхности). В северо-западной и юго-восточной стенке с глубины 25 и 35 см соответственно, начинался глубокий подбой. В его юго-восточной части, по линии запад-восток, располагались 3 сосуда реконструируемые в полную высоту, установленные вверх дном (рис. 4–5). Все они имели отверстия для связывания [8, с. 22–23]. Других находок в заполнении комплекса не было.

Первый сосуд — слабопрофилированный горшковидный (рис. 4: 2). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на первую треть высоты, дно с закраиной. Высота 31–31,5 см, d венчика 24,5 см, d боков 25,5 см, d дна 13 см. По типологии Ю. В. Буйнова и А. С. Кузьменко визуально его можно отнести

¹ Глубина дается от условного «0» от уровня зачистки (–80 см).

1

2

Рис. 4. Комплекс 54 из раскопа 3:
1 – план и разрез комплекса 54; 2 – сосуд 1 из комплекса 54

Fig. 4. Complex 54 from the pit 3:
1 – plan and stratigraphy of the complex 54; 2 – vessel 1 from the complex 54

к типу V [52, с. 147, рис. 2], по схеме одного из авторов этой статьи — к переходной разновидности между вариантами А.П.5 и А.П.7 [53, с. 55–56, додаток А.3]. Внешняя поверхность оранжевая, с более темными участками, на ней заметны расчесы от обработки твердым орудием (деревом?), внутренняя — черная. Визуально в тесте заметна примесь шамота. Орнамент состоит из пяти рядов тычков, покрывающих весь сосуд от шейки до придонной части. Тычки в самом нижнем ряду нанесены снизу-вверх и чуть наискось, что определялось, скорее всего, условиями производства (во время орнаментирования сосуд стоял на земле или низкой подставке).

Второй сосуд также слабопрофилированный горшковидный (рис. 5: 1). Высота 33 см, d венчика 26,5 см, d боков 28,5 см, d дна 12 см. В типологических схемах бондарихинской керамики — это тип IV [52, с. 147, рис. 1], либо вариант А.П.5. [53, с. 55–56, додаток А.3]. Внешняя поверхность оранжевая, с более темными участками, внутренняя — черная. В тесте — шамот. Орнамент состоит из четырех рядов тычков, которые начинаются на шейке и опускаются ниже боков, не доходя до низа придонной части. Внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами мелкозубчатого штампа, которые опускаются ниже орнамента, но также не доходят до дна. Такими же горизонтальными расчесами обработан край венчика с внутренней стороны.

Третий сосуд — слабопрофилированный горшковидный, но более приземистый, чем предыдущие, ассиметричен (рис. 5: 2). Высота 21–21,5 см, d венчика 19–20 см, d боков около 23,5 см, d дна 13–14 см. Цвет внешней поверхности варьирует от серого до светло-коричневого, внутренней — от коричневого до черного. Поверхности хорошо заглажены. В тесте — шамот. Орнамент нанесен на верхнюю часть плечиков, сразу под изгибом шейки. Состоит из трех горизонтальных линий, в пространстве между которыми нанесены параллельные наклонные отпечатки (мотив таким образом приобретает вид двух состыкованных «лесенок»). У нижней «лесенки» все отпечатки направлены вправо. У верхней большая часть отпечатков наклонена влево, но на определенном участке наклон сменяется правосторонним. Из-за потерянных фрагментов не удастся восстановить количество отпечатков каждого вида в каждой «лесенке». На внешней поверхности заметны участки, обработанные зубчатым штампом — вертикально или по диагонали. Следы обработки очень слабые (возможно, после нанесения они были заглажены). На плечиках различаются следы от мелкозубчатого штампа, в придонной части — от крупнозубчатого. В целом, сосуд заметно отличается от остальных, обнаруженных в яме. Это касается как орнамента и формы, так и технологических особенностей (внешняя поверхность темнее, обработана тщательнее).

Комплекс ямы относится к малобудковскому этапу (или типу) бондарихинской культуры, о чем свидетельствуют характерные черты двух обнаруженных в ней сосудов — покрытие всего тулова поясами орнамента (рис. 4: 2), мелкозубчатые вертикальные расчесы внешней поверхности (рис. 5: 1). Достаточно показательны и морфологические типы, которые, по наблюдениям Ю. В. Буйнова и А. С. Кузьменко, характеризуют именно малобудковский тип/этап [52, с. 147].

Атрибуция третьего сосуда из ямы пока не до конца ясна. Как отмечалось выше, его отличает ряд особенностей, что позволяет предполагать его неместное производство. В целом, ни форма, ни орнамент для бондарихинской традиции не характерны. Отметим, что сплошная «лесенка» как мотив орнамента в различных вариациях на бондарихинской керамике присутствует, больше характеризуя «столовую», чем «кухонную» категорию [54, рис. 4, 2–3; 55, рис. 1, 12; 2, 7; 3, 8; 56, рис. 12, 19]¹. Однако композиция в целом (двойная сплошная косая «лесенка») здесь пока не отмечена. Среди памятников региона ближайшую ее аналогию представляет орнаментальный прием на сосуде из

¹ В данном случае приводятся аналогии «столовых» сосудов, для которых наиболее вероятно предполагать местное производство на бондарихинских поселениях, хотя это положение не является бесспорным.

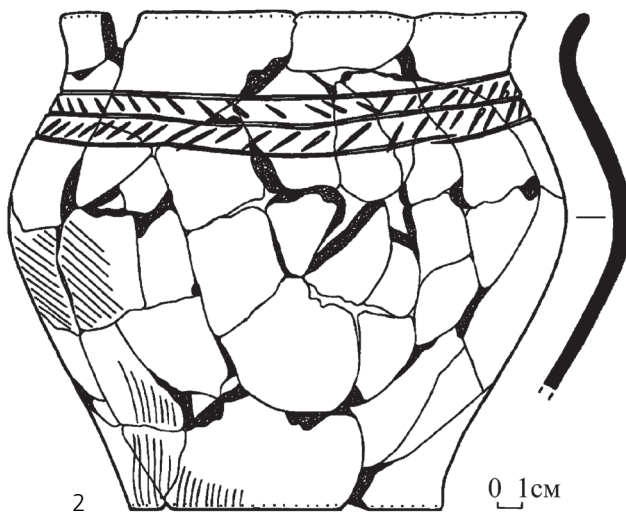
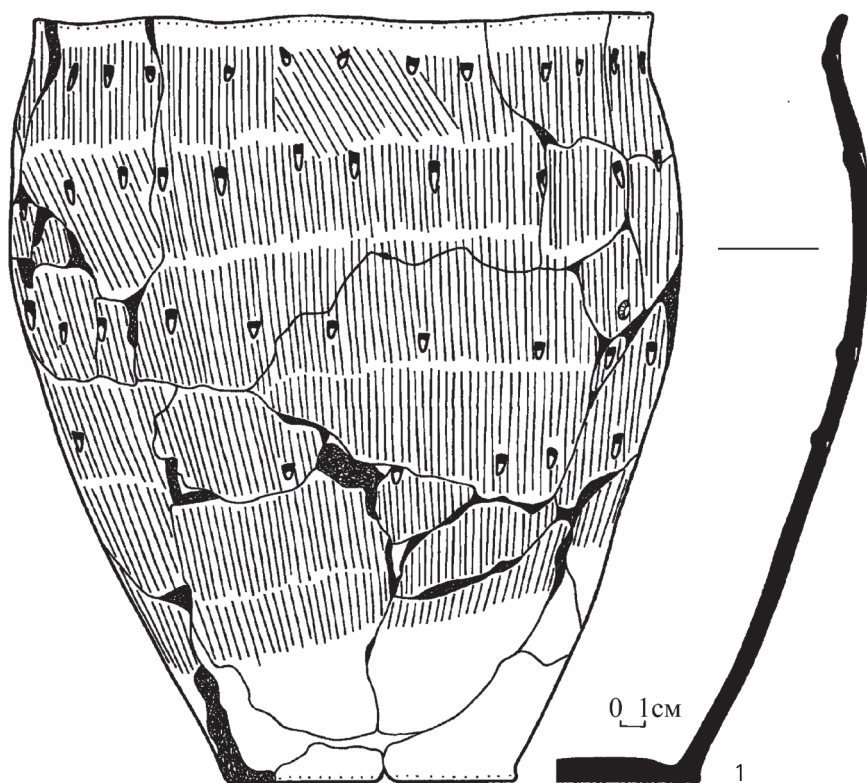

Рис. 5. Сосуды бондарихинской культуры из комплекса 54:

1 – сосуд 2; 2 – сосуд 3

Fig. 5. Pottery of Bondarikha Culture from the complex 54:

1 – vessel 2; 2 – vessel 3

Маренфельда, 1/1, атрибутированного авторами публикации в рамках «финально-срубной» традиции¹. Здесь, однако, композиция сложнее [22, с. 214–215, 224–225, рис. 4, 1]. Кроме того, присутствие двойных «лесенок» (одно- и разнонаправленных) отмечается на керамике «валиковых» памятников Поволжья [23, рис. 20, 4; 28, 4; 29, 9]. Учитывая эти аналогии, мы склонны относить рассматриваемый сосуд к упоминавшейся выше «восточной» группе керамики по Я. П. Гершковичу [35, с. 75–76, 78; 46, с. 70] и связать его происхождение с восточным кругом валиковых культур.

Интересно отметить такую особенность, как переворачивание сосудов, установленных в яму — признак культовой практики, неоднократно описанный исследователями традиционных обществ и памятников эпохи палеометалла Евразии. Данный прием маркирует комплекс обрядовых действий, связанный с переходом в иное состояние, может нести охранную функцию, иногда призван создать обстановку, вообще неблагоприятную для какого-либо проявления жизнеспособности [см.: 57, с. 178–179; 58; 59, с. 305–306; 60, с. 101]. Отметим, что переворачивание бондарихинских сосудов уже отмечалось по материалам поселенческих памятников Среднего Подонцовья, в частности, Дибровы [61, с. 9; табл. XV, 1–2; XX, 1–2].

В культурном слое обнаружены еще несколько фрагментов бондарихинской керамики. Венчик слабопрофилированного сосуда, орнаментированный круглым наколом на шейке и пальцевыми вдавлениями по срезу венчика (рис. 2: 11). Фрагмент стенки, орнаментированный в районе боков горизонтальным рядом пальцевых защипов (рис. 2: 12). Внешние поверхности этих фрагментов светлее (оранжевый, коричневый), чем внутренние (черные). В тесте заметна примесь очень крупного шамота (до 6 мм и более). Описанные фрагменты относятся к развитому, либо, скорее, позднему этапам бондарихинской культуры. В пользу датировки их поздним этапом свидетельствует примесь очень крупного шамота и характерный орнамент, представленный рядом округлых наколов на шейке.

Развитый (средний) этап бондарихинской культуры датируется серединой XI (условно) — X вв. до н. э. [62, с. 135–139; 63, с. 7–12; 64, с. 175]. Позднебондарихинские комплексы бассейна Северского Донца Ю.В. Буйнов датирует IX — серединой или второй половиной VIII вв. до н. э. [65, с. 42–48]. По мнению одного из авторов данной работы, их верхняя граница синхронна финалу позднечернолесской культуры и должна определяться рубежом IX/VIII вв. [53, с. 12].

Еще один фрагмент стенки бондарихинского сосуда имеет широкую датировку. Он орнаментирован неопределимым мотивом из тычков, цвет поверхностей — оранжевый, в тесте — примесь шамота (рис. 2: 13).

Таким образом, рассмотренные материалы представляют достаточно разнообразную в этнокультурном плане картину, отражающую особенности перехода от позднего бронзового к раннему железному веку.

Динамика культурных изменений с некоторыми оговорками может быть представлена следующим образом. Наиболее ранним, вероятно, следует считать поселенческий памятник срубной общности, предположительно, бережновско-маевской срубной культуры с общей датировкой XV—XIII вв. до н. э. Вероятно, на этапе перехода к финальному (заключительному) периоду эпохи бронзы было совершено погребение в раскопе 9. Не исключено, что оно может представлять традиции культур Волжско-Уральского региона. Вопрос о его соотношении с материалами СКИО пока неясен. В раннебелозерское время (XII— условно середина XI вв. до н. э.) на памятнике зафиксировано пребывание носителей раннебондарихинской культуры (малобудковского типа). Отдельная группа находок представляет развитую, либо позднюю бондарихинскую культуру и предварительна датируется в рамках от середины XI до рубежа IX/VIII вв. до н. э.

¹ Иными словами — постсрубной.

Обращает на себя внимание присутствие элементов восточного (поволжско-приуральско-казахстанского) происхождения в комплексах финального (заключительного) периода эпохи бронзы, что, по мнению исследователей, маркирует один из ведущих векторов контактов населения Днепро-Донецкого междуречья в рассматриваемое время. В качестве причин этого явления называются изменение климатической обстановки в последней четверти II тыс. до н. э. (начало процесса аридизации) [35, с. 81], а также межплеменные экономические связи, вызванные функционированием т. н. «оловянного пути» [40; 66, с. 181–182].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершкович Я. П., Антитина Е. Е., Лебедева Е. Ю., Панковский В. Б., Усачук А. Н., Шевченко Д. А. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца // АДУ 2003–2004 рр. — Запоріжжя, 2005.
2. Плетнева С. А. Отчет к открытому листу № 8 Сев-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. // НА ИА НАНУ. — 1957/17.
3. Шрамко Б. А. Погребение VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983.
4. Михеев В. К. Отчет о научно-исследовательской работе Международного Центра хазароведения за 2005 г. // НА ИА НАНУ. — 2005/266.
5. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. — Х., 2011. — Вип. 1
6. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году // НА ИА НАНУ — 1978/72.
7. Крыганов А. В. Отчет об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 г. // НА ИА НАНУ. — 1990/190.
8. Квитковский В. И. Отчет о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2012 году // НА ИА НАНУ. — б/н.
9. Колода В. В., Квитковский В. И. Археологические исследования ХНПУ на территории Харьковской обл. в 2008 г. // АДУ 2008 р. — К., 2009.
10. Квитковский В. И., Колода В. В. Исследования Слобожанской раннесредневековой экспедиции на многослойном селище Пятницкое-I // АДУ 2009 р. — К., 2010.
11. Берестнев С. И. Восточноукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). — Х., 2001.
12. Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001.
13. Отрощенко В. В. Історія племен зрубної спільності. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. — К., 2002.
14. Квитковский В. И., Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2009 году // Архив науч.-исслед. археол. лаб. ХНПУ им. Г. С. Сковороды.
15. Колода В. В., Квитковский В. И. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области) // НА ИА НАНУ — 2008/91.
16. Отрощенко В. В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
17. Лафенок В. А., Потапов В. В. Древнейший некрополь Кобякова городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии,

этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. науч. конф. — Ставрополь, 2001.

18. *Потанов В. В.* Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — Ростов н/Д, 1998.
19. *Потанов В. В.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. — 2000. — № 3–4.
20. *Потанов В. В.* О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения: Матер. научн. конф. — М., 2005.
21. *Потанов В. В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология». — М., 2010.
22. *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии Юга Восточной Европы финала бронзового века // Донецкий археологичний збірник. — 2012. — № 16.
23. *Колев Ю. И.* Заключительный этап бронзового века в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000.
24. *Колев Ю. И., Седова М. С.* Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара, 2004. — Вып. 2.
25. *Беляев О. С.* Нові дані про бондарихинську культуру // Археологія. — 1984. — Вип. 46.
26. *Горбов В. Н., Мимоход Р. А.* Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. — Донецк, 1999.
27. *Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К.* Грунтовый могильный позднего бронзового века Червоный Шлях-1 в бассейне Северского Донца // ВХУ. — 2005. — № 701. — Вип. 37.
28. *Ромашко В. А.* Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). — К., 2013.
29. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Новые памятники маевского типа срубной культуры // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. — Днепропетровск, 1976.
30. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Потцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья II—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1977. — Вып. 1.
31. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1978. — Вып. 2.
32. *Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Андросов А.* Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3.
33. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — Вып. 4.
34. *Гершкович Я. П.* К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1978.
35. *Гершкович Я. П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. — 1998. — Вып. 7.

36. *Березанская С. С., Гершкович Я. П.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* — Челябинск, 1983.
37. *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен // *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины.* — К., 1987.
38. *Ольховский В. С., Отрощенко В. В.* Курганное святилище эпохи поздней бронзы в Крыму // *Древности Степного Причерноморья и Крыма.* — Запорожье, 1991. — Вып. II.
39. *Лысенко С. Д.* Кубки маевского типа из Среднего Поднепровья // *Археологическое изучение Центральной России. Тез. междунар. науч. конф.* — Липецк, 2006.
40. *Куштан Д. П.* Трансэвразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // *Российский археологический ежегодник.* — СПб., 2012. — № 2.
41. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // *СА.* — 1984. — № 4.
42. *Берестнев С. И.* Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского Лесостепного Левобережья в начале раннего железного века // *РА.* — 1994. — № 3.
43. *Теліженко С. А., Черних Є. О.* Матеріали пізнього енеоліту — середньовіччя з багаточислової пам'ятки Клешня-3 // *Матеріали та дослідження з археології Східної України.* — Луганськ, 2006. — Вып. 5.
44. *Шрамко І. Б., Корохіна А. В.* Охоронні дослідження поселення з матеріалами доби бронзи — раннього заліза «Пісочин-Мобіль» // *Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр.* — К., 2007. — Вып. 9.
45. *Буйнов Ю. В.* Поселення бондарихинської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // *ВХУ.* — 2003. — № 594. — Вып. 35.
46. *Гершкович Я. П.* Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы // *XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. конф.* — Оренбург, 2001.
47. *Колев Ю. И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья.* — Самара, 2008.
48. *Стадник А. И.* Слои эпохи поздней бронзы на поселении Заозерное I // *Матеріали та дослідження з археології Східної України.* — Луганськ, 2011.
49. *Горбов В. Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском Лимане // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы.* — СПб., 1995. — Ч. II.
50. *Горбов В. Н.* Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век).* — Донецк, 1996. — Ч. 2.
51. *Горбов В., Кабанова Е.* Камышеватая-XIV — поселение позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // *Архасівські читання. Матер. I міжнар. наук. конф.* — Миколаїв, 2011.
52. *Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С.* Типология кухонной посуды бондарихинской культуры (опыт многомерного статистического анализа) // *ВХУ.* — 1992. — Вып. 26.
53. *Корохина А. В.* Кераміка бондарихинської культури. Дис. ... канд. іст. наук. — К., 2011 / НА ІА НАНУ.
54. *Буйнов Ю. В.* Поселення малобудківського типу доби пізньої бронзи біля с. Тимченки у басейні Сіверського Дінця // *Археологія.* — 2006. — № 1.
55. *Буйнов Ю. В., Корохина А. В.* Позднебондарихинские комплексы в раскопе VII поселения Родной Край-1 // *ВХУ.* — 2006. — Вып. 38. — № 728.
56. *Горбов В. Н., Усачук А. Н.* Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // *Донецкий археологический сборник.* — Донецк, 2001. — Вып. 9.

57. Свешникова Т. Н., Цивьян Т. В. К функции посуды в восточнороманском фольклоре // Этническая история восточных романцев. — М., 1979.
58. Толстой Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). — М., 1990.
59. Пошивайло О. Етнографія українського гончарства (Лівобережна Україна). — К., 1993.
60. Мимоход Р. А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. — Донецк; Макеевка, 2001. — Т. 1.
61. Гершкович Я. П., Отчет о работах Донецко-Луганской экспедиции в 1989 г. (раскопки поселения поздней бронзы у с. Диброва и кургана у с. Чернухино Перевальского р-на Ворошиловградской обл.) / НА ИА НАНУ — 1989/192.
62. Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура: дисс. ... канд. ист. наук. — Х., 1981.
63. Буйнов Ю. В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности, 1994: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1994.
64. Буйнов Ю. В. Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа // Laurea. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. — Х., 2007.
65. Буйнов Ю. В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. — 2006. — № 2.
66. Куштан Д. П. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи // Археологічний альманах. — Донецьк, 2013. — № 29.

Резюме

Корохіна А. В., Квитковський В. І. Матеріали доби пізньої — фінальної бронзи з багатощарового селища П'ятницьке-І в басейні Сіверського Діняця

Стаття присвячена аналізу матеріалів, здобутих розкопками селища П'ятницьке-І у 2008–2012 рр. Найбільш ранні з них, вочевидь, пов'язані з поселенням бережнівсько-маївської зрубної культури (XV—XIII ст. до н. е.). Фінальний період доби бронзи представляє інгумаційне поховання. У білозерський час (XII — умовно середина XI ст. до н. е.) на пам'ятці перебували носії ранньобондарихинської культури (малобудківського типу). Група знахідок представляє також класичну, чи пізню бондарихинську культуру і датується серединою XI — рубіж IX/VIII ст. до н. е. В матеріалах як пізньої, так і фінальної бронзи прослідковується східний, поволзько-приуральсько-казахстанський вектор культурних контактів.

Ключові слова: доба пізньої бронзи, фінальний період доби бронзи, зрубна культурно-історична спільнота, постсрубний тип, бондарихинська культура.

Резюме

Корохіна А. В., Квитковский В. И. Материалы эпохи поздней — финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-І в бассейне Северского Донца

Статья посвящена анализу материалов, полученных раскопками селища Пятницкое-І в 2008–2012 гг. Наиболее ранние из них, очевидно, связаны с поселением бережновско-маевской зрубной культуры (XV—XIII вв. до н. э.). Финальный период эпохи

бронзы представляет ингумационное захоронение. В Белозерское время (XII—условно середина XI в. до н. э.) на памятнике находились носители раннебондарихинской культуры (малобудковского типа). Группа находок представляет также классическую, или позднюю бондарихинскую культуру и датируется серединой XI—рубеж IX/VIII в. до н. э. В материалах как поздней, так и финальной бронзы прослеживается восточный, поволжско-приуральско-казахстанский вектор культурных контактов.

Ключевые слова: время поздней бронзы, финальный период эпохи бронзы, срубная культурно-историческая общность, постсрубный тип, бондарихинская культура.

Summary

A. Korokhina, V. Kvitkovskiy. Materials of Late — Final Bronze Age From the Multilayer Settlement of Pyatnitskoe-I in Severskiy Donets Basin

The paper is devoted to analysis of materials discovered during the excavations of the settlement of Pyatnitskoe-I in 2008–2012. The earliest among them are evidently related to the settlement of Berejnovka-Mayovka Srubnaya Culture (XV—XIII BC). Late Bronze Age Final Stage is presented by the inhumation burial. Population of Early Bondarikha Culture (Maly Budky Type) was occupying the site during Belozerka Culture time (XII — conditionally middle of XI century BC). Series of artifacts also presents Classic or Late Bondarikha Culture and dates up to middle of XI — verges of IX/VIII centuries BC. Eastern vector of communications, related with Volga-Ural-Kazakhstan region, is observed on materials of Late as well as Final Bronze Age.

Key words: Late Bronze Age, Bronze Age final stage, Srubnaya Cultural-Historical Entity, Post-Srubnaya Culture Type, Bondarikha Culture.

Л. И. Бабенко

Об атрибуции скифских уздечных блях в виде лапы животного или кисти руки

реди разнообразных украшений скифской уздечки наличествует сравнительно многочисленная и представленная рядом иконографических вариантов серия бляшек, долгое время имевшая в научном обороте «двойную» видовую атрибуцию и определяемая как изображение лапы животного или кисти человеческой руки (рис. 1: 1–17). Как правило, исследователи, не аргументируя собственную позицию, отдавали предпочтение либо антропоморфной [1, с. 13; 2, с. 194; 3, с. 135; 4, с. 97; 5, с. 145; 6, с. 161; 7, с. 117, 118; 8, с. 142; 9, с. 60; 10, с. 71; 11, с. 222; 12, с. 298; 13, с. 81; 14, с. 51, 52], либо зооморфной (варианты: лапа животного [15, с. 75; 16, с. 83], лапа хищника/льва [17, с. 25], лапа кошачьего хищника [18, с. 38, 39], лапа хищника [19, с. 40; 20, с. 46], медвежья лапа [1, с. 7; 21, с. 26; 22, с. 144, 145, табл.IV], лапа [23, с. 53; 24, с. 423, 424; 25, с. 30]) интерпретации этого образа, или же допускали одновременно обе эти трактовки [26, с. 98, 100; 27, с. 55; 28, с. 59; 29, с. 33].

Между тем, еще около полувека назад В.А. Ильинская отметила, что данный мотив может составить «предмет специального исследования» [3, с. 135]. За последнее время сразу несколько скифологов затронули в своих работах, касательно или более подробно, эту проблему, пытаясь обосновать собственную точку зрения.

А. Д. Могилов, собрав огромный по объему материал по конскому снаряжению лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху, предпринял попытку систематизировать и указанные бляхи. К бляхам в виде кисти руки (I.4.2) исследователем были отнесены лишь имеющие четко выраженный противопоставленный палец. Их появление А. Д. Могилов связал с распространением обряда отрезания пленникам рук, описанным Геродотом (IV, 62) [30, с. 56]. Отсутствие большого пальца, по мнению исследователя, свидетельствует в пользу атрибуции блях как лап животных, объединенных в отдельную группу (I.2.59). Морфологически им близка бляха из кургана 15 Перещепинского могильника, но попавшая в другую группу (VI.2.6) из-за иного материала (серебра). Еще одну группу (I.2.60) составили бляхи «в виде лапы кошачьего хищника», отличающиеся морфологически от предыдущих наличием округлого щитка, обрамленного по периметру выпуклыми жемчужинами. Между тем «кошачьи» черты иконографии этих блях не совсем понятны. Все лапы на бляхах пятипалые, что резко отличает их от четырехпалой кошачьей лапы с рудиментарным пятым пальцем на задней стороне ноги. Возможно, такой видовой атрибуции способствовали предшествующие определения подобных блях, сделанные рядом авторитетных скифологов [17, с. 25; 18, с. 38, 39]. Отдельную группу (I.2.4) составили бляхи с округлым гладким щитком, названные А. Д. Могиловым гребневыми, также атрибутированные как лапы животного [30, с. 45].

Иная точка зрения в интерпретации этого изобразительного мотива принадлежит А. Ю. Алексею, выделившего четыре группы блях — с реалистическим изображением

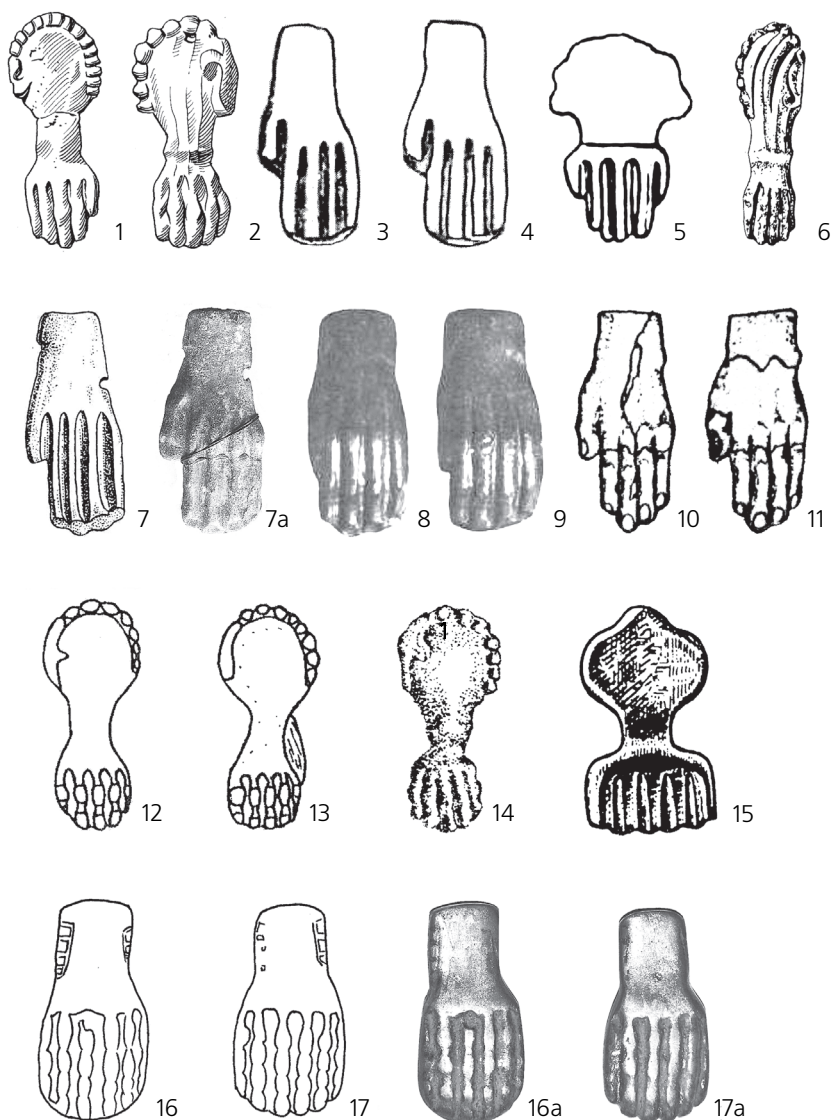

Рис. 1. Уздечные бляхи (без соблюдения масштаба):

1, 2 – курган Солоха [17, кат. 27]; 3, 4 – курган № 7, погребение 1 у с. Новое Запорожье [5, рис. 3: 5]; 5 – Тавельские курганы [35, рис. 12в; 36, табл. 74: 3]; 6 – курган Малая Цимбалка [27, рис. 2: 4]; 7, 7а – курган № 2 в ур. Стайкин Верх у с. Аксютинцы, 7 [3, табл. V: 19]; 7а – фотоархив Д. Я. Самоквасова, таблица № 127, фото 1476; 8, 9 – курган у с. Крячковка [2, рис. 6]; 10, 11 – курган № 3 у с. Шевченко [33, рис. 2: 30, 31]; 12, 13 – курган № 2 1883–1885 гг. у с. Аксютинцы [30, рис. 103: 13, 14]; 14 – курган № 1, погребение 2 у с. Стеблев [18, рис. 7: 6]; 15 – курган у с. Кошеватое [19, табл. 30: 3]; 16, 16а, 17, 17а – курган № 3 у с. Протопоповка (Харьковский исторический музей, арх. 118/35, 36); 16, 17 – [25, рис. 1: 6, 7], 16а, 17а – фото Д. С. Дедика

Fig. 1. Snaffle metal plates (not to scale):

1, 2 – the Solokha burial [17, cat. 27]; 3, 4 – the burial № 7, sepulture 1 near village Novoye Zaporozhye [5, fig. 3: 5]; 5 – the Tavelsky burials [35, fig. 12в; 36, tabl. 74: 3]; 6 – the burial Malaya Tymbalka [27, fig. 2: 4]; 7, 7а – the burial № 2 in the Staykin Verkh stow near the village Aksyutintsy; 7 – [3, tabl. V: 19], 7а – the photo archive of D. Ya. Samokvasov, table № 127, photo 1476; 8, 9 – the burial near the village Kryachkovka; [2, fig. 6]; 10, 11 – the burial № 3 near the village Shevchenko [33, fig. 2: 30, 31]; 12, 13 – the burial № 2 years 1883–1885 near the village Aksyutintsy; [30, fig. 103: 13, 14]; 14 – the burial № 1, sepulture 2 near the village Steblev [18, fig. 7: 6]; 15 – the burial near the village Koshevatoye [19, tabl. 30: 3]; 16, 16а, 17, 17а – the burial № 3 near the village Protopopovka (Kharkiv History Museum, Arch. 118/35, 36); 16, 17 [25, fig. 1: 6, 7], 16а, 17а – photo by D. S. Dedyk

человеческой кисти; гребневидные — с фигурной грибовидной верхней частью и пятью зубцами; с округлым или овальным щитком, обрамленным «жемчужным» орнаментом, и, возможно, воспроизводящим предплечье или плечевую часть руки; с сильно стилизованным изображением кисти с разновеликими «пальцами», напоминающими пальметту. По мнению исследователя, большая часть этих блях выполнена в виде кисти руки и лишь для немногих экземпляров допустима трактовка образа как лапы животного, чему препятствуют особенности их анатомии. А именно — несвойственность для кошачьих хищников пятипалых лап с сомкнутыми пальцами и отсутствие на бляхах изображений длинных когтей, характерных для пятипалой медвежьей лапы. А. Ю. Алексеев не видит оснований напрямую связывать подобные уздечные украшения с культом скифского Ареса, хотя они и придают вещественный характер сообщениям Геродота о магическом значении и ритуальном использовании правых рук врагов [31, с. 64–66].

Анализу этих блях отвел заметное место в монографии, посвященной изучению изображений обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля, А. Р. Канторович. В стройной таксономической схеме рассматриваемые бляхи образовали два типа 2-го отдела II группы, представленного изображениями одиночных лап, продолжающих линию конечности.

Тип 9 «Ак-Бурун-Корнеевка» этой классификации составили бляхи с моделированным изображением предплечья (в виде узкой перегородки) и плеча (в виде овального или сегментовидного щитка) передней конечности. При этом более ранним бляхам свойственны обрамления плеча жемчужинами, овальная либо близкая к натуральной форма лапы/руки, более высокий рельеф лапы, заплюсны и плеча, поздним — отсутствие обрамления, геометризация формы лапы/руки, более плоский рельеф.

А. Р. Канторович возражает против отождествления подобных блях с лапами кошачьего или волчьего хищника в виду явного противоречия их природным параметрам и находит подобные соответствия в пятипалой медвежьей лапы либо человеческой кисти руки [32, с. 39–42].

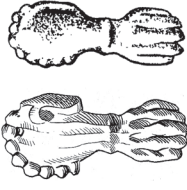
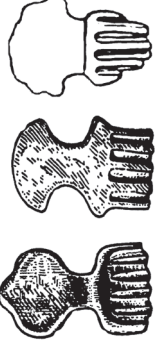

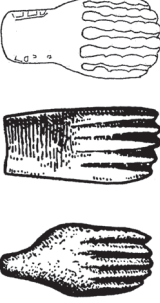
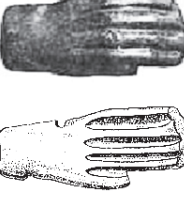
Тип 10 «Журовка-Аксютинцы» представлен бляхами с изображением лапы/кисти руки без предплечья, среди которых было выделено два варианта. Первый вариант составили бляхи с пальцами равной длины либо более короткими по обеим сторонам, которые могут быть отождествлены как с медвежьей лапой, так и с кистью руки. Бляхи второго варианта имеют укороченный большой палец, иногда — рельефно моделированные ногти и интерпретированы как кисть человеческой руки [32, с. 42–44].

По мнению А. Р. Канторовича, изображения на большей части блях обоих типов — «Ак-Бурун-Корнеевки» и «Журовки-Аксютинцев» — амбивалентны, находятся «на грани зооморфности и антропоморфности» и их появлению способствовало сходство изображения медвежьей лапы и его природного прототипа с кистью человеческой руки [32, с. 53].

Таким образом, совпадая в отдельных моментах (прежде всего, это относится к группам, выделенным на основе морфологии блях), позиции исследователей заметно разнятся в вопросах интерпретации наличествующих образов (табл. 1). Можно констатировать очевидную актуальность данной проблемы, вызвавшую уже в новейшее время интерес сразу нескольких скифологов. В то же время имеется ряд моментов, оставшихся за пределами внимания, но которые в той или иной мере могут способствовать решению спорных вопросов.

Некоторые исследователи заостряли внимание на принадлежности изображенных кистей на бляхах левой или правой руке. В. А. Ильинская отмечает изображение кистей правых рук на бляхах из Крячковки, Стайкиного Верха и Роменской группы [3, с. 135]. Однако если кисти на бляхах переданы тыльной (дорсальной) стороной (что наиболее вероятно), то в определении стороны этих блях произошло досадное

Таблица 1

Иконографические типы блях	Авторские классификации		
	Могилов А. А. [30]	Алексеев А. Ю. [31]	Канторович А. Р. [32]
	<p>в виде лапы кошачьего хищника (I.2.60)</p>	<p>с округлым или овальным щитком, обрамленным «жемчужным» орнаментом, и, возможно, воспроизводящим предплечье или плечевую часть руки</p>	<p>ранние — с обрамлением плеча жемчужинами, овальной либо близкой к натуральной формой лапы/руки, более высоким рельефом лапы, запястья и плеча</p>
	<p>гребневидные, в виде лапы животного (I.2.4)</p>	<p>гребневидные — с фигурной грибовидной верхней частью и пятью зубцами</p>	<p>поздние — с отсутствием обрамления, геометризированной формы лапы/руки, более плоским рельефом</p>
	<p>—</p>	<p>с сильно стилизованным изображением кисти с разновеликими «пальцами», напоминающими пальметту</p>	<p>1 вариант — бляхи с пальцами равной длины либо более короткими по обеим сторонам, которые могут быть отождествлены как с медвежьей лапой, так и с кистью руки</p>
	<p>в виде лапы животного (I.2.59; VI.2.6)</p>	<p>с реалистичным изображением человеческой кисти</p>	<p>тип 10 «Журовка-Аксютинцы» — бляхи с изображением лапы/кисти руки без предплечья</p>
	<p>в виде кисти руки (I.4.2)</p>		<p>2 вариант — кисть человеческой руки, с укороченным большим пальцем, иногда — рельефно моделированными ногтями</p>

недоразумение — все они как раз моделируют кисть левой руки. По сведениям В. А. Ильинской, кисть левой руки представляла и бляха из коллекции Кундеревича, рисунок которой в научном обороте отсутствует [3, с. 135]. Две бляхи из кургана № 3 у с. Протопоповка были атрибутированы как «нащечники в виде кисти левой человеческой руки» [10, с. 71], но здесь необходимо сделать сразу две оговорки. Во-первых, кисти на этих бляхах шестипалые, что авторами указанной публикации отмечено не было, а это не вполне согласуется с декларируемой ими антропоморфностью. Во-вторых, на обеих бляхах пальцы практически равной длины, крайние — по обе стороны — чуть короче, причем симметрично, поэтому даже с натяжкой нельзя отдать предпочтение, левой или правой руке они могли принадлежать.

Кисть левой руки изображают три бляхи из кургана № 7 у с. Новое Запорожье [5, рис. 3: 5], а также нащечники из кургана № 3 у с. Шевченко Донецкой области¹ (рис. 1: 10, 11) [33, рис. 2: 30, 31] и все кавказские бляхи, антропоморфизм которых подчеркнут не только противопоставленным большим пальцем, а и моделированными на концах пальцев ногтями² [14, рис. 1; 32, рис. 11: 20–22]. На подобное преобладание левых рук указывал А. Р. Канторович, в выборке которого правая кисть была представлена всего лишь одним экземпляром — бляхой из Частых курганов II на Нижнем Дону [11, рис. 3: 6; 32, с. 42, рис. 11: 19].

Между тем, группу блях, изображающих правую кисть, можно дополнить хорошо известным в научном обороте нащечником из Солохи. В парном конском погребении раскопками 1912 г. были обнаружены две «пластины — лапы хищника (льва?)», «симметричные, но не парные» [17, с. 45]. «Непарность» этих бляшек проявляется многократно — в различной форме «жемчужин», обрамляющих щиток-плечо, в характере поверхности этого щитка, граненой или гладкой, в наличии выраженной заплюсны или ее отсутствии, в количестве ушек (два против одного), наконец — в разных размерах. Но наиболее зримое отличие этих двух блях проявляется в размерах пальцев, которые у одной бляхи практически равной длины, крайние едва короче, у второй — один крайний палец вдвое короче остальных, что придает бляхе выраженные антропоморфные черты, причем именно правой кисти (рис. 1: 1, 2).

Такое сочетание в одном комплексе «антропоморфной» и «зооморфной» блях могло бы способствовать более полному пониманию этого изобразительного мотива, чему препятствуют не до конца ясные условия их находки. Бляшки были обнаружены в неграбленном (!) захоронении двух коней, имевших «почти одинаковые уздечки» [17, с. 13–15, 39–45, кат. 13–28]. Однако подробности местонахождения бронзовых деталей узды затерялись в блеске роскошных налобников и нащечников из золота и серебра [34, с. 96–103; 35, с. 44–47], и поэтому до конца не ясно, эти «не парные» бляхи входили в убор одной лошади или же по одной бляхе в убор каждой из лошадей. По мнению С. В. Полина, использовавшего находки в Бабиной и Водяной могилах для реконструкции уздечек из конского захоронения при первичном погребении кургана Солоха, оба нащечника в виде лапы принадлежали, скорее всего, одному из коней. Исследователь разместил их в горизонтальном положении на нащечных ремнях одного из коней [24, с. 423, 424, рис. 155: 2]³.

Если согласиться с подобным распределением уздечных блях солохинского конского захоронения, то логично предположить принадлежность обеих рук/лап, изображенных на бляхах, одному персонажу. Таким образом, явный антропоморфизм

¹ Выражаю признательность И. Б. Шрамко, обратившую мое внимание на этот комплекс.

² Моделировка ногтей показана и на рисунке бляхи из Аксютинцев [30, рис. 110: 29].

³ Возможность расположения нащечников в горизонтальной позиции, по мнению С. В. Полина, обеспечивали «две петли на обороте» [24, с. 424]. Между тем, в описании А. П. Манцевич, на которое ссылается исследователь, четко указано, что «у одной на оборотной стороне припаяны два ушка, у другой — одно» [17, с. 45, кат. 27].

одной из блях придает подобное значение и второй бляхе, а отсутствие иконографической идентичности двух блях не исключает их семантическую тождественность.

Еще одна бляшка, где наличествует противопоставленный палец, происходит из тавельских курганов [36, с. 188, рис. 12 в; 37, табл. 74: 3]. Однако на этой бляшке короткие пальцы расположены симметрично по обе стороны кисти и определить, какой из них «большой», а какой «мизинец», не представляется возможным, поэтому данное изображение можно интерпретировать в качестве кисти как правой, так и левой руки (рис. 1: 5).

Однако даже с солохинской бляхой преобладание изображений кистей левых рук над правыми очевидно. Поэтому из двух мнений, объясняющих появление подобных блях распространением обряда отрезания пленникам *правых* рук [30, с. 56] либо, напротив, отрицающих их прямую связь с культом скифского Ареса [31, с. 64–66], более обоснованной представляется точка зрения А. Ю. Алексева.

Среди различных черт, маркирующих антропоморфность блях, наиболее приметным является наличие более короткого противопоставленного пальца. При этом, вероятно, в силу неразвитости иконографии антропоморфных образов, проксимальная фаланга большого пальца почти во всех случаях изображалась на одном уровне с проксимальными фалангами остальных пальцев кисти, а не ниже, как следует из анатомии человеческой кисти. Исключением являются бляхи из кургана № 7 у с. Новое Запорожье [5, рис. 3: 5], на которых противопоставленный палец изображен анатомически правильно (рис. 1: 3, 4), а также нащечники из кургана № 3 у с. Шевченко Донецкой области (рис. 1: 10, 11) [33, рис. 2: 30, 31]. Такую же, правильную, моделировку анатомии человеческой кисти имеет и бляха из кургана № 2 в ур. Стайкин Верх у с. Аксютинцы. Это незаметно на рисунке в работе В. А. Ильинской, а также и в других публикациях, тиражирующих ту же иллюстрацию (рис. 1 : 7) [3, табл. V: 19; 30, рис. 110: 26; 32, рис. 11: 15]. Однако на таблицах Д. Я. Самоквасова фотография этой же бляхи имеет несколько иной вид — с правильной анатомией противостоящего пальца (рис. 1: 7а)¹.

Остался незамеченным еще один признак, который также можно было бы отнести к антропоморфным. Речь идет об особенностях иконографии пальцев, представленной двумя вариантами — в виде гладких пальцев и с отчетливой моделировкой нескольких фаланг каждого пальца. В качестве примеров блях второго варианта можно назвать находки из Солохи, Малой Цимбалки, курганов у с. Крячковка, № 2 1883–1885 гг. у с. Аксютинцы, № 1 у с. Стеблев, № 3 у с. Протопоповка, из района Кавказских Минеральных вод, из каталога Ancient touch, № 971 [17, кат. 27; 27, рис. 2: 4; 2, рис. 6; 30, рис. 103: 13, 14; 18, рис. 7: 6; 25, рис. 6: 7; 32, рис. 10: 5; 11: 9] (рис. 1: 1, 2, 6, 8, 9, 12–14, 16, 17). Примечательно, что подобная моделировка может отсутствовать на бляшках с противопоставленным пальцем и, наоборот, наличествовать на бляшках с пальцами равной длины. Однако не всегда причины этого явления объясняются замыслом мастера. В некоторых случаях отсутствие моделировки фаланг может быть связано со схематизмом рисунка в публикации. В качестве подобного примера можно привести бляхи из кургана у с. Крячковка, на фотографии которых явно видна моделировка фаланг [2, рис. 6; 32, рис. 11: 17, 18], а на рисунках этих блях пальцы изображены совершенно гладкими [26, рис. 2: 19; 30, рис. 110: 27, 28; 32, рис. 11: 17].

Привлекает внимание и несколько блях, выделяющихся из общей выборки шестипалостью кисти. К настоящему времени известно, по меньшей мере, три подобных экземпляра из двух пунктов — это две бляхи из кургана № 3 у с. Протопоповка [25, рис. 1: 6, 7] (рис. 1: 16, 17), а также бляха из кургана у с. Кошеватое [19, табл. 30: 3]

¹ Выражаю признательность А. Р. Канторовичу за любезно предоставленные фотографии таблиц Д. Я. Самоквасова.

(рис. 1, 15)¹. Шестипалой лапой оформлен и один конец псаля из кургана № 7 у с. Русская Тростянка [41, с. 42, 43, рис. 3: 2], что, по мнению А. Р. Канторовича «противоречит природе и обусловлено, очевидно, десемантизацией изображения». Подобная «схематичность, примитивность и нереалистичность изображения лапы хищника» на псалях IV в. до н. э. соответствует основной тенденции эволюции изображений редуцированных конечностей — от натурализма к «схематизации и геометризации, к полному отрыву от параллельно развивающегося мотива фигуры хищника, и, в конечном счете, к утрате зооморфной основы» [32, с. 37, 38, 53]. Однако если шестипалость кошеватовской бляхи полностью вписывается в изложенную схему иконографической эволюции, то протопоповские бляхи ей однозначно противоречат. Комплекс деталей и украшений конской узды из кургана № 3 у с. Протопоповка (Г-образные бронзовые псаля, 6-угольные налобники, пронизки-«висячие замочки», мелкие бляшки — ромбовидные, круглые и розетки, бронзовые ворворки) [25, рис. 1: 1–18] типичный для уздечных наборов второй-третьей четверти V в. до н. э. [42, с. 204, рис. 26]. Таким образом, шестипалость появляется на бляхах в самом начале формирования этого образа, поэтому ее возникновение обусловлено не схематизацией образа, а какими-то иными причинами. Стоит заметить, что «нереалистичность» шестипалой кисти несколько преувеличена — полидактилия является довольно распространенным явлением и встречается в среднем один раз на пять тысяч рождений.

В протопоповских бляхах обращает на себя внимание «избыточность» не только пальцев, но и их фаланг — в крайних пальцах их по три, в четырех средних — по четыре. Подобную избыточность фаланг имеет кисть на бляхе из каталога Ancient touch, № 971 [32, рис. 10: 5], а также крайний изогнутый палец на бляхе из кургана № 14 у с. Колбино [38, рис. 13: 7], причем в последнем случае количество «фаланг» доходит до десятка, отдаленно напоминая обрамление плеча жемчужинами.

Наконец, информацию для понимания данного образа может дать обращение к иным категориям материальной культуры скифов. Наиболее представительный массив составляют каменные изваяния, причем благодаря их аутентичности мы имеем возможность наблюдать собственно скифские изобразительные традиции антропоморфных образов. На скифских изваяниях одним из самых распространенных антропоморфных элементов является моделировка рук, отличающаяся наибольшей «подвижностью» на фоне статичности остальных графических элементов [43, с. 58]. В. С. Ольховским, проанализировавшим особенности иконографии кистей рук на изваяниях, было отмечено параллельное использование как реалистической манеры изображения с анатомически правильным обозначением пальцев, так и употребления приемов ее обобщенной (абрисной) моделировки [43, с. 59]. Между тем кисти рук на скифских каменных изваяниях представлены значительно большим количеством иконографических вариантов, выходящих за рамки приведенной выше их лаконичной характеристики. Не останавливаясь на подробном анализе данного изобразительного элемента, обратим лишь внимание на довольно представительную группу каменных изваяний, особенности иконографии кисти рук которых могут способствовать более полному пониманию образа на рассматриваемых здесь уздечных бляхах. Ведь наряду с кистями рук с «анатомически правильным обозначением пальцев», очень широко были распространены изображения пятипалой кисти

¹ Иногда в различных публикациях одни и те же бляхи имеют разное количество пальцев. Примером может быть бляха из тавельских курганов, кисть которой имеет пять [36, рис. 12в; 37, табл. 74: 3] или шесть [32, рис. 10: 12] пальцев, а также бляха из кургана № 3 у с. Колбино, представленная в научном обороте также в пятипалом [38, рис. 13: 8; 39, рис. 6: 12; 32, рис. 10: 19] и шестипалом [40, рис. 16: 8; 30, рис. 103: 17] вариантах.

с пальцами равной длины, столь схожие с уздечными бляхами с изображениями пятипалой «лапы» (рис. 2: 1–13). В силу бесспорной очевидности, антропоморфная трактовка подобных равнопалых кистей является единственно возможной. Территориальное (Северный Кавказ, Северное Причерноморье, Крым) и хронологическое (от второй половины VII до IV вв. до н. э.) распространение подобных изваяний очень широко. При этом они сосуществуют одновременно с изваяниями как с анатомически правильно оформленной кистью руки, так и различными вариантами изобразительной «патологии» — четырехпальными кистями, зеркально вывернутыми, а также без моделировки пальцев. То есть, совершенно очевидно терпимое отношение скифов к изъянам собственных художественных произведений, и их нисколько не смущали ни различные аномалии в расположении большого пальца кисти, ни даже его отсутствие.

Аналогичную картину можно наблюдать и на навершиях в виде крылатого женского божества из Александропольского кургана. Пара этих наверший, в числе прочих находок, была обнаружена крестьянами в 1851 г. при извлечении камня для строительства местной церкви, что и послужило поводом для дальнейших раскопок кургана. Начиная с первой публикации в «Древностях Геродотовой Скифии», в научном обороте присутствует изображение одного и того же навершия, имеющего лучшую сохранность и в настоящее время находящегося в коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 3: 1) [44, рл. 286]. Второе навершие, в числе основного массива находок из Александропольского кургана, было в 1932 г. по решению Паритетной комиссии передано из Эрмитажа в Украину. Несмотря на гибель большей части этой коллекции во время Великой Отечественной войны, навершие сохранилось и в настоящее время находится в собрании Харьковского исторического музея (рис. 3: 2).

При сравнении двух наверший обнаруживаются незначительные различия как в размерах (эрмитажный экземпляр превышает «харьковский» по высоте и ширине на 0,4 см), так и в ряде иконографических деталей, что, в целом, характерно для подобных серийных изделий, отливаемых по утрачиваемой восковой модели [45, с. 259]. Для нашего случая наибольший интерес представляют различия в оформлении кистей рук крылатого божества. На эрмитажном экземпляре сомкнутые на животе кисти рук анатомически условно точны — четыре пальца каждой кисти имеют равную длину, а большие пальцы заметно короче и к их кончикам примыкают кружочки, интерпретируемые как окончания «змеевидных завитков с головками животных на концах» [46, с. 68, 69] либо «головки змей» [47, с. 167]. Оформление кистей рук на «харьковском» навершии совершенно иное — левая кисть четырехпалая, правая — пятипалая, причем пальцы обеих кистей примерно одной длины. Кружки расположены поверх кисти, у самого края талии.

Следовательно, даже в пределах двух изделий можно увидеть три различных иконографических варианта оформления человеческой кисти — пятипалую с выделенным большим пальцем, четырехпалую и пятипалую с пальцами равной длины. Показательно, что подобное вольное отношение в оформлении человеческой кисти оставалось в скифской среде до позднейшего времени, и изменить его было не под силу даже интенсивному процессу антропоморфизации искусства, сопровождавшегося массовой интервенцией в скифскую среду изделий древнегреческих мастеров с высокохудожественными изображениями человеческих персонажей.

Однако на целом ряде блях с моделированным изображением плеча/бедрa имеется один очень характерный признак, свидетельствующий и в пользу их зооморфности. Речь идет о наличии на плече/бедре своеобразного орнаментального знака в виде «точки с запятой», который можно видеть на нащечниках из Солохи (в том числе и на имеющем антропоморфное оформление кисти), Малой Цимбалки, Аксютинце,

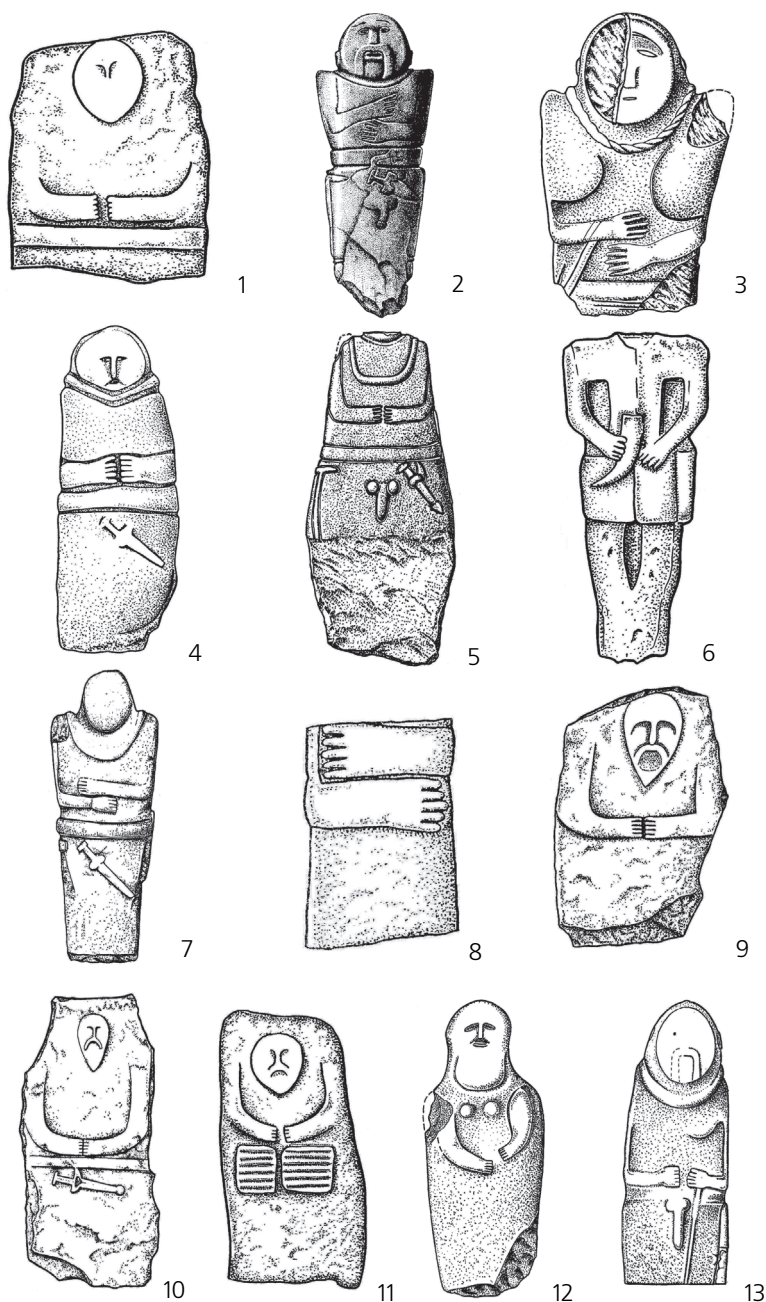

Рис. 2. Каменные изваяния с равнопальными кистями рук (без соблюдения масштаба):

1 – Замай-Юрт; 2 – Кожемяки; 3 – Мамай-Гора; 4 – Грушевка; 5 – Ингуло-Каменка; 6 – Вишневка; 7 – Бесскорбная; 8 – Красное Знамя; 9, 10 – Галайты; 11, 12 – Замай-Юрт; 13 – Маньчская [42, кат. 142, 33, 56, 61, 79, 91, 120, 129, 133, 130, 141a, 143, 154; илл. 81, 20, 30, 32, 46, 54, 72, 77–79, 81, 83, 89]

Fig. 2 – Stone statues with isodactylous hands (not to scale):

1 – Zamay-Jurt; 2 – Kozhemyaki; 3 – Mamay-Gora; 4 – Gryshevka; 5 – Ingylo-Kamenka; 6 – Vishnevka; 7 – Besskorbnaya; 8 – Krasnoye Znamya; 9, 10 – Galayty; 11, 12 – Zamay-Jurt; 13 – Manuchskaya [42, cat. 142, 33, 56, 61, 79, 91, 120, 129, 133, 130, 141a, 143, 154; illustr. 81, 20, 30, 32, 46, 54, 72, 77–79, 81, 83, 89]

Рис. 3. Бронзовые навершия с изображением женского божества.
Александропольский курган (без соблюдения масштаба):

1 – Государственный Эрмитаж, Дн 1/15 [43, pl. 286]; 2 – Харьковский исторический музей, арх. 937 (фото автора)

Fig. 3. Bronze finials with the image of woman divinity. Alexandropolsky burial (not to scale):

1 – The State Hermitage Dn1/15 [43, pl. 286]; 2 – Kharkiv History Museum Arch. 937 (photo taken by the author)

Стеблева и ряде других памятников (рис. 1: 1, 2, 6, 12–14). Подобные знаки («точка и запятая», «груша и яблоко», «восьмерка») представляют чрезвычайно распространенный орнаментальный мотив, возникший, возможно, под влиянием искусства ахеменидского Ирана и широко распространившийся в скифском зверином стиле, прежде всего, при оформлении бедра и плеча копытного животного (но и хищников также) [48, с. 73; 49, с. 131; 50, с. 40; 51, с. 85]. В иконографии пусть и малопредставительной серии антропоморфных персонажей схожие знаки не использовались. Показательно, что практически во всех случаях наличие «точки с запятой» сочетается с обрамлением наружного края бедра жемчужинами — также распространенного орнаментального мотива, широко используемого при оформлении различных блях, изображающих редуцированные конечности именно животных — типы «Бердянский-Петровка», «Нимфей-Аксютинцы», «Солоха-Чертотмык» по А. Р. Канторовичу [32, с. 26–28, 43–47; рис. 4; 5; 12].

Таким образом, если прежде доказательства в пользу антропоморфной атрибуции уздечных блях в виде пятипалой кисти с пальцами равной длины основывались на их несоответствии параметрам природного животного прототипа — лапы кошачьего хищника и медведя [31, с. 64–66] либо кошачьего и волчьего хищника [32, с. 39–42], то анализ собственно скифских антропоморфных иконографических традиций полностью подтвердил допустимость подобных трактовок. Поэтому истолкование изображений пятипалых блях с невыделенным большим пальцем как «кисти руки человека» [31, с. 64] либо признание их амбивалентности — «на грани зооморфности и антропоморфности» [32, с. 53] выглядит более предпочтительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. — 1904. — Вып. 14.
2. Сидоренко Г. О. Скифский курган на р. Удай // Археология. — Т. XVI.
3. Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968.
4. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. — К., 1989.
5. Плешивенко А. Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1991. — Т. II.
6. Привалова О. Я. Скифское погребение у с. Стылы // Археологический альманах. — Донецк, 1993. — Вып. 2.
7. Шрамко Б. А. Розкопки курганів VII—IV ст. поблизу Більська // Археологія. — 1994. — № 4.
8. Мурзин В. Ю., Ролле Р., Білозор В. П. Про подальші дослідження Перещепинського могильника // Археологія. — 1996. — № 4.
9. Мурзин В. Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С. А., Махортых С. В., Белозор В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г. — К., 2002.
10. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). — К., 2000.
11. Максименко В. Е., Ключников В. В., Гуркин С. В. Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. — М., 2001.
12. Бурков С. Б., Маслов В. Е. Воинские погребения из курганов у станции Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. — М., 2007.
13. Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010.
14. Маслов В. Е. Группа редких уздечных блях с территории Северного Кавказа // От палеолита до средневековья. — М., 2011.
15. Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976.
16. Махортых С. В. Снаряжение коня скифского времени из некрополей Бельского городища // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. — Алматы, 2011. — Т. II.
17. Манцевич А. П. Курган Солоха. — Л., 1987.
18. Скорый С. А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997.
19. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. — 1967. — Вып. Д1–4.
20. Ковалев Н. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии. — К., 1991.
21. Бессонова С. С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. — К., 1994.
22. Гуляев В. И. О некоторых мотивах звериного стиля в искусстве населения Среднего Дона скифской эпохи // Восточноевропейские древности. — Воронеж, 2012.
23. Алексеева И. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. Скифское погребение у г. Арзиц // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). — Тирасполь, 1997.
24. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могила). — К., 2005.

25. *Бабенко А. І.* Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е.) // Проблеми археології Восточної Європи. К 85-літтю Бориса Андреевича Шрамко. — Х., 2008.
26. *Шкурко А. І.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976.
27. *Алексеев А. Ю.* Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 году) // АСГЭ. — 1995. — Вып. 32.
28. *Махортих С. В.* Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006.
29. *Мелюкова А. І.* По поводу скифских походов на территорию Средней Европы // Древности скифской эпохи. — М., 2006.
30. *Могилев О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — К.; Кам'янець-Подільський, 2008.
31. *Алексеев А. Ю.* Гадание у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия — СПб., 2011.
32. *Канторович А. Р.* Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции // Stratum plus. — СПб.; Кишенев; Одесса; Бухарест, 2012. — № 3. «Эллинизм и иранство».
33. *Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. — Донецк, 1992. — Вып. 2.
34. *Веселовский Н. И.* К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве // ИАК. — 1913. — Вып. 47.
35. ОАК за 1912 год. — Пг., 1916.
36. *Троицкая Т. Н.* Находки из скифских курганов Крыма в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. — К., 1957.
37. *Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. — М., 1991. — Вып. Д 1–7.
38. *Савченко Е. И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. — М., 2009.
39. *Шевченко А. А.* Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. — М., 2009.
40. *Гуляев В. И.* Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. — М., 2001.
41. *Пузікова А. І.* Вуздечкові набори з Воронезьких курганів // Археологія. — 1980. — Вип. 35.
42. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003.
43. *Ольховский В. С., Евдокимов Г. А.* Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. — М., 1994.
44. *Scythian Art.* — Leningrad, 1986.
45. *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012.
46. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2.
47. *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. — М., 1976.
48. *Канторович А. Р.* Образ оленя в искусстве степной Скифии: две иконографические тенденции // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1994.

49. *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. — М., 1994.
50. *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. — СПб., 2006.
51. *Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В.* Братолюбровский курган. — К., 2009.

Резюме

Бабенко А. И. Про атрибуцію скіфських вуздечних блях у вигляді лапи тварини або кисті руки

Серед різноманітних прикрас скіфської вуздечки є численна група блях, зображення на яких дослідниками тлумачиться як лапа тварини або кисть людської руки. Перевага тій чи іншій атрибуції віддається або зовсім без аргументації власної точки зору, або на основі відповідності природному прототипу — людської кисті руки чи кошачої, ведмежої та вовчої лапи. Додаткову інформацію для вирішення проблеми на користь зоо- чи антропоморфної атрибуції подібних блях можна отримати, аналізуючи особливості іконографії кисті руки на власне скіфських зображеннях людини. На скіфських кам'яних статуях кисть руки дуже часто відтворювалася рівнопалою. Подібну традицію в оформленні кисті можна спостерігати і на одному з наверхів з Олександропільського кургану. Отже тлумачення зображення п'ятипалих блях з невиділеним великим пальцем як людської кисті руки, або ж можливість їх амбівалентності — на межі зооморфності та антропоморфності, можна визнати цілком прийнятним.

Ключові слова: скіфи, кінське спорядження, вуздечна бляха, кам'яна статуя, наверхів.

Резюме

Бабенко А. И. Об атрибуции скифских уздечных блях в виде лапы животного или кисти руки

Среди разнообразных украшений скифской уздечки имеется многочисленная группа блях, изображение на которых трактуется исследователями как лапа животного или кисть человеческой руки. Предпочтение той или иной атрибуции отдается или вовсе без аргументации собственной точки зрения, или на основе соответствия естественному прототипу — человеческой кисти руки или кошачьей, медвежьей и волчьей лапы. Дополнительную информацию для решения проблемы в пользу зоо- или антропоморфной атрибуции подобных блях можно получить, анализируя особенности иконографии кисти руки на собственно скифских изображениях человека. На скифских каменных изваяниях кисть руки часто воспроизводилась равнопалой. Подобную традицию в оформлении кисти можно наблюдать и на одном из наверхов из Александропольского кургана. Следовательно, трактовку изображения пятипалых блях с невыделенным большим пальцем в качестве человеческой кисти руки, или же возможность их амбивалентности — на грани зооморфности и антропоморфности, можно признать вполне приемлемым.

Ключевые слова: скифы, конское снаряжение, уздечная бляха, каменное изваяние, наверхие.

Summary

L. Babenko. About Attribution of Scythian Snaffle Metal Plates in Shape of Animal's Paw or Human Hand

Among the diverse accessories of Scythian snaffle there is a huge group of metal plates, an image of which is handled by the scientists as animal's paw or a human hand. Preference to this or that attribution is given without one's own point of view argumentation or on the basis of matching with the natural prototype — a human hand or a cat's, bear's or wolf's paw.

Additional information for the problem solving in favour of zoomorphic or anthropomorphic attribution of such metal plates can be derived by analyzing the particularities of iconography of a hand on the Scythian images of a human. On Scythian stone statues a hand was often depicted isodactylous. The same tradition of hand depiction can be seen on one of the finials of the Alexandropolsky burial. So the handling of depiction of pentadactyl metal plates with unrecognized thumb as a human hand or the possibility of their ambivalence is on the edge of zoomorphism or anthropopathy can be assumed rather acceptable.

Key words: Scythians, caparison, snaffle metal plate, stone statue, finial.

Г. В. Бейдин

Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры

боспорском царе Фарсанзе науке известно только по нумизматическому материалу. И хотя монеты с его именем были выделены еще в первой половине XIX в., представлены в нумизматических коллекциях многих музеев и находятся при раскопках и в составе кладов, однако в нумизматической литературе до сих пор идет постоянное обсуждение до конца не выясненных вопросов, связанных с историей его правления.

Первая проблема — это личность самого Фарсанза. Достоверных сведений о его происхождении нет. Хотя, например, С. А. Яценко считает, что имя Фарсанза имеет сармато-аланские корни (Фарсанз — «Власть фарна») [1, с. 7]. О. В. Шаров предположил, что он был представителем иранской знати [2, с. 23].

Дискуссионным является и время правления или «соправления» Фарсанза. Общепринято, что он правил два года: 550 и 551 гг. боспорской эры (253/254–254/255 гг. н. э.). По крайней мере, в литературе описаны монеты именно с этими датами их выпуска. И если по первому году правления — 550 г. б. э. вопросов не возникло (монеты этого года находятся в кладах, при раскопках и в качестве единичных случайных находок), то монеты 551 г. б. э. были известны только по двум экземплярам, и то условно¹. В настоящее время, на основании изданных В. А. Анохиным монет [5, с. 294, № 2089–2092], можно с уверенностью говорить о чеканке монет с именем Фарсанза в 551 г. б. э. Анализ наличного нумизматического материала позволил К. В. Голенко определить время правления Фарсанза с ноября—декабря 253 по начало октября 254 года [4, с. 93, прим. 38].

Что касается характера власти Фарсанза, то здесь мнения исследователей расходятся. Так, К. В. Голенко, на основе анализа штемпелей монет Рисукупорида V и Фарсанза утверждал, что последний был узурпатором, временно захватившим власть на Боспоре в 550 г. б. э. (253/254 гг. н. э.) [4, с. 91]. И. Т. Кругликова согласна с идеей насильственного захвата власти Фарсанзом в 253 г. н. э., при поддержке его варварскими племенами [6, с. 8]. Исследуя чеканку монет Боспорского царства периода «скифских войн» М. М. Чореф так же высказал мнение, что Фарсанз являлся узурпатором и принадлежал к элите варварских племен, при поддержке которых он

¹ Один экземпляр хранится в коллекции Государственного Эрмитажа [3, с. 52], о втором упоминал К. В. Голенко при описании Керченского клада боспорских монет 1964 г. [4, с. 91]. Н. А. Фролова, при анализе монет Фарсанза, в своей публикации всех известных ей боспорских монет, учитывает, и то под вопросом, только монету из коллекции Эрмитажа. Но плохая сохранность монеты вызывает у Н. А. Фроловой сомнение в ее датировке. Монету Фарсанза 551 г. б. э. из Керченского клада 1964 г., при дальнейшем исследовании монет клада, не обнаружили [3, с. 52–54].

и пришел к власти, однако впоследствии был устранен вернувшимся к власти Рискупоридом V [7, с. 187]. Н. А. Фролова имеет другое мнение. Она считает, что Фарсанз был не узурпатором, а соправителем Рискупорида V, с которым тот в 253 г. н. э. решает разделить свою власть, возможно, для проведения военных операций в разных частях обширного государства [3, с. 55]. В. А. Анохин, не поддерживая ни одно из выше изложенных мнений, на основании анализа нумизматического материала, делает вывод о том, что монеты и Рискупорида V и Фарсанза чеканятся на одном монетном дворе, и появление царя Фарсанза — не важно, соправителя или узурпатора — связано с активизацией действий «скифских» племен в Северном Причерноморье [8, с. 123]. Именно к периоду между 244 г. н. э. и концом 40-х гг. III в. относит Д. Б. Шелов разгром города Танаиса и прекращение существования поселений на берегу Нижнего Дона, приписываемое готам и герулам, которые совместно с другими племенами нанесли удар по границам Боспорского государства [9, с. 301, 302]. Основываясь на археологическом и, прежде всего, нумизматическом материале, Н. Н. Болгов отодвигает дату гибели Танаиса на 251–254 гг. н. э. [10, с. 40]. С. А. Яценко считает, что этот разгром был совершен северокавказскими аланскими племенами [1, с. 17]. В отношении последних, А. А. Васильев предполагает, что правление Фарсанза связано как раз именно с агрессией аланских племен против Боспорского царства, а его соправление с Рискупоридом V было уступкой аланам. По мнению ученого, для устранения Фарсанза и стоящих за ним аланов, Рискупорид V использовал германские племена, о чем свидетельствуют находки вещей германского круга на Боспоре [11, с. 348]. Н. Н. Болгов и В. В. Лавров считают, что Фарсанза поддерживали не аланы, а готы. Именно он помог им в осуществлении первого морского похода в Малую Азию, предоставив суда. Неудачи же в походе привели к свержению Фарсанза [10, с. 42; 12, с. 117]. Е. А. Молев выдвигает версию о непосредственном участии Фарсанза в первом морском походе варваров на Римскую империю: «Со времени первого похода готов имя Фарсанза исчезает со страниц истории. Не исключено, что он принял в нем участие и погиб» [13, с. 357]. При этом В. В. Лавров высказывает обоснованное письменными источниками предположение, что первый морской поход варваров состоялся летом 254 г. н. э. [12, с. 113].

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о Фарсанзе. К сожалению, другой информации о нем или о его правлении кроме монет нигде не содержится. Но и этот материал достаточно немногочислен. Всего Н. А. Фроловой было учтено 90 монет Фарсанза, которые происходят из кладов, содержащих монеты этого периода, и из музейных собраний России и Украины. Из известных Н. А. Фроловой 4650 статеров периода правления Рискупорида V (а к этому периоду относятся так же монеты Фарсанза, Савромата IV и Теїрана), монет Фарсанза описано только 90 экземпляров [3, с. 42, 54].

В составе кладов монеты Фарсанза также содержатся в малых количествах. Так, в кладах из Семеновки (96 монет), Керчи, найденном в 1957 г. (78 монет), Третьем Патрейском (225 монет), Илуратском (66 монет), монеты Фарсанза отсутствуют. В Тиритакском кладе из 2033 монет Фарсанза только 9 (0,44 %), в Таманском из 198 монет 2 (1 %) Фарсанза, в Судакском из 1017 монет 5 (0,46 %) Фарсанза. И только в Керченском кладе 1964 г. из 78 монет 50 (64 %) монет с именем Фарсанза [4, с. 88]. Таким образом, из 90 монет Фарсанза, собранных за два столетия и описанных Н. А. Фроловой, 50 происходят из Керченского клада и 16 — из трех других кладов. Среди индивидуальных находок статеры с именем Фарсанза были тоже довольно редки.

В последнее время за пределами Боспора, преимущественно на территории между Днепром и Северским Донцом, стал известен целый ряд новых находок монет рассматриваемого правителя. Настоящая статья посвящена анализу как известных в литературе находок монет Фарсанза, так и информации о монетах, полученной

от археологов и из форума «VIOLITY» [14], где публикуются монеты, обнаруженные на территории Украины¹.

В настоящей публикации приведена информация о 20 статерах Фарсанза, обнаруженных в ареале черняховской культуры. В частности, в Полтавской области найдено 11 статеров, в Харьковской — 4, в Сумской — 3, в Житомирской и Черновицкой по 1 монете (см. Каталог и рис. 1, 2). По большинству монет получена информация о сопутствующем материале, собранном в местах находок. Известно, что на них обязательно присутствовала гончарная керамика черняховской культуры, фибулы, пряжки, римские денарии. Особо стоит отметить находки фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена, которые зачастую сопутствуют статерам. Также на некоторых памятниках, по имеющейся информации, совместно со статерами Фарсанза, были найдены боспорские монеты других царей [15, с. 67–70, № 18–20, 22, 29, 30] и римские провинциальные монеты [16, с. 156, № 28, 29, 32, 33].

Все, без исключения, учтенные нами новые находки монет относятся к 550 г. б. э. — самой распространенной хронологической группе статеров Фарсанза. В литературе известно всего два типа монет Фарсанза выпуска этого года, и отличия в них заключаются только в дифференте, расположенном на реверсе справа от бюста императора. К первому типу Н. А. Фролова относит монеты, имеющие дифферент в виде двух точек, расположенных друг над другом; во втором типе напротив бюста императора расположена шестиконечная звезда [3, с. 51]. Оба этих типа монет Фарсанза присутствуют в находках на территории, занимаемой черняховской культурой: из 20 учтенных монет восемь относятся к первому типу и двенадцать — ко второму. Интересно, что подобная картина несколько не соответствует соотношению типов этих монет, приведенных Н. А. Фроловой, в котором количество известных исследовательнице монет первого типа (16 шт.) превышает количество монет второго (12 шт.) [3, с. 279, 280].

Исследуя монеты Фарсанза, Н. А. Фролова выделяет 10 штемпелей лицевой стороны и 13 штемпелей оборотной для первого типа монет [3, с. 279] и 11 штемпелей лицевой стороны и 9 штемпелей оборотной стороны для монет второго типа [3, с. 280]. Сохранность исследуемых нами монет так же позволила провести анализ их штемпелей. На наш взгляд, общий штемпель лицевой стороны имеют монеты, приведенные в Каталоге под № 2 и № 10; № 5 и № 6; № 12 и № 18, а также монеты № 8, 9, 14, 15, 19. Причем общие штемпели лицевой стороны имеют монеты обоих типов (№ 8, 9, 10, 12, 18 — первый тип, № 2, 5, 6, 14, 15, 19 — второй тип). Монеты № 7 и № 20, возможно, имеют общие штемпеля и лицевой и оборотной сторон. Однако, из-за плохой сохранности монеты из Черновицкой области (№ 20), достоверно это утверждать нельзя. Других совпадений штемпелей оборотной стороны исследуемых нами монет не обнаружено.²

¹ Главная наша задача при работе с такого рода информацией состояла в том, чтобы отделить боспорские монеты, найденные в Северном Причерноморье, от монет, обнаруженных в ареале черняховской культуры, привязав место их находок к областям, районам, а, по возможности, и к населенному пункту и археологическому памятнику. Для этого приходилось вести переписку непосредственно с находчиками. Только получив ответ, не вызывающий у нас сомнений в достоверности, информация учитывалась автором.

² Отметим, что наличие общих штемпелей лицевых сторон монет с разными дифферентами (№ 2 и № 10; № 8, 9 и № 14, 15, 19) идет в разрез с гипотезой М. М. Чорефа, согласно которой дифферент на боспорских монетах является обозначением монетного двора. По мнению этого исследователя, монеты со звездой в качестве дифферента чеканились в Пантикапее, а с двумя точками — в одном из центров в восточной части государства [7, с. 187].

Рис. 1. Монеты Фарсанзы из находок в ареале черняховской культуры
 (номера на рисунке соответствуют номеру в Каталоге находок). Без масштаба
 Fig. 1. Coins of Pharsanzes from finds on area of Chernyakhiv Culture
 (position in the figure correspond to the number in the Catalog of finds). Without scale

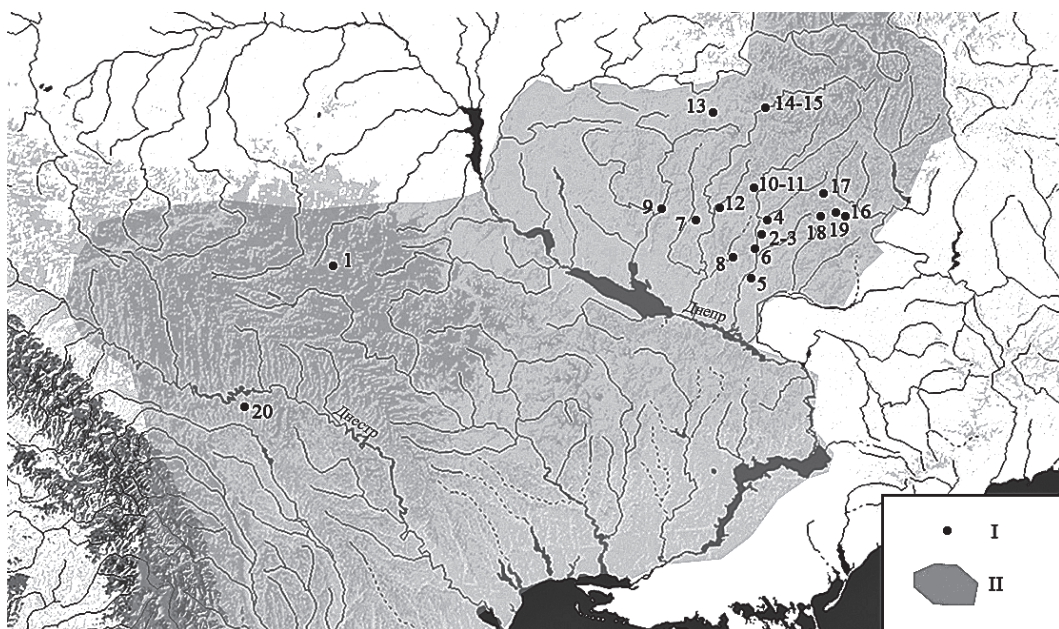

Рис. 2. Карта находок монет Фарсанза в ареале черняховской культуры (номера на карте соответствуют номеру в Каталоге находок):

I – места находок монет Фарсанза; II – ареал черняховской культуры

Fig. 2. Maps of finds of the coins of Pharsanzes on area of Chernyakhiv Culture (position in the figure correspond to the number in the Catalog of finds):

I – finds of the coins of Pharsanzes; II – area of Chernyakhiv Culture

Надо отметить, что сохранность монет зависит от места находки. Монеты, найденные в Житомирской (№ 1) и Черновицкой (№ 20) областях плохой сохранности. Из Сумской (№ 13–15) и Харьковской (№ 16–19) областей происходят монеты, в основном, удовлетворительной сохранности. А вот монеты из Полтавской области (№ 2–12), в большинстве своем, имеют хорошую сохранность. Возможно, сохранность монет зависела от почвы, в которой они находились. Так, К. В. Голенко, исследуя монеты Керченского клада 1964 г., отмечает, что грунтовые воды неблагоприятно сказались на состоянии монет клада, отчеканенных из нестойкого в химическом отношении сплава [4, с. 88]. Причем разрушение монет почти всегда выражалось в расслоении металла [4, с. 94]. Разрушение металла мы наблюдали и на некоторых монетах Фарсанза уже через некоторое время после их обнаружения. Так, на монете из с. Павлово Харьковской области (№ 17) осыпалась часть букв и изображения. То же произошло и с монетой из с. Терне Сумской области (№ 13). На монете из г. Миргород Полтавской области (№ 7) осыпалась часть точечного ободка на реверсе. По нашим наблюдениям, такая нестойкость металла, из которого чеканились статеры, характерна и для монет Рискупорида V, происходящих из находок в ареале черняховской культуры и выпущенных в 546–550 гг. б. э.

Приводя состав металла статеров, выпускавшихся в этот период, Н. А. Фролова отмечает, что их основу составляла медь (50 %), содержание серебра могло быть любым (от 0 до 50 %), а остальной металл составляли олово и свинец [3, с. 56]. В Керченском кладе 1964 г. из 50 монет Фарсанза около полутора десятков статеров вообще были субэратными [4, с. 94]. Анализ металла двух статеров Фарсанза, найденных в Харьковской и Полтавской областях, показал, что серебра в них содержится

тоже менее 50 %. По составу металла они мало чем отличаются от статеров привезенных Н. А. Фроловой (табл. 1)¹. К сожалению, систематический анализ металла статеров времени правления Рискупорида V не проводился. Поэтому делать выводы о влиянии состава металла статеров на их сохранность и определить причины разрушения их металла пока не представляется возможным.

Таблица 1

Результаты анализа состава металла статеров Фарсанза

№ п/п	Статер	Медь	Серебро	Свинец	Золото	Никель	Олово	Мышьяк	Железо
1	ГИМ № 8863	50**	50**	0,25	0,1	0,1	0,1	0,45	0,03
2	ГИМ № 8873	50**	50**	3	0,1	0,2	0,25	0,45	—
3	№ 4 каталога*	75,89	23,36	0,28	0,31	0,04	—	—	0,09
4	№ 18 каталога*	50,79	47,20	0,64	0,82	0,06	0,02	—	0,47

* — металлы содержание которых менее 0,02 % не приведены

** — так указано у Фроловой [12, с. 68 табл. 1, № 14, 15]

По состоянию изображения на монетах, имеющих хорошую и удовлетворительную сохранность, можно сделать вывод, что до своей утери монеты были в обращении недолгое время. Только монеты из с. Забродки (№ 5) и с. Ступки (№ 11) Полтавской области имеют потертости изображения и надписей. Особенно затерта монета из с. Ступки (№ 11), имеющая отверстие. Вероятно, эта монета долго использовалась в качестве подвески. Другая монета, имеющая отверстие, — статер из с. Веселовка Полтавской области (№ 5), — потертостей почти не имеет. Отверстие в ней не разноршено. Скорее всего, эта монета тоже мало была в обращении.

Чтобы разобраться в феномене находок монет Фарсанза на территориях, так далеко находящихся от границ Боспорского царства, необходимо рассматривать эти находки совместно с находками монет Рискупорида V, время правления которого значительно перекрывает непродолжительное правление Фарсанза. Именно в его правление проходили походы варварских племен на Римскую империю. Все исследователи монетной чеканки Боспора эпохи Рискупорида V отмечают связь чеканки монет, ее динамику и качество металла монет с этими походами [3, с. 64, 65]. Наиболее полное исследование монетного дела в правление Рискупорида V, было проведено Н. А. Фроловой. Она определила интенсивность чеканки монет в правление Рискупорида V по годам. Так же Н. А. Фролова подтвердила выводы других исследователей о том, что во время правления Рискупорида V, продолжавшегося, по ее мнению, с 539 по 573 г. б. э., т. е., 35 лет существовало два перерыва в чеканке монет с именем Рискупорида V, с 555 по 557 и с 565 по 571 г. б. э. По крайней мере, монет Рискупорида V с этими датами не известно [17, с. 60, 63]. После возобновления чеканки монет в 572 г. б. э. на них, кроме имени Рискупорида V, появляются и имена его новых соправителей — Савромата IV и Тейрана. Но, поскольку второй перерыв в чеканке монет Рискупорида V и новое возобновление их чеканки находятся на значительном (около 15 лет) удалении от рассматриваемого нами периода, мы не будем его затрагивать в нашем исследовании.

Интенсивность чеканки монет по Н. А. Фроловой (рис. 3) имеет четкий рост с 545 по 550 г. б. э. Ее пик приходится на 548 г. б. э. Затем идет спад интенсивности

¹ Анализ выполнялся на рентгено-флуоресцентном спектрометре «QUANX» фирмы Thermo Scientific (USA) в Национальном научном центре «Харьковский физико-технический институт». Автор благодарит К. В. Быкасова за оказанную помощь в проведении анализа.

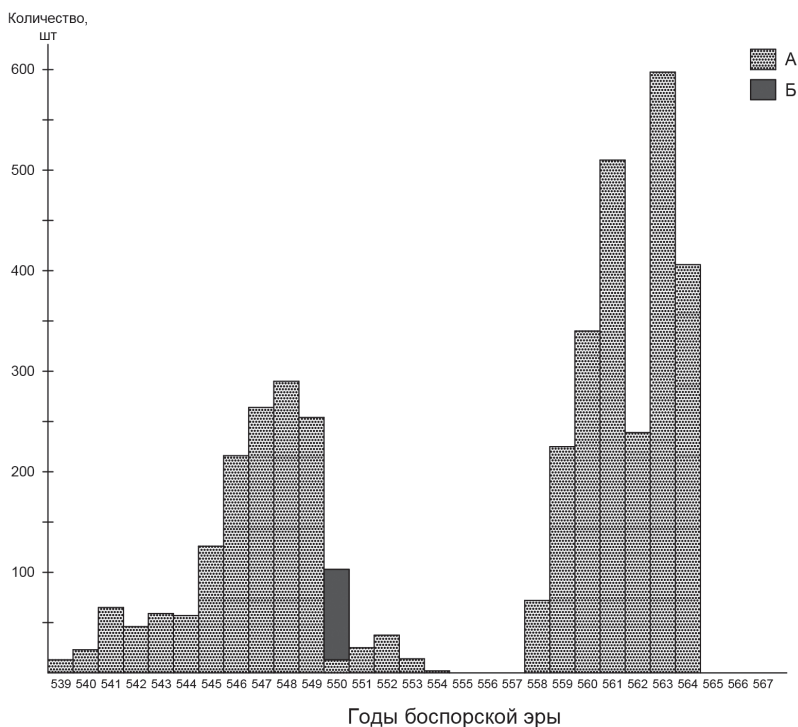

Рис. 3. Интенсивность чеканки монет в правление Рискупорида V по Н. Фроловой [17]
 А – монеты Рискупорида V; Б – монеты Фарсанза
 Fig. 3. Intensity of coinage in the reign of Rhescuporis V by N. Frolova [17]
 A – coins of Rhescuporis V; B – coins of Pharsanze

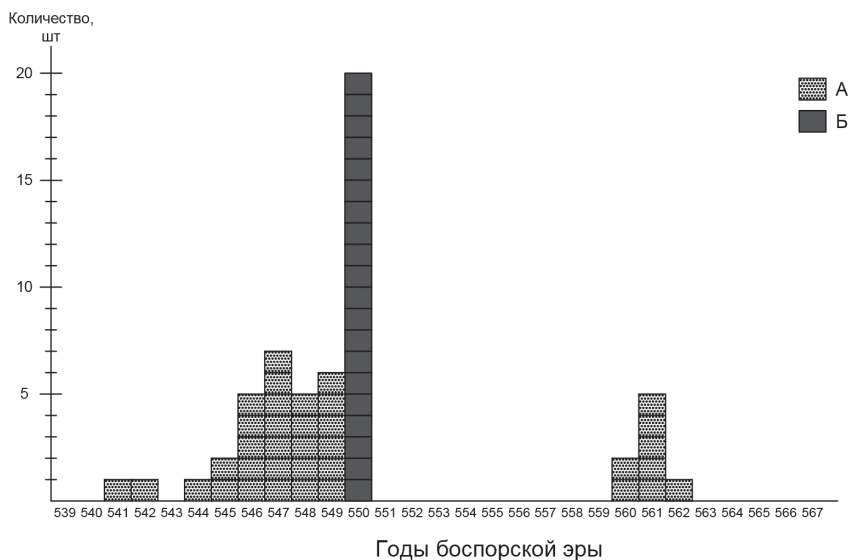

Рис. 4. Распределение найденных монет, выпущенных в правление Рискупорида V по годам
 А – монеты Рискупорида V; Б – монеты Фарсанза
 Fig. 4. Distribution of the coins issued during the reign of Rhescuporis V by the years
 A – coins of Rhescuporis V; B – coins of Pharsanze

чеканки, до полного ее прекращения в 554 г. б. э. Интересно, что в год правления Фарсанза (550 г. б. э.), по данным Н. А. Фроловой, учтено 14 монет с именем Рискупорида V и 89 монет с именем Фарсанза [3, с. 54]. После возобновления чеканки монет в 558 г. б. э. снова наблюдается рост интенсивности чеканки, достигшей пика в 563 г. б. э.

Рассмотрим статистику находок в ареале черняховской культуры статеров, выпущенных в период правления Рискупорида V с 539 по 564 гг. б. э. Для рассмотрения были взяты все известные нам статеры этого периода, как опубликованные [15, с. 73, 74], так и монеты с веб-ресурса «VIOLITY» [14]. Расположив количество найденных монет по годам выпуска (рис. 4), мы получаем возможность сравнить количество найденных в ареале черняховской культуры монет каждого года выпуска с интенсивностью их чеканки (рис. 3). Если бы поступление боспорских монет к населению черняховской культуры было случайным и происходило равномерно, то распределение по годам найденных статеров соответствовало бы интенсивности их чеканки. Результаты сравнения показывают, что количество найденных монет, выпущенных в правление Рискупорида V с 539 по 564 гг. б. э., соответствует интенсивности их чеканки по всем годам этого периода, кроме 550 г. б. э. (253/254 гг. н. э.). Это несоответствие мы имеем за счет найденных монет с именем Фарсанза. Если соотношение количества учтенных монет, выпущенных в 550 г. б. э., в год совместного правления Рискупорида V и Фарсанза (103 шт.), к количеству учтенных монет выпуска 548 г. б. э. (290 шт.), первому пику интенсивности чеканки по Фроловой (рис. 3) равно 0,36, то соотношение найденных в ареале черняховской культуры монет этих же годов выпуска 20 шт. и 5 шт. соответственно (рис. 4), равно 4. Такое соотношение находок монет не может быть случайным и возможно только при единоразовом поступлении монет в регион черняховской культуры, причем в жестко ограниченный временной период: между 550 и 551 гг. б. э. (253–255 гг. н. э.). Скорее всего, это не было вызвано ординарными процессами, такими как торговые операции, случайные потери купцов на торговых путях и др. Например, боспорских монет 561 г. б. э. выпуска (264/265 гг. н. э.), найденных в ареале черняховской культуры, учтено всего пять экземпляров. При этом интенсивность их выпуска по Н. А. Фроловой почти в пять раз большей, чем в 550 г. б. э., т. е. в год правления Фарсанза. Кроме того, отсутствие монет Рискупорида V 550 г. б. э., при обилии монет Фарсанза, говорит о том, что поступление монет середины III в. н. э. в ареал черняховской культуры надо связывать с именем Фарсанза.

Рассмотрим несколько версий возможного хода событий. Как уже говорилось выше, А. А. Васильев предположил, что германские племена были наняты Рискупоридом V, чтобы свергнуть узурпатора Фарсанза [11, с. 348]. Конечно, он мог расплатиться с этими племенами низкопробной биллоновой монетой, но для этого логичнее было выпустить монету со своим именем и уже ею проводить расчет, а не брать монеты свергнутого царя. О. В. Шаров считает, что опасность, исходящая от германских племен, сплотила Боспор и аланов, и Фарсанз, как представитель аланской знати, должен был помочь в защите Боспора от германских племен [2, с. 23]. В этом случае Фарсанз мог провести эмиссию статеров со своим именем, чтобы выплатить дань германским племенам. Обе эти версии маловероятны по той причине, что вряд ли бы варвары приняли в качестве дани или вознаграждения за помощь в свержении Фарсанза низкопробные биллоновые монеты, которые, кроме как на внутреннем рынке Боспорского царства, хождения не имели.

Еще одна версия, высказанная Н. Н. Болговым и В. В. Лавровым, заключается в том, что Фарсанз, будучи главой проготской группировки на Боспоре, заключил союз с готами [10, с. 42]. Появление готов на Боспоре позволило Фарсанзу укрепиться на Боспоре, однако неудачи готов в первом морском походе, в частности неудачный штурм Трапезунда, пошатнули власть Фарсанза и привели к его свержению [12, с. 117]. При таком варианте хода событий на Боспоре можно предположить, что Фарсанз

должен был провести эмиссию статеров для оплаты наемных готских отрядов, поддерживающих его и находящихся на территории Боспорского царства. Полученную плату готы тратили тут же на Боспоре, для обеспечения своих повседневных потребностей. Когда к власти вернулся Рискупорид V, необходимость в готских наемниках отпала, остатки готских дружин ушли с Боспора, захватив с собой не потраченные статеры, ценность которых они уже успели оценить.

Именно в это время, в период «Скифских» (или «Готских») войн (238–270 гг. н. э.), происходило формирование черняховской культуры [18, с. 134]. В своем развитом варианте черняховская культура представляла собой сложный конгломерат различных племен, объединенный под властью готских королей [19, с. 161], а ее этническую основу составляли германские племена готов [18, с. 115, 151].

Другой вопрос — в хронологическом соотношении дат монет Фарсанза и времени существования черняховских памятников в области днепро-донецкого лесостепного междуречья. Согласно современным представлениям, в середине III — первой четверти IV вв. в регионе существовали раннеславянские памятники «горизонта Боромля» [20, с. 24–26]. Вторая четверть IV — первая половина V вв. в регионе связана с существованием непосредственно черняховской культуры [20, с. 26–29]. Как видно, между датой чеканки монет Фарсанза и временем появления черняховских памятников в регионе — более 70 лет. Но в то же время и бесспорен факт происхождения этих монет именно с черняховских поселений (это ярко подтверждает сопутствующий материал). Но здесь, на наш взгляд, необходимо различать время попадания монет в руки варваров, которое могло действительно соответствовать времени выпуска монет, и время выпадения этих монет в землю, которое могло произойти гораздо позже, как это было, например, с римскими денариями. Но возможно предположить и более удобные, альтернативные точки зрения. Например, появление в регионе во второй половине III в. каких-то готских отрядов. Но все это пока находится за пределами имеющегося археологического материала.

Таким образом, находки боспорских статеров в ареале черняховской культуры позволяют обратиться к актуальной в последнее время проблеме участия германцев в политической жизни Боспорского царства. На наш взгляд, находки боспорских монет Фарсанза в области днепровского лесостепного Левобережья подтверждают версию тех исследователей, которые говорят о поддержке Фарсанза готскими племенами, а концентрация находок его монет на территории Полтавской, Сумской и Харьковской областей может указать на регион расселения готских племен, отошедших с Боспора. Однако, в то же время, мы осознаем и тот факт, что подтверждение этих гипотез требует привлечение нового археологического материала.

КАТАЛОГ находок монет боспорского царя Фарсанза на территории черняховской культуры

Житомирская область

1. Без точной локализации. Л. с.¹: **ВА[СІЛЕГ]С ФАРС[АНЗОУ]**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность плохая. Хр.: не известно.

Полтавская область

2. С. Веселовка, Диканьковский район. Л. с. : **ВАСІЛЕГЭС ФАРСАНЗОУ**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность хорошая. Вес 6,42 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.

¹ Для всех публикуемых статеров Фарсанза характерно одинаковое изображение на лицевой и оборотной сторонах. Отличия на оборотной стороне вызваны только дифферентом. Здесь и далее, на лицевой стороне (Л. с.) изображен бюст царя вправо, вокруг круговая надпись с титулом и именем царя, ободок из точек; на оборотной стороне (О. с.) помещен бюст императора вправо, под которыми дата NΦ, и справа от него располагается дифферент, ободок из точек.

3. С. Веселовка, Диканьковский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑ[N]ΖΟΥ**. О. с.: Дифферент звезда. Сохранность удовлетворительная, отверстие. Вес 6,50 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
4. Диканьковский район. Л. с.: **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с.: Дифферент звезда. Сохранность хорошая. Вес 7,08 г., 18–20 мм. Хр.: частная коллекция.
5. С. Забродки, Новосанжарский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность хорошая. Вес 7,22 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
6. С. Лаврики, Полтавский район. Л. с.: **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность отличная. Вес 7,6 г., 20 мм. Хр.: не известно.
7. Г. Миргород (берег реки Хорол), Миргородский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность отличная. Вес 6,37 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
8. Решетиловский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность хорошая. Вес 6,98 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
9. С. Старый Хутор, Лохвицкий район. Л. с. : **[ΒΑ]ΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝ[ΖΟΥ]**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная. Вес 7,14 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
10. С. Ступки, Зеньковецкий район. Л. с. : **[Β]ΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная. Вес 7,38 г., 19 мм. Хр.: частная коллекция.
11. С. Ступки, Зеньковецкий район. Л. с.: **[ΒΑΣ]ΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝ[ΖΟΥ]**. О. с.: Дифферент звезда. Сохранность плохая, отверстие. Вес 5,7 г., 19 мм. Хр.: частная коллекция.
12. Без точной локализации. Л. с. : **[ΒΑΣΙΛΕΓΩ]Σ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная. Вес 6,83 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.

Сумская область

13. С. Терны, Недригайловский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ] ΦΑΡΣΑΝΖ[ΟΥ]**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность удовлетворительная. Вес 7,02 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
14. Без точной локализации. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝ[ΖΟΥ]**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность удовлетворительная. Хр.: не известно.
15. Без точной локализации. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность удовлетворительная. Хр.: не известно.

Харьковская область

16. С. Огульцы, Валковский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ. ΦΑΡΣ[ΑΝΖΟΥ]**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная, 20 мм. Хр.: не известно.
17. С. Павлово, Богодуховский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡ[ΣΑΝΖ]ΟΥ**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная. Вес 5,61 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
18. С. Старые Валки, Валковский район. Л. с. : **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О. с. : Дифферент две точки. Сохранность удовлетворительная. Вес 6,78 г., 20 мм. Хр.: частная коллекция.
19. С. Хворостово, Валковский район. **ΒΑΣΙΛΕΓΩΣ ΦΑΡΣΑΝΖΟΥ**. О.с.: Дифферент звезда. Сохранность хорошая. 20 мм. Хр.: не известно.

Черновицкая область

20. Без точной локализации. Л. с. : **ΒΑ[ΣΙΛΕΓΩΣ] ΦΑΡΣ[ΑΝΖΟΥ]**. О. с. : Дифферент звезда. Сохранность плохая. Хр.: не известно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яценко С. А.* Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Петербургский археологический вестник. — СПб., 2007.

2. Шаров О. В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — СПб., 2009.
3. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. — М., 1997.
4. Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. — М., 1970. — № 2.
5. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. — К., 2011.
6. Кругликова И. Т. Боспор в III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований // КСИА, 1962. — Вып. 103.
7. Чорев М. М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. — 2012. — № 4.
8. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — К., 1986.
9. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М., 1972.
10. Болгов Н. Н. Между империей и варварами: Финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. — К., 2004. — № 4.
11. Васильев А. А. О времени появления германских дружин на Боспоре. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб., 2005.
12. Лавров В. В. Готы и Боспор в III в. н. э. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sno.pro1.ru/lib/polis/11.htm>. 01. 04. 2014.
13. Молев Е. А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. — М., 2003.
14. Лот 93: «Монеты городов Северного Причерноморья». — Электронный ресурс. Режим доступа: <http://auktion.violity.com/auction/93-monetu-gorodov-severnogo-prichernomorja> — prichernomorja. 01. 04. 2014.
15. Myzgin K., Beidin G. Finds of Bosporan Coins in the East — European Barbaricum // Notae Numismatae. — Krakov, 2012. — Т. VII.
16. Бейдин Г. В. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры // Древности, 2012: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2012. — Вып. 11.
17. Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242–276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. — М., 1980. — № 1.
18. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблемы этноса. — Lublin, 2001.
19. Шукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. — СПб., 2005.
20. Любичев М. В. Етнокультурна історія дніпро-донецького лісостепу I—V ст. н. е. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. — К., 2013.

Резюме

Бейдин Г. В. Готи на Боспорі: знахідки монет царя Фарсанза в ареалі черняхівської культури

Стаття присвячена знахідкам монет боспорського царя Фарсанза (253/254–254/255 рр. н. е.) в ареалі черняхівської культури. Розглянуто 20 знахідок монет Фарсанза с території п'яти областей України. Проведено зрівняння інтенсивності карбування боспорських монет з 242 по 267 рр. н. е. (539–567 рр. б. е.) з кількістю боспорських монет цього періода знайдених на території черняхівської культури. На основі цього зрівняння був зроблен висновок про перевагу серед знахідок монет царя Фарсанза карбування 550 р. б. е. (253/254 р. н. е.). Це дає можливість припустити участь готських племен, які прийняли участь в формуванні черняхівської культури, в подіях на Боспорі, і в підтримці ними царя Фарсанза. Знахідки боспорських монет Фарсанза в регіоні дніпровського лісостепоного Лівобережжя підтверджує висновки тих дослідників, які говорять про підтримку Фарсанза готами, а концентрація знахідок

його монет на території Полтавської, Сумської і Харківської областей може вказати на регіон розселення готських племен, які відійшли з Боспора.

Ключові слова: статер, Фарсанз, Рискупорид V, Боспорське царство, черняхівська культура.

Резюме

Бейдин Г. В. *Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры*

Статья посвящена находкам монет боспорского царя Фарсанза (253/254–254/255 гг. н. э.) в ареале черняховской культуры. Рассмотрено 20 находок монет Фарсанза с территории пяти областей Украины. Проведено сравнение интенсивности чеканки боспорских монет с 242 по 267 гг. н. э. (539–567 гг. б. э.) с количеством боспорских монет этого периода найденных на территории черняховской культуры. На основании сравнения сделан вывод о преобладании среди находок монет царя Фарсанза 550 г. б. э. выпуска (253/254 г. н. э.). Это дает возможность предположить участие готских племен, принявших участие в формировании черняховской культуры, в событиях на Боспоре, в частности в поддержке ими царя Фарсанза. Находки боспорских монет Фарсанза в области днепровского лесостепного Левобережья подтверждают версию тех исследователей, которые говорят о поддержке Фарсанза готскими племенами, а концентрация находок его монет на территории Полтавской, Сумской и Харьковской областей может указать на регион расселения готских племен, отошедших с Боспора.

Ключевые слова: статер, Фарсанз, Рискупорид V, Боспорское царство, черняховская культура.

Summary

G. Beidin. *Goths on the Bosporus: Finds of Coins Of Pharsanzes in the Area of Chernyakhiv Culture*

The article is devoted to finds of Bosporan coins of Pharsanzes (253/254–254/255 AD) on the area of Chernyakhiv Culture (20 coins of Pharsanzes finds on the territory of the five oblasts of Ukraine). A comparison of the intensity of the Bosporus minting coins 267–242 AD with the amount of Bosporan coins of this period founded on the territory Chernyakhiv Culture. Based on a comparison concluded predominance among the finds of coins of coin finds of Pharsanzes 253/254 AD. This suggests involvement of Gothic tribes who took part in the formation of Chernyakhiv Cultural events in the Bosporus, in particular in support of the Pharsanzes. Finds of Bosporan coins of Pharsanzes in Left bank of Dnieper forest-steppe confirm the version of those researchers who say, that Pharsanzes support of Gothic tribes, and the concentration of finds his coins in Poltava, Sumy and Kharkiv oblasts may indicate of region resettlement Gothic tribes ceded to the Bosporus.

Key words: stater, Pharsanzes, Rhescuporis V, Bosporan Kingdom, chernyakhiv culture.

Ю. В. Буйнов

Восточнополесский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века

научной литературе уже давно утвердилась гипотеза о существовании марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития на территории Днепро-Донской Лесостепи [1, с. 2–45; 2, с. 363–373; 3, с. 15–16]. Ее суть, с указанием на положительные и отрицательные стороны, обстоятельно рассмотрены в специальных историографических и источниковедческих статьях А. В. Корихиной [4, с. 13–18; 5, с. 3–10]. В одной из них она сделала свой личный вывод о том, что в керамическом комплексе поселения Малые Будки имеют место признаки как верхнеднепровского (марьяновского), так и волго-окского (поздняковского и раннетекстильного) происхождения. Это, по ее мнению, «позволяет рассматривать процесс формирования бондарихинской культуры как взаимодействие различных по происхождению компонентов без прямой эволюции марьяновской культуры в малобудковский тип. Более очевидна связь его носителей с традициями культур Поволжья» [5, с. 17–18].

Данный вывод не случаен и в основной части восходит к мыслям Б. Н. Гракова, высказанным им в учебном пособии «Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы». В своих лекционных курсах он высказал гипотезу о генезисе памятников типа Малые Будки — Бондариха на основе не марьяновской, а поздняковской культуры, существовавшей в Волго-Окском междуречье [6, с. 199]. Позже эту точку зрения поддержали С. И. Воловик [7; 8, с. 23–24], С. В. Кузьминых [9, с. 99–102], Я. П. Гершкович [10, с. 61–92], а в последнее время и А. В. Корихина.

О несостоятельности утверждений указанных исследователей по данному вопросу автор статьи доложил в своем докладе на конференции «Проблемы истории и археологии Украины» (2010 г.) [11, с. 16] и в специальной статье, посвященной роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа [12, с. 7–18].

Сам же Б. Н. Граков только упомянул случай о том, что «в верхних слоях отдельных селищ поздняковской культуры на Цне, в пределах Тамбовской области появляются сосуды бондарихинских форм» и в продолжение отмечает: «...не имеем ли мы основание полагать, что культурные варианты, получившие название малобудковской и бондарихинской стадий, представляют собой позднейшее развитие поздняковской культуры?» [6, с. 199–200]. При этом, он не исключал и другой вариант решения данного вопроса, а именно, что «бондарихинские племена шли близким путем развития с поздняковскими, то есть это более западный вариант слияния пришлых срубных племен с неолитообразными по культуре лесными соседями... Родство бондарихинской и поздняковской культур представляется очень возможным, но пока еще остается все-таки гипотетично».

В настоящее время бесспорным является факт наличия в Среднем Поочье поселений с керамикой бондарихинского типа, но без какой-либо стратегической

связи с отложениями поздняковской культуры [12, с. 9]. Исходя из этого, есть все основания утверждать, что из Днепро-Донского региона шло передвижение части «бондарихинцев» в Среднее Поочье, а не наоборот.

По поводу взглядов С. И. Воловика о том, что в сложении малобудковского типа кроме носителей поздняковской культуры приняли участие племена с раннетекстильной керамикой, приказанской, позднесрубной, сосницкой, сабашиновской, фатьяновской и других культур, уместно вспомнить оценку данной гипотезы, высказанную С. В. Кузьминых. Он отмечает, что в исследованиях С. В. Воловика нет четкой системы доказательств. Последний лишь заменил сравнительно-типологический анализ отрывочными и внесистемными аналогиями, которые совершенно не вызывают доверия и оказываются неоправданными [9, с. 99–100].

Сам же С. В. Кузьминых безосновательно утверждает о каком-то широком переселенческом движении из бассейна Оки в Доно-Донецкую Лесостепь, которое произошло в XV—XIII вв. до н. э. Археологической науке подобное переселение неизвестно, если не учитывать появление из восточных регионов студенокской группы памятников в XII в. до н. э. Я. П. Гершковичу принадлежит попытка ввести в научный оборот понятие об «активизации северо-восточной группы племен», под которой он подразумевает носителей поздняковской и раннетекстильной культур [10, с. 80–81]. Исходя из текста его статей, отражением этой «активизации» является появление в керамике ряда культур, в т. ч. и малобудковской, орнаментации в виде позитивных выпуклин («жемчужин») на внешней поверхности сосудов. Однако он же отмечает наличие подобной орнаментации в лесостепной зоне Украины — комаровской и восточно-тшинецкой культурах.

В отношении системы доказательств А. В. Корохиной в немалой степени приемлема оценка С. В. Кузьминых, данная им в адрес С. И. Воловика. В своих публикациях она не привлекла для сравнения ни одного реального поздняковского памятника и только в кандидатской диссертации упомянула поселение Ерахтур V на правом берегу р. Оки [13, с. 13]. Все ее аналогии также бессистемны и касаются самых разных с хронологической точки зрения поздняковских памятников и поселений с раннетекстильной керамикой. Керамика поселения Ерахтур V [14, с. 64, рис. 3] с малобудковскими чертами крайне малочисленна, а весь основной керамический комплекс поздняковской керамики значительно отличается от коллекции из поселения у с. Малые Будки (рис. 1; 2). Наконец отметим и то, что погребальные памятники малобудковского типа с преобладанием в них обряда кремации, несопоставимы с ингумационными погребениями указанных культур Волго-Окского бассейна периода поздней бронзы [15, с. 65–66].

До недавнего времени в понимании автора неизменным оставался тезис о прямой генетической связи, существовавшей между памятниками марьяновского и малобудковского типов, последний из которых в результате тесных этнокультурных контактов с постсрубными и студенокскими культурными образованиями окончательно сформировал бондарихинскую культуру финала бронзового века [16, с. 7–17].

Справедливости ради нужно отдать должное А. В. Корохиной за то, что она обратила внимание на наличие в керамике из Малых Будок не только марьяновского, но и иного культурного компонента, в котором она видит керамические традиции волго-окских культур, это замечание стимулировало автора данной статьи начать поиск более реалистичной идентификации этого этнокультурного компонента. О его результатах речь пойдет ниже.

С помощью картографирования малобудковских памятников было установлено, что их ареал охватывает большую часть Днепро-Донской Лесостепи по направлению от рек Сейма и Сулы на северо-западе до Среднего Подонцовья на юго-востоке (рис. 3). Другими словами, его вектор указывает на восточнорусское Полесье, а точнее на его Новгород-Северскую физико-географическую область, расположенную

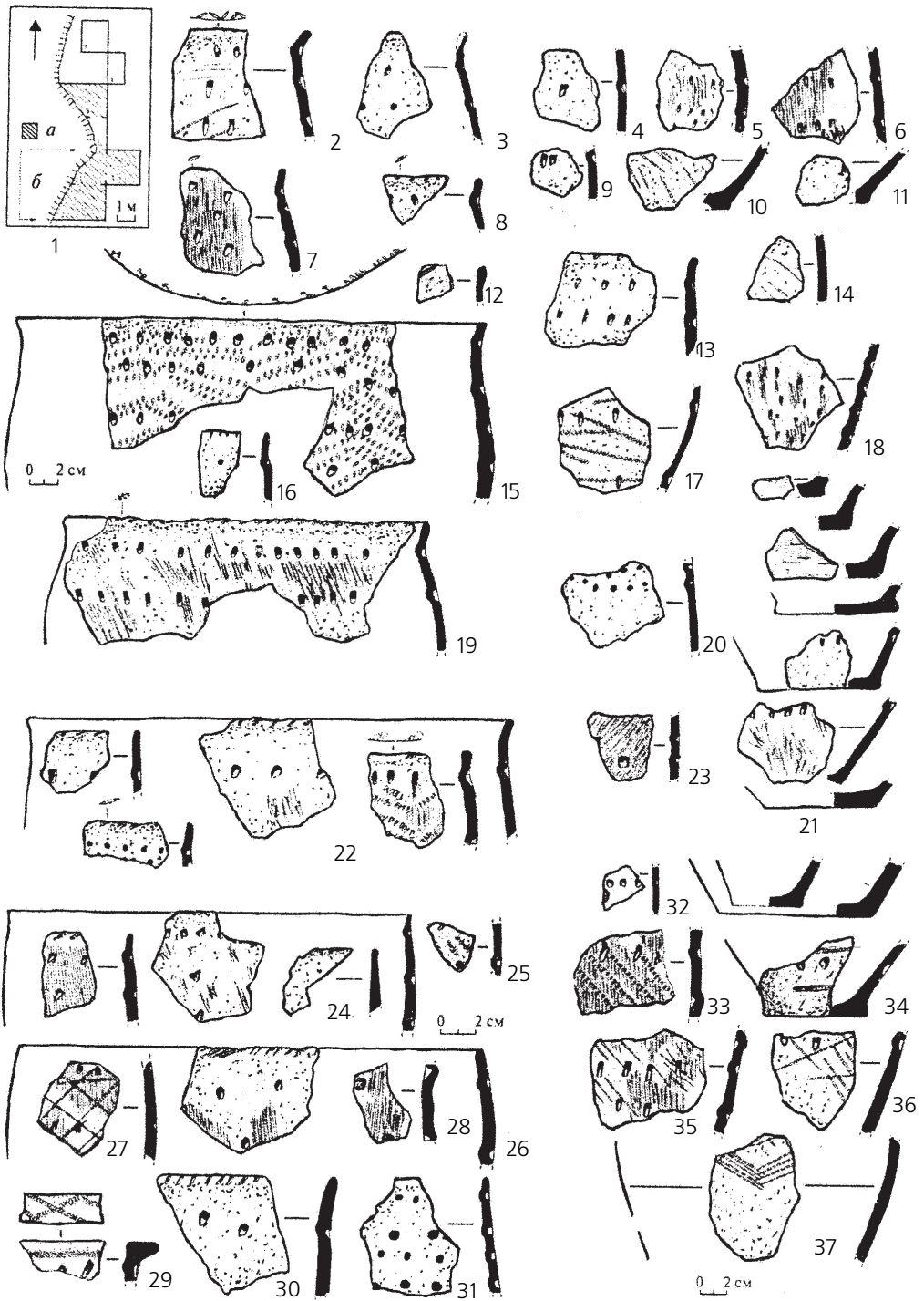

Рис 1. Керамика из поселения у с. Малые Будки (по: [4, рис. 1-3])

Fig. 1. Ceramics from settlements at Malye Budki (by [4, Fig. 1-3])

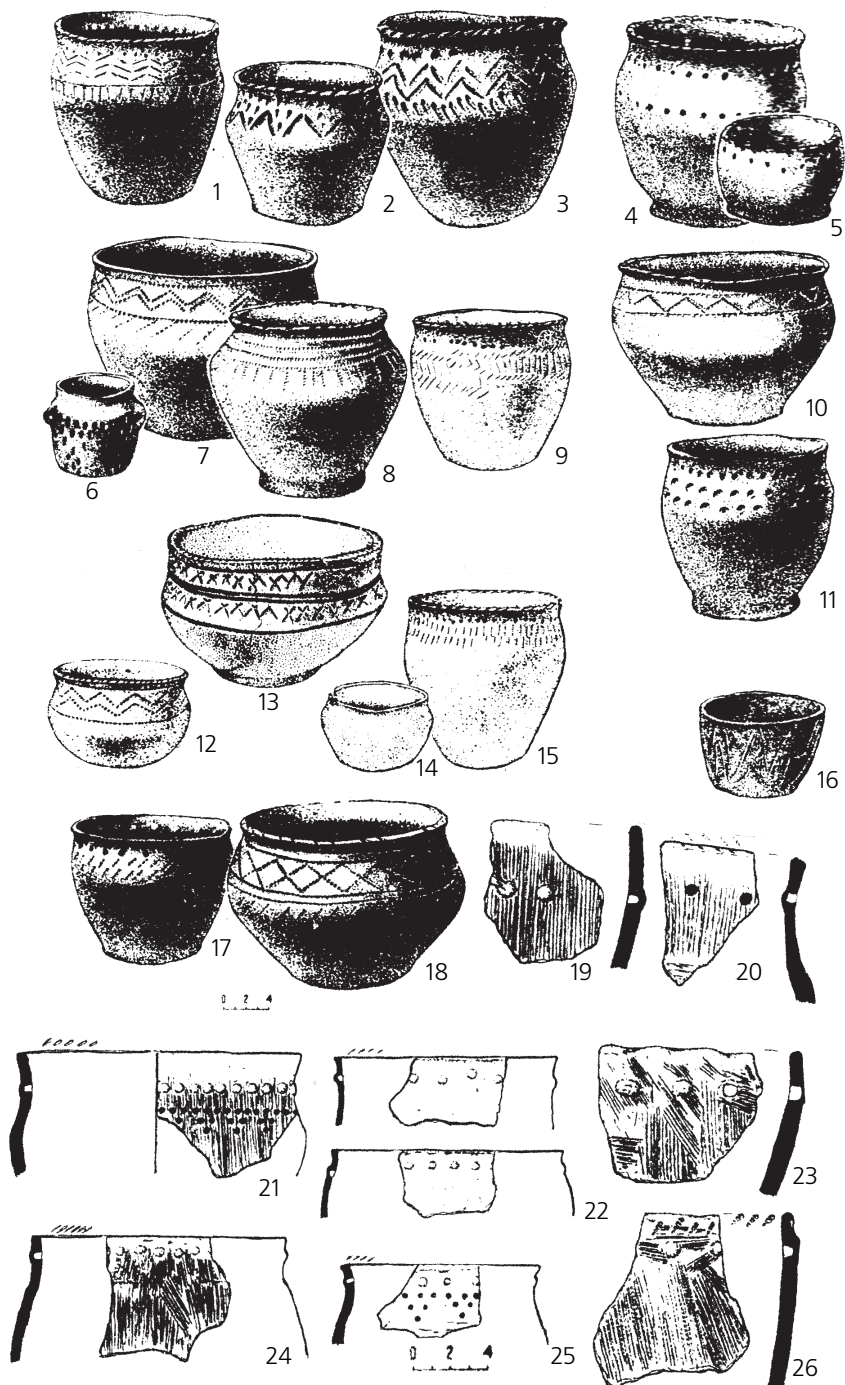

Рис. 2. Керамика поздняковской культуры
 1–17 – из могильника Фефелов бор по [34, рис. 3–7]; 18–26 – из поселения Ерахтур V по: [14, рис. 1–6]
 Fig. 2. Ceramics of Pozdnyakovskaya culture:
 1–17 – of burial Fefelov boron by [34, Fig. 3–7]; 18–26 – of settlements Erahtur V by [14, Fig. 1–6]

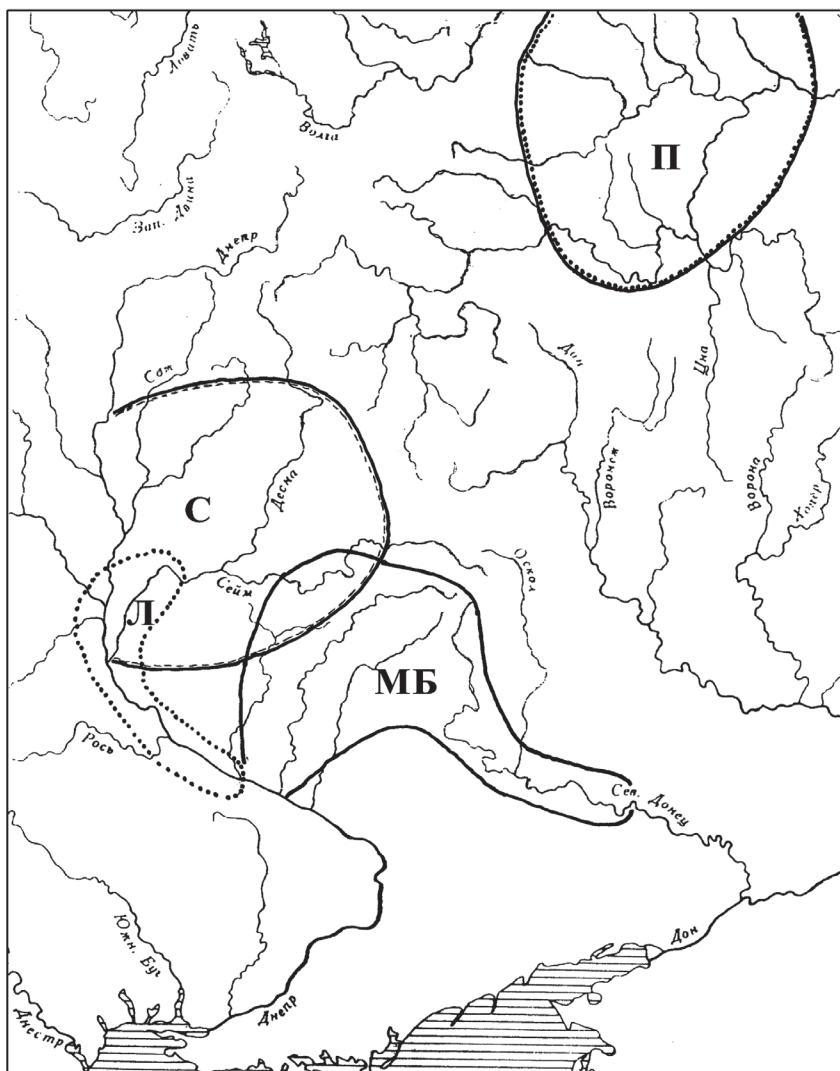

Рис. 3. Карта ареалов лебеловской (Л), поздняковской (П) культур, малобудковского типа (МБ) и сосницкого варианта (С) восточно-тшинецкой культуры (составлена Ю. В. Буйновым)

Fig. 3. Map of areas Lebelovskaya (L), Pozdnyakovskaya (P) cultures Malo-budkovskij type (MB) and Sosnitskiy variant (S) East Tshinetskaia culture (compiled by Yu. V. Buynov)

на северо-западном склоне Воронежского кристаллического массива Среднерусской возвышенности. В его границах находится северо-восточная часть Черниговской, северо-западная часть Сумской областей Украины и, частично, Брянская область России [23, с. 129]. Основная гидросистема этого региона состоит из бассейнов Десны и Сейма до места их слияния, а также верховый р. Сула.

В позднем бронзовом веке здесь бытовали две археологические культуры — марьяновская и сосницкая (сосницкий вариант восточно-тшинецкой культуры по С. С Березанской). О месте и роли первой из них в генезисе малобудковских памятников уже известно довольно многое, а вот об участии сосницкой культуры в этом процессе практически никто не писал. Обычно исследователи констатировали факт близкого

СТАТЬИ

сходства между лебедовской культурой в Черниговском Полесье и Среднем Приднестровье, восходящей своими корнями к сосницким памятникам, и бондарихинской культурой Левобережной Лесостепи, но дать объяснение этому явлению они не смогли [17, с. 213–214; 18, с. 79; 19, с. 112]. Автор статьи лишь один раз поставил вопрос о возможном наличии у них общей генетической основы, состоящей из двух разных этнокультурных образований — сосницкого и марьяновского, при явном разновеликом проявлении степени их родства по отношению к указанным культурам [20, с. 145–158].

В этой связи на гипотетическом уровне сделаем попытку рассмотреть вопрос о возможном участии сосницкой культуры в генезисе памятников малобудковского типа. Согласно выводам С. С. Березанской среди памятников сосницкого варианта наблюдается некоторое различие. Те из них, которые расположены в районе Сосницы, по Десне и Сейму, наиболее своеобразны. В их керамических комплексах особенно много черт, возникших в результате контактов с племенами срубной, абашевской, поздняяковской и марьяновской культур [21, с. 122, 131; 22, с. 121].

Из всего множества сосницких памятников нас интересуют самые поздние из них, которые обычно датируются XIII—XII вв. до н. э. [21, с. 141]. Совершенно иную дату этих памятников определяет И. И. Артеменко, который отнес ее к XI—IX вв. до н. э. [19, с. 111–112]. В большинстве случаев приведенные им артефакты для такой хронологии касаются лебедовской культуры, а находки из поселения Мошны находят аналогии среди позднесабатиновской культуры [24, с. 104, рис. 30, 27]. Только более поздними являются курганы Брянской области, в которых найдены вещи маклашеевской культуры [25, с. 49], но их принадлежность к сосницким памятникам еще окончательно не решена. В Новгород-Северском Полесье известно несколько десятков позднесосницких памятников, часть из которых опубликована, а материалы многих из них хранятся в местных краеведческих музеях Новгород-Северска и Путивля. Ниже рассмотрим наиболее информативные материалы некоторых из них.

Поселение у с. Беседовка в урочище Белопольских в Посулье [26, с. 141–145]. Исследовалось в 1949 г. Е. В. Махно. При раскопках был обнаружен открытый глинобитный очаг, возле которого лежало большое количество обломков лепной посуды с хорошо заглаженной и лощеной поверхностью с примесью мелкого песка в глиняном тесте. Автор раскопок разделил всю найденную посуду на две группы.

Первую из них составляют большие сосуды со слабопрофилированным корпусом и прямыми венчиками, украшенные треугольными ямками (тычками), расположенными в один или два ряда в верхней части корпуса (рис. 4: 1–2). Внешняя поверхность некоторых фрагментов покрыта мелкими гребенчатыми расчесами, что очень близко напоминает керамику малобудковского типа.

Ко второй группе принадлежит горшковидающая посуда средних размеров с отогнутыми наружу венчиками и достаточно стройным корпусом. Ее выглаженная поверхность почти сплошь украшена на сосницкий манер несложным геометрическим орнаментом в виде треугольников, ромбов и других фигур, которые очерчены полосками тонких параллельных бороздок, между которыми встречаются ряды косых наколов (рис. 4: 2–5). Е. В. Махно акцентировала внимание на то, что скопление этой керамики и костей животных на утрамбованном полу вокруг очага указывает на наличие в этой части раскопа остатков жилища сосницкой культуры. Часть фрагментов аналогичной посуды происходят из культурного слоя с чертами, свойственными как сосницким, так и малобудковским традициям (рис. 4: 6–10).

Поселение возле хутора Гай на левом берегу Сулы [27, с. 51–52]. Открыто и прощурфовано В. А. Ильинской в 1953 г.

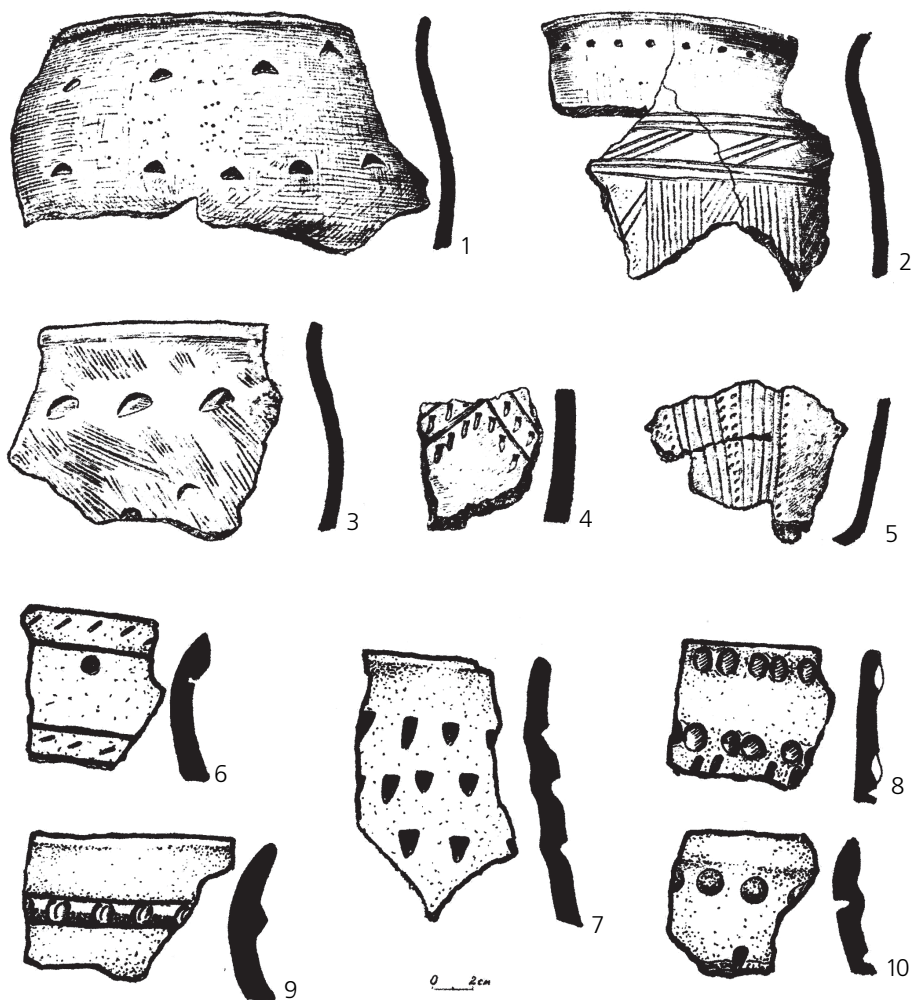

Рис. 4 Керамика позднего периода сосницької культури у с. Беседовка:
1–5 – по: [26, с. 142]; 6–10 – по: [Научный фонд ИА НАН Украины. Рисунки Ю. В. Буйнова]

Fig. 4. Ceramics of late period Sosnytskaya culture at s. Besedovka:
1–5 – on [26, p. 142] 6–10 – by: [Science Foundation IA NAS. Drawings by Yu. V. Buynov]

Основной формой сосудов, происходящей из этого памятника, были высокие горшки с округлым корпусом, расширяющимся возле плечиков и плавно сужающимся ко дну. Внешняя сторона венчиков часто имеет форму воротничка с косо срезанным краем. Встречаются и простые гладкие венчики с округлым утолщением. Глина содержит примесь мелкого песка, иногда слюды. Поверхность сосуда обычно хорошо заглажена. Многие фрагменты орнаментированы рядами параллельных нешироких желобков, нанесенных концом округлой палочки и образующих различные геометрические узоры (рис. 5: 25, 32, 35). На отдельных сосудах этот орнамент встречается в сочетании с косыми насечками (рис. 5: 29, 33, 34). Встречается также заштриховка поверхности гребенчатым штампом (рис. 5: 28, 41). Известны отиски зубчатого чекана (рис. 5: 38, 40), ряды треугольных вдавлений (тычков), нанесенных концом поставленной под углом щепки (рис. 5: 28, 37, 39).

Рис. 5. Материалы сосницкой культуры из Полесья: 1-7 – по: [29, с. 200]; 8-23 – по: [28, рис. 5]; 24-41 – по: [27, табл. 11]

Fig. 5. Materials Sosnytskaya culture of Polesye: 1-7 – [29, p. 200] at 8-23 – [28, Fig. 5]; 24-41 – by: [27, tab. 1]

СТАТЬИ

Шейка сосудов в большинстве случаев украшалась «жемчужинами». На одном из обломков было два ряда круглых наколов и «жемчужин» (рис. 5: 24). Края венчиков бывают украшены косыми насечками или оттисками зубчатого штампа (рис. 5: 28, 30, 31, 36). Корпус одного почти целого сосуда был орнаментирован тремя горизонтальными рядами «жемчужин» в сочетании с прочерченным узором (рис. 5: 26). В. А. Ильинская относит этот памятник к сосницкой культуре и видит в нем ближайшую аналогию поселение у села Беседовка.

Поселение у села Комаровка в устье р. Снагость, левого притока Сейма [28, с. 75–83]. Раскапывалось Э. А. Сымоновичем в 1972 г.

По убеждению О. Н. Мельниковской, этот памятник относится к позднесосницкой культуре. Наиболее ярким подтверждением этому выводу является образец тюльпановидного горшка, украшенного по венчику зигзагообразными оттисками зубчатого штампа и горизонтальными рядами круглых ямок по корпусу в сочетании с горизонтальными в «елочку» оттисками штампа в виде «колючей проволоки» (рис. 5: 10). Не менее типичными для сосницкой культуры являются сосуды с линейными узорами, которые образуют параллельные горизонтальные полосы и заштрихованные треугольники, иногда с «жемчужным» орнаментом (рис. 5: 11, 17, 21). Некоторые горшки по сосницкой традиции украшались в основании шейки одним рядом круглых ямок (рис. 5: 12, 23). В то же время имеется группа керамики, орнаментированная треугольными и прямоугольными тычками по ее корпусу и косыми оттисками «гусеничного» штампа по краю венчика (рис. 5: 12, 16, 20).

Очень интересен сосуд, украшенный тремя горизонтальными рядами тычков в сочетании с двойным рядом спаренных зигзаговидных полос (рис. 5: 22). На внешней поверхности многих фрагментов заметны гребенчатые расчесы. Некоторые из них в равной мере могут быть определены как позднесосницкие и бондарихинские [28, с. 78].

Поселение в урочище Колодезный бугор на правом берегу Десны вблизи г. Новгород-Северский [29, с. 199–203]. Раскопки были проведены в 1969 г. П. Н. Третьяковым.

По его данным на этом памятнике была исследована двухкамерная землянка (рис. 5: 1), что характерно для сосницкой культуры. На ее полу были найдены 64 фрагмента, принадлежавших 20 сосудам. По форме они представлены выпуклобочными горшками с несколько отогнутым наружу венчиком и относительно узким плоским дном (рис. 5: 2–7). Все они изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью песка. Их поверхность гладкая, иногда носит следы сглаживания в виде легкой штриховки.

Господствующими элементами орнамента, украшавшего керамику из землянки, являются «жемчужины», расположенные в 1–3 ряда и желобчатый узор. Иногда они сочетались с налепным валиком, круглыми ямками, тычками, оттисками зубчатого штампа и нарезками, образующими треугольные заштрихованные фестоны.

Поселение у с. Марьяновка-Бунякино в пойме правого берега р. Сейм в урочище Пески [30, с. 1–8]. Раскопки проведены в 1977 г. И. И. Артеменко.

Обнаружено жилище, состоящее из двух помещений, разделенных невысоким порогом. Найденная в нем керамика позднесосницкой культуры представлена тюльпановидными и горшковидными сосудами с отогнутыми венчиками, край которых утолщен и косо срезан наружу (рис. 6: 2, 5, 11, 12, 21–23). Сосуды орнаментированы резным геометрическим орнаментом, выполненным концом тонкой палочки (рис. 6: 4, 9, 12, 21), желобчатым узором (рис. 6: 6, 8), «жемчужинами» в сочетании с тычками (рис. 6: 6, 23), круглыми ямками в основании шейки (рис. 6: 3, 22) и оттисками зубчатого штампа (рис. 6: 9, 10, 12, 20). Внешняя поверхность части фрагментов покрыта гребенчатыми расчесами (рис. 6: 16, 18, 19). Несколько горшков в основании шейки украшены налепными валиками, расчлененными косыми насечками (рис. 6: 5, 13),

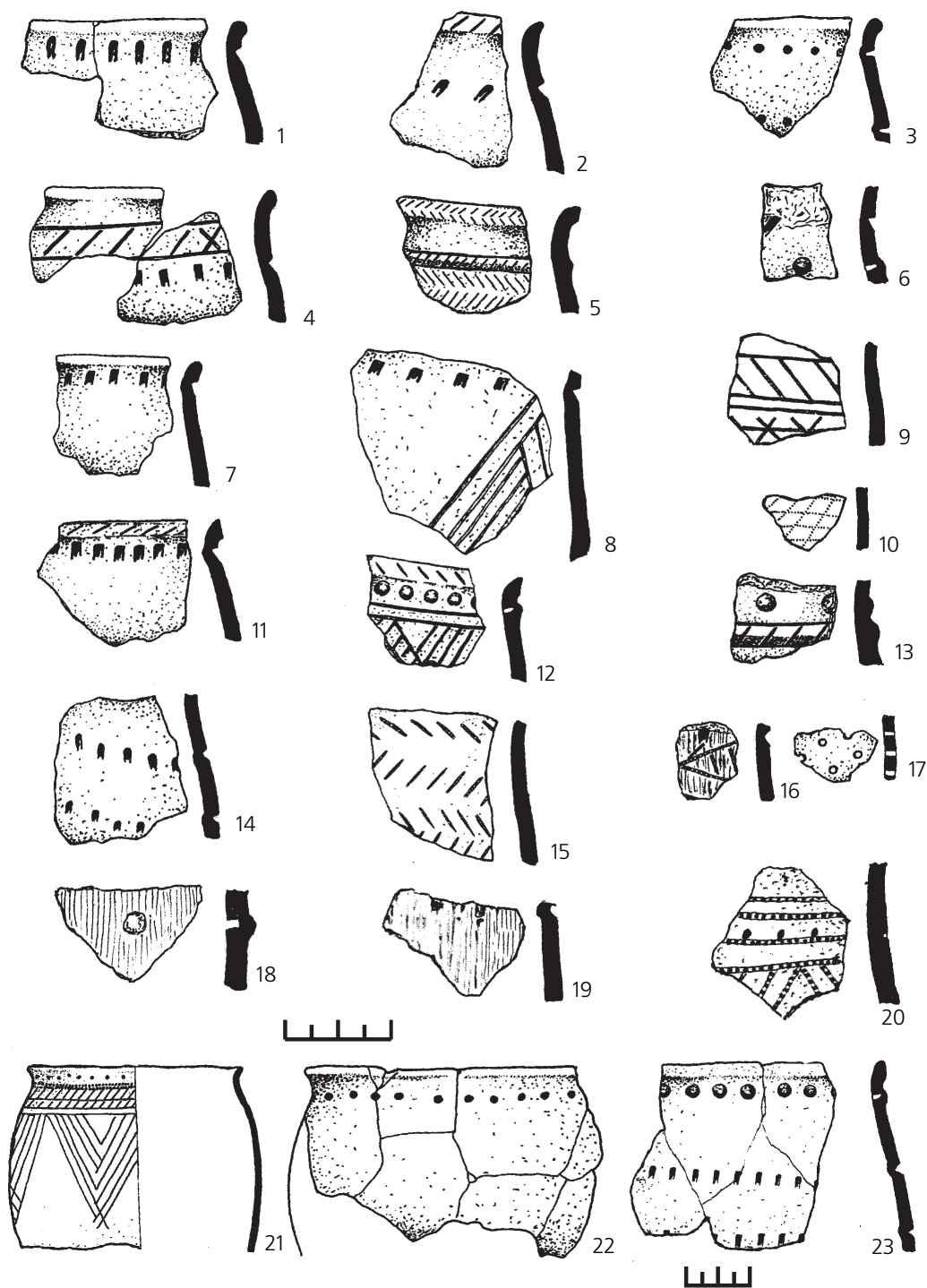

Рис. 6. Керамика сосницкой культуры из поселения Марьяновка (по: [30, альбом])
 Fig. 6. Ceramics of Sosnytskaya culture settlement of Maryanovka (at [30 album])

характерными для богуславско-белозерской культуры второй половины XIII в. до н. э. Края венчиков сосудов бывают гладкими или орнаментированы косыми и елочными насечками (рис. 6: 2, 5, 11).

Многие фрагменты украшены тычками или круглыми ямками в сочетании с отрисками зубчатого штампа и гребенчатыми расчесами, практически ничем не отличаются от малобудковских образцов. Пожалуй Марьяновское поселение наиболее ярко отражает генетическую связь между позднесосницкой культурой и памятниками малобудковского типа. В научном отчете И. И. Артеменко написано: «Материалы сосницкой культуры марьяновского поселения аналогичны материалу с поселения у хут. Пустынка Черниговской области, датируемое С. С. Березанской XIII—XII вв. до н. э.» [30, с. 7].

Поселение в урочище Грудок у с. Почеп в верховьях Десны (Брянская область) [31, с. 65–69; 32, с. 146–157]. Исследовано Ф. М. Заверняевым во время масштабных работ 1955–1960 гг. по реке Десне и ее притоку Судости.

Продолжительное время культурно-хронологическая принадлежность этого памятника, как и ряда других ему подобных поселений в Верхнем Подесенье оставалась невыясненной. Автор раскопок первоначально отнес его к юхновской культуре раннего железного века, но в одной из своих публикаций он утверждал, что в указанном районе широкое распространение получила керамика, «характерная для памятников бондарихинского типа, хотя отдельные сосуды имеют сходство с керамикой позднесрубной культуры» [31, с. 65]. В конце своих исследований он пришел в выводу, что все памятники почепского типа сложились на древней местной основе под влиянием племен срубной культуры [32, с. 157]. Сейчас все специалисты в области археологии позднего бронзового века не сомневаются в их принадлежности к позднесосницкой культуре. По находкам каменных привязных топоров (рис. 7: 15–16), найденных на этом памятнике, его можно датировать позднесрубным временем, не позднее XIII в. до н. э.

Керамика этого поселения плоскодонная, с выпуклыми стенками, слегка суженной шейкой, отогнутым венчиком с косо срезанным наружу краем (рис. 7: 6–8, 10, 11). Для нее характерны «жемчужный» орнамент по шейке сосудов и невысокий уплощенный налепной валик (рис. 8: 1, 2, 4, 8, 15). Присутствует орнамент из желобков (рис. 8: 2, 16), зубчатого (рис. 8: 6, 12) и гребенчатого штампа (рис. 8: 15). Многие сосуды были орнаментированы тычками, иногда сгруппированными в т. н. «гроздь винограда» (рис. 8: 3, 5, 7), но чаще всего они встречаются с «жемчужинами» (рис. 8: 3, 5, 10). Несколько фрагментов украшены небрежно прочерченными линиями или отпечатками шнура, образующими несложные геометрические узоры. Как правильно заметил П. Н. Третьяков, она «несколько похожа на бондарихинскую» [33, с. 159].

Таким образом, приведенные выше факты и данные позволяют нам в очередной раз полностью отказаться от гипотезы, выдвинутой некоторыми исследователями о генетической связи памятников малобудковского типа с культурами Волго-Окского бассейна — поздняяковской и с раннетекстильной керамикой. Имеющиеся данные указывают на восточнополесский вектор генезиса бондарихинских памятников, где в бассейнах Десны, Сейма и Сулы в позднем бронзовом веке существовали племена марьяновской и позднесосницкой культур. Именно в них автор статьи видит истоки формирования памятников типа Малых Будок, представляющий собой ранний период бондарихинской культуры. Об этом свидетельствует не только близость их носителей в материальной культуре, но и непосредственная стыковка ареалов на полесско-лессостепном пограничье при отсутствии хронологического разрыва в развитии указанных этнокультурных образований.

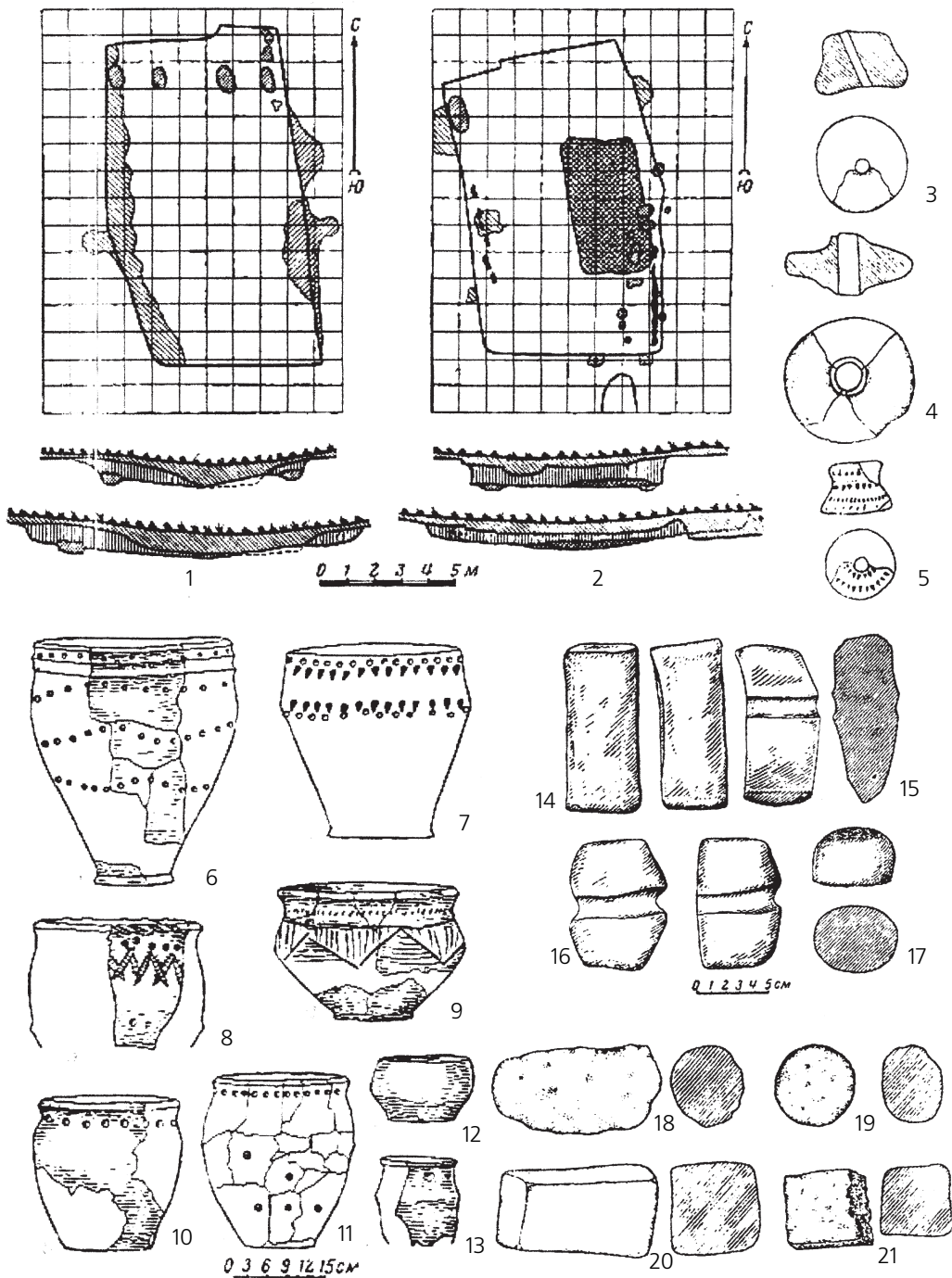

Рис. 7. – Материалы из поселения у с. Почеп (по: [32, с. 146–157]):
 1–2 – планы и профили жилищ; 3–5 – глиняные пряслицы; 6–13 – сосуды; 14–21 – каменные орудия труда

Fig. 7. Materials from the settlement at s. Pochep (by [32, p. 146–157]):
 1–2 – plans and profiles of dwellings; 3–5 – clay whorls; 6–13 – containers; 14–21 – stone tools

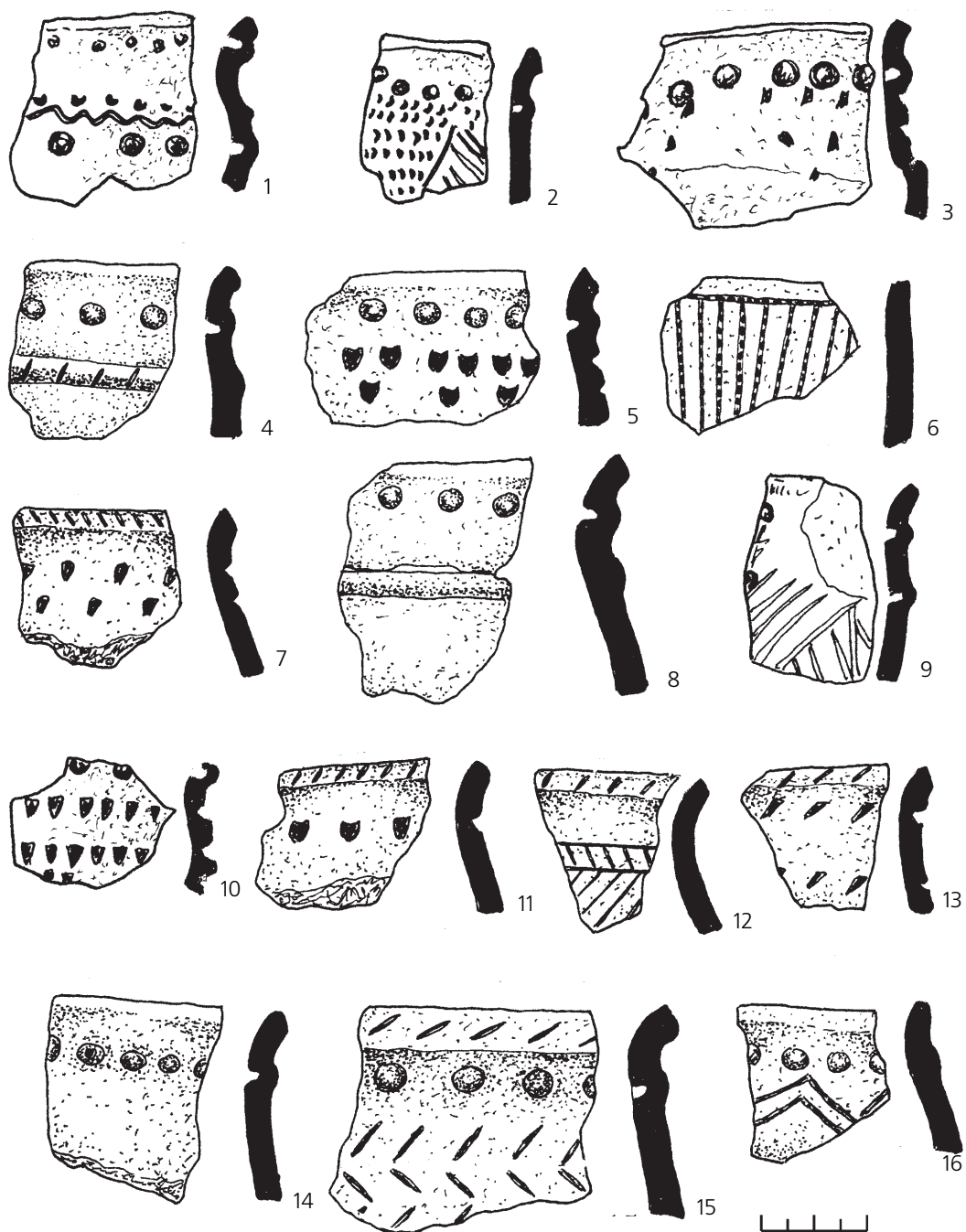

Рис. 8. Керамика сосницкой культуры из Почепского поселения (по: [31, с. 66–68; 32, с. 148–152])
 Fig. 8. Ceramics of Sosnytskaya culture settlement of Pochepsky (by [31, p. 66–68, 32, p. 148–152])

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА. — 1961. — № 1.
2. *Березанська С. С., Іллінська В. А.* Мар'янівсько-бондарихінська культура // Археологія Української РСР — К., 1971.
3. *Буйнов Ю. В.* О марьяновской линии этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины: тез. докладов. — Х., 2001.
4. *Корохіна А. В.* До походження бондарихінської культури // Археологія. — 2009. — № 3.
5. *Корохіна А. В.* Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихінської культури // Археологія. — 2010. — № 1.
6. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. — М., 1977.
7. *Воловик С. И.* Бондарихинская культура (проблема происхождения). — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1995.
8. *Воловик С. И.* К вопросу о сложении бондарихинской культуры // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: тез. докл. — Х., 1995.
9. *Кузьминских С.В.* О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). — Донецк, 1996.
10. *Гершкович Я. П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. — Донецк. — 1998. — № 7.
11. *Буйнов Ю. В.* К вопросу о генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины: тез. докл. — Х., 2010.
12. *Буйнов Ю. В.* О роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века // Вісник ХНУ. — 2011. — Вип. 43.
13. *Корохіна А. В.* Кераміка бондарихінської культури. — Автореф. канд. ... іст. наук. — К., 2011.
14. *Челяпов В. П.* Поселение поздняковской культуры Ерахтур V // Археологические памятники Среднего Поочья. — Рязань. — 1998. — Вып. 7.
15. *Буйнов Ю. В.* Поховальні пам'ятки та обряд племен бондарихінської культури // Археологія. — 2006. — № 4.
16. *Буйнов Ю. В.* К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры // Вісник ХНУ. — 2009. — Вип. 41.
17. *Березанская С. С.* Лебедовская культура эпохи бронзы в Лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. — К., 1976.
18. *Савчук А. П.* Пам'ятки лебедівського типу // Археологія. — 1978. — № 25.
19. *Артеменко И. И.* Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1981.
20. *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей // Вісник ХНУ. — 2004. — Вип. 36.
21. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. — К., 1972.
22. *Березанская С. С.* Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днестре. — К., 1974.
23. *Маринич О. М.* Зона мішаних лісів // Фізична географія Української РСР. — К., 1982.
24. *Шарафутдинова И. И.* Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
25. *Халиков А. Х.* Приказанская культура // САИ. — 1980. — Вып. В1–24.
26. *Махно Є. В.* Нові пам'ятки епохи бронзи в Київській та Сумській областях // Археологія. — 1957. — Т. X.

27. *Іллінська В. А.* Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу // Археологія. — 1957. — Т. X.
28. *Мельниковська О. М., Симонович Є. О.* Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї // Археологія. — 1975. — № 15.
29. *Третяков П. Н.* Землянка бронзового века в Среднем Подесенье // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975.
30. *Артеменко И. И., Неприна В. И., Моргунов Ю. Ю., Загребельный А. Н.* Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции в 1977 г. — Научный архив ИА НАН Украины. — К., 1977. — Дело 1980/12 «а».
31. *Заверняев Ф. Н.* Поселение эпохи бронзы на Десне // КСИА. — 1960. — Вып. 10.
32. *Заверняев Ф. Н.* Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны // СА. — 1964. — № 1.
33. *Третяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. — М.; Л., 1966.
34. *Попова Т. Б.* Грунтовой могильник поздняковской культуры под Рязанью // Труды ГИМ. — М., 1988. — Вып. 68.

Резюме

Буйнов Ю. В. *Восточнополесский вектор генезису памятников малобудковського типу фіналу бронзового століття*

Серед питань, пов'язаних з вивченням бондарихінської культури, найбільш актуальною є проблема її походження. В даний час існують дві протилежні гіпотези про її генезу. Одна група дослідників бачить її джерела в мар'янівській культурі, інша — у поздняківській і раннетекстильній культурах. При цьому основна увага приділяється поселенню у с. Малі Будки і йому подібним пам'яткам, що представляють ранній етап бондарихінської культури. Автор статті намагається знайти генетичні корені пам'ятників малобудковського типу в сосницькій культурі на пізньому етапі її розвитку, яка жила в Новгород-Сіверському Поліссі. Про це переконливо можуть свідчити дані картографії та матеріали багатьох пам'ятників басейну річок Сула, Сейм і Десна пізнього бронзового століття. Важливо відзначити той факт, що ці культури не мають між собою ні територіального, ні хронологічного розриву.

Ключові слова: поселення Малі Будки, бондарихінська, сосницька й поздняківська культури, бронзовий вік, Новгород-Сіверське Полісся, Волго-Окський регіон, Лівобережна Лісостепова Україна.

Резюме

Буйнов Ю. В. *Восточнополесский вектор генезиса памятников малобудковського типа фіналу бронзового века*

Среди вопросов, связанных с изучением бондарихинской культуры, наиболее актуальной является проблема ее происхождения. В настоящее время существуют две противоположные гипотезы о ее генезисе. Одна группа исследователей видит ее истоки в марьяновской культуре, другая — в поздняковской и раннетекстильной культурах. При этом основное внимание уделяется поселению у с. Малые Будки и ему подобным памятникам, представляющим ранний этап бондарихинской культуры. Автор статьи пытается найти генетические корни памятников малобудковского типа в сосницкой культуре на позднем этапе ее развития и обитавшей в Новгород-Северском Полесье. Об этом убедительно могут свидетельствовать данные картографии и материалы многих памятников бассейна рек Сула, Сейм

и Десна позднего бронзового века. Важно отметить тот факт, что эти культуры не имеют между собой ни территориального, ни хронологического разрыва.

Ключевые слова: поселение Малые Будки, бондарихинская, сосницкая и поздняя культура, бронзовый век, Новгород-Северское Полесье, Волго-Окский регион, Левобережная Лесостепная Украина.

Summary

Y. Bujnov. *East Forest Zone Vector Genesis of Monuments Malobudkovskij Type Finals of the Bronze Age*

Among the issues related to the study Bondarihinskaya culture, the most urgent is the problem of its origin. Currently, there are two opposite hypothesis and its genesis. One group sees its origins in Maryanovskaya culture, another — in Pozdnyakovskaya and Earlytextile cultures. In this case, focus on the settlement at s.Malye Budki and his like monuments representing early stage Bondarihinskaya culture. The author tries to find the genetic roots of monuments Malobudkovskij type Sosnytsya culture at a late stage of its development, and dwelt in Novgorod-Seversky Polessie. This is convincingly may indicate the mapping data and materials from many monuments basins Sula, Sejm and Desna of the Late Bronze Age. It is important to note the fact that these cultures have among themselves neither territorial nor chronological gap.

Key words: village Malye Budki, Bondarihinskaya, Sosnitskaya and Pozdnyakovskaya Culture, Bronze Age, Novgorod-Seversky Polessye, Volga-Oka region, left bank forest-steppe Ukraine.

С. А. Горбаненко, Ю. О. Пуголовок

Продукти землеробства у літописній Лтаві

же понад чверть століття тривають активні дослідження літописної Лтави. За цей час накопичився великий масив різноманітних матеріалів, які дослідники оперативно вводять у науковий обіг (див., напр.: [1–3]). Завдячуючи зростанню кількості таких матеріалів, доступних для подальших досліджень, стає можливим і якісний аналіз за окремими категоріями або напрямками. У пропонованій статті розглянуто всі дані, пов'язані з землеробством. До них належать палеоетноботанічні матеріали, знаряддя землеробства, археологічні відображення способів зберігання продуктів землеробства. Перші представлено відбитками зернівок і насіння культурних рослин і бур'янів на виробках з глини. Завдяки аналізу цих матеріалів можемо скласти уяву про зернове господарство давніх мешканців літописної Лтави. Однак ці дані не можуть дати відповідь на питання про місце вирощування рослин. Те саме можна сказати і про способи зберігання врожаю: обидва варіанти (зберігання насипом у якихось спорудах, або у ємкостях придатних до транспортування) не можуть засвідчити, чи були продукти місцевими, чи їх постачали.

Зазвичай лише знаряддя землеробства відображають усі процеси, пов'язані з землеробською працею. Забігаючи наперед, скажемо, що з цієї категорії знахідок на території давньої Лтави досі не було виявлено жодної деталі знаряддя для обробітки ґрунту і збирання врожаю. З-поміж матеріалів відомі лише знаряддя для переробки врожаю (зернотерки і жорна), що засвідчують лише споживання продуктів землеробської праці. Саме тому, що немає жодних прямих чи хоча б опосередкованих підтверджень місцевого вирощування зернових, розділ названо «використання продуктів землеробства».

1. Палеоетноботанічні дослідження

За період з 2000 р. до цього часу нами переглянуто колекцію виробів з глини з літописної Лтави з метою зняття відбитків зернівок і насіння культурних та бур'янових рослин¹. Зняття відбитків проводилося за загальноживаною методикою, вперше використаною в СРСР З. В. Янушевич, суть якої полягає в заповненні порожнини від зернівок чи насіння пластичним матеріалом (пластиліном) і отримання її моделі, яку потім можна визначити за зовнішніми ознаками [6]. Надалі культурні рослини визначено завдяки їх порівнянню з раніше визначеними аналогічними зразками і широким колом публікацій на цю тему; для визначення відбитків зернівок бур'янів також використано атлас-визначник бур'янів України [7]. За результатами аналізу складено палеоетноботанічні спектри (ПБС) зернівок культурних рослин за кількістю (базові поняття див.: [8]), а також зроблено перерахунки за масою [9].

Матеріал репрезентує два періоди існування поселення: період існування роменських традицій (з переважанням ліпної кераміки) і давньоруський час (в основному

¹ Збір даних з палеоетноботаніки — С. А. Горбаненка, визначення — Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненка; попередні публікації: [4; 5].

представлений кружалними горщиками). Інформативна насиченість та цінність поділяється відповідно до способу формування посуду. У посуді, ліпленому від руки, трапляється набагато більше всіляких випадкових домішок, у тому числі й органічного походження, які можна простежити за порожнинами, що залишилися після їх вигорання. Посуд, виготовлений на швидкому гончарному крузі, зазвичай набагато досконаліший: тісто добре вимучене, у ньому практично відсутні великі домішки (до яких можна зарахувати навіть зернівки культурних рослин), горщики в основному тонкостінні.

Як вважають майже всі дослідники (див., напр.: [10] та багато ін.), ліпна кераміка відповідає домашньому виробництву посуду для власних потреб, тоді як кружалні горщики виготовляли в основному професіонали, відповідно — здебільшого для розповсюдження продукції. Завдяки виготовленню посуду у домашніх умовах для власних потреб, до формувальної маси потрапляло набагато більше випадкових домішок. Кружална кераміка, відповідно, демонструє протилежну тенденцію: виготовлена майстром, вона містить надзвичайно малу кількість випадкових домішок.

У результаті перегляду роменських матеріалів виявлено 125 одиниць зернівок і насіння культурних і бур'янових рослин (табл. 1). З них визначено 123 відбитки: 114 відбитків культурних рослин, 9 — бур'янів. За зменшенням кількості, культурних зернових: 30 проса (очищене — пшоно, а також у плівках) (*Panicum miliaceum*), 29 ячменю плівчастого (*Hordeum vulgare*), 27 жита (*Secale cereale*), 11 пшениці двозернянки (*Triticum dicoccon*), 10 пшениць м'яких голозерних (*Triticum aestivum* s. l.), 6 вівса (не визначеного до виду) (*Avena* sp.) (рис. 1, a1); технічних: 1 конопель (*Cannabis* sp.); зернівок бур'янів: 6 стоколосу (не визначеного до виду) (*Bromus* sp.), 3 мишію (не визначеного до виду) (*Setaria* sp.). Також 2 зернівки бур'янів не визначено.

Таблиця 1

Знахідки відбитків зернівок культурних і бур'янових рослин на виробках з глини

Рік	Місце знахідки матеріалу		Культурні рослини							Бур'яни			Усього	
			Злакові							Технічні				
	Частина пам'ятки	Розкоп, об'єкт	<i>Panicum miliaceum</i>	<i>Triticum dicoccon</i>	<i>Triticum aestivum</i> s. l.	<i>Hordeum vulgare</i>	<i>Secale cereale</i>	<i>Avena</i> sp.	<i>Cannabis</i> sp.					<i>Bromus</i> sp.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1. Роменські матеріали														
1997	Інститутська гора, с.-п.	Р. 1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2
1997	Там само	Р. 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1997	» »	Р. 3	—	—	—	—	1	—	—	1	3	—	—	5
1997	» »	Р. 4	—	2	1	3	5	2	—	—	—	—	—	13
1997	» »	Р. 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1997	» »	Р. 6	1	2	2	2	1	—	—	—	—	—	1	9
1997	» »	Р. 7	3	1	1	6	2	—	1	—	—	—	—	14
1997	» »	Р. 8	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
1998	» »	Р. 9	6	—	3	5	3	2	—	2	—	—	—	21
1998	» »	Р. 10	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1998	» »	Р. 11	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	2
2000	Іванова гора, г.	Р. 1	5	1	—	6	4	—	—	—	—	—	16
2007	Інститутська гора, с.-п.	Ж. 20	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	2
2010	Там само	Р. 1 ¹	3	1	1	1	2	1	—	1	—	1	11
2010	» »	Р. 2	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2
2012	Іванова гора, г.	Я. 9	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
2012	Там само	Я. 10 ²	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
2012	» »	Ж. 2 ³	—	1	—	1	1	1	—	—	—	—	4
2013	» »	Тр. 2 ⁴	10	1	1	3	3	—	—	1	—	—	19
Усього			30	11	10	29	27	6	1	6	3	2	125
2. Давньоруські матеріали													
2007	Інститутська гора, с.-п.	Я. 8	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
2007	Там само	Ж. 19А	1	—	3	—	1	—	—	—	—	—	5
2007	» »	Ж. 19Б	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
2010	» »	Р. 1	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4
2010	» »	Р. 2 ⁵	3	—	1	—	1	1	—	—	—	—	6
2012	Іванова гора, г.	Я. 1 ⁶	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2013	Там само	Тр. 2 ⁷	7	—	1	—	1	—	—	—	—	1	10
Усього			14	—	7	—	4	1	—	—	—	1	27

Примітки. ¹ Також обмазка з відбитками проса (не підраховано). ² Також дно з відбитками проса (понад 10). ³ Також 2 денця, ясно вкриті відбитками проса; 1 фрагмент кераміки з трьома відбитками жита. ⁴ З житла 1 походить фрагмент склепіння печі II житла 1/2012 з великою кількістю обгорілих зернівок жита. ⁵ З ями 2 походить дно з відбитками проса (понад 10). ⁶ Дно з відбитками проса (понад 10). ⁷ Також 2 денця з численними відбитками проса.

Скорочення: с.-п. — селище-посад, г. — городище, р. — розкоп, тр. — траншея, ж. — житло, я. — яма.

Крім того, виявлено скупчення відбитків зернівок: проса — на 7 денцях, в 1 фрагменті обмазки; жита — 3 відбитки на 1 фрагменті кераміки, карбонізованих зернівок жита — у склепінні печі II житла 1/2013 траншеї 2 (табл. 1, 1) [11]. Їх кількість не підраховувалася і не врахована при складанні ПБС.

На давньоруських матеріалах виявлено 27 одиниць зернівок культурних і бур'янових рослин. З них визначено 26 відбитків культурних рослин (за зменшенням кількості): 14 проса, 7 пшениць м'яких голозерних, 4 жита, 1 вівса (рис. 1: а2); зернівок бур'янів: 1 відбиток, не визначено (табл. 1, 2).

Крім того, виявлено скупчення відбитків зернівок: проса — на 4 денцях від кількох одиниць до кількох десятків.

* * *

Проведено перерахунок ПБС зернівок злакових культурних рослин з урахуванням таких положень: не враховані скупчення відбитків зернівок як такі, що вносять статистичну похибку (див. вище). Також зроблено перерахунок ПБС з урахуванням різниці маси зернівок із застосуванням індексів, в основі яких лежить співвідношення маси зернівок злакових культурних рослин, а за базову одиницю взято найменшу зернівку — просо.

Взявши за базову одиницю вимірів найменшу із зернівок — просо — ми перерахували зернівки для встановлення індексу (1 зернівка ... культурної рослини дорівнює *n* зернівкам проса):

просо	1,0,
ячмінь плівчастий.....	5,5,
тверда пшениця.....	6,2,
м'яка пшениця.....	5,7,
жито	4,8,
овес	3,4.

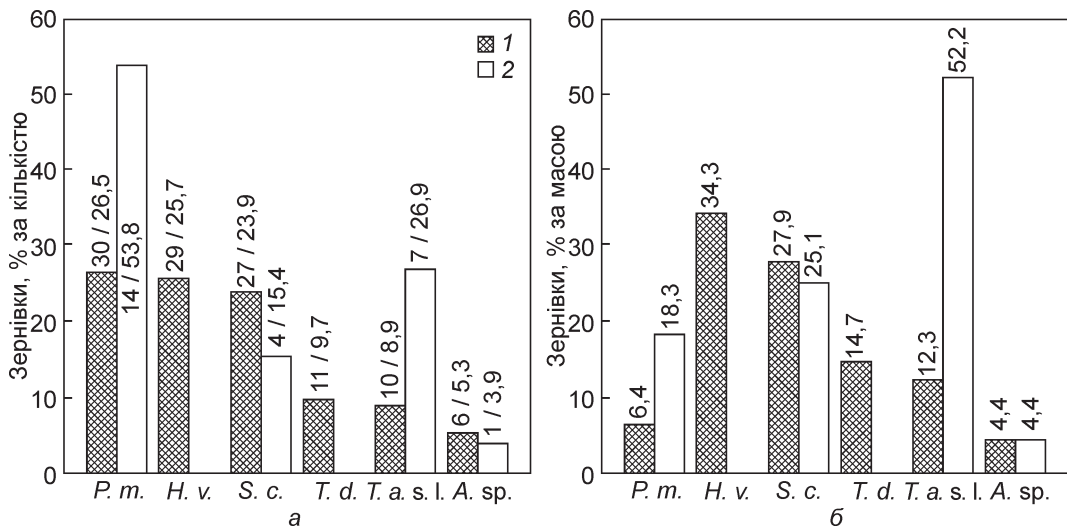

Рис. 1. Палеоетноботанічні спектри зернівок злакових культурних рослин за відбитками на виробках з глини з літописної Лтави:

а – за кількістю; б – за масою; 1 – роменські матеріали; 2 – давньоруські матеріали; *P. m.* – *Panicum miliaceum* (просо); *H. v.* – *Hordeum vulgare* (ячмінь півчастий); *T. d.* – *Triticum dicoccon* (пшениця двозернянка); *T. a. s. l.* – *Triticum aestivum* s. l. (пшениця м'яка голозерні); *S. c.* – *Secale cereale* (жито); *A. sp.* – *Avena* sp. (овес). Цифрами дано: кількість зернівок / відсоток

Fig. 1. Palaeoethnobotanical spectrum of cereal crops by imprints from chronicle Ltava's clay's products:

a – by number; b – by mass; 1 – Romny materials; 2 – Old Russian materials; *P. m.* – *Panicum miliaceum* (millet); *H. v.* – *Hordeum vulgare* (barley filmy); *T. d.* – *Triticum dicoccon* (emmer wheat); *T. a. s. l.* – *Triticum aestivum* s. l. (common wheat); *S. c.* – *Secale cereale* (rye); *A. sp.* – *Avena* sp. (oats). By numbers given: number of grain / percentage

Розрахунки ПБС для подальших інтерпретацій проведено саме на цій основі [9; 12, с. 41–42]¹.

Результати перерахунків наведено на рис. 1, б.

Роменські матеріали. За результатами аналізу співвідношення зернових за масою одразу помітно, що просо займало доволі незначне місце і становило всього близько 1/15 частки врожаю. Традиційно мала частка в ПБС належить вівсу — близько 1/20. Найбільшою часткою (близько 1/3) представлений ячмінь півчастий. Близько 1/4 частки становить жито; майже таку саму частку сумарно складають пшениці — двозернянка (тверда) і м'яка голозерні, з незначним переважанням першої (порівн.: рис. 1, а1, б1). Отримані дані корелюють з ПБС з волинцевсько-роменських пам'яток [14], тому можуть бути визнані вірогідними.

Давньоруські матеріали. В ПБС, отриманому за матеріалами давньоруського часу, половину зернового господарства становили пшениці м'яка голозерні, 1/4 — жито. Просо за масою досягало майже 1/5 частки; частка вівса незначна, як і в матеріалах роменського часу. Зовсім відсутні ячмінь півчастий і пшениця двозернянка. Зауважимо, що такий незначний набір нехарактерний для давньоруських матеріалів, серед яких у тому числі широко відомі і ячмінь півчастий, і пшениця двозернянка (див., напр.: [15; 16]). Варто нагадати, що: 1) отримано в цілому незначні дані (26 зернівок культурних рослин); 2) давньоруські матеріали представлені переважно кружальною керамікою — продуктом виробництва незначної кількості професіоналів (див. вище).

¹ Перерахунок отриманих палеоетноботанічних результатів з кількісних показників на відсоткові дані за масою було застосовано вченими для матеріалів з пражського поселення Розтоки (Чехія) (див.: [13]). На необхідність використання подібної інтерпретаційної схеми вказують археозоологи (з певними нюансами).

Отже, отриманий результат навряд чи може бути прийнятий за такий, що може відображати вірогідну картину зернового господарства, притаманного давньоруському часу XI—XIII ст.

* * *

Ячмінь півчастий, просо і пшениця двозернянка — найдавніші культурні рослини. Їх велика кількість (переважання) свідчить на користь екстенсивного землеробства; такі показники можуть бути маркером використання підсічного землеробства [17, с. 13–15]. Однак показник проса надзвичайно низький; показник пшениці двозернянки практично аналогічний пшеницям м'яким голозерним. А показник ячменя півчастого, крім причини, може бути пояснений наслідками — частковим використанням для відгодівлі худоби. Ячмінь — не лише хлібна, але й гарна фуражна рослина: зерно використовують для відгодівлі коней, а також свиней. У господарстві використовують також його соломку і полову, які мають якості, що наближають її до сіна [18, с. 124]. Отже, думку про підсічне землеробство як основну форму отримання такого спектру, варто відкинути¹.

Аналогічно для цілей тваринництва могли використовувати і овес, оскільки він також має хороші фуражні властивості. Так, для частини салтівських пам'яток Сіверсько-Донецького регіону лісостепової зони [12], а також для степової зони (Рогалик) [19] поєднання таких показників інтерпретовано як певну підпорядкованість землеробства потребам тваринництва.

Овес і досі є найпоширенішою фуражною культурою. Однак, як і у переважній більшості випадків для сіверянських пам'яток, його показники занадто незначні, щоб стверджувати про існування такої спеціалізації у зерновому господарстві.

Частково, у поєднанні з високими показниками ячменю півчастого і вівса, високі показники жита також можуть свідчити про використання продуктів землеробства для потреб тваринництва, оскільки солома жита може бути використана для годівлі великої рогатої худоби у зимовий (стійловий) період. Нагадаємо, що в сукупності ці зернові в ПБС за масою становлять майже 3/4 усіх запасів зернових (див. рис. 1, б1). Отже, цілком імовірно, що частину таких запасів дійсно використовували для потреб тваринництва; можливо — конярства.

Важливо також вказати на близькі показники пшениць: півчастої-голозерних між собою. До останньої чверті I тис. н. е. в палеоетноботанічних комплексах археологічних культур переважала пшениця півчаста; за часів Давньої Русі пшениці м'які голозерні, поступово витісняючи пшеницю півчасту, стали вирощувати у більшій кількості (див.: [16]). Цей процес свідчить про перехід слов'ян до врожайніших, але й вибагливіших культурних рослин; напевно, саме такий перехід ілюструють у цьому випадку близькі показники обох видів пшениць. Зауважимо, що показник, отриманий для давньоруського періоду Лтави, становить половину від частки інших зернових. Нагадаємо, однак, що давньоруські дані не можуть бути прийняті як показові, але така кількість пшениць м'яких голозерних, вочевидь, все ж свідчить про їх значне поширення.

Цікавий також показник частки жита у роменському ПБС. Ця культура має і переваги, і недоліки. Жито можна вирощувати на будь-яких типах ґрунтів [21, с. 276–277]. Дослідники також пов'язують зростання ролі жита в посівах з удосконаленням знарядь для обробітки ґрунту [22, с. 88–89].

Також зауважимо, що порівняльний аналіз ПБС з волинцевсько-роменських пам'яток засвідчив значну ступінь подібності і окремих показників ПБС, і сукупності [14]. Усі ці міркування, зважаючи на висловлену вище тезу про споживачку, а не виробничу спрямованість діяльності мешканців літописної Лтави, мають у першу чергу характеризувати саме споживчі вподобання. Лише опосередковано можна припустити, що ці

¹ Докладніше про інтерпретаційні схеми матеріалів з землеробства див.: [20]. Посилання на спеціалізовану літературу див. там само.

показники характеризують також зернове господарство у землеробстві жителів околиць Лтави як центру Нижньоворсклянського (Полтавського) «гнізда» сільських поселень.

2. Зберігання та переробка продуктів землеробства

Зберігання врожаю. На території літописної Лтави виявлено та досліджено значну кількість господарсько-побутових об'єктів різноманітного призначення, більшість з яких сільськогосподарські ями (рис. 2). З їх числа в межах поселення виокремлюється група споруд, призначена для зберігання врожаю, а саме зерна. Головним

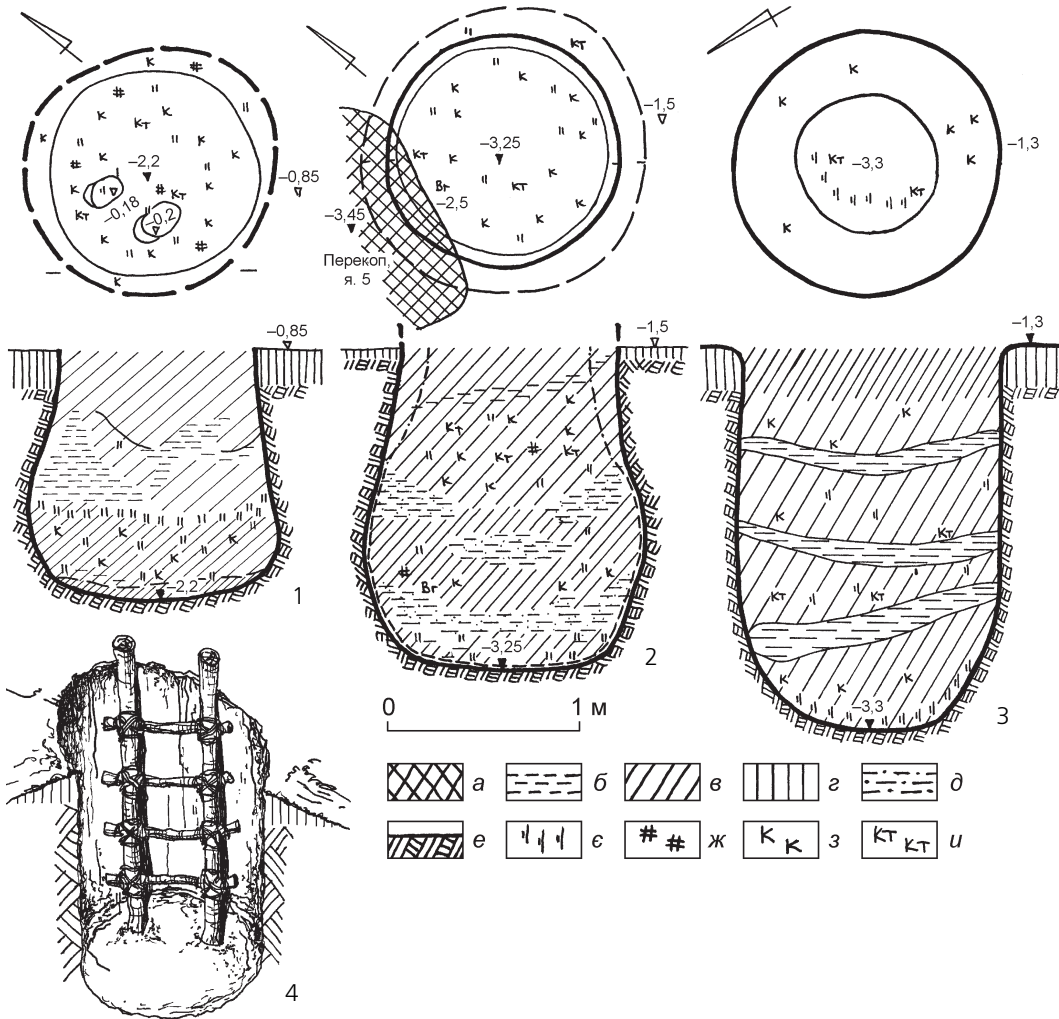

Рис. 2. Господарські ями з посаду літописної Лтави на Інститутській горі:

1–3 – плани та профілі: 1 – № 1/2010-1; 2 – № 4/2010-1; 3 – № 12/2010-1; 4 – варіант реконструкції ями з драбиною (рис. Ю. О. Пуголовак).

Умовні позначення: а – перекоп; б – глина; в – чорноземне заповнення об'єктів; г – похований чорнозем; д – передматерик; е – материк; є – вуглини; ж – фрагменти печини; з – фрагменти кераміки; и – кістки тварин

Fig. 2. Household pits from the posad of chronicle Ltava on Instytutska Hill:

1–3 – plans and profiles: 1 – № 1/2010-1; 2 – № 4/2010-1; 3 – № 12/2010-1; 4 – version of the reconstruction of the pit ladder (by Yu. Poogolovok).

Legend: а – modern trench; б – clay; в – black earth filling of facilities; г – buried humus; д – pre-natural ground; е – natural ground; є – coals; ж – fragments of baked clay; з – fragments of ceramics; и – animal bones

критерієм визначення зернових ям є їх форма — грушо-, дзвоно- чи то глечикоподібна («кубишковидная»). Особливістю цих ям є наявність порівняно вузького горла та стінок, що розширюються до рівного дна [23, с. 19]. Досить часто подібні об'єкти мають сліди кіптяви та глиняних підмазок [24, с. 232; 25, с. 71; 26, с. 102; 27, с. 278]. Традиція зберігання зерна у таких ямах була стійкою на протязі століть. Етнографічні матеріали засвідчують існування таких ям і в ХІХ ст., і в ХХ ст. Наприклад, у автобіографічній повісті В. Леонтовича «Хроніка Гречок» двічі у тексті зустрічаємо інформацію про них: «... в городі було багато горлатих ям з усяким збіжжям», «...а таки сіяв щороку з запасом і те що не розійдеться, каже, бувало, привозити на своє дворище у город, де за своїм доглядом випалював горлаті ями та засипав у них зерно» [28, с. 34–38].

Додатковим свідченням зберігання запасів продуктів рослинного походження є знахідка решток зотлілого збіжжя, виявлена у житлі 11/1998 [29, арк. 17]. Інший випадок — знахідка (яма 2/2010–1), що репрезентує рештки, імовірно, обгорілої соломи, що може вказувати навіть на зберігання снопів [27, с. 278].

У межах Полтавського поселення господарські споруди виявлені на всіх досліджених ділянках і сконцентровані навколо жител, утворюючи житлово-господарські комплекси. Господарські ями, що належать роменській культурі, в основному розміщувалися навколо житлових споруд або рідше — в житлах. Ями, розташовані за межами жител, в більшості випадків мають циліндричну форму, їх стінки вирівняні, переходять під кутом або ж заокруглено у майже рівне дно. У деяких ямах простежуються сліди дерев'яних конструкцій [3, с. 71–73]. На відміну від розміщених ззовні ям, ті, що влаштовані в житлах, мають в перетині дзвоноподібну форму. Для давньоруського часу зафіксована протилежна ситуація, коли більшість дзвоноподібних ям розміщена за межами жител [30, с. 235].

Для прикладу розглянемо дві ями-зерносховища з жител 11/1998 і 13/1998. У житлі 11 яма має такі розміри, м: діаметр горловини 0,3, дна — 1,3, глибина 1,7 [29, арк. 17]. За цими розмірами можна приблизно вирахувати об'єм ями та кількість зерна, яка в ній зберігалася. Об'єм цієї ями складає приблизно 1,00 куб. м, що становить 5 четвертей¹. За цим об'ємом можна підрахувати натурну масу зерна, що зберігалася в ямі², яка становить близько 770 кг. Яма у житлі 13 має дещо інші розміри, м: діаметр горловини 0,5, дна — 1,07, глибину 1,2. Об'єм цієї ями становить 0,630 куб. м (близько 3 четвертей), маса зерна, що могло там зберігатися, становить до 500 кг (485).

Наведені приклади ям, за класифікацією О. В. Григор'єва можна зарахувати до малих та середніх [26, с. 103–104].

У таких ямах могли зберігати посівний фонд. Зерно для сівби не можна було сушити в печах та на глиняних противнях, а тим більше прожарювати, оскільки воно втрачало здатність до проростання. «Живе» зерно використовує кисень і виділяє вуглекислий газ; у закритому просторі воно швидко знищує кисень, а потім «засинає» і оживає знову лише тоді, коли до сховища потрапляє свіже повітря. Експеримент, описаний у праці чеських дослідників, показав, що зберігання зерна у такий спосіб не впливало на якість насіння [32, с. 64–65]. Однак, було помічено, що розкриття ям, в результаті якого в них потрапляє кисень, несприятливо впливає на зерно. Тому, напевне, у разі зберігання у таких ямах посівного матеріалу, стародавні землероби мали «запечатувати» її одразу після заповнення, а потім відкривати один раз, щоб забрати звідти все зерно. Зважаючи на доволі значні об'єми ям, зерно, яке використовували для їжі, зручніше було зберігати в меншій кількості у горщиках-зерновиках

¹ Міра маси сипучих тіл, що дорівнює 201 л.

² Для розрахунків маси зерна використано середній показник маси зерна 77 кг/гЛ (1 гектолітр = 100 л) [31].

безпосередньо в житлах, або в якійсь іншій тарі, з органічних матеріалів, що не зберігаються під час археологізації об'єктів. Імовірно також, що ями використовували для тривалого зберігання значних обсягів припасів, звідки їх поступово забирали у менших кількостях для повсякденних потреб до житла (на кшталт використання нині льохів і погребів). Зауважимо, що, так би мовити, класичних зерновиків (великих ям для зберігання зерна глибиною від 2,5 м), відомих з етнографічних матеріалів [33, с. 83] на території Полтави не виявлено. Втім, можливо, що об'єми ям та маса зерна, що зберігалася в них, цілком задовольняли потреби мешканців Лтави у зберіганні врожаю для подальшої переробки на продукти харчування, а також для посівного фонду. Однак, вирішення цього питання потребує ідеальних умов дослідження пам'яток, за яких має бути відома абсолютно вся інформація щодо планіграфії та хронології об'єктів.

Отже, з-поміж виявлених господарських ям лише їх невелику кількість можна з великою долею вірогідності зарахувати до зернових, в яких у давнину могли зберігати посівний фонд.

Переробку врожаю традиційно для кінця I тис. н. е. проводили *жорнами* і *зерно-терками* (табл. 2). Жорна були розповсюджені повсюдно; їх знахідки відомі серед райковецьких матеріалів (див.: [34, с. 237], посилання див. там само), на волинцевсько-роменських пам'ятках (див.: [35, с. 48–53, рис. 32; 34, с. 236–237; 12, с. 142–145, рис. 102], посилання див. там само), в матеріалах салтівської культури (див.: [36, с. 49–51, рис. 27; 12, с. 98–100, рис. 66], посилання див. там само); також часто їх знаходять і на боршевських пам'ятках (див.: [37, с. 40–41]). Широко відомі жорна і з матеріалів часів Київської Русі [38, с. 158–160], а також з етнографічних матеріалів [33, с. 40–42].

Таблиця 2

Знахідки знарядь для переробки врожаю з літописної Лтави

Рік	Місце знахідки		Дата, ст.	Матеріал	Стан	Діаметр, см		Примітки	Рис., позиція
	Частина пам'ятки	Розкоп, об'єкт				загальний	отвору		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Жорна									
1990	Іванова гора, с.-п.	—	XII — середина XIII	Пісковик	2 фрагменти	—	—		3, 8
1997	Інститутська гора, с.-п.	Р. 4, я. 9	XII — середина XIII	Пісковик	Цілі	50	6, 2, 5	Знайдено у конструктивній послідовності	3, 1, 2
1997	Там само	Р. 4, я. 12	X—XI	Рожевий сланець	Фрагмент	—	—	Вірогідно, від жорна	—
1997	» »	Р. 6, я. 4	XII—XIII (?)	Те саме	Те саме	—	—	—	3, 6
1998	» »	Р. 11, ж. 15	Друга половина XIII — XIV	?	» »	—	—	—	3, 9
1998	» »	Р. 11, я. 12	XII—XIII	Пісковик	2 фрагменти	—	—	—	3, 10, 11

С
Т
А
Т
Ь
Н

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1998	» »	Р. 11, я. 14	ХІІ—ХІІІ	Пісковик	Фрагмент	—	—	—	3, 12
1998	» »	Р. 11, я. 22	ХІІ—ХІІІ	» »	Те саме	—	—	—	—
1998	» »	Р. 11, я. 27	ХІІ—ХІІІ	» »	Археологічно цілі	46	6	Жорновий постав, в уламках	3, 3–5
2000	Іванова гора, г.	Р. 1, я. 8	Кінець Х — початок ХІ	» »	2 фрагменти	—	—	1) 9,2 × 10,4, товщина 4,4; 2) 12,5 × 17,2 товщина 3,4 см	—
2000	Там само	Р. 1, я. 9	ХІІ—ХІІІ	» »	Те саме	—	—	1) 9,9 × 8,0, товщина 4,2; 2) 6,2 × 6,6 товщина 6,7 см	—
2000	» »	Р. 1, я. 10	ХІІ—ХІІІ	» »	Фрагмент	—	—	11,5 × 10,9, товщина 4,5 см	—
2000	» »	Р. 1, я. 48	ХІІ—ХІІІ	» »	Те саме	—	—	6,8 × 4,9, товщина 7,1 см	—
2000	» »	Р. 1, ж. 2, я. 1	Кінець Х — початок ХІ	» »	» »	—	—	12,5 × 19,1, товщина 6,9 см	—
2000	» »	Р. 1, ж. 4	Кінець Х — початок ХІ	» »	» »	—	—	6,0 × 8,8, товщина 5,5 см	—
2007	Інститутська гора, с.-п.	Я. 6	Друга половина ХІІІ — початок ХІV	Туф	» »	—	—	—	3, 13
2007	Там само	Ж. 6	Кінець Х — початок ХІ	Те саме	» »	—	—	Знайдено в конструкції печі 1	3, 14
2010	» »	Ж. 1	Початок ХІ	Пірофілітовий сланець	» »	—	—	—	3, 7
2012	Іванова гора, г.	Р. 1, я. 9	Х	Пісковик	» »	—	—	—	—
2013	Іванова гора, г.	Тр. 2, ж. 1	Кінець Х — початок ХІ	Сланець?	» »	—	—	—	3, 15
2. Зернотерки									
1997	Інститутська гора, с.-п.	Р. 8, ж. 8	ХІ—ХІІ	Пісковик	Ціла	—	—	Розтирач	5, 1
2007	Там само	Ж. 6	Кінець Х — початок ХІ	Граніт	Ціла	—	—	Нижня плита знайдено в конструкції печі 3	5, 2
2012	Іванова Гора, г.	Р. 2, ж. 2	Х	Туф (?)	Ціла	—	—	Нижня плита	5, 3

Легкі ручні ротаційні жорна склалися із двох каменів дископодібної форми. Діаметр жорен легкого ручного постава коливається в межах від 30 до 60 см, робочі поверхні пласкі або увігнуті—вигнуті (відповідно попарно). У верхньому і в нижньому каменях по центру пробивали отвір для насадки на спеціальний штир — «веретено». Обертання верхнього каменя відбувалося за допомогою руків'я, закріпленого на периферії зовнішньої поверхні верхнього каменя (бігунка) чи збоку за допомогою еластичного кріплення.

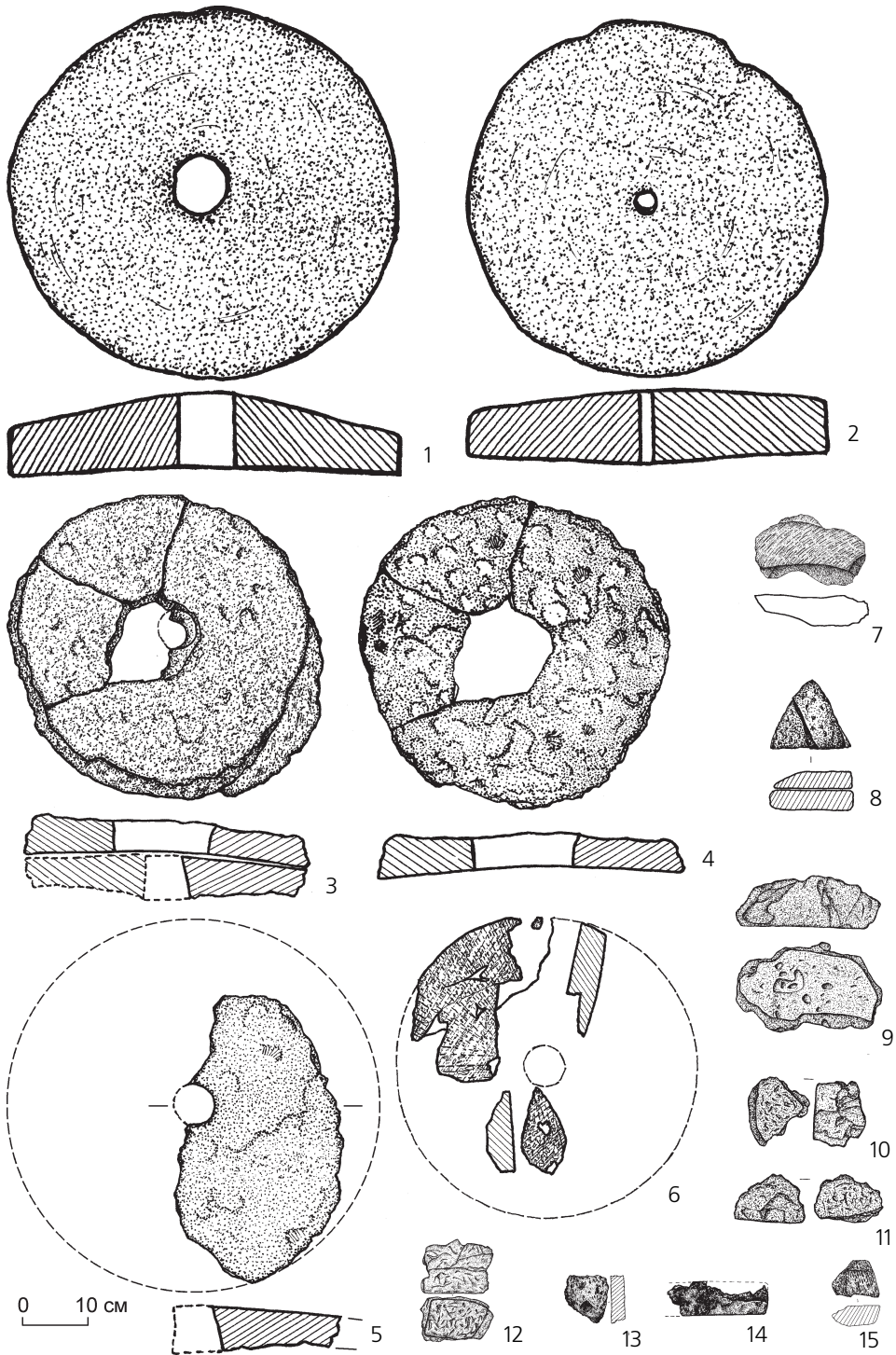

Рис. 3. Знряддя для переробки врожаю з літописної Лтави; жорна (див. табл. 2, 1)
 Fig. 3. Tools for processing of the harvest from chronicle Ltava; millstones (see: table 2, 1)

Під час праці на легких ручних ротаційних жорнах простір між нижнім каменем (лежаком) і бігуном можна було регулювати за допомогою рухомого «веретена», впливаючи у такий спосіб на якість розмелювання продуктів врожаю. Крім того, наявність простору між жорновими каменями запобігала їхньому тертю і таким чином зменшувала зношуваність та потрапляння неорганічних речовин в перероблювані продукти харчування.

Жорнові камені та їх фрагменти, знайдені у ході досліджень літописної Лтави, мають діаметри приблизно від 45 до 60 см; діаметри центральних отворів — до 6 см; товщина жорнових каменів не була значною; вона коливається в межах приблизно від 3,5 до 10 см. Причому останній показник — результат проміру цілого знаряддя у найтовщій частині (ближче до центру). Крім того, знайдено велику кількість фрагментів жорнових каменів, доволі часто — при вторинному використанні. Що вказує на господарське заощадливе відношення до використання матеріалів загалом (рис. 3; табл. 2).

За формами, за якими можна про це стверджувати, отвори по центру були лише округлі. Діаметр отвору нижнього лежака з ями 9/1997 становить усього близько 3 см. На жодному з фрагментів не виявлено будь-яких заглиблень, що могли бути влаштовані під руків'я. Отже, імовірно, руків'я були закріплені на бігунах збоку у спеціальних обоймах з іншого матеріалу (дерева).

Як зазначають дослідники, знаряддя для переробки врожаю виготовляли з доступного матеріалу, не надаючи особливої переваги тим чи іншим породам каменю [39, с. 103]. Матеріал, з якого були виготовлені жорна: пісковик (найчастіше), рожевий пірофілітовий сланець, туф. Два знаряддя зі сланцю відомі на пам'ятці з об'єктів, датованих X—XI ст. За цими показниками логічно стверджувати, що жорна з пісковика виготовляли безпосередньо на місці, з доступного матеріалу. Відповідно до геологічного опису Полтавської губернії О. В. Гурова, на території Полтави виходи пісковика не зафіксовані. Однак, по правому березі р. Коломак — лівої притоки Ворскли, від його устя до кордону з Харківською областю, майже по всій довжині русла відомі значні відклади білих кварцових пісків, що мають включення жорнового пісковика [40, с. 205–206]. Знаряддя, виготовлені з пірофілітового сланцю майже напевно були привезені з інших територій (Овруцький кряж), на яких відомі поклади цього матеріалу та сліди обробки і виробництва [41, с. 131–137]. Отже, за кількістю знахідок жорен з різних порід, можна впевнено стверджувати, що їх в основному виготовляли на місці.

У жорнових конструкціях використовували дерево. На території сучасної України дерев'яні деталі від жорнових поставів не збереглися через несприятливі природні умови, але вони відомі з матеріалів давньоруського Новгороду [42, с. 76, 77, табл. 71, рис. 63]. Для передачі кругового обертання бігуну слугував боковий підшипник, який прикріпляли джгутом чи мотузкою. У Новгороді їх було знайдено майже 40 шт. Розміри середнього типового підшипника такі, см: довжина 18–20, ширина 2–2,5. Отвір для руків'я, залежно від зношування деталі, мав приблизно 1,5–3 см в діаметрі. В отвір підшипника вставляли нижній кінець руків'я (руків'я або маховий шток). У Новгороді як руків'я в основному застосовували махові штоки. Шток — довга дерев'яна палиця діаметром близько 3 см; довжина махових штоків коливається від 140 до 160 см.

У жорновій конструкції використовували також дерев'яні, рідше — залізні [43, с. 422] порплиці. Порплиці — один із видів упорних підшипників. Вони мали дещо видовжену форму — 12,5–15 см. Ширина порплиць 2,5–3 см, товщина — 3 см. У центрі п'явки сторони було кругле заглиблення, діаметром до 2–3 см, яким порплиця спиралася на верхівку шкворня. Як зазначав Б. О. Колчін, стінки заглиблення завжди мають сліди обертання, а іноді навіть бувають обгорілими у результаті сильного тертя. Опорні шкворні — «веретена» — також відомі з матеріалів давньоруського міста Новгород. Діаметр таких стержнів повинен бути не менше 3–4 см.

Жорна, знайдені на літописній Лтаві, за класифікацією Р. С. Мінасяна належать до групи І. Відповідно, їхня реконструкція така: жорновий постав з круглим отвором в лежаку і бігуні, з порплицею (дерев'яною чи залізною), на якій закріплювали верхній

камінь. Висоту бігуна над нижнім каменем регулювали рухомим «веретенем» (цапфою), що проходила через наскрізний отвір нижнього каменя. Конструкцію приводили в дію за допомогою важелевого пристрою — звичайного руків'я, чи махового штоку. Якщо використовували маховий шток, його верхній кінець напіврухомо закріплювали в стелі чи балці над жорнами. Нижній кінець важеля прикріплювали до бігуна луб'яним джгутом або вставляли в заглиблення дерев'яного бокового підшипника, що також закріплювали еластичним джгутом (рис. 4). Для реконструкції інших варіантів жорнових поставів за матеріалами літописної Лтави поки що немає підстав.

Більшість жорен походить з давньоруських об'єктів, хоча вони відомі й серед матеріалів пізньороменського часу. Імовірно, слід говорити про те, що кількість жорен за різні періоди існування пам'ятки відображають лише ступінь дослідженості власне самих матеріалів.

Другу групу знарядь переробки врожаю становить архаїчніша форма: зернотерки. З матеріалів літописної Лтави нині відомо усього три таких знаряддя, два з яких знайдено у пізньороменських об'єктах (рис. 5).

Загалом, подібні знаряддя відомі з часу виникнення землеробства: простота у виготовленні і фактично неможливість вдосконалення зумовили збереження таких форм від моменту їх виникнення впродовж усього часу використання. Єдине можливе вдосконалення — впровадження дворучної зернотерки (верхній курант (розтирач) був розрахований на роботу двома руками). Однак, не існує доказів послідовного виникнення цих двох форм; вони співіснували на одних і тих самих пам'ятках.

Зернотерки, як і жорна, були широко розповсюджені; їх також (як і жорна) знаходять на всіх пам'ятках Східної Європи наприкінці I тис. н. е. Куранти зернотерок були виготовлені з урахуванням анатомічної побудови руки. За описами та малюнками розтирачі слов'янських зернотерок мають зручну для роботи конструкцію. Розміри таких знарядь наводять на думку, що ними зазвичай працювали жінки або діти.

Оскільки зернотерки поступаються у продуктивності жорнам, певний час існувала думка, що після широкого впровадження останніх зернотерки не використовували. Однак знахідки обох видів знарядь для переробки врожаю на одних і тих самих пам'ятках засвідчують, що це не так. Зернотерки використовували для подрібнення продуктів рослинного походження, а також для переробки злаків на крупу та борошно. Зауважимо, що переробка зернівки на крупу займала доволі незнаний час [44, с. 137]. Отже, у разі наявності жорен, зернотерки, імовірно, використовували для незначних повсякденних потреб.

3. Висновки

Основні результати аналізу матеріалів з літописної Лтави, пов'язаних з землеробством, такі.

1. Відсутність будь-яких знарядь для обробки ґрунту, а також знарядь для збирання

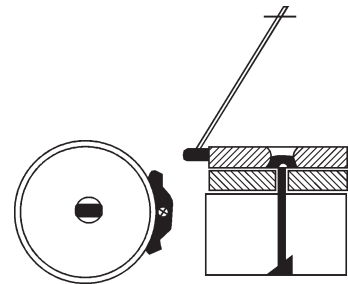

Рис. 4. Графічна реконструкція жорен, група I за Р. С. Мінасяном

Fig. 4. Graphic reconstruction of millstones, group I by R. S. Minasyan

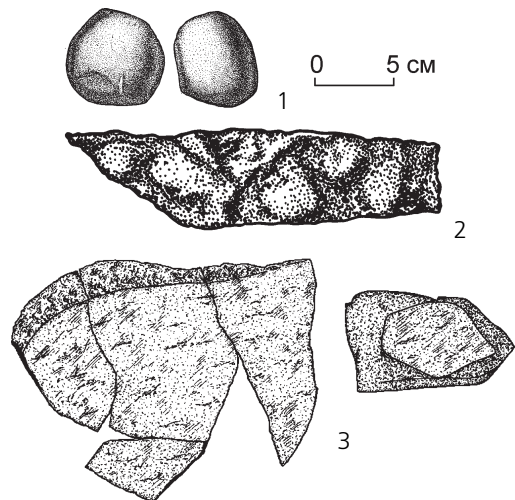

Рис. 5. Знаряддя для переробки врожаю з літописної Лтави; зернотерки (див. табл. 2, 2)

Fig. 5. Tools for processing of the harvest from chronicle Ltava; grain graters (see; table 2, 2)

врожаю нашттовхують на думку про відсутність рільництва в значних масштабах. Не виключено, що люди обробляли незначні ділянки під городні культури; можливо, навіть були неznані поля зернових культур. Однак, основу зернового господарства у літописній Лтаві становили продукти, привезені з інших місць.

2. Палеоетноботанічні дані цілком можна зіставити з аналогічними матеріалами з інших хронологічно і територіально близьких пам'яток. Очевидно, отримані матеріали засвідчують, що споживання продуктів землеробства жителями літописної Лтави знаходилось у **безпосередній** залежності від вирощування продуктів землеробства у Нижньоворсклянському (Полтавському) гнізді сільських поселень.

3. Доволі поширені знахідки жорен і зернотерок свідчать про те, що продукти харчування землеробського походження зберігались у вигляді зерна: їх підготовкою до вживання у їжу займались безпосередньо давні жителі Лтави. На те саме вказують і відповідні об'єкти для зберігання зерна, та, можливо, великі форми посуду, які також можна було використовувати для зберігання сипучих тіл. Останнє також може бути опосередкованим свідченням власного вирощування певної кількості зернових, про що, однак, інші проаналізовані дані не свідчать.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Дослідження* посаду літописної Лтави. 1: Миколаївська гірка / Супруненко О. Б., Мироненко К. М., Пуголовок Ю. О., Шерстюк В. В. — К.; Полтава, 2008.
2. *Дослідження* посаду літописної Лтави. 2: Інститутська гора / Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., Мироненко К. М., Шерстюк В. В. — К.; Полтава, 2009.
3. *Дослідження* посаду літописної Лтави: 3. — Інститутська гора / Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., Мироненко К. М., Ткаченко О. М., Шерстюк В. В., Яремченко В. А. — К.; Полтава, 2009.
4. *Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Палеоетноботанічне відкриття 2001 р. (матеріали пізньороменського часу з літописної Лтави) // АБУ за 2000–2001 рр. — К., 2002.
5. *Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Палеоетноботанічний спектр пізньороменського часу з літописної Лтави (за відбитками на кераміці) // АЛДУ. — 2002. — № 1.
6. *Янушевич З. В., Маркевич В. И.* Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970.
7. *Веселовський І. В., Лисенко А. К., Манько Ю. П.* Атлас-визначник бур'янів. — К., 1988.
8. *Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А.* Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985.
9. *Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И. И. Ляпушкина (1902–1968) (3–5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург). — СПб., 2012.
10. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. — М.; Л., 1958 (МИА. — № 74).
11. *Горбаненко С. А., Пуголовок Ю. О.* Піч пізньороменського часу з Полтави // Від венеців до Русі. Старожитності I тис. н. е. на території України. — К., 2014.
12. *Горбаненко С. А., Колода В. В.* Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. — К., 2013.
13. *Kita M., Hajnalová M., Kovačiková L. et all.* Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů // Památky archeologické. — 2013. — CIV.
14. *Горбаненко С. А.* Зернове господарство сіверян // Археологія. — 2014. — № 1.
15. *Беляєва С. О., Пашкевич Г. О.* Зернове господарство Середнього Подніпров'я X–XIV ст. // Археологія. — 1990. — № 3.
16. *Пашкевич Г. О.* Зміни в системі зернового господарства Давньої Русі (час, причини та наслідки) // Старожитності Південної Русі. — Чернігів, 1993.

17. *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // Изв. ГАИМК. — 1932. — Вып. 1, т. 14.
18. *Растениеводство.* — М., 1986.
19. *Пашкевич Г. А., Горбаненко С. А.* К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2004.
20. *Горбаненко С. А.* Методи інтерпретації сільськогосподарських матеріалів // Археологія: від джерел до реконструкції. — К., 2011 (АДІУ. — Вип. 5).
21. *Культурная флора СССР.* Т. 2, ч. 1: Рожь. — Л., 1989.
22. *Яжджевский К.* О значении возделываемой ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. — М., 1988.
23. *Пуголовок Ю. О.* Господарські об'єкти роменської культури (аналіз будівельних решток) // Каразінські читання (історичні науки): Тези доп. 66-ї міжнародної наукової конференції (м. Харків, 26 квітня 2013 р.). — Х., 2013.
24. *Ляпушкин И. И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа. — М., 1961 (МИА. — № 104).
25. *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). — К., 1975.
26. *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. — Тула, 2000. (Гр. Тульской археол. экспедиции. — Вып. 2).
27. *Пуголовок Ю. О., Супруненко О. Б.* Дослідження на Миколаївській гірці в м. Полтава // АДУ 2010 р. — К.; Полтава, 2011.
28. *Леонтович О. В.* Хроніка Гречок. — К., 1997.
29. *Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Коваленко О. В. та ін.* Звіт про охоронні розкопки Полтавського форшттаду-посаду літописної Лтави 1998 р. (м. Полтава) // НА ІА НАН України. — 1998/73.
30. *Пуголовок Ю. О.* До питання про ідентифікацію зернових ям з посаду літописної Лтави X—XI ст. // Наук. записки з української історії. — Переяслав-Хмельницький, 2005. — Вип. 16.
31. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* — Электрон. ресурс: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/index.htm>
32. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. — М., 1988.
33. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. — М., 1991.
34. *Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О.* Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). — К., 2010.
35. *Горбаненко С. А.* Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. — К., 2007.
36. *Михеев В. К.* Подонье в составе хазарского каганата. — Х., 1985.
37. *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). — Воронеж, 1995.
38. *Довженко В. Й.* Землеробство Давньої Русі до XIII ст. — К., 1961.
39. *Минасян Р. С.* Классификация ручного зернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. — 1978. — № 3.
40. *Гуров А. В.* Геологическое описание Полтавской губернии: отчет Полтавскому губернскому земству. — Х., 1888.
41. *Томашевський А. П., Павленко С. В., Петраускас А. В.* Овруцька пірофілітова індустрія // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). — К., 2003.
42. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. — М., 1968 (САИ. — Вып. Е 1—55).
43. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. — М., 1948.
44. *Моруженко А. А., Янушевич З. В.* Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1984.

Резюме

Горбаненко С. А., Пуголовок Ю. А. Продукты землеробства в летописной Лтаві

У статті розглянуто всі дані, що мають відношення до землеробства. Наявні матеріали не залишають сумнівів у тому, що населення активно використовувало продукти землеробства. Відсутність знарядь для обробітку ґрунту та збирання врожаю, а також наявність знарядь для переробки зерна, нашоухують на думку виключно про споживання продуктів землеробства. Тим не менше, виявлені досить великі ями для зберігання зерна, які побічно можуть свідчити також і про вирощування деякої кількості зернових.

Порівняльна характеристика палеоетноботанічного спектру пізньороменського часу з хронологічно і територіально близькими аналогіями з волинцевсько-роменських пам'яток вказує на велику ступінь ідентичності матеріалів.

Ключові слова: літописна Лтава, пізньороменський час, давньоруський час, палеоетноботанічні дані, зберігання врожаю, переробка врожаю.

Резюме

Горбаненко С. А., Пуголовок Ю. А. Продукты земледелия в летописной Лтаве

В статье рассмотрены все данные, имеющие отношение к земледелию. Имеющиеся материалы не оставляют сомнений в том, что население активно использовало продукты земледелия. Отсутствие орудий обработки почвы и сбора урожая, а также наличие орудий для переработки зерна, наталкивают на мысль исключительно о потреблении продуктов земледелия. Тем не менее, обнаружены достаточно большие ямы для хранения зерна, которые косвенно могут свидетельствовать также и о выращивании некоторого количества зерновых.

Сравнительная характеристика палеоетноботанического спектра позднероменского времени с хронологически и территориально близкими аналогиями из волинцевско-роменских памятников указывает на большую степень идентичности материалов.

Ключевые слова: летописная Лтава, позднероменское время, древнерусское время, палеоетноботанические данные, хранение урожая, переработка урожая.

Summary

S. Gorbanenko, Yu. Pugolovok. Agriculture Products in the Chronicle Ltava

The article describes all the data related to agriculture. Available materials leave no doubt that the population actively used agriculture products. Absence of implements and harvesting tillage and the presence of tools for milling grain, suggest, only consumption of agricultural produce. Nevertheless, found the storing grain pits large enough for that can indirectly testify also about growing certain amount of grain.

A comparative characteristic of the paleoethnobotanical spectrum of Late-romny time with chronologically and geographically close analogies of Volyntsevo-Romny monuments indicates a pretty large degree of identity materials.

Key words: chronicle Ltava, Late-romny time, Old Russian time, paleoethnobotanical data, storage harvest, milling grain.

Д. С. Гречко

Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

Важную информацию для изучения этнокультурных процессов в Лесостепи в скифское время дает изучение погребальной обрядности племен региона. Стоит отметить, что захоронения кочевников хорошо изучены и их обрядность подробно описана в целом ряде работ, чего нельзя сказать о погребениях земледельцев. В количественном отношении аборигенное население значительно превосходило полукочевую элиту, о чем свидетельствует хорошо развитая поселенческая структура.

При анализе погребальной обрядности земледельческого населения необходимо учитывать его происхождение и уровень социально-экономического развития. Ряд признаков (незначительный уровень материальной культуры и благосостояния, отсутствие монументальных сооружений на поселениях и городищах, отсутствие следов неравенства и следов внутриобщинной эксплуатации) позволил высказать А. П. Медведеву важный вывод о том, «что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя практически с еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой» [1, с. 123–124]. Таким образом, не стоит переносить полностью характеристики мировоззрения и культов скифов при рассмотрении религиозной жизни земледельцев. Хотя, скорее всего, скифизация в V—IV вв. до н. э. имела место. С другой стороны, можно предполагать наличие архаических погребальных обрядов, известных из этнографии.

Своим происхождением земледельческое население Лесостепи в основном связано с племенами тшинецкого культурного круга (далее ТКК) позднего бронзового века — предскифского времени Днепровского лесостепного Правобережья [2, с. 8; 3, с. 20–24]. У племен белогрудовской, чернолесской культур и жаботинского периода существовали довольно разнообразные погребальные обряды: подкурганнные и грунтовые захоронения, кремация и ингумация, несколько вариантов ориентировки умерших [2, с. 74–87; 4]. При этом стоит учитывать влияние фракийских племен Днестро-Дунайского междуречья [5, с. 168–171]. Целью работы является описание и анализ особых видов захоронения у населения Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

* * *

В последнее время увеличился интерес ученых к так называемым «экстраординарным» или «особым» видам погребений, которые отличаются от характерного для каждой конкретной культуры способа погребения¹. К подобным видам захоронений зачастую относят погребения, в которых целостность костяка специально нарушена до его погребения (вторичные, расчлененные и парциальные захоронения). Специфика

¹ Классическим видом захоронения скифского времени Лесостепи юга Восточной Европы является ингумация без дополнительных манипуляций с телом умершего.

археологических источников вызывает проблемы при выявлении таких способов обращения с телами умерших. Методика изучения подобных захоронений разработана О. В. Зайцевой. В рамках предложенного подхода учитывается воздействие природных (предсказуемое смещение костей при разложении, воздействие растений и животных), антропогенных (ограбления или ритуальные проникновения, фиксируемые данными стратиграфии и анализом всего комплекса) факторов [6].

Вначале стоит определиться с терминами. Под вторичным захоронением мы понимаем перезахоронение костей после временного (первичного) захоронения или другого способа разрушения мягких тканей. О. В. Зайцева разделила их на частично и полностью экскарнированные, которые отличаются наличием или отсутствием связей и мягких тканей. Дополнительными индикаторами являются следы зубов хищников, нарушение анатомических пропорций скелета и ошибки при выкладке костей скелета в анатомическом порядке [6].

Под расчлененным погребением (демембрация) мы понимаем захоронение специально расчлененного практически сразу после смерти тела покойного. Для подтверждения данного процесса необходимы данные антропологов, которые бы подтверждали факт наличия посмертных манипуляций с телом и характерных повреждений на костях. Постмортальная утрата зубов может относиться к обоим способам обращения с телом умершего. Из приведенных определений следует то, что вторичные и расчлененные захоронения являются следствием различных процессов и обрядов и должны рассматриваться отдельно, что не всегда возможно. Сложности могут возникнуть в разделении частично экскарнированных и расчлененных захоронений в случае, если на костях не зафиксированы следы посмертных манипуляций.

Обряды вторичного погребения и демембрации в скифское время на юге Восточной Европы не получили широкого распространения (рис. 1). Бесспорные данные нам предоставляют лишь материалы исследования курганных групп у с. Медвин в Поросье, которые являются местом погребения оседлого аборигенного населения [7; 8, с. 37–46;

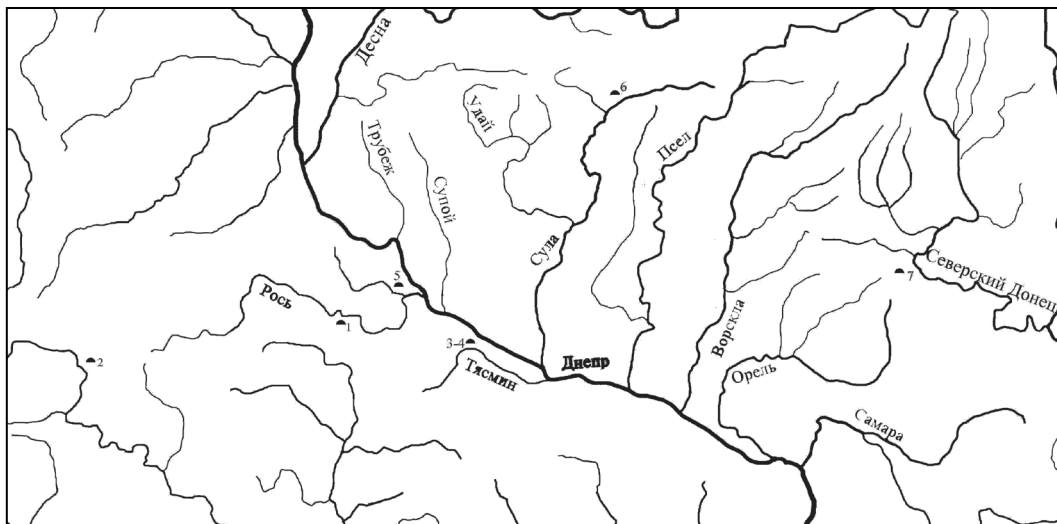

Рис. 1. Могильники позднего бронзового века-скифского времени с особыми видами погребений восточноевропейской Лесостепи:

1 – Медвин; 2 – Тютки; 3–4 – Черкассы, Вергуны; 5 – Шандры; 6 – Малые Будки; 7 – Гришковка

Fig. 1. Graves of the Late Bronze Age – Scythian period with a specific types of the burials of the Eastern European forest-steppe:

1 – Medwin; 2 – Tyutki; 3–4 – Cherkasy, Verguni; 5 – Shandra; 6 – Malie Budki; 7 – Grishkovka

9; 10]. Г. Т. Ковпаненко нахождение нарушенных костяков в могилах связывала с ограблением [8, с. 37–46]. Первыми на наличие остатков расчлененных захоронений костей в кургане 2 группы III у с. Медвин обратили внимание С. Д. Лысенко [11, с. 55] и Д. П. Куштан [12, с. 155]. Подробнее остановимся на комплексах данного некрополя¹.

Группа 1.

Курган 3/ 1973. Деревянное перекрытие потревожено. Кости мужчины 35–40 лет и женщины 25–30 лет были положены двумя вытянутыми параллельными скоплениями с определенной системой. На костях и вокруг выявлено несколько целых лепных сосудов, лежащих *in situ*. Южная часть скопления нарушена при вторичном проникновении, что фиксировалось затечным грунтом в данной части могилы и не компактным залеганием костей (рис. 2: 1).

Курган 4/1973. Перекрытие сохранилось плохо. Следов вторичного проникновения стратиграфически не прослежено. Кости выложены в псевдоанатомическом порядке. Остатки двух костяков неполные. Два черепа лежат рядом. Бедренная и берцовые кости выложены с разрывом, дистальными концами к черепам. Инвентарь находился *in situ* по трем сторонам от скопления костей (рис. 2: 2).

Курган № 9/1984. В погребении зафиксированы остатки трех костяков. Инвентарь непо потревожен. Кости двух индивидов размещены без анатомического порядка. Остатки «западного» скелета уложены с имитацией псевдоанатомического порядка, но без сочленений (рис. 3: 1). Вероятно, восточная часть костницы была потревожена при вторичном проникновении, а останки дополнительно перемещены. Об этом говорит и нарушенность деревянного перекрытия.

Курган 15/1984. В кургане захоронены остатки пяти частично сожженных в могиле скелетов. Кости в центральной части ямы перед сожжением были уложены не в анатомическом порядке, хотя определенная система прослеживается: черепа лежат по краям костницы (рис. 4: 1). Костей в сочленениях не выявлено.

Курган 19/1984. Неполные костяки четырех индивидов без анатомического порядка были уложены в центральную часть могилы. Определенная система прослеживается в положении черепов с северной стороны скопления, а длинных костей — с южной (рис. 4, 2). Кости обожжены вследствие сожжения деревянных конструкций.

Курган 22/1984. От перекрытия остались лишь фрагменты, что говорит о вторичном проникновении в могилу. В центральную часть ямы были уложены останки, судя по количеству черепов, не менее десяти индивидов. Кости девяти скелетов были выложены в определенной системе, а черепа были помещены у северного и южного краев костницы (рис. 3: 2). В псевдоанатомическом порядке были частично выложены крайние в костнице «западный» и «восточный» скелет. Данные вторичные погребения (?) относятся к полностью экскарнированным, поскольку захоронены после полной утраты связок и состоят из отдельных костей. Интерес вызывают остатки расчлененного умершего, которые были захоронены последними. К нему относятся кости руки, голени, поясничный отдел позвоночника и таз, которые находились в сочленениях. Судя по разрушению перекрытия и находке мисок в заполнении над уровнем дна могилы, имело место вторичное проникновение в могилу для создания костницы и дозахоронения расчлененного индивида.

Курган 23/ 1984. Одиночная насыпь не входила в состав групп. Перекрытие могилы, в отличие от других комплексов, над погребенными сохранилось непо потревоженным, что говорит об одноактном создании комплекса. Костяки являются расчлененными и были уложены в псевдоанатомическом порядке (рис. 5: 5). В сочленениях, как и в кургане 22, были зафиксированы поясничный отдел позвоночника с тазом, кости голени и стоп.

¹ Описание комплексов будет приводиться на основании данных отчетов Г. Т. Ковпаненко и Б. М. Левченко [7; 9; 10].

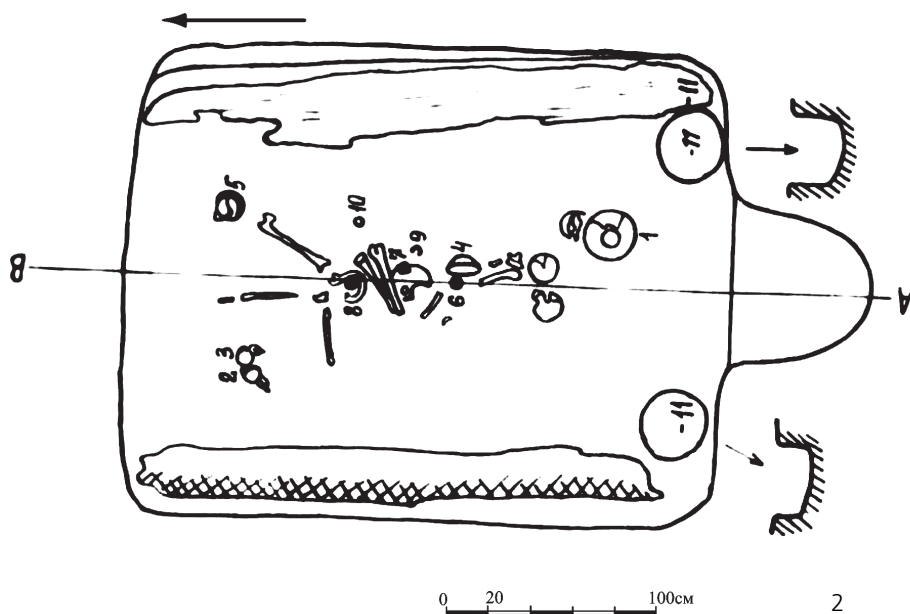
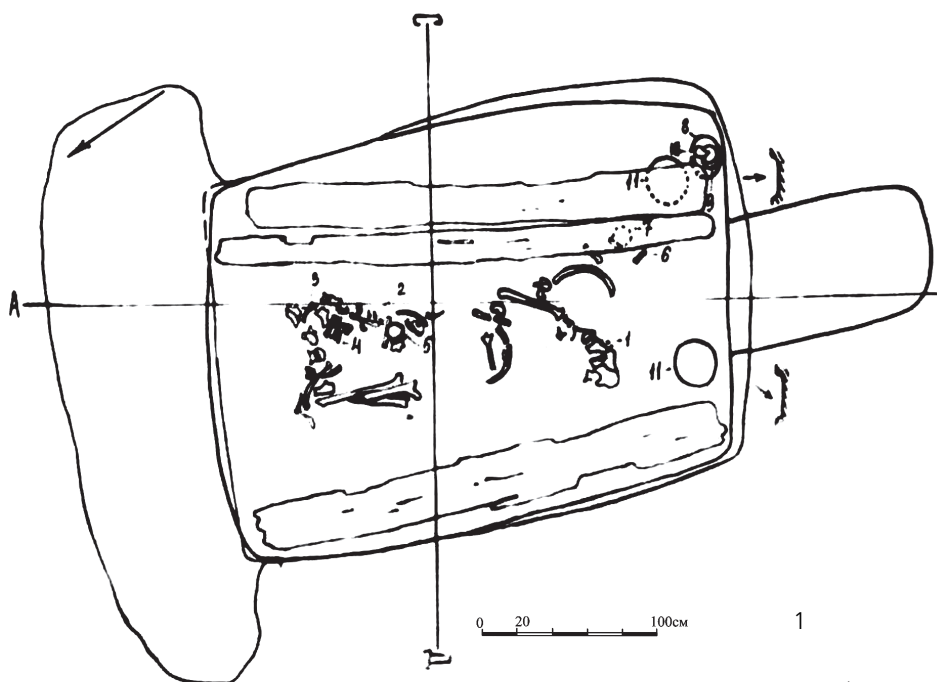
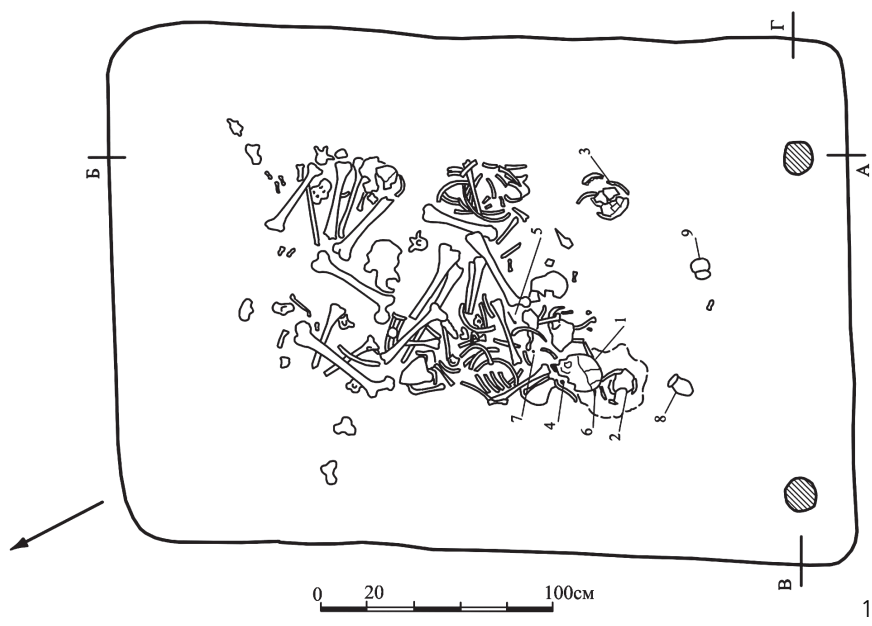
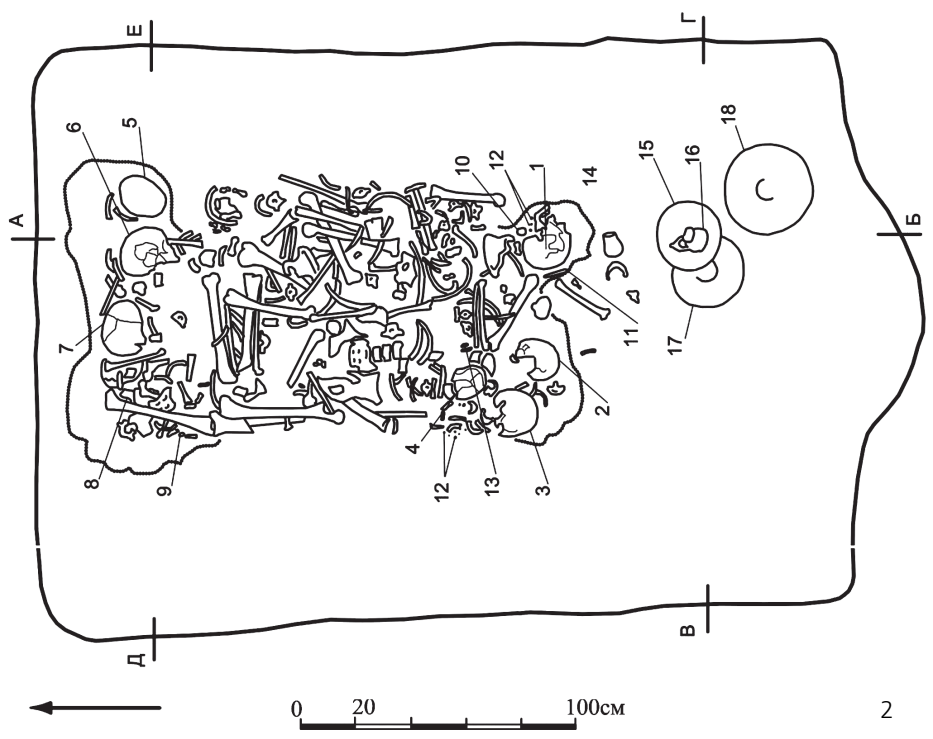

Рис. 2. Планы погребений в кургане 3 (1) и 4 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig. 2. Plans of the burial mounds 3 (1) and 4 (2) of the first group of the graves near village Medwin [by 7]

1

2

Рис. 3. Планы погребений в кургане 9 (1) и 22 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 9; 10]
 Fig. 3. Plans of the burial mounds 9 (1) and 22 (2) of the first group of the necropolis near village Medwin [by 9; 10]

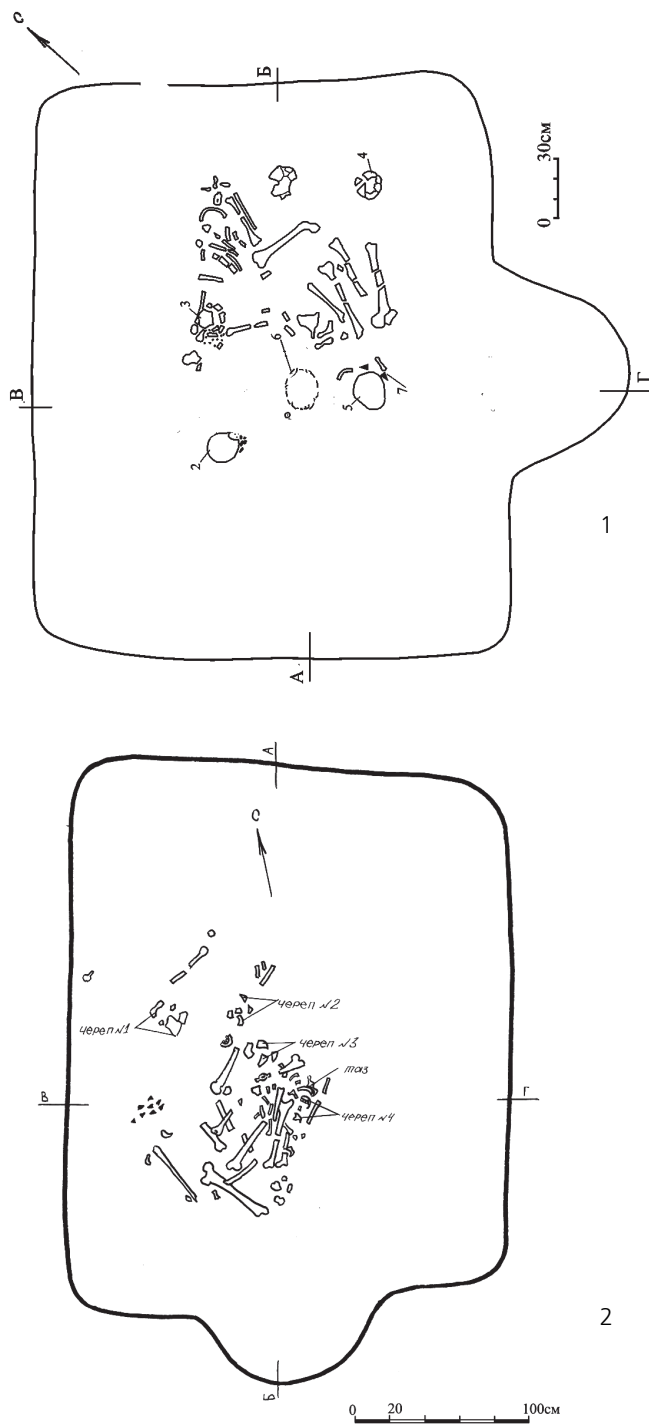

Рис. 4. Планы погребений в кургане 15 (1) и 19 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 9]
 Fig. 4. Plans of the burial mounds 15 (1) and 19 (2) of the first group of the necropolis near village Medwin [by 9]

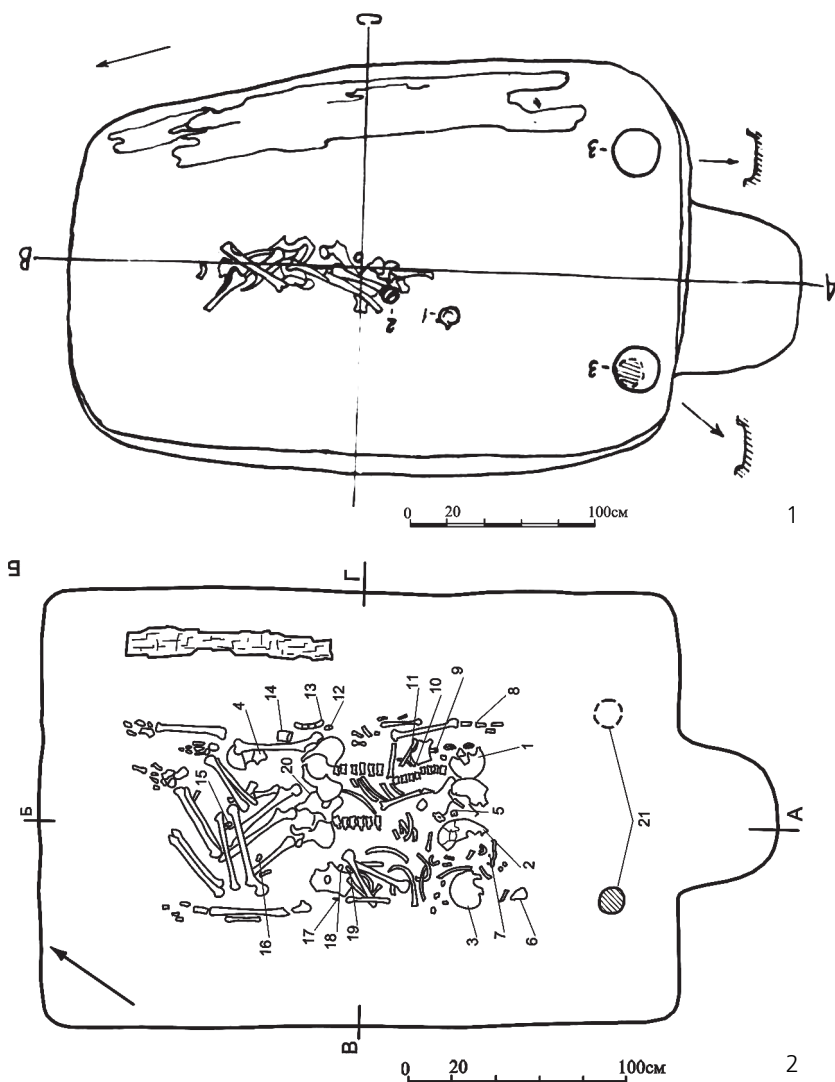

Рис. 5. Планы погребений в кургане 1 второй группы (1) и 23 (2) могильника у с. Медвин [по 7; 10]
 Fig. 5. Plans of the burial mounds 1 (1) and 23 (2) in the second group of the necropolis near village Medwin [by 7; 10]

Нарушение порядка отражено в расположении правой лопатки у «восточного» костяка над ребрами, бедренные кости уложены вертелами наружу, позвоночник размещен тремя фрагментами. «Западный» костяк выложен менее тщательно, но сохранность костей стопы в анатомическом порядке говорит об одинаковом обращении с останками всех трех усопших (расчленение). Под костями были найдены два отдельных черепа.

Группа 2. Раскопки 1973 г.

Курган 1. Перекрытие сохранилось непо потревоженным. Компактное скопление костей было уложено в определенном порядке и было вытянуто с севера на юг. Разбитый череп зафиксирован над скоплением длинных костей («пакет»). Целые лепные кубки были найдены *in situ* поверх и возле останков (рис. 5: 1).

Курган 2. Перекрытие сохранилось на большей площади могилы. Северо-восточный угол могилы был ограблен колодцем в послевоенное время, что фиксировалось нарушением перекрытия. В этой части могилы находок и костей не выявлено. В остальной части ямы кости и инвентарь, перекрытые непосредственно колодами, сохранились *in situ*. Кости уложены «пакетом». Два черепа в южной части могилы лежали вместе, как и в кургане 4 первой группы, с севера располагались кости рук и части позвоночника (рис. 6). Костяки не полные. На одном из черепов есть следы перимортальных механических повреждений.

Курган 3. Перекрытие не сохранилось. Заполнение очень твердое, что говорит о вторичном проникновении. Погребение, вероятно, потревожено с ритуальной целью, поскольку длинные кости хаотично лежат в центральной части могилы, а череп — ближе к южной стенке. Возле черепа, острием на юг лежал железный наконечник копья.

Группа 3. Раскопки 1973 г.

Курган 1. Перекрытие в значительной степени сохранилось. В юго-западной части могилы оно нарушено при вторичном проникновении. Связывать данные действия с ограблением не позволяет наличие целых черпака и перевернутого кубка в данной части могилы. На территории хода останки лежали в беспорядке. Две длинные кости лежали одна на другой «крест на крест» (рис. 7). Вероятно, проникновение было совершено с ритуальной целью родственниками погребенных. В северной части могилы сохранилось компактное скопление дополнительно не потревоженных костей.

Курган 2. Перекрытие отсутствовало. В северо-западной части могилы выявлена костница из длинных костей, возле которых лежало два черепа. Еще один череп лежал южнее, у набора лепной посуды. Нижняя часть «восточного» скелета лежала в анатомическом порядке, но при этом правая бедренная кость находилась под тазом. Вертел левой бедренной кости вывернут в сторону от таза. Скорее всего, в сочленениях были уложены кости таза и обеих голеней. Именно с данным погребением и стоит соотносить создание всей костницы, как и в кургане 22 первой группы (рис. 8). Судя по следам на костях, как минимум, последнее погребение представляет собой демембрацию. Часть костей (вероятно, из «пакета») могла находиться на открытом воздухе (вторичное погребение)¹.

Курган 3. Затечный грунт и отсутствие перекрытия по центру могилы говорит о вторичном проникновении в яму. Кости уложены в псевдоанатомическом порядке (рис. 9: 1). Костей в сочленениях не выявлено. Западная часть скопления потревожена сильнее, кости лежат над уровнем дна, а две из них лежат одна на другой, как и в кургане 3 второй группы.

Попробуем дать обобщающую характеристику погребального обряда населения, оставившего Медвинский некрополь. Погребальные сооружения однообразные и представлены обширными прямоугольными ямами, в южной стенке которых сделаны ступеньки (дромос) для облегчения спуска в могилу при совершении захоронения. Его отсутствие в некоторых комплексах может быть объяснено их плохой фиксацией в однородном черноземе погребенной почвы [7, с. 27]. Перекрытия опирались на края могилы и плахи, уложенные через дромос вдоль длинной оси ямы. В ряде случаев поперечное перекрытие лежало в самой могиле и опиралось на балки, уложенные вдоль длинных стен. В отчетах четко отмечены следы вторичных проникновений: перекрытия нарушены, а ход заполнен плотной затечной землей.

В яме из уложенных вдоль стен колод создавалась камера, в которой по центру вдоль длинной оси ямы размещались кости. Столбы по сторонам от ступеньки-дромоса углублялись всего на 5–18 см и, кроме функций по фиксации длинных колод и поддержания перекрытия, могли выполнять и символическую роль по оформлению «портала между

¹ Предварительный осмотр части костей был произведен П. Е. Викторовой.

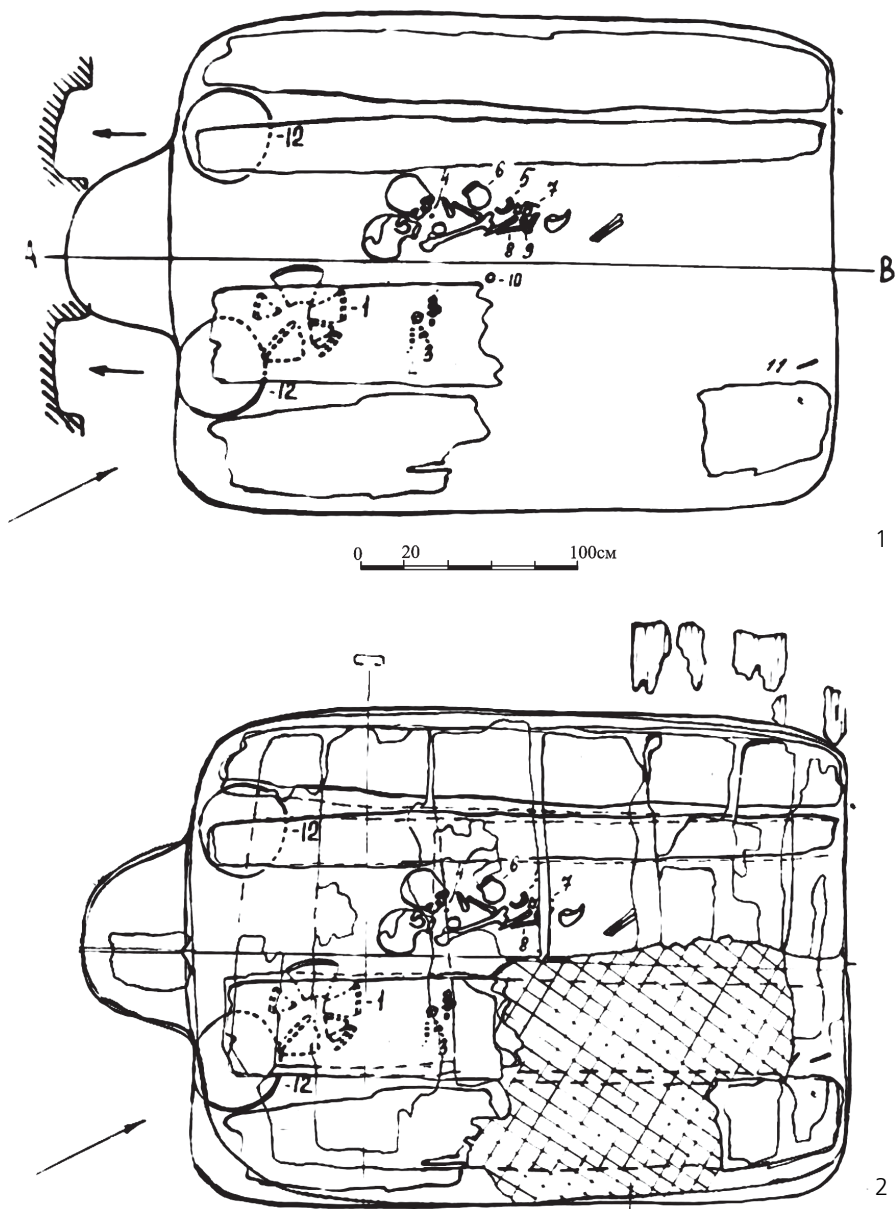

Рис. 6. Планы погребения в кургане 2 второй группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig. 6. Plans of the burial mound 2 in the second group of the necropolis near village Medwin [by 7]

мирами». Перекрытие лежит не на самих костях, а керамика в основном целая, что говорит о том, что камера с костями засыпалась на 0,2–0,5 м землей перед созданием перекрытия.

Проникновения в могилы были совершены с ритуальной целью. В двух случаях остатки вторичных захоронений костей были дополнительно переотложены. В остальных случаях, когда по центру могилы фактически отсутствовало перекрытие (9/1, 22/1, 2/3), были произведены дозахоронения одного расчлененного костяка, что и завершало создание костницы.

СТАТЬИ

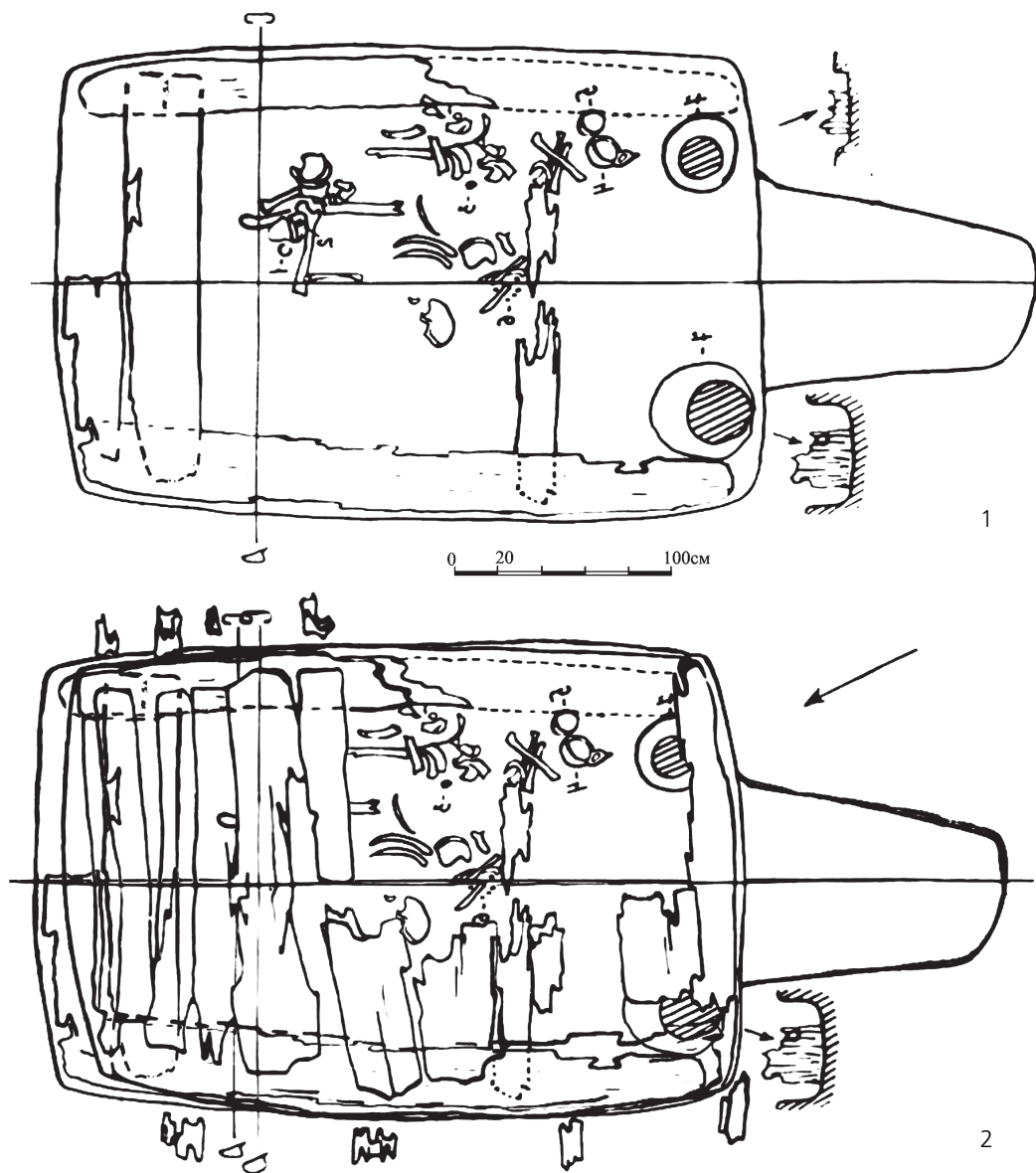

Рис. 7. Планы погребения в кургане 1 третьей группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig. 7. Plans of the burial mound 1 of the third group of the necropolis near village Medwin [by 7]

По способу обращения с телом все погребения относятся к ингумации. Даже сожженные гробницы содержат обожженные, а не кальцинированные кости. Все костяки были положены в могилы либо после демембрации, либо являлись вторичными захоронениями.

По характеру формирования комплекса погребения можно разделить на следующие типы.

Тип. 1. Одноактные захоронения. Характеризуются непотревоженностью перекрытия и/или отсутствием затека, который четко отмечался Г. Т. Ковпаненко.

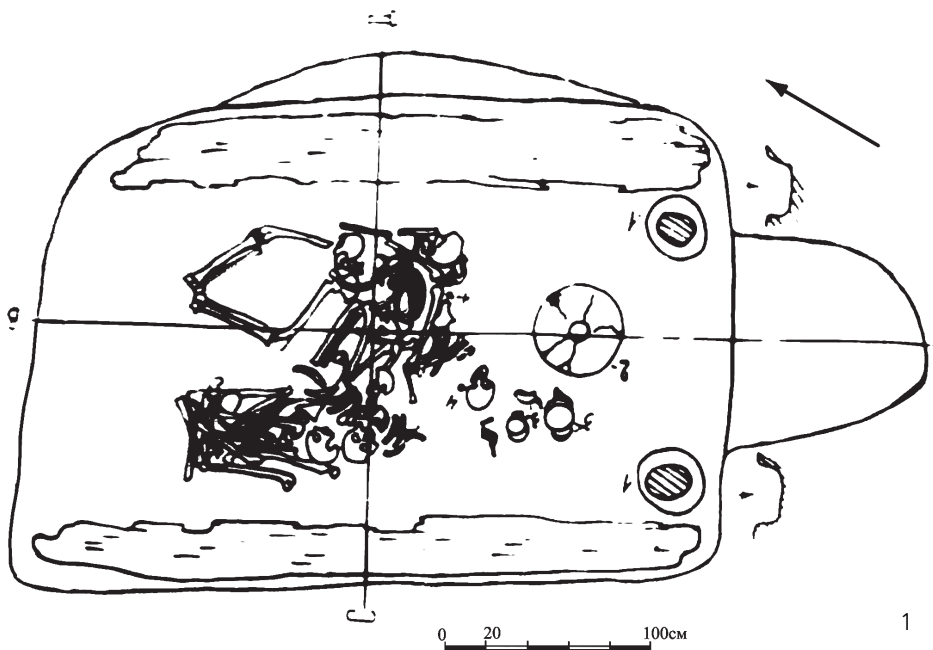

Рис. 8. План и фото погребения в кургане 2 третьей группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig . 8. Plan and photo of the burial mound 2 in the third group of the necropolis near village Medwin [by 7]

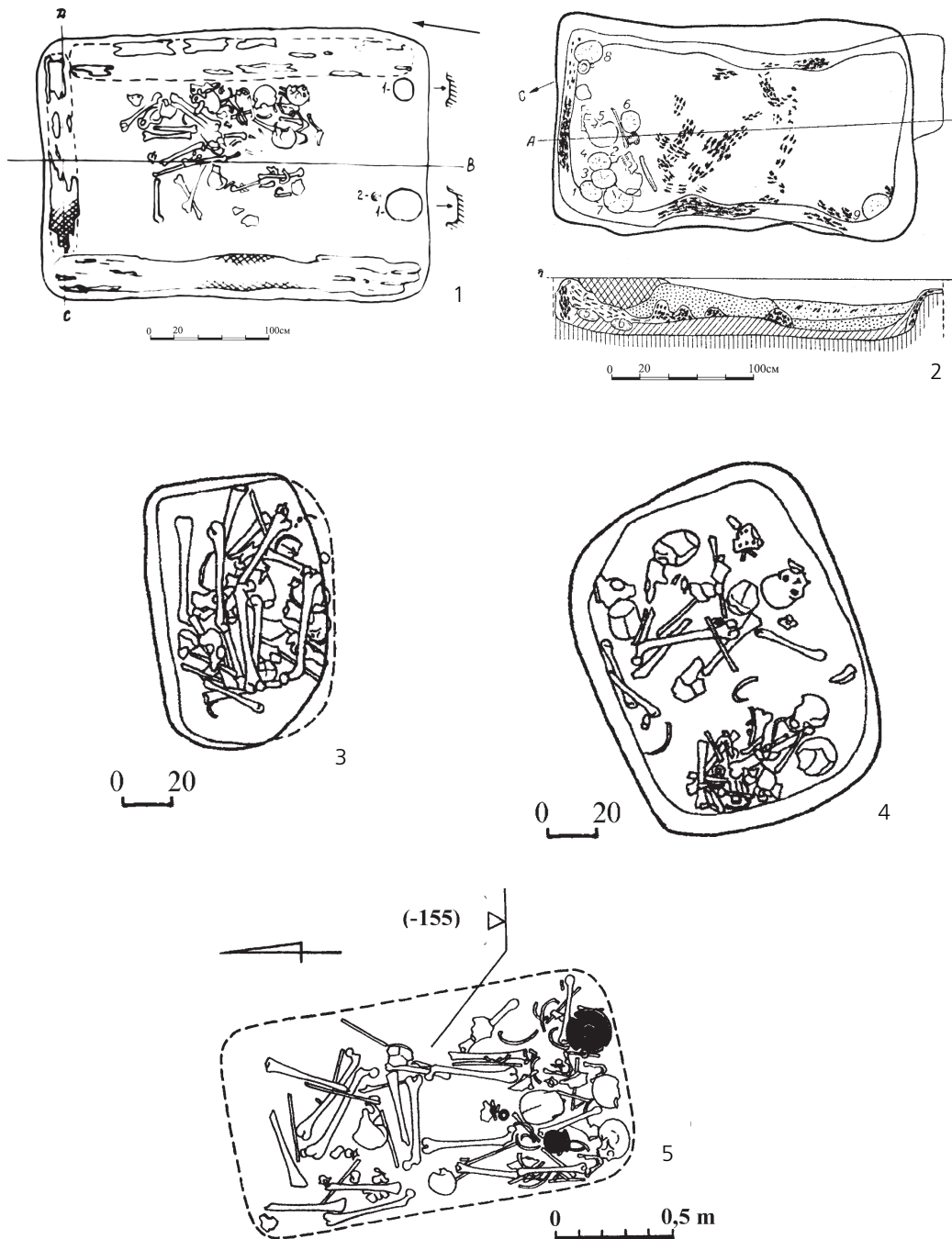

Рис. 9. Планы погребений:

1 – курган 3 третьей группы могильника у с. Медвин; 2 – курган II у с. Малые Будки; 3 – погребение № 5 у с. Вергуны; 4 – погребение № 13 у с. Вергуны; 5 – погребение № 1 могильника Черкассы-Центр 2 (2) [по 7; 12; 15]

Fig. 9. Plans of the burial mounds:

1 – burial mound in the third group of the necropolis near village Medwin; 2 – burial mound II near village Malie Budki; 3 – burial 5 near village Verguni; 4 – burial 13 near village Verguni; 5 – burial 1 of the necropol Cherkasi 2 [by 7; 12; 15]

Вариант А. Представлен курганом 23 (рис. 5: 2). Полностью сохранилось перекрытие. Погребение представлено тремя расчлененными костяками (кости стоп в сочленениях), выложенными в псевдоанатомическом порядке. Кроме того, под костяками найдено 2 отдельных черепа (кефалотафия). Интересно, что перевернутые миски и горшок, в отличие от погребений с вторичным проникновением, были найдены у дромоса в насыпи кургана.

Вариант Б. Вторичное захоронение костей в «пакете». Костяки все неполные. Два погребения выделяются положением с южной стороны от остальных костей двух черепов однополых индивидов (кург. 2/2¹, 4/1) (рис. 5: 1; 6).

Вариант В. Вторичные коллективные захоронения, в которых кости дополнительно сожжены в могилах (кург. 15/1, 19/1) (рис. 4).

Тип. 2. Двухактные захоронения. Проникновение фиксируется локальным нарушением целостности перекрытия и затечным грунтом в пределах хода.

Вариант А. Вторичные захоронения с ритуальным проникновением и перемещением части костяка, без дозахоронения. В двух комплексах была перемешана южная часть, вероятно, «пакета» (кург. 3/2, 3/1). В первом случае была частично разрушена часть скопления с женскими останками (рис. 7), а во втором это можно предполагать, поскольку часть костей и наконечники стрел сохранились *in situ*, а бусы найдены в потревоженной части могилы (рис. 2: 1).

В двух случаях непотревоженными (?) оставались остатки костяков, которые были выложены в псевдоанатомическом порядке без сочленений, а один костяк («восточный» или «западный») подвергался манипуляциям и размещался несколько в стороне от основного костяка (кург. 9/1, 3/3) (рис. 3: 1; 9: 1). К сожалению, нет данных антропологов о том, чей скелет дополнительно был потревожен.

Вариант Б. Вторичные погребения с дозахоронением (кург. 22/1, 2/3) (рис. 3: 2; 8). Осмотр костей из второго кургана третьей группы П. Е. Викторовой² показал, что часть длинных костей из пакета в северо-западной части могилы могли пребывать на открытом воздухе и под действием солнца побелели. Значительная часть костей из дозахоронения (?) имели следы отделения мягких тканей и сухожилий с помощью режущих орудий. При дозахоронении расчлененного костяка, по всей видимости, вскрывалась вся центральная часть камеры. Кости предков комплектовались в «пакет» или костяке, возле или вместе с ними располагались части расчлененного тела. К сожалению, по фото трудно определить, кого дозахоранивали. Можно предположить, что в кургане 2/3 последним был погребен самый молодой из четырех мужчин, а в кургане 22/1 — женщина. В данных комплексах перевернутые миски располагались у черепов последних погребенных, в южной части ям у дромоса, в отличие от кургана 23.

Таким образом, можно говорить о различном формировании комплексов и поливариантности манипуляций с телом умершего. К сожалению, определения антропологов не были сделаны в поле при разборке костяков и много информации, которая бы пролила свет на закономерности совершения захоронений, потеряно.

* * *

Случаи кефалотафии трижды зафиксированы среди погребений курганного могильника у с. Шандры. В кургане № 12 помимо двух погребенных, на уровне их голов, лежал еще один череп [13, с. 154]. В коллективном погребении (курган № 73), кроме трех анатомически полных скелетов, лежал череп без каких-либо еще частей скелета.

¹ Послевоенное ограбление не повлияло сильно на сохранность костяков. Судя по остальным комплексам, в данной, северо-восточной части могилы могла располагаться лишь часть инвентаря.

² Был произведен осмотр лишь на предмет перимортальных повреждений. Детальный анализ сохранившегося антропологического материала будет произведен А. В. Литвиновой.

А в кургане № 49 череп ребенка был найден в глиняной чернолощеной миске [14, с. 120, 132].

В кургане II у с. Малые Будки было зафиксировано захоронение в яме, заполненной обожженной глиной, возле северной стенки выявлено восемь черепов и другие кости, уложенные без анатомического порядка, а у противоположной стенки — еще один череп (рис. 9, 2). Следов ограбления в разрезе погребения не отмечено. Кроме того, у скопления черепов найден целый лощеный кувшин с ручкой [15, с. 124–126].

В захоронении № 2 кургана № 36 Гришковского могильника на Харьковщине на дне могилы был зафиксирован череп, который лежал на левом боку. Рядом размещалась нижняя челюсть и бусина. Можно предположить, что мы имеем дело с захоронением отдельного черепа. На это указывает отсутствие в захоронении как остальных частей скелета, так и инвентаря, в сочетании с отсутствием следов ограбления [16, с. 59].

В целом стоит говорить о том, что особые виды погребений у населения Лесостепи скифского времени по праву называются таковыми и не получили сколько-нибудь широкого распространения. Могильник у с. Медвин является исключением.

Об истоках традиции совершения особых погребений скифского времени Лесостепи

Первыми расчленили тела умерших *homo erectus* 500–300 тыс. лет назад [17, с. 227–236]. Демембрация встречается в комплексах ямной КИО [18], катакомбной [19, с. 14–44; 20, с. 92] и белозерской культур бронзового века [21].

Ритуальное расчленение умерших и вторичные погребения известны у племен срубной культуры [см. подробнее 22, с. 197–198]. В жилище 5 поселения Шоссейное в Подонцовье в яме лежали сложенные в кучу длинные кости, поверх которых находился череп женщины средних лет [23, с. 140]. При исследовании поселения позднего бронзового века Глубокое Озеро-2 на Северском Донце в полу жилища 1 был найден расчлененный скелет человека, перекрытый несколькими слоями панцирей черепах [24, с. 95–96].

Традиция демембрации умерших была широко распространена в Киево-Черкасском регионе среди населения ТКК, начиная с горизонта Малополовецкое-II (1600–1500 cal. BC) [25, с. 15]. Погребения позднего бронзового века Среднего Поднепровья с разными способами демембрации рассмотрел С. Д. Лысенко [11, с. 53–62]. Следы демембрации на костях отмечены на п. 5, 6, 12, 30, 83 и 93 могильника Малополовецкое-3¹. В остальных случаях ее можно предполагать. Исследователь выделяет несколько типов захоронений после демембрации: кости сложены в псевдоанатомическом порядке (тип 1); в определенном, но не анатомическом порядке (тип. 2); без системы (тип 3) и погребение отдельных костей [11, с. 54].

Относительно данной типологии погребения Медвина в основном будут представлять тип 1, поскольку псевдоанатомическая система в расположении костей зачастую прослеживается, и тип 2 (курганы с дополнительным сожжением и вторичным проникновением). Погребения отдельных костей (тип 4) — представлены кефалотафией в кургане 23. Бессистемное расположение костей зафиксировано лишь в пределах ходов вторичных проникновений (3/1 и 3/2).

В Среднем Поднепровье у населения бережновско-маевской срубной культуры обряд демембрации редок (0,1 %). Д. П. Куштан, следом за С. Д. Лысенко, рассматривает данный обряд как тот, который должен был ускорить переход умершего в мир иной, или как обезвреживание покойника. Вторичные захоронения в данном регионе встречаются более часто (0,6 %) и связаны с ритуалом перезахоронения. Нередко

¹ Хочу выразить благодарность С. Д. Лысенко за информацию и консультации при подготовке работы.

проявления подобного обряда прослежены в могильниках белогрудовско-белозерского времени (Вергуны, Крутьки) (рис. 9, 3–4) [26, с. 89].

Среди погребений культуры Сахарна в Среднеднестровском регионе 29 % составляют захоронения со смещением (демембрация или дозахоронение) [27]. На поселении Долиняны в хозяйственных ямах найдены погребение расчлененного скелета мужчины и женщины с тремя детьми [28, с. 44–46].

Обряду погребения, описанному в Медвинском некрополе, имеются прямые аналогии в могильнике раннежаботинского времени у с. Тютьки в бассейне Южного Буга (рис. 10) [29; 30, с. 256–260]. Стоит отметить, что на фото погребений в курганах № 2–3 в отчете четко видно, что костница расположена в центральной части более обширной ямы, подобно медвинским комплексам, что не нашло своего отражения на рисунках (рис. 10: 2, 5) [29, табл. 114–15]. Захоронения аналогичны варианту Б типа 2 медвинских комплексов (например, курган 22/1).

Интерес представляет погребение № 1 раннежаботинского времени могильника Черкассы-Центр 2 (рис. 9, 5). В грунтовой яме без следов ограбления были найдены неполные костяки пяти человек, которые были уложены в нее после разложения мягких тканей [12, с. 154–156]. Д. П. Куштан считает, что это явилось следствием вторичного погребения останков после первичного воздушного погребения, или в результате повторного захоронения выкопанных костей. Безусловно, данный обряд связан с культом предков, который представлен ритуалами, в основе которых лежит подсознательный инстинкт отождествления умершего родственника с его останками. Интересным является предположение Д. П. Куштана, что кости наиболее почитаемых предков могли эксгумироваться при переселении общины и заново перезахоранивались в общей могиле на новом некрополе [12, с. 155–156].

В данной традиции населения эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья, по всей видимости, и следует искать истоки аналогичных обрядов земледельческого населения восточноевропейской Лесостепи скифского времени.

* * *

Появление вторичных захоронений могло быть связано с первичным воздушным погребением [31, с. 29–30] или с переносом костей предков при переселении. Д. П. Куштан справедливо соотносит обряды перезахоронения, демембрации с культом предков и обрядом некромантии, когда кости предков использовались при общении живых с мертвыми родственниками [26, с. 89].

Коллективные погребения ананьинской культуры А. Х. Халиков связывает с проведением общих похорон раз в год, когда хоронили всех умерших за зимний период жителей поселка. Среди захоронений данной культуры повсеместно встречены вторичные, которые совершались после выставления тела умершего. Исследователь приводит широкие аналогии данному обряду среди финно-угорских народов [32, с. 99].

Вторичные погребения пазырькской культуры Алтая исследователи связывают с хранением останков умерших при перекочевках до захоронения на родовых кладбищах в определенное время года (ранней весной или осенью) [33, с. 64–67].

В целом вторичные погребения могут быть результатами как ритуальных, так и иных действий. О. В. Зайцева выделяет два варианта вторичного погребального обряда. Первый связан с сезонностью совершения захоронений, при котором отмечается, что за зимний период успевали бы разложиться лишь самые неустойчивые соединения. Данный вариант представлен плохо. Второй вариант предполагал более длительный отрезок времени до захоронения костей, который длился около трех лет, до полного скелетирования трупа. Исследовательница не указывает на то, кому могли принадлежать данные погребения. Подобный обряд является ярким примером представлений о фазах смерти, характерных традиционному сознанию. Кости собранные после освобождения от плоти, захораниваются и служат залогом поддержания жизненного круговорота. В данных действиях прослеживается семантический комплекс

З
Д
Т
С

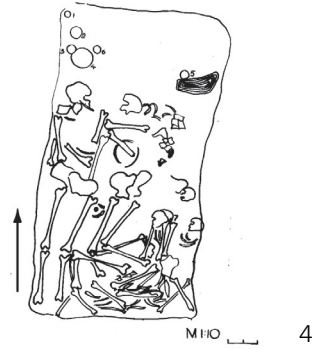
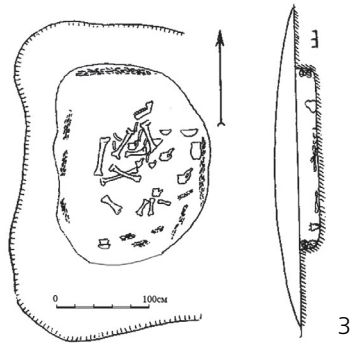
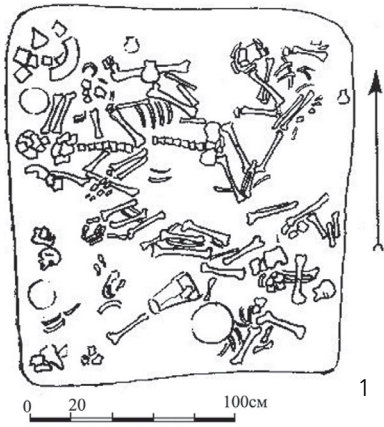

Рис. 10. План и фото погребений могильника у с. Тютки:
1-2 – курган № 3; 3 – курган № 1; 4-5 – курган № 2 [по: 29]

Fig. 10. Plan and photo burial mounds near village Tyutki:
1-2 – burial mound 3; 3 – burial mound 1; 4-5 – burial mound 2 [by: 29]

«предки — кости — возможность новой жизни». По материалам Западной Сибири О. В. Зайцева отмечает, что наибольший процент погребений с нарушенной анатомической целостностью (вторичные, парционные, расчлененные) приходится на неолит-ранний бронзовый век, а позднее идет значительное сокращение, с некоторым ростом в позднюю бронзу. Затем идет угасание данных традиций. При этом отмечается, что севернее манипуляции с останками продолжались вплоть до средневековья. О. В. Зайцева указывает на то, что обряд вторичного погребения может возникнуть в любом традиционном обществе вне зависимости от стадийной и культурной принадлежности или хозяйственного типа [6; подробнее см: 34; 35, с. 13]. Причины данного явления не поддаются объяснению.

Одной из причин появления специфического погребального обряда Медвинского могильника можно предположительно считать, вслед за Д. П. Куштаном, перенос части костей предков при переселении рода или племени на север. Данное предположение подтверждается датировкой материалов из данного некрополя (раннежаботинская писксида из кургана 4\1 и др.), которые являются древнейшими комплексами массива древнего населения чернолесского происхождения в данной местности¹.

* * *

Попытки выделения захоронений аборигенного населения Лесостепи делались неоднократно. С. А. Скорый разделил могилы автохтонов на три основные группы: бескурганые грунтовые могильники (наибольшая), подкурганые захоронения полностью сожженных на стороне покойников² и подкурганые погребения без выраженных кочевнических признаков³ [36, с. 62–65].

К характерным признакам погребального обряда земледельцев стоит добавить традицию вторичного погребения и демембрации. Данные действия отличаются от сдвигания костей к стенке могилы при дозахоронении в скифских могильниках Степи [37, с. 108, 110].

* * *

В целом можно говорить о генетической связи особых видов захоронений у населения Лесостепи пред- и скифского времени с традициями племен ТКК позднего бронзового века Среднего Поднепровья. Стоит предполагать и влияние племен белозерской культуры Степи и населения Днестро-Дунайского междуречья предскифского времени. Особые виды захоронений не получили распространения у населения Лесостепи в скифское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999.
2. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975.
3. *Лысенко С. Д.* Погребения скифского времени Малополовецкого могильника // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали до археологічної карти Київської області. Прес-музей. — Фастів, 2004. — № 20–21.

¹ Анализ датировки медвинских комплексов является темой отдельного исследования.

² Атрибуция части погребений, которые содержали прах умершего, помещенный в сосуд-урну, как могил земледельческого населения не бесспорна. Скорее всего, с пришлым населением следует соотносить захоронения между Петраковкой и Ромейково, Опишлянку, курганы 1 и 4 у с. Яблоновка. На синкретический характер данных захоронений указывал С. А. Скорый [36, с. 65].

³ Подобные захоронения исследователь соотносит с автохтонным населением с определенной условностью [36, с. 65].

4. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961.
5. *Бессонова С. С.* К вопросу об этнокультурной специфике кургана Перепятиха // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. — Тирасполь, 1994.
6. *Зайцева О. В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2005.
7. *Ковпаненко Г. Т.* Отчет о раскопках курганов у с. Медвин Богуславского р-на Киевской обл. в 1973 г. // НА ИА НАНУ. — 1973/23.
8. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981.
9. *Левченко Б. М.* Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории Богуславщины за 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. — 1984/168.
10. *Левченко Б. М., Левченко Н. Б.* Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории Богуславщины за 1985 г. // НА ИА НАНУ. — 1985/143.
11. *Лысенко С. Д.* Похоронения за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї // Наукові записки з української історії. — Переяслав-Хмельницький, 2003. — № 14.
12. *Куштан Д. П.* Погребение предскифского времени Черкаassy-Центр 2. Городцовские чтения // Материалы II научной конференции, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. — М., 2005. — № 145.
13. *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. — СПб., 1894. — Т. II.
14. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. — СПб., 1901. — Т. III.
15. *Махно Є. В.* Кургани скіфського часу біля с. Малі Будки // Археологія. — 1953. — Т. 8.
16. *Гречко Д. С., Шелехань А. В.* Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012.
17. *Ullrich H.* Manipulations on human corpses, mortuary practice and burial rites in Paleolithic times // Anthropos. — Brno, 1986. — № 23.
18. *Агульников С. М., Попович С. С.* Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. — Луганск, 2011.
19. *Мельник В. И.* Особые виды погребений катакомбной общности. — М, 1991.
20. *Пустовалов С. Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. — К., 2005.
21. *Агульников С. М.* Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. — М., 2010.
22. *Усачук А. Н., Подобед В. А., Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В.* Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецкий археологичний збірник 2009–2010. — 2010. — № 13–14.
23. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. — 1984. — № 4.
24. *Гершкович Я. П., Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., Панковский В. Б., Усачук А. Н., Шевченко Д. А.* Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. — К.; Запоріжжя, 2005.
25. *Лысенко С. Д.* Новые памятники милоградской культуры на Киевщине // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Матеріали та дослідження. Прес-музей. — К.; Фастів, 2010. — № 26–27.

26. Куштан Д. П. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи // Археологічний альманах. — Донецьк, 2013. — № 29.
27. Kaşiba M. Despre depunerile de oseminte umane on așezările hallstattiene timpurii (sec. X—IX a. Chr.) cultura Saharna on regiunea Nistrului de Mijloc (spațiul nord-vest pontic) // Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare. — Tulcea, 2008.
28. Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняни (по материалам раскопок 1977—1978 гг.// АСГЭ. — 1981. — № 22.
29. Заец И. И. Отчет о раскопках трипольского поселения Клищев-Тивровского р-на Винницкой обл; курганного могильника у с. Мизяков, Калиновского р-на V—IV вв. до н. э. и курганного могильника у с. Тюльки Винницкого р-на // НА ИА НАНУ. — 1974/87.
30. Заец И. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тюльки Винницкой области // СА. — 1979. — № 1.
31. Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). — М., 1954.
32. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). — М., 1977.
33. Дашковский П. К., Тишкин А. А. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная Сибирь в древности. — Барнаул, 2005.
34. Schroeder S. Secondary disposal of the dead: cross-cultural codeю// World culture. — 2001. — 12 (1).
35. Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. — М., 1997.
36. Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003.
37. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. — К., 1985.

Резюме

Гречко Д. С. Про особливі види поховань у населення східноєвропейського Лісостепу VII—IV ст. до н. е.

У статті аналізуються особливі види поховань населення Лісостепу передскіфського і ранньоскіфського часу. Розглядаються поховання Медвинського некрополя у Пороссі, які представлені вторинними і розчленованими похованнями. Можна говорити про генетичний зв'язок традиції здійснення особливих видів поховання у населення Лісостепу скіфського часу з традиціями племен тцінецького культурного кола Лісостепу. Варто припускати вплив племен Дністро-Дунайського межиріччя передскіфського часу і білозерської культури Степу. Особливі види поховань не набули поширення у населення Лісостепу в скіфський час.

Ключові слова: східноєвропейський Лісостеп, скіфський час, поховальний обряд, вторинне поховання, демембрація.

Резюме

Гречко Д. С. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

В статье анализируются особые виды захоронений населения Лесостепи предскифского и раннескифского времени. Рассматриваются захоронения Медвинского

некрополя в Поросье, которые представляют собой вторичные и расчлененные погребения. Можно говорить о генетической связи традиции совершения особых видов захоронений у населения Лесостепи скифского времени с традициями племен тшинецкого культурного круга Лесостепи. Стоит предполагать влияние племен Днестро-Дунайского междуречья предскифского времени и белозерской культуры Степи. Особые виды погребений не получили распространения у населения Лесостепи в скифское время.

Ключевые слова: восточноевропейская Лесостепь, скифское время, погребальный обряд, вторичное погребение, демембрация.

Summary

D. Grechko. Concerning Some Special Types of Burials of the Population of East European Forest-Steppe Region of the VII—IV cent. B. C.

In this article there are some special types of burials of the population of Forest-Steppe region of pre-Scythian and Scythian time are under analysis. There are some funerals of Medvin necropolis of Poros'e region included. They are secondary and dismembered. We can talk about the genetic connection of the tradition of special type funeral ceremonies of the population of Forest-Steppe region of Scythian period with the traditions of tribes of Tshinetskoe cultural circle of Forest-Steppe region. We can suppose the influence of tribes of Dniestr-Danube area of pre-Scythian time and Belozerskaja culture of the Steppe area. Special types of burials were not spread among the population of Forest-Steppe in Scythian time.

Key words: East European Forest-Steppe, Scythian time, funeral ceremony, secondary funeral, demembration.

В. Г. Івакін

Інформативні можливості та базові терміни сучасної тафології

Питання, пов'язані з проблематикою сприйняття смерті давньою людиною, еволюцією поховальних традицій та обрядовістю були завжди нагальними, як на світанку людства, так і сьогодні. Проблеми тафології — розділу некрології, що досліджує сферу діяльності людини, пов'язаної з захороненням померлих членів соціуму, постійно ставиться у сучасній науці. Сам термін «тафологія» (від грецького — *táφος* — поховання та *λόγος* — знання) був запропонований Ю. Смірновим для визначення сукупності традиційних знань людства, які стосуються різних форм та способів поведіння з тілом померлого [1, с. 230]. Під час вивчення проблем поховальної обрядовості досліднику потрібно розібратися в її структурі, мати можливість оперувати чіткою понятійно-термінологічною системою, правильно обрати відповідні методики для адекватної реконструкції окремо взятої поховальної практики. На жаль, у вітчизняній науці досі не визначена чітка тафологічна структура, спроби уніфікації понятійного апарату були спорадичними і не призвели до утворення єдиного системного вузько-спеціалізованого словника термінів.

Дана робота є спробою визначити відповідну структуру «науки про поховання» та розібратися з термінами, які можуть використовуватися у сучасній історичній та археологічній науках. Про позитивні наслідки студій цього спрямування зайве згадувати, якнайменше вони сприятимуть уникненню плутанини у назвах та поняттях, які активно використовуються при вивченні поховальної обрядовості. Подальший розвиток термінологічного апарату дозволить поглибити науково-методичні аспекти вивчення поховального обряду як унікального процесу.

Ми спеціально детально не зупиняємося на огляді історіографії проблеми, це тема для окремого дослідження. У 70–90 рр. минулого століття теоретичні основи вивчення поховальної обрядовості стали об'єктом особливо пильної уваги спочатку радянських, згодом, після розпаду СРСР, російських та українських дослідників. Цю активність можна пов'язати з проникненням на радянські терени ідей Нової або Процесуальної Археології (англ. *New archaeology*, *Processual archaeology*), представлених у роботах її лідерів Люїса Бінфорда, Девіда Кларка, Коліна Ренфру та інших.

Основні питання, пов'язані з теорією тафології та створенням відповідного термінологічного апарату, широко проаналізовані в роботах таких відомих фахівців як В. Альокшин [2], В. Генінг [3], А. Добролюбський [4], І. Кизласов [5], Г. Лебедев [6], В. Мельник [7], В. Назаренко [8], В. Ольховський [9, 10], Ю. Смірнов [11, 12, 13], С. Токарев [14, 15] тощо. За структурно-термінологічну основу дослідження нами обрано уніфіковану систему термінів і понять Ю. Смірнова у комплексному поєднанні з творчими доробками інших вищезгаданих дослідників. Склад базових термінів має попередній характер і розраховує на майбутні доповнення та удосконалення.

Інформативні (пізнавальні) можливості тафології

Інтерес істориків і археологів до поховального обряду пояснюється тим, що традиційно — це один з основних видів археологічних джерел, спираючись на які можливо реконструювати духовну і матеріальну культуру, світогляд, соціальний устрій та етнічну приналежність — основний спектр питань, пов'язаних з історією досліджуваного суспільства. Починаючи з 70-х рр. ХХ ст. поховальні пам'ятки аналізуються не тільки традиційними, але й природничими та математичними методами. Сучасна процедура дослідження такого специфічного джерела як поховальний комплекс, вимагає максимальної попередньої реконструкції поховального обряду. Тільки після створення подібної реконструкції, поховання можна використовувати як джерело для вилучення певної наукової інформації.

В. Альокшин виділяє *шість інформаційних блоків*, кожен з яких висвітлює певний бік життя стародавніх спільнот.

1. Світогляд стародавнього соціуму. Відображення уявлень людей про шляхи та способи переходу померлих до потойбічного життя в країні мертвих. Вивчення поховальних обрядів в часі і просторі може виявити еволюцію цього світогляду для різних історичних епох, визначити ставлення давніх людей до смерті і померлих.

2. Культурогенез. Можливість простежити становлення археологічної культури, її розвиток і зміну іншою або іншими археологічними культурами. При зміні однієї археологічної культури іншою можлива повна або часткова зміна поховального обряду. Повна зміна одного стандартного поховального обряду іншим свідчить про повне зникнення носіїв конкретної археологічної культури (міграція, військова катастрофа, епідемія). Часткова заміна стандартного поховального обряду іншим, тобто кардинальна зміна більшості елементів, складових старого поховального обряду і трансформація його в новий поховальний обряд свідчить про проникнення в середу конкретної археологічної культури носіїв прийшлої археологічної культури.

Подібні зміни часто призводять до формування третьої археологічної культури, яка відрізняється від двох перших: можуть змінитися тип поховання, ритуальні дії, склад наборів поховального інвентаря, конструкція поховальної споруди. Співвідношення збережених колишніх традиційних рис у новому стандартному поховальному обряді та елементів, які постали завдяки зовнішньому впливу, має відповісти на запитання, який культурний компонент (місцевий або прийшлий) став провідним при формуванні нової археологічної культури.

3. Статеві вікові групи. За свідченнями етнографії, у поховальних обрядах відображені статеві відмінності померлих. Реконструкція статевікових показників тільки антропологічними методами часто ускладнюється поганою збереженістю кісткового матеріалу, тому слід враховувати закономірності розподілу інвентарю в могилах, який корелюють зі статтю та віком померлого. Окремо розглядаються три основні групи поховань: чоловіків, жінок і дітей. Ці групи іноді можна розбити на статеві підгрупи з характерним або стандартним поховальним обрядом (ритуали, форма поховальної споруди, набір інвентаря).

4. Соціально-економічний статус. Характеризує ступінь соціального розшарування давніх суспільств, який відображено в поховальних обрядах. Найважливішою ознакою соціального розшарування стародавнього суспільства служить наявність певних груп поховань, які характеризуються поховальними спорудами, наборами інвентаря, нерівноцінними у майновому відношенні.

5. Еволюція форми сім'ї в первісних суспільствах. Еволюція в часі послідовності підхоронень або одночасність поховань для подвійних, потрійних і колективних поховань

дає можливість простежити основні тенденції розвитку форм сім'ї в первісну епоху. Також важливим є аналіз поховань «чужинців» на могильнику даного суспільства.

6. Палеоантропологічний і палеопатологічний блоки включають в себе інформацію про демографічні аспекти життя стародавніх людей — підсумування даних про тривалість життя, причини смерті, хвороби, зміни антропометричних даних давніх людей. Причина та обставини смерті мали велике значення у давнину, вони часто визначали характер поховального обряду [2, с. 3–8].

Отримані під час вивчення згаданих блоків результати використовуються для реконструкції релігійно-міфологічних поглядів та соціальної структури досліджуваного суспільства, а також відтворення етнічних, культурних, демографічних та інших особливостей творців певних груп поховальних пам'яток. Найбільший ефект при аналізі та реконструкції поховального обряду дає комплексний міждисциплінарний підхід — поєднання даних археології, етнографії, письмових джерел, фізичної антропології тощо [16, с. 76–77].

Базові терміни тафології

Смерть для давньої людини це — завжди перехід до нових форм існування. Виникнення культу мертвих сформувало особливий інтелектуальний рівень розвитку суспільства, дозволивши первісній людині створити одну з перших космологічних моделей: модель Того Світу — Потойбічного Царства. Світ мертвих іноді малювався людині абсолютно подібним світу живих, часом Потойбічний Світ усвідомлювався як «дзеркальне» відображення світу земного, з відповідною перестановкою місць і значень (зокрема, призначень предметів) основних явищ та об'єктів реального світу. Картини загробного світу досить строкаті і численні, створюються залежно від переважання у суспільстві тієї чи іншої релігійної, морально-етичної та/або соціальної концепції, у цілому (як і похоронні обряди) підкоряючись одній глобальній ідеї: Смерть — це перехід до інших форм існування (а поховання ~ забезпечення (здійснення) цього переходу).

В людському житті та історії проблеми Смерті настільки тісно переплетені з проблемами Життя, що без розуміння ставлення того чи іншого суспільства до цього «основного питання» людського буття, яке проявляється на величезному відрізку часу лише в матеріальних залишках некрологічної діяльності, неможливо правильно зрозуміти історію людства.

Система поглядів на смерть є невід'ємною частиною людського світогляду. В залежності від поглядів на смерть формується світогляд людини.

Світогляд — сукупність поглядів, оцінок, принципів, що визначають найзагальніше бачення, розуміння світу, місця в ньому людини, а також — життєві позиції, програми поведінки, дій людей. Світогляд — необхідна складова людської свідомості. Це не просто один з його елементів в ряду багатьох інших, а їх складна взаємодія. Різномірні «блоки» знань, переконань, думок, почуттів, настроїв, прагнень, надій, з'єднуючись у світогляді, утворюють більш-менш цілісне розуміння людьми світу та самих себе. У світогляді узагальнено представлені пізнавальна, ціннісна, поведінкова сфери у їхньому взаємозв'язку.

Головною особливістю світогляду є те, що він завжди стосується індивіда, соціальної групи, епохи, представлені конкретними особами. Не існує безособового, анонімного світогляду. У центрі усякого світогляду стоїть певний суб'єкт. Це пояснюється тим, що в нього включені не тільки знання, але й цінності, ідеали, почуття, цілі, все те, що має сенс для конкретної людини. Своїм корінням воно йде, почасти, в генетичну спадковість, почасти, складається під впливом навколишнього

середовища — спілкування з батьками, однолітками, на нього впливають кліматичні, етнічні та інші фактори. [17, с. 20–23].

Однак реально переконання, норми життя, ідеали формуються в досвіді, свідомості конкретних людей. А це означає, що крім типових поглядів, що визначають життя всього суспільства, світогляд кожної епохи існує, діє в безлічі групових і індивідуальних варіантів. І все ж у різноманітні світоглядів простежується досить стійкий набір їх основних «складових». Однією з таких складових є система звичаїв і обрядів, у тому числі і поховальних, що належать до перехідних етапів людського життя (rite de passages).

Світогляд людини багато в чому формується завдяки традиційним системам поглядів суспільства, до якого він належить. На сьогодні можна виділити *три основні системи поглядів про посмертне існування*:

1. Продовження тілесного — духовного існування як в потойбічному, так і в цьому світі (живий мрець). При такому існуванні всі необхідні умови відтворюються залежно від земного соціально-майнового статусу (піраміди, монументальні гробниці, жертви);
2. Перехід до безтілесної форми існування (дух, душа, привид). Вмирання тіла не порушує безперервного плину життя душі. Коса смерті проходить між душею і тілом, відокремлюючи померле тіло від безсмертної душі людини. Основні риси характеру особистості не міняються, вона переходить у потойбічний світ такою, якою її застала смерть тіла, і продовжує існування, розпочате на землі.
3. Повне припинення і тілесного і духовного існування. Атеїстична свідомість (різновид природничого мислення) будує іншу потрібну модель: буття — смерть — небуття. Фрідріх Енгельс: «что *отрицание* жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. Но кто однажды понял это, для того покончены всякие разговоры о бессмертии души. Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает *все* живые организмы, а не только человека. Таким образом, здесь достаточно простого уяснения себе, при помощи диалектики, природы жизни и смерти, чтобы устранить древнее суеверие. Жить значит умирать, *Generatio aequivoca*» [18, с. 610].

Світоглядні системи відображаються в традиціях, у тому числі і поховальних.

Традиція — це безліч уявлень, обрядів, звичок і навичок практичної та громадської діяльності, що передаються з покоління в покоління, які виступають одним з регуляторів суспільних відносин.

Поняття «традиція» сходить до лат. дієслова tradere, яке означає «передавати». Спочатку це слово використовувалося в буквальному значенні, позначаючи матеріальну дію. Так, стародавні римляни застосовували його, коли мова йшла про необхідність вручити комусь якийсь предмет. Але переданий предмет може бути нематеріальним. Це, наприклад, може бути ремесло чи майстерність: така дія в фігуральному сенсі також є traditio. Таким чином, межі семантичного спектру поняття традиції жорстко вказують на основну якісну відмінність всього того, що можна підвести під це поняття: традиція — це перш за все те, що не створено індивідом чи не є продуктом його власної творчої уяви (те, що йому не належить, щось передане кимось ззовні, звичай). Сама по собі традиція незмінна, символізує стабільність, позбавляє від необхідності осмислювати ситуацію і приймати рішення.

Складовими частинами традиції є звичаї та обряди.

Звичай — це успадкований стереотипний спосіб поведінки, який відтворюється в певному суспільстві або соціальній групі і є звичним для їх членів [19, с. 266].

Обряд (ритуал) — це сукупність умовних, традиційних дій, позбавлених безпосередньої практичної доцільності, які слугували символом певних соціальних відносин або формою їх наочного вираження і закріплення [20, с. 231].

Звичай являє собою практичні, утилітарні дії, обряд — дії умовні, символічні. На практиці обрядові та звичайні дії тісно переплітаються і їх співвідношення досить складно визначити. В. Мельник виділяє три види такого симбіозу:

1. Практичні, раціональні дії, яким надавався символічний характер;
2. Практичні дії, вчинені в ірраціональній, не прийнятій у повсякденності формі;
3. Дії, які втратили своє первісне практичне призначення і стали символічними [21, с. 94].

Для останнього виду дій С. Токарев запропонував назву обрядового звичаю [22, с. 28–30].

У сімейно-побутовій діяльності виділяються *дві групи звичаїв*:

1. Звичаї повсякденного життя, форми задоволення щоденно повторюваних життєво необхідних потреб;
2. Звичаї, відтворювані через відносно великий проміжок часу [7, с. 75].

Поховальні звичаї належать до другої групи.

Поховальні звичаї — це стереотипні практичні дії, здійснювані членами того чи іншого колективу по відношенню до померлого від моменту його смерті до скоєння поховання та створення поховальної пам'ятки. Форма здійснення поховальних етапів (підготовка поховання, транспортування померлого, поховання) закріплюється звичаєм. Обряд доповнює звичай і надає особливого значення ряду деталей процесу поховання. Це і створює симбіоз обрядового звичаю. Разом з тим поховальний обряд виявляється і в незалежному вигляді, коли символічні дії передують, супроводжують або укладають дії, встановлені звичаєм.

Якщо метою поховального звичаю є задоволення побутових, санітарних потреб (захоронення тіла померлого), то метою поховального обряду є задоволення духовних потреб (сприяння переходу душі покійного на той світ) [21, с. 95].

Існує і ще одна важлива закономірність, яка стосується безпосередньо поховальних обрядів. На думку Ю. Смірнова, обряд поховання завжди проходить три стадії:

1. Період становлення якогось стереотипу (нестійкість, невизначеність у складі та структурі елементів, складових поховального комплексу, тобто в обряді спостерігається маса відхилень від прийнятої норми).
2. Період найбільш жорсткого втілення (уніфікації) стереотипу (відносно стійка одноманітність складових елементів поховального комплексу).
3. Період розмивання, розхитування стереотипу (знову — невизначеність у складі та нестійке положення елементів поховального комплексу).

Остання закономірність добре простежується на рівні офіційної ідеології соціуму. Проте у народній культурі завжди спостерігаються відхилення від норми, навіть у періоди найбільш жорсткого втілення стереотипу того чи іншого обряду [1, с. 81].

Отже можна підсумувати, що хоча цілі поховального звичаю і обряду розходяться, однак результат у них спільний — поховання померлого члена людського соціуму.

Поховання. Поховання людини підрозділяється на два види, відповідно до характеру і обставин попадання решток померлого до складу літосфери.

Ненавмисне поховання — природне відкладення залишків живих організмів в геологічних шарах літосфери. Основні закономірності процесів природного, або «ненавмисного», поховання були сформульовані в кінці 10-х рр. ХХ ст. І. Єфремовим, творцем особливого напрямку в палеонтології — тафономії. Згідно тафономії, процес ненавмисного поховання слід розглядати як перехід органічних залишків з біосфери в літосферу. Отже, об'єктом вивчення тафономії є природні поховання,

яким піддаються, в основному, залишки флори і фауни, а до появи систематичних слідів поховальної практики в антропосфері і людські рештки [23, с. 48–54].

Навмисне поховання — відкладення залишків живих організмів в геологічних шарах літосфери в результаті діяльності людини (поховального обряду).

Поховання обох видів відбувається після настання біологічної смерті — фізіологічної (природної) або патологічної (насильницької).

При формуванні навмисного поховання активно задіяні фізичні та фізіологічні закони (*Ісаака Ньютона та П'єра Ністена*) [13, с. 12].

Нас цікавлять виключно навмисні поховання. Перші (археологічно зафіксовані) навмисні поховання померлих людей — інгумаційні, зафіксовані на території Старого Світу в період муст'є (100–90 тис. років тому). Першими істотами, які практикували поховання своїх загиблих родичів, були *Homo sapiens neanderthalensis* і *Homo Sapiens Sapiens*.

В. Нікольський вважав появу навмисних поховань результатом введення табу на канібалізм усередині стада. До того часу померлі родичі споживалися в якості їжі, що мотивувалося почасти прагматичними міркуваннями (вирішення проблеми голоду), а почасти сакральними причинами (спадкування достоїнств з'їденого члена громади) [24].

Ключ до розуміння витоків виникнення муст'єрських поховань сучасні дослідники бачать у некомплектних розчленованих похованнях цього періоду, які свідчать про посмертні маніпуляції з трупами (розчленування). Подібна практика поводження з трупами сучасними дослідниками пояснюється як результат ритуалів продукуючих обрядів. В них смерть і руйнування виявляються засобом для відновлення нового життя. Подібні ритуали зафіксовані етнографами у примітивних народів Півночі. Їх зміст полягає у відродженні вбитого звіра після поїдання його м'яса і поховання розчленованих кісток скелета в окремих місцях. Продукуючі обряди мали поновити порушену мисливцями рівновагу в природі, відроджуючи душі вбитих тварин [25, с. 136–154].

Високий рівень смертності в епоху муст'є змушував групи мисливців приймати магичні захисні заходи: обряди, магія яких повертала б до життя померлих родичів/появлення нових, тобто зберігала рівновагу в стародавньому соціумі. Таким чином, магія ранніх форм поховальної обрядовості сприяла підтримці стабільності всередині мисливських колективів. Саме таке смислове навантаження бачить у похованні неповних трупів в епоху муст'є В. Альокшин. На його думку, витoki цих поховальних обрядів ведуть у домуст'єрську епоху, і сходять до продукуючих обрядів (родючості та розмноження) [2, с. 162–164].

Вся подальша історія поховального обряду загалом не підтверджує еволюціоністську теорію про лінійність розвитку обрядовості, тобто дані антропологічних досліджень не дозволяють твердити про постійну еволюцію ритуалу у бік більш складних процесуальних форм [1, с. 13].

При вивченні поховальної обрядовості слід розрізняти *історичний та археологічний аспекти* поховання.

Характер і результати дій, здійснених в процесі поховання, В. Мельник розділяє на три групи:

1. Просторово-часові (рухи тіла, танці, порядок ходи).
2. Тимчасові (проголошення слів, виконання музики).
3. Просторові (предмети, споруди, зображення) [21, с. 95].

Поховання історичне — складне явище, пов'язане з певними релігійними уявленнями та соціальними відносинами, а також наявністю матеріальних можливостей для його здійснення (всі три групи дій).

Поховання археологічне — та частина цього явища, яка відобразилася в матеріальних залишках на момент його археологізації. Результатом археологічного поховання є *поховальний комплекс*.

Навмисне поховання, як правило, з'являється внаслідок проведення поховального обряду. *Поховальний обряд* являє собою жорстко детерміновану систему з великою кількістю варіацій.

Ще на початку ХХ ст. французький етнограф Ж. Монтандон виділив вісім типів поведінки з тілом померлого, які залишаються незмінними і сьогодні [26, р. 651].

- 1) *Залишення, викидання*. Прикладом можуть слугувати зороастрійські обряди. Віровчення давніх персів не дозволяло ховати померлих у землі або спалювати у вогні, тож трупи виставляли на спеціальних майданчиках на повітрі, а після скелетизації кістки зберігали у спеціальних спорудах — осуаріях [27, с. 65–101].
- 2) *Поховання у воді, утоплення*. У племен Океанії водяне поховання зустрічається у різних видах — утоплення тіла, запускання у море на човні тощо: так, набальзамовані тіла вождів відправлялися в морське плавання на човнах, тоді як тіла простих общинників просто викидали (топили) в море. Подібні ритуали згадуються у давньогерманському епосі. Основна і природна функція човна — транспортна — переносилася і в загробний світ. Човен необхідний для загробного плавання до острова мертвих (звичайне вірування на островах Тихого океану) або у загробний світ, розташований за морем, потоком (характерно для скандинавів). Плавання це іноді здійснювалося цілком конкретним способом — труп відправляли в човні у відкрите море (Самоа, Фіджі, Нова Зеландія та інші) [28].
- 3) *Повітряне поховання*. Один з найдавніших релігійних обрядів поховання померлої людини, при якому поховання відбувається шляхом підвішування тіла померлого в повітрі, з метою передачі тіла померлого духам повітря, світла, дерева тощо. На сьогоднішній день зустрічається у скороченій гігієнічній формі розвіювання праху. У деяких народів, обряд відбувався відносно всіх померлих, а у деяких народів — тільки відносно «обраних» за тими чи іншими ознаками. Зафіксований у народів Кавказу, Сибіру, Японії, корінного населення Північної Америки. Наприклад, Б. Хотко пов'язує повітряні поховання чоловіків у абхазів та адигів з поклонінням божеству грому та блискавки і священним гаям [29, с. 175–180].
- 4) *Інгумація* (від лат. *in humare* — вкривати землею). Етноархеологічний термін, яким, як правило, позначається поховання нерозчленованого тіла у землі: ґрунтові могили або катакомбі, зрубні гробниці, склепі, печері, саркофази тощо. За Ю. Смірновим — «завершающий акт погребального обряда, ведущий к окончательному сокрытию тела или птоматированных останков умершего» [13, с. 171].
- 5) *Кремація* (від лат. *crematio* — спалення) — спосіб поведінки з тілом померлого, який має за мету знищення плоті (часткову або повну). При розгляді кремаційного обряду цілком справедливим здається зауваження Л. Акімової про те, що кремація, як і інгумація, пов'язана з кінцевим похованням праху людини в землі. На думку дослідниці, кремацію навіть варто розглядати не як самостійний обряд, а лише як ускладнений варіант інгумації, при якому між двома кардинальними моментами похорону — оплакуванням і захороненням — вводиться проміжний етап — спалення тіла і збирання попелу і кісток. Цим можна пояснити тісне переплетіння інгумації та кремації у поховальних обрядах різних культур (антична Греція, дружинні поховання Східної Європи тощо). Можна погодитися з Л. Акімовою, із зауваженням: кремація є ускладненим варіантом не тільки інгумації, але й поховання у воді, повітрі тощо [30, с. 228–237];
- 6) *Муміфікація* (від араб. *тут* — *віск* і латинського слова *facio* — роблю), висихання трупа або окремих відмерлих частин живого організму.
- 7) *Декарнація, екскарнація* (від лат. *de* — от, *carnis* — плоть) процес звільнення кісток кістяка від м'яких тканин (залишення на повітрі, закопування в землю, виварювання у спеціальних розчинах, очищення за допомогою тварин-стервятників

або механічне очищення кісток за допомогою зрізання плоті спеціальними інструментами).

- 8) *Канібалізм* (від ісп. *canib* — спотвореної назви індіанців з островів Карібського моря), тут більш вірним терміном видається людожерство, антропофагія (від грецьк. *άνθρωπος* — людина, *φαγεῖν* — їсти) — поїдання одного або кількох членів соціуму представниками того ж самого соціуму або представниками ворожого соціуму. До проблематики поховальної обрядовості відноситься тільки ритуальна антропофагія, в результаті якої рештки кісток можуть піддаватися похованню в землі або виставленню. Наслідки трофічної антропофагії не утворюють поховального комплексу.

Подібна широка варіативність поведження з тілом померлого підтверджується даними етнографії та історії. Така різноманітність способів поховання завжди була основною проблемою при вивченні поховальної обрядовості. Спроби його пояснити пропонувалися прихильниками різних напрямків у антропологічній науці, так диффузіоністи (Ф. Гребнер, В. Шмідт, Г. Піт-Ріверс, Ж. Монтандон) намагалися пов'язати різні форми поховання з різними послідовними хвилями заселення країни. Проте аргументи прихильників культурних міграцій безсилі пояснити, чому у деяких відносно ізольованих примітивних товариств (Австралія, Полінезії тощо) дослідники виявляли до декількох десятків різних способів поведження з померлими [15, с. 166].

Цікавою виглядає спроба пояснення феномену варіативності поховальних обрядів народів світу російським археологом І. Кизласовим. Він зауважує, що гори і дерева, земля, вогонь і вода першопочатково сприймалися первісною людиною як відтворюючі сили всесвіту. Здійснені в них поховання були ритуальним і матеріалізованим проявом існуючих в давнину уявлень про смерть і переродження. Померлих родичів повертали у владу стихій, щоби забезпечити відтворення громади. «Такие погребения есть намеренное и обрядово осознанное удаление умершего ради его сохранения в общинном коллективе, выражение заботы о том, чтобы его самого или заключенную в нем часть общей жизненной силы коллектива, постоянно пребывающей в священном родовом центре и выходящей в мир в облике новорожденных, не потеряют, сохранит внутри конкретной общины» [331, с. 104].

Базуючись на вищезгаданій версії, І. Кизласов виділяє *три стадії* поховальних звичаїв:

1. *Формування та здійснення уявлень про необхідність повернення померлого в священний відтворюючий центр або стихію.* Реалізація подібних поглядів не вимагала створення поховальних споруд, спорядження померлого супутнім інвентарем та їжею. На цій стадії не існувало уявлень про загробне життя, світ речей не мав значення для обряду. Тому поховання цієї епохи археологічно невлімові. Сюди можна віднести ритуали «добровільної смерті», ендоканібалізм і відповідні види смертної кари. І. Кизласов припускає, що в муст'єрський час основним був саме обряд «добровільної смерті». Звідси виставлення, утоплення і «повітряне поховання». Хронологічно перша стадія відповідає добі нижнього палеоліту.
2. *Додавання уявлень про існування потойбічного світу мертвих, зовні схожого з світом живих.* На цій стадії стало необхідним постачання померлого супровідним інвентарем і їжею для переходу в загробний світ і існування там. Поховальні спорудження сходять до природних об'єктів, вони відтворюють форму природних прототипів (гору, дерево, водну стихію тощо). До цієї стадії А. Кизласов відносить появу наземних і раннях ґрунтових поховань. Стадія співвідноситься дослідником з епохою середнього палеоліту.
3. *Формування поглядів про тричленність Всесвіту.* Потойбічний світ потрапляє на нижній ярус, перетворюється на світ підземний. Небіжчика закопують в яму, над ним зводиться насип, надмогильні споруди. Наступ цієї стадії відноситься до верхнього (пізнього) палеоліту.

Три виділених стадії були послідовними хронологічними етапами, проте появлення нових поховальних світоглядів не витісняло колишні повністю, а перепліталось з ними і виробляло більш складні форми [31, с. 108–110].

На нашу думку, у Ж. Монтандона перераховані саме способи поводження з тілом померлого, проте їх необхідно відрізнити від завершальних актів поховального обряду. Останні пов'язані з основними біологічними стихіями і їх можна виділити три:

1. Поховання в землі.
2. Поховання у воді.
3. Повітряне поховання.

Решта являє собою дії, пов'язані з підготуванням тіла померлого до завершального акту поховального обряду. Так, рештки кремаційного поховання могли предати землі, втопити або розвіяти у повітрі. Муміфіковані, декарновані тіла померлих, а також рештки ритуальної антропофагії могли захоронити в землі тощо.

В результаті навмисного поховання з'являється *поховальний комплекс*.

Поховальний комплекс — це сукупність взаємопов'язаних об'єктів, тобто система, організована поєднанням чотирьох (як максимум) складових:

- а) поховальна споруда — стаціонарна, штучно створена споруда, виготовлена для розміщення решток померлого;
- б) рештки похованого — тіло померлого у певній позі або у певному стані збереженості тканин;
- в) посмертний (поховальний) інвентар — сукупність предметів, необхідних для переходу або посмертного існування померлого;
- г) метаструктура (додаткова некрологічна структура за Ю. Смірновим) — будь-який штучно створений об'єкт, який міститься в межах поховального комплексу, не несе функцій поховальної споруди або ж перебуває за її межами, проте має безпосереднє відношення до посмертного звернення (могильні стели, пам'ятники, храми).

Загальна функція для всіх чотирьох компонентів — функція забезпечення постійного посмертного існування (продовження посмертного існування) або тимчасового (в момент переходу). Організація структури поховального комплексу обумовлюється всією сукупністю суспільних відносин, рівнем розвитку продуктивних сил того чи іншого конкретного суспільства. Також вони знаходяться в прямій залежності від того, який з двох фундаментальних напрямків було обрано: напрям, що веде до збереження або знищення трупа.

У якості підведення підсумків, ми можемо зауважити, що розглядаємо дану статтю переважно як заклик спеціалістів різних спрямувань до відповідної наукової дискусії. Метою дискусії має стати визначення стабільної тафологічної структури та створення термінологічного апарату, які можна буде застосовувати у сучасній історичній та археологічній науках при дослідженнях, пов'язаних із поховальною обрядовістю.

ЛІТЕРАТУРА

1. Смирнов Ю. А. Морфология погребения (Опыт создания базовой модели) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. — М., 1990.
2. Алекшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. — Л., 1986.
3. Генинг В. Ф., Бунытян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (Анализ погребальных памятников). — К., 1990.

4. *Добролюбовский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. — К., 1982.
5. *Кызласов И. А.* Погребальный обряд и уровень развития общества // РА. — 1995. — № 2.
6. *Лебедев Г. С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. — 1977. — Вып. 148.
7. *Мельник В. И.* Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. — 1990. — Вып. 201.
8. *Назаренко В. А.* Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.
9. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. — 1986. — № 1.
10. *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции. — РА. — 1995. — № 2.
11. *Смирнов Ю. А.* Тафология (Попытка системного подхода) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. — М., 1985.
12. *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. — М., 1991.
13. *Смирнов Ю. А.* Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. — М., 1997.
14. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. — М., 1965.
15. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. — М., 1990.
16. *Гуляев В. И.* Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. — 1993. — № 1.
17. *Некрасова Н. А., Некрасов С. И.* Мировоззрение как объект философской рефлексии // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 6.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М., 1961. — Т. 20.
19. *Гофман А. Б.* Обычай // БСЭ. — 1974. — Т. 18.
20. *Чистов В. Я.* Обряд // БСЭ. — 1974. — Т. 18.
21. *Мельник В. И.* Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. — 1993. — № 1.
22. *Токарев С. А.* Обычай и обряды как объект этнографического исследования // СЭ. — 1980. — № 2.
23. *Ефремов И. А.* Что такое тафономия? // Природа. — 1954. — № 3.
24. *Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. — М.; Петроград, 1923.
25. *Кабо В. Р.* Первоначальные формы религии // Религии мира. 1986. — М., 1987.
26. *Montandon G.* L'ologenese culturelle. — P., 1934.
27. Мейтарчиян М. Погребальные обряды зороастрийцев. — М.; СПб., 2001.
28. *Петрухин В. Я.* Погребальная ладя викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии (опыт сравнительного анализа) // <http://norse.ulver.com/articles/petruhin/deadship.html>
29. *Хотко Б. С.* Обряд «воздушного» погребения в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов // Вестник адыгейского государственного университета. — Вып. 1. — 2001.
30. *Акимова Л. И.* Об отношении геометрического стиля к обряду кремации // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. — М., 1990.
31. *Кызласов И. А.* Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. — 1993. — № 1.

Резюме

Івакін В. Г. Інформативні можливості і базові терміни сучасної тафології

Питання тафології — розділу некрології, який досліджує сферу діяльності людини, пов'язаної з похованням померлих членів соціуму, завжди актуальні для сучасної археологічної та історичної науки. При вивченні проблем поховальної обрядовості досліднику необхідно розібратися в її структурі, мати можливість оперувати чіткою понятійно-термінологічною системою, правильно обирати відповідні методики для адекватної реконструкції окремо взятої поховальної практики. Дана робота є спробою визначити відповідну структуру «науки про поховання» і розібратися з термінами, які можуть використовуватися в сучасній науці. Подальший розвиток термінологічного апарату дозволить поглибити науково-методичні аспекти вивчення поховального обряду як унікального процесу.

Ключові слова: тафологія, поховальні традиції, обряд, смерть, світогляд.

Резюме

Ивакин В. Г. Информативные возможности и базовые термины современной тафологии

Вопрос тафологии — раздела некрологии, исследующего сферу деятельности человека, связанной с захоронением умерших членов социума, всегда актуальны для современной археологической и исторической науки. При изучении проблем погребальной обрядности исследователю необходимо разобраться в ее структуре, иметь возможность оперировать четкой понятийно-терминологической системой, правильно выбрать соответствующие методики для адекватной реконструкции отдельно взятой погребальной практики. Данная работа является попыткой определить соответствующую структуру «науки о захоронении» и разобраться с терминами, которые могут использоваться в современной науке. Дальнейшее развитие терминологического аппарата позволит углубить научно-методические аспекты изучения погребального обряда как уникального процесса.

Ключевые слова: тафология, погребальные традиции, обряд, смерть, мировоззрение.

Summary

V. Ivakin. Informative Capabilities and Basic Terms of Modern Taphology

Questions of taphology — necrology section examining the scope of human activities related to the burial of deceased members of society are always relevant to modern archaeological and historical science. In the studies of problems funeral rites researcher needs to understand its structure, to be able to operate with a clear conceptual and terminological system, to choose the appropriate methods for adequate reconstruction of a single burial practices. This work is an attempt to determine the appropriate structure «science of burial» and understand the terms that can be used in modern science. Further development of terminological apparatus will deepen scientific and methodological aspects of the study of the funeral rite as a unique process.

Key words: taphology, burial traditions, rituals, death, world outlook.

Р. В. Кройтор, В. В. Колода

Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье¹ (Часть 1)

елковая пища животного происхождения — одна из наиболее важных основ полноценного питания человека на протяжении всего периода его истории. Основными способами пополнения животного белка служат охота, рыбная ловля и животноводство. Последний вид деятельности является одной из основ хозяйства практически всех производящих обществ от древности и до сего дня. Не является исключением и раннесредневековое население юга Восточной Европы, в частности восточные славяне.

Одним из славянских племен, занимавших значительные лесостепные пространства Днепровской Лесостепи и Полесья, были племена летописных северян. В своем развитии они прошли две стадии культурных трансформаций: волынцевская археологическая культура середины VII — середины VIII вв. (ранний этап) и роменская археологическая культура — вторая половина VIII—X вв.² Именно в контексте изучения животноводства у населения позднего (роменского) этапа северянских древностей и следует рассматривать данную работу.

Историография

Начало изучения животноводства северян следует связать с общими работами по анализу костного животного материала с памятников восточных славян [2, с. 111–120; 3]. И хотя в них не рассматривались материалы с роменских памятников, это были первые работы по изучению фаунистических остатков с территории Украины. Значительный вклад в исследование зооархеологического материала Восточной Европы был сделан в 50–60-е гг. XX в. В. И. Цалкиным. В ряду его фундаментальных исследований по славяно-русским памятникам [4, с. 211–236; 5, с. 201–224; 6] следует выделить работы, отражающие остатки фауны с городищ роменской культуры [7 с. 285; 8,

¹ Данная статья, посвященная анализу значительного по количеству остеологического материала, который был получен в результате пятнадцатилетних широкомасштабных полевых исследований, по своему объему практически вдвое превосходит допустимый лимит статей сборника «Древности». Однако, авторы считают, что материалы с памятников Харьковщины должны быть опубликованы именно в сборнике, который выходит в данном регионе. В связи с этим единая статья разбита на 2 части. В первой подается историография, методика исследования и анализ археозоологических комплексов с роменских городищ Водяное и Коробовы Хутора. Иные памятники (Мохнач и Городное), а также обобщающий анализ по региону будут поданы во второй части статьи (следующем сборнике «Древности, 2016»).

² На Северском Донце некоторые роменские памятники продолжают свое существование и в первой половине XI в.; например: городища Коробовы Хутора, Мохнач [1, с. 38–40].

с. 91–101]. Уровень понимания животноводства северянского населения, который сложился в науке на первую половину 1970 г., отражен в монографии О. В. Сухобоква [9, с. 102–106].

Среди современных украинских исследователей зооархеологического материала следует отметить О. П. Журавлева. Из его наработок к нашей теме наиболее близко стоит исследование общего характера по животноводству славянского населения восточноевропейской лесостепи [10, с. 34–43], в котором, однако, памятники роменской культуры не представлены. Современные научные представления об уровне развития животноводства северянских племен отражены в работах С. А. Горбаненко — относительно памятников Днепровского Левобережья [11, с. 113–122; 12, с. 65–78], и небольшим очерком в монографии В. В. Енукова — относительно Курского Посемья [13, с. 125–127].

Отметим и работу тезисного характера, в котором рассматриваются фаунистические материалы, обнаруженные в роменских жилищах на городище Мохнач [14, с. 82–84]

Таким образом, животноводство населения роменской культуры изучено явно недостаточно. Оно рассматривалось, как правило, или в общем контексте уровня животноводства славян второй половины I тыс. или совместно с древнерусским этапом развития хозяйства у населения Днепровского Левобережья. Главные причины этого мы видим в недостаточном количестве костного материала, как источниковой базы такого исследования, а также небольшом количестве специалистов-палеонтологов, заинтересованных в изучении даже имеющегося фаунистического материала. Практически не изученной в этом плане оставалась юго-восточная окраина северянского мира, которая входила в контактную зону тесного взаимодействия славян и многоэтнического населения Хазарского каганата (рис. 1)

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических культур юга Восточной Европы в конце I тыс. н. э. (с указанием рассматриваемого региона)

Fig. 1. Map-scheme of the location of East European archeological cultures at the end of the 1st millennium AD (with the indication of the region under investigation)

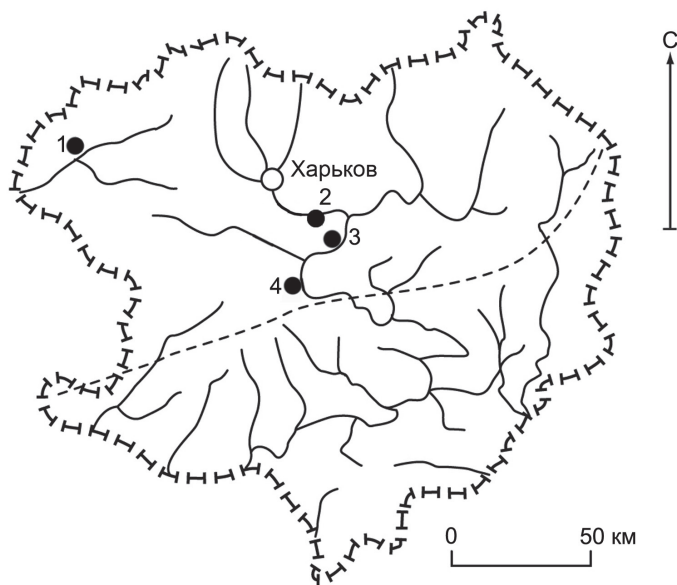

Рис. 2. Харьковская область. Схема местоположения городищ, археозоологические остатки которых рассматриваются в работе:

Городное (1), Водяное (2), Мохнач (3), Коробовы Хутора (4). Пунктиром показана граница степи и лесостепи

Fig. 2. Kharkov oblast. Scheme showing the location of the settlements; their archeozoological remains are discussed in the paper:

Gorodnoje (1), Vodyanoje (2), Mohnach (3), Korobovy Hutora (4). The dotted line indicates the border between the steppe and the forest-steppe

Положение начало меняться в конце XX в. За последние полтора десятилетия в результате плановых и спасательных исследований на роменских памятниках Харьковской области (рис. 2) был получен фаунистический костный материал, который позволил вновь поставить вопрос о роли и уровне развития животноводства у северян контактной зоны славян и населения Хазарии в верхней части бассейна Северского Донца.¹ К ним, прежде всего, относится городище Водяное (на р. Уды, правый приток Северского Донца), где роменские материалы конца X — начала XI вв. локализованы на северо-восточной оконечности мыса в пределах раннесредневекового двора [15, с. 171]. На двух многослойных памятниках — Коробовы Хутора и Мохнач (С. Донец) — также имеются культурные отложения позднего этапа истории северян. В Коробовых Хуторах они выявлены в целом на городище [16, с. 75–76], а в Мохначе — локализованы в пределах южной части мыса городища [17, с. 13]. Археологический комплекс поселений (городище и обширное селище) близ с. Городное² содержит славяно-русские материалы, охватывающие период с IX по XIII вв. [19, с. 129–131]. Последний памятник интересен тем, что дает возможность проследить изменение роли животноводства в процессе освоения северянами конкретного микрорегиона.

¹ Еще одной контактной зоной тесного взаимодействия славян боршевской культуры и населения Хазарии было в конце I тыс. Верхнее и Среднее Подонье.

² Памятник находится на правом берегу р. Мерла (правый приток р. Орель, которая, в свою очередь, является левым притоком Днепра). Данное городище располагалось на кратчайшем пути от компактной группы роменско-древнерусских памятников на Донце к славяно-русским памятникам на Ворскле, а возможно и в более позднее время, как промежуточный пункт в торгово-экономических отношениях Золотой Орды и древнерусских княжеств [18, с. 189, 193, рис. 1–6].

Частично эти материалы проанализированы в ряде работ. В самых общих чертах животноводство северянского населения (и лишь в сравнении с аналогичным занятием населения салтовской культуры) рассматривается в двух работах [20, с. 147–149, рис. 76, табл. 14; 21, с. 312–324]. Основные данные по животноводству городища Водяное освещены в одной из статей, где дается комплексный анализ сельского хозяйства его раннесредневекового населения [22, с. 173–174]. Результаты обработки костного материала с поселения Городище изложены лишь тезисно [23, с. 139]. В значительной мере (но далеки от полноты) они представлены в приложении к монографии по сельскому хозяйству раннесредневекового населения указанного региона [24, с. 181–199]. Это стало возможным лишь в процессе обработки археозоологических материалов с указанных роменских памятников. К настоящему моменту эти материалы обработаны полностью. Результаты их анализа и представлены в настоящей работе.

Материалы и методика исследования

В основу данного исследования лег материал, собранный во время полевых сезонов под руководством одного из авторов статьи (В. К.). Богатый археозоологический комплекс насчитывает 592 костных фрагмента, поддающихся видовому определению. Костный материал в значительной степени разрушен: кости сильно раздроблены, на многих наблюдаются отпечатки корней растений. Определение костных остатков мелкого рогатого скота проводилось по морфологическим критериям, опубликованным В. Громовой [25], Н. Fernandez [26] и Р. Halstead et al. [27]. Промеры костей брались по методике, разработанной А. von den Driesch [28]. В разделе, посвященном морфологическому описанию костных остатков, мы сконцентрировали наше внимание лишь на тех видах, которые лучше всего представлены в остеологическом материале.

Названия археозоологических комплексов (скопления костей в ямах, слоях и отдельных квадратах раскопа) воспроизводятся в статье так, как они указаны в описях. Сокращения, используемые в статье: DLM — латеро-медиальный промер кости; DAP — передне-задний промер кости; L — длина; med — медиальный промер; D — ширина или диаметр; H — высота; dist — дистальный; proх — проксимальный; max — максимальный или наибольший; min — минимальный или наименьший, diaph — диафиз кости (diaphysis); troch — суставной блок (trochlea); M — моляр (коренной зуб); P — премоляр (предкоренной зуб). Верхний или нижний индекс, следующий за условным обозначением зуба, указывает на его порядковый номер в соответственно верхней или нижней челюсти.

Природно-климатические условия

Природно-климатические условия, влияющие на развитие животноводства для населения памятников Северского Донца довольно подробно проанализированы в предшествующих работах [29, с. 49–74;¹ 30, с. 225–237]. Основной вывод сводится к тому, что условия для развития сельского хозяйства, в том числе и животноводства были максимально благоприятными. В нашем случае следует обратить особое внимание на наличие значительных пойменных участков, которые пригодны для выпаса домашних животных и заготовки сена. Кроме того, пахотные поля, оставленные под пар, также могли быть использованы для выгона скота. Природно-климатические условия и возможности для занятий животноводством на памятнике Городное следует признать аналогичными: он расположен в ≈100 км к востоку от Северского Донца в той же южной части лесостепной зоны Восточной Европы, в сходной топографической ситуации, имеет обширные пойменные пространства.

Обзор и тафономическая характеристика археозоологических материалов

Данный обзор считаем необходимым осуществить изначально по отдельным археологическим памятникам, а затем дать общий анализ фаунистических остатков по всей группе. Схема рассмотрения материалов по памятникам является традиционной:

¹ Указанный раздел монографии написан в соавторстве Ю. Г. Чендевым.

систематический обзор костного материала — общая характеристика. После этого следует общий историко-археологический вывод об уровне и направленности животноводства на памятнике и о его роли в жизнеобеспечении населения. Кроме того, в работе с материалами по Городному материал будет учитываться по отдельным выделенным культурно-хронологическим горизонтам.

ГОРОДИЩЕ ВОДЯНОЕ

Систематический обзор

Лось — *Alces alces*. Три особи представлены фрагментами верхних и нижних челюстей, фрагментами трубчатых костей, пяточными костями, фалангами пальцев, а также обугленным фрагментом таранной кости (табл. 1, 2). Судя по размерам третьих нижних моляров, это были крупные особи, по-видимому, самцы (табл. 1).

Таблица 1

Промеры нижних щёчных зубов лося (*Alces alces*) из роменских памятников Харьковской области

Промеры		Водяное			Мохнач		
P ₄	L	28.2			28.4	28.0	
	D	19.4			20.7		
M ₁	L		28.1				
	D		20.2				
M ₂	L	29.6	31.2		31.0		29.0
	D	21.4	22.7		21.2		22.5
M ₃	L	42.0	41.1	41.5	40.6	38.6	40.4
	D	21.7	19.6	21.0	23.4	22.8	21.6

Таблица 2

Промеры костей конечностей лося (*Alces alces*) из роменских памятников Харьковской области

Кость	Промеры			
	L	DLM dist.	DAP dist.	D troch
Таранная (talus), Водяное	79.4	48.2	38.0	
Таранная (talus), Мохнач	82.7	52.0	41.0	
Таранная (talus), Мохнач	83.8	53.3	39.3	
Большая берцовая (tibia), Водяное		70.4	57.0	
Большая берцовая (tibia), Мохнач		69.4	51.5	
Большая берцовая (tibia), Мохнач		70.4		
Большая берцовая (tibia), Мохнач		72.2	57.5	
Плечевая (humerus), Водяное		84.5	83.0	61.0

Косуля — *Capreolus capreolus*. Одна особь представлена обеими таранными костями, первыми пальцевыми фалангами, фрагментом нижней челюсти с серией премоляров (P₂-P₄), верхней челюстью с полным рядом щечных зубов (P²-M³) и проксимальным фрагментом метакарпа (табл. 3).

Таблица 3

Промеры костных остатков косули (*Capreolus capreolus*) из роменских памятников Харьковской области

Кости	Промеры	Водяное	Мохнач
Нижняя челюсть (mandibula)	L P ₂ -P ₄	34.3	33.7
	L P ² -M ³	72.5	
Верхняя челюсть (maxilla)	L P ² -P ⁴	41.0	
	L M ¹ -M ³	35.4	

Пястная (metacarpus)	DLM prox.	30.3	27.4
	DAP prox.	21.7	20.0
Плюсневая (metatarsus)	DLM prox.		23.0
	DAP prox.		26.4
Таранная (talus)	L		33.0
	DLM dist.		20.8
Большая берцовая (tibia)	DLM dist.		31.0; 31.0
	DAP dist.		23.7; 23.8

Благородный олень — *Cervus elaphus*. Следует отметить сравнительно небольшое количество остатков благородного оленя, который по численности уступает лосю и дикому кабану. Материал включает в себя пять пальцевых фаланг, одну поврежденную таранную кость, дистальный фрагмент плечевой кости, четыре фрагмента рогов. Все фрагменты рогов несут на себе следы обработки: часть штанги с ветвлением (отростки и штанга рога обрублены), обрубленный с одного конца фрагмент штанги рога, фрагмент рога с насечками и следами рубки, отросток рога с отшлифованной поверхностью.

Тур — *Bos primigenius*. К туру, или первобытному быку, можно отнести таранную кость, которая отличается исключительно крупными размерами и превосходит аналогичные промеры крупного рогатого скота. Длина таранной кости из Водяного (80,0 мм) находится в границах изменчивости этого промера у тура из Молдавии (77,0–87,5 мм, выборка включает 9 экз.) и близок к среднему значению (81,9 мм). Кость несет следы соприкосновения с огнем.

Дикий кабан — *Sus scrofa ferus*. Материал содержит изолированные коренные зубы, фрагменты челюстей и фрагменты костей конечностей, принадлежащих трем особям. Очень крупные клыки самцов и размеры коренных зубов, особенно третьих моляров, указывают на то, что мы в данном случае имеем дело именно с диким кабаном, а не с домашней свиньей.

Два правых нижних клыка принадлежат исключительно крупным самцам дикого вепря. Длина клыка лучшей сохранности составляет 210 мм, его максимальный диаметр — 29,5 мм, минимальный диаметр — 17,2 мм. Длина нижнего третьего моляра (M_3) составляет 45,0 мм, его ширина — 19,0 мм. Размеры третьего моляра из Водяного превышают величины современного дикого кабана из Русской равнины и попадают в пределы изменчивости неолитического дикого кабана из Молдовы (рис. 3).

Бобр — *Castor fiber*. Остатки бобра включают полный скелет головы (поврежденный череп, правая и левая ветви нижней челюсти, верхние и нижние резцы), а так же пяточная и бедренная кости. Следует отметить, что сравнительно полно сохранившийся череп с нижней челюстью отличает эту находку от других животных из данного памятника.

Медведь — *Ursus arctos*. Медведю принадлежит правая ветвь нижней челюсти с первым и вторым нижними молярами, а так же дистальный фрагмент бедренной кости. Судя по изношенности зубов, костные остатки принадлежат немолодой особи. Размеры нижнего первого моляра: длина — 25,5 мм, ширина — 12,7 мм, второго нижнего моляра: длина — 24,4 мм, ширина — 16,6 мм.

Лошадь — *Equus caballus*. Две особи лошади представлены изолированными верхним и нижним молярами, нижним вторым премоляром, первой пальцевой фалангой, второй пальцевой фалангой, и фрагментами трубчатых костей конечностей. В контексте данного археозоологического комплекса, состоящего примерно на 85% из остатков диких животных, сложно привести четкие аргументы в пользу принадлежности костных остатков дикому тарпану или домашней лошади. Можно лишь отметить, судя по размерам второго нижнего премоляра, на мелкозубость лошади из Водяного, и на удлинённость пальцевых фаланг (табл. 4), что сближает ее с предположительно

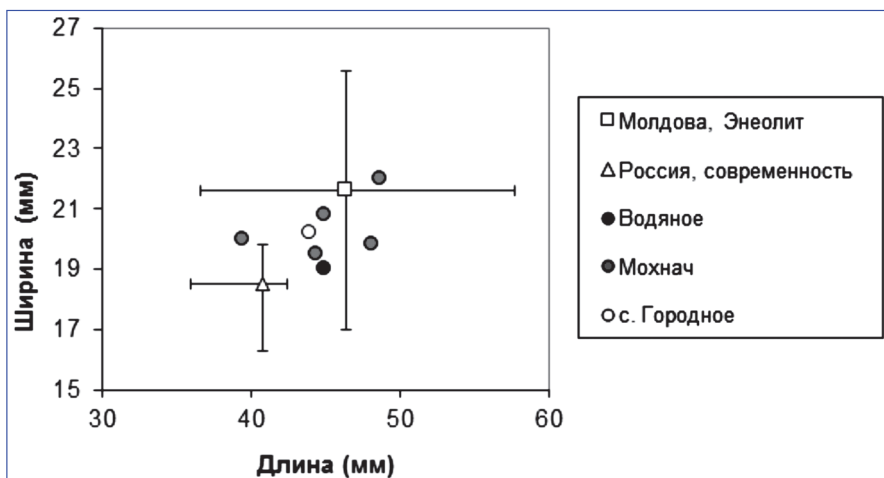

Рис. 3. Размеры третьего нижнего моляра дикого кабана: данные по энеолиту Молдовы [40, с. 40–49]; данные по современным популяциям Русской равнины [41, с. 203–210]

Fig. 3. Size of the third lower molar tooth of a wild boar: the data on the Eneolithic period in Moldova [40, p. 40–49]; the data on the contemporary population of Russian Plain [41, p. 203–210]

домашней лошадей из раннего железного века Крыма. По общим пропорциям относительно тонкая вторая пальцевая фаланга (ширина посередине меньше длины) отличает лошадь из Водяного не только от дикого тарпана, но и ставит особняком среди лошадей из других средневековых памятников данного региона, которые характеризуются массивными широкими вторыми пальцевыми фалангами. Протокон верхнего моляра умеренно длинный (51,4 %), его относительная длина близка к значениям домашних лошадей, однако, в случае если это второй моляр (M^2), то относительная длина протокона может с большой вероятностью так же попадать в пределы изменчивости дикого тарпана.

Таблица 4

Промеры некоторых остатков лошади

Первая пальцевая фаланга	
L max	89.2
L med	79.5
DLM prox	57.0
DLM dist	47.7
DAP dist	24.0
DLM min diaph	38.1
Вторая пальцевая фаланга	
L max	48.0
L med	43.4
DLM prox	51.7
DLM dist	46.9
DAP dist	28.5
DLM min diaph	41.5
Верхний моляр (M^{1-2})	
L M^{1-2}	25.3
D M^{1-2}	25.4
L протокона.	13.0

L протокона / L M ¹⁻² (%)	51.4
Нижний второй премоляр (P ₂)	
L P ₂	32.2
D P ₂	14.1

Крупный рогатый скот — *Bos taurus*. Крупный рогатый скот представлен костями конечностей и одним изолированным верхним моляром. Состояние онтогенетического развития костей конечностей указывает на ювенильный возраст особи: дистальные эпифизы плечевой кости и лучевой кости не до конца срослись с диафизом. На диафизе и верхнем конце плюсневой кости наблюдаются многочисленные следы ударов острым орудием и поперечные насечки. Исходя из размеров таранной кости, костные остатки принадлежат молодому бычку (табл. 5, рис. 4).

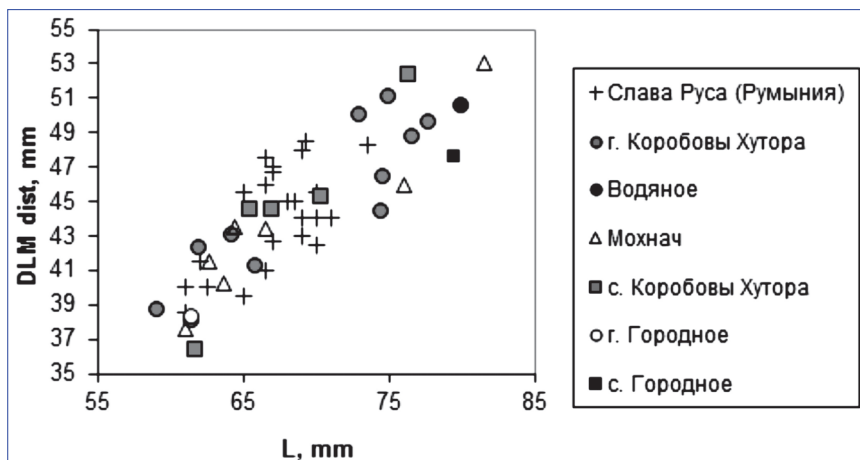

Рис. 4. Размеры таранных костей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из памятников славяно-хазарского пограничья

Для сравнения приведены данные по крупному рогатому скоту позднеримского времени из Румынии [42]

Fig. 4. Size of cattle hucklebones (*Bos taurus*) from the sites of Slavo-Khazarian frontier For comparison, the data on the cattle of the late Roman period from Romania are provided [42]

Таблица 5

Промеры костей конечностей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из городища Водяное

Кость	Промеры					
	L	DLM prox	DAP prox	DLM dist	DAP dist	D troch
Таранная (talus), ♂	80.0			50.5	38.2	
Большая берцовая (tibia)				61.0	48.5	
Плечевая (humerus)				68.0	73.0	40.0
Лучевая (radius)		80.0	43.5			
Плюсневая (metatarsus)		45.4	40.5			

Собака — *Canis familiaris*. Собаке принадлежит проксимальный фрагмент лучевой кости и верхний моляр. Возможно, ее присутствие в комплексе случайно и не отражает характер деятельности человека.

Общая характеристика

Археозоологический комплекс млекопитающих из Водяного характеризуется видовым разнообразием и доминированием представителей дикой фауны, которые составляют в комплексе три четверти от общего количества особей. Наиболее обычны в материале остатки лосей и диких кабанов (табл. 6).

**Видовой состав и количество особей и остатков крупных
млекопитающих из городища Водяное**

Вид	кости	особи	следы обработки	обожженные
<i>Alces alces</i>	45	3		1
<i>Sus scrofa ferus</i>	36	4		
<i>Cervus elaphus</i>	14	1	5	
<i>Capreolus capreolus</i>	12	1		1
<i>Bos primigenius</i>	1	1		1
<i>Castor fiber</i>	15	1		
<i>Ursus arctos</i>	5	1		
<i>Equus caballus</i>	14	2		
<i>Bos taurus</i>	8	1	1	
<i>Canis familiaris</i>	2	1		
Всего	152	16	6	4

Кроме того, на печи одного из жилищ (комплекс-14) обнаружено 3 кости лося (*Alces alces*), 7 костей дикого кабана (*Sus scrofa ferus*) и 1 кость благородного оленя (*Cervus elaphus*), что по своему характеру соответствует общей структуре археозоологического материала культурного слоя городища.

Вывод

Исследование фаунистических остатков с городища Водяное показывает, что лишь около 15 % костных остатков принадлежат домашним животным (табл. 6). Зафиксированы кости двух взрослых особей лошади (*Equus caballus*) и одной молодой особи крупного рогатого скота (*Bos taurus*) с еще не вполне сформированным скелетом. В последнем случае, на диафизе и верхнем конце плюсневой кости есть многочисленные следы ударов острым орудием и поперечные насечки, что связано, очевидно, с разделыванием туши. Отметим, что обнаруженные особи как крупного рогатого скота, так и лошади, являются тягловыми животными, используемыми для сельскохозяйственных целей. Это, при отсутствии костей домашней свиньи и мелкого рогатого скота, может также свидетельствовать о подчинении животноводства потребностям пашенного земледелия.

Главным занятием местных жителей в деле обеспечения себя мясной пищей в раннеславянское время была охота на диких животных, среди которых превалировал лось и дикий кабан (более 50 % суммарно как по количеству костей, так и по количеству особей). Следует отметить, что если не все, то большая часть остатков этих животных принадлежит крупным самцам, что указывает на явную избирательность охотников и устойчивый, неслучайный характер охоты. Все кости диких животных раздроблены. Исключение составляет бобр, который представлен практически целым, хотя и поврежденным черепом с нижней челюстью, что может быть объяснено использованием его лишь как источника меха. Следы деятельности человека на костях незначительны: это следы рубки на фрагментах рога благородного оленя (возможно, расчленение рога на небольшие заготовки для дальнейшей обработки), шлифовка на одном фрагменте рога; на некоторых костях диких животных (лося, косули и тура) заметны следы соприкосновения с огнем.

Крайне малый процент домашних животных явно выбивается из общей картины славянских памятников Днепро-Донской лесостепи: для северянских памятников количество костей домашних животных колеблется в пределах 49–81 % [9, с. 104]; для боршевских (на Дону) этот показатель составляет 34–83 % [31, с. 43]. Такое положение дел может иметь, по крайней мере, два варианта объяснения. Первое из них сводится к тому, что, специализируясь на прогрессивном пашенном земледелии, мясную пищу местные жители получали в результате охоты на крупную дичь (лось, кабан). Не исключена и иная причина: синхронно со славянским городищем Водяное, ≈1 км к востоку, существовало открытое поселение салтовской культуры [32, с. 12];

используя военно-политическое превосходство Хазарии, местное салтовское население памятника развивало, прежде всего, свое комплексное хозяйство, ограничивая возможности для животноводства у соседнего славянского населения. Как вариант последней гипотезы можно высказать мысль о довольно мирном сосуществовании двух групп синхронного разноэтничного населения на соседних территориях рассматриваемого микрорегиона, в котором славянское население занималось преимущественно земледелием, а салтовское — приселищным животноводством.

В целом же, незначительная статистическая выборка материалов (менее 20 особей животных) не дает возможности сделать окончательные выводы относительно роли животноводства и охоты, оставляя высказанные мысли гипотетическими.

ГОРОДИЩЕ КОРОБОВЫ ХУТОРА

Систематический обзор

Крупный рогатый скот — *Bos taurus*. По количеству костных остатков и особей это наиболее многочисленный вид в материале. Крупный рогатый скот представлен всеми частями скелета, кроме черепа (табл. 7, 8). Все длинные кости конечностей почти без исключения разбиты. Из 18 изолированных верхних и нижних щечных зубов, 6 нижних зубов составляют один зубной ряд. Две кости (локтевая и пястная) несут на себе насечки, оставленные режущим орудием. Большинство зубов в материале находятся на средней стадии изнашивания. Один нижний моляр (M_1 или M_2) еще не затронут изнашиванием и принадлежит ювильной особи. Судя по половой принадлежности представленных наибольшим количеством таранных костей, коров и быков в условном стаде было примерно одинаковое количество (табл. 7).

Таблица 7

Промеры костей конечностей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из городища Коробовы Хутора

Кость	Промеры (мм)				
	L	DLM prox.	DAP prox.	DLM dist.	DAP dist.
Таранная (talus) ♂	77.8			49.6	37.0
Таранная (talus) ♂	74.5			44.4	35.6
Таранная (talus) ♂	73.0			50.0	37.0
Таранная (talus) ♂	75.0			51.0	
Таранная (talus) ♂	74.7			46.4	35.1
Таранная (talus) ♂	76.7			48.7	35.7
Таранная (talus) ♀	64.3			43.0	
Таранная (talus) ♀	61.5			38.0	27.7
Таранная (talus) ♀	65.9			41.2	29.9
Таранная (talus) ♀	62.0			42.2	30.8
Таранная (talus) ♀	59.2			38.6	28.9
Больш. берцовая (tibia) ♂?				61.0	45.0
Больш. берцовая (tibia) ♀				57.0	41.3
Больш. берцовая (tibia) ♀				51.1	39.5
Больш. берцовая (tibia) ♀				56.0	42.0
Пястная (metacarpus) ♂				64.4	34.2
Пястная (metacarpus) ♀	182.0	53.8	34.0	51.0	26.4
Пястная (metacarpus) ♀				55.0	28.8
Пястная (metacarpus) ♀				54.0	26.5
Пястная (metacarpus) ♀				55.1	31.0
Плюсневая (metatarsus) ?				52.3	30.0
Плюсневая (metatarsus) ♀		46.0	40.0	50.1	27.6
Плюсневая (metatarsus) ♀		42.6	42.2	49.5	28.0

Промеры зубов нижней челюсти крупного рогатого скота (*Bos taurus*)
из городища Коробовы Хутора (миллиметры)

L зубного ряда (P ₂ -M ₃)	145.2
L премоляров (P ₂ -P ₄)	62.0
L моляров (M ₁ -M ₃)	85.4
L P ₄	22.8
D P ₄	13.3
L M ₃	36.1
D M ₃	12.7

Обращает на себя внимание дистальный фрагмент очень крупной пястной кости (ширина дистального эпифиза составляет около 80 мм), которая может принадлежать туру.

Лошадь — *Equus caballus*. Пять особей лошади представлены изолированными щечными зубами, костями конечностей, в том числе целыми: большой берцовой костью и метатарсом, фалангами пальцев, а так же передней частью левой ветви нижней челюсти кобылы (пол определяется по отсутствующему нижнему клыку, который развит только у самцов). Большая часть изолированных зубов в материале находится приблизительно на средней стадии изнашивания. Два нижних и один верхний моляры глубоко изношены и принадлежат сенильной особи. Один третий верхний моляр не затронут изнашиванием и принадлежит ювенильной особи (индивидуальный возраст приблизительно 3,5 года). Вторые фаланги довольно удлиненные и тонкие, относительно тоньше, чем у тарпана, и абсолютно тоньше, чем средние значения древней домашней лошади из Ботая (Северный Казахстан). Довольно длинные и тонкие вторые фаланги исключают их принадлежность тарпану. Первые задние фаланги некрупные, занимают промежуточное положение между тарпаном и ботайской лошадью (табл. 9).

Промеры костей конечностей лошади (*Equus caballus*)
из городища Коробовы Хутора (миллиметры)

Кость	Промеры					
	L med	DLM prox	DAP prox	DLM diaph	DLM dist	DAP dist
Большая берцовая (tibia)	350.0	88.0	80.3		65.0	40.0
Плюсневая (metatarsus)	262.0	46.2	41.5		46.0	36.3
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	73.6	55.8	37.2	35.0	44.2	23.6
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	73.5	55.0		33.8	41.6	23.8
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	71.5	52.3	38.8	33.5	42.3	25.2
Вторая передняя фаланга (phalanx II anter.)	40.2	51.0		44.3	46.5	24.5
Вторая задняя фаланга (phalanx II poster.)	37.2	50.7	32.7	41.0	46.2	25.8

Домашняя свинья — *Sus scrofa*. Домашней свинье принадлежит атлас и M₂ на начальной стадии изнашивания, который принадлежит молодому животному (возраст — больше года, но меньше двух лет). Длина коронки зуба составляет 22,5 мм, ширина коронки — 14,4 мм.

Домашняя овца — *Ovis aries*. Овце принадлежат три изолированных моляра (M₂, M² и M³), а так же дистальный фрагмент большой берцовой кости. M₃ характеризуется

типичными для овцы округленными протоконидом и гипоконидом; длина коронки зуба — 22,3 мм, ширина — 14,4 мм. На основании степени изношенности зубов можно установить их принадлежность двум различным особям. М³ и М₃ находятся на сравнительно продвинутой стадии изнашивания и принадлежат более старой особи, тогда как М² менее изношен и принадлежит другой более молодой особи.

Собака — *Canis familiaris*. В материале присутствует левая ветвь нижней челюсти с М₁ и М₂ и дистальный фрагмент бедренной кости. Размеры самого крупного зуба на нижней челюсти, так называемого нижнего хищного зуба (М₁): 21,2 × 8,0 мм.

Благородный олень — *Cervus elaphus*. Благородному оленю принадлежит один поврежденный верхний третий правый моляр (М³).

Общая характеристика

Особенностью археозоологического комплекса из городища Коробовы Хутора является присутствие остатков почти исключительно домашних животных (табл. 10), причем наиболее многочисленными в материале являются фрагменты скелета крупного рогатого скота (более половины численности костных остатков и особей), на втором месте — лошадь (около четверти особей, представленных в материале). Собака, овца и коза представлены единичными скелетными элементами. Так же следует отметить незначительность модификаций костного материала в процессе археологизации: отсутствуют обугленные и обглоданные кости, всего лишь две кости крупного рогатого скота несут следы орудий труда, причем явных следов разделки туш животных не наблюдается. Это можно объяснить достаточно высокой продуктивностью животноводческого хозяйства Коробовых Хуторов, которое обеспечивало жителей с достатком животноводческой продукцией, и, как следствие, — не было необходимости в специальной разделке туш (например, для добычи костного мозга), использование в пищу менее ценных частей туш (хрящи, сухожилия, и т. п.). Отсутствие следов деятельности домашней собаки на кухонных отбросах может в данном контексте так же приниматься во внимание как свидетельство преимущественно воспроизводящего хозяйства, косвенно указывающее на то, что охота не имела на данном памятнике существенного значения: костные остатки собаки, как важного спутника охотника, малочисленны, в то же время отсутствие следов зубов собаки на кухонных отбросах можно расценить как свидетельство содержания собак на привязи как сторожевых животных. Дикая фауна представлена единственным плохо сохранившимся коренным зубом благородного оленя.

Таблица 10

Структура археозоологического материала
из городища Коробовы Хутора

Вид	кости	особи	следы обработки
<i>Bos taurus</i>	105	12	2
<i>Sus scrofa</i>	2	1	
<i>Equus caballus</i>	70	5	
<i>Ovis aries</i>	5	2	
<i>Canis familiaris</i>	2	1	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
Всего	184	21	2

Вывод

Исследование фаунистических остатков с городища Коробовы Хутора свидетельствует, что охота не играла практической роли в обеспечении населения продуктами животного происхождения. Более того, 81 % особей домашнего стада относятся к потенциальному тягловым животным (крупный рогатый скот и лошади), однако

некоторые обстоятельства позволяют так же думать, что как крупный рогатый скот, так и лошадь, выращивались, прежде всего, как мясные породы. В пользу этой точки зрения может свидетельствовать приблизительно одинаковое количество костных остатков коров и быков в материале, которые с одинаковой частотой забивались для получения мяса в зрелом возрасте (нет тенденции в селективности по признаку возрастной и/или половой принадлежности, как в случае, к примеру, молочного направления животноводства). Также присутствие фрагментарных остатков ювенильной особи лошади может рассматриваться как свидетельство употребления мяса этого животного в пищу. Некоторые аналогии в демографической структуре остатков крупного рогатого скота и лошадей можно найти в средневековых археозоологических комплексах булгаро-татарского населения Казанского кремля, откуда получены несомненные свидетельства употребления мяса крупного рогатого скота и лошадей в пищу [33, с. 116–138]. Незначительное количество ювенильных особей свидетельствует в пользу того, что большинство животных использовалось населением в максимально продуктивные сроки и достигало зрелости (3–4 года). Крупный рогатый скот забивался, вероятно, по мере того, как их физические (тягловые и молочные) возможности начинали истощаться. Значительное количество костей лошади (более трети костного материала и практически четверть особей) свидетельствуют о весомой роли этого животного в жизни славянского населения памятника. Эти показатели существенно выше, чем на иных славянских памятниках Днепро-Донской лесостепи. На иных памятниках роменской культуры количество особей лошади колеблется в пределах 7,1–10,7 % [9, с. 105], что является типичным для оседлых земледельческих хозяйств лесостепной зоны Восточной Европы [34, с. 71–82].

Обратим внимание на то, что во второй половине X в. славяне-северяне сменяют на памятнике население салтовской культуры, наследуя их сельскохозяйственные угодья и само поселение. Заметим, что в состав пришедших сюда северян вошла небольшая группа оставшегося здесь предыдущего населения салтовской культуры со своими традициями [16, с. 75–76; 35, с. 237, рис. 4: 2]. Таким образом, группе северян с Коробовых Хуторов (в отличие от соплеменников на городище Водяное) не пришлось осваивать территорию, приспособивая ее под свои сельскохозяйственные нужды. Они сполна могли воспользоваться уже приспособленным под сельское хозяйство ландшафтом и угодьями (в том числе и для животноводства), полученными от своих предшественников [36, с. 119–134]. Присутствие среди славян части бывшего населения салтовской культуры, у которых конь в жизни играл значительную роль, может быть объяснением и значительного присутствию костей лошади в славянских материалах на Коробовых Хуторах.¹ Очевидно, отмеченная выше культурно-производственная преемственность между носителями салтовской культуры и славянами-северянами на данном памятнике и объясняет специфику археозоологического комплекса, который характеризуется высокоразвитым животноводством мясного направления, в том числе и предполагаемой гиппофагией, перенятой у носителей салтовской культуры, а так же отсутствием сколько-нибудь выраженных свидетельств охотничьего промысла на данном памятнике. Отмеченная специфика археозоологического комплекса ставит Коробовы Хутора особняком среди рассматриваемых в данной работе роменских памятников.

¹ Определенное сходство мы видим в значительном присутствии лошади (≈ 20 %) среди археозоологических материалов городища Битица-1 (ранний этап северянской истории), на котором также наряду со славянами проживала значительная группа выходцев с территории Хазарии [9, с. 105]. То же наблюдается и у славян на Верхнем Дону — 14–22 % (в отличие от боршевских памятников Среднего Дона — 8,9–16 %) [31 с. 47]. Более значительно влияние традиций салтовского населения на славянские памятники Верхнего Дона наблюдается и в керамическом производстве [37, с. 64–87, 95–96].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колода В. В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конф., посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009.
2. Підоплічко І. Г. До питання про свійські тварини трипільських поселень Халеп'я, Андріївка, Усатове // Наук. зап. ПМК. — 1937. — Кн. 2.
3. Підоплічко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. — К., 1956.
4. Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно // Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — М., 1954. — (МИА. — № 41).
5. Цалкин В. И. Дикие и домашние животные Старой Рязани // Монгайт А. Л. Старая Рязань. — М., 1955. — (МИА. — № 49).
6. Цалкин В. И. Результаты определения костных остатков животных из раскопок городища Титчиха // Москаленко А. Н. Городище Титчиха. — Воронеж, 1965.
7. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. — М., 1956. — (МИА. — № 51).
8. Цалкин В. И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА. — 1969. — № 4.
9. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). — К., 1975.
10. Журавлев О. П. Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тыс. н. э. // Вопросы истории славян. — Воронеж, 1998. — № 12.
11. Горбаненко С. А. До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. — 2003. — № 2.
12. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. — К., 2007.
13. Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. — Курск, 2005.
14. Колода В. В., Фоменко Г. Н. Osteологические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач // Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.). — Х., 2004.
15. Колода В. В. Еще один сезон работ на городище Водяное на Харьковщине // АБУ 2002–2003 рр. — К., 2004. — Вып. 6.
16. Колода В. В. Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). — Х., 2008.
17. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. — 2007. — № 2.
18. Колода В. В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
19. Колода В. В. Работы на средневековых памятниках в с. Городное // АБУ 2001–2002 рр. — К., 2003.
20. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010.
21. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья // Stratum plus. — 2011. — № 5.
22. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство населения славяно-хазарской контактной зоны (на примере городища Водяное) // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 3. — Воронеж, 2012.

23. Колода В. В., Кройтор Р. В. Osteologia как отражение поэтапного развития скотоводства славяно-русского поселения Городное // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург. — СПб., 2012.
24. Кройтор Р. В. Археозоологічні комплекси із салтівських і роменських пам'яток басейну Сіверського Дінця // Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. — К., 2013.
25. Громова В. И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым). — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода — Т. 9. — М.; Л., 1950.
26. Fernandez H. Osteologie comparee des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres *Rupicapra*, *Ovis*, *Capra* et *Capreolus*): diagnose differentielle du squelette appendiculaire // These pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique. — Universite de Geneve, 2001. — Т. 1–2.
27. Halstead P., Collins P., Isaakidou V. Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult *Ovis* and *Capra* // Journal of Archaeological Sciences. — 2002, May. — Vol. 29, Issue 5.
28. Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University. — Bulletin 1. — 1976.
29. Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. — К., 2013.
30. Чендев Ю. Г., Колода В. В. Почвенно-археологические исследования на городище Водяное: реконструкция природной среды и хозяйственной деятельности // Древности, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2013. — Вып. 12.
31. Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). — Воронеж, 1995.
32. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета в 2002 г. // НА ИА НАНУ. — № 2002/38.
33. Асылгафарева Г. Ш. К вопросу о формах животноводческой деятельности болгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследования в России (Антипина Е. Е., Черных Е. Н., отв. ред.) — М., 2003.
34. Кройтор Р. В. Археозоологічний комплекс з поселення Уч-Баш // Археологія. — 2012. — № 1.
35. Колода В. В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян Руси с населением Хазарии // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009.
36. Колода В. В., Горбаненко С. А. Земледелие на поселении Коробовы хутора в салтовское время // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 9. — Хазарское время. — Донецк, 2012.
37. Колода В. В. Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 7. — Хазарское время. — Донецк, 2009.

Резюме

Кройтор Р. В., Колода В. В. Тваринництво пізніх сіверян на слов'яно-хазарському порубіжжі

Запропонована робота являє собою кількісний видовий та демографічний аналіз археозоологічних комплексів ранньосередньовічних роменських пам'яток Харківської області. Отримані дані дають підстави розглядати мисливський промисел як важливий

та традиційно вихідний вид господарювання сіверян. Однак в деяких випадках археозоологічний матеріал вказує на відчутний культурно-економічний вплив ззовні, як з боку носіїв салтівської культури, так і з боку Київської Русі, що втілюється у збільшення кількості решток домашніх тварин та в специфічності демографічної структури цих решток. Дані, що отримані нами, дають підстави говорити про достатню гнучкість господарчого укладу літописних сіверян.

Ключові слова: раннє середньовіччя, східна Україна, сіверяни, роменська культура, полювання, тваринництво.

Резюме

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье

Предлагаемая работа представляет собой количественный видовой и демографический анализ археозоологических комплексов раннесредневековых роменских памятников Харьковской области. Полученные данные дают основания рассматривать охотничий промысел как важный и исходно традиционный вид хозяйствования северян. Однако в некоторых случаях археозоологический материал указывает на ощутимое культурно-экономическое влияние извне, как со стороны носителей салтовской культуры, так и со стороны Киевской Руси, что заключается прежде всего в увеличении численности остатков домашних животных и в специфичности демографической структуры этих остатков. Полученные нами данные дают основания говорить о достаточной гибкости хозяйственного уклада летописных северян.

Ключевые слова: раннее средневековье, восточная Украина, северяне, роменская культура, охота, животноводство.

Summary

R. Rroytor, V. Koloda. Livestock Farming of Later Severyans on Slavo-Khazar Border

The article presents a quantitative systematic and demographic analysis of archaeozoological assemblages from early medieval monuments of Kharkov Region. Obtained results suggest the hunting as an important and traditional economic activity of Severyans. However, archaeozoological samples yielded by some monuments indicate an important external cultural-economical influence, particularly from the Saltov culture bearers and from Kievan Rus. This influence resulted an increase of remains of domestic animals and a specific demographic structure of animal remains. Our data revealed a rather flexible character of cultural-economical traditions of Severyans.

Key words: Early Middle Age, Eastern Ukraine, Severyans, Romenskaya Culture, hunting, animal husbandry.

А. С. Милашевский

Фибулы с использованием зерненной кольцевой гарнитуры в черняховской культуре (по материалам раннего и развитого этапов)

дно из наиболее ярких явлений на археологической карте Европы позднеимперского времени — черняховская культура. Ее отличительной чертой, наряду со специфической гончарной керамикой, есть так же и характерный ювелирный комплекс. Несмотря на единообразие производства черняховских ювелиров и тысячные серии однотипных вещей, во многих из них угадываются этнографические черты различных носителей древностей черняховской культуры. Среди них — изделия, украшенные зерненной кольцевой гарнитурой. Зернь — это мелкие шарики, диаметром от 0,4 см, которые напавались на орнамент, создавая игру светотени. Часто использовался прием, так называемой, псевдозерни — мелкой рубки колец проволоки, которая создавала эффект «шариков». В римское время наиболее распространенным этот прием был у носителей культуры Поянешти-Вуртешкой, любовидзкой фазы культуры вельбаркской [1, с. 45], а также на памятниках позднеимперского времени самбийско-натангийской культуры (или культуры Долькайм-Коврово) [2, с. 128].

В черняховской культуре достаточно много изделий с использованием накладных зерненных колец. Это фибулы трех модификаций: 1) близкие к Альмгрен/167 (далее — А-167) (прогнутые подвязные арбалетные фибулы по Амброзу, или различные варианты фибул серии Б (фасетированных) по Гороховскому); 2) с высоким приемником, форм А. VII — 210, 211, 216; 3) двупластинчатые фибулы. Относительно происхождения этих типов и попадания их в черняховскую культуру существуют различные точки зрения. Рассмотрим их в порядке хронологии.

Фибулы с высоким приемником А.VII — 210–211. Наиболее полная библиография дана в работах Е. А. Гороховского, О. В. Гопкало [3, с. 103–112] и О. А. Хомяковой [2, с. 128–131]. Особо дискуссионным есть вопрос их происхождения. Н. Оберг связывал ареал первоначального появления фибул этого типа с Восточной Пруссией [4, S. 13–14]. Того же мнения придерживались О. Альмгрен и А. К. Амброз [5, S. 96; 6, с. 67–6]. В начале 90-х гг. XX в. появляется мнение о разнородности фибул с высоким приемником и выделении двух их групп — «юго-восточной» и «северо-восточной» [7, с. 51]. М. Мончынська, анализируя фибулы с высоким приемником из клада в Лубянах, приходит к выводу об их провинциально-римском происхождении и первоначальном распространении в дакийской и сарматской среде. С сарматами и даками они и попадают в более северные регионы Европы [8, с. 90]. В специальной статье, посвященной фибулам А.VII, Е. А. Гороховский и О. В. Гопкало выделяют пять серий фибул данного типа, из которых четыре украшены зернеными кольцами — это фибулы городницкой, днепровской и лепесовской серии, а так же «чудовищно развитые» [3, с. 117–120]. Происхождение этих модификаций фибул исследователи связывают

как с пришлым вельбаркским, так и с местным, черняховским населением [3, с. 123–124]. О. А. Хомякова, анализируя фибулы с кольцевым декором из материалов самбийско-натангической группы, присоединяется к высказанному ранее мнению [9, с. 348; 7, с. 49], что этот тип украшения застежек в черняховской культуре генетически связан с вельбаркскими образцами [2, с. 135]. Следует отметить, что и Е. Л. Гороховский с О. В. Гопкало, и О. А. Хомякова указывали на отсутствие связи фибул этого типа с сарматами [3, с. 122; 2, с. 129]. К основным отличительным чертам фибул северо-западного типа относят: сильно профилированную, приближенную к «S»-видной форму, декоративные кнопки на головке и окончаниях пружины и иглоприемника. Основной особенностью северо-западных изделий является нижняя тетива, проходящая под спинкой фибулы [2, с. 129]. Именно эти признаки характерны для большинства фибул, близких к А.VII — 211, из материалов черняховской культуры.

Фибулы с высоким приемником Альмгрен VII городничкой серии (рис. 1: 1–9). Они происходят из комплексов Токи/п. 5¹, Ружичанка/п. 24, Городницы, культурного слоя Петрикивцев и пшеворского жилища 1 поселения Незвиська (рис. 2). Эти фибулы характеризуются дуговидной спинкой треугольного, многогранного и полукруглого сечения. Головка, как правило, украшена выступом в виде «грибовидной» шишечки. Черняховские фибулы совмещают в себе как признаки фибул А. VII — 210 — двойная тетива, так и А.VII — 211 — «S»-видный профиль и зерненные кольца на корпусе и головке, наличие кнопки. Экземпляры с двумя тетивами имеют «S»-видной формы парные зерненные кольца. Скорее всего, такое сочетание признаков и отсутствие прямых аналогий в северных регионах Европы можно объяснить контактами представителей различных этнических, в частности, и различных германских групп, что отразилось в появлении новых типов ювелирных изделий.

Зерненные кольца на корпусах фибул из Городницы и Петрикивцев соответствуют типу II кольцевого декора по О. А. Хомяковой — когда в блоках сочетаются кольца разного размера (блок состоит из трех колец и среднее имеет меньший диаметр, чем крайние). Это наиболее распространенный тип декора древностей самбийско-натангической группы. Датируется он ступенями С1b—С2 [2, с. 134–138].

Хронология комплексов. В погребении из Городницы (рис. 2: I), кроме пары фибул, находились: кувшин типа Петраускас/ тип 2 вариант 1. Бытование сосудов такого типа в черняховской культуре укладывается в достаточно широкий временной диапазон от ступени С1 до С3 [10, с. 89–90]. Так же в состав комплекса входил кубок типа Эггерс — 189 из зеленого стекла с выпуклым декором в виде спиральных белых линий, расположенных вертикально к боковой плоскости кубка. Датируются такие изделия ступенью С1b [11, abb. 3: 40 a]. Лепной горшок из этого погребения и особенности погребального обряда (каменный ящик и юго-восточная ориентация погребенного) находят аналогии среди скифо-сарматского населения [12, с. 26]. Погребения в каменных ящиках в более позднее время известны на таких могильниках с весомым скифо-сарматским компонентом как Каменка-Анчекрак и Михэлэшень [13, рис. 9; 14, pl. 203]. Высказывалось также мнение о североевропейском происхождении каменных погребальных конструкций в черняховской культуре [15, с. 57; 16, с. 281–282]. Исходя из этих данных и учитывая некоторое запаздывание вещей центральноевропейского круга на территории черняховской культуры, дату этого погребения можно сузить в рамках ступеней С1—С2, скорее всего середина — вторая половина III в. н. э.

Ружичанка/п. 24 (рис. 2: VI) относится ко второй хронологической группе могильника по О. В. Гопкало [17, с. 337]. В состав комплекса, кроме фибулы, входят: гребень с подтреугольной спинкой без плечиков и гончарная миска с врезным линейным орнаментом по шейке. Гребень имеет морфологические особенности

¹ Благодарю В. С. Тылищак за предоставленный рисунок фибулы.

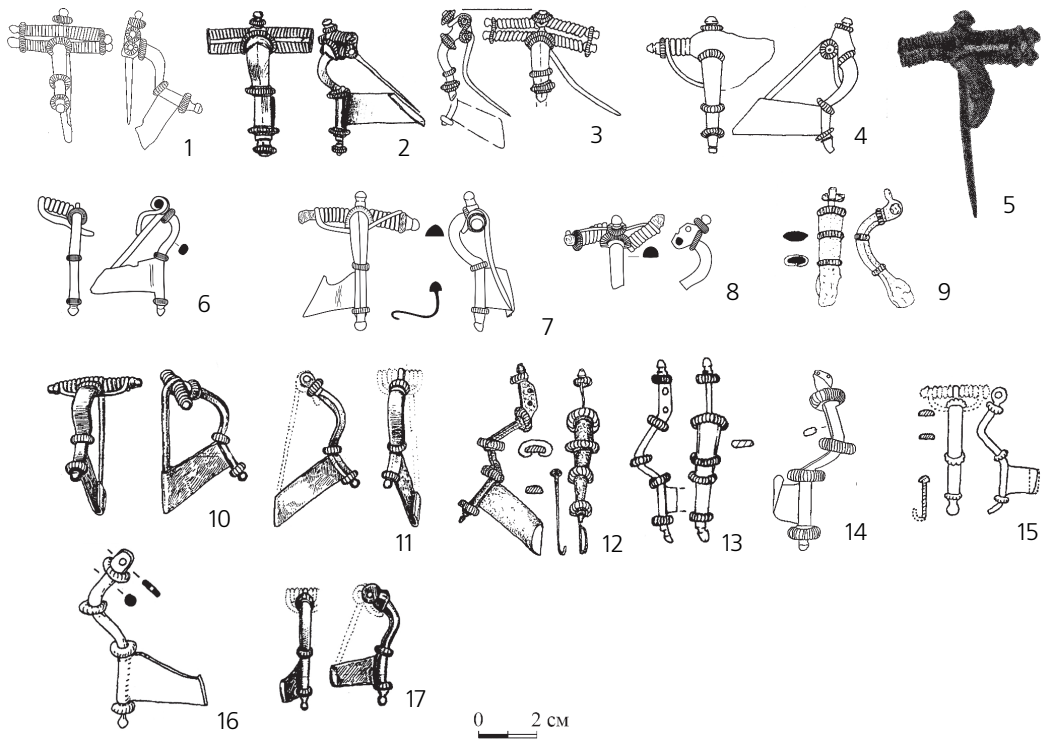

Рис. 1. Фибулы с высоким приемником А. — 210–211:

1–8 — фибулы Городницкой серии, 9–15 — фибулы днепровской серии, 16–17 — фибулы Лепесовской серии

Fig. 1. Fibulas with the high catch-plate (A. — 210–211 by O. Almgren):

1–8 — Fibulas of the Gorodnica's seria (by Gorokhovskiy — Gopkalo 2004 [3]), 9–15 — fibulas of the Dnipro's seria, 16–17 — fibulas of the Lepesovka's seria

(ширина, высота головки), характерные для изделий «ружичанской» и «промежуточной» фаз по Е. А. Гороховскому [18, с. 244], которые могут быть синхронизированы со ступенью С2.

В комплексе Токи/п. 5 (рис. 2: VII) были стеклянные бусины и типа XVI/2 по О. В. Гопкало [19, с. 37, 64], ведерковидные и янтарные грибовидные подвески. Среди лепной керамики — тюльпановидный горшок пшеворской традиции с максимальным расширением в верхней трети высоты сосуда, две посуды приземистых форм группы Волонгевич/VI, а так же горшок, аналогичный горшку из Городницы. Следует отметить, что погребения Токи/ п. 5 и Ружичанка/ п. 24 — детские и разрушенные в древности, по составу инвентаря, скорее всего, принадлежат девочкам. Лепная посуда имеет аналогии среди керамики пшеворской культуры. Также именно с пшеворским горизонтом связана фибула с поселения Незвисько [20, с. 206].

Фибулы этой серии присутствуют также в материалах могильника Чернелив-Русский/ п. 111, 130, 231 (рис. 2: III–V) [21, рис. 66]. Все погребения детские, ритуально разрушенные. Стоит отметить специфическую коленчатую дуговидную профилировку корпуса фибул, а так же отсутствие второй тетивы и одинарные зерненные кольца. Хронология этих комплексов определена в рамках ступеней С1–С2 [22, рис. 4]. Хотя, стоит отметить, что фибулы этого варианта (с одной тетивой) могут доживать и до более позднего времени — такая застежка найдена в комплексе жилища 86 вельбаркского поселения Хриньки вместе с фасетированной фибулой варианта Б1 по Гороховскому [23, рис. 37: 8, 10].

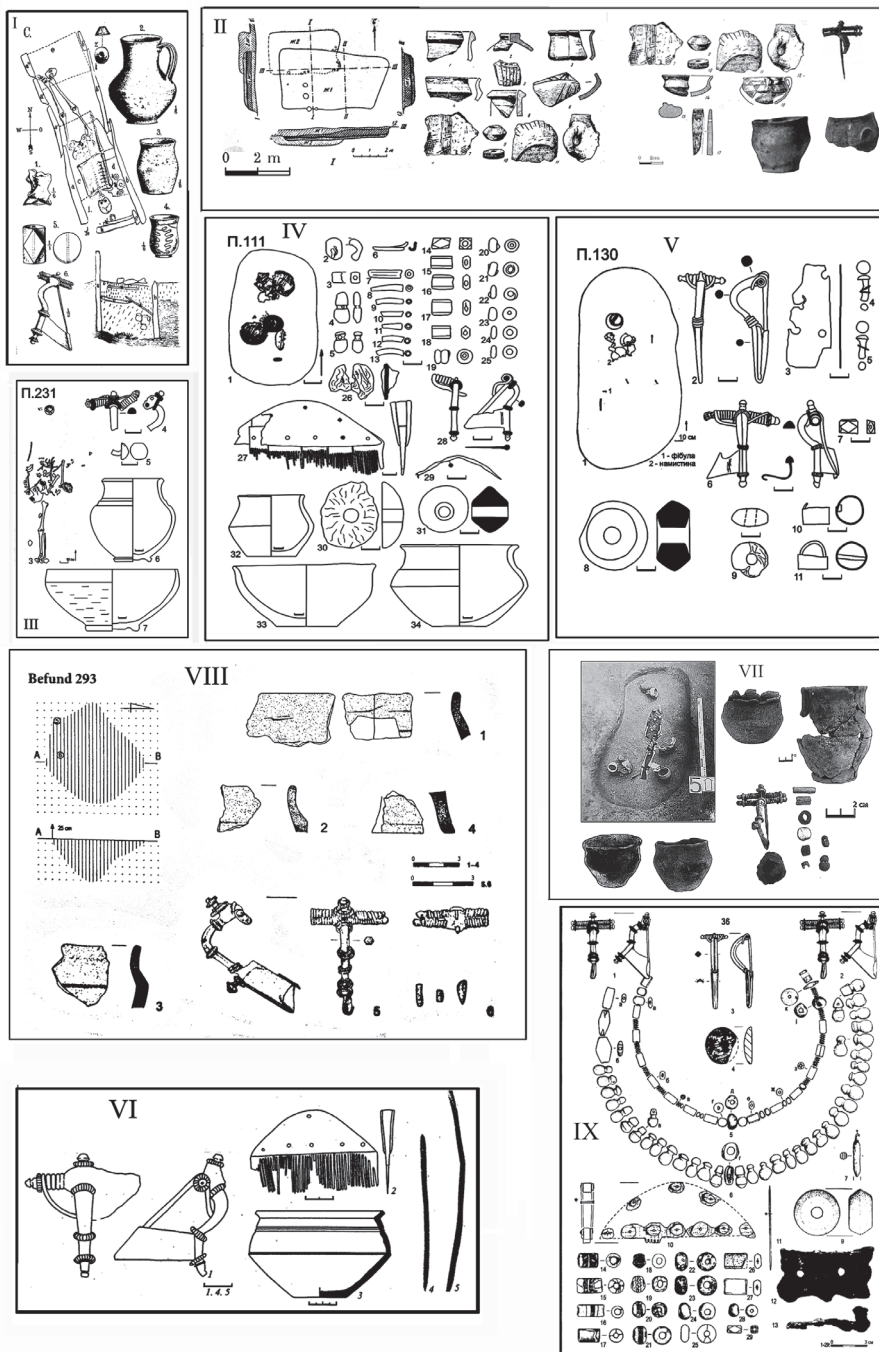

Рис. 2. Комплексы с фибулами городницкой серии:

I – Городница, II – Незвиско ж.1, III – Чернелив-Русский/ п. 231, IV – Чернелив-Русский/ п. 111, V – Чернелив-Русский/ п. 130, VI – Ружичанка/ п. 24, VII – Токи/ п. 5, VIII – Опатув/ п. 293, IX – Петровичи/п. 36

Fig. 2. The closed complexes with the Fibulas of the Gorodnitsa's seria:

I – Gorodnica, II – Nezvisko, III – Cherneliv-Ruskyi/ gr. 231, IV – Cherneliv-Ruskyi/ gr. 111, V – Cherneliv-Ruskyi/ gr. 130, VI – Ruzhichanka/ gr. 24, VII – Tiki/ gr. 5, VIII – Opatów/ gr. 293, IX – Petrovichi/ gr. 36

Таким образом, можно утверждать, что фибулы городничьей серии в черняховской культуре присутствуют в комплексах, синхронных комплексам периодов С1b—С2 по Эггерсу. Следует отметить, что в самой пшеворской культуре территории Польши фибулы данного типа встречаются редко. Так, фибулы с «S»-видным профилем, кнопкой на головке и зерненными кольцами II типа присутствуют в комплексах Опатув/п. 292, 293 (рис. 2: VIII). Опатув/п. 293 — это кремация взрослой женщины высокого социального статуса, которая, помимо фибулы сопровождалась фрагментами лепной керамики, железных изделий и другого погребального инвентаря [24, s. 79–80]. Погребение датируется в рамках ступени С2 [25, р. 22].

Известны застежки этого типа и в материалах вельбаркской культуры на территории Беларуси. Так пара фибул данного типа присутствуют в комплексе Петровичи / п. 36 (рис. 2: IX) [26, рис. 8: 1–2]. Данное погребение по ряду признаков — три фибулы, бусы, пряслице — можно определить как женское [27, с. 186, 203].

Днепровскую серию фибул А. VII по Е. А. Гороховскому — О. В. Гопкало представляют фибулы с коленчато-изогнутой, овальной в сечении спинкой (рис. 1: 9–15). Эти фибулы, по сравнению с предыдущей серией, характеризуются отчетливой стилистической однородностью, несмотря на различия в конструктивных признаках и элементах декора. Их конструктивные узлы — однопружинные (с верхней или нижней тетивой), а также — двух- или трехпружинные. Накладные кольца — рубчатые или гладкие [3, с. 119]. Находки застежек данной серии происходят из подъемного материала, или культового слоя могильников и не содержатся в закрытых комплексах. Кроме Среднего Поднепровья встречаются так же и на территории Курской¹ и Харьковской областей.

Лепесовскую серию представляют фибулы с узкой, округлой в сечении ассимметрично мягко изогнутой спинкой (рис. 1: 16–17). Накладными рубчатыми кольцами украшены два экземпляра — из Триполья и, собственно, из жилища 3 Лепесовки. В комплексе жилища найдены: орнаментированный костяной гребень и фрагмент стеклянного сосуда типа Ковалк. Следует отметить, что авторы публикации имеют сомнения по поводу принадлежности этих вещей единому комплексу [28, р. 93], которые мы считаем небезосновательными. Поскольку это единственный случай сочетания таких фибул с вещами значительно более позднего времени. Фибулы этого типа, по информации О. А. Радюша, так же встречаются на территории Курской области.

А VII — 216 «чудовищно развитые» (рис. 4). Существует несколько основных типологий этих застежек. Первая — П. Этельберга [29, s. 48–52]. Первый тип — с розетками и кнопкой, или заклепкой, с серебряными окончаниями [29, s. 52, 50, abb. 40]. Такие изделия характерны для восточной и северной Ютландии, Швеции, Норвегии и Западной Украины [29, s. 53]. Второй тип образуют фибулы с розетками со вставками из голубого стекла. Эти изделия наиболее распространены в Ютландии. Для фибул третьего типа характерен полукруглый спиральный корпус, на нем кнопка с розетками. Такие изделия характерны для Балтийского региона.

Типология Е. А. Гороховского — О. В. Гопкало [3]. Исследователи выделяют три варианта: 1) с дуговидной треугольной в сечении спинкой, круглой ажурной насадкой у перехода от головки к спинке и накладным декором у перехода от спинки к ножке; 2) с коленчатой угловатой ромбической в сечении спинкой, снабженной штырем для монтажа декоративных деталей; 3) с «S»-видным корпусом. Исследователи отмечают близость находок из Василики и Данчен к Борнхольмским находкам и материалам культуры «Доллькайм-Коврово». А фибулы из Хански и Данчен — особым черняховским типом, не имеющим прямых аналогий [3, с. 119, 124].

Типология М. Пшибылы и У. Лунд Хансен [30]. Определяющей характеристикой изделий первой группы есть прямоугольная форма пластины, которая охватывает

¹ Благодарю коллегу О. А. Радюша за информацию.

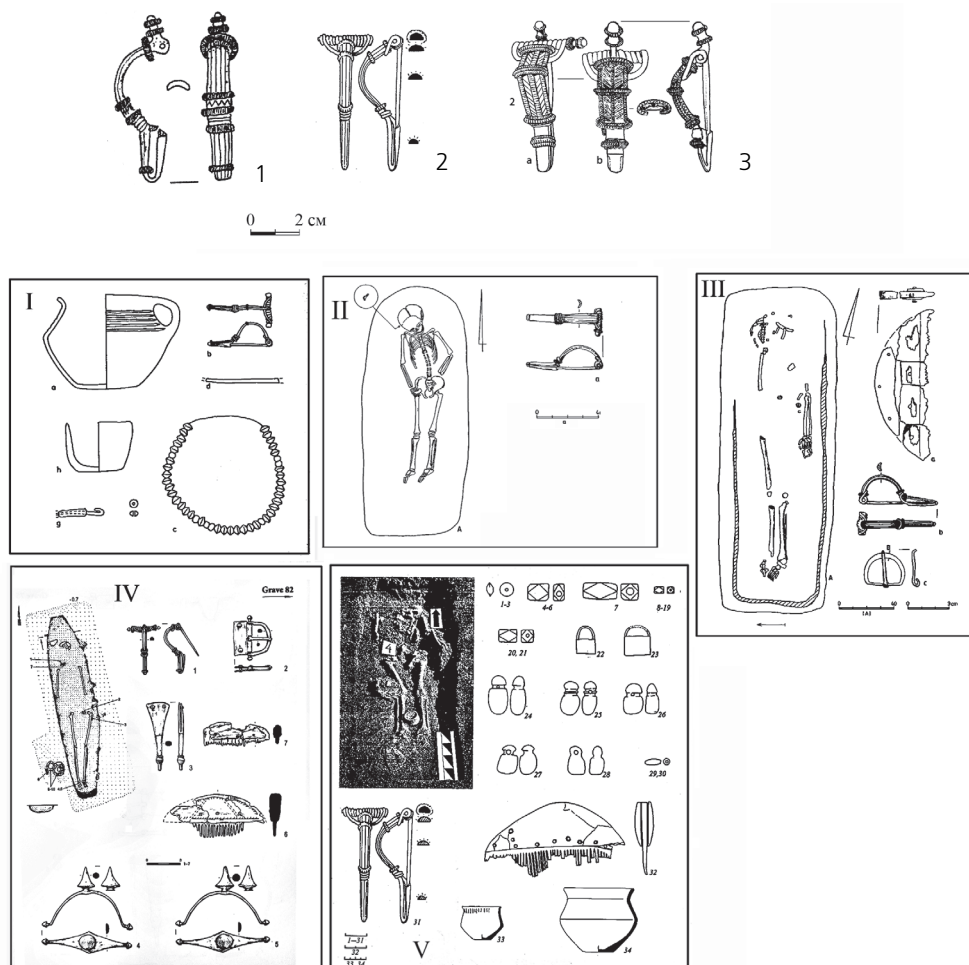

Рис. 3. Фибулы типа Грудек-149 и фибулы с уникальным зерненным декором:

1 – Кобылля; 2 – Ружичанка/ п. 4; 3 – Херсонеса. I – Слюсегард/ п. 70; II – Гродек/ 149; III – Гродек/ п. 44; IV – Вежлице/ п. 82; V – Ружичанка/ п. 4

Fig. 3. Fibulas of the type Gródek-149 and the fibulas with the unique Ring Decoration style:

1 – Kobyl'ya; 2 – Ruzhichanka; 3 – Hersones. I – Slusegard/ gr. 70; II – Gródek nad Bugiem/ gr. 149; III – Gródek nad Bugiem/ gr. 44; IV – Weklice/ gr. 82; V – Ruzhichanka/ gr. 4

тетиву. У основания ножки и на краях тетивы они, как правило, имеют круглые бронзовые диски. В пределах группы выделяется два варианта: основной характеристикой первого есть покрытие спирального корпуса орнаментов в виде «жемчужных» полос. Для второго характерен орнамент в виде двух чередующихся полос с двумя различными мотивами. Фибулы этого типа распространены на территории западной Ютландии, восточной Норвегии и Тюрингии. Для фибул второй группы характерен конический выступ на корпусе со спирально расположенными зерненными пластинами. Распространены эти изделия в северо-западной Ютландии. Фибулы второй группы имеют серебряный, колена часто изогнутый, фасетированный корпус и два выступа — на основании ножки и корпуса, к которым прикреплены бронзовые диски. Фибулы этой группы так же распространены на севере Европы. Изделия четвертой группы, в основном, соответствуют типу A. 196 и имеют ареал, подобный группе три.

Рис. 4. «Чудовищно развитые» фибулы или Монструозо (А VII – 216):

1 – Василика; 2 – Данчены; 3 – Тодирень/п. 4; 4 – Будешты; 5 – Малополовецкое 2; 6 – Ханска; 7 – Житомирская область; 8 – Ушаково; 9 – Гребитен; 10 – Слюсегард; 11 – Веклице/п. 150; 12 – Лиетува; 13 – Половиты; 14 – Любишево/п. 10

Fig. 4. Fibulas with the high catch-plate of the «Monstruos» type (A VII – 216):

1 – Vasilika; 2 – Dančeny; 3 – Todireni; 4 – Budești; 5 – Malo-Polovetskoe 2; 6 – Hanska; 7 – Zhytomyr region; 8 – Usakovo; 9 – Grebiten; 10 – Slusegard; 11 – Weklice / gr. 150, 12 – Lietuva, 13 – Polowity, 14 – Lubieszewo / gr. 10

Пятая группа соответствует типу А. 219. Характеризуются достаточно большой и тонкой пластиной в основании ножки. Диск отлит вместе с корпусом и тетивой. Распространены на территории Северной и Центральной Европы, встречаются в Польше. В шестую группу входят экземпляры с радиально расположенными пальцевидными отростками, которые на окончаниях имеют пластины с покрытием. Конструктивные особенности включают в себя элементы характерные для изделий групп 3 и 4. Основной ареал распространения этих фибул находится в пределах вельбаркской культуры, отдельные экземпляры происходят с территории Северной Европы — о. Борнхольм, Готланд, Вестерготланд. Так же они встречаются на севере Молдавии и в Днепро-

Днестровском междуречье. Фибулы седьмой группы близки к фибулам, о которых говорилось выше, но выполнены они в другой технологической традиции — это изделия из Данчен, Годирени и Хански. Вероятнее всего, это региональные модификации фибул группы 6. Обе эти группы, несмотря на распространение в Восточной Европе, имеют явное скандинавское происхождение [30, S. 252–268].

Подводя итоги, можно сказать, что «чудовищно развитые» фибулы с территории черняховской культуры имеют четкие аналогии в довольно узком регионе Северной Европы [31, с. 146]. Некоторую специфику черняховских экземпляров объясняет их изготовление на месте. Об этом свидетельствует достаточное количество заготовок [32, рис. 4]. Верхний щиток данных фибул, как правило, украшен настоящей зернью — шариками, напаянными на пластину. Ножки и «лучи» имеют зерненные рубчатые кольца.

Комплексы с фибулами «чудовищно развитых» форм (рис. 5). В погребении Данчен/п. 371 (рис. 5: I) были одноцветные стеклянные бусы типа Гопкало XVI/10, 11 сосудов, фрагменты бронзовой шкатулки, в которой были височные кольца, игольник с иглками, бронзовая проволока, серебряная булавка и другие предметы [33, с. 109–111]. Погребение принадлежит женщине с высоким социальным статусом.

Нельзя не упомянуть погребение из грабительских раскопок в Житомирской области [34, с. 91–92] (рис. 5: II). Это кремация в бронзовом кувшине, накрытая бронзовым блюдом. Так же в состав инвентаря входили: пара фибул типа «Монструозо» с S-видным профилем, серебряная гривна, пара золотых сережек с гнездами под вставку камней, две парные накладки с антропоморфным тиснением золотой обтяжки, несколько монет, бронзовый кувшин типа Эггерс-122. На ручке кувшина, в нижней части находилось антропоморфное изображение женщины. Сосуды с изображениями голов людей на ручках известны в центральной Европе — могильник Альт-Мёллин/п. 63 [35, abb. 43] на территории Шлезвиг-Гольштейна, Вибендорф [35, S. 44]. Датируются раннеримским временем. Вне пределов Римской империи подобные сосуды использовались до ступени В Iа, т. е. до первых десятилетий нашей эры [36, S. 173]. В данном случае, на наш взгляд, «выпадение» данного кувшина из обихода в инвентарь погребального комплекса было осуществлено гораздо позже основного периода бытования предметов данного типа. Наиболее близкие аналогии антропоморфным изображениям происходят из поселения 6 Грудека Надбужного, и из окрестностей Аугсбурга [37, гус. 1]. Серебряная гривна и золотые сережки указывают на высокий статус погребенной женщины.

Веклице/п. 150 (рис. 5: IV). Ингумация в деревянном гробу, ориентирована по оси С—Ю. В состав инвентаря входили две фибулы (бронзовая и серебряная) типа А. 162, пара фибул 6 группы Хансен-Пшибылы, пара бронзовых Ω — подобных пряжек (типа ML-3, ML-13), богато украшенные бронзовые окончания ремней, янтарные грибовидные подвески, бронзовые и стеклянные подвески, три бронзовых кольца, железный нож. Датируется комплекс ступенями С1b—С2 [38, р. 54–57].

Судя по характеру инвентаря, все три погребения — женские и принадлежат особам высокого социального ранга. Поэтому, следует согласиться с М. Е. Левадой, утверждавшим, что такие фибулы входили в женский церемониальный костюм [39, р. 463].

Большинство черняховских и вельбарских экземпляров имеют три или четыре цилиндрических выступа, а так же диски у основания ножки и спинки. По мнению В. И. Кулакова, конструктивные особенности фибул ареала самбийско-натангийской группы, вельбарской и черняховской культур могут говорить об их общем германском происхождении. Своей необычной конструкцией они не только подчеркивали торжественность церемониального убора древнегерманских женщин, но и благодаря своему высокому символическому-репрезентативному статусу, стали прототипами для формирования части пальчатых застежек эпохи Великого переселения народов [40, с. 125–126].

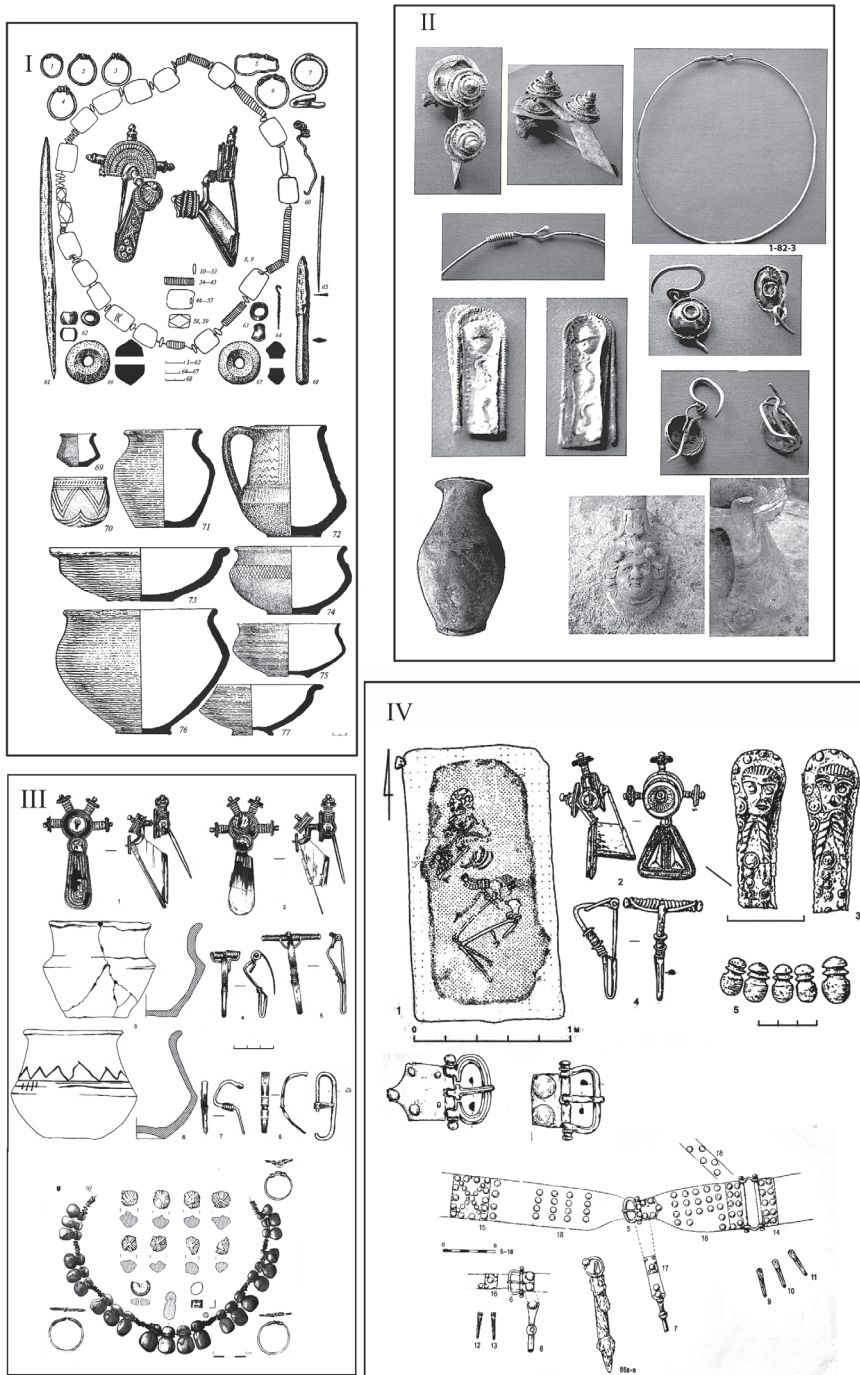

Рис. 5. Погребальные комплексы с фибулами «чудовищно развитых» форм: I – Данчены/п. 371; II – Житомирская область; III – Любишево/п.10; IV – Веклице/п. 150

Fig. 5. Burial complexes with the fibulas «Monstruoso» type: I – Danceny/gr. 271; II – Zhytomyr region; III – Lubieszewo /gr. 10; IV – Weklice /gr. 150

Двучленные фибулы редких форм. Фибулы «волынского» варианта двучленных фибул редких форм с узкими ножками, пластинчатым слабо ограненным корпусом и накладными кольцами [41, с. 230] или типа Грудек — 149 [42, s. 13]. Имеют явное германское происхождение и, возможно, связаны с типом А. 167. Характеризуются многогранным сечением, зерненными кольцами по корпусу, ножке и на концах пружины, заканчивающейся кнопками. В черняховской культуре присутствуют в комплексе Ружичанка/ п. 4 [17, ил. 4: 31]. Фибулы этого типа широко представлены в вельбаркской культуре — Брест-Тришин/ п. 8, 56, 73 [43, рис. 2: Е/ 1–3], Дытыничи/п. 4 [44, рис. 3: 13], Веклице/ п. 82, 118 [38, Pl. XXXIV: 1; XLVIII: 2], масломенчской группе — Грудек Надбужный/ п. 40, 44, 120, 149, 158 [45, fig. 32: b; 35: b; 108: a–b; 129: a; 134: b], культуре карпатских курганов [46, рис. 74: 9], в скандинавских древностях позднеримского времени [47, fig. 40: b]. В вельбаркской культуре данные фибулы относятся к ступеням С1b—С2 [42, s. 39; 48, S. 104; 43, с. 60] (рис. 3).

Комплекс Ружичанка/п. 4 (рис. 3: V) определяется О. В. Гопкало в рамках третьей хронологической группы могильника, которая характеризуется наличием фибул Гороховский/Б 1, гребней с низкой спинкой [17, с. 337–338], что, по-видимому, может синхронизироваться с отрезком фазы С2. Этому не противоречит и набор украшений, сопровождающих погребение [19, с. 29, 39–40].

Возможно, к фибулам «волынского» варианта стоит отнести застежку из поселения Кобылля (рис. 3: 1). Это подвязная серебряная фибула с кнопкой на головке и вертикальной пружинкой для удержания оси пружины. Кнопка и спинка возле кнопки и возле приемника украшена двойными витыми кольцами. В нижней части спинки, между двумя парами витых колец, прикреплена позолоченная серебряная пластинка, украшенная зигзагом. Спинка широкая, дуговидная, имеет пять граней [49, с. 71]. Способ декорирования спинки этой фибулы соответствует типу III по О. Хомяковой — наиболее позднему типу кольцевого декора, который возникает в конце III — начале IV в. н. э. и бытует в период Великого переселения народов [2, с. 139].

Еще одна уникальная фибула (рис. 3: 3), с еще более богатым декорированием происходит из раскопок Херсонеса графа А. С. Уварова [31, рис. 1: 2]. Кольцевой декор данного изделия типа Хомякова/II классический характерен для ступени С2.

Двучленные прогнутые подвязные фибулы А—167. Фибулы этого типа так же связываются Н. Обергом с территорией Восточной Пруссии [4, S. 14–16]. А. К. Амброз находил аналогии к прогнутым подвязным фибулам с одинарными зерненными кольцами среди материалов «нижневисленской» вельбаркской культуры [6, с. 67]. О. А. Хомякова отмечает практически одновременное появление фибул этого типа в материалах вельбаркской и самбийско-натангийской культур [2, с. 131].

В черняховской культуре представлены фасетированные фибулы, близкие к А. 167 (рис. 6). Данные изделия бытуют начиная со ступени С2, эталоном которой считается княжеское погребение из Рудки [50, табл. IXXXI—XXXII]. В черняховской культуре фибулы данного типа представлены в трех погребальных комплексах — Каборга/п. 12, Косаново/п. 19 — 1961 и Нагорное-2/п. 87 и клада из Окнин (рис. 6: I—IV). В составе инвентаря этих комплексов присутствуют массивные пряжки с утолщенным передним краем, гребень класса Шишкин/ III, фрагмент двухпластинчатой фибулы так же с имитацией зерни, что позволяет говорить о дате в рамках ступеней С3—D1. Следует отметить различные типы декора этих фибул: застежки из Каборги и Окнин украшены одинарными зерненными кольцами (тип I по Хомяковой), фибула из Косаново — двумя одинарными кольцами на спинке — тип II.1. Следует отметить некоторые особенности комплекса Каборга/п. 12. Это ингумация в яме с подбоем — погребальной традицией, присущей позднескифо-сарматскому компоненту черняховской культуры [12, с. 37]. В то же время, такой элемент погребального костюма, как пара фибул — характерная черта женского германского костюма [51, гус. 1, s. 216], которая является характерной для всего черняховского ареала [12, с. 116; 27, с. 203]. В погребении

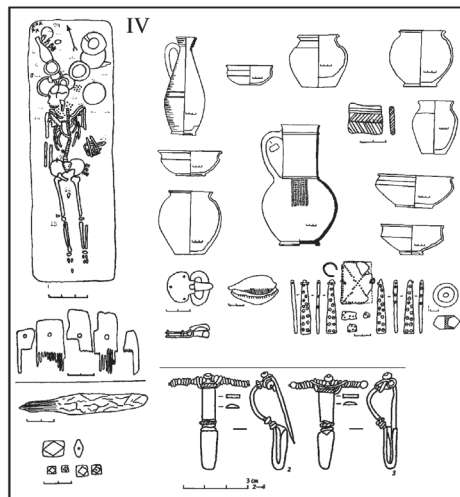
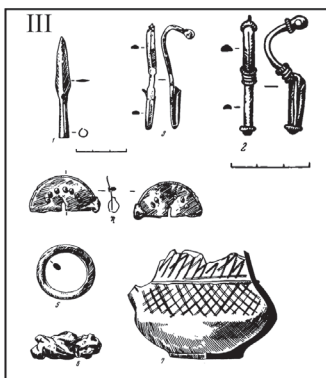
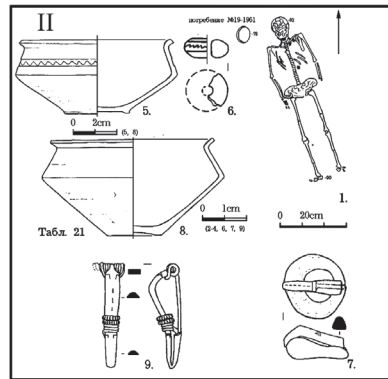
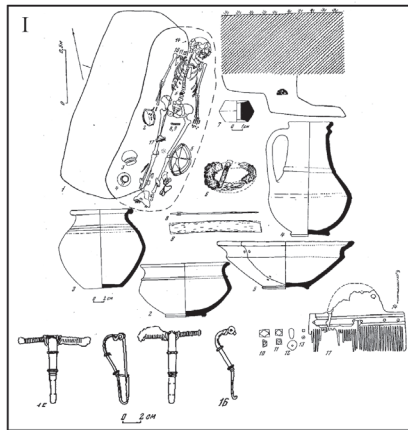
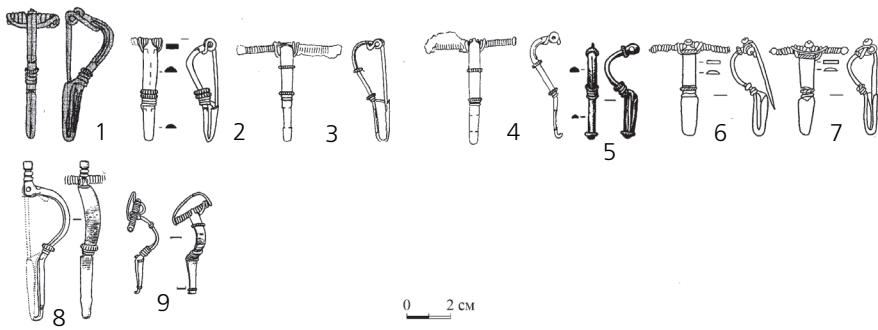

Рис. 6. Фибулы и комплексы с фасетированными фибулами с зерновой кольцевой гарнитурой, близкие к А. 167:

1 – Совхоз «Севастопольский»; 2 – Косанов / п. 19–161; 3–4 – Каборга IV \ п. 12; 5 – Окнины; 6–7 – Нагорное 2/п. 87; 8–9 – фибулы из коллекции НИМ Украины (по Гороховский [41]); I – Каборга IV \ п. 12; II – Косанов / п. 19; III – Окнины; IV – Нагорное 2/п. 87.

Fig. 6. Fibulas with facet foot and Ring Decoration style (close to the A – 167):

Closed complexes with these fibulas. 1 – Sovkhoz «Sevastopolskiy»; 2 – Kosanov / gr. 19–161; 3–4 – Kaborga IV / gr. 12; 5 – Okniny; 6–7 – Nagornoe 2/ gr. 87; 8–9 – fibulas from the collection of the National Museum of Ukraine (after Гороховский [41]); I – Kaborga IV \ gr. 12; II – Kosanov / gr. 19; III – Okniny; IV – Nagornoe 2/ gr. 87

Нагорное 2/п. 87 присутствуют две фибулы с кнопками и двумя одинарными зерненными кольцами по спинке, на которые можно соотнести с типом Гороховский/БЗе. Датируются такие изделия ступенями С3/D1 [52, с. 44]. Этой датировке не противоречит и дата бус из этого погребения [19, с. 41, 78]. Погребение сопровождалось поясным набором амулетов, что относится к косвенным признакам позднескифо-сарматского компонента среди носителей черняховской культуры.

Таким образом, рассмотрев модификации фибул черняховской культуры, декорированных зерненными кольцами, стоит отметить, что фибулы «чудовищно развитых» форм демонстрируют связь населения черняховской культуры со Скандинавией. Их распространение (рис. 7) демонстрирует путь продвижения населения — по бассейнам рек Вислы, Западного и Южного Буга, Днестра и Прута в направлении более южных

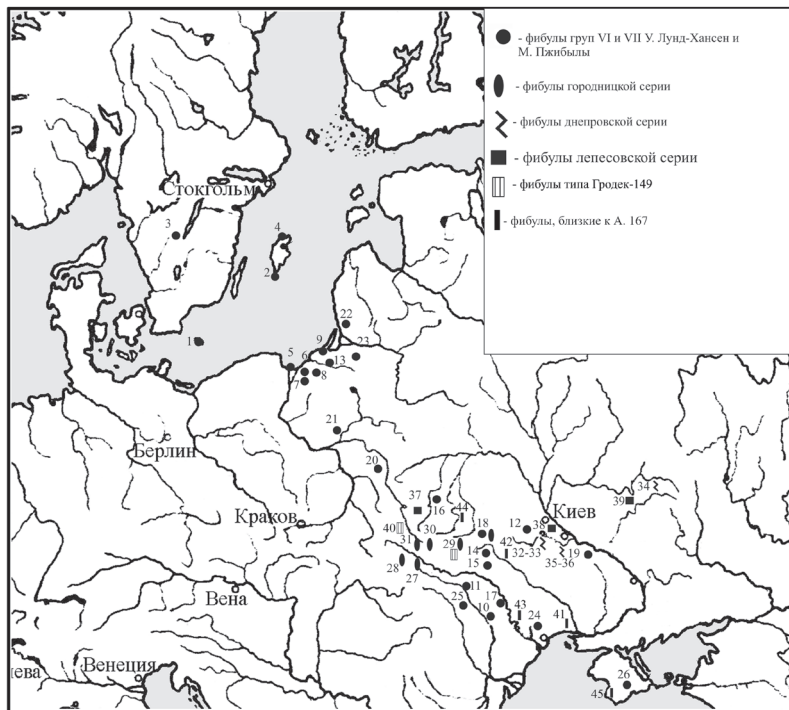

Рис. 7. Карта распространения фибул с зерненной кольцевой гарнитурой (с территории Северной Европы показаны экземпляры только фибул «чудовищно развитых» форм) (по Гороховский, Гопкало [3], Lund Hansen, Przybyła [30] и дополнениями автора):

1 — Слюсегард; 2 — Свие; 3 — Рьет; 4 — Хавор; 5 — Любишево; 6 — Мисленчин; 7 — Поливите; 8 — Веклице; 9 — Гребитен; 10 — Василика; 11 — Данчены; 12 — Малополовецкое-2; 13 — Большое Исаково; 14 — Аедреевка; 15 — Загородский; 16 — Смордва; 17 — Будешти; 18 — Петриковцы; 19 — Медведовка; 20 — Масломенч; 21 — Дмохи-Родзьонки; 22 — Байтен; 23 — Ушаково; 24 — Ханска; 25 — Тодирень; 26 — Нейзац; 27 — Городница; 28 — Незвиско; 29 — Ружичанка; 30 — Токи; 31 — Чернелив-Русский; 32 — Григоровка; 33 — Крещатик (Черкасская обл.); 34 — Усланка; 35 — Селище; 36 — Семигоры; 37 — Лепесовка; 38 — Триполье; 39 — Нижняя Воробжа; 40 — Кобылье; 41 — Каборга IV; 42 — Косанов; 43 — Нагорное 2; 44 — Окнины; 45 — Совхоз «Севастопольский»

Fig. 7. A map of the distribution of the fibulas with the Ring Decoration style (from the Central Europe have showed only fibulas of the «Monstruoso» type) (after Гороховский, Гопкало [3], Lund Hansen, Przybyła [30] and autor's additions):

1 — Slusegard; 2 — Svie; 3 — Ryet; 4 — Havor; 5 — Lubieszewo; 6 — Myślęcín; 7 — Polowite; 8 — Weklice; 9 — Grebiten; 10 — Vasilika; 11 — Dančeny; 12 — Malo-Polovetskoe 2; 13 — Bol'shoo Isakovo; 14 — Andreevka; 15 — Zagorodskiy; 16 — Smordva; 17 — Budești; 18 — Petrikovtsy; 19 — Medvedovka; 20 — Masłomęcz; 21 — Dmokhi; 22 — Baiten; 23 — Usakovo; 24 — Hanska; 25 — Todireni; 26 — Neyzats; 27 — Gorodnica; 28 — Nezvisko; 29 — Ruzhichanka; 30 — Toki; 31 — Cherneliv-Ruskyi; 32 — Grigorovka; 33 — Khreshchatyk (Chrkassy region); 34 — Uslanka; 35 — Selische; 36 — Semigory; 37 — Lepesovka; 38 — Tripol'ye; 39 — Nizhn'aya Vorobzha; 40 — Kobyl'ye; 41 — Kaborga IV; 42 — Kosanov; 43 — Nagornoe 2; 44 — Okniny; 45 — Sovkhoz «Sevastopolskiy»

Σ
Δ
Γ
Π
Ε
Υ

территорий и Крыма. Возможно, эти изделия маркеруют потомков «людей Берига», которые, по мнению Х. Вольфрама, одни из немногих, кто вышел именно из Скандинавии [53, с. 66]. Этот элемент женского церемониального костюма характерен для времени, синхронизирующегося со ступенями С1b и С2 общеевропейской хронологии, а со ступени С3 сменяется фибулами черняховских форм (различными типами фасетированных фибул). Фибулы А. VII городничкой серии представлены в комплексах с северо-западным, пшеворским компонентом черняховской культуры и происходят с компактной территории Поднестровья. Скорее всего, они являются продукцией черняховских ювелиров. Их прототипами были изделия форм А. 210 и А. 211. Фибулы лепесовской и днепровской серий, кроме основного ареала (Днепровского правобережья), встречаются и на территории Курщины. Это еще один аргумент в пользу тезиса о миграции населения с правого на левый берег Днепра на раннем этапе черняховской культуры.

Фибулы, близкие к А. 167 имеют от одного до четырех зерненных колец. Наиболее сложно декорированная фибула происходит с территории, граничащей с ареалом вельбаркской культуры. Зерненные кольца всегда расположены в месте перехода корпуса к ножке (одно или два). Данные застёжки распространяются и среди представителей скифо-сарматского компонента в черняховской культуре.

Характер «зернистости» черняховских фибул говорит о деградации этого типа декорирования, в сравнении с основным ареалом распространения фибул с зернью — Прибалтикой. Там наиболее поздние изделия имеют комбинированный орнамент, который характеризуется сочетанием напаянной на корпус застёжки фольги с одиночными кольцами. Следует отметить единичное изделие с подобным декором из материалов черняховской культуры поселения Кобылля. На ступени С3 парные застёжки с зерненной кольцевой garniturой распространяются среди представительниц позднескифо-сарматского компонента черняховской культуры. Это явление поддается объяснению как следствие межплеменных связей (возможно, браков племенной элиты готов и сарматов), которые могли иметь место во время совместных военных акций против Римской империи [54, с. 115].

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербакoвa Т. А., Шyкин М. Б. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры (по материалам Днестровско-Прутского междуречья) // Древности Юго-запада СССР. — Кишинёв, 1986.
2. Хомякова О. А. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. — СПб., 2010.
3. Гороховский Е. А., Готкало (Бобровская) О. В. Фибулы VII группы О. Альмгре-на в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. — К., 2004.
4. Eberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. — Uppsala; Liepzig, 1919.
5. Almgren O. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung derprovinzialrömischen und südrussischen Formen. (Mannus-Bibliothek; 32). — Leipzig, 1923.
6. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1–30.
7. Баран В. Д., Гороховский Е. А., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). — К., 1990.
8. Мончынська М. О. О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет Черняховской культуре. — К., 1999.
9. Каспарова К. В. Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой области // СА. — 1972. — № 3.

10. *Петраускас О. В.* Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Germania—Sarmatia. — Калининград, 2008.
11. *Eggers H. J.* Zur absolute Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // RGZM. — 1955. — Bd. 2.
12. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.
13. *Магомедов Б. В.* Могильник черняхівської культури Кам'янка-Анчекрак // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. — К., 2004.
14. *Şovan O.* Necropola de tip Sântana de Mureş-Cernjacob de la Mihălăşeni (Judetul-Boţoşani). — Târgoviste, 2009.
15. *Кухаренко Ю. В.* Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры // КСИА. — 1970. — Вып. 121.
16. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья: в первых веках нашей эры. — М., 1975.
17. *Гонкало О. В.* Черняховский могильник Ружичанка // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. — Тула, 2012. — Т. 3.
18. *Шишкин Р. Г.* Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. — К., 2002.
19. *Гонкало О. В.* Бусы и подвески черняховской культуры. — К., 2008.
20. *Смирнова Г. И.* Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры // МИА. — 1964. — № 116.
21. *Герета І. П.* Чернелево-Руський могильник. Оіум 3. — К.; Тернопіль, 2013.
22. *Тилищак В. С.* Ліпна кераміка Чернелево-Руського могильника // ОІУМ. Черняхівська культура. — 2011. — № 1.
23. *Козак Д. Н.* Поселення неврів, слов'ян та германців на Стирі. — К., 2012.
24. *Madyda-Legutko R., Rodzińska-Nowak J., Zagyrska-Telega J.* Opatow Fpl. 1: Ein Graberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Kleinpolen. — Warszawa; Krakyw, 2011.
25. *Godlowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. — Krakyw, 1970.
26. *Белявец В. Г.* К изучению памятников Вельбарской культуры в Беларуси // Nowe materiały i interpretacje stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdąnsk, 2007.
27. *Гонкало О. В.* Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum plus. — 2011. — № 4.
28. *Tikbanova M., Shcheglova O., Shchukin M., Sharov O.* The Structure of the Lepesovka Settlement // Die Sontana de-MureşCernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. October 1995. — Bonn, 1999.
29. *Ethelberg P. Skovgerde.* Ein Bestattungsplatz mit reichen Frauengräbern des 3. Jhs. n. Chr. auf Seeland. Nordiske Fortidsminder B/19. — København, 2000.
30. *Lund Hansen U., M. J. Przybyła.* Rosettenfibeln — ein Klassifikationsversuch // Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. — København; Warszawa, 2010.
31. *Левада М. Е.* О ранних контактах между Скандинавией и Крымом // Международная конференция INTER AMBO MARIA. — Симферополь, 2012.
32. *Левада М. Е.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье римского времени. // Боспорские исследования. — 2006. — Вып. XI.
33. *Рафалович И. А.* Данчены. Могильник черняховской культуры, III—IV вв. н. э. — Кишинев, 1986.
34. *Бажан И. А.* Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы 2009–2011 гг. // КСАН. — 2011. — Вып. 1.
35. *Vaumgartl H.* Bestattungen in römischen Importgefäßen in der Germania Magna während der römischen Kaiserzeit // интернет ресурс http://othes.univie.ac.at/7410/1/2009-10-20_0247359.pdf

36. *Wielowiejski J.* Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen // BRGK. — 1985. — № 66.
37. *Gładysz M.* Brązowa plakietka z wizerunkiem twarzy kobiecej z Grydka nad Bugiem, pow. hrubieszowski 21 // Nowe znaleziska importyw rzymskich z ziem Polski. — 2001. — Т. II.
38. *Natuniewicz-Sekulna M., Okulicz-Kozaryn J.* Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004) // Monumenta archaeologica barbarica. — 2011. — Т. 17.
39. *Levada M.* Metal Combs of the second Quarter of the First Millenium AD in Easter Europe // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. — Łydź, 2000.
40. *Кулаков В. И.* «Чудовищные» фибулы в Балтии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. — СПб., 2010.
41. *Гороховский Е.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дис. ... канд. ист. наук. — К., 1988.
42. *Kokowski A.* Grupa Masłomęcka z badań nad przemianami kultury gotyw w młodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1995.
43. *Белевец В. Г.* Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончанию раскопок // Acta Archaeologica Albaruthenica. — 2007. — Vol. 1.
44. *Смішко М. Ю., Свєшніков І. К.* Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області // МДАПВ. — 1961. — Вип. 3.
45. *Kokowski A.* Grydek nad Bugiem. Smentarzysko grupy masłomęckiej. Część II. — Lublin, 1993.
46. *Вакуленко А. В.* Українські Карпати у пізньоримський час. — К., 2010.
47. *Klindt-Jensen O.* Slusegard gravpladsen Bornholm fra 1. erh. f. til 5. erh. e.v.t. Beskrivelse af oprindeligt overflade og grave // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. — 1978. — XIV, 2.
48. *Schuster J.* Die Beziehungen der Gebiete Ostbrandenburgs zur Wielbark- und Przeworsk-Kultur im späten 2. und beginnenden 3. Jh. n. Chr. Mit einer formenkundlichen Untersuchung der späten Rollenkappenfibeln A II, 41 // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. — 2005. — Bd 36/37.
49. *Строценць Б. С.* Черняхівська культура Західного Поділля. — Тернопіль, 2008.
50. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. — М., 1980.
51. *Tempelman-Mączyska M.* Stryj kobiecej kultury wielbarskiej i jego powiązania z sąsiednimi obszarami // KWMR — 1988. — Т. I.
52. *Гороховский Е. А.* Хронология черняховских могильников Лесостепи Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — 1988. — Т. 4.
53. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). — СПб., 2003.
54. *Левада М. Е.* Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. — К., 1999.

Резюме

Милашевський О. С. *Фібули з використанням зерняної кільцевої гарнітури в черняхівської культури (за матеріалами раннього і розвиненого етапів)*

Стаття присвячена аналізу фібул з використанням зерняних накладних кілець в черняхівській культурі. Накладні зерняні кільця мають фібули трьох модифікацій — 1) з високим приймачем (типи А. VII — 210, 211, 216; 2) фасетовані фібули, близькі до А — 167; 3) двошарні часті фібули. Фібули «Монстри» (А — 216) демонструють зв'язок з територіями Північної Європи та Скандинавії. Фібули форм А. 210–211 містяться в комплексах із шеворським компонентом черняхівської культури. Дані вироби, хоч і мають

більш північні прототипи, можна вважати продукцією черняхівських майстрів. Фібули, близькі до А — 167 датуються ступенем С3 і містяться в комплексах із пізньоскіфо-сарматським компонентом. Характер зернистості фібул черняхівської культури демонструє деградацію цього типу декорації фібул, на відміну від основного ареалу використання даного прийому — Північної Європи та Прибалтики.

Ключові слова: фібули з використанням зерняних накладних кілець, черняхівська культура, вельбарська культура, готи, сармати.

Резюме

Милашевський А. С. Фібулы с использованием зерненной кольцевой гарнитуры в черняховской культуре (по материалам раннего и развитого этапов)

Статья посвящена анализу фибул с зерненной кольцевой гарнитурой в черняховской культуре. Накладные зерненные кольца имеют фибулы трех модификаций: 1) с высоким приемником (типы А. VII — 210, 211, 216); 2) фасетированные фибулы, близкие к А — 167; 3) двухпластинчатые фибулы. Фибулы типа «Монструозо» (А — 216) демонстрируют связь с территориями Северной Европы и Скандинавии. Фибулы форм А — 210–211 содержатся в комплексах с пшеворским этническим компонентом в черняховской культуре. Эти изделия, хоть и имеют северные прототипы, можно считать продукцией черняховских мастеров. Фасетированные фибулы, близкие к А — 167 датируются ступеню С3, и также содержатся в комплексах с позднескифо-сарматскими этническими чертами. Характер «зернистости» черняховских фибул говорит о деградации этого типа декорирования в черняховской культуре, в сравнении с основным ареалом распространения фибул с зернью — Прибалтикой и Северной Европой.

Ключевые слова: фибулы с использованием зерненной кольцевой гарнитуры, черняховская культура, вельбарская культура, пшеворская культура, готы, сарматы.

Summary

A. Mylashevskiy. The Fibulas With Ring Decoration Style in the Chernyakhov Culture (on the Base the Early and Developed Phases)

This article deals with the fibulas with Ring Decoration style in the Chernyakhov culture. There are fibulas of three modifications: 1) with the high catch-plate (A — 210–211, 216 by O. Almgren); 2) fibulas with facet foot (closed to the A — 167); 3) double — plate fibulas. Fibulas of the type A 216 connect the territory of Chernyakhov culture with Northern Europe and Scandinavia. Fibulas A 210–211 contained in the complexes with Przeworsk's component in the Chernyakhov culture. Fibulas, closed to the A — 167, appear on the phase C3 and connect with a sarmatian component in Chernyakhov culture. Ring Decoration style of the Chernyakhov's fibulas shows degradation in comparison with its main distribution territory — Baltic region and Northern Europe.

Key words: fibulas with the Ring Decoration style, Chernyakhov culture, Przeworsk culture, Wielbark culture, goths, sarmatians.

М. С. Сергеева

К вопросу о внешнем факторе развития художественной резьбы по кости в Южной Руси

пециального всестороннего изучения заслуживает художественная резьба по кости в Киевской Руси, которая является одним из заметных направлений древнерусского декоративно-прикладного искусства. Результатом обращения автора к данной проблеме стало появление серии работ, освещающих ее разные аспекты — от общего обзора имеющихся артефактов и анализа отдельных категорий находок до техники орнаментации косторезной продукции [1; 2; 3; 4; 5, с. 125–152; 6; 7]. Настоящая работа, посвященная культурно-историческому аспекту развития художественной резьбы по кости, является продолжением разработки данной темы. Ее задача — выявление роли культурных контактов в развитии косторезного ремесла в Южной Руси.

Наиболее ранние образцы художественной резной кости датируются X в. На раннеславянских памятниках этот вид артефактов практически отсутствует, не считая единичных экземпляров, происхождение которых остается под вопросом. Основная масса изделий из кости, встречающаяся практически на всех славянских поселениях, представлена примитивными орудиями труда. Не найдено следов стационарного косторезного производства VII—IX вв. Таким образом, генетическая связь древнерусского косторезного ремесла с позднеримским, представленным на территории Восточной Европы такими крупными памятниками, как Большая Снитынка в Поднепровье [8] и Замятинский археологический комплекс в Подонье [9], отсутствует.

Становление косторезного ремесла в Киевской Руси связано с началом развития древнерусского ремесленного производства, первый этап которого, по Б. А. Колчину, приходится на X — 20–30-е гг. XII в. [10].

Значительную часть изделий из костных материалов (кость, рог), датирующихся в рамках X в., дают курганные могильники (Киев, Шестовица, Чернигов), однако художественные изделия встречаются также в жилых слоях X — первой половины XI в. различных древнерусских населенных пунктов (Киев, памятники Черниговщины, Воинская Гребля и др.).

Изучение данных артефактов позволяет выделить два важных момента: 1) в декоративном оформлении изделий рассматриваемого времени практически отсутствует местная специфика; 2) художественные изделия из кости и рога появляются в сформированном виде, не имея корней в местном декоративно-прикладном искусстве предшествующего времени. Это наводит на мысль, что основополагающую роль в становлении художественной обработки кости в Южной Руси сыграло влияние со стороны регионов, где формирование косторезного ремесла как отдельной специализированной отрасли началось раньше.

В качестве генератора художественных идей, получивших распространение в Киевской Руси в X в., прежде всего, следует назвать отдельные регионы Северной Европы

(Скандинавия, Прибалтика), откуда в IX—X вв. идет мощный культурный импульс в южном направлении. Северные приоритеты в историко-культурных связях до начала христианизации древнерусского государства в конце X в. и усиления влияния византийского искусства обусловили достаточно широкое распространение в Южной Руси вещей североευропейского облика. Этому во многом способствовало бытование на широкой территории Восточной Европы единой дружинной культуры — синкретической, но базирующейся прежде всего на североευропейских, особенно скандинавских, традициях. Это не могло не сказаться на эстетических предпочтениях населения Киевской Руси рассматриваемого периода.

В числе изделий, связанных с североευропейскими традициями, можно назвать некоторые орнаментованные наборные гребенки, накладки, роговые остроконечники с зооморфными завершениями. Из киевских находок отдельно следует упомянуть две. Первая из них — хорошо известная ложечка с гравированной плетенкой на ручке [11, табл. 1XVII; 5, табл. 140, 1], возможно, связанная с северо- или центральноевропейскими традициями. Вторая — изделие из рога с зооморфным завершением [12, рис. 14, 1; 13, рис. 36], которое, вероятнее всего, является импортом или изготовлено уже в Киеве, но мастером-мигрантом. Оба предмета происходят из погребений могильника в районе Десятинной церкви (рис. 1: 1, 2).

В. Н. Зоценко не без оснований указывает на североευропейские аналогии для целого ряда киевских гребенок [14, с. 128–129]. На североευропейское происхождение некоторых южнорусских гребенок может указывать их декор, базирующийся на прямолинейных геометрических композициях. О. А. Кондратьева в своей диссертации указывала на то, что орнамент, в основе которого лежит косой крест и его модификации, можно связывать с балто-скандинавскими центрами и датировать в рамках

Рис. 1. Изделия из кости и рога из древнерусских курганных погребений:

1 — ложечка с орнаментированной ручкой, Киев (по М. К. Каргеру [11]); 2 — изделие с зооморфным декором. Киев; 3–4 — фрагменты изделий. Шестовица (фото автора, Фонды ИА НАНУ)

Fig. 1. Objects of bone and antler from Old Rus' barrow graves:

1 — spoon with ornamented handle (after M. K. Karger [11]); 2 — object with zoomorphic ornament; 3–4 — fragmented items. Shestovitsa (photo by author, Funds of IA NASU)

IX—XI вв. [15, с. 15]. Позже эта же исследовательница отмечала, что изделия с диагональными и вертикальными крестами распространены вообще в Европе, включая Русь, хотя складывается впечатление, что западноевропейские материалы дают большее разнообразие таких орнаментов [16, с. 64]. С другой стороны, на всей территории Южной Руси широко распространены гребни с орнаментом, включающим цепочки циркульных окружностей. Такие гребни обнаружены в Киеве [5, табл. 32, 1–7], Воинской Гребле [17, табл. 1XX, 1–5; 18, рис. 14, 1–5, 7], на поселении Лесковое на Черниговщине [19, рис. 15, 1] и др. Гребни с циркульным орнаментом не связаны своим происхождением с каким-то конкретным регионом — они бытовали на всей территории Восточной Европы и за ее пределами. Следует отметить, что в Южной Руси до настоящего времени не зафиксировано масштабное производство гребенок, сопоставимое с тем, что прослеживается в Старой Ладоге, на некоторых памятниках Скандинавии и Северо-Западного Поморья, где отходы, заготовки и полуфабрикаты гребенок насчитывают сотни экземпляров. В ранний период практически отсутствуют также характерные местные типы, которые В. Е. Флерова считает признаком местного производства [20, с. 140].

К североевропейской художественной традиции восходит орнамент части декоративных накладок (рис. 1, 3, 4), декоративное оформление хорошо известных накладок на седло (?) из Киева [21, с. 361] и Шестовицы [13, fig. 148; 22, рис. 45, 3–4] и некоторые другие вещи. Не исключено, что часть этих изделий является импортом или изготовлена приезжими мастерами.

Степные культуры не оказали существенного влияния на художественную резьбу по кости, хотя в целом степные корни в косторезном деле прослеживаются достаточно отчетливо. Например, костяные детали в комплексе древнерусского вооружения однозначно являются наследием кочевых культур. Возможно, к южным прототипам восходит декор накладок на лук из Гульбища [23, рис. 11], хотя в целом подобный орнамент имеет достаточно широкое хождение (рис. 2: 1). Не исключено, что восточные образцы лежат в основе зооморфного декоративного оформления рукоятки с Киевского Подола [24, рис. 15; 5, табл. 161, 8, 62, 1]. Указанный предмет заслуживает самостоятельного исследования, но предварительно можно отметить, что завершение в виде конской головы укладывается в рамки мировоззрения и эстетических предпочтений кочевников (рис. 2: 3). Восточное происхождение имеют костяные пуговицы из Гульбища (рис. 2: 2), имеющие аналогии, прежде всего, в Средней Азии [25, с. 105–109]. Однако эти пуговицы с большим основанием можно относить к импорту, а не к продукции местного ремесла [6, с. 279]. В дальнейшем на Руси получает распространение другая разновидность полусферических пуговиц.

Влияние византийского мира на развитие косторезного ремесла в Южной Руси в указанный период практически не прослеживается. Сразу отметим, что изделия из кости, как происходящие из этой указанной культурно-исторической зоны, так и выполненные под влиянием византийских традиций, и в дальнейшем немногочисленны.

В развитии местного ремесла особое место занимает деятельность странствующих ремесленников, которые распространяли как творческие идеи, так и технологию обработки кости и рога. Тема странствующих ремесленников неоднократно поднималась в литературе [26; 27, р. 48–54; 28, с. 240; 29, с. 109 и др.]. Учитывая историческую ситуацию, можно допускать, что некоторые ремесленники мигрировали и поселялись в городах Южной Руси, где и проходила их дальнейшая деятельность. Именно такие ремесленники-мигранты могли сыграть решающую роль на этапе становления ремесла Киевской Руси, особенно на раннем этапе (IX—X вв.). С ними следует связывать формирование местной школы художественного ремесла, о чем свидетельствуют изделия, ориентированные на североевропейскую стилистику, но вряд ли являющиеся импортом. Логично допускать, что основателями этой школы были приезжие мастера.

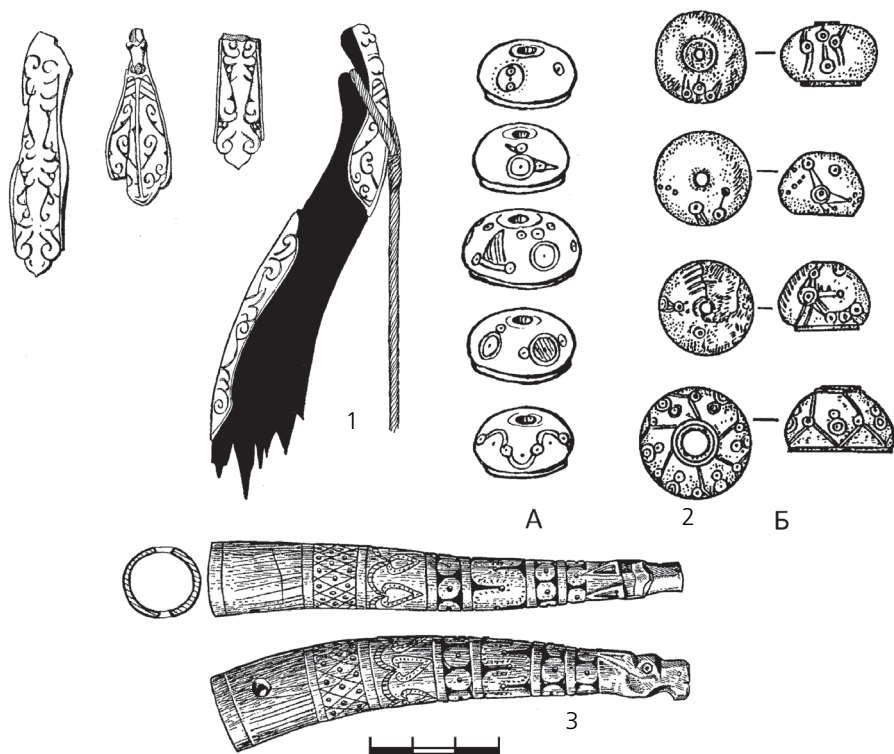

Рис. 2. Изделия из кости и рога. X в.:

1 — накладки на лук. Гульбище, Чернигов (по Б. А. Рыбакову [23]); 2 — А) пуговицы. Гульбище, Чернигов (по Б. А. Рыбакову [23]) и Б) аналогии из Средней Азии (по Н. Ю. Вишневской [25]); 3 — рукоятка. Киев

Fig. 2. Objects of bone and antler. Xth cent.:

1 — pad on the bow. Gulbische, Chernigov (after B. A. Rybakov [23]); 2 — A) buttons. Gulbische, Chernigov (after B. A. Rybakov [23]), and B) analogy from Central Asia (after N. J. Vishnevskaya [25]); 3 — handle. Kiev

В XI в. и особенно в XII — первой половине XIII вв. художественное косторезное ремесло поднимается на новый уровень. Такая ситуация соответствует второму периоду развития древнерусского ремесла, который начинается, по Б. А. Колчину, в конце первой трети XII в. Для этого периода характерно развитие мелкотоварного производства, расширение ассортимента продукции, упрощение технологических операций и появление узкой специализации. Именно в XII в. древнерусское ремесло выходит на рынок. Формируются новые слои общества, связанные с ремеслом и торговлей [10, с. 243–244; 30, с. 390–391].

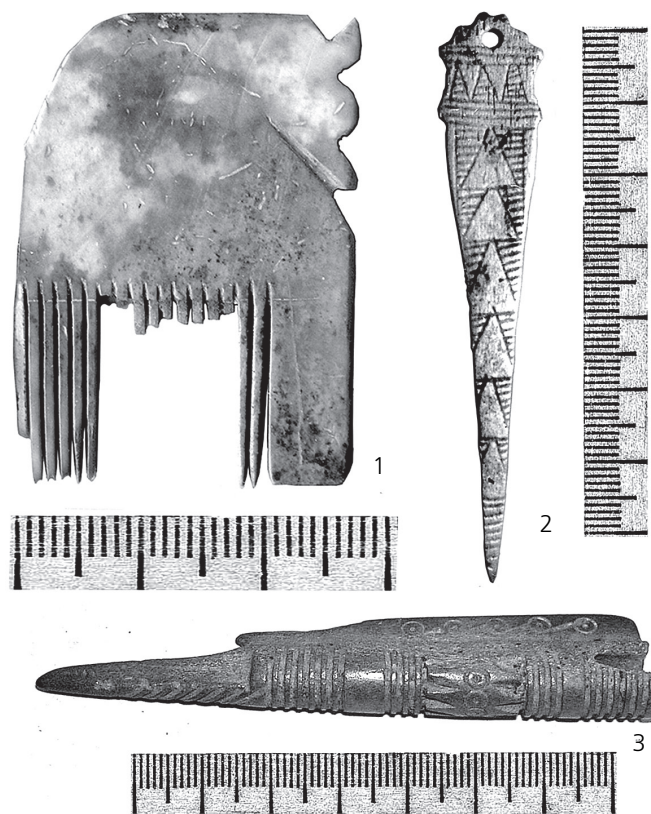
Маркером расцвета косторезного производства в Южной Руси в XII — первой половине XIII вв. является наличие стационарных косторезных мастерских в городах Южной Руси. В Киеве они насчитываются в значительном количестве [5, с. 13–28]. Их наличие дает основание связывать основную массу косторезной продукции, обнаруженной на древнерусских памятниках, в том числе художественной, с местным производством. Художественная резьба по кости в этот период в основном представлена декором утилитарных изделий местных косторезов: бытовых вещей, предметов вооружения, деталей одежды. Массовая продукция (пуговицы, гребни, ручки ножей и др.) в основном декорировалась достаточно простым контурным орнаментом, несложным в исполнении. Серийная продукция массового спроса практически одинакова на территории всей Руси и, шире, Восточной Европы. Однотипный линейно-геометрический

И
В
Т
С

орнамент, распространенный в косторезном деле, часто имеет общеевропейское распространение и является своего рода модой. Его популярность у косторезов обусловлена также простотой выполнения, что немаловажно с позиции удешевления продукции массового спроса.

Сказанное относится также к простейшему зооморфному декору, встречающемуся на некоторых изделиях массового спроса. Примером могут быть копоушки, оформленные резными орнитоморфными головками. Этот тип копоушек был универсален для всей территории Руси, что дает основания относить его к изделиям массового спроса, изготовлявшимся городскими ремесленниками на продажу. Согласно новгородской хронологии, разработанной Б. А. Колчиным, копоушки с орнитоморфными головками бытовали в сравнительно ограниченных хронологических рамках: со второй половины XI по 70-е гг. XII в. [31, с. 165, рис. 5]. При том, что традиция украшения различных изделий птичьими головками распространена достаточно широко в пространстве и во времени, непосредственные прототипы декора рассматриваемых копоушек пока остаются под вопросом.

Однако, несмотря на расцвет местного производства, роль внешнего фактора в распространении готовых изделий и творческих идей, остается значительной, учитывая интенсивные межкультурные контакты и миграции населения.

Среди продукции косторезного ремесла этого периода присутствуют вещи, в том числе художественные, выпадающие из южнорусской и вообще древнерусской косторезной традиции. В качестве примера можно привести несколько изделий финно-угорского облика: гребень с зооморфным оформлением из Переяслава-Хмельницкого (рис. 3: 1), копоушка из Киева [5, табл. 163, 4] с геометрическим орнаментом (рис. 3: 2). Упомянем также подвеску-уточку из Жовнина [32, с. 100, рис. 2: 34–35], генетически связаны скорее с финно-угорским миром [2, с. 289–290].

Вероятно, такие изделия попадали на территорию Южной Руси вместе с носителями культуры или же были импортом. Однако имеются изделия, связанные с той же традицией, но изготовленные на месте. Таковыми являются амулеты в виде ножен из Воинской Гребли [17, с. 111, табл. 1XXIV, 3]. Один из амулетов-ножен является полуфабрикатом [18, с. 143, рис. 21; 33, р. 566–567, fig. 3], что свидетельствует

Рис. 3. Импортные изделия:

1 – гребень. Переяслав-Хмельницкий, раскопки 1945 г. (фото автора, фонды ИА НАНУ); 2 – копоушка. Киев, случайная находка; 3 – игольник, Киев

Fig. 3. Imported objects:

1 – comb. Pereyaslav-Khmelniitskiy, excavations in 1945 (photo by author, Funds of IA NASU); 2 – ear-cleaner. Kiev, accidental find; 3 – needle-case. Kiev

о его местном изготовлении. Под вопросом остается происхождение киевского игольника в виде ножен (рис. 3: 3). Такие игольники, как и упомянутые выше амулеты, характерны для территории Северо-Восточной Руси, что дало основание авторам находки отнести его к импорту [34, с. 87, рис. 22, 1]. Однако возможно и его изготовление на месте по образцам, имевшимся в распоряжении мастера. В целом предметы, изготовленные по инокультурным образцам, единичны. Они связаны, вероятно, с мигрантами и не находят продолжения в местной традиции резьбы по кости.

Выявленные на одной из усадеб Киева остатки моржовых черепов и изделия из моржового бивня, а также изделия неместного облика из кости на той же усадьбе [35; 5, с. 39, рис. 2, 1, табл. 161, 3, табл. 163, 5, 6] свидетельствуют в пользу деятельности приезжих мастеров и в период расцвета местного ремесла в XII в.

Таким образом, влияние культурных контактов занимало важное место в развитии косторезного ремесла, в том числе художественного, и в период расцвета собственно ремесла. В этой связи особый интерес вызывают образцы художественных изделий из кости и рога со сложным, в том числе зооморфным, декором. Региональные особенности декора индивидуальных художественных изделий (возможно, выполненных на заказ) выражены более отчетливо, чем в массовой продукции, что сказывается как в трактовке фигуративных образов, так и в орнаментации. Примером может быть большая схематизация фигуративных изображений, чем на северных образцах и почти полное отсутствие в декоре южнорусских изделий прорезного (ажурного) орнамента, также более распространенного в Северной Руси [5, с. 125].

Особое внимание в рассматриваемом контексте следует уделить художественным изделиям с похожим декоративным оформлением, происходящим с разных территорий. В некоторых случаях есть основания говорить о каком-то едином источнике их происхождения. Это касается вещей с декором, выпадающим из местной изобразительной традиции и не имеющим широкого распространения, в том числе вне исследуемого ареала. Одним из примеров может быть подвеска из розетки оленьего рога с ажурным орнаментом, происходящая с городища Иван-Гора (современный Ржищев) [6, рис. 17]. Эксклюзивным является как материал (розетки в древнерусском косторезном ремесле использовались крайне редко), так и ажурный резной декор, не характерный для Южной Руси (рис. 4). Идентичная подвеска происходит из Подунавья [36, fig. 171].

Более информативными являются зооморфные изображения. Декорирование изделий косторезного ремесла зооморфными изображениями в Южной Руси имело достаточно ограниченное распространение. Зооморфный декор присущ в основном уникальным художественным вещам, вероятно, изготовленным на заказ. Такие вещи достаточно индивидуальны и дают основание говорить о творческом поиске отдельных мастеров-косторезов. В некоторых случаях наличие одинаковых или похожих изображений в декоративном оформлении нескольких вещей, происходящих с разных древнерусских памятников, позволяет поставить вопрос о едином прототипе для таких изображений.

Рис. 4. Подвеска с городища Иван-Гора
Fig. 4. Pendant from Ivan-Gora hillfort

Можно допускать различные пути распространения той или иной художественной идеи. В некоторых случаях представляется возможным более-менее конкретизировать происхождение вещей и их декоративного оформления.

Основные категории подобных изделий уже рассматривались в предыдущих работах автора [2, с. 287–288; 3; 4; 5, с. 141–142, 145–146;], поэтому здесь о них скажем только коротко. Особое внимание в связи с поставленным вопросом могут привлечь:

- 1) идентичные изображения птиц в контурной технике на фрагменте кости из Киева (случайная находка на берегу Днепра) [37, с. 329, рис. 146; 5, с. 141, рис. 55, 1а] и ручке ножа из Старой Рязани [38, рис. 131]. Оба артефакта не имеют четкой хронологической привязки ввиду того, что представляют собой случайные находки.
- 2) зооморфные застёжки (предположительно детали конской узда), выполненные в одном стиле, происходящие из Киева [39, рис. 3, 1; 5, рис. 55, 2а], Вышгорода (полуфабрикат) [5, рис. 55, 2б] и Шестовицы [40, рис. 7, 32]. Могут датироваться по полуфабрикату из Вышгорода, происходящему из комплекса XI в. [41, с. 13–14].
- 3) игольники в виде рыбки, происходящие из Новгорода [42, рис. 17, 6], Ржищева [3; 43, с. 262, рис. 1, 14] и Чернигова [44, рис. 1]. Датируются второй половиной XII в.

Указанные группы изделий можно рассматривать в контексте разных путей распространения художественной продукции на территории Руси. Кость из Киева с выгравированными на ней птицами вызывает отдельный интерес ввиду того, что она не является изделием в собственном смысле этого слова (рис. 5: 1А). Вырезанная на ней птица, скорее всего, является примером копирования какого-то исходного изображения, послужившего также образцом для декора ручки из Старой Рязани (рис. 5: 1Б). Не исключено, что в данном случае мы имеем рисунок, скопированный мастером для дальнейшего использования в работе. В этом случае описанную кость в функциональном отношении правомерно сопоставлять с костями с резными изображениями, распространенными в североевропейских древностях, известными в литературе как *motif-pieces*. Функции таких костей могли быть разными, но некоторые из них интерпретируются как тренировочные работы или копии образцов изображений [45, р. 169–170]. В культуре Древней Руси *motif-pieces* не нашли распространения. На территории Южной Руси они представлены единичными экземплярами, при этом по характеру изображений можно предположить их инокультурное (преимущественно скандинавское или, шире, североевропейское) происхождение [14, с. 137–138]. Вероятно, древнерусская традиция предполагала использование для копирования непрочных органических материалов, таких как кожа или береста, однако описанный выше фрагмент кости с изображением птицы может свидетельствовать о возможности спорадического использования костей с указанной целью также и древнерусскими мастерами.

Общий стиль исполнения и некоторые особенности построения фигуры (в частности, своеобразный наклон головы) позволяют предполагать единый прототип для обоих изображений. Авторство одного мастера здесь возможно, но не бесспорно.

Что касается игольников в виде рыбы (по крайней мере, совершенно идентичных экземпляров — ржищевского и новгородского), то учитывая практически полную стилистическую идентичность изображений из Новгорода и Ржищева (рис. 6: 1А, Б), наиболее вероятно, что эти изделия принадлежали одному мастеру. Об общности происхождения данных изделий свидетельствует и достаточно необычная тематика изображения — изображение рыбы не нашло широкого распространения в древнерусском искусстве [4, с. 25–26]. Обращение к нему, таким образом, это не копирование популярного образа и может свидетельствовать о каком-то индивидуальном интересе. Сказанное позволяет ставить на этом примере вопрос о путях распространения продукции одной мастерской. Учитывая полное тождество изделий, следует предполагать, что они изготавливались примерно одновременно или в течение

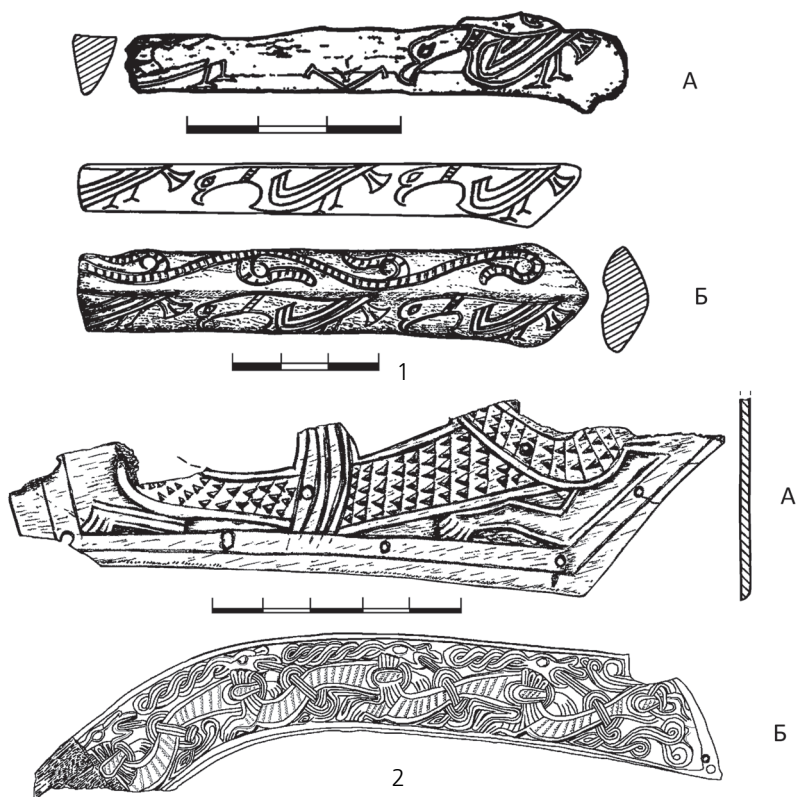

Рис. 5. Группы похожих зооморфных изображений:

1 – гравированные птицы. А – фрагмент кости, Киев; Б – ручка, Старая Рязань (по В. П. Даркевичу, В. Г. Борисевичу [38]); 2 – изображения фантастических зверей (грифонов). А – декоративная накладка из кости. Киев; Б – аналогичные изображения на деревянном бруске. Новгород (по Б. А. Колчину [46])

Fig. 5. Groups of similar zoomorphic images:

1 – engraved birds. 1 – fragment of bone, Kiev; 2 – handle. Staraya Ryazan (after V.P. Darkevich, V.G. Borisevich [38]); 2 – images of fantastic beasts (griffins). 1 – decorative plate of bone. Kiev; 2 – similar image on a wooden beam. Novgorod (after B. A. Kolchin [46])

короткого отрезка времени. Черниговский экземпляр, имеющий стилистические отличия (рис. 6, 1B), может быть как местной копией изделий указанного типа, так и изделием того же мастера, изготовленным раньше или позже первых двух. Возможны два пути распространения этих изделий: миграции самого мастера или попадание в разные города путем торговли.

Что касается застежек недоуздка с зооморфным декором (рис. 6: 2), то они, скорее всего, являются примером использования звериного образа в рамках единой изобразительной традиции. Еще одним примером использования традиционных образов является накладка с изображением фантастического существа из Киева [5, с. 42–43; табл. 161, 9; 62, 5]. Она не имеет точных аналогий среди изделий из кости, однако изображение на ней возможно связывать с определенной изобразительной традицией, что может помочь в поисках прототипа для него.

Образ грифона имеет переднеазиатские корни. В средневековом искусстве Европы, Византии, Ближнего Востока он получил широкое распространение. Однако если основная масса изображений представляет стоящего грифона, на рассматриваемой накладке мы видим полулежащее существо (рис. 5, 2A). Вопрос о происхождении подобных изображений требует специального изучения. Нам уже приходилось говорить

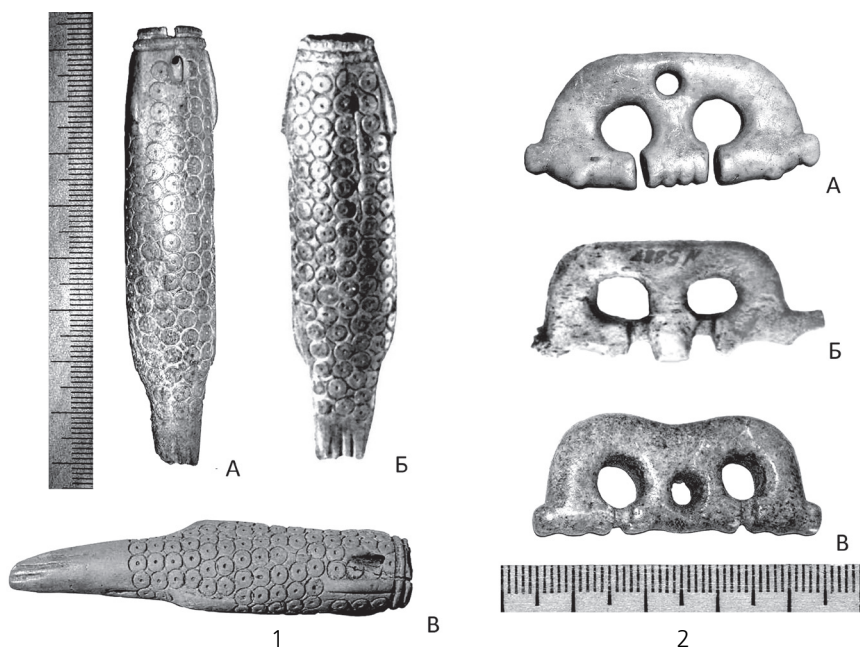

Рис. 6. Группы похожих зооморфных предметов:

1 — игольницы в форме рыбки; А — Ржищев; Б — Новгород (по Б. А. Колчину [42]); В — Чернигов (по Е. В. Черненко [44]); 2 — зооморфные застёжки. А — Киев; Б — Вышгород; В — Шестовица

Fig. 6. Groups of similar zoomorphic objects:

1 — fish-shaped needle-cases; А — Rzhishev; Б — Novgorod (after B. A. Kolchin [42]); В — Chernigov (after E. V. Chernenko [44]); 2 — zoomorphic buckles. А — Kiev; Б — Vyshgorod; В — Shestovitsa

о его возможных североευропейских корнях [5, с. 143]. Отметим, что передняя часть туловища «грифона», его оформление и поза напоминает таковые у фантастических животных на деревянном бруске из Новгорода, который датируется XI в. [46, табл. 119, 1–3]. Разница состоит в том, что новгородские звери следуют один за другим, образуя орнаментальный фриз (рис. 5: 2Б), а на киевской пластине изображение единично. Случайность киевской находки затрудняет ее точную датировку, однако, вероятно, она не слишком расходитсЯ с датой новгородского изделия. В данном случае нет оснований говорить о едином образце для декорирования двух столь различных предметов, однако использование образов в рамках общей изобразительной традиции не вызывает сомнений.

Таким образом, важным фактором, способствующим развитию художественной резьбы по кости в Южной Руси на протяжении X — первой половины XIII вв. являлись интенсивные внешние контакты. Художественные вещи попадали в рассматриваемый регион разными путями. Несмотря на то, что деятельность мастеров-мигрантов имела особое значение для развития древнерусского косторезного ремесла в IX—X вв. в период его становления, она продолжается и в дальнейшем. Отдельные ремесленники также могли переселяться в другие регионы и работать там стационарно, внедряя в местное ремесло привнесенные извне традиции. В XI—XIII вв. влияния извне на местную художественную традицию прослеживаются в меньшей степени. Складывается собственное ремесло со своими традициями. Появление стационарных мастерских, работающих на массовый спрос, приводит к унификации продукции. Декоративное оформление изделий массового спроса в этот период практически одинаково на всей территории Руси. Индивидуальные художественные вещи (созданные на заказ)

немногочисленны, однако иногда прослеживается распространение на большой территории художественных образов, которые использовались в их декоре. Рассмотренные в статье группы изделий с идентичными изображениями могут рассматриваться как примеры различных путей распространения художественной продукции на территории Руси: копирование общего образца, разные возможные способы распространения продукции одного мастера (попадание на другую территорию в составе импорта или передвижения самого странствующего мастера), создание художественных образов в рамках следования определенной изобразительной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеева М. С.* Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997.
2. *Сергеева М. С.* Древнерусская зооморфная резная кость Среднего Поднепровья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. — СПб., 2010.
3. *Сергеева М. С.* Образец древнерусской художественной кости из Ржищева // Ювелирное искусство и материальная культура. — СПб, 2009.
4. *Сергеева М. С.* Два приклади давньоруського художнього різьблення по кістці з території Середнього Подніпров'я // Церква — наука — суспільство. Матеріали Восьмої Міжнар. наук. конф. (26–28 травня 2010 р.). — К., 2010.
5. *Сергеева М. С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві. — К., 2011.
6. *Сергеева М.* Художнє різьблення по дереву, кістці та рогу // Історія декоративного мистецтва України. — Т. 1. — К., 2011.
7. *Сергеева М. С.* До вивчення техніки орнаментациі давньоруських виробів з кістки та рогу з території Середнього Подніпров'я // Древности, 2012: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2012. — Вып. 11.
8. *Магомедов Б. В.* Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—V ст. н. е. // Стародавнє виробництво на території України. — К., 1992.
9. *Обломский А. М., Усачук А. Н.* Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гунского времени / Раннеславянский мир. Вып. 6. — М., 2004.
10. *Колчин Б. А.* Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село / Археология СССР. — М., 1985.
11. *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. — М.; Л., 1958. — Т. 1.
12. *Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М.* Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 р. // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. — К., 2008.
13. *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. — Paris, 2012.
14. *Зоценко В. М.* Скандинавські старожитності Київського Подолу «дружинної доби» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. — Т. 2. — Коростень, 2008.
15. *Кондратьева О. А.* Изделия косторезного ремесла Руси IX—XI вв. как исторический источник (по материалам гребней). — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Л., 1987.

16. Кондратьева О. А. Гребни IX—XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси — России: Археологические и этнографические очерки. — СПб., 2011.
17. Довженок В. Й., Гончаров, В. В., Юра, Р. О. Древньоруське місто Воїнь. — К., 1966.
18. Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України: джерела та дослідження / Археологія і давня історія України. — Вип. 8. — К., 2012.
19. Шекун О. В., Веремейчик О. М. Давньоруське поселення Ліскове. — Чернігів, 1999.
20. Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX—XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела—Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). — СПб., 2001.
21. Беляшевский Н. Курган-могикан на территории Киева // АЛЮР. — 1903. — Т. 6.
22. Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1948 рр.). — Чернігів, 2007.
23. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. — № 11. — 1949.
24. Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 году // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. — К., 1985.
25. Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента. — М., 2001.
26. Kurnatowska Z. Horn-working in Medieval Poland // La formation et le développement des métiers au Moyen Âge (V^e — XIVe siècles). — Budapest, 1977.
27. Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe. — Stockholm, 1981.
28. Смирнова Л. И. Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). — М., 1998.
29. Флерова (Нахапетян) В. Е. Рогообработка в Саркеле—Белой Веже: сырье и технология // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. — Воронеж 2000.
30. Щапова Ю. А. О ремесле Древней Руси // «Слово о полку Игоревом» и его время. — М., 1985.
31. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982.
32. Моргунов Ю. Ю. Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наук. конф. — Ч. 2. — Археологія Полтавщини. — Полтава, 1991.
33. Sergeeva M. Early Rus' sacred objects in antler and bone from the Middle Dnieper area // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. — Kraków; Leipzig; Rzeszyw; Warszawa, 2012. — Vol. II.
34. Зоценко В. М., Брайчевська О. А. Ремісничий осередок XI—XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. — К., 1993.
35. Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. И. Новые находки древнерусских игральных фигурок из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Коростень, 2008. — Т. 2.
36. Stefan Gh., Barnea I., Comşa M., Comşa E. Dinogetia. Aşezarea feudală timpurie de la Bisericiuța-Garvăn. — București, 1967.
37. Гупало К. Н. Обработка дерева, кости и камня // Новое в археологии Киева. — К., 1981.
38. Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. — М., 1995.
39. Шовкопляс Г. М. Про косторізне ремесло в стародавньому Києві // Середні віки на Україні. — Т. 2. — К., 1973.

40. Коваленко В., Моця А., Сьтій Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-східної Європи VIII—XI ст. — Чернігів, 2003.
41. Дорофеев В. В., Евтушенко А. И., Калюк А. П., Чабай В. П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Вышгород в 1989 г. // НА ИА НАНУ. — Ф. э. 1989/184. — № 23746.
42. Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. — № 55. — М., 1956.
43. Сергеева М. С. Гольники з кістки та рогу з давньоруських міст лісостепового Придніпров'я // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. — К.; Чернігів, 2012.
44. Черненко О. Є., Казаков А. А., Рижий В. В. Дослідження на території Чернігова у 2009 р. // АДУ 2009. — К.; Луцьк, 2010.
45. O'Meadhra U., Early Christian, Viking and Romanesque Art Motif-Pieces from Ireland. — Stockholm 1987.
46. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ (Е1–55). — М., 1971.

Резюме

Сергеева М. С. До питання про зовнішній фактор розвитку художнього різьблення по кістці у Південній Русі

У статті розглядається роль культурних контактів у розвитку художнього різьблення по кістці у Південній Русі.

Художнє різьблення по кістці починає практикуватися у Південній Русі з X ст. Швидкому розквіту косторізного ремесла у цей період сприяли зовнішні культурні контакти. Розповсюдження у Південній Русі художньої різьбленої кістки північноєвропейського вигляду можна пояснити північними пріоритетами у історико-культурних зв'язках у X ст. Особливе значення має діяльність майстрів-мігрантів, які були передавачами ремісничих технологій і художніх ідей.

У XI—XIII ст. у Південній Русі формуються місцеві традиції обробки кістки, проте іноді простежується розповсюдження художніх образів на великій території. Шляхами їх поширення могли бути: копіювання спільного прототипу різними майстрами, поширення продукції однієї майстерні у складі імпорту або внаслідок міграції самого майстра, створення художніх образів у межах єдиної традиції.

Ключові слова: Давня Русь, давньоруське художнє ремесло, мандруючі ремісники, різьблена кістка, зооморфний декор.

Резюме

Сергеева Н. С. К вопросу о внешнем факторе развития художественной резьбы по кости в Южной Руси

В статье рассматривается роль культурных контактов в развитии художественной резьбы по кости в Южной Руси.

Художественная резьба по кости начинает практиковаться в Южной Руси с X в. Быстрому расцвету косторезного ремесла в этот период способствовали внешние культурные контакты. Распространение в Южной Руси художественной резной кости северо-европейского вида можно объяснить северными приоритетами в историко-культурных связях в X в. Особое значение имеет деятельность мастеров-мигрантов, которые были передатчиками ремесленных технологий и художественных идей.

В XI—XIII вв. в Южной Руси формируются местные традиции обработки кости, однако иногда прослеживается распространение художественных образов на большой территории. Пути их распространения могли быть: копирование общего прототипа разными мастерами, распространение продукции одной мастерской в составе импорта или вследствие миграции самого мастера, создание художественных образов в рамках единой традиции.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусское художественное ремесло, странствующие ремесленники, резная кость, зооморфный декор.

Summary

M. Sergeeva. On the Role of External Factor in the Development of Artistic Bone Carving in Southern Rus'

The article deals with the role of cultural contacts in the development of artistic bone carving in Southern Rus'.

Artistic bone carving begins to practice in Southern Rus' from the 10th cent. Fast flourishing of a carving craft in this period is largely due to external cultural contacts. Distribution of carved bone of Northern European appearance in Southern Rus' could be explained with Northern priorities in the historical and cultural contacts in 10th cent. The activity of migrant artisans, who were transmitters of handicraft technology and artistic ideas was of particular importance.

In 11th—13th cent. in Southern Rus' local traditions of processing of bone was formed. Nevertheless sometimes the spread of artistic images over a large area is detected. Pathways of their spread could be: copying the same prototype by different masters, distribution of products of one workshop as part of imports or as a result of migration of the master himself, creation of artistic images in limits of common tradition.

Key words: Old Rus', Old Russian Arts and Crafts, itinerant craftsmen, carved bone, zoomorphic decoration.

М. В. Хоружая

Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации)

Исследования захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса (могильники у с. Верхний Салтов, Старый Салтов, Рубежное)¹ позволяют говорить о существовании у аланского населения деления детей по возрастным категориям. При этом следует учитывать, что спецификой детских захоронений является или наличие в них минимального количества инвентаря, или же его полное отсутствие. Как и в большинстве традиционных обществ это было обусловлено теми воззрениями, что младенцам и детям до определенного возраста (чаще всего до 5–6 лет) вещи хозяйственно-бытового назначения на том свете не нужны, ибо они при жизни еще не научились ими пользоваться [1, с. 165], а также, что дети, пришедшие как бы с того света еще не укрепились в мире людей и могут быть в любое время забраны обратно. Однако по мере своего взросления они все больше привязываются к миру людей [2, с. 49], что и находит отражение в расширении со временем набора вещей, которыми они пользуются. Поэтому деление на половозрастные группы в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова находит свое зримое отражение в первую очередь в наборе личных украшений, и во вторую — в наличии предметов хозяйственно-бытового назначения.

Для обработки были использованы материалы 85 погребений из 61 катакомбных захоронений (РМ — 2 катакомбы, ССМ — 4 катакомбы, ВСМ-III — 3 катакомбы, ВСМ-I — 30 катакомб, ВСМ-IV — 22 катакомбы) (табл. 1). Не во всех захоронениях костные останки детей отличались хорошей сохранностью, что обусловлено как естественными причинами, так и тем фактором, что в часть погребальных камер в древности было совершенно преднамеренное проникновение, в результате которого костяки частично или полностью разрушались [3, с. 98–114]. При этом необходимо учитывать и то, что антропологические исследования зачастую данных погребальных комплексов не производились, и мы опираемся на наблюдения авторов раскопок, сделанные в ходе исследования самих захоронений.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие в захоронениях могильника костяков детей в возрасте до года. Вероятно, что умерших новорожденных и детей в возрасте до года население Верхнего Салтова хоронило отдельно, не на могильнике и по особому обряду. К примеру, как свидетельствуют этнографические материалы, во многих традиционных обществах умершие дети в возрасте от рождения и до появления первых зубов (6–8 месяцев) хоронились не на кладбище, и не так как взрослые

¹ В тексте предлагаются следующие сокращения: Старо-Салтовский могильник — ССМ, Рубежанский могильник — РМ, Верхне-Салтовский I могильник — ВСМ-I и соответственно ВСМ-III и ВСМ-IV.

Инвентарь детских погребений из катакомбных захоронений
Верхне-Салтовского археологического комплекса

№ кат./погр. (могильник)	Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
№ 2/1 (ВСМ-I)	3-5	+																						
№ 2/3 (ВСМ-I)	3-5	+			+					+			+											
№ 2/4 (ВСМ-I)	8-10	+																	+					
№ 4/1 (ВСМ-I)	2-4	+		+																				
№ 11/2 (ВСМ-I)	3-5	+		+										+										
№ 14/2 (ВСМ-I)	6-8	+		+									+											
№ 14/3 (ВСМ-I)	3-5	+																						
№ 16/3 (ВСМ-I)	5-7	+		+									+											
№ 17/3 (ВСМ-I)	2-3	+		+																				
№ 18/2 (ВСМ-I)	3-4	+		+									+											
№ 29/3 (ВСМ-I)	3-5	+		+									+											
№ 32 (ВСМ-I)	2-3	+		+																				
№ 34 (ВСМ-I)	1-2	+									1													
№ 38/2 (ВСМ-I)	3-5	+		+									+			+					+			
№ 39/1 (ВСМ-I)	3-4	+		+																				
№ 39/2 (ВСМ-I)	3-5	+		+																				
№ 44/1 (ВСМ-I)	3-5	+		+							2		+											
№ 44/3 (ВСМ-I)	3-4	+		+									+											
№ 45 (ВСМ-I)	2-3	+		+									+											
№ 52/2 (ВСМ-I)	3-4	+		+																				
№ 53 (ВСМ-I)	1-2	+																						
№ 64/2 (ВСМ-I)	3-5	+		+									+											
№ 4 (ВСМ-III)	3-5	+									1													
№ 9/3 (ВСМ-III)	2-3	+																						
№ 2/1 (ВСМ-IV)	10-13	+		+									+									+		
№ 2/2 (ВСМ-IV)	3-4	+		+									+											
№ 32 (ВСМ-IV)	2-3	+		+																				
№ 94/2 (ВСМ-IV)	1-2	+		+							1													

покойники — в пне срубленного дерева, на деревьях в лесу [4, с. 13; 5, с. 231; 6, с. 92]. Появление у детей первых зубов, а, следовательно, и приобщение его к пище взрослых людей, означало появления у ребенка статуса человека. У многих народов умершего ребенка хоронили также как и взрослых на семейном кладбище, если он к тому моменту уже самостоятельно бойко ходил по земле, т. е. с 1–1,5 лет [7, с. 220; 8, с. 75], а до этого дети не имели вообще никакого статуса [9, с. 140].

Погребения детей в возрасте от года до 3 лет представлены 25 костяками (табл. 1), зачастую очень плохой сохранности. Довольно часто погребения детей этого возраста в катакомбах Верхнего Салтова фиксируются только по фрагментам черепа и многочисленным молочным зубам (рис. 1: 1, 20, 27). Так, в катакомбах № 34 и № 35 ВСМ-IV детские скелеты были представлены только фрагментами черепов и молочными зубами [10, с. 2, 3]. В катакомбе № 9 ССМ останки ребенка были представлены только костным тленом и фалангой пальца [11, с. 28]. Костяк ребенка 1–2 лет (№ 1), располагавшийся у торцевой стенки катакомбы № 100 ВСМ-IV, подвергся разрушению, при этом череп ребенка в раздавленном виде был обнаружен в 0,6 м от своего первоначального местонахождения [12, с. 55]. Поэтому вероятно, что в некоторых случаях погребения детей в возрасте до 3-х лет могли быть просто не зафиксированными вследствие плохой сохранности костяка. Погребения детей этого возраста отличает или полное отсутствие погребального инвентаря, или наличие немногочисленных (единичных) украшений, выполнявших роль оберегов-амулетов. Так, например, в захоронении младенцев инвентарь представлен отдельной бусиной (кат. № 9 ССМ), одним/двумя бубенчиками (кат. № 35 ВСМ-IV, кат. № 6, 48/2 ВСМ-I), низкой бус (рис. 1: 6–19, 21–26, 28), среди которых преобладает синий и желтый бисер (кат. № 4/1, 17/3, 32 ВСМ-I, № 34, 100/1 ВСМ-IV), подвеской-оберегом из клыка животного (кат. № 34 ВСМ-I) (табл. 1). Объяснением этому может служить тот факт, что в традиционных обществах ребенок до 3–4 лет находится почти постоянно с матерью, что частично было связано с режимом питания (докармливание грудью, иногда даже после того, как мать начинала кормить другого новорожденного) [6, с. 85; 8, с. 66; 13, с. 129], и таким образом был под «покровительством» надетых на матери личных амулетов-оберегов и защитой семейных духов-охранителей [14, с. 149].

Что касается пола ребенка, то в погребениях детей этой возрастной категории определить его по инвентарю в большинстве случаев не представляется возможным (рис. 2). По этнографическим данным (даже еще в XIX в.) у многих народов мира, в том числе и у алан, дети до 4–5 лет рассматривались как бесполое существа [15, с. 54], в следствии чего девочек и мальчиков воспитывали вместе, а их одежда не имела существенных половых различий [16, с. 196]. При этом независимо от пола, детям надевали первые украшения и амулеты, количество которых напрямую зависело от состояния здоровья детей и их количества в семье [17, с. 183]. С большей или меньшей степенью вероятности, пол ребенка в отдельных случаях может быть определен только благодаря присутствию среди инвентаря вещей, встречающихся в захоронениях взрослых индивидов определенного пола. Так на принадлежность к женскому полу указывает наличие в захоронении детей до трех лет бронзовой бляшки-нашивки на головной убор (рис. 2: 18), налобной ленты (кат. № 94/2 ВСМ-IV) [18, с. 16, илл. 1, 7] или перламутрового диска из раковины моллюска (кат. № 68/4 ВСМ-I) [19, табл. IXXIV, 1: 4]. Как свидетельствуют материалы аланского населения Северного Кавказа, круглые бляшки-нашивки украшали головную ленту девочек, уже прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста (т. е. 12–14 лет) [20, с. 7, 62]. Пряжки-пуговицы из раковины являются довольно частой находкой в погребениях девушек-подростков и молодых женщин из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса (например: кат. № 16 РМ; № 111/2 ВСМ-IV) [21, рис. 6: 46, 47; 22, с. 23, рис. 37: 13, 14]. Диски из перламутра украшали наkosные украшения девочек тувинцев и теленгиров, после достижения ими 5–6 летнего

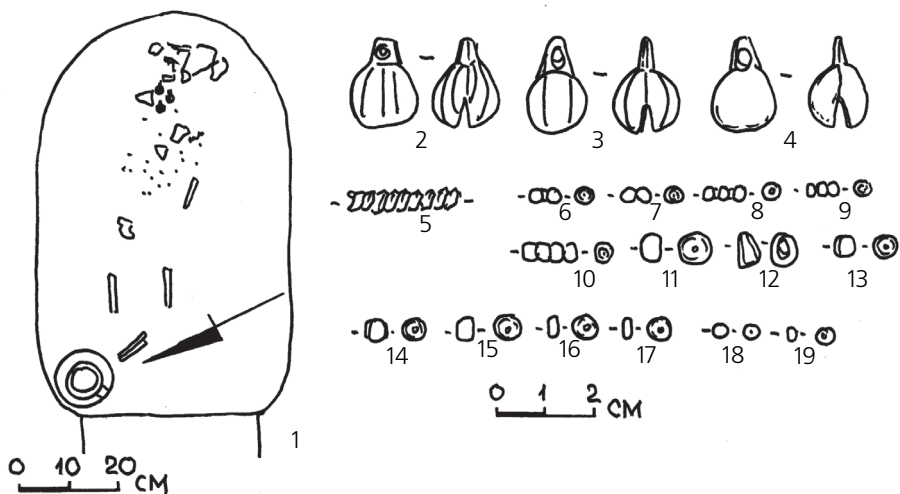
возраста [23, с. 169]. По-видимому, и круглые бронзовые бляшки-нашивки, и перламутровые (из раковины) пряжки-пуговицы в семантическом плане следует рассматривать как символ богини подательницы жизни. Рассматривать вышеупомянутые изделия в данном контексте, как нам представляется, позволяют данные этнографии. Так, подобные круги и кольца, вырезанные из рыбьей кожи или бересты (белый цвет), у нанайцев считались символом солнца/луны — богини плодородия и подвешивались над колыбелью, если ребенок проявлял беспокойство ночью/днем, а затем включались и в состав комплексных амулетов (связок) детей [24, с. 84, 85, рис. 4]. Поэтому по этнографическим данным, в традиционных культурах в семьях, где не выживали мальчики, мальчика одевали как девочку, но в отличие от девочки сережку вдевали только в одно, левое, ухо [7, с. 210; 13, с. 123;]. Как погребение мальчика, вероятно, следует трактовать захоронение № 1 в катакомбе № 100 (ВСМ-IV). На это указывает обнаруженная при ребенке единичная бронзовая проволочная серьга в виде простого колечка, тогда как девочку (кат. № 29/3 ВСМ-IV) сопровождала пара сережек (рис. 2: 19, 20).

В захоронениях детей в возрасте от 3–4 до 9–10 лет количество погребального инвентаря увеличивается (табл. 1) (рис. 3). Чаще встречаются вещи, характерные для убора взрослых — серьги (например: кат. № 5/5, 14/2, 14/3, 15/3, 15/4, 24/5, 29/3, 36/3, 36/4, 38/ 2, 39/1, 44/1, 64/2 ВСМ-I; № 5/2 РМ; № 29/1, 29/3, 30/2, 72/1, 72/2, 72/3, 78/1, 78/4, 78/5, 96/3, 99/2, 107/5 ВСМ-IV), браслеты (например: кат. № 19/1 ВСМ-III; № 5/1, 15/3, 15/4, 24/5, 68/2 ВСМ-I; № 30/2, 31/2, 72/2, 72/3, 72/4, 96/3, 99/2, 107/4, 107/5, 116/2 ВСМ-IV; № 1/2 РМ), перстни/кольца (кат. № 15/4, 64/2 ВСМ-I; № 2/1, 30/2, 96/3 ВСМ-IV). Также появляются предметы хозяйственно-бытового назначения — ножи (кат. № 36/3, 39/1 ВСМ-I; № 2/1, 30/2, 72/2, 96/3, 98/1 99/2 ВСМ-IV), ботало (кат. № 36/4 ВСМ-I), копоушка (кат. № 98/1 ВСМ-IV), топорик-чекан (кат. № 96/3 ВСМ-IV) (рис. 5: 7). Соответственно, становится возможным уже с большей долей вероятности установить пол ребенка. Как уже упоминалось выше, для погребений девочек характерны бляшки-нашивки на головную ленту (кат. № 16/3, 44/1, 60/1, 64/2 ВСМ-I; № 3/1, 17/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 2/1, 29/2, 30/2, 78/5, 107/5, 116/2, 119/2 ВСМ-IV), пара сережек (например: кат. № 119/2). Погребения мальчиков содержат одну сережку — например: катакомбы № 72/2, 96/3, № 99/2 ВСМ-IV (рис. 3: 7; 5: 2). Предметы поясной гарнитуры характерны только для погребений мальчиков (кат. № 77/2, 99/2 ВСМ-IV) (рис. 3: 14, 15; 4: 35–40; 5: 17), то же касается ворворок в виде усеченной четырехгранной пирамиды (кат. № 96/3, 99/2 ВСМ-IV) (рис. 5: 15). Пряжки-пуговицы из раковины (кат. № 3/1, 17/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 16/3 ВСМ-I; № 78/1, 99/2 ВСМ-IV) встречаются в погребениях как мальчиков (рис. 4: 10), так и девочек.

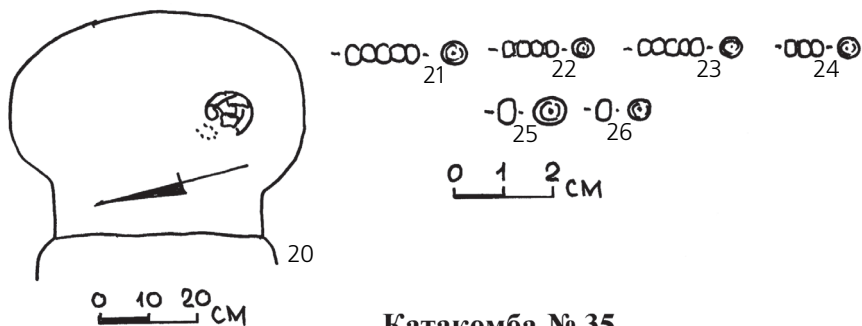
На существование у аланского населения Верхнего Салтова перехода в иную возрастную группу в возрасте 3–4 года указывают антропологические материалы ВСМ-IV, которые свидетельствуют о наличии маркеров эпизодического стресса у мужчин, женщин и детей в возрасте 3–3,5 лет [25, с. 130], что связано со сменой рациона питания (переход от вскармливания грудным молоком да пищу взрослых людей).

Для костюма детей, вне зависимости от пола, характерно присутствие различных амулетов-оберегов (металлических, из кости, камня), количество которых, по-видимому, связано с болезненностью ребенка. При костяке присутствует один (кат. № 4 ВСМ-III; № 18/2 ВСМ-I; № 3/1, 19/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 29/1, 31/2, 78/1, 107/5, 107/6 ВСМ-IV), два (кат. № 36/3, 44/1 ВСМ-I; № 78/4, 78/5, 96/3, 119/1 ВСМ-IV), три (кат. № 24/5 ВСМ-I), четыре (кат. № 15/4 ВСМ-I), пять (кат. № 30/2 ВСМ-IV) и шесть (кат. № 99/2 ВСМ-IV) амулетов (табл. 1). В рассматриваемых захоронениях представлены типы амулетов, хорошо известные в салтово-маяцких древностях. Это — кльки и когти хищных животных (кат. № 34 ВСМ-I, № 99 ВСМ-IV) (рис. 4: 13); бронзовые имитации когтей животных (кат. № 15/4, 36/3 ВСМ-I, № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 4); бронзовая

Катакомба № 32

Катакомба № 34

Катакомба № 35

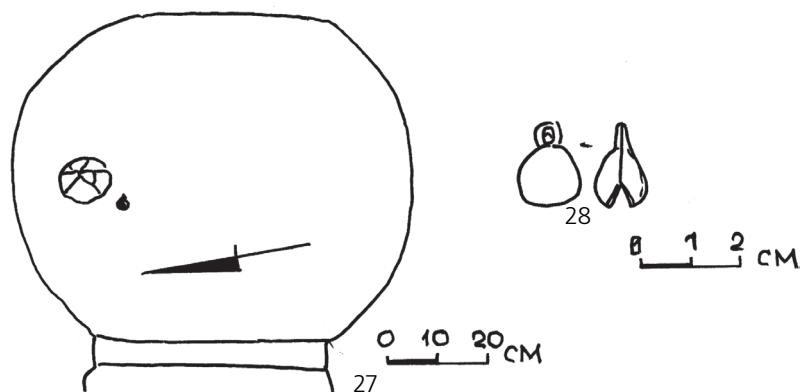

Рис. 1. Катакомбы ВСМ-IV с погребениями детей в возрасте 1–3 лет:

1–19 – план погребальной камеры и инвентарь катакомбы № 32; 20–26 – план погребальной камеры и инвентарь катакомбы № 34; 27–28 – план камеры и инвентарь катакомбы № 35

Fig. 1. Catacombs of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV with graves of children of 1 – 3 years old: 1–19 – a plan of the burial chamber and inventory of the catacombs No. 32; 20–26 – a plan of the burial chamber and inventory of the catacombs No. 34; 27–28 – a plan of the chamber and inventory of the catacomb No. 35

имитация челюсти хищного животного (кат. № 4 ВСМ-III); камни с просверленными в них отверстиями (кат. № 19/2 ССМ; № 30/2 ВСМ-IV); ракушки-каури (кат. № 18/2 ВСМ-I); солярные амулеты колесовидного типа и с соколиными головками (кат. № 5/1 РМ, № 44/1 ВСМ-I, № 30/2, 31/2, 78/1, 78/5 ВСМ-IV); подвески-лунницы (кат. № 36/3 ВСМ-I, № 29/1 ВСМ-IV) (рис. 2: 3); подвески с протомами животных (кат. № 15/4 ВСМ-I, № 96/3 ВСМ-IV) (рис. 5: 16); пуговицы-зеркальца (кат. № 30/2, 78/4 ВСМ-IV); подвески, изображающие стебель растения (кат. № 78/4, 78/5, 107/5, 107/6 ВСМ-IV); изображения тотемных животных (кат. № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 14); крестовидные подвески (кат. № 15/4 ВСМ-I, № 30/2, 94/2 ВСМ-IV); натальный крестик (кат. № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 12), в также дарохранительницы (туалетные корбочки) (рис. 4: 16; 5: 18), содержавшие, вероятно, обереги органического характера. Почти в каждом детском захоронении присутствуют бронзовые литые и штампованные бубенчики, которые предназначены были выполнять не только утилитарную функцию — пуговицы на одежде, но и отгонять своим звоном злых духов, что характерно для многих народов мира [8, с. 67].

В ряде детских погребений этой возрастной группы были обнаружены астрагалы (бабки из ног коз или овец) (кат. № 11/2, 16/3, 36/3 ВСМ-I, № 29/2, 72/1, 72/2, 96/3, 98/2, 116/2 ВСМ-IV) (рис. 3: 4–6, 16–19; 4: 41; 5: 3). По мнению исследователей, астрагалы связаны с наиболее архаичным пластом в традиционной культуре многих народов. При этом они не только символизируют само сакральное животное (по принципу *pars pro toto*), но и используются в качестве амулетов-оберегов против враждебных человеку сил, подчеркивая тесную связь человека с животным-покровителем и живой природой вообще [26, с. 238, 239]. Часть из них имели просверленные отверстия для подвешивания и выполняли роль своеобразных оберегов. Астрагалы без отверстий, как свидетельствуют данные этнографии, могли использоваться в качестве игрушек, в процесс игры, превращаясь в образы козы, овцы, а с повязанными лоскутками — в образ человека (куклу) без обозначения пола и возраста [26, с. 237, 244]. Астрагалы как основа кукол известны у многих народов мира. В рассматриваемых захоронениях детей 4–9 лет присутствие игрушек в виде астрагалов вполне обосновано, так как именно в этом возрасте дети в традиционных обществах начинают привлекаться к общественному труду в соответствии с их полом, а игры при этом способствовали получению навыков производственно-хозяйственной деятельности мальчиками и усвоению внутрисемейных и внутриродовых отношений девочками [26, с. 240].

Роль своеобразных оберегов выполняли найденные в детских захоронениях крупные бусы черного цвета с глазками (рис. 5: 14), монохромные стеклянные бусы и бисер, преимущественно синего, голубого и желтого цветов (рис. 2: 4–13; 4: 22–25). Черные бусы с глазками в традиционных обществах воспринимались в качестве наилучшей защиты от глаза и злой магии [13, с. 126; 27, с. 113; 28, с. 135]. Синий, голубой, желтый цвет присутствующих в погребении бус входит в единый семантический ряд, обозначающий и символизирующий важнейшие элементы космогонии у многих народов, обеспечивающих плодородие — небо и солнце [29, с. 80]. Поэтому в традиционных обществах украшения желтого и голубого цветов считались оберегами. В частности, отдельные голубые бусины, браслетики из голубого бисера при ребенке у многих народов рассматривались как защита от злых сил и сглаза [7, с. 216; 13, с. 122; 27, с. 114; 30, с. 170], а бусы желтого цвета должны были уберечь ребенка от желтухи [28, с. 135].

Погребения детей подросткового возраста (10–14 лет) отражается от рассмотренных выше большим разнообразием погребального инвентаря, который по составу уже не отличается от инвентаря умерших взрослых мужчин и женщин (табл. 1). Так, на пример, в костюме девочки-подростка из кат. № 2 (погр. 4) ВСМ-I присутствует бронзовая «рогатая» пряжка [31, с. 262, рис. 2: 17]. По нашим наблюдениям, «рогатые» пряжки входили в костюм верхнесалтовских женщин в возрасте от 9–13 (девушки-

Катакомба № 29

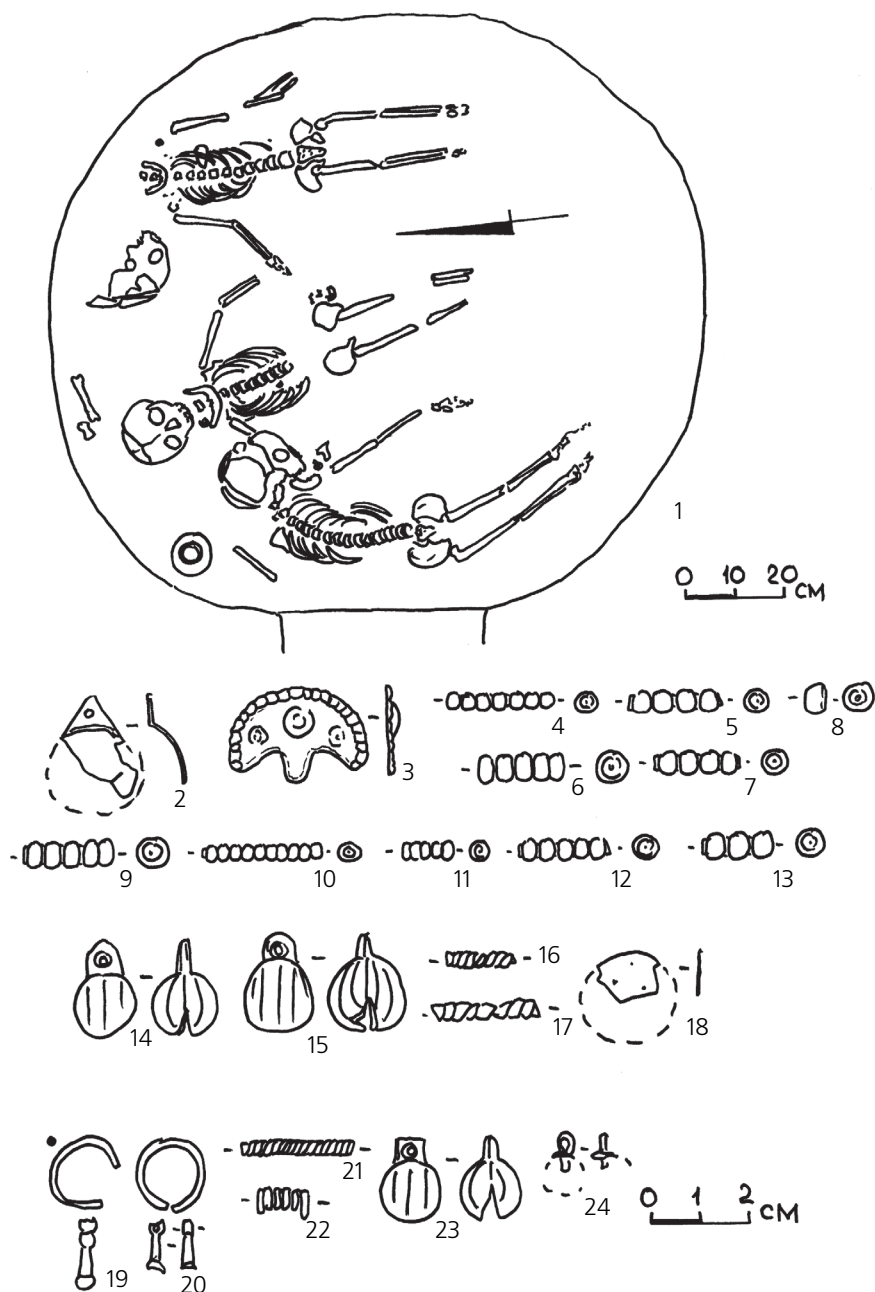

Рис. 2. Катакомба № 29 ВСМ-IV:

1 – план погребальной камеры; 2–13 – инвентарь погр. № 1; 14–18 – инвентарь погребения № 2; 19–24 – инвентарь погребения № 3

Fig. 2. Catacomb No. 29 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:

1 – a plan of the burial chamber; 2–13 – inventory of the burial No. 1; 14–18 – inventory of the burial No. 2; 19–24 – inventory of the burial No. 3

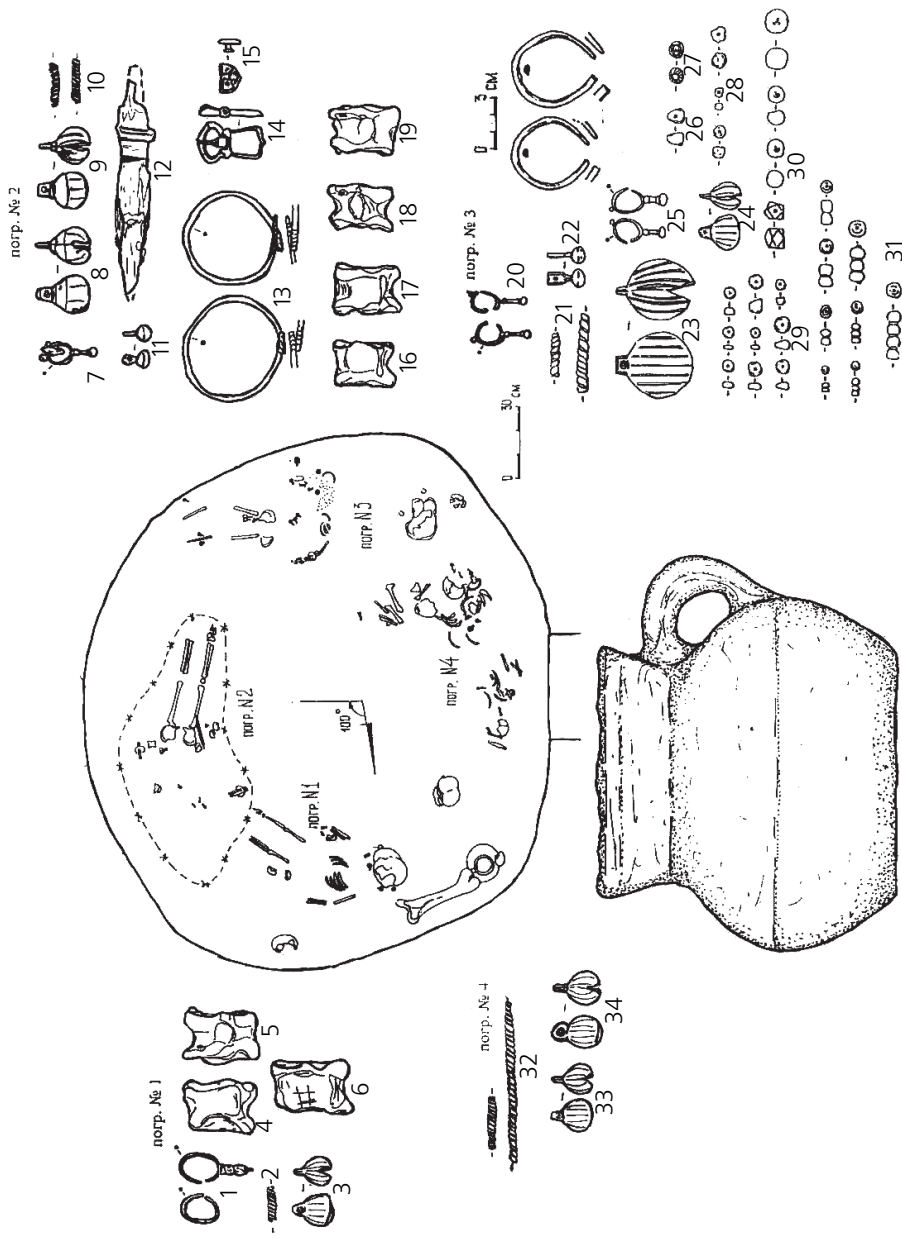

Рис. 3. Катакомба № 72 ВСМ-IV:

1–6 – инвентарь погр. № 1 (девочка 2–3 лет); 7–19 – инвентарь погр. № 2 (мальчик 3–5 лет); 20–31 – инвентарь погр. № 3 (девочка 3–5 лет); 32–34 – инвентарь погр. № 4 (ребенок 3–5 лет)

Fig. 3. Catacomb No. 72 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:
 1–6 – inventory of the burial No. 1 (a girl of 2–3 years old); 7–19 – inventory of the burial No. 2 (a boy of 3–5 years old); 20–31 – inventory of the burial No. 3 (a girl of 3–5 years old); 32–34 – inventory of the burial No. 4 (a child of 3–5 years old)

Катакомба 99
погр. 2

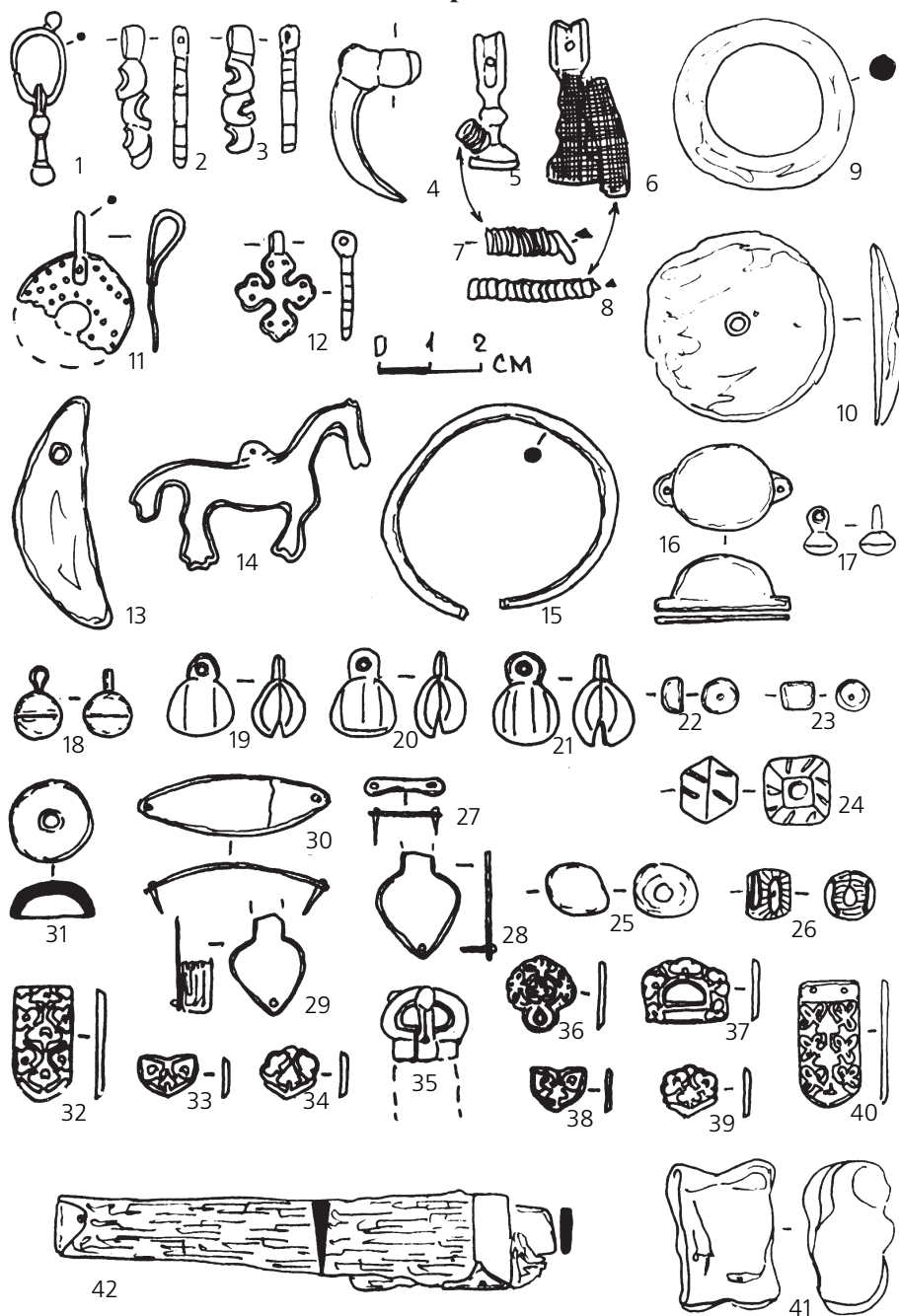

Рис. 4. Инвентарь погр. № 2 катакомбы № 99 ВСМ-IV (мальчик 4–6 лет)

Fig. 4. Inventory of the burial No. 2 of the catacomb No. 99 of Verhne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV (a boy of 4–6 years old)

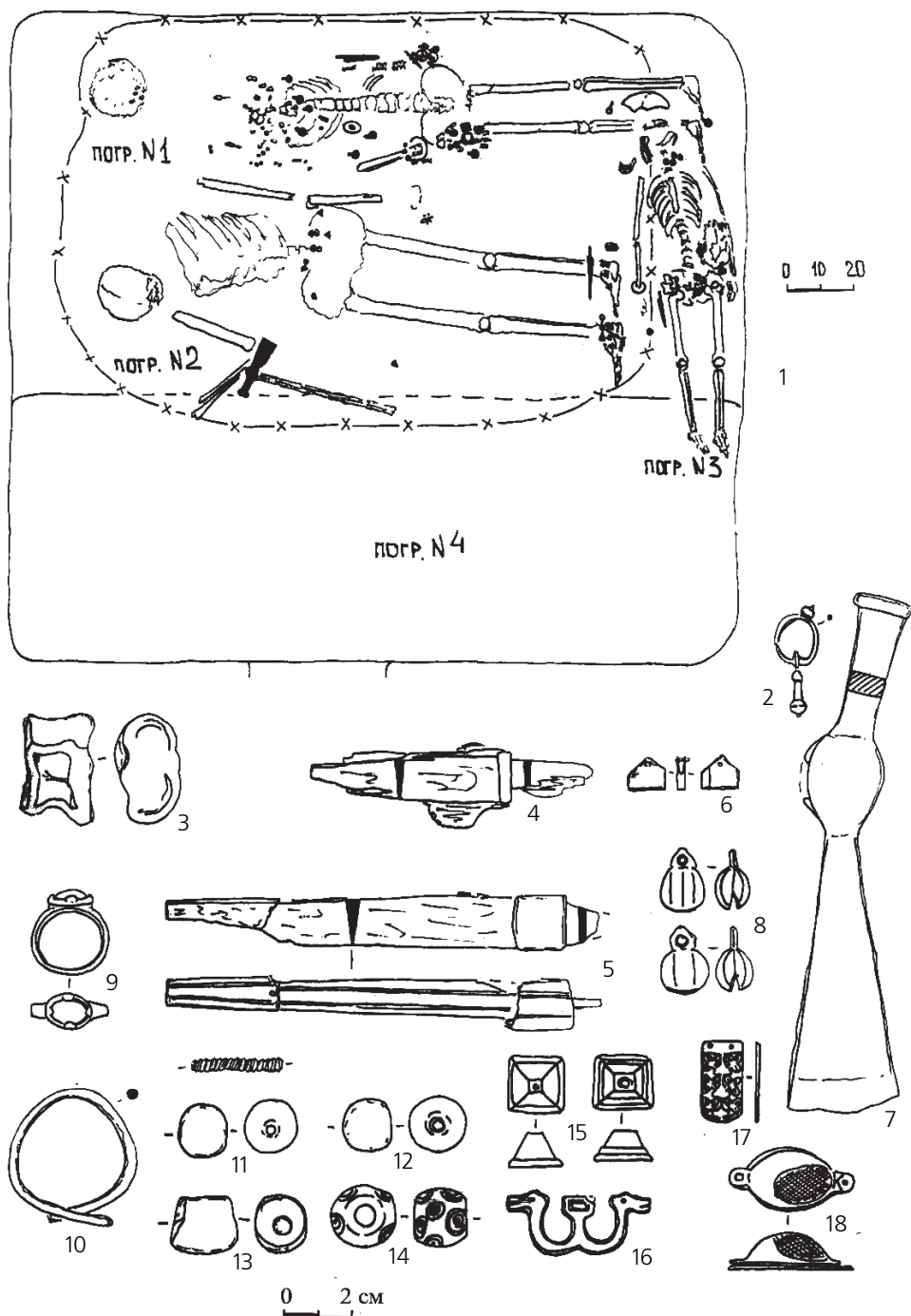

Рис. 5. Катакомба № 96 ВСМ-IV:

1 – план погребальной камеры; 2–18 – инвентарь погр. № 3 (мальчик 5–7 лет)

Fig. 5. Catacomb No. 96 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:

1 – a plan of the burial chamber; 2–18 – inventory of the burial No. 3 (a boy of 5–7 years old)

невесты) до 30–35 лет, и выступали зрительным атрибутом костюма девушек, достигших брачного возраста, молодых не рожавших еще женщин и женщин-матерей, находящихся еще в детородном по меркам раннего средневековья возрасте, ибо являлись символом Великой богини — подательницы жизни и благоденствия, прародительницы всего живого, связанной с идеей плодородия и изобилия [32, с. 28–42].

В целом археологические материалы катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса подтверждают существовавшее у аланского населения Подонцовья деления детей на возрастные группы, различающиеся по степени социальной включенности в общество, характерное для многих традиционных культур. Эта же тенденция прослеживается в детских захоронениях Верхне-Салтовского археологического комплекса, совершенных в дромосах катакомб (9 погребений) [33, с. 219–230], в ямах с подбоем (9 погребений) и в простых грунтовых ямах (18 захоронений) [34, с. 429–436]. Так, погребение младенца в дромосе кат. № 64 ВСМ-IV было безынвентарным, тогда как костяк ребенка 3–4 лет (кат. № 6 ВСМ-I) сопровождался уже 2 бубенчиками, выполнявшими роль пуговиц и оберегов от злых духов одновременно. Останки ребенка 6–8 лет (кат. № 24 ВСМ-III) сопровождал более многочисленный набор вещей: серьги, три бубенчика, бляшка-нашивка на головную повязку, две бусины, бронзовый амулет, спиралевидные пронизи.

К следующей возрастной группе — подростков (10–14 лет) — принадлежат покойницы из дромосов кат. № 58 и № 59 ВСМ-IV. Первую девочку-подростка, помимо личных украшений (бляшка-нашивка на налобную повязку, бусы, спиралевидные пронизи, бубенчик), сопровождал крупный столовый горшок-ваза, часть кружки и остатки мясной заупокойной пищи [35, с. 98–114]. Вторая девочка-подросток была уложена подстилку из древесного угля (символ дома/домашнего очага), что характерно для погребений супружеских пар в погребальных камерах катакомб [36, с. 202]. К тому же ее сопровождали два перстня. Все это указывает о приближении умершей девочки к брачному возрасту. По этнографическим данным у осетин в конце XIX в. готовыми к вступлению в брак считались девочки 14–16 лет [16, с. 187; 37, с. 17], а в древности этот возраст был еще ниже. Так, у большинства народов Северного Кавказа минимальным брачным возрастом для девочек был — 12–14 лет, а по шариату — 9 лет [38, с. 123].

Таким образом, инвентарь детских погребений из катакомбных могильников Верхне-Салтовского археологического комплекса свидетельствует о существовании у аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья, как и у большинства народов мира [16, с. 196, 197; 39, с. 29; 40, с. 58, 63; 41, с. 93], разделения детей на три группы: до 3–4 лет (дети младшего возраста), 4–8/10 лет (дети старшего возраста) и 10–14 лет (подростки).

Нами была предпринята попытка проследить находит ли отражение имущественное и социальное положение родителей в захоронениях их детей.

Интерес к социальной структуре салтово-маяцкого населения возник одновременно с открытием культуры. В настоящее время существует две основные точки зрения на классовый состав салтовского общества. Одну из них предложила С. А. Плетнева, выделив по результатам исследования катакомбных захоронений Дмитриевского могильника несколько групп погребений [36, с. 272–282]. Эти группы, по мнению исследовательницы, отражали иерархическую структуру общества, в котором главными были два класса: один из них составляли земледельцы, ремесленники, беднейшие кочевники, второй — всадники, представляющие родовую аристократию. Дальнейшее развитие данная точка зрения получила в ряде работ Г. Е. Афанасьева [42, с. 131–143; 43, с. 14–50]. Исследователь отождествил мужчин относящихся к 1 рангу с термином алдар (первоначальное значение — «военный предводитель»), а мужчин 2 ранга — с термином афсад («войско», «масса»). При этом Г. Е. Афанасьев отмечал, что свободные общинники (афсад) не были одинаково равны, как, к стати, и представители

группы алдар, и что принадлежность мужчин к тому или иному рангу зависела от места, которое он занимал в системе воинской организации общества [42, с. 135, 137]. При этом, имущественное и социальное положение женщины определялось, соответственно, положением ее мужа или ее отца, т. е. семьи/рода.

Другая точка зрения на социальный состав салтовского общества представлена в докторской диссертации В. К. Михеева [44, с. 336–343]. Проанализировав материалы Верхне-Салтовского катакомбного могильника, исследователь пришел к выводу о возможности выделения трех общественных групп — бедняки (43,7 %), рядовые земледельцы-ремесленники (34,2 %), военная аристократия (22,1 %). При этом В. К. Михеев считал, что для значительной части салтовского населения социальное положение индивидуума определялось уже в момент рождения, его наследственной принадлежностью к определенной общественной группе, а социальная подвижность внутри иерархической структуры изучаемого общества была ограниченной [44, с. 339].

Материалы погребений из катакомбных могильников Верхнего Салтова показывают, что в целом инвентарь детских погребений достаточно однороден. Лишь в единичных случаях количество и качество вещей при умершем ребенке указывает на принадлежность его родителей, а, следовательно, и его самого к имущественной и социальной верхушке общества. Для примера можно сравнить инвентарь, сопровождавший детей одной возрастной группы, из разных захоронений. Так, мальчика из кат. № 72 (погр. № 2) ВСМ-IV сопровождали: одна сережка, литая пуговица, пять спиралевидных пронизок, два проволочных браслета, два литых бубенчика, поясная пряжка и четыре поясных бляшки, нож, четыре астрагала (рис. 3: 7–19) [45, с. 290, рис. 2: 7–19]. Несколько богаче был инвентарь, сопровождавший умершего мальчика из кат. № 96 (погр. № 3) (рис. 5: 2–18), среди которого выделяется серебряный штампованный наконечник пояса, перстень и миниатюрный топорик-чекан. Мальчик из кат. № 99 (погр. № 2) ВСМ-IV отличал еще более разнообразный набор вещей [46, с. 356–359, рис. 2]. При нем были обнаружены: серебряная сережка, две штампованные пуговицы, тринадцать литых бубенчиков, проволочный браслет, пряжка-пуговица из раковины, костяной амулет из клыка животного, бронзовый амулет-клык, амулет из камня, подвеска в виде круглой пластины с крупным отверстием по центру и мелкими отверстиями — вокруг крупного отверстия, бронзовый литой крестик-тельник, литая подвеска в виде лошадки, две подвески-печатки, 10 спиралевидных пронизей, костяное кольцо, дарохронительница, две подвески в виде вертикально соединённых разнонаправленных полумесяцев, 5 бусины, нож, два астрагала, детали поясной гарнитуры (фрагмент поясной пряжки, 35 серебряных штампованных бляшек, серебряный штампованный наконечник), украшения ремешков обуви (шесть серебряных штампованных бляшек и четыре серебряных штампованных наконечника) (рис. 4). Присутствие в инвентаре данного захоронения бронзовой подвески в виде лошади (рис. 4: 14) может указывать на принадлежность мальчика к семье, представители которой составляли воинскую верхушку общества [47, с. 120]. Это подтверждается и тем, что он был погребен в одной камере с мужчиной, которого сопровождал богатый поясной набор и достаточно редкий для аланских катакомбных захоронений Подонцовья предмет как сабля — атрибут конного воина [46, с. 356, рис. 1: 1].

Подобная ситуация прослеживается и в погребениях девочек. Например: умершую девочку из кат. № 17 (погр. № 2) ССМ сопровождали три полусферические штампованные бляшки, две круглые бляшки-нашивки на головную ленту, пряжка-пуговица из раковины, россыпь мелких стеклянных бус, пять литых бубенчиков, проволочный браслет [48, рис. 4: 18, 19, 21, 22]. Такой набор украшений является типичным для представительниц рядового салтовского населения. При умершей девочке того же возраста из кат. № 119 (погр. № 2) ВСМ-IV были найдены две бронзовые сережки, две бляшечки-нашивки на головную ленту, изготовленные из обрезанных в кружок серебряных монет¹, одиннадцать стеклянных бусин, три литых бубенчика, две крупные черные бусины

с глазками, два амулета с «соколиными» головками. Присутствие в данном захоронении нашивок изготовленных из серебряных монет, а не простых бронзовых пластинчатых кружочков, указывает на высокий имущественный и социальный статус семьи данного ребенка. Что подтверждают личные украшения и набор амулетов погребенной в этой же камере женщины 20–25 лет [49, с. 24–26, рис. 49–58]. Женщину сопровождал богатый набор украшений, среди которого выделяется монисто, включавшее в себя 10 серебряных монет, превращенных в подвески, восемь бронзовых браслетов, семь перстней, один из которых был серебряный, и бронзовая шейная гривна — атрибут социальной верхушки у многих народов юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

В целом состав инвентаря детских погребений катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса свидетельствует про относительное имущественное равенство семей, в состав которых входили умершие дети. Лишь в единичных случаях можно говорить, что ребенок происходил из привилегированной семьи /рода. Все это позволяет говорить о присутствии в верхнесалтовской общине двух групп населения: рядовых общинников и незначительной по численности социальной и имущественной верхушки общества. При этом социальное положение отдельных малолетних индивидуумов определялось уже в момент их рождения. Разное количество личных украшений и амулетов в захоронениях детей одной возрастной группы, скорее всего, иллюстрирует тенденции, когда количество данных вещей в большей степени зависело от состояния здоровья конкретного ребенка и количества детей у его родителей. Единственного ребенка в семье, или часто болеющего ребенка сопровождает большее число самых разнообразных украшений-оберегов, которые по этнографическим данным иногда носились до старшего подросткового возраста/возраста вступления в брак (15–18 лет) [17, с. 183].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. — Новосибирск, 1989.
2. *Грачева Г. Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
3. *Аксенов В. С.* Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. — 2002. — № 3.
4. *Алексеев Е. А.* Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
5. *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Сборник МАЭ. — 1971. — Т. 27.
6. *Федорова Е. Г.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
7. *Бутанаев В. Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
8. *Холмич Л. В.* Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
9. *Мишина Т. Н.* Социальный аспект изучения интрамуальных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. — 2010. — Вып. 224.
10. *Аксенов В. С.* Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV могильника в 1998 г. Харьков, 1999 // Архив ХИМ.
11. *Бородулин В. Г.* Отчет о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника и кургана, расположенного на землях колхоза «Березовский» Харьковского района в 1982 году. Харьков, 1982 // Архив ХИМ.

¹ Одна монета — дирхем, Ифрикия, с именем наместника Хартама (Харзама), 796/797 г. н. э., вторая монета — дирхем, Мадинат ас-Салам, с именем «ал-Махди», 782 г. н. э. Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность Е. М. Ламбергу (г. Одесса) за атрибуцию монет.

12. *Аксёнов В. С.* Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. Харьков, 2010 // Архив ХИМ.
13. *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сборник МАЭ. — 1949. — Т. 12.
14. *Чесноков Ю. В.* Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
15. *Вебер-Келлерман И.* Обряды жизненного цикла и социальная стратификация Семья и детство // СЭ. — 1988. — № 6.
16. *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. — М., 1968.
17. *Васильева Г. П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М., 1986.
18. *Аксёнов В. С.* Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. — Х., 2013.
19. *Бородулин В. Г., Пархоменко О. В.* Отчет о раскопках Верхнесалтовского и Рубежанского катакомбных могильников, расположенных на территории колхоза «Украина» Волчанского района Харьковской области в 1987 году. Харьков, 1987 // Архив ХИМ.
20. *Иерусалимская А. А.* Кавказ на шелковом пути: Каталог временной выставки. — СПб., 1992.
21. *Аксёнов В. С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. — 2001. — № 1–2.
22. *Аксёнов В. С.* Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2011 г. Харьков, 2012 // Архив ХИМ.
23. *Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгиров // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
24. *Иванов С. В.* О детских «амулетах» нанайцев // Сборник МАЭ. — 1977. — Т. 33.
25. *Решетова И. К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. — 2012. — № 3.
26. *Павлинская Л. Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
27. *Столба В. Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. — 2009. — № 2.
28. *Троицкая А. А.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. — 1935. — № 6.
29. *Усманова Э. Р., Ткачев А. А.* Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских погребений) // ВДИ. — 1993. — № 2.
30. *Серебрякова М. Н.* О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., 1980.
31. *Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
32. *Хоружая М. В.* «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // ВХУ. — Х., 2009. — № 852: Історія. — Вип. 41.
33. *Хоружая М. В.* Попытка интерпретации погребений в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. — Воронеж, 2012.
34. *Хоружая М. В.* Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали ІІІ Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. — Луганськ, 2012.

35. Аксёнов В. С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2003. — № 2.
36. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
37. Магомедов А. Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. — Орджоникидзе, 1962.
38. Смирнова Я. С. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы советской власти // СЭ. — 1973. — № 1.
39. Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. — Л., 1988.
40. Балушок В. Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // ЭО. — 1993. — № 4.
41. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. — М., 1991.
42. Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. — 1993. — № 4.
43. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. — М., 1999.
44. Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения Хазарского каганата (вторая половина VIII — середина X вв.: Дис. ... докт. ист. наук. Харьков, 1984.
45. Аксёнов В. С., Хоружая М. В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности, 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
46. Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2010. — Вып. IV.
47. Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978.
48. Аксёнов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. — 1999. — № 2.
49. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2013 году. Харьков, 2014. // Архив ХИМ.

Резюме

Хоружая М. В. Дитячі поховання з катакомб Верхньо-Салтівського археологічного комплексу (спроба статевої, вікової та соціальної інтерпретації)

В роботі проаналізовані матеріали 85 дитячих поховань з 61 катакомб, що були досліджені на могильниках Верхньо-Салтівського археологічного комплексу (Рубіжанському, Старосалтівському некрополях, трьох ділянках могильника біля с. Верхній Салтів). Матеріали поховань показують існування у аланського населення Верхнього Салтова розподілу дітей на три групи: до 3–4 років (діти молодшого віку) 4–8/10 років (діти старшого віку) та 10–14 років (підлітки). Цей поділ знаходить своє відображення у складі інвентарю поховань дітей різних вікових груп. За своїм складом інвентар був пов'язаний зі ступенем входження дітей до соціального, суспільного та господарського життя. В усіх похованнях дітей присутні речі, котрі виконували роль амулетів-оберегів. Різна кількість таких речей в похованнях дітей однієї вікової групи пов'язана зі станом здоров'я дитини та кількості дітлахів у його родині. Інвентар поховань дітей свідчить, що в верхньосалтівській громаді присутні дві групи населення: рядові общинники та незначна за чисельністю соціальна та майнова верхівка суспільства.

Ключові слова: Верхньо-Салтівський могильник, дитячі поховання, поховальний інвентар, алани, амулети.

Резюме

Хоружая М. В. Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации)

В работе проанализированы материалы 85 детских погребений из 61 катакомбных захоронений могильников, входящих в состав Верхне-Салтовского археологического комплекса (Рубежанского, Старо-Салтовского могильников и трех участков некрополя у с. Верхний Салтов). Данные материалы показали существование у аланского населения Верхнего Салтова, как и у большинства народов мира, разделения детей на три группы: до 3–4 лет (дети младшего возраста), 4–8/10 лет (дети старшего возраста) и 10–14 лет (подростки). Это находит отражение в составе инвентаря детских захоронений разных возрастных групп, который зависел от степени включенности детей в социальную, общественную и производственную жизнь общества. Для всех детских погребений характерно присутствие вещей, выполнявших роль оберегов-амулетов. Разное количество амулетов в захоронениях детей одной возрастной группы зависело от состояния здоровья конкретного ребенка и количества детей у его родителей. Состав инвентаря детских захоронений позволяет говорить о присутствии в верхнесалтовской общине двух групп населения: рядовых общинников и незначительной по численности социальной и имущественной верхушки общества.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский могильник, детские погребения, погребальный инвентарь, аланы, амулеты.

Summary

M. Khoruzhaya. Children's Graves from Catacombs of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) Archaeological Complex (an Attempt of Age-sex and Social Interpretation)

In this paper we analyzed the materials of 85 children's graves from 61 catacomb ground burials, which belong to Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) archaeological complex (Rubezhanskyi, Staro-Saltovskiy (Old Saltovskiy) burials and three participants of necropolis near the village Verchnii Saltov (Upper Saltov). These materials have shown the existence of a population of Alani of Verchnii Saltov (Upper Saltov), likewise most nations of the world have division of children into three groups: 3–4 years (young children), 4–8/ 10 years (older children) and 10–14 years (teenagers). This is reflected in the composition of the inventory of children's graves of different age groups, which depended on the degree of the social, public and industrial involvement of the children. All children's graves are characterized by the presence of things, which served as talismans, amulets. Different number of amulets in the children's graves of the same age group depended on the health of the child and the number of children in his family. The composition of the inventory of children's graves suggests the presence of two population groups in the Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) community: commune and insignificant number of social and property top of society.

Key words: Verchne-Satovskiy burial, childrens burials, funeral inventory, alans, amulets.

Публикации

К. В. Мызгин

К карте находок античных монет на Харьковщине (из научного архива Б. П. Зайцева)

Памяти Бориса Петровича

сборнике статей «Древности эпохи сложения восточного славянства», вышедшем в № 116 серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (ответственные редакторы Б. А. Рыбаков и Э. А. Симонович. Москва: «Наука», 1964, 363 с.), была опубликована статья Б. П. Зайцева «Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла» [1, с. 44–52]. Эта статья Бориса Петровича (рис. 1) до сих пор имеет довольно большой коэффициент ссылок среди исследователей, занимающихся изучением памятников позднеимперского времени в области водораздела Днестра и Северского Донца. Помимо информации об открытии новых памятников черняховской культуры, отдельное внимание в публикации уделено так же новым находкам римских монет на территории Харьковской и Белгородской областей [1, с. 51–52]. В дальнейшем, информация об этих находках не раз по-

падала в различные своды нумизматических находок на территории Восточной Европы [2, с. 92; 3, с. 52; 4, с. 105]. Сам Б. П. Зайцев впоследствии не раз обращался к находкам римских монет на территории Левобережной Украины как в популярных или научно-популярных статьях [5; 6; 7], так и в научных публикациях [8; 9].

В 2012 г. Б. П. Зайцев передал автору настоящей публикации часть своего научного архива — карточки, с указанием пунктов нумизматических находок на территории Харьковской области. Всего в архиве насчитывается 162 карточки, разделенные на пять разделов: Рим (53), Византия (7), арабские и персидские монеты (29), Золотая Орда (38) и монеты XVI—XVIII вв. (35) (рис. 2). Большая часть информации, содержащаяся в архиве, была собрана Б. П. Зайцевым из научной литературы. Однако архив содержал так же и до сих пор не введенные, или частично введенные в научный оборот данные. Большинство такой информации помещено в разделе «Рим» — 12 карточек (так, в разделах «Византия» и «арабские и персидские монеты» только по

Рис. 1. Борис Петрович Зайцев
(30.11.1927–23.01.2014)

Fig. 1. Boris Petrovich Zaitsev
(30.11.1927–23.01.2014)

AV. Старшая информация императора
 введено в оборот в конце. По чьей находке?
 INJERVA TRAIAN AVG CER[M]
 RV. Сидящая левая сторона с инициалами
 TRP COS III PP D-1971

В 1965 г. утником Караванской СЦ
 с. Караван Нововодолажского района
 Тармашки на огороде у своего дома
 был найден денарий императора
 Траяна ~~(53-117 гг.)~~. Марка Гиббиа
 (53-117 гг., или с 98 г.)
 В июле 1971 г. монету передал
 археологическому музею Харьковского
 университета утником Караванской
 СЦ С. А. Митвиенко

В 1960^х в с. Городном Краснокутского района
 по берегу р. Меря, на поверхности, в разрыхляющемся
 разрывах воеды песка найдено шесть медных римских
 монет II-IV вв. н.э. (Восточной Римской империи)
 Среди них монеты императоров Аркадия (Мавриана)
 (377-408 гг., или с 395 г.) и Максимиана (или 383-388 гг.)

1. AV. Бюст Аркадия в повозке и инициалах
 D. 21,5 мм x 20,5 мм. Надпись: DN ARKA...VS PF AVG
2. AV. Бюст Максимиана в повозке и инициалах
 Надпись: DN MAC, MAXIMVS PF AVG.
 RV. Сидящий император в военной одежде, воево.
 Поднимает правой рукой колотушку, левой в
 нагоне. В левой руке императора египетская богиня Птолема
 Виктория на шаре. Надпись: REPARATIO REIPV...
 D. 22 мм
 Монеты хранятся в музее Харьковской СЦ. Сводили
 сотрудники археологического музея Харьковского
 университета утником инициалами А. Ф. Лукив

Рис. 2. Образцы карточек с информацией о находках монет из научного архива Б. П. Зайцева (фото К. Мызгина)

Fig. 2. Samples of cards with information about coin finds from the scientific archive of B. Zaitsev (photo by K. Myzgin)

две подобные карточки). Введение этих монет в научный оборот и является главной целью настоящей публикации¹.

Всего нами рассматривается 11 римских и одна боспорская монеты из научного архива Б. П. Зайцева, обнаруженные на территории Харьковской области (рис. 3). Из них информация о девяти публикуется впервые (монеты № 1-9 в Приложении 1) и информация о трех дополняет уже существующие публикации (№ 10-12). По эмитентам монеты разделяются следующим образом: Траян — 1 экз.; Адриан — 1 экз.; Антонин Пий — 1 экз.; Марк Аврелий — 3 экз.; Каракалла — 1 экз.; Диоклетиан — 1 экз.; Магний Максим — 1 экз.; Аркадий — 1 экз.; неопределенный денарий — 1 экз.; Фофорс — 1 экз. Большинство из этих монет относится к денариям (7 монет), затем идут медные и бронзовые номиналы III (2 монеты) и IV (2 монеты) вв., и, наконец, один медный боспорский статер. Преобладание среди находок именно денариев

¹ Выражаю искреннюю благодарность за предоставленные консультации и помощь в подготовке публикации д-ру ист. наук, проф. С. И. Посохову и канд. ист. наук, доц. О. Г. Павловой.

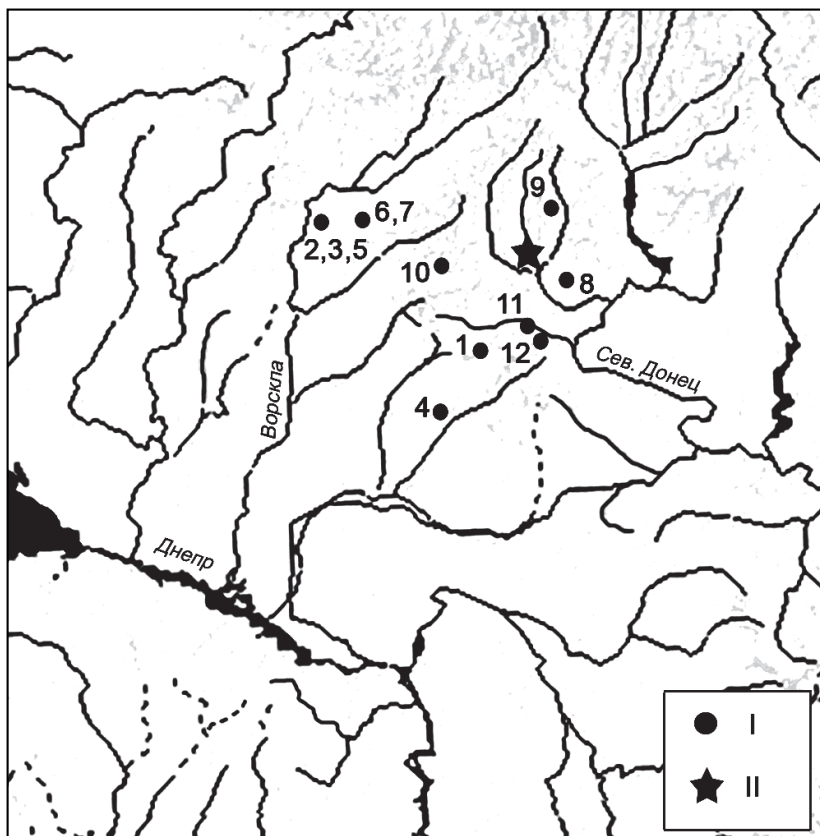

Рис. 3. Карта находок античных монет, публикуемых в статье (номера на карте соответствуют номерам в Приложении 1):

I – пункты находок; II – г. Харьков (рисунок К. Мызгина)

Fig. 3. Map of finds of ancient coins, published in the article (numbers on the map correspond to the numbers in Attachment 1):

I – find spots; II – Kharkiv city (figure of K. Myzgin)

является довольно типичным явлением для региона. На территории Днепрового Левобережья они составляют подавляющее большинство — 75,1 % (не мене 271 монеты по информации 2013 г.) [10, с. 357, табл. 2]. Также не являются редкостью для региона и находки боспорских монет, хотя ко времени записи Б. П. Зайцевым, они были довольно редки, обильная информация о подобных находках стала достоянием науки только в последние годы [11]. Примечательным и важным видится тот факт, что семь из девяти впервые публикуемых монет из архива Б. П. Зайцева имеют изображения, позволяющие работать непосредственно с самим нумизматическим материалом (рис. 4)

Сведения о находках новых монет поступали к Б. П. Зайцеву как от местных жителей (№ 1–8, 11–12), так и от коллег-археологов (№ 9, 10). Пожалуй, самое большое количество информации о новых находках монет Б. П. Зайцев получил от школьного учителя Пархомовской школы (позже — основателя и директора Пархомовского историко-художественного музея) А. Ф. Лунева. Это касается находок монет, сделанных на территории с. Пархомовка (№ 2, 3, 5) и соседнего с. Городного (№ 6, 7). И если денарии Адриана (№ 2) (рис. 4: 2) и Антонина Пия (для Фаустины Старшей) (№ 3) (рис. 4: 3) являются довольно типичной находкой для этого региона (в частности,

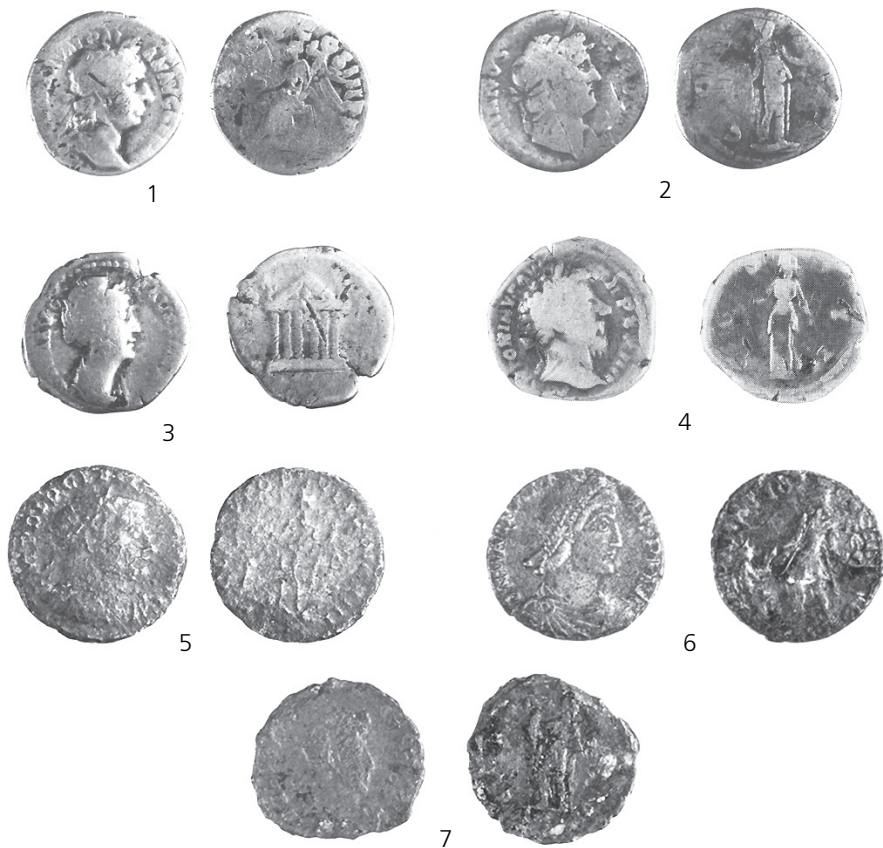

Рис. 4. Неопубликованные находки римских монет из научного архива Б. П. Зайцева (фото из архива):
1 — № 1 в Приложении 1; 2 — № 2; 3 — № 3; 4 — № 4; 5 — № 5; 6 — № 7; 7 — № 6

Fig. 4. Unpublished finds of Roman coins from the scientific archive of B. Zaitsev (photo from archive):
1 — № 1 in Attachment 1; 2 — № 2; 3 — № 3; 4 — № 4; 5 — № 5; 6 — № 7; 7 — № 6

в 1964 г. Б. П. Зайцев опубликовал также обнаруженный ранее в Пархомовке денарий Антонина Пия (для Фаустины Старшей) [1, с. 51]), то находки монет позднеимперского времени вызывают определенный научный интерес. Помимо публикуемого фоллиса Диоклетиана (рис. 4: 5), находки монет этого императора вообще не известны на территории Харьковской области — как среди опубликованных, так и среди неопубликованных монет последних лет. На левом берегу Днепра в литературе известна только одна подобная монета — обнаруженная при распахке огорода в Чернигове [12, с. 93, № 1316]. По нашим наблюдениям, наиболее характерно их распространение на Правобережье Днепра и западнее Днестра [ср.: 13, с. 223]. Такими же нетипичными находками для региона являются и монеты из с. Городнее — бронзовые монеты Магния Максима (№ 7) (рис. 4: 6) и Аркадия (№ 6) (рис. 4: 7). Как и в случае с монетой Диоклетиана, ближайший ареал их распространения находится западнее р. Днестр [ср.: 13, с. 227–229], хотя среди нумизматических находок на территории Днепрового Левобережья монеты IV—начала V вв. составляют всего около 5 % [10, с. 359, 361]. Примечательны и записанные Б. П. Зайцевым со слов А. Ф. Лунева обстоятельства находки этих монет: «на берегу р. Мерла, на поверхности, в результате размыва водой песка найдено шесть медных римских монет II—IV вв. н. э.».

Рис. 5. Опубликованные находки античных монет, уточняющая информация о которых содержится в архиве Б. П. Зайцева (фото К. Мызгина):

1 — № 10 в Приложении 1; 2 — № 11; 3 — № 12

Fig. 5. Published finds of ancient coins with precise information, which is contained in the archive of B. Zaitsev (photo by K. Myzgin):

1 — № 10 in Attachment 1; 2 — № 11; 3 — № 12

Информация, дополняющая уже опубликованные монеты, в основном помогает в уточнении мест находок. Прежде всего, это касается монет Карагаллы из Первомайского (№ 11) (рис. 5: 2) и Фофорса из Тарановки (№ 12) (рис. 5: 3). Но следует и отметить ошибки, содержащиеся на этих архивных карточках. Так, монета из Халимоновки (№ 10) (рис. 5: 1) была ошибочно определена как денарий Антонина Пия, хотя является денарием Марка Аврелия. Та же проблема и в случае с монетой Карагаллы, который записан как Антонин Пий. Однако, причиной этих ошибок была, по всей видимости, не возможность знакомства ученого с самими монетами, а запись со слов находчика. Все это лишний раз подчеркивает важность работы исследователя с конкретным материалом — самими монетами или архивными данными, содержащими информацию о них.

В целом стоит отметить, что публикуемая информация значительно расширяет карту находок античных монет в регионе, а сам архив, несомненно, является образчиком качественной, серьезной и кропотливой работы ученого-нумизмата над сбором сведений о новых нумизматических памятниках.

Во-первых, интересна судьба остальных четырех монет; во-вторых, находки медных монет ранней Империи (II в.) — невероятная редкость для территории всей Восточной Европы; в-третьих, интересен сам факт совместного нахождения монет (клад?); в-четвертых, находка монет в речном песке само по себе крайне редкое явление. Все это свидетельствует о том, что либо мы имеем уникальный случай находки нетипичных для региона монет, либо речь идет о так называемых повторных находках (бывших в чьем-то частном собрании и затем в силу ряда причин выпавших в землю). К слову, все опубликованные находки позднеимперских монет с территории Харьковской области были сделаны до 1950 г. и имеют весьма расплывчатые описания обстоятельств их обнаружения [1, с. 51–52], либо не имеют их вообще [12, с. 82, № 1079; 83, № 1091]. Но, с другой стороны, нельзя и не отметить факт все еще недостаточного археологического обследования бассейна р. Мерла на предмет выявления памятников позднеимперского времени.

Дополнения к карте находок античных монет на Харьковщине
(на материалах научного архива Б. П. Зайцева)

№ п/п	Пункт находки	Запись на карточке из архива Б. П. Зайцева	Определение монеты	Примечание
1	2	3	4	5
Впервые публикуемые монеты				
1	Караван, Нововодолажский район	<p>В 1965 г. учеником Караванской ШШ с. Караван Нововодолажского района Гармашем на огороде у своего дома был найден денарий императора Траяна Марка Ульпия (53–117 гг., имп. с 98 г.).</p> <p>Ав. Погрудное изображение императора вправо в лавровом венке. По краю надпись: ...[N]ERVA TRAIAN AVG GER[M]? Рv. Сидящая женская фигура с шаром? в правой руке... По краю надпись: TRP COS III PP</p> <p>Д — 19 × 17 мм.</p> <p>В июле 1971 г. монету передал археологическому музею Харьковско-го университета учитель Караванской ШШ С. А. Литвиненко</p>	<p>Траян (98–117 гг.) AR, денарий.</p> <p>Л. с.: [IMP] CAES N[ERVA] TRAIAN AVG GER[M]; голова Траяна в венке вправо.</p> <p>О. с.: [P M] TR P COS III P P; Виктория сидит влево, драпирована, держит патуру и пальмовую ветвь.</p> <p>Дата выпуска: 103–111 гг.</p> <p>Место выпуска: Рим.</p> <p>Сохранность: удовлетворительная.</p> <p>Тип: RIC 57; RSC 239.</p> <p>Хр.: утеряна.</p> <p>Рис. 4: 1</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомовка. Рим. Денарий Коммода (имп. 180–192 гг.)»</p>
2	Пархомовка, Краснокутский район	<p>Весной 1971 г. у с. Пархомовка Краснокутского района местным трактористом был найден денарий римского императора Адриана (76–138 гг., имп. с 117 г.).</p> <p>Ав. Голова Адриана в лавровом венке вправо.</p> <p>Надпись: ...ADRIANVS AVGVSTVS</p> <p>Рv. Стоящая мужская фигура. Надпись: COS.</p> <p>Д. 17,5 мм × 17 мм</p> <p>Монета хранится в музее Пархомовской ШШ. Сообщил сотрудникам археологического музея Харьковского университета в 1971 г. учитель истории школы А. Ф. Лунёв</p>	<p>Адриан (117–138 гг.) AR, денарий.</p> <p>Л. с.: [H]ADRIANVS AVGVSTVS; голова Адриана в венке вправо.</p> <p>О. с.: COS [III]; Диана стоит вправо, держит стрелы и лук.</p> <p>Дата выпуска: 125–128 гг.</p> <p>Место выпуска: Рим.</p> <p>Сохранность: удовлетворительная.</p> <p>Тип: RIC 147; RSC 315.</p> <p>Хр.: неизвестно</p> <p>Рис. 4: 2</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомовка. Рим. Денарий Адриана (имп. 117–138 гг.)»</p>

Приложение 1. Продолжение

1	2	3	4	5
3	Пархомовка, Краснокутский район	<p>Денарий римской императрицы Фаустины Старшей (100–141 гг., имп. с 138 г.) найден в с. Пархомовка Краснокутского района в 60-х гг. XX в. при строительстве спортивной площадки школы на глубине около 1 м.</p> <p>Ав. Бюст Фаустины вправо. Надпись: <i>DIVA AVG FAVSTINA</i></p> <p>Рв. Изображение храма. Надпись затерта.</p> <p>Д. 18 мм</p> <p>Хранится в музее Пархомовской ШШ. Сообщил сотрудникам археологического музея Харьковского университета учитель истории А. Ф. Лунёв в 1971 г.</p>	<p>Антонин Пий (138–161 гг.) для Фаустины Старшей (138–141 гг.) AR, денарий.</p> <p>Л. с.: <i>DIVA AVG FAVSTINA</i>; драпированный бюст Фаустины Старшей в диадеме вправо.</p> <p>О. с.: <i>[DED]ICATIO AEDIS</i>; Шестиколонный храм со сложной остроконечной крышей и статуями.</p> <p>Дата выпуска: 138–141 гг.</p> <p>Место выпуска: Рим.</p> <p>Сохранность: удовлетворительная.</p> <p>Тип: RIC 388; RSC 191.</p> <p>Хр.: неизвестно</p> <p>Рис. 4:3</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомовка. Рим. Денарий Фаустины Старшей (имп. 1358–141 гг.)»</p>
4	Натальино, Красноградский район	<p>В апреле 1989 г. в с. Натальино Красноградского района найден денарий римского императора Антонина Пия (86–161 гг., имп. 138 г.).</p> <p>Хранится у учителя этого села К. А. Коломиец</p>	<p>Марк Аврелий (138–161 гг.) AR, денарий.</p> <p>Л. с.: <i>M ANTONINVS AVG TR P XXIII</i>; голова Марка Аврелия в венке вправо.</p> <p>О. с.: <i>COS III</i>; Диана стоит вправо, держит стрелы и лук.</p> <p>Дата выпуска: 169–170 гг.</p> <p>Место выпуска: Рим.</p> <p>Сохранность: удовлетворительная.</p> <p>Тип: RIC 212; RSC 130.</p> <p>Хр.: неизвестно.</p> <p>Рис. 4:4</p>	<p>На обороте фотокарточки написано «Антонин Пий (138–161 гг.) 313060 Харьковская обл. Красноградский р-н с. Натальино ул. 1 мая д 59 Коломиец Константин Александрович»</p>
5	Пархомовка, Краснокутский район	<p>В конце 60-х гг. XX в. в с. Пархомовка Краснокутского района найдена медная монета римского императора Диоклетиана Гая Аврелия Валерия (245–315 гг., имп. 284–305 гг.)</p> <p>Ав. Бюст Диоклетиана вправо в лавровом венке.</p> <p>Надпись: <i>IMP DIOCLET...</i></p> <p>Рв. Стоящая мужская фигура с чашей в руке.</p> <p>Надпись: <i>S... POPVLI ROMANI</i></p> <p>Д. 26 × 26,5 мм</p> <p>Монета хранится в музее Пархомовской ШШ.</p> <p>Сообщил сотрудникам археологического музея Харьковского университета учитель истории этой школы А. Ф. Лунёв</p>	<p>Диоклетиан (284–305 гг.) Silvered AE, фоллис.</p> <p>Л. с.: <i>[IMP C] DIOCLETIANVS PF AVG</i>; голова Диоклетиана в венке вправо.</p> <p>О. с.: <i>[GENIO] POPVLI ROMANI</i>; Гений стоит влево с модием на голове, держит патеру и рог изобилия; дифферент и место выпуска не видны.</p> <p>Дата выпуска: 296–305 гг.</p> <p>Место выпуска: неизвестно; возможно, Сисция.</p> <p>Сохранность: очень плохая.</p> <p>Тип: точно не определим.</p> <p>Хр.: неизвестно</p> <p>Рис. 4:5</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомовка. Рим. Медная монета Веспасиана (имп. 69–79 гг.)»</p>

Приложение 1. Продолжение

1	2	3	4	5
6	Городнее, Краснокутский район	<p>В 60-х гг. XX в. в с. Городном Краснокутского района на берегу р. Мерла, на поверхности, в результате размыва водой песка найдено шесть медных римских монет II—IV вв. н. э. Среди них монеты императоров Восточной Римской империи Аркадия Флавия (377–408 гг., имп. с 395 г.) и Максима (имп. 383–388 гг.)</p> <p>1. Ав. Бюст Аркадия в повязке и плаще. Надпись: DN APKA...VS PF AVG Д. 21,5 мм × 20,5 мм.</p> <p>2. Ав. Бюст Максима вправо в повязке и плаще. Надпись: DN MAG MAXIMVS PF AVG.</p> <p>Ав. Стоящий император в военном одеянии, влево. Поднимает правой рукой коленапрклоненную женщину в короне. В левой руке императора статуя богини Победы Виктории на шаре. Надпись: REPARATIO REIPV ... Д. 22 мм.</p> <p>Монеты хранятся в музее Пархомовской СШ. Сообщил сотрудникам археологического музея Харьковского университета учитель истории А. Ф. Лунёв</p>	<p>Аркадий (395–408 гг.) АЕЗ.</p> <p>Л. с.: D N ARCA[DI]VS P F AVG; драпированный бюст Аркадия в жемчужной диадеме и кирасе вправо.</p> <p>О. с.: GL[ORIA ROMANORVM]; император стоит прямо, голова влево, держит лабарум и шар; звезда в поле справа; место выпуска не видно.</p> <p>Дата чеканки: 395–408 гг.</p> <p>Место выпуска: неизвестно; возможно, Тераклея.</p> <p>Сохранность: очень плохая.</p> <p>Тип: точно не определим.</p> <p>Хр.: неизвестно</p> <p>Рис. 4: 7</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомов-ка. Рим. Бронзовая монета Марка Аврелия (имп. 161–180 гг.)»</p>
7			<p>Магний Максим (383–388 гг.) АЕЗ</p> <p>Л. с.: DN MAG MAXIMVS PF AVG; драпированный бюст Максима в жемчужной диадеме и кирасе вправо.</p> <p>О. с.: REPARATIO REIPV B; император стоит прямо, голова влево, держит Викторию на шаре влево, поднимает с колена женщину в башенном головном уборе; дифферент и место выпуска не видны.</p> <p>Дата выпуска: 383–388 гг.</p> <p>Место выпуска: неизвестно; возможно Лион или Арль.</p> <p>Сохранность: плохая.</p> <p>Тип: точно не определим.</p> <p>Хр.: неизвестно</p> <p>Рис. 4: 6</p>	<p>На карточке с фото написано «с. Пархомов-ка. Рим. Медная монета Грациана (имп. 375–383 гг.)»</p>
8	Лизогубовка, Харьковский район	<p>Серебряная римская монета (надпись: LVCOIIA...?) найдена в июне 1970 г. учителем истории Лизогубовской 8-летней школы Харьковского района Т. В. Щербакowej в урочище Руджа.</p>	<p>Марк Аврелий (138–161 гг.) для Луция Вера (161–169 гг.) или Луциллы (164–169 гг.) (?) AR, денарий.</p> <p>Хр.: неизвестно</p>	

п у б л и к а ц и и

Приложение 1. Продолжение

1	2	3	4	5
9	Черкасские Тишки, Харьковский район	В 2003 г. в с. Черкасские Тишки Харьковского района найден римский денарий II в. н. э. Сообщила в апреле 2004 г. студентка 4 к. исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина А. В. Корохина	Монета обнаружена жителем с. Черкасские Тишки. Позднее монета была им продана (или выменяна). Информации об условиях находки, императоре и нынешнем местонахождении монеты нет.	Уточнение В. Саенко
Уточняющая информация об уже опубликованных монетах				
10	Халимоновка, Валковский р-н	В 2003 г. археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина под руководством доц. М. В. Любичева во время разведки у хут. Халимоновка Валковского района на распаханном поле был обнаружен женарий римского императора Антонина Пий (86–161 гг., имп. с 138 г.)	<p>Марк Аврелия (161–180 гг.) AR, денарий.</p> <p>Л. с.: M ANTONINVS [AVG TR P XXVII]; голова Марка Аврелия в венке вправо.</p> <p>О. с.: [RELIG AVG]IMP VI COS III; Меркурий стоит прямо, голова влево, держит патуру и кадуцей.</p> <p>Дата выпуска: 172–173 гг.</p> <p>Место выпуска: Рим</p> <p>Сохранность: плохая (1/5 часть монеты)</p> <p>Тип: RIC 298; RSC 530.</p> <p>Лит.: 14, с. 14–15, № 27</p> <p>Хр.: МАЕСУ ХНУ, Инв. № 154</p> <p>Рис. 5: 1</p>	
11	Первомайское (Першиотравневе), Змиевский район	Бронзовая монета римского императора Антонина Пия (86–161 гг., имп. с 138 г.) найдена на восток от пос. Первомайский Змиевского района на поле «Ильиново» недалеко от пруда жителем этого пос. А. М. Комовым в середине 80-х годов XX века. Монета хранится в Змиевском краеведческом музее.	<p>Каракалла (211–217 гг.) AE.</p> <p>Л. с.: ANTONINVS AVG SEB; драпированный бюст Каракаллы в венке вправо.</p> <p>О. с.: S P Q S AN N C C L V; Серапис сидит на кровати, держит орла и скипетр.</p> <p>Дата выпуска: 210–211 гг.</p> <p>Место выпуска: г. Синоп (Пафлагония)</p> <p>Сохранность: удовлетворительная</p> <p>Тип: Waddington, Babelon, Reipach, p. 205, № 133.</p> <p>Лит.: 15, с. 159; 16, с. 334.</p> <p>Хр.: Змиевской краеведческий музей, инв. № Осн. 911«А».</p> <p>Рис. 5: 2</p>	Обнаружена в 1983 г.

Приложение 1. Продолжение

1	2	3	4	5
12	Тарановка (станция Шурино), Змиевской район	В середине 80-х гг. XX в. на поле, где расположено селище черняховской культуры, примерно в 1 км южнее железнодорожной станции Шурино Змиевского района найдена бронзовая монета боспорского царя Фофорса (278–308 гг. н. э.). Монету нашёл житель пос. Первомайский. Хранится в Змиевском краеведческом музее.	Фофорс (285/286–309/310 гг.) АЕ, статер. Ав.: БАСΠΕΩΘΩΡСОУ; бюст царя вправо, слева в поле точка, ободок из точек. О.с.: Голова императора вправо, справа тамга, под головой — год выпуска ППФ, ободок из точек. Дата выпуска: 285/286 гг. Сохранность: хорошая. Тип: Анохин 731. Лит.: 18, с. 121; 16, с. 334. Хр.: Змиевской краеведческий музей, инв. № Осн. 912«А». Рис. 5:3	Обнаружена А. М. Ковыным в 1981 г. возле с. Тарановка (станция Шурино). Впервые была опубликована как монета из с. Рябухино Нововодолажского района, так как обнаружена между с. Тарановка и с. Рябухино.

Сокращения к каталогам:

АНОХИН: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — К., 1986.

RIC: Mattingly H., Sydenham E. A., Webb P. H. et al. The Roman Imperial Coinage. In 10 vol. — L., 1923–1994.

RSC: Seaby H. A. Roman Silver Coinage. In 5 vol. — L., 1978–1987.

Waddington, Babelon, Reinach: Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil Général des Monnaies Grecques d'Asie Mineure. — P., 1904. — T. 1. — Fasc. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцев Б. П.* Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. — 1964. — № 116.
2. *Кропоткин В. В.* Новые находки римских монет в СССР (дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4–4) // НЭ. — 1966. — Т. VI.
3. *Кропоткин В. В.* Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. — 2000. — № 6.
4. *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины: Харьковская область. — К., 1977.
5. *Зайцев Б. П.* Траянові гроші: [Давньоримські монети, знайдені на території Харк. обл.] // Вечірній Харків. — 1989. — 15 квіт.
6. *Зайцев Б. П.* Нумизматические памятники бассейна Северского Донца // Былое. — Артемовск, 1992. — № 3.
7. *Зайцев Б. П., Рябченко О. А.* Давньоримські монети на Зміївщині // Вісті Зміївщини. — 1992. — 28 січ.
8. *Журавський Ю. Й., Зайцев Б. П.* Нумизматичні знахідки на Полтавщині (середина I тис. до н. е. — початок II тис. н. е.) // Тези доповідей і повідомлень першої Полтавської наукової конференції з історичного краєзнавства. — Полтава, 1989.
9. *Зайцев Б. П., Куделко С. М.* Нумизматические памятники Сумщины первого тысячелетия н. э. // Тезисы докладов и сообщений первой Сумской областной научной историко-краеведческой конференции, 5–6 апреля 1990 г. — Сумы, 1990.
10. *Мызгин К.* Римские монеты на территории Днепровского лесостепного Левобережья: общая характеристика, особенности распространения и основные проблемы изучения // Tyragetia. — Chişinău, 2013 — Vol. VII [XII]. — Nr. 1.
11. *Бейдин Г. В., Мызгин К. В.* Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // Germania-Sarmatia II. — Калининград; Курск, 2010.
12. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ. — 1961. — Вып. Г 4–4.
13. *Мызгин К. В.* Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления // Stratum plus. — 2013. — № 4.
14. *Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Задников С. А., Скирда В. В.* Римские монеты из собрания Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. — Х., 2006.
15. *Саяний М. И.* Випадкові археологічні знахідки Зміївського краєзнавчого музею // Культурна спадщина Слобожанщини. — Х., 2005. — Число 5.
16. *Саяний М. И., Бейдин Г. В., Мызгин К. В.* Античные монеты в собрании Змиевского краеведческого музея // Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
17. *Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В.* Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. — Х., 2006.

Резюме

Мызгин К. В. К карте находок античных монет на Харьковщине (из научного архива Б. П. Зайцева)

В публикации вводятся в научный оборот античные монеты, в разное время обнаруженные на территории Харьковской области и информация о которых содержалась в архиве харьковского историка и нумизмата Б. П. Зайцева (1927–2014). Всего опубликовано 12 античных монет: девять монет опубликовано впервые (6 денариев

и 1 медная и 2 бронзовых монет III—IV вв.); информация о трех монетах имеет уточняющий характер (1 денарий, 1 медная монета III в. и 1 боспорский статер). К наиболее интересным находкам можно отнести монеты III—IV в., не типичные для региона. Вопрос их достоверности следует считать открытым.

Ключевые слова: Б. П. Зайцев, научный архив, античные монеты, Харьковская область.

Резюме

Мызгин К. В. До карти знахідок античних монет на Харківщині (з наукового архіву Б. П. Зайцева)

У публікації вводяться до наукового обігу античні монети, які в різний час були виявлені на території Харківської області та інформація про які містилася в архіві харківського історика і нумізмата Б. П. Зайцева (1927–2014). Всього опубліковано 12 античних монет: дев'ять монет опубліковано вперше (6 денаріїв і 1 мідна та 2 бронзових монет III—IV ст.); інформація про три монети має уточнюючий характер (1 денарій, 1 мідна монета III в. та 1 боспорський статер). До найбільш цікавих знахідок можна віднести монети III—IV ст., не типові для регіону. Питання їх достовірності слід вважати відкритим.

Ключові слова: Б. П. Зайцев, науковий архів, античні монети, Харківська область.

Summary

K. Myzgin. To Map of the Finds of Ancient Coins in the Kharkiv Oblast (from the Scientific Archive of B. Zaitsev)

Publication introduced into scientific circulation finds of ancient coins which was discovered in the Kharkiv oblast and information about which contained in the scientific archive of Kharkiv historian and numismatist Boris Zaitsev (1927–2014). In article published 12 ancient coins: 9 coins is published first time (6 denarii, 1 copper and 2 bronze coins of III—IV cent. AD); information about three coins have a clarifying character (1 denarius, 1 copper coin of III cent. AD and 1 Bosphorus stater). The most interesting finds is the coins of III—IV cent. AD, not typical for the region. Question their authentically should be considered open.

Key words: B. Zaitsev, scientific archive, ancient coins, Kharkiv oblast.

В. С. Аксёнов

Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника

памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры второй половины VIII — первой половины X вв. арабские серебряные монеты встречаются в основном в погребальных комплексах. При этом количество монет, обнаруженных как в одном закрытом комплексе, так и на одном могильнике, даже хорошо исследованном, в целом невелико. Так, на Дмитриевском катакомбном могильнике были обнаружены 2 индикации и 2 подражания византийским монетам [1, с. 111, рис. 38; 2, л. 41, рис. 87: 1]. На биритуальном могильнике Красная Горка на 317 исследованных погребениях был найден всего один фальшивый дирхем (погр. № 300) [3, с. 5, табл. 11X, 2, 3]. На Ржевском грунтовом могильнике из 41 исследованных погребения только в двух (№ 2, 12) было найдено по одной монете [4, с. 202]. В кремационных погребениях Сухогомольшанского могильника (312 исследованных погребений) монетные находки вообще не представлены. Выделяются на этом фоне могильники Верхне-Салтовского археологического комплекса. Так, на Нетайловском грунтовом могильнике (525 исследованных погребений) было обнаружено 18 дирхемов и три византийских монеты [5, с. 116–117, табл. 1]. На всех участках катакомбного могильника у с. Верхний Салтов с момента его открытия и до 1961 г. было найдено от 70 до 100 монет [6, с. 144, табл. 15, 6; 7, с. 6–8]. Исследования Верхне-Салтовского IV могильника, проводимые с перерывами с 1989 по 2011 гг. экспедицией Харьковского исторического музея, принесли еще 26 монетные находки, происходящие из 19 катакомбных захоронений (на 2011 г. было исследовано 100 катакомб, 8 грунтовых погребений) [5, с. 114, 115, 116, табл. 11]. При этом в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова количество монет, найденных в одном погребальном комплексе в большинстве своем составляло 1–2, и лишь в единичных случаях их количество доходило до пяти (кат. № 33 из раскопок А. М. Покровского) или шести (кат. № 4 из раскопок В. А. Бабенко 1910 г.) [6, с. 145, 146, табл. 15]. Поэтому обнаружение в катакомбе № 119 (раскопки 2013 г.) 12 монет — случай неординарный. Публикации материалов данного захоронения и посвящена данная работа.

Катакомба № 119 была обнаружена по провалу над погребальной камерой весной 2013 г. при проведении планового обследования территории Верхне-Салтовского IV могильника. На момент обнаружения наблюдалось проседание земли прямоугольной в плане формы, поросшее луговой растительностью. Провал над камерой находился в 25,6 м к северо-западу от столба электропередачи № 161 (азимут 311°). Раскопки данной катакомбы предполагалось предпринять в ходе проведения археологических исследований могильника совместной археологической экспедицией Харьковского исторического музея и исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина под руководством автора данной статьи. Однако, к началу исследования на месте провала был обнаружен грабительский шурф размером

1,2 × 1,3 м, ориентированный своими длинными сторонами вдоль линии север — юг. Современные грабители довели свой шурф до глубины — 3,0 м от уровня современной поверхности почвы. Грабители делали выброс грунта в южную и западную стороны от шурфа. Они воспользовались тем обстоятельством, что из-за специфики рельефа места работ со стороны дороги Верхний Салтов — Рубежное не видно.

На месте грабительских раскопок нами был заложен раскоп размером 3,0 × 2,5 м, ориентированный длинными сторонами вдоль линии север-юг. Стратиграфия на данном участке следующая: 0–0,1 м — дерновой слой; 0,1–0,3–0,4 м — чернозем; с отметки –0,4 м — светло-коричневая материковая глина.

По мере углубления раскопа, в его южном и западном бортах стали видны следы конусообразной воронки, заполненной темно-коричневым затечным грунтом. Воронка доходила до свода погребальной камеры, а затем расходилась по бокам, вдоль ее стенок по рухнувшему первоначальному своду погребальной камеры, представленным мощным слоем чистой материковой глины. В затечных слоях встречались отдельные мелкие фрагменты салтовских керамических сосудов. В слое чистой материковой глины на глубине –3,25 м от уровня современной поверхности почвы было расчищено погребение № 1 (рис. 1: 1). На этой глубине (–3,25 м) уже прослеживались все четыре стенки погребальной камеры, и был зафиксирован вход в нее, расположенный в западном борту раскопа (со стороны Нетечинского яра). Дно входа в погребальную камеру располагалось на 0,2 м выше дна погребальной камеры. Вход в камеру в плане имел арковидную форму. Его высота составляла 0,45 м, ширина — 0,4 м. Заполнение входа-коридорчика — светло-коричневая глина, перемешанная с черноземом, из-за чего цвет заполнения темно-коричневый. На уровне обнаружения погребения № 1 погребальная камера имела форму прямоугольника с закругленными углами. Камера поперечная по отношению к дромосу. Размеры камеры на этой глубине: длина 2,43 м, ширина 1,9 м. Камера своими длинными сторонами была ориентирована вдоль линии север — юг.

Погребение № 1 принадлежало ребенку (4–5 лет)¹ (рис. 1: 1). Костяк ребенка располагался в 0,8–0,85 м от входа в погребальную камеру, вдоль ее длинной оси. Череп ребенка находился в 0,4 м к югу от северной боковой стенки камеры. Покойник был уложен в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Кости скелета плохой сохранности. Не сохранились полностью кости предплечий обеих рук и кости ступни левой ноги (возможно, это последствия работы землеройных животных?). Череп плохой сохранности. При костяке ребенка обнаружен следующий инвентарь:

- по обе стороны от черепа найдено по одной бронзовой литой сережке с неподвижной каплевидной привеской (рис. 1: 2);
- в районе височных костей, по обе стороны черепа зафиксированы по одной обрезанной в кружок монете (табл. 1), превращенные в нашивки путем пробития диаметрально расположенных друг относительно друга двух отверстий (рис. 2: 1, 2);
- в районе шеи и грудной клетки расчищены семь многосекционных бусин с металлической прокладкой (одна золотистого и остальные серебристого цвета) (рис. 1, 10) и три многосекционных бусины синего цвета с продольными белыми полосами (рис. 2, 11) (МЕР 145, 110 по В. Б. Ковалевской) [8, с. 17–18, 37];
- чуть ниже ребер правой половины грудной клетки лежали бронзовый литой бубенчик (рис. 1: 3) и крупная глазчатая бусина черного цвета диаметром 2,0 см (рис. 1: 8) (МЕР 161) [8, с. 44–45];
- на правой безымянной тазовой кости, возле крестца, найден бронзовый амулет с соколиными головками (рис. 1: 6);

¹ Здесь и дальше антропологические определения В. А. Бондаренко, остеолога Музея природы ХНУ имени В. Н. Каразина.

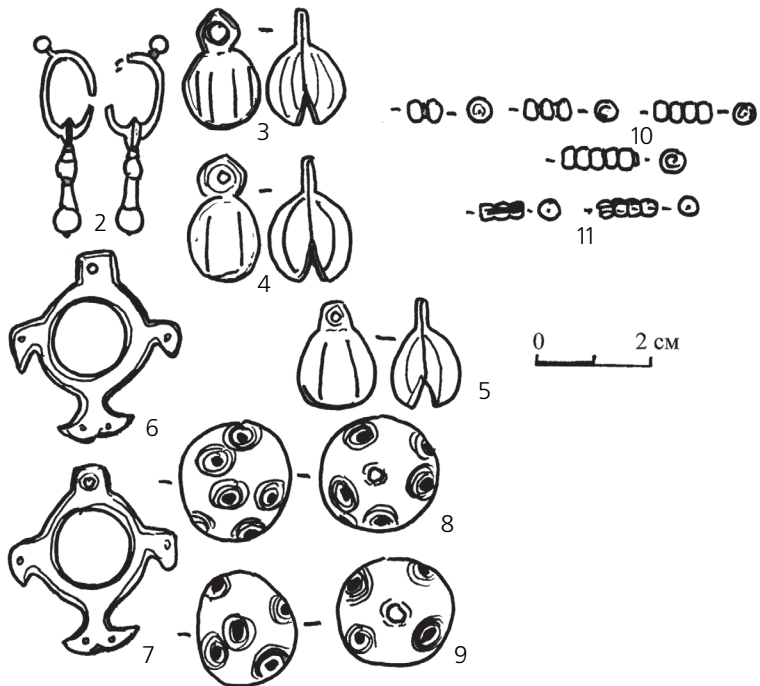
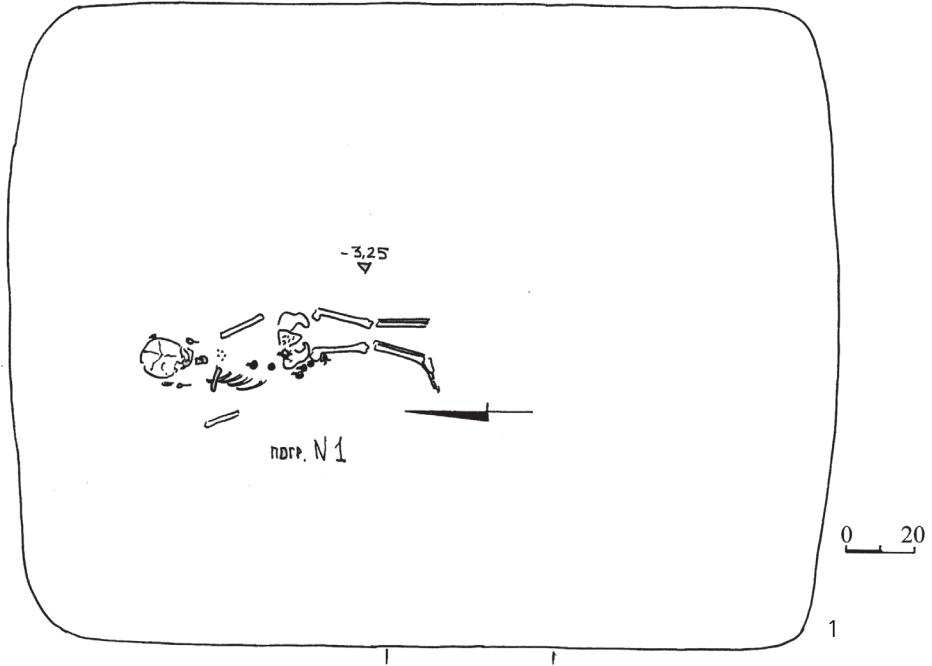

Рис. 1. Катакомба № 119. Погребение №: 1 – план погребения; 2–11 – инвентарь погребения № 1. 2–7 – бронза; 8–11 – стекло

Fig. 1. Catacomb No. 119. Burial No. 1: 1 – a plan of the burial; 2–11 – inventory of the burial No. 1. 2–7 – bronze; 8–11 – glass

Рис. 2. Катакомба № 119. Монеты-нашивки на налобную диадему из погребения № 1

Fig. 2. Catacomb No. 119. Coins – stripes for a forehead tiara from the burial No. 1

- с внешней стороны правой тазовой кости были расчищены еще два литых бронзовых бубенчика (рис. 1: 4, 5) и еще одна крупная глазчатая бусина черного цвета диаметром 1,9 см (МЕР 161) (рис. 1: 9);
- под правым тазобедренным суставом найдена еще одна бронзовая подвеска-амулет с соколиными головками (рис. 1: 7).

Костяк ребенка лежал на чистом материковом грунте (глина светло-коричневого цвета), тогда как вдоль боковых и дальней торцевой стенок погребальной камеры прослеживался затечный грунт темно-коричневого цвета, состоявший из светло-коричневой глины, перемешанной с большим количеством чернозема. Пол погребальной камеры был зафиксирован на отметке $-3,5$ м от уровня современной поверхности почвы. На этом уровне он имел в плане форму прямоугольника с закругленными углами. Размеры погребальной камеры по дну $2,43 \times 1,88$ м. На полу камеры располагалось погребение № 2.

Погребение № 2 принадлежало женщине (20–25 лет) (рис. 3: 1). Погребенная была уложена в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела и слегка разведены в стороны, ноги прямые. Кости ступней обеих ног отсутствуют — результат действия землеройных животных (одна фаланга пальца ноги была найдена в кротовине в 0,1 м к северу от черепа женщины). Погребение было совершено у дальней торцевой стенки камеры, в 0,17–0,22 м от нее. Череп погребенной женщины был обращен лицевым отделом вверх и в сторону южной стенки камеры.

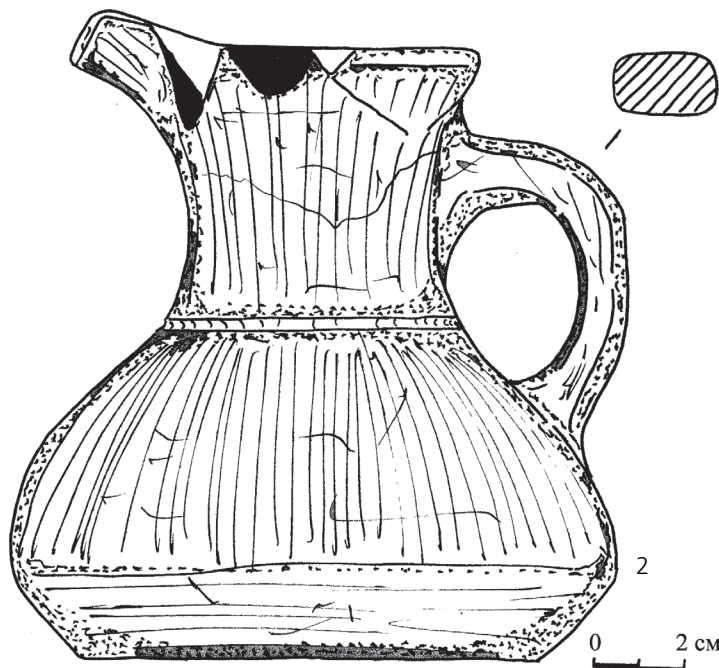
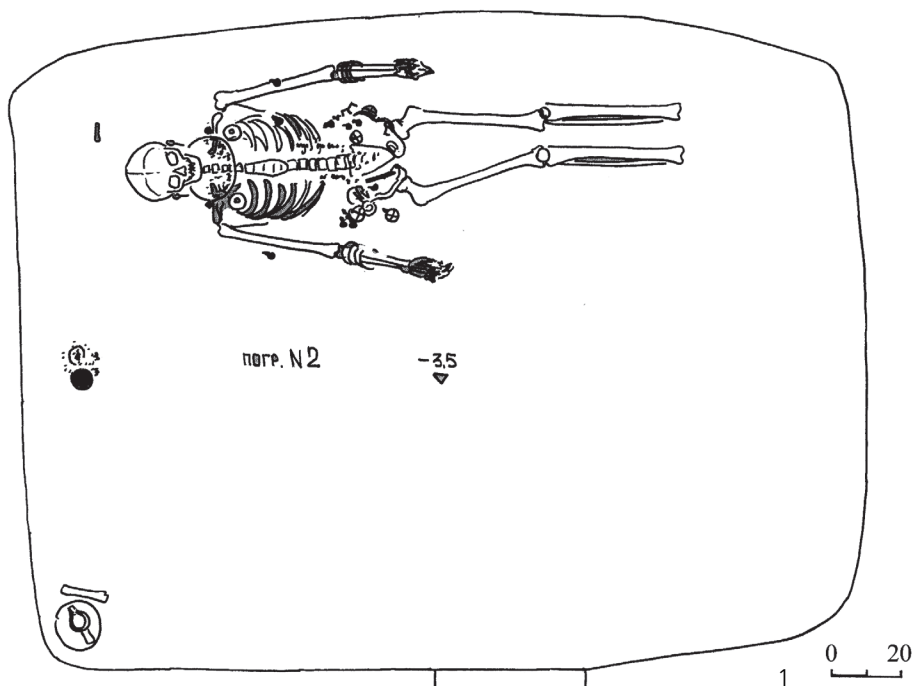

Рис. 3. Катакомба № 119. Погребение № 2:

1 – план погребения; 2 – кувшин

Fig. 3. Catacomb No. 119. Burial No. 2:

1 – a plan of the burial; 2 – pitcher

При костяке женщины был обнаружен богатый инвентарь. Так, по обе стороны от черепа женщины, в районе ушных раковин, находились сложносоставные бронзовые с позолотой сережки с подвижной привеской, состоящей из четырех полых серебряных шариков (рис. 4: 1). На шее погребенной располагалась бронзовая проволоочная гривна с внутренним диаметром 16 см (рис. 4: 10), сделанная из крученного прямоугольного в сечении дрота размером 3 × 3 мм. Концы гривны оформлены в виде простых крючков, расположенных в перпендикулярных плоскостях.

В районе шеи, обеих ключиц и верхней части грудной клетки женщины было расчищено ожерелье, состоящее из 164 бусин (рис. 5: 1–34), десяти (10) монет (табл. 1), превращенных в подвески при помощи приклепанных бронзовых петелек (рис. 6: 1–10) и двух дисков из раковины моллюска (рис. 4: 11, 12). В ожерелье входили бусы: из горного хрусталя (5 экз.), сердолика (29 экз.), янтаря (4 экз.), роговика (21 экз.) (рис. 5: 15), коралла (10 экз.), лазурита (8 экз.), из одноцветного (64 экз.) и многоцветного стекла (23 экз.). Бусы из горного хрусталя — круглые шаровидной формы (рис. 5: 1, 2). Сердоликовые бусы представлены несколькими типами: круглые шаровидной формы (21 экз.) (рис. 5: 11); круглые цилиндрические (3 экз.) (рис. 5: 12); бипирамидальные (5 экз.) (рис. 5: 13). Все бусы из лазурита имеют полиэдрическую форму (рис. 5: 17). Коралловые бусы плохого качества, бледно-розового цвета (рис. 5: 10). Янтарные бусы неправильной формы (рис. 5: 3–6), одна из них изготовлена, по-видимому, из отходов производства или брака (рис. 5: 6). Одноцветные стеклянные бусы представлены несколькими типами (по классификации В. Б. Ковалевской) [8, с. 6–29]: МЕР 90 (6 экз.), 111 (1 экз.), 112 (38 экз.), 114 (6 экз.), 132 (2 экз.), 135 (рис. 6 экз.) (рис. 5: 7–9, 14, 29, 30) и мелкими круглыми эллипсоидными бусами непрозрачного молочно-белого цвета (6 экз.) (рис. 5: 16). Бусы из многоцветного стекла относятся к следующим типам: МЕР 152 (1 экз.), 157 (1 экз.), 159 (3 экз.), 163 (1 экз.), 165 (1 экз.), 170 (6 экз.), 175 (2 экз.), 176 (2 экз.), 202 (1 экз.), 216 (1 экз.), 259 (1 экз.) (рис. 5: 18–28, 31–33); трех подвесок в виде петельки желтого цвета и полусферической лепешки, центр которой оформлен в виде желтого окна, в середине которого располагается крестообразная фигура из сине-бело-красных квадратов. Желтое окно подвески окружено зелено-желтыми ресничками (рис. 5: 34).

Таблица 1

Монеты обнаруженные в погребальной камере катакомбы № 119¹

№ п/п	Атрибуция монеты (место чеканки, правитель)	№ погр.	Датировка	Способ крепления
1	Ифрикия, наместник Хартам	№ 1	796/797 гг.	2 раза пробита, обрезана
2	Мадинат ас-Салам, ал-Махди	№ 1	782 г.	2 раза пробита, обрезана
3	Мадинат ас-Салам, ал-Махди	№ 2	776/777 гг.	2 раза пробита, петелька
4	Рей, ал-Махди Мухаммад	№ 2	763/764 гг.	1 раз пробита, петелька
5	Куфа времен аль-Мансура	№ 2	758–764 гг.	3 раза пробита, петелька
6	Мадинат ас-Салам	№ 2	769/770 гг.	петелька
7	Табаристан, Умар	№ 2	778 гг.	2 раза пробита, петелька
8	Омейяды, Васит	№ 2	714/715 гг.	петелька
9	Мадинат ас-Салам, ал-Махди	№ 2	775–784 гг.	2 раза пробита, петелька
10	имитация	№ 2		петелька
11	Ифрикийя, Наср	№ 2	792/793 гг.	2 раза пробита, петелька
12	Аббасийя	№ 2	787–790 гг.	2 раза пробита, обрезана, петелька

¹ Атрибуция монет сделана Е. Лембергом (г. Одесса).

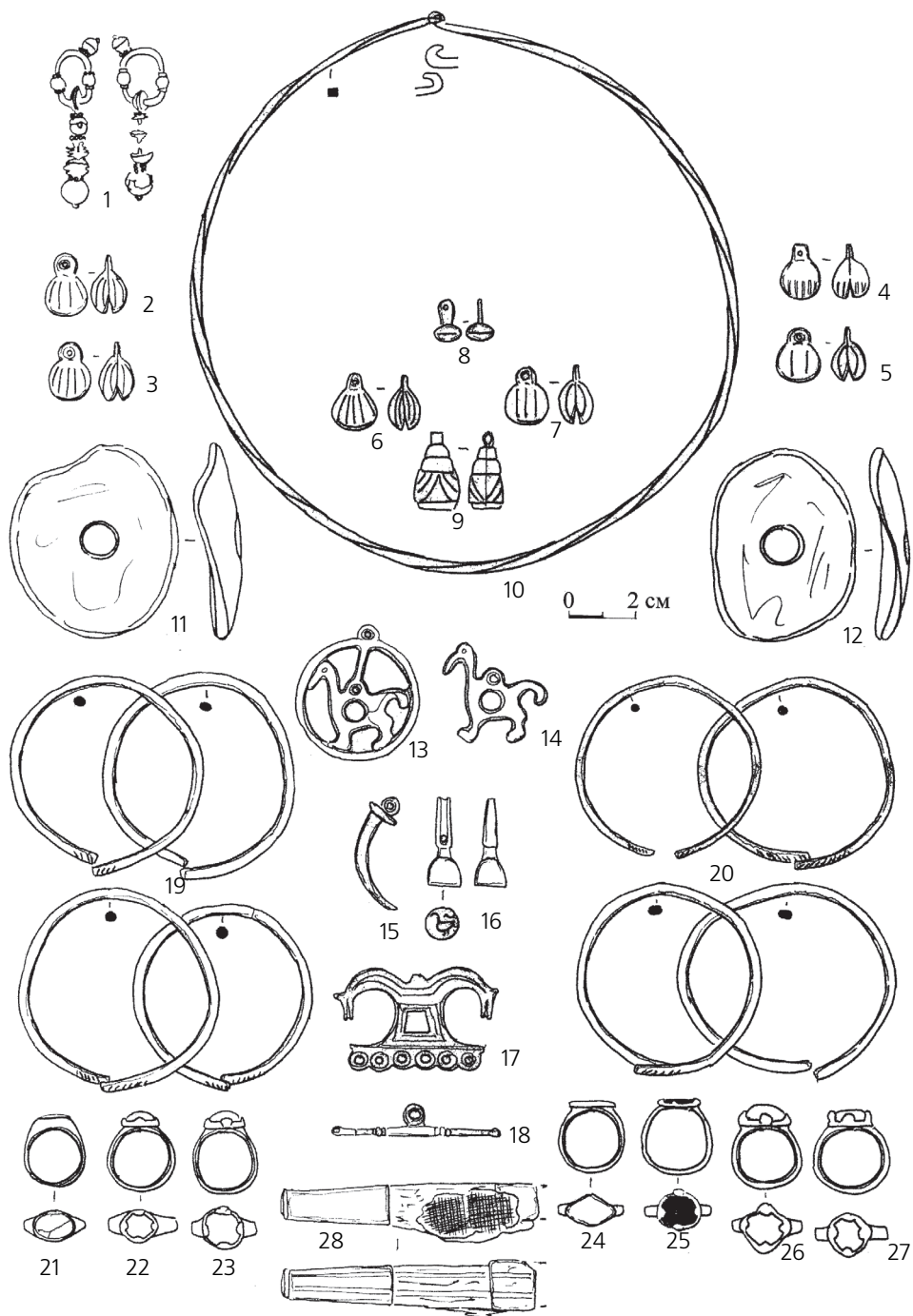

Рис. 4. Инвентарь погребения № 2:

1 – бронза с позолотой, серебро; 2–10, 13–20, 22–27 – бронза; 11, 12 – раковина моллюска; 21 – серебро; 23 – железо, дерево, серебро

Fig. 4. Burial inventory No. 2:

1 – bronze with gold, silver; 2–10, 13–20, 22–27 – bronze; 11, 12 – mollusc shell; 21 – silver; 23 – iron, wood, silver

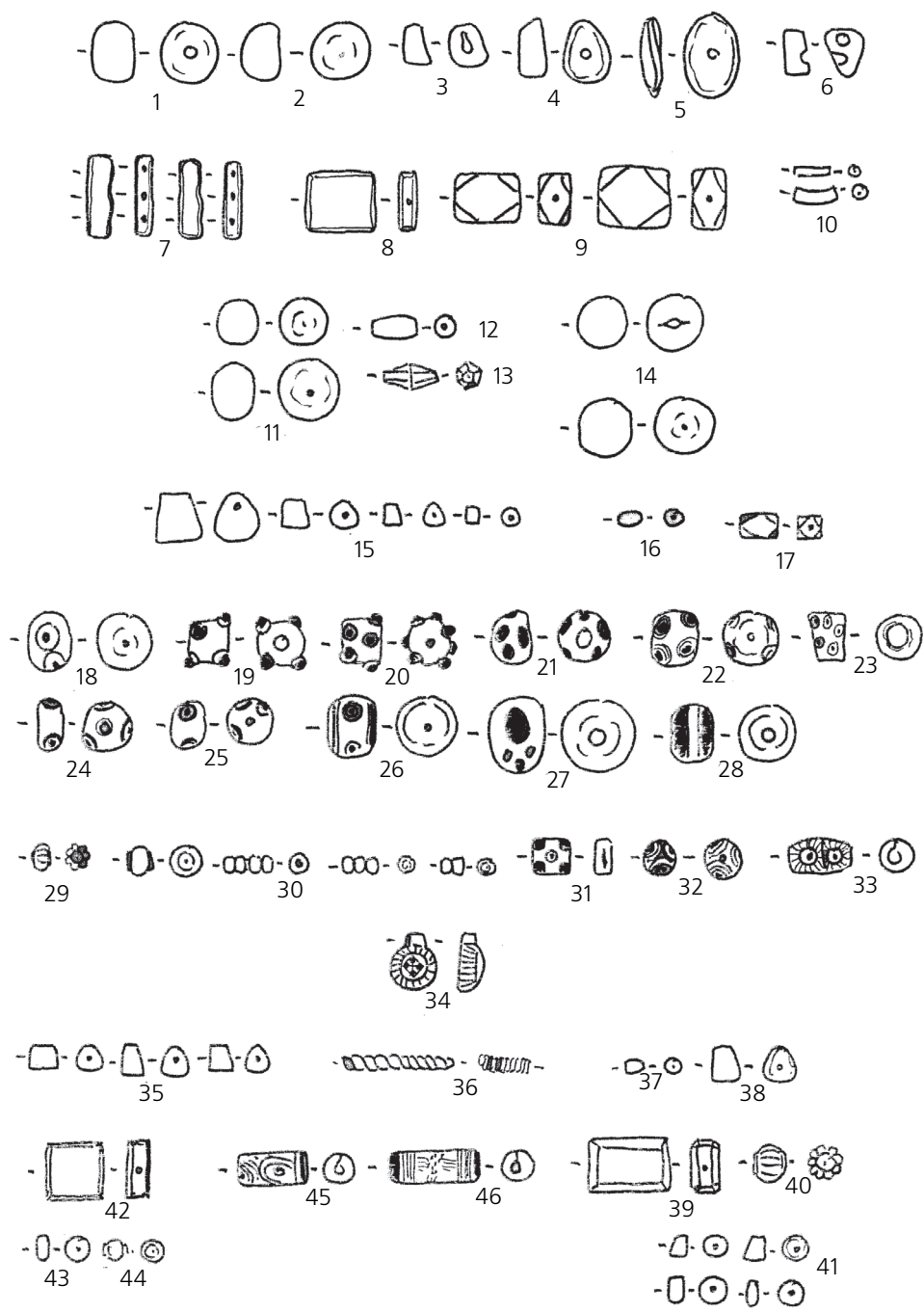

Рис. 5. Украшения из погребения № 2:

1, 2 – горный хрусталь; 3–6 – янтарь; 7–9, 14, 16, 18–34, 37, 39–46 – стекло; 10 – коралл; 11–13 – сердолик; 15, 35, 38 – роговик, 17 – лазурит; 36 – бронза

Fig. 5. Decorations of the burial No. 2:

1, 2 – rock crystal; 3–6 – amber; 7–9, 14, 16, 18–34, 37, 39–46 – glass; 10 – coral; 11–13 – carnelian; 15, 35, 38 – chert, 17 – lapis lazuli; 36 – bronze

И
Ц
К
А
Б
П

Диски из раковин располагались чуть ниже ключиц, на обеих сторонах грудной клетки. Под дисками были зафиксированы по одной бронзовой проволочной спиралевидной пронизи (рис. 5: 36). Под ожерельем, в районе верхней части грудной клетки были зафиксированы две пуговицы: одна — маленькая бронзовая литая грибовидной формы (рис. 4: 8), вторая — бронзовая штампованная с пластинчатой петелькой и тисненым орнаментом по тулову (рис. 4: 9).

На нижних ребрах, по обе стороны от позвоночного столба располагались цепочкой бусы и бронзовые проволочные спиралевидные пронизи (рис. 5: 36–41), которые, вероятно, украшали косы погребенной женщины. Левая низка состояла из расположенных в следующем порядке украшений: семи проволочных пронизок, трех бисерин синего цвета, двух бусин из роговика и еще одной бисерины синего цвета (рис. 5: 36, 38, 41). Правая низка включала в себя шесть проволочных пронизок, две бисерины синего цвета, одну бусину из роговика, одну плитчатую бусину прямоугольной формы синего цвета (МЕР 132) и одну ребристую бусину из стекла синего цвета (МЕР 111) (рис. 5: 36, 37–41).

На поясе женщины располагался многочисленный набор амулетов. На левой безымянной тазовой кости, с внешней стороны ее и под ней располагались четыре литых бронзовых бубенчика (рис. 4: 2, 3), два бронзовых амулета в виде грифона (рис. 4: 14) и два бронзовых амулета в виде всадника на грифоне (рис. 4: 13). На правой безымянной тазовой кости находились три бронзовых литых бубенчика (рис. 4: 4, 5), четыре бронзовых амулета в виде всадника на грифоне (рис. 4: 13), бронзовая штампованная туалетная коробочка плохой сохранности с тисненым орнаментом, на которой сверху лежала бронзовая копоушка (рис. 4: 18), бронзовый амулет в виде когтя животного (рис. 4: 15), бронзовая подвеска-печатка с изображением утки (рис. 4: 16), двуконьковая подвеска финно-угорского типа (рис. 4: 17). Чуть выше правой тазовой кости лежали семь бронзовых литых бубенчиков (рис. 4: 4, 5), четыре бисерины синего цвета (МЕР 112) (рис. 5: 43), одна бусина с металлической прокладкой голубого цвета (МЕР 114) (рис. 5: 44), три бусины из роговика (рис. 5: 35), одна плитчатая бусина прямоугольной формы из стекла синего цвета (МЕР 132) (рис. 5: 42), две стеклянные цилиндрические бусины с многоцветным орнаментом (МЕР 273, 275) (рис. 5: 45, 46). На правой тазовой кости, у крестца находился пакет из трех ножей в деревянных ножнах, скрепленных серебряными пластинчатыми оковками (рис. 4: 28).

На середине длины правой плечевой кости, с внешней ее стороны, был расчищен бронзовый литой бубенчик (рис. 4: 6). Второй такой же бубенчик (рис. 4: 7) располагался в том же месте, но только с внешней стороны левой плечевой кости женщины. Данные бубенчики, вероятно, были прикреплены к рукавам одежды покойницы.

На костях предплечья правой руки было зафиксировано четыре бронзовых проволочных браслета диаметром 5, 5–6,3 см и с едва заходящими друг за друга концами (рис. 4: 19). Концы трех из четырех браслетов украшены насечками, образующими орнамент в виде ёлочки. Четыре таких же браслета располагались на костях предплечья и левой руки (рис. 4: 20).

На безымянном пальце правой руки покойницы находился серебряный перстень со вставкой из прозрачного стекла светло-зеленого цвета (рис. 4: 21). На среднем пальце этой же руки были надеты два бронзовых перстня со вставками из непрозрачного стекла фиолетового и черного цвета, соответственно (рис. 4: 22, 23).

На костях указательного и безымянного пальцев левой руки было зафиксировано по два бронзовых перстня. На указательном пальце были надеты: перстень с плоским раскованным щитком ромбовидной формы (рис. 4: 24) и перстень со вставкой из непрозрачного стекла черного цвета (рис. 4: 25). На костях безымянного пальца находились: перстень со вставкой из прозрачного стекла светло-зеленого цвета и перстень со вставкой из сердолика (рис. 4: 26, 27).

В кротовинах, в районе ступней ног погребенной женщины были найдены две серебряные штампованные бляшки (рис. 7: 40) и один серебряный штампованный наконечник (рис. 7: 41), украшавшие ремешки обуви женщины.

У северной боковой стенки камеры, на середине ее длины — в 0,85 м от передней торцевой стенки и в 0,12 от боковой стенки — лежал посмертный дар, состоящий из бронзового зеркала диаметром 6,4 см (рис. 7: 3), бронзового проволочного браслета размером 7 × 6,7 см (рис. 7: 1), трех бронзовых пуговиц-зеркалец диаметром 3–3,1 см (рис. 7: 4–6), 10 бронзовых проволочных спиралевидных пронизей (рис. 7: 2), 274 бусины (рис. 7: 7–39). В состав дара входили: круглые сердоликовые бусы шаровидной формы (17 экз.) (рис. 7: 7–9); бусы из роговика (128 экз.) (рис. 7: 39); круглые халцедоновые бусы шаровидной формы (3 экз.) (рис. 7: 22); стеклянные одноцветные бусы (114 экз.) — МЕР 90, 93, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 132, 135 (рис. 7: 10–12, 24–38); стеклянные многоцветные бусы (12 экз.) — МЕР 149, 162, 165, 184, 204, 232, 259, 275, 301 (рис. 7: 13–21, 23).

В левом ближнем углу погребальной камеры находились остатки мясной жертвенной пищи в виде трубчатой кости от шестимесячной козы. Здесь же стоял салтовский кувшинчик высотой 14,5 см (рис. 3: 2), обращенный носиком-сливом к южной боковой стенке погребальной камеры.

Погребальный инвентарь рассматриваемых погребений находит самые широкие аналогии в древностях аланского варианта салтово-маяцкой культуры и позволяет датировать их серединой/второй половиной IX в. Для датировки комплекса нами использованы серьги и украшения ремней обуви (рис. 4: 1; 7: 40, 41). Серьги из женского погребения представляют собой овальное кольцо с гвоздевидным слегка скошенным стержнем в верхней части, на который надет полый шарик, спаянный из двух половинок. Нижняя часть оформлена в виде двух дисков, между которыми пропущен проволочный стержень. Привеска серег представляет собой четыре полых шарика, нанизанных на проволочный стержень. Кольцо серег и проволочный стержень привески изготовлены из бронзовой проволоки. На кольце сережек следы позолоты. Боковые стороны кольца дополнительно украшены двумя полыми серебряными шариками. Шарик наверху и привески также изготовлены из серебряной фольги. За пределами Подонья особенно много подобных серег в погребениях VIII–IX вв. со Средней Кубани и с ее верховьев [9, с. 164]. Т. М. Минаева считала, что увеличение числа шариков, как и их размеров, является хронологическим признаком, также как и усложнение дополнительными элементами самой привески [10, с. 98]. Серьги данного типа представлены как для катакомбных захоронений Подонья, так и для праболгарских погребений салтово-маяцкой культуры [1, рис. 57, с. 113; 11, с. 92, рис. 8: 23–26]. В салтово-маяцких древностях серьги данного типа датируются второй половиной VIII — серединой IX в. [12, с. 229, рис. 6; 13, рис. 36]. Найденные при женщине штампованные бляшки и наконечник от ремешков обуви (рис. 7: 40, 41), украшенные растительным орнаментом из бутонов лотоса, характерны для изделий III хронологической группы салтово-маяцких древностей (вторая-третья четверть IX в.) [14, табл. 14].

Монеты, обнаруженные в катакомбе (рис. 6: 1–10), не могут существенно уточнить датировку захоронения, кроме как указать время, ранее которого погребальный комплекс не мог возникнуть. И эта дата определяется временем чеканки самой поздней монеты (№ 11), входящей в ожерелье — 792/793 гг. и монеты налобной ленты ребенка (№ 1) — 796/797 гг. (табл. 1). Учитывая разницу во времени между чеканкой самой молодой и самой старой монетой из ожерелья (78 лет), а также то, что монеты до включения в состав ожерелья еще какой-то период времени использовались в качестве нашивок, на что указывают пробитые в них отверстия для пришивания к мягкой основе, то создание данного погребального комплекса может быть определено рамками всего IX в. Интересно, что монеты, использованные в качестве украшений налобной

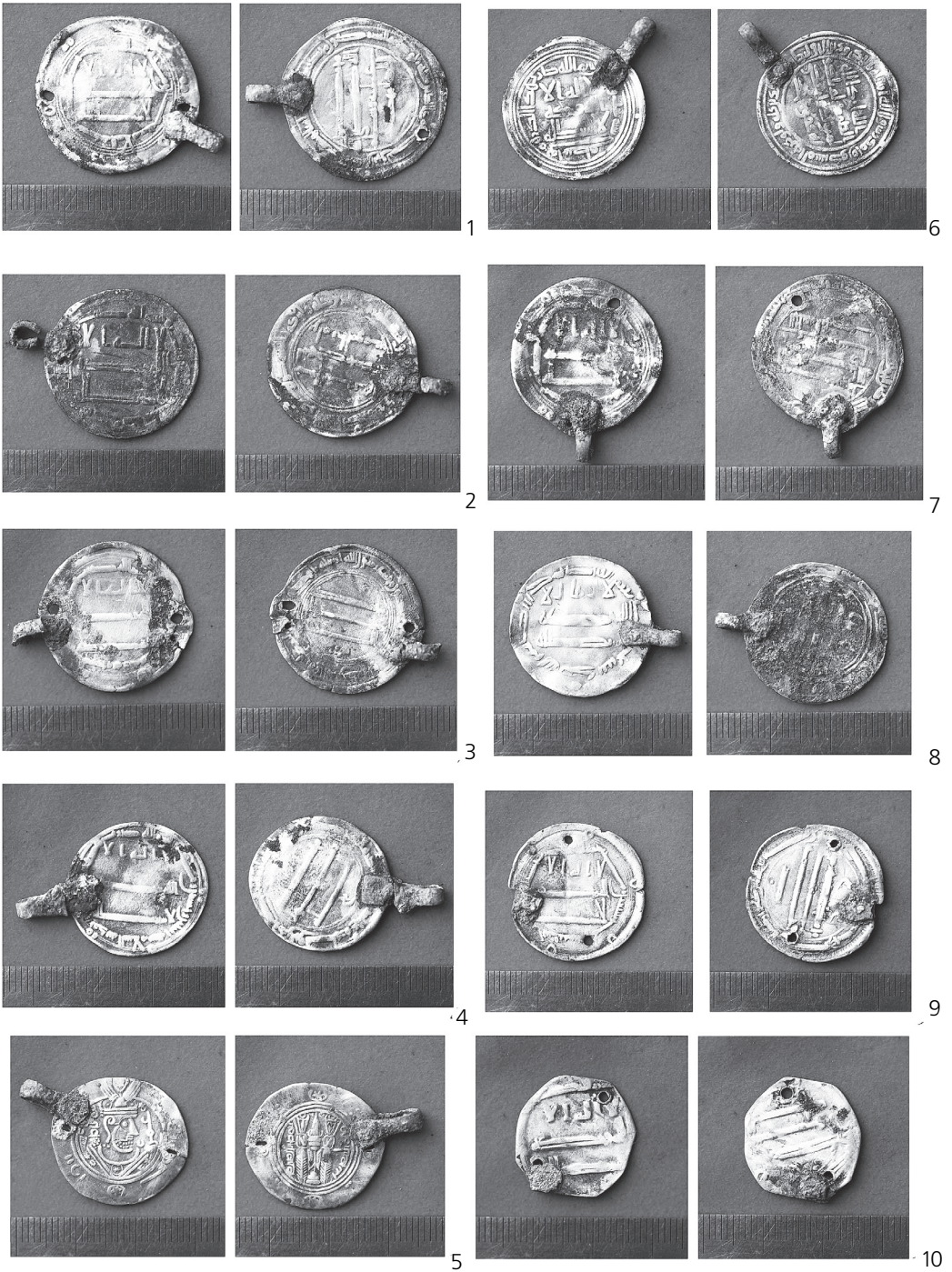

Рис. 6. Монеты-подвески из погребения № 2

Fig. 6. Coin pendant from the burial No. 2

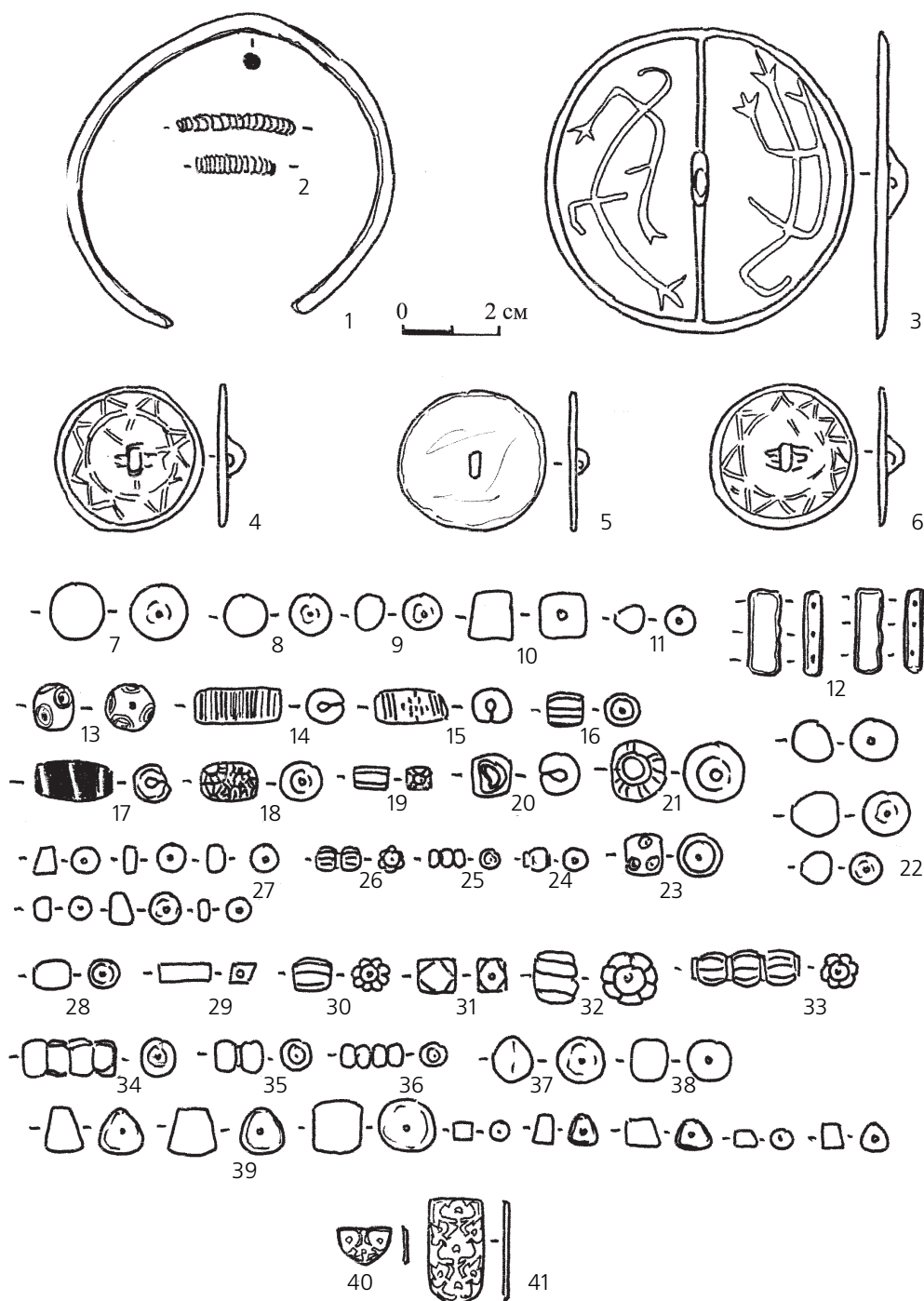

Рис. 7. Катакомба № 119. Посмертный дар:
 1-6 – бронза; 7-9 – сердолик; 10-36 – стекло; 37, 38, – халцедон; 39 – роговик; 40-41 – серебро

Fig. 7. Catacomb No. 119. Bequest:
 1-6 – bronze; 7-9 – carnelian; 10-36 – glass; 37, 38 – agate; 39 – chert; 40-41 – silver

повязки девочки (рис. 2: 1, 2), помещенной в погребальную камеру уже после совершения в ней захоронения женщины, отчеканены позже самой молодой монеты из ожерелья женщины, т. е. некоторое разнесение во времени смерти женщины и ребенка подтверждается и разницей во времени чеканки монет, сопровождавших их. Возможно, в данном случае проявляется регулярность поступления арабской серебряной монеты к населению Верхнего Салтова на определенном этапе проживания здесь аланского населения.

Большинство монет ожерелья имеют отверстия, через которые они пришивались к мягкой основе. Исследователи украшения данного типа определяют или как нашивки на шапочку [1, с. 111], или на налобную ленту — «диадему» [15, с. 18, фото 4]. Так северокавказские материалы показывают, что в качестве нашивок на матерчатые диадемы использовались серебряные арабские монеты, византийские солиды [16, с. 30] и их индикации [17, с. 219, рис. 1]. У данных монет присутствует по два, диаметрально расположенных, пробитых отверстия. Как показали исследования памятников аланского населения Северного Кавказа, монеты-нашивки и круглые бронзовые бляшки использовались в качестве украшения налобных повязок, являющихся отличительной особенностью аланских девочек-девушек, прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста [15, с. 7, 62]. На налобную повязку в большинстве случаев пришивалось две — три нашивки. Это же мы и наблюдаем в погребении девочки 4–5 лет кат. № 109, где две монеты украшали налобную ленту. Такие нашивки на налобное украшение довольно часто встречаются в аланских катакомбных захоронениях Подонья [1, рис. 58; 18, рис. 4: 5, 22; 5: 31, 32; 6: 36; 19, рис. 4: 26; 6: 13–15]. Присутствие монет с двумя диаметрально расположенными отверстиями и дополнительно приклепанными петельками в составе нагрудного украшения женщины из этой же катакомбы позволяет предположить, что с переходом в другую возрастную группу монеты-нашивки с налобной диадемы могли включаться в набор украшений девушки и молодой женщины. При этом их функции как оберега с головы (у ребенка) переносились на очень важную часть тела молодой женщины — грудь. И в том, и в другом случае серебряные монеты, вероятно, выступали зрительным символом небесного светила (солнца/луны), что косвенно подтверждается изображениями креста, колеса с четырьмя спицами на бронзовых нашивках на головную повязку [18, рис. 5: 31; 19, рис. 6: 13, 14].

Остальные вещи, обнаруженные при костяке ребенка, также выполняли специфические функции. Так, большие шаровидные глазчатые бусины (рис. 1: 8, 9), как свидетельствуют данные этнографии, у многих народов служили защитой от сглаза и враждебной магии [20, с. 126; 21, с. 113; 22, с. 135]. Цвет других бус (рис. 1: 10, 11) в данном захоронении также имел особое значение. Синий и желтый цвет бус входит в один семантический ряд, символизирующий наиболее важные элементы космогонии у многих народов, обеспечивающих плодородие — небо и солнце [23, с. 80]. Поэтому в традиционных обществах бусы (украшения) синего и желтого цветов считались оберегами, способными защитить от злых сил [20, с. 122; 21, с. 114]. Так, например, бусы желтого цвета должны были уберечь ребенка от желтухи [22, с. 135]. Бубенчики (рис. 1: 3–5) своим звоном, что отмечается у многих народов, должны были отпугивать от ребенка злых духов [24, с. 67]. Подвески с птичьими головками (рис. 1: 6, 7) рассматриваются исследователями как образ летящей солнечной птицы — символом солнечного божества, творца всего живого на земле [25, с. 122; 26, с. 41]. Таким образом, все украшения при ребенке выполняли роль амулетов-оберегов. Количество амулетов и оберегов, как свидетельствуют данные этнографии, напрямую зависело от состояния здоровья ребенка и от того, как часто в семье умирали дети [27, с. 183].

Набор личных украшений, обнаруженных при женщине также достаточно показателен. Так, он однозначно указывает на достаточно высокое имущественное положение покойницы. Об этом свидетельствует присутствие в составе ее ожерелья

десяти арабских дирхемов, превращенных в подвески (рис. 6: 1–10). Такие украшения, как зримое отражение имущественного достатка, были зафиксированы арабским путешественником ибн-Фадланом у женщин руссов во время его пребывания на землях Волжской Булгарии в 921–922 гг. По его свидетельствам: «на шеях у них несколько рядов монистов из золота или серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч дирхемов, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены...» [28, с. 141]. Здесь мы имеем дело с разными народами, но с явлениями одного порядка.

На принадлежность покойной к верхушке салтовского общества указывают найденные при ней восемь браслетов (рис. 4: 19, 20), семь перстней (рис. 4: 21–27) и шейная гривна (рис. 4: 10). Шейные гривны являются для погребальных памятников салтово-маяцкой культуры редкой находкой. Одна гривна, изготовленная из гладкого дрота, происходит из разрушенного погребения Старокорсунского могильника на Кубани [29, с. 198, рис. 10: 55]. Гривны из крученного бронзового дрота с последующей позолотой были обнаружены в катакомбах № 2 и 14 Старо-Салтовского могильника [18, рис. 5: 5; 6: 50]. Гривна из погр. № 143 Нетайловского могильника была свита из двух бронзовых проволок, круглых в сечении. Один конец гривны оформлен в виде петли, второй — в виде крючка. При этом и петля, и крючок выполнены из одной проволоки, тогда как концы второй проволоки образуют спиральную навивку у крючка и петли гривны, соответственно [30, рис. 2: 4]. Погребения, где были обнаружены эти гривны, датируются исследователями второй половиной VIII — началом IX вв. Еще три гривны происходят из дореволюционных раскопок могильника у с. Верхний Салтов (кат. № 2 и 10 раскопки В. А. Бабенко 1906 г., кат. № 15 раскопки 1911 г.) [31, с. 391; 32, с. 412]. Если в салтовских материалах гривны достаточно редки, то они являются привычным атрибутом населения Днепровского лесостепного левобережья V—VII вв. [33, с. 176; 34, с. 53, рис. 16, 57], а также населения восточной и центральной части Северного Кавказа V—VIII вв. [34, с. 264, рис. 82: 40–42; 35, с. 83, рис. 2: 6].

Показателен и набор амулетов-оберегов при погребенной женщине. Так, в состав ожерелья входили два диска из раковины с отверстием по центру (рис. 4: 11, 12). Такие диски являются довольно частой находкой в погребениях девочек-подростков и молодых женщин (например: кат. № 16 Рубежанского могильника и кат. № 111 Верхне-Салтовского IV некрополя) [19, рис. 6: 46, 47; 36, с. 23, рис. 37: 13, 14]. Присутствие таких дисков в связке амулетов зафиксировано у алан IX—XIII вв. Северного Кавказа [37, с. 25]. В одежде адыгов, осетин и чеченцев XVIII—XIX вв. место таких дисков, вероятно, заняли серебряные круглые, слегка выпуклые бляхи с несложным орнаментом, располагавшиеся попарно спереди около воротника или около плеча [38, с. 201, рис. 39a]. По данным этнографии, у некоторых народов диски белого цвета и с отверстием посередине, изготовленные из разных материалов, сначала подвешивались над колыбелью ребенка, со временем вплетались в косы девочек 5–6 лет, а затем включались в состав комплексных (связок) амулетов детей и носились до достижения ими брачного возраста [39, с. 84, 85, рис. 4]. Форма и цвет (перламутровый, белый) данных изделий указывают на их связь с астральными божествами плодородия (солнцем/луной) [40, с. 289].

С идеей плодородия связаны две подвески в виде грифона (рис. 4: 14) и шесть амулетов в виде всадника на грифоне (рис. 4: 13) [26, с. 79, 82], обнаруженные на поясе женщины. В этом же ключе следует рассматривать и найденную на поясе умершей женщины подвеску с протомами коней и стилизованной фигурой «Великой Богини» между ними (рис. 4: 17) [26, с. 43–53, 79]. Возможно, с божеством плодородия связано и изображение утки (рис. 4: 16), выгравированное на подвеске-печатке,

найденной на поясе женщины. У многих народов мира утка приняла самое активное участие в акте сотворения мира [41, с. 347]. В таком случае, она является одной из ипостасей все той же богини плодородия и подательницы жизни.

Семантическое значение подвески в виде когтя хищного животного или птицы (рис. 4: 15) достаточно прозрачно. Данная подвеска должна была оберегать человека от воздействия злых сил, отгонять болезни. Этнографические материалы свидетельствуют, что у многих народов амулеты из зубов, клыков и когтей животных и птиц (волка, медведя, лисицы, собаки, орла и т.п.) олицетворяли этих животных, и должны были отпугивать злых духов и защищать людей от воздействия вредоносных сил [21, с. 115; 39, с. 86; 42, с. 118, 121].

В традиционных обществах набор личных украшений в совокупности с одежной выступают зрительным индикатором этнического, социального, имущественного, семейного положения человека [43, с. 5, 6]. Учитывая это, можно утверждать, что в катакомбе № 119 были погребены представители социальной и имущественной верхушки верхнесалтовской общины. При этом весь набор довольно многочисленных личных амулетов-оберегов у погребенной № 2 был направлен на всемерное обеспечение и повышенную защиту ее детородных функций, что объясняется принадлежностью умершей к разряду молодых женщин репродуктивного возраста (20–25 лет). У женщин с высоким имущественным и социальным статусом, но в возрасте (35–40 лет) близком к переходу в следующую возрастную группу, амулеты, связанные с идеей плодородия в виде грифона и всадника на грифоне, представлены уже только единичными экземплярами [44, с. 268, рис. 3: 7, 8]. Тенденцию к уменьшению количества личных украшений и оберегов у женщин, с переходом их из группы женщин репродуктивного возраста в группу старух демонстрируют как археологические материалы по аланскому населению салтово-маяцкой культуры [45, с. 93], так и этнографические материалы (традиция передачи бус и украшений от старшего поколения младшему) [21, с. 125].

Таким образом, новые материалы, полученные при исследовании ВСМ-IV, позволяют составить представление о полном наборе личных украшений и амулетов-оберегов у представителей социально-имущественной верхушки аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и по новому взглянуть на цели и причины преднамеренного проникновения в катакомбные захоронения алан Подонцовья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
2. Саранулкин В. А. Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 году. — Белгород, 2004. — 58 л. // Архив Белгородского госуниверситета.
3. Михеев В. К. Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 году. — Харьков, 1994. — 39 с. // Архив Института археологии НАНУ. — 1994/34.
4. Саранулкин В. А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. — Вып. 12. — Воронеж, 2006.
5. Лаптев А. Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники) // I Международная научная конференция «РАСМИР»: Восточная нумизматика»: сборник научных трудов. — К., 2013.

6. *Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Вопросы хронологии и периодизации памятников Украины. — К., 1983.
7. *Зайцев Б. П.* Куфические монеты на территории Харьковщины // Харьковский исторический альманах. — № 1 — Харьков, 2002.
8. *Ковалевская В. Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. — М., 2000.
9. *Ковалевская В. Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. — Владикавказ, 1995.
10. *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. — Ставрополь, 1971.
11. *Савченко Е. И.* Крымский могильник // АОН. — Вып. 1. — М., 1986.
12. *Сташенков Д. А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). — Самара, 1998.
13. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 146.
14. *Комаф А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita antiqua. — 1999. — № 2.
15. *Иерусалимская А. А.* Кавказ на шелковом пути. — СПб., 1992.
16. *Кротошкин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ. — Вып. Е 4-4. — М., 1962.
17. *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска // ВВ. — 1971. — Т. 32.
18. *Аксёнов В. С.* Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. — 1999. — № 2.
19. *Аксёнов В. С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. — 2001. — № 1-2.
20. *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сборник МАЭ. — 1949. — Т. 12.
21. *Столба В. Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. — 2009. — № 2.
22. *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. — 1935. — № 6.
23. *Усманова Э. Р., Ткачев А. А.* Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских погребений) // ВДИ. — 1993. — № 2.
24. *Хомич Л. В.* Обычай и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
25. *Голан А.* Миф и символ. — М.: Русслит, 1993. — 375 с.
26. *Флёрова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — Иерусалим — М., 2001.
27. *Васильева Г. П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М., 1986.
28. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. — Х., 1956.
29. *Каминский В. Н.* Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. — 1987. — № 4.
30. *Аксёнов В. С.* Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности, 2012: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2012. — Вып. 11.
31. *Бабенко В. А.* Дневник раскопок в Верхнем Салтове, проведенных в 1905–6 году // Труды XIII АС в Екатеринославле. — Т. 1. Ч. 1. — М., 1907.

32. *Бабенко В. А.* Дневник археологических раскопок в Верхнем Салтове 1906 г. // Труды XIII АС в Екатеринославе. — Т. 1. Ч. 1. — М., 1907.
33. *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. — Курск, 1990.
34. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. — М., 1996.
35. *Багаев М. Х., Виноградов В. Б.* Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. — 1972. — Вып. 132.
36. *Аксёнов В. С.* Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2012 г. — Харьков, 2013. — 49 с. // Архив Харьковского исторического музея.
37. *Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. — М., 2001.
38. *Студенецка Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв. — М., 1989.
39. *Иванов С. В.* О детских «амулетах» нанайцев // Сборник МАЭ. — 1977. — Т. 33.
40. *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М., 1975.
41. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Птицы // Мифы народов мира. — Т. 2. — М., 1997.
42. *Гаджиев Г. А.* Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. — 1977. — № 3.
43. *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). — М., 2006.
44. *Колода В. В.* К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2011. — Вып. 10.
45. *Албегова З. Х.* Палеосоциология аланской религии VII—IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. — 2001. — № 2.

Резюме

Аксёнов В. С. *Багате катакомбне поховання з Верхньо-Салтівського IV могильника*

У роботі розглядаються матеріали катакомби № 119, котра була досліджена на Верхньо-Салтівському IV некрополі у 2013 р. У поховальній камері знаходилися рештки жінки 20–25 років та дитини (дівчинки) 4–5 років. Рештки жінки розташовувалися на долівці поховальної камери, тоді як дитина була покладена на шар ґрунту завтовшки 0,25 м, котрий перекривав усю поверхню долівки камери. Жінка та дитина за складом інвентарю, що їх супроводжував, належали до соціальної та майнової верхівки верньосалтівського суспільства. На це в першу чергу вказують два дірхеми, що прикрашали налобну діадему дівчинки, та десять срібних монет, котрі були перетворені у підвіски та входили до складу моніста у жінки. Така кількість арабських монет у одній катакомбі знайдено вперше на могильнику біля с. Верхній Салтів. Склад інвентарю дозволяє датувати поховальний комплекс серединою/другою половиною IX ст.

Ключові слова: Салтівська культура, алани, катакомба, дирхем, амулети.

Резюме

Аксёнов В. С. *Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника*

Работа посвящена публикации материалов катакомбы № 119, открытой на Верхне-Салтовском IV могильнике в 2013 г. Погребальная камера содержала захоронение женщины 20–25 лет и ребенка (девочки) 4–5 лет. Останки женщины

покоились на полу камеры, тогда как ребенок был уложен на слой грунта толщиной 0,25 м, перекрывавший всю поверхность пола. Женщина и ребенок принадлежали к социальной и имущественной верхушке верхнесалтовского общества. На это указывает обнаруженный при них инвентарь, в составе которого присутствовали два дирхема, украшавшие налобную повязку ребенка, и десять монет, превращенных в подвески и входившие в состав ожерелья, у женщины. Такое количество дирхемов в одной катакомбе обнаружено впервые на могильнике у с. Верхний Салтов. Состав инвентаря позволяет датировать катакомбу серединой/второй половиной IX в.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, аланы, катакомба, дирхем, амулеты.

Summary

V. Aksyonov. Rich Catacomb Burial Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) Burial-IV

The work is devoted to the publication of materials of the catacomb No. 119 discovered at the Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) burial-IV in 2013. A burial chamber contained a grave of a woman of 20–25 years old and a child (a girl) of 4–5 years old. The remains of the woman were resting on the floor of the chamber while the child was laid on the soil layer of 0.25 m covering the entire surface of the floor. The woman and the child belonged to the social and property top of Verchne-Saltovskiyi society. The belonging is indicated by the found inventory, which included two dirhams decorating child's frontlet and ten coins made into pendants and necklace of the woman. Such amount of dirhams in one catacomb was discovered for the first time in the burial at the village Verchnii Saltov (Upper Saltov). The composition of the inventory allows to date the catacomb of middle/second half of the IX century.

Key words: Saltovo-Mayak culture, alans, catacomb dirham, amulets.

К. Н. Капустин

Древнерусские памятники Курщины (по материалам разведок И. И. Ляпушкина 1947 г.)

Период 40–80-х гг. XX в. ознаменовался ростом внимания научного сообщества к проблемам славянского этногенеза, особенностям развития средневекового города, а также мировоззрения населения Руси в течение X—XIII вв. Для достижения поставленных задач проводились широкомасштабные разведки по всей территории Восточной Европы. Особое внимание исследователей было приковано к территории Курщины, где в разное время работали экспедиции Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР, Эрмитажа, которые занимались поиском и картографированием памятников эпохи бронзы, раннежелезного, славянского и древнерусского времен [1, с. 67–77; 2, с. 15–20; 3, с. 29–33; 4, с. 95–96; 5, с. 54–55].

Одним из первых археологов, которые проводили целенаправленные разведки в регионе, был И. И. Ляпушкин (рис. 1: 1). На протяжении нескольких полевых сезонов участники Днепровской Левобережной экспедиции искали древнейшие следы восточнославянской культуры на территории Днепровского Левобережья. Параллельно уточнялась юго-восточная граница распространения памятников роменско-борщевского типа (бассейны р. Оскола и Орели); картографировались поселения зольничной культуры в северной полосе лесостепного Левобережья (бассейн р. Десны и Сейма).

В контексте данной работы мы анализируем находки с городищ и неукрепленных поселений Курской обл. именно древнерусского («великокняжеского» согласно И. И. Ляпушкину) времени (хранятся в фондах Института археологии НАН Украины, кол. № 63) [6, с. 1]. Целесообразность такого исследования вызвана тем фактом, что вследствие недостаточной разработанности хронотипологии керамики большинство памятников датировались довольно широко — «великокняжеским временем». Такая ситуация негативно сказывалась на представлениях исследователей об истории региона в древнерусское время.

Итак, в 2,0–2,5 км от с. Банице Львовского р-на обследовано укрепленное поселение, которое занимает природную возвышенность (грушевидной формы) среди болот в урочище Соловень Бугор (рис. 2: 1). Городище, длиной 115–120 м (по оси север–юг) и шириной (по оси запад–восток) от 30 м (в северной части) до 80 м (в южной), возвышается на 3–4 м над прилегающей поймой. С востока памятник ограничен озером, с севера и запада — болотами, с юга — поймой р. Сейм. Подъемный материал состоял из фрагментов лепной (роменской) и гончарной (великокняжеской) керамики. Местные жители указывали также на факты находок керамических пряслиц, железных наконечников копий и т. д. [6, л. 34].

В фондах Института археологии НАН Украины хранится 96 артефактов, представленных фрагментами лепных (16 венчиков, 57 стенок, 3 доньшка) и гончарных

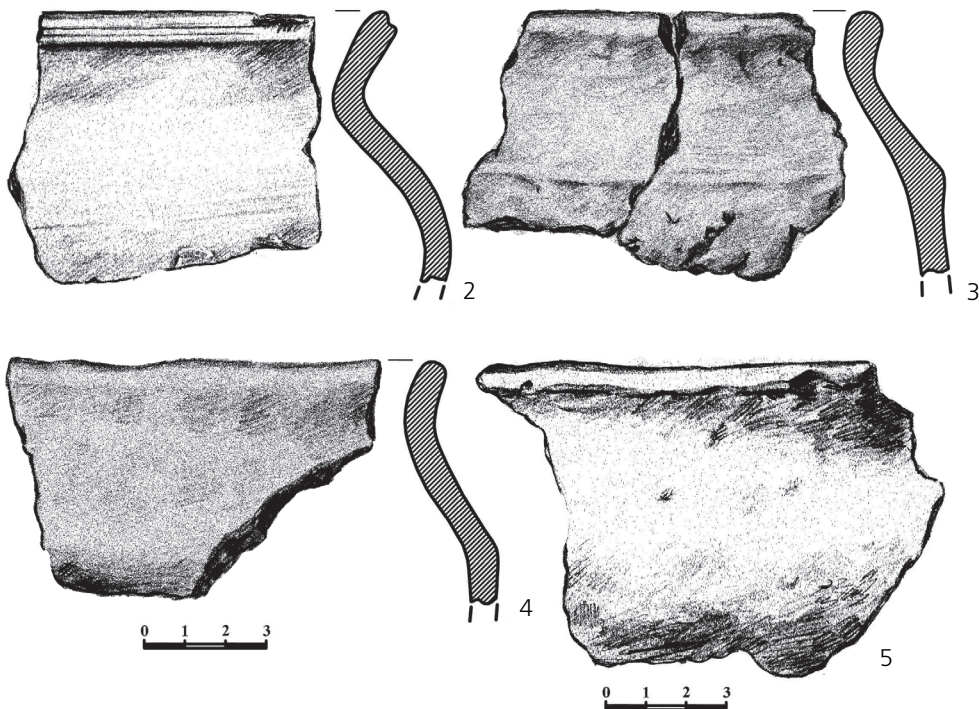
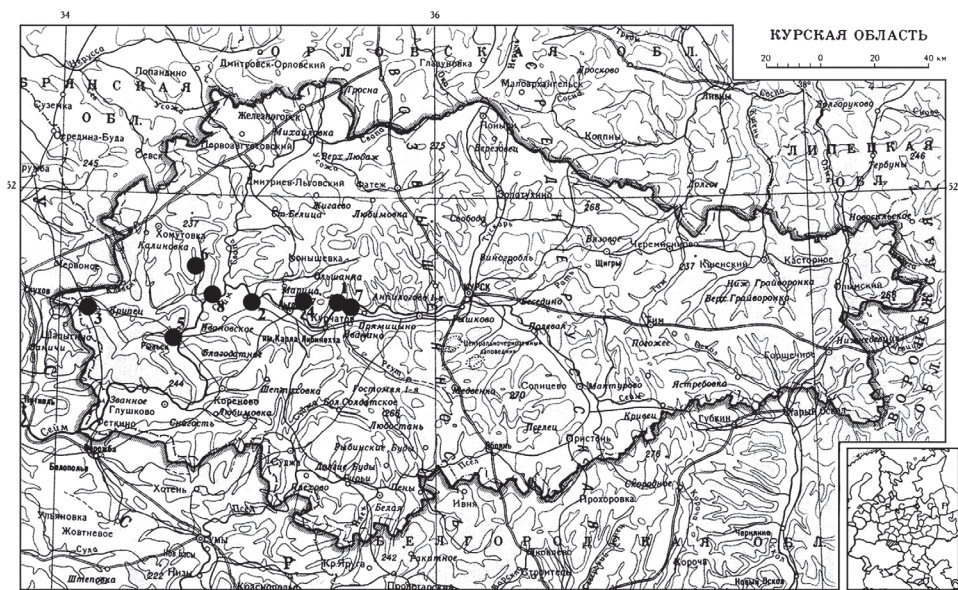

Рис. 1. Древнерусские памятники Курщины и находки с поселения Авдеево.

1 – карта обследованных И. И. Ляпушкиным памятников (1. Авдеево; 2. Банище; 3. Городище; 4. Городянский; 5. Рыльск; 6. Капустничи; 7. Осмолово; 8. Липино); 2–5 – керамика с поселения Авдеево

Fig. 1. The sights of Kiev Russ times of the Kursk region and finds from the Avdeevo settlement.

1 – map of I. I. Lyapushkin surveyed monuments (1. Avdeevo; 2. Banische; 3. Gorodishe; 4. Gorodyansk; 5. Rylysk; 6. Kapustnichi; 7. Osmolovo; 8. Lipino); 2–5 – pottery from Avdeevo settlement

(7 венчиков X—XI вв., 11 стенок) сосудов, лепной сковороды, а также кремневой пластинкой неопределенного времени (рис. 2: 2–9).

Поблизости от с. **Авдеево** Ленинского р-на (в 2 км от села) на правом коренном берегу р. Сейм по обе стороны от дороги Авдеево-Золотухино расположено неукрепленное поселение великокняжеского времени. Культурный слой памятника разрушается сельскохозяйственными работами. На поверхности собраны многочисленные фрагменты лепной и гончарной (древнерусской и черняховской) посуды, амфоры. На пашне зафиксированы следы разрушенной глинобитной печи размером $1,30 \times 0,75$ м. Под, вероятнее всего, был вымощен черепками лепных и гончарных сосудов [6, л. 37].

Коллекция находок с территории памятника состоит из 193 разновременных артефактов: 2 венчиков и 32 стенок гончарных сосудов, а также 179 лепных стенок и 1 донца (рис. 1: 2–5).

Особый интерес представляют материалы, собранные на городище и поселении вблизи с. **Городище** Бесединского р-на. Оно занимает мыс (высотой 12–15 м) правого коренного берега р. Рать (пр. приток р. Сейм). С северо-восточной, восточной и южной сторон памятник ограничен долиной реки, с юго-западной, западной и северо-западной — оврагами (рис. 3: 1). От плато мыс отрезан валом (высота — 8 м, ширина в основании — 20 м) и рвом. Площадка городища имеет природный наклон в южном направлении. На поверхности собраны фрагменты лепных (преобладают) и гончарных горшков, кости животных, печина и т. д.

С целью определения степени сохранности культурного слоя и стратиграфии памятника, в 15 м на запад от южного выступа мыса был заложен шурф размером 2×4 м. Культурный слой (аморфный, по мнению И. И. Ляпушкина) в виде чернозема, смешанного с золой и глиной, подстилала прослойка серой глины, еще ниже зафиксирован известняк. В заполнении были найдены фрагменты лепной керамики раннежелезного века и роменской культуры, кости животных, костяная рукоять ножа. Начиная с метровой глубины количество находок существенно сократилось.

С северо-запада и северо-востока к городищу примыкает поселение, окруженное валами (общей протяженностью 2–3 км). Площадь поселения постоянно распаивается. В непосредственной близости от городища собраны фрагменты лепных горшков роменской культуры и гончарной посуды великокняжеского, а также татарского времен. На север от городища количество находок гончарных изделий (поливные кувшины, горшки, ручки амфорок «киевского» типа) возрастает. В 30 м к северу от вала заложен шурф. Мощность культурного слоя в этом месте составляет 0,5 м [6, л. 40].

Всего за время разведки на памятнике собрано 210 разновременных артефактов. Подъемный материал с городища представлен фрагментами лепных горшков роменской культуры (2 венчика, 10 стенок), гончарной посуды X в. (1 венчик, 6 стенок), а также обломком плинфы толщиной 2,5–2,7 см. На юго-западном склоне найдены черепки лепных сосудов раннежелезного века (5 венчиков, 24 стенки), роменской культуры (2 венчика) и костяная рукоять ножа (рис. 3: 2–25).

На поселении обнаружены как фрагменты лепных горшков раннежелезного века (6 венчиков, 30 стенок), так и гончарных сосудов XII—XIII вв. (19 венчиков, 58 стенок, 1 донце). Среди прочих артефактов выделим обломок керамического тигля, 3 ушка амфорок «киевского» типа, черепки поливной посуды (ручки, верхняя часть кувшина (?)), точильный камень, плинфу (толщиной 3,0–3,2 см). Интересна также находка стенки медного котла (тип III согласно типологии М. А. Швецова). По мнению исследователей, такие изделия на землях Руси бытовали на протяжении VIII—XIII вв. [7, с. 197].

В с. **Городянк** Львовского р-на (слева от дороги на г. Льгов) обследовано укрепленное поселение. Городище (размером 80×40 м) занимает мыс коренного берега р. Сейм (высотой 25–30 м). С юга оно ограничено поймой реки, с юго-востока и юго-запада — оврагами, от плато отрезано подковообразным валом длиной 165 м и высотой 3–4 м (рис. 4: 1). Площадка городища имеет естественный наклон в южном

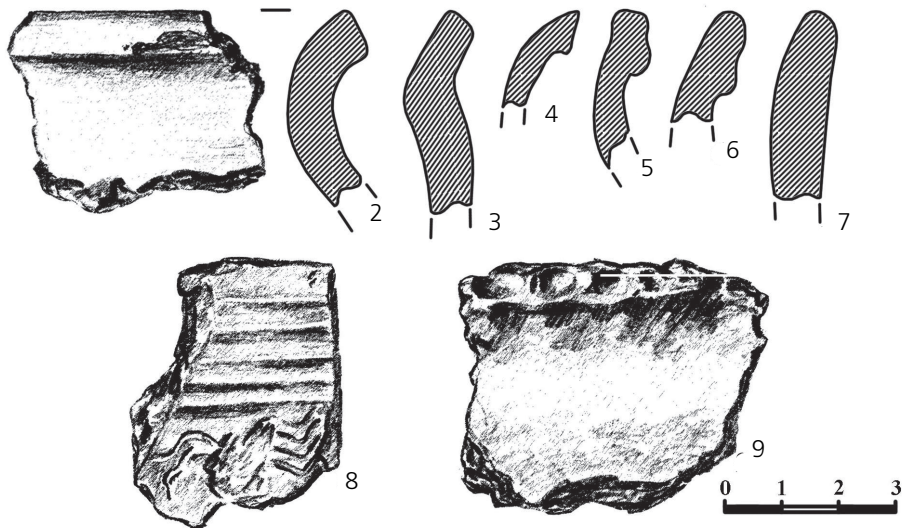
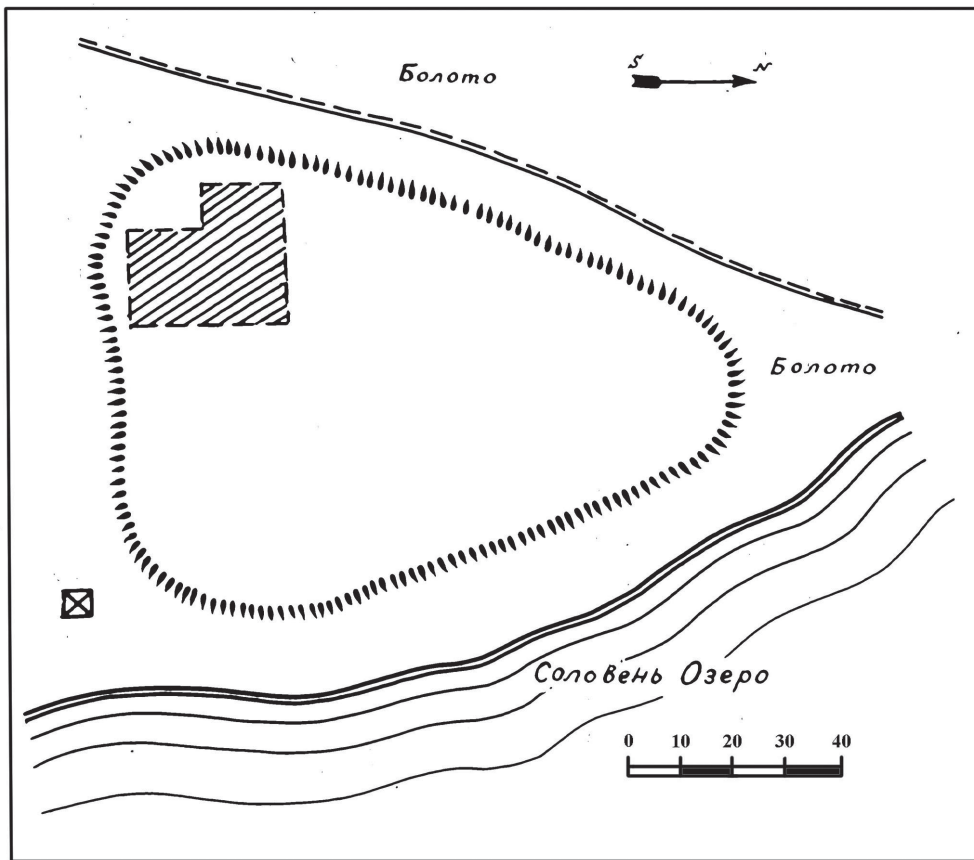

Рис. 2. План (1) и находки с городища Банище (2-9)
 Fig. 2. Plan (1) and findings from Banišče settlement (2-9)

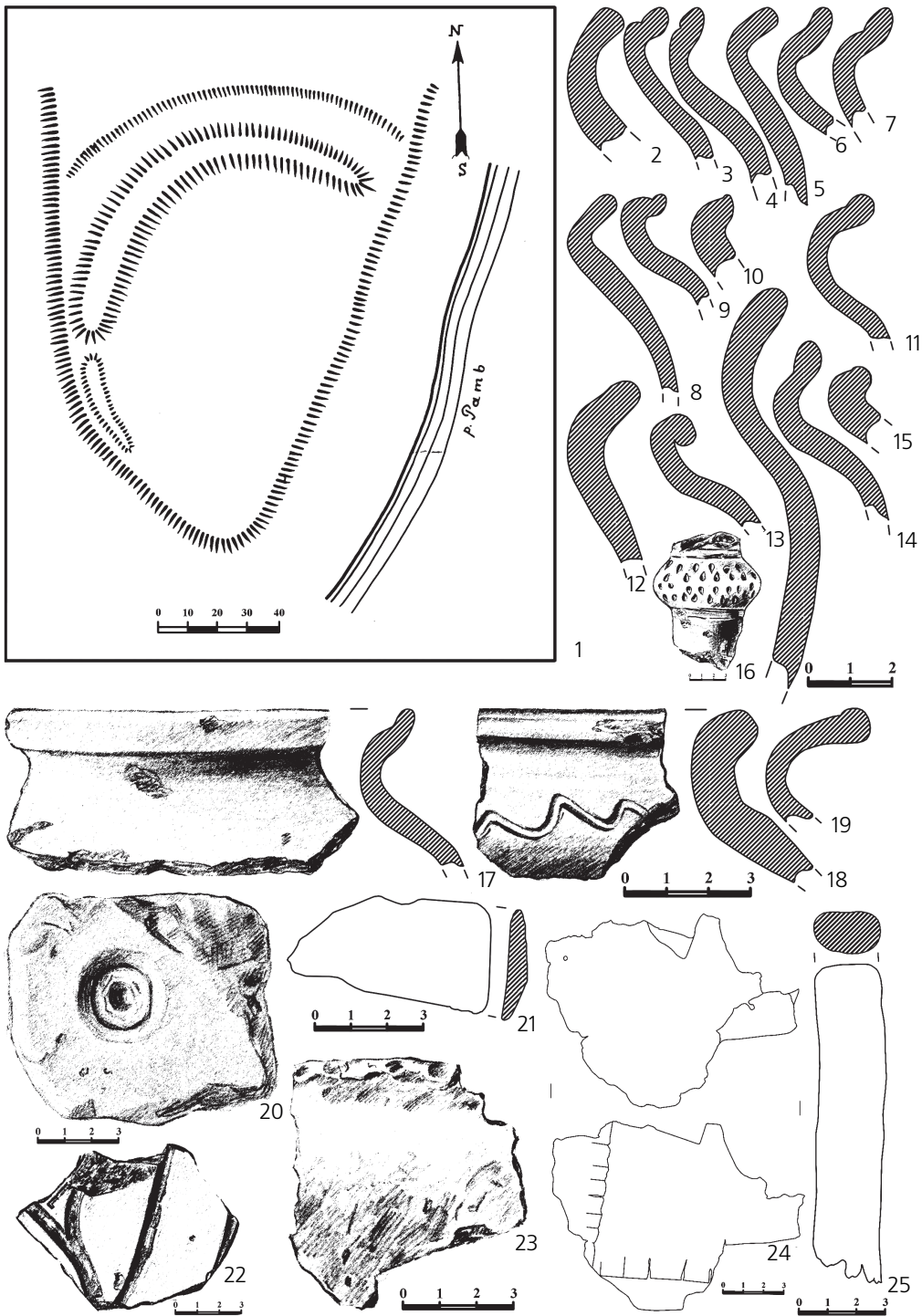

Рис. 3. План (1) и находки с городища и поселения у с. Городище (2–25)

Fig. 3. Plan (1) and findings from Gorodishe hillfort and settlement (2–25)

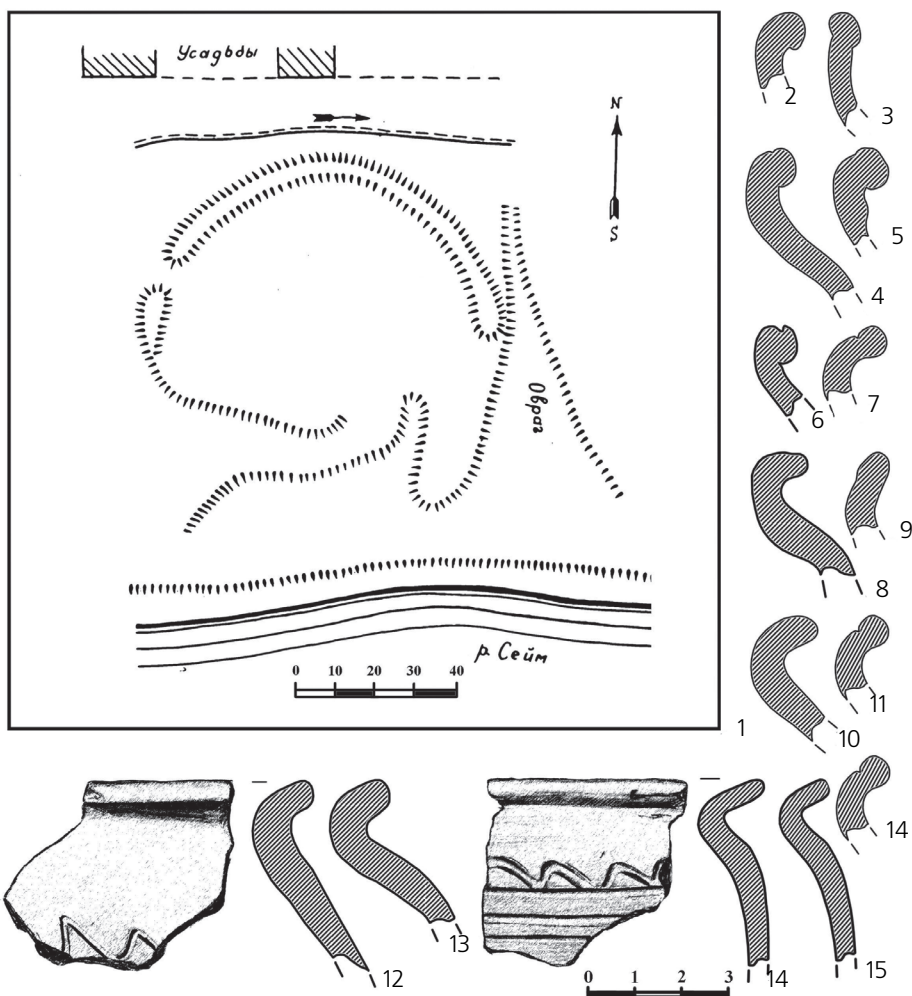

Рис. 4. План (1) и находки с городища близ с. Городьянск (2–16)
 Fig. 4. Plan (1) and findings from settlement near Gorodyansk village (2–16)

направлении. Подъемный материал состоит из фрагментов черепков великокняжеского времени. Синхронная керамика собрана на огородах, расположенных за пределами укреплений [6, л. 35].

Коллекция предметов из Городьянска насчитывает 76 артефактов (рис. 4: 2–16): 35 с городища (7 венчиков X–XI вв., 27 стенок гончарных сосудов) и 41 с поселения (12 венчиков X–XII вв., 27 стенок, фрагмент керамической крышки, металлургический шлак).

В г. Рыльск городище, размером 150 × 300 м, расположено на мысу коренного берега р. Сейм (высотой 50 м). Культурный слой (мощностью до 2,0–2,5 м) памятника разрушается вследствие оползней, хозяйственной деятельности (рис. 5: 1). Особый интерес представляют наблюдения за стратиграфией городища. Как отметил И. И. Ляпушкин, «древнейшие отложения в виде слоя золы с вкраплениями угля, глиняной обмазки, черепков посуды покоятся на черноземной почве. Выше этого слоя лежит прослойка желтой глины, затем слой чернозема, смешанный с культурными остатками» [6, л. 29]. За время разведки на площадке городища собраны фрагменты лепной посуды

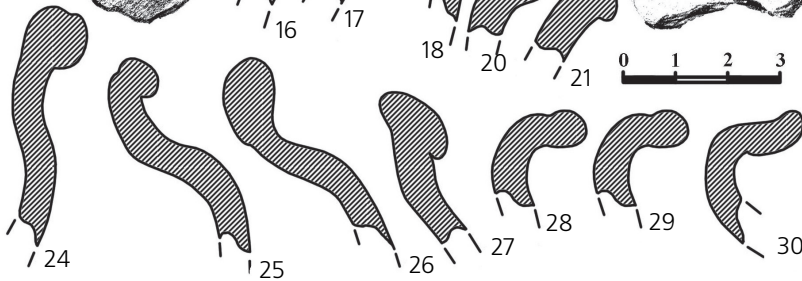
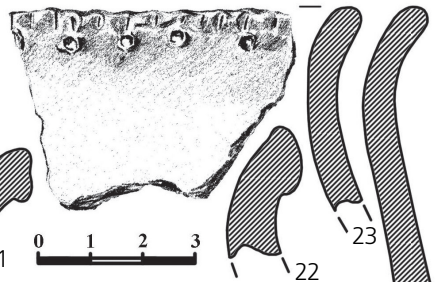
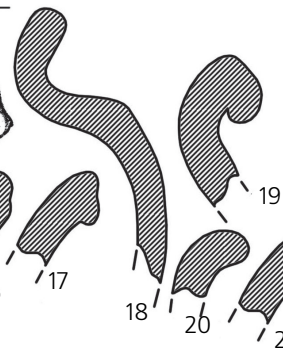
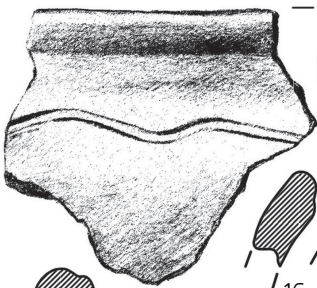
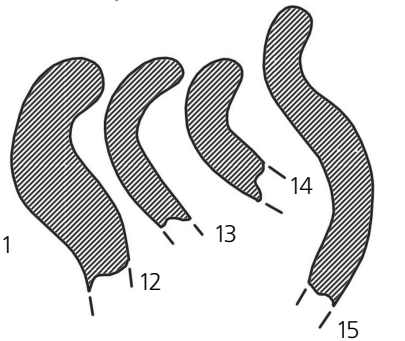
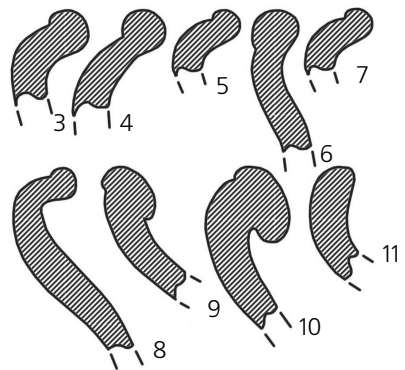
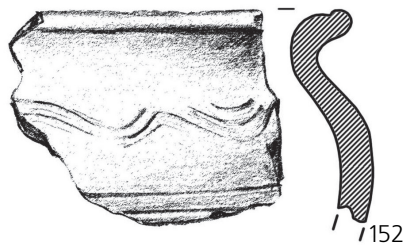
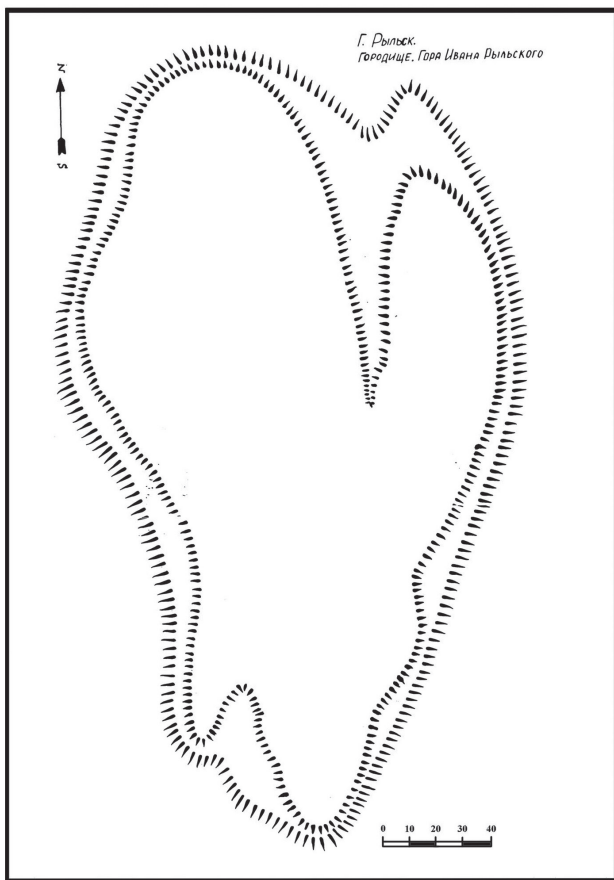

Рис. 5. План (1) и находки с городища в г. Рыльск (2–31)
 Fig. 5. Plan (1) and findings from Rylysk hillfort (2–31)

раннежелезного века (16 венчиков, 64 стенки, 1 донце), роменской культуры (2 венчика, 7 стенок, 1 донце), а также черепки гончарных горшков великокняжеской эпохи (20 венчиков и 18 стенок X—XIV вв.), глиняная обмазка стен, точильный камень (рис. 5: 2–31).

В 4-х км на север от центра г. **Рыльска** осмотрено городище (размером 150 × 60 м), которое занимает мыс (вытянутый с севера на юг, высотой 25–30 м) правого коренного берега р. Сейм (рис. 6: 1). С запада оно ограничено глубокой балкой, а с юга — рвом и валом (длина — 80 м, высота — 10 м). Площадка — ровная и имеет небольшой уклон в северном направлении. На поверхности собраны фрагменты керамики раннежелезного века, пряслица, костяные поделки, глиняная обмазка и т. д. [6, л. 30].

Коллекция находок с памятника насчитывает 63 артефакта, представленных обломками гончарной посуды X—XIII вв. (15 венчиков, 3 стенки, 4 донца), а также лепной — раннежелезного века (8 венчиков, 19 стенок), керамическим пряслицем, костяной проколкой (рис. 6: 2–19). Выделим находку верха гончарного горшка XIV—XV вв. (венчик массивный, валиковидной формы, с хорошо выраженной выемкой для крышки — канелурой) [8, с. 77; 9, с. 70, 71].

В с. **Капустничи** Рыльского р-на обследовано городище, расположенное на небольшом мысу правого коренного берега р. Сейм. Мыс (высотой 25–30 м) вытянут по линии восток–запад, параллельно долине реки (рис. 7: 1). С западной, южной и, частично, восточной сторон он ограничен долиной реки, с севера — неглубокой балкой, усиленной невысоким (1,5 м) валом. Городище овальной формы вытянуто по линии восток–запад на 110 м, по линии север–юг его длина составляет 50–60 м [6, л. 32]. Подъемный материал (рис. 7: 2–11) представлен фрагментами горшков роменской культуры (2 венчика, 16 стенок), а также великокняжеского времени (9 венчиков XII—XIII вв., 19 стенок гончарных сосудов).

В километре на юго-восток от с. **Липино** Ленинского р-на на мысу правого берега р. Сейм расположено городище древнерусского времени. От плато оно отрезано мощным валом (высотой 6–7 м, длиной 115 м) и глубоким рвом. Площадка городища овальной формы вытянута с севера на юг на 140 м, с запада на восток — 90 м. На склонах и в различных ямах собраны фрагменты лепной керамики роменской культуры, а также гончарной — великокняжеской. К северу от городища расположено синхронное поселение [6, л. 38].

Коллекция находок с памятника состоит из 77 артефактов (рис. 7: 12–18). Во время обследования городища собраны фрагменты как лепной (6 венчиков VIII—X вв., 26 стенок), так и гончарной (3 венчика XI—XIII вв., 5 стенок) посуды. Подобное соотношение наблюдается и при анализе находок с поселения: 17 черепков (2 венчика, 13 стенок и 2 донца) принадлежат гончарным сосудам XI—XIII вв., 20 — лепным горшкам роменской культуры (2 венчика, 17 стенок и 1 донце).

В полукилометре к северу от с. **Осмолово** Рыльского р-на осмотрено поселение, расположенное на мысу (высотой 1,5–2,5 м) правого берега р. Амонки в месте ее впадения в р. Сейм. Культурный слой мощностью 1,5 м содержал фрагменты лепных горшков VIII—X вв. (6 венчиков, 30 стенок, 3 донца), гончарной посуды великокняжеского времени (18 венчиков XII—XIII вв., 7 стенок, 2 донца, 1 крышка), обломок точильного камня и кремневой отщеп (рис. 8) [6, л. 31].

Как показали исследования, большинство городищ располагались на высоких мысах, образованных поворотом русла реки (Авдеево, Городище, Городянский, Капустничи, Липино, Рыльск) или в месте впадения в нее другой речки или ручья (Осмолово), а также на природном возвышении в пойме реки или болота (Банице).

Основная категория находок — фрагменты гончарной керамики (венчики, стенки, доньшки) X—XIII вв. Из других предметов, собранных за время разведки, отметим обломки керамических пряслиц, точильных камней, костяные изделия (проколки, рукоятки ножей), глиняную обмазку стен и т. д.

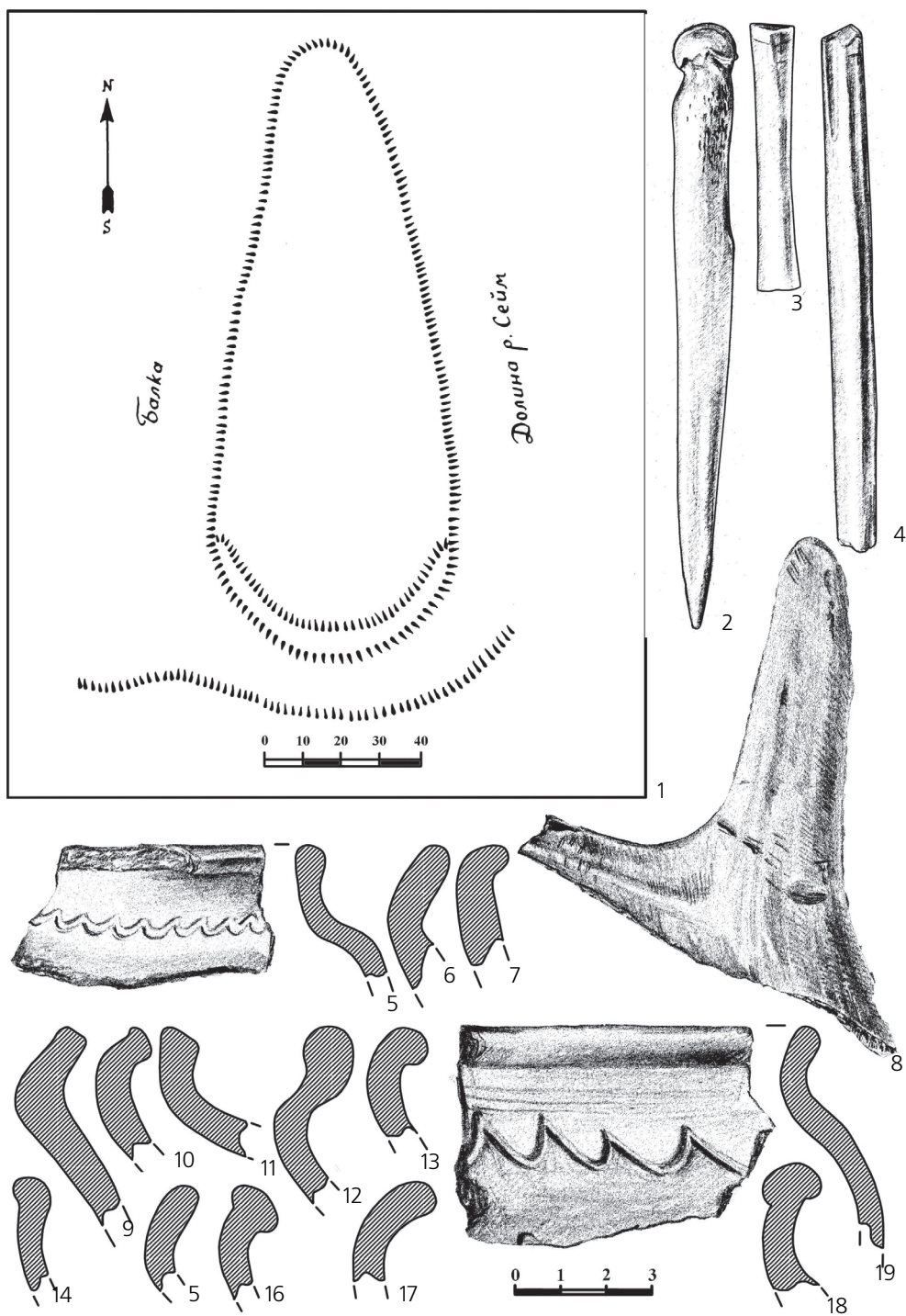
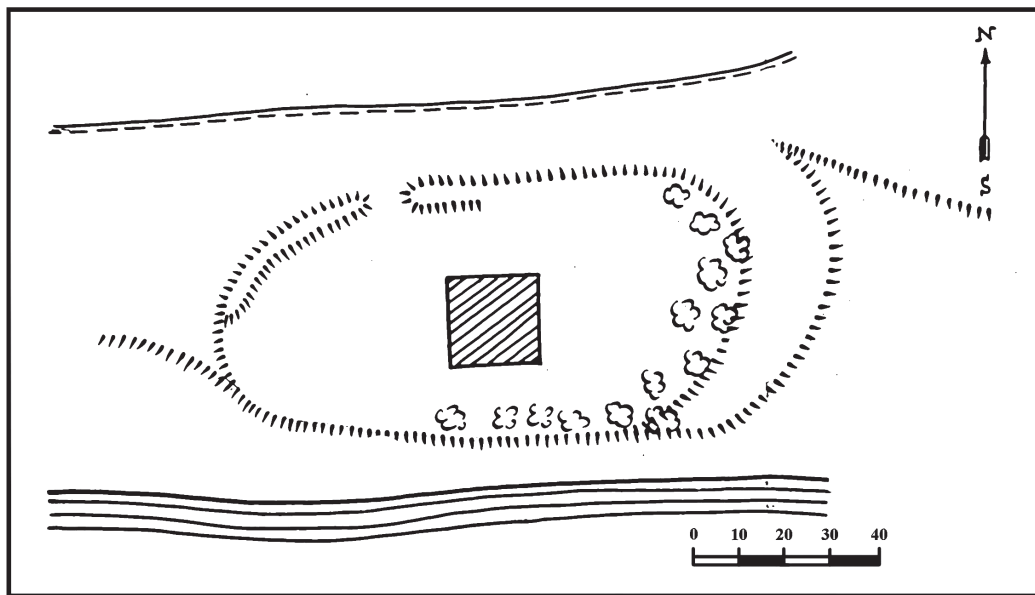

Рис. 6. План (1) и находки с городища, расположенного на север от г. Рыльск (2–19)

Fig. 6. Plan (1) and findings from settlement, located to the north from Rylysk (2–19)

1

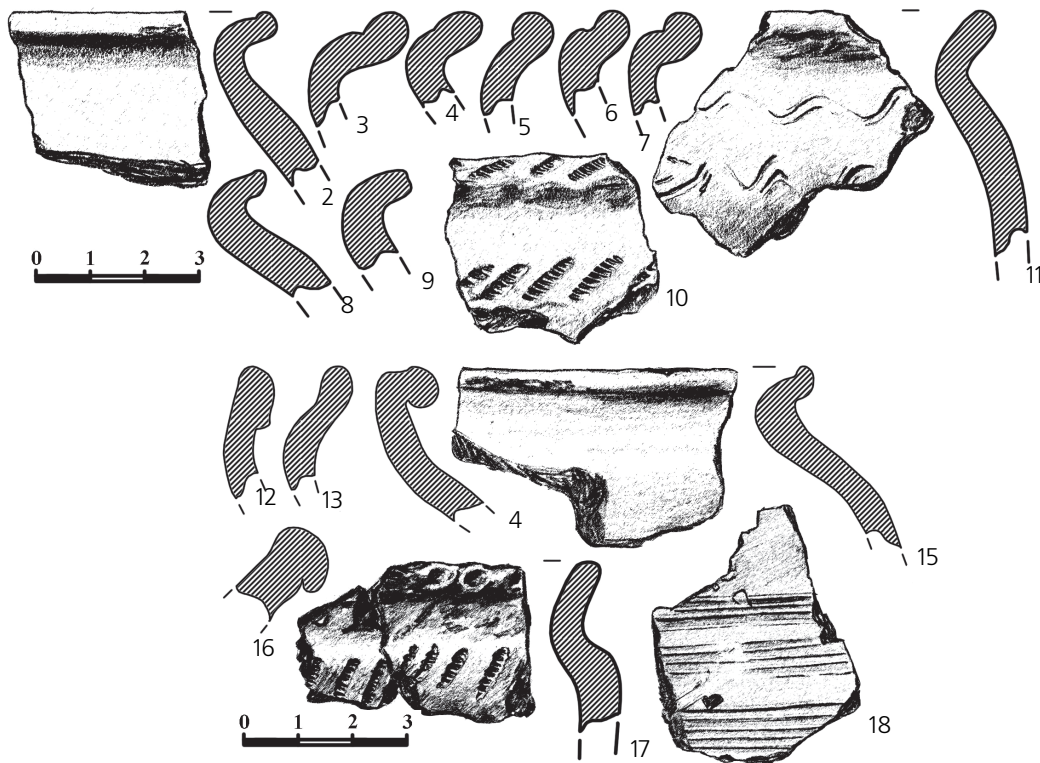

Рис. 7. План (1) и находки с городища в с. Капустничи (2–11), а также городища близ с. Липино (12–18)
 Fig. 7. Plan (1) and findings from Kapustnichi (2–11), Lipino settlements (12–18)

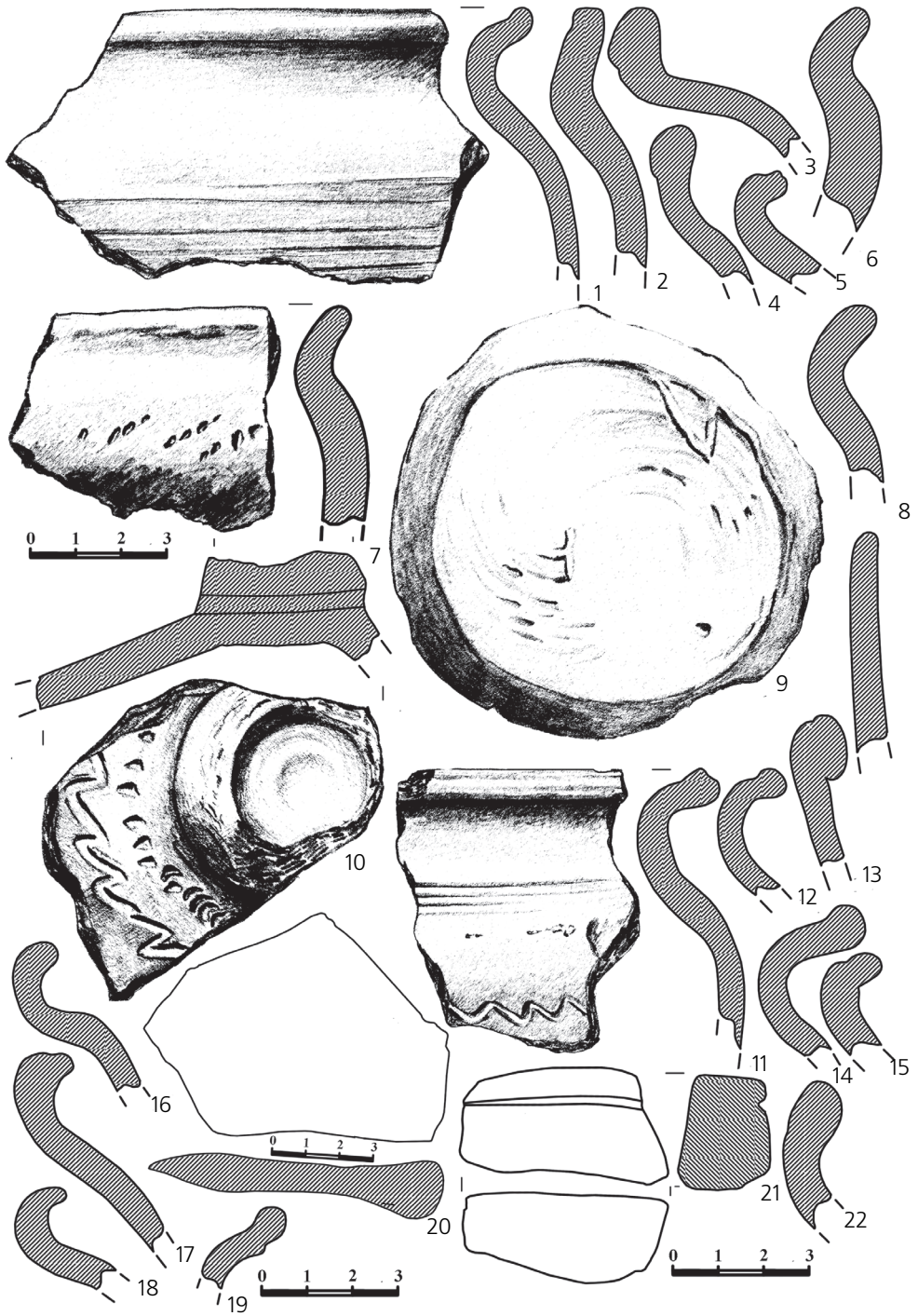

Рис. 8. Находки с поселения близ с. Осмолово
 Fig. 8. Findings from settlement near Osmolovo village

Что касается хронологии, то исследованные памятники условно можно разделить на три группы: к первой относятся поселения, возникшие на месте городищ и поселений раннежелезного века (Городище, Рыльск); ко второй — памятники с культурными слоями роменской культуры и X—XIII вв. (Банище, Капустничи, Липино, Осмолово); к третьей — поселения, которые возникли в X в. и существуют на протяжении XI—XIII вв. (Городянский, Рыльск-Северное). Особый интерес представляют городища, расположенные в Рыльске и его окрестностях, где кроме фрагментов древнерусской керамики, собраны верхние части сосудов послемонгольского времени (XIV—XV вв.).

Подводя итоги, отметим, что повторный анализ фондовых коллекций позволит не только ввести в научный оборот новые данные о памятниках Курщины древнерусского времени, уточнить их хронологию, но и изучить особенности развития региона на протяжении X—XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воеводский М. В.* Городища верхней Десны // КСИИМК. — 1949 — Вып. XXIV.
2. *Алихова А. Е.* К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. — 1959. — Вып. 77.
3. *Енуков В. В.* Курск и с Посемьем // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя: Матер. історико-археол. семінару, присвяч. 60-річчю від дня народження О. В. Шекуна. — Чернігів, 1995.
4. *Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф.* Раскопки славянских памятников на р. Псел // Археологические открытия 1971 г. — М., 1972.
5. *Кашкин А. В.* Разведки по Сейму, Пслу, Рати // Археологические открытия 1979 г. — М., 1980.
6. *Ляпушкин И. И.* Памятники эпохи железа Левобережной Украины (по материалам полевых изысканий 1947 г.) / И. И. Ляпушкин // Науковий Архів ІА НАНУ — 1947/29.
7. *Швецов М. А.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. — 1980. — № 2.
8. *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. (по материалам археологических исследований) — К., 1982.
9. *Оногда О. В.* До питання про своєрідну групу кераміки післямонгольського часу // Магістеріум. Археологічні студії. — К., 2007. — Вип. 27.

Резюме

Капустин К. М. Давньоруські пам'ятки Курщини (за матеріалами розвідок І. І. Ляпушкіна 1947 р.)

В статті проаналізовано знахідки давньоруського часу із пам'яток, обстежених І. І. Ляпушкіним у 1947 р. Як показали дослідження, більшість поселень розташовувались на високих мисах, утворених поворотом русла річки (Авдієво, Городище, Капустничи, Липіно, Рильськ) або у місці впадіння у неї іншої річки або ручая (Осмолово), а також на природному підвищенні у заплаві річки або болота (Банище). Основна категорія знахідок — фрагменти гончарного посуду (вінця, стінки, денця) X—XIII ст. У ході робіт фіксували також фрагменти керамічних пряслиць, оселків, кістяні вироби (проколки, руків'я ножів), глиняну обмазку стін тощо. Хронологічно пам'ятки поділяються на три групи: до першої належать поселення, які виникають на місцях городищ та поселень ранньозалізного часу; до другої — пам'ятки із нашаруваннями роменської культури та X—XIII ст.; до третьої — поселення, які виникають

у X ст. та існують впродовж XI—XIII ст. Окремо відзначимо городища, розташовані у м. Рильськ та його околицях, де окрім матеріалів XII—XIII ст., виявлено фрагменти кераміки післямонгольського часу (XIV—XIV ст.).

Ключові слова: Дніпровське Лівобережжя, городища, неукріплені поселення, X—XIII ст.

Резюме

Капустин К. Н. Древнерусские памятники Курщины (по материалам разведок И. И. Ляпушкина 1947 г.)

В статье проанализированы находки древнерусского времени с памятников, обследованных И. И. Ляпушкиным в 1947 г. Как показали исследования, большинство поселений располагались на высоких мысах, образованных поворотом русла реки (Авдеево, Городище, Капустничи, Липино, Рильск) или в месте впадения в нее другой речки или ручья (Осмолово), а также на природных возвышениях в пойме реки или болота (Банище). Основная категория находок — фрагменты гончарной посуды (венчики, стенки, донца) X—XIII вв. В ходе работ фиксировали также фрагменты керамических пряслиц, оселки, костяные изделия (проколки, рукоятки ножей), глиняную обмазку стен и т. д. Хронологически памятники делятся на три группы: к первой относятся поселения, возникшие на месте городищ и поселений раннежелезного времени; ко второй — памятники с наслоениями роменской культуры и X—XIII вв.; к третьей — поселения, возникающие в X в. и существующие на протяжении XI—XIII вв. Отдельно отметим городища, расположенные в г. Рильск и его окрестностях, на них кроме материалов XII—XIII вв., обнаружены фрагменты керамики послемонгольского времени (XIV—XIV вв.).

Ключевые слова: Днепровское Левобережье, городища, неукрепленные поселения, X—XIII вв.

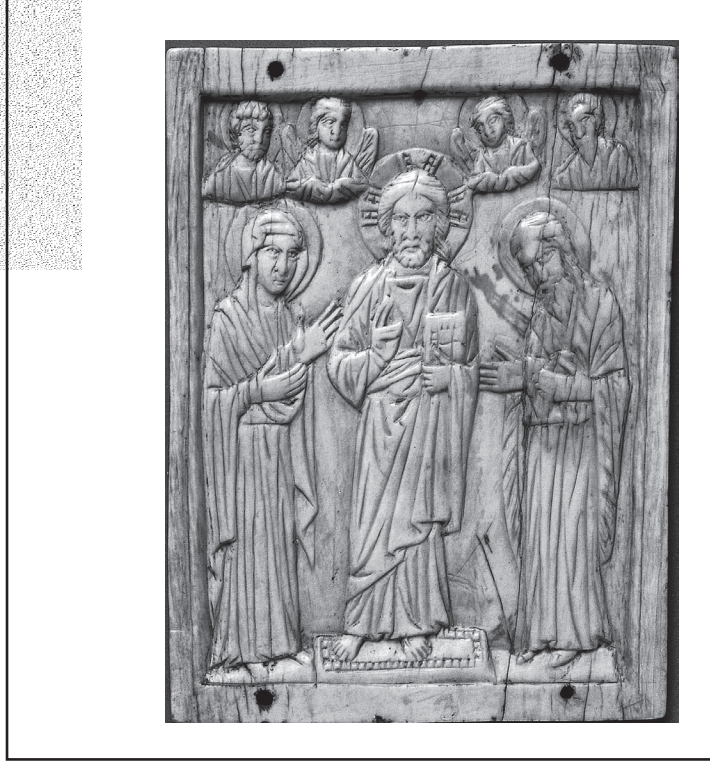
Summary

K. Kapustin. The Sights of Kiev Russ Times of the Kursk Region (Based on Archaeological Exploration of I. I. Lyapushkin in 1947)

In the article the findings of Kiev Russ time, surveyed by I. I. Lyapushkin in 1947, were analyzed. As research has shown, the majority of settlements were located on high headlands, formed by turning of the river (Avdeevo, Gorodishe, Kapustnichy, Lipino, Rilsk) or confluence with another river or her surety (Osmolovo) and natural increase in the floodplain or marsh (Banysche). The main category of finds — pottery fragments (crown, walls, bottoms) X—XIII. The other findings are: fragments of ceramic spindles, sharpening stones, bone products (awls, knife handles), clay daubing etc. Chronologically settlements are divided into three groups: the first one includes settlements arising on hillforts and settlements of Iron Age; the second one includes monuments with layers of Romenska culture and X—XIII century; the third group includes settlements with materials of X—XIII centuries. We also mention that, on the hilforts, located in Rilsk and nearest county, the materials of the XII—XIII centuries and the XIV—XIV centuries were founded.

Key words: Dnieper left bank, hillfort, settlement, X—XIII.

История науки

С. И. Лиман

Империя Карла Великого в курсах лекций и исследованиях медиевистов украинских земель Российской империи (XIX — начало XX вв.)

2014 г. исполняется 1200 лет со дня смерти франкского императора Карла Великого. Созданная им империя была одним из крупнейших геополитических образований Средневековья. Эта империя ненадолго пережила своего создателя. По мнению авторитетного исследователя той эпохи А. П. Левандовского эта «Империя породила Европу» [1, с. 174]. При всей дискуссионности данного утверждения, сам опыт создания и существования Каролингской империи и личность Карла Великого обречены на самое пристальное внимание исследователей.

Истоки этого интереса в отечественной историографии прослеживаются уже в публикациях и курсах лекций ученых Российской империи. Среди них заметное место традиционно занимали ученые высших учебных заведений ее украинских земель — Харькова, Киева, Нежина, Одессы.

Проблема изучения в высших учебных заведениях украинских земель Российской империи истории правления Карла Великого и созданной им державы еще не стала предметом специального научного исследования. В историографии затрагивались лишь некоторые аспекты указанной тематики в контексте изучения медиевистики в Украине [2, с. 177–178; 3, с. 262–263]. Отдельные обращения в рамках данной темы осуществлялись также в связи с изучением творчества А. С. Вязигина, автора монографии «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого», оценки которой в советской и постсоветской науке существенно отличаются друг от друга [4, с. 127; 5, т. 3, с. 443–444]. Кроме того, в статье Н. Г. Подалаяк, посвященной творчеству Ф. Я. Фортинского, упоминалась его вступительная лекция в Университете Св. Владимира «Причины распада монархии Карла Великого» [6, с. 55]. Степень изученности указанной проблемы в историографии ставит перед нами задачу — на основе всех имеющихся опубликованных и рукописных источников представить анализ изучения истории империи Карла Великого в учебных курсах и исследованиях ученых украинских земель Российской империи в XIX — в начале XX вв.

История образования и распада империи Карла Великого вызывала традиционный интерес европейских исследователей. Об этом свидетельствует уже само название известнейшего труда Вольтера «Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII» [см.: 7], ставшего, пожалуй, первой всемирной историей. Под влиянием историков Просвещения находились и первые ученые Харьковского университета, открытого по университетскому Уставу 1804 г. С него и началась эпоха университетской науки в украинских землях Российской империи.

Среди первых ученых Харьковского университета преобладали иностранцы, главным образом немцы и французы, получившие образование и научные степени в европейских университетах. Эти первые ученые не подготовили трудов, специально

посвященных истории Франкского государства и правления Карла Великого, однако касались отдельных аспектов указанной проблемы в своих актовых речах. Эти актовые речи в первой трети XIX в. стали основной формой научной апробации исследователей Харьковского университета.

Первой из таких работ стала актовая речь профессора кафедры классической филологии Х. В. Роммеля «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811). Находясь под влиянием историографии Просвещения, ученый противопоставлял образование и науку «варварским средним векам» [8, с. 49]. Первые попытки борьбы с этим невежеством Х. В. Роммель относил к эпохе «каролингского возрождения»: «Карл Великий, когда возжелал просветить народ свой, в варварские средних веков невежество погруженный, то призвал к себе в то время знаменитого ученостью мужа Алкуина, родом англа, для наставления его в свободных науках» [8, с. 49].

Во многом схожие подходы демонстрировал и современник Х. В. Роммеля, профессор кафедры всеобщей истории, географии и статистики А. А. Дегуров (Антуан дю Гур) в актовой речи «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812). В изображении А. А. Дегурова эпоха средневековья была неразрывно связана со зрелищами «опустошения и ужаса, от коих тогда стенала Европа» [9, с. 40]. Виною всему ученый считал недостаток науки и просвещения. Средневековые историк называл временем, которое не могло предьявить спрос на науки. Говоря о причинах неудачи, постигшей Карла Великого при попытке восстановить «вкус к наукам», А. А. Дегуров отмечал, что «век его не мог соответствовать его духу» [9, с. 41], хотя источники содержат сведения о грандиозных успехах Карла в политической, законодательной, религиозной сферах [10, I, 15, с. 136; 11, VII, с. 185].

Попытки Карла Великого посеять семена просвещения отражены и в изданных в Харькове писательницей Л. Кричевской «Исторических анекдотах и избранных изречениях известных людей» (1826). Один из 229 рассказов, включенных Л. Кричевской в данное издание, носит название «Карл Великий и Алкуин» [12, с. 8]. Однако это издание носило популярный характер и научного значения не имело.

Если в актовых речах Х. В. Роммеля и А. А. Дегурова, а также в издании Л. Кричевской затрагивалась деятельность Карла Великого на ниве просвещения и наук, то в работах профессора кафедры римского права К. П. Пауловича и адъюнкта кафедры российского публичного права и судопроизводства Г. С. Гордеенкова упоминалось о значении законодательной деятельности франкского императора. В своем «Конспекте, или кратком обозрении дипломатики вообще» (1829) К. П. Паулович доказывал, что постоянное употребление монограммы на дипломах идет от Карла Великого, «который, не умея писать, вместо собственной подписи ввел монограммы» [13, с. 48] и при этом он, «кажется, был первый из государей, который с 800 г. в дипломах, хотя изредка, употреблял христианское летоисчисление» [13, с. 90]. В свою очередь Г. С. Гордеенков в актовой речи «О законодательном достоинстве свода Законов Российской империи» (1835) дал исключительно высокую оценку самой законодательной деятельности франкского государя. «Истинно великие правители народов были всегда законодатели», — подчеркивал ученый и в числе таких правителей средневековья называл Карла Великого [14, с. 2]. Тем самым Г. С. Гордеенко заслуженно выделил роль Карла Великого как законодателя. Известно, что при Карле значительно усилилась законодательная деятельность государства [см.: 1, с. 109–110].

С середины 30-х гг. XIX в. в украинских землях Российской империи постепенно расширяется сеть высших учебных заведений. В 1834 г. был открыт университет Св. Владимира в Киеве, в 1865 г. — Новороссийский университет в Одессе, в 1875 г. — Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. В этих светских учебных заведениях эпоха Карла Великого, в соответствии с программами, рассматривалась в рамках общего курса истории средних веков, а в Киевской духовной академии — в рамках курса общей (всеобщей) гражданской истории.

Правление Карла Великого признавалось медиевистами Украины эпохальной вехой средневековой истории. В своей магистерской диссертации «О способе преподавания истории» (1833) известный харьковский ученый, впоследствии — ректор Университета Св. Владимира В. Ф. Цых прямо указывал на то, что «век Карла Великого» является одним из главных «элементов» истории средневековья [15, с. 111]. В соответствии с этим правлением и учетом его результатов учеными часто строилась периодизация истории средних веков и делился общий лекционный курс. Об этом свидетельствуют ежегодно публикуемые «Обозрения преподавания предметов» в различных высших учебных заведениях, многочисленные отчеты, протоколы заседаний советов, рукописи программ.

Так, например, киевский медиевист В. А. Бильбасов в особый период выделял «среднюю историю до разрушения Карловой монархии» [16, с. 1] и «Историю императорской власти с IX века» [17, с. 1]. Его преемник Ф. Я. Фортинский в своем общем курсе истории средних веков начинал с Карла Великого ее новый период [2, с. 224; 18, с. 271; 19, с. 82; 20, с. 380]. Подобно В. А. Бильбасову и Ф. Я. Фортинскому поступали харьковские историки В. К. Надлер и В. П. Бузескул [2, с. 235; 21, с. 3; 22, с. 3; 23, с. 3], профессора Нежинского историко-филологического института В. К. Пискорский и Ф. В. Режабек [2, с. 251], профессор Новороссийского университета Ф. И. Успенский [24, л. 22], профессор Киевской духовной академии Ю. Д. Подгурский [25, л. 43 (об.); 26, л. 84 (об.)] и лектор той же академии А. Розов [27, л. 58–60]. Нежинский ученый Г. Э. Зенгер выделял в своей периодизации истории средних веков «Времена Каролингов и Аббасидов (711–888 гг.)» [28, с. 15]. Его коллега по Историко-филологическому институту П. И. Люперсольский в одном случае выделял период средневековья от падения Западной Римской империи до образования Империи Карла Великого [29, с. 9], в другом случае структурно вычленил в истории «новоевропейских народов» отдельную позицию «б) Франкская монархия», расположенную вслед за позицией «а) Эпоха Великого переселения народов и образования новоевропейских государств» [30, с. 15].

Укажем в связи с этим и на периодизацию, предложенную авторами изданных в Украине учебников по истории средних веков. Так, в периодизации профессора Университета Св. Владимира В. Я. Шульгина два первых периода средневековья включали в себя: 1) 476–800 гг. (от падения Западной Римской империи до «возобновления ее Карлом Великим»); 2) 800–1095 гг. (от Карла Великого до крестовых походов) [31, с. 4–5]. В свою очередь киевский ученый Ю. Функе первый период истории средних веков обозначил следующим образом: «от эпохи великого переселения народов до образования русского государства и распада монархии Карла В. (от половины V в. до второй половины IX в.)» [32, с. 2].

Подобные варианты периодизации являлись адекватным отражением тенденций в общероссийской медиевистике. Так, например, известный медиевист Н. И. Кареев в своем «Введении в курс истории средних веков» отмечал: «Только после Карла Великого и его ближайших преемников (IX век), мы видим в полном блеске две наиболее характерные основы средневекового быта — католицизм... и феодализм» [33, с. 5]. В свою очередь С. В. Ешевский считал, что завершение формирования феодализма завершается в правление Карла Великого [см.: 5, т. 1, с. 471].

Рассмотрим теперь содержание сохранившихся курсов лекций и разделов учебной литературы, посвященных истории империи Карла Великого.

В самых ранних из сохранившихся лекций — в лекциях харьковского профессора 30–40-х гг. XIX в. М. М. Лунина — истории Карла Великого и его империи посвящены параграфы 38–43. Хотя ученый и признавал, что «жажда к завоеваниям образует главную черту в характере Карла Великого», наряду с этим, по мысли М. М. Лунина, Карл стремился «хотя и совершенно в духе своего времени, насильственными мерами» обратить завоеванные народы в христианство, «укротить их нравы, водворить между ними порядок и законы и положить основание к дальнейшему их образованию» [34, тетр. 31, л. 7]. Тем самым, в русле западной историографической традиции, М. М. Луни-

стремился указать прежде всего на конфессиональный вектор политической деятельности Карла. Это видно и из очередности приведенного М. М. Луниным перечня приоритетов франкского императора: «Религия, законы и цивилизация служили для Карла главнейшим оружием для образования Запада, для соединения противоположных разнородных элементов» [34, тетр. 31, л. 8]. М. М. Луниин дал весьма подробную характеристику военной, административной, законодательной деятельности Карла Великого, осветил особенности социальной структуры общества, указал на то, что «ленный институт» «так быстро начал развиваться в течение периода Каролингов» [34, тетр. 34, л. 8]. Однако вопрос о причинах распада империи М. М. Луниин, по сути, оставил открытым, поскольку сводил этот распад главным образом к субъективному фактору — борьбе внуков Карла Великого с Людовиком Благочестивым и друг с другом [34, тетр. 36, л. 1 и др.]. Такой подход во многом объясним содержанием нарративных источников. Многие средневековые авторы считали причиной распада Империи борьбу сыновей и внуков Карла Великого друг с другом [см. напр.: 35, I, 12, с. 43].

Наиболее критическую оценку правлению Карла Великого в своих лекциях дал профессор Харьковского университета В. К. Надлер. Громкую славу императора он склонен был объяснять в первую очередь «обилием источников, связанных с его временем» [36, с. 259]. «Каролингская империя, — указывал ученый, — была естественным продолжением предшествовавшей ей монархии меровингской... Единственное различие между прежними и новыми порядками заключается в тех христианских идеях, которые лежали в основании монархии Карла Великого» [36, с. 290–291]. Не только новая система образования, но и «все мероприятия Карла отличаются характером чисто церковным» [36, с. 304]. Отметим, что авторы лучших в то время обобщающих изданий по всемирной истории немецкие ученые Ф. Шлоссер и Г. Вебер, расходясь друг с другом в некоторых, почти целиком положительных, оценках деятельности Карла Великого, тем не менее одинаково считали, что его усилиями на германскую почву была пересажена «иностранная цивилизация» (Ф. Шлоссер) или «цивилизация древнего мира» (Г. Вебер) [37, с. 329; 38, с. 448].

Деятельность Карла Великого и история созданной им империи занимали одно из центральных мест в учебных пособиях. Первым таким пособием, изданным в украинских землях Российской империи, стал учебник профессора Университета Св. Владимира В. Я. Шульгина «Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов и воспитанников гимназий. Средние века» (1858). Этот учебник выдержал во второй половине XIX в. восемь изданий и, по авторитетному мнению В. П. Бузескула, использовался университетскими студентами [39, ч. 1, с. 97].

Царствование Карла Великого, по мнению В. Я. Шульгина, «есть важнейший период в средневековой истории» [31, с. 45]. Франкский император не только соединил в одно государство почти всю Западную Европу, но и «скрепил его общими учреждениями и законами и впервые возобновил угасшее просвещение на западе» [31, с. 45]. В. Я. Шульгин показал, прежде всего, нововведения Карла в административном устройстве нового государства и попытки поднять уровень образованности его подданных [31, с. 51–53]. Но хотя франкский император был назван «обновителем духовной и гражданской жизни в западной Европе», В. Я. Шульгин целиком признавал закономерность распада империи [31, с. 45, 57]. Среди причин распада киевский ученый называл этническую пестроту, «слабость преемников», нападения норманнов. Отдельным пунктом фигурировала весьма расплывчатая формулировка о том, что устройство государства «состояло из смеси древних римских понятий и новых германских» [31, с. 57]. Перечень этих причин с точки зрения современной медиевистики следует считать неполным.

Противоречивость устройства империи Карла Великого особенно отмечалась в по-смертно изданных «Лекциях» харьковского профессора М. Н. Петрова, которые, по сути, стали первым общероссийским университетским учебником по истории средних веков.

И
С
Т
О
Р
И
Я

Ученый придавал большое значение тезису о борьбе в государстве Каролингов романских и германских начал [40, с. 22, 25]. «Полновластие» Карла, по мнению М. Н. Петрова, «находило на каждом шагу ограничения», в том числе «в свободных обычаях германской старины», в связи с чем, король франков задумал переломить ситуацию путем распространения «однообразного римско-христианского образования» и «восстановлением сана и титула западного римского императора» [40, с. 25]. «Но, так как материалом для этого величественного здания служили древне-германские (так в тексте — С. А.) учреждения, по натуре своей сильно противоположные таким идеям, то из подобной комбинации несовместимых факторов и не могло выйти ничего прочного» [40, с. 27]. В связи с этим М. Н. Петров считал закономерным распад империи, в которой после смерти Карла «племенные и местные интересы стольких земель и народностей, собранных им воедино, опять стали предъявлять свои права на самобытность» [40, с. 27].

Первой опубликованной в Украине работой, целиком посвященной Каролингской империи, стала пробная лекция «Причины распада монархии Карла Великого» (1872) ведущего медиевиста Университета Св. Владимира последней трети XIX — начала XX вв. Ф. Я. Фортинского. Она базировалась не только на работах известных французских и немецких авторов (О. Тьерри, Ф. Гизо, В. Гизебрехта), но и на данных фундаментального сборника источников «Monumenta Germaniae Historica». Эти данные позволили Ф. Я. Фортинскому считать, что «истинную причину разложения империи Карла Великого остается еще искать... внутри ее самой, в ее учреждениях» [41, с. 2]. Таким образом, киевский исследователь выделял закономерный характер ее падения, а анализ социальной, административной политики и поземельных отношений позволил ему убедительно доказать свою мысль. «Ни сосредоточение власти племенных королей и герцогов в руках императора, ни однообразие администрации и распространение франкских порядков на все государство, ни тесный союз с церковью не были столь крепкими основаниями, чтобы монархия Карла Великого могла прочно держаться на них, несмотря на то, кто бы не сидел на престоле», — указывал Ф. Я. Фортинский [41, с. 16]. Среди целого комплекса причин падения империи (стремление графов сделать бенефиции наследственными, национальная рознь, новая политика Церкви, и т. д.), Ф. Я. Фортинский особенно выделял стремление Церкви вернуть себе ранее секуляризованные светской властью земли. И хотя с точки зрения современной науки эта причина не может считаться главной, ее как основную причину распада империи Карла Великого будет называть 20 лет спустя даже такой крупный немецкий ученый, как К. Лампрехт [42, с. 326]. В современной немецкой науке значимость конфессионального аспекта в истории Каролингской империи подчеркивает, к примеру, Д. Хегерманн, который доказывает, что ключевой особенностью новой империи стало распространение Карлом Великим христианства и создание церковной организации [43, S. 440].

К анализу различных аспектов истории Каролингской империи обращались во второй половине XIX — в начале XX вв. в своих лекциях и ученые юридических факультетов. Так, профессор Харьковского университета А. Н. Стоянов в курсе лекций «История важнейших западных законодательств» рассматривал государственный строй и законодательство Каролингов. «Империя Карла Великого, — указывал он, — возникла как самобытный плод Германо-романской культуры при особых обстоятельствах, а потому-то получили тогда же индивидуальный своеобразный характер все учреждения законодательства эпохи Карла Великого» [44, с. 151–152]. А. Н. Стоянов подверг обоснованной критике Н. Д. Фюстеля де Куланжа за его попытки назвать систему администрации эпохи Меровингов и Каролингов «римской», которая была механически сохранена франками [44, с. 158]. По справедливому мнению харьковского ученого, «...Законодательство Меровингов и Каролингов не сберегло в чистоте и не дало дальнейшего развития задержавшейся системе римских учреждений» [44, с. 166].

Учебный процесс в высших учебных заведениях Российской империи предполагал написание студентами медальных и кандидатских (выпускных) сочинений.

К сожалению, сохранились названия лишь некоторых из них. Так, например, в 70-е гг. XIX в. студенты Харьковского университета Б. Яшиш и Н. Дикарев подготовили сочинения: «Франко-саксонские войны при Карле Великом» и «Карл Великий» [45, с. 125]. Студент Киевской духовной академии Н. Знаменский написал в 1881 г. внушительное (597 с.) сочинение «Устройство католической церкви при Каролингах». Это сочинение сохранилось в фондах Института рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского [46]. Что же касается изучения студентами источников эпохи Карла Великого на практических занятиях, то подобные изучения, в отличие от изучения источников эпохи Меровингов, носили весьма редкий характер. Документально установленными являются проведенные в 1905/1906 и 1906/1907 учебных годах профессором Университета Св. Владимира Н. М. Бубновым практические занятия «Разбор сочинений Фредегария (так в тексте — С. А.) и «Жизни Карла Великого» Эйнгарда» [2, с. 228].

В Украине самым крупным исследованием, посвященным истории Каролингский империи, стала монография профессора кафедры всеобщей истории Харьковского университета А. С. Вязигина «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого» (1912). Известный специалист в области истории борьбы за инвеституру, автор магистерской диссертации «Очерки из истории папства в XI в.», А. С. Вязигин готовил обширное исследование «Идейная и экономическая подготовка церковно-общественных преобразований XI в.». Однако бурная политическая и редакторская деятельность (он был издателем монархического журнала «Мирный труд» и одним из руководителей фракции правых в III Государственной думе) не позволили осуществить этот замысел в полном объеме. А. С. Вязигину удалось опубликовать лишь несколько вводных очерков, объединенных впоследствии в монографию «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого».

В своей работе автор пытался исследовать как сами идеи «Божьего царства», так и теократические идеалы франкского императора. Высказав мысль о том, что Карл Великий воспринял основные положения «Божьего царства» у Блаженного Августина («Святая правда, единство, вечный мир») [47, с. 71], автор стремился далее выяснить слабые стороны идеи императора и показать несоответствие между теократическими идеалами Карла и современной ему действительностью. «Высокая цель, — указывал А. С. Вязигин, — должна достигаться чистыми, нравственными средствами, медленным путем постепенного перевоспитания общества, а не окольной тропой грубого насилия и жестокого принуждения» [47, с. 156–157]. Несмотря на то, что идея Божьего царства нашла в Карле Великом убежденного сторонника, она, — по мнению ученого, — «понималась превратно самим императором и его сподвижниками, но и не могла быть воплощена в столь грубое варварское время» [47, с. 158].

А. С. Вязигин поставил возможность воплощения этой идеи в прямую зависимость от экономических условий века. В противном случае, — отмечал историк, — «идейное здание висит в воздухе» [47, с. 199]. Поэтому главная причина неудачи Карла Великого зависела, по его мнению, «не от непригодности великих заветов единства, мира и правды, а от несоответствия этих высоких требований экономическому уровню той эпохи и слабости идейной подготовки современных ему поколений, которые не знали даже азбуки крупной общественной жизни» [47, с. 200]. Несмотря на такой вполне научный подход к сущности исследуемого явления, труд А. С. Вязигина вызвал неодобрительный отзыв критики. Так, по мнению известного специалиста в этой области А. П. Карсавина, «книга не дает нового и оригинального построения и освещения эпохи» [48, с. 73]. Как отмечал рецензент, многие вопросы, рассматриваемые автором, уже обстоятельно изучили В. И. Герье, а также Е. Н. Трубецкой, автор обширного труда «Миросозерцание Блаженного Августина». В то же время, многие выводы А. С. Вязигина созвучны с основными положениями известной монографии А. П. Левандовского. Так, по мнению А. П. Левандовского, творение Августина

«О граде Божьем» было не только любимой книгой Карла Великого, «но и прямым жизненным руководством». «Это была навязчивая идея Карла, та сверхзадача, которую он себе поставил», но которую так и не осуществил [1, с. 124, 145].

Материал настоящей статьи позволяет утверждать, что научный интерес к истории правления Карла Великого и его империи сохранялся в Украине в течение всего рассматриваемого периода. Этот интерес фрагментарно проявился уже в актовых речах первой трети XIX в., ставших тогда основной формой научных апробаций. Их авторы (Х. В. Роммель, А. А. Дегуров, Г. С. Гордеенков) показывали попытки Карла Великого добиться успеха в отдельных областях — в сфере просвещения и законодательства. В дальнейшем различные аспекты истории создания и крушения Каролингской империи становились предметом лекций медиевистов высших учебных заведений украинских земель (М. М. Лунин, В. К. Надлер, Ф. Я. Фортинский и др.), соответствующих разделов учебной литературы (В. Я. Шульгин, М. Н. Петров), наконец, фундаментальной монографии А. С. Вязигина «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого». Создание этой империи признавалось эпохальным событием средневековья. С учетом этого учеными высших учебных заведений украинских земель обычно строилась периодизация лекционного курса истории средних веков. Эти периодизационные построения в полной мере отражали значение империи Карла Великого в истории. В то же время медиевисты Украины в массе своей считали недостаточными и противоречивыми многие меры Карла Великого, признавали вполне закономерным распад его империи, однако перечни этих причин следует считать недостаточно полными в свете достижений современной науки.

Опыт существования Империи Карла Великого, причины ее быстрого распада и в целом адекватное освещение медиевистами Украины этих причин могут считаться особенно актуальными в связи с избранными Брюсселем направлениями современной нам евроинтеграции, одним из зримых символов которой является вручение международной премии имени Карла Великого за заслуги перед единой Европой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через империю к Европе. — М., 1995.
2. *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці ХІХ — на початку ХХ ст. (1880–1917): дис. ... канд. іст. наук. — Х., 1993.
3. *Лиман С. І.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 — первая половина 1880-х гг.). — Х., 2009.
4. *Лиман С. І.* А. С. Вязигин как историк-медиевист // Вестник Харьковского университета. — 1992. — № 362.
5. *Очерки истории исторической науки в СССР.* — М.: Т. 1. — 1955.; Т. 3. — 1963.
6. *Подалаяк Н.* Науково-викладацька діяльність київського медієвіста Федора Яковича Фортинського // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. — 2002. — Вип. 15. — № 1.
7. *Вольтер.* Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII — СПб., 1829.
8. *Роммель Х. В.* О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1811 г. — Х., 1811.
9. *Дегуров А. А.* О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета 17 января 1812 г. — Х., 1812.
10. *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов / [вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука]. — М., 1975.

11. *Эйнгард*. Жизнь Карла Великого // Левандовский А. П. Карл Великий. Через Империю к Европе. — М., 1995. — Приложения.
12. *Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей* [Издание Любови Кричевской]. — Х., 1826.
13. *Паулович К. П.* Конспект, или краткое обозрение дипломатики вообще. — Х., 1829.
14. *Гордеенков Г.* О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи // Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1835 г. — Х., 1835.
15. *Цых В. Ф.* [О способе преподавания истории]. Решение вопроса: По причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? — Х., 1833.
16. *Обозрение* преподавания в университете Св. Владимира в первом полугодии 1869–70 учебного года // УИ. — 1869. — № 7.
17. *Обозрение* преподавания в университете Св. Владимира в первом полугодии 1871–72 учебного года // УИ. — 1871. — № 7.
18. *Обозрение* преподавания в университете Св. Владимира во втором полугодии 1880–81 учебного года // УИ. — 1880. — № 12.
19. *Обозрение* преподавания в университете Св. Владимира в первом полугодии 1882–83 учебного года // УИ. — 1882. — № 7.
20. *Обозрение* преподавания в университете Св. Владимира во втором полугодии 1884–85 учебного года // УИ. — 1884. — № 12.
21. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1867/68 учебный год. — Х., 1866.
22. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1867/68 учебный год. — Х., 1867.
23. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1870/71 учебный год. — Х., 1870.
24. *Протоколы* заседаний Совета [Новороссийского] университета за 1884 г. с обозрениями преподаваний // Государственный архив Одесской области. — Ф. 45. — Оп. 11 (1884). — Д. 9. — 480 л.
25. *Программы* преподавания [в Киевской духовной академии] на 1863/64 уч. г. и 1864/65 уч. г. // Центральный государственный исторический архив Украины (Киев). — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 666. — 67 л.
26. [Учебные программы Киевской духовной академии за 1870/1871 уч. г.] Программы преподаваемого студентам Академии в течение 1870/71 уч. года. // Центральный государственный исторический архив Украины (Киев). — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 895. — 135 л.
27. [Программы по обязательным предметам Киевской духовной академии]. Учебные программы и отчеты преподавателей академии за 1873/74 уч. г. // Центральный государственный исторический архив Украины (Киев). — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 1017. — 93 л.
28. *Отчет* о состоянии и деятельности Историко-Филологического института князя Безбородко в Нежине за 1878–79 уч. г. // ИИФИКБН. — 1880. — Т. 5.
29. *Отчет* о состоянии и деятельности Историко-Филологического института князя Безбородко в Нежине за 1882–83 уч. г., читанный на акте 30 августа 1883 года ученым секретарем Р. Брандтом // ИИФИКБН. — 1885. — Т. 9.
30. *Отчет* о состоянии и деятельности Историко-Филологического института князя Безбородко в Нежине за 1879–80 уч. г. // ИИФИКБН. — 1881. — Т. 6.
31. *Шульгин В. Я.* Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов и воспитанников гимназий. История средних веков. — К., 1858.

32. Функе Ю. Учебник всеобщей истории. Средние века. Курс средних учебных заведений. — К., 1884.
33. Кареев Н. Введение в курс истории средних веков (романо-германский мир в VI—XV вв.). — СПб., 1886.
34. Лунин М. М. Лекции по истории средних веков: [Лекции проф. М. М. Лунина, записанные студентом Д. Чириковым] // Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. — Д. 545/с. — 458 л.
35. Мак'явеллі Н. Флорентійські хроніки / [пер. з іт. А. Перепаді] // Мак'явеллі Н. Флорентійські хроніки; Державець. — Х., 2007.
36. Надлер В. К. Лекции по истории средних веков. [Литография]. — Х., 1887.
37. Вебер Г. Всеобщая история / [пер. с нем. Андреева]. — М., 1893. — Т. 5.
38. Шлоссер Ф. Всемирная история / Ф. Шлоссер. — СПб.; М., 1869. — Т. 2.
39. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX вв. — Л., 1929. — Ч. 1; 1931. — Ч. 2.
40. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. — Х., 1888. — Т. 2. История средних веков. — Х, 296
41. Фортинский Ф. Я. Причины распада монархии Карла Великого // УИ. — 1872. — № 12.
42. Лампфехт К. История германского народа / [пер. с нем. П. Николаева]. — М., 1894. — Т. 1.
43. Hägermann D. Karl der Grosse: Herrscher des Abendlandes. — В.; München, 2000.
44. Стоянов А. Н. История важнейших западных законодательств. Курс лекций 1883/84 уч. г. — Х., 1884.
45. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / [под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багаля]. — Х., 1908.
46. Знаменский Н. Устройство католической церкви при Каролингах (1881) // Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского. — Ф. 304. — Д. 831. — 597 л.
47. Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. — СПб., 1912.
48. Карсавин Л. П. [Рец.] // Научный исторический журнал. — 1913. — № 1. (Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. — СПб., 1912.).

Резюме

Лиман С. І. Імперія Карла Великого в курсах лекцій та дослідженнях медієвістів українських земель Російської імперії (XIX — початок XX ст.)

У статті показано, що правління Карла Великого та історія його імперії визнавалися медієвістами України епохальними подіями середньовіччя. З урахуванням цього вони звичайно будували періодизацію лекційного курсу історії середніх віків. Водночас медієвісти України в масі своєї вважали недостатніми і суперечливими багато мір Карла Великого і визнавали цілком закономірним розпад його імперії. Інтерес до цієї тематики фрагментарно проявився вже в актових промовах першої третини XIX ст. Їхні автори (Х. В. Роммель, А. А. Дегуров, Г. С. Гордеєнков) показували спроби Карла Великого домогтися успіху в окремих областях — у сфері освіти та законодавства. Надалі різні аспекти історії створення і розпаду Каролінгської імперії ставали предметом лекцій медієвістів вищих навчальних закладів українських земель (М. М. Лунін, В. К. Надлер, Ф. Я. Фортинський тощо), окремих розділів навчальної літератури (В. Я. Шульгін, М. Н. Петров), нарешті, фундаментальної монографії А. С. Вязигіна «Ідеали «Божого царства» і монархія Карла Великого».

Ключові слова: Карл Великий, імперія, Середні віки, історія, медієвісти.

Резюме

Лиман С. И. Империя Карла Великого в курсах лекций и исследованиях медиевистов украинских земель Российской империи (XIX — начало XX вв.)

В статье показано, что правление Карла Великого и история созданной им империи признавались медиевистами Украины эпохальными событиями средневековья. С учетом этого они обычно строили периодизацию лекционного курса истории средних веков. В то же время медиевисты Украины в массе своей считали недостаточными и противоречивыми многие меры Карла Великого и признавали вполне закономерным распад его империи. Интерес к данной тематике фрагментарно проявился уже в актовых речах первой трети XIX в. Их авторы (Х. В. Роммель, А. А. Дегуров, Г. С. Гордеенков) показывали попытки Карла Великого добиться успеха в отдельных областях — в сфере просвещения и законодательства. В дальнейшем различные аспекты истории создания и крушения Каролингской империи становились предметом лекций медиевистов высших учебных заведений украинских земель (М. М. Лунин, В. К. Надлер, Ф. Я. Фортинский и др.), соответствующих разделов учебной литературы (В. Я. Шульгин, М. Н. Петров), наконец, фундаментальной монографии А. С. Вязигина «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого».

Ключевые слова: Карл Великий. Империя, Средние века, история, медиевисты.

Summary

S. Liman. The Empire of Charlemagne in Lecture Courses and Research of Medievalists in Ukrainian Lands of Russian Empire (XIX — Early XX Centuries)

The article demonstrates that the rule of Charlemagne and the history of empire created by him were treated by medievalists of Ukraine as decisive events of Middle Ages. With due consideration of this factor they generally constructed periodization of their lecture courses in medieval history. At the same time the medievalists of Ukraine mostly treated many steps of Charlemagne as insufficient and contradictory and admitted that decay of his empire was quite substantiated. The interest to those items was demonstrated to some extent already in annual opening lectures in the first third of XIX century. Their authors (C. V. Rommel, A. A. Degurov, G. S. Gordeenkov) showed the attempts of Charlemagne to gain success in separate areas, such as education and legislation. Further on various aspects in history of creation and decay of Carolingian Empire became subjects of lectures of medievalists in universities of Ukrainian lands (M. M. Lunin, V. K. Nadler, F. Y. Fortinskiy and others), respective sections in textbooks (V. Y. Shul'gin, M. N. Petrov) and, at last, of a fundamental monograph by A. S. Vyazigin "The Ideals of Kingdom of God And the Monarchy of Charlemagne".

Key words: Charlemagne, Empire, Middle Ages, history, medievalists.

В. В. Скирда, І. М. Скирда

Дослідження В. О. Городцова на території сучасної України

Ід дня народження видатного археолога В. О. Городцова у цьому році виповнюється 155 років. Василь Олексійович Городцов народився 11 (24) березня 1860 р. в с. Дубрович Рязанського повіту Рязанської губернії. Військову службу, на якій майбутній вчений перебував з 1880 по 1906 рр., він поєднував із співпрацею в різних наукових товариствах: Рязанській ученій архівній комісії (1891–1892), Ярославській ученій архівній комісії (1898–1899), Історичному музеї в Москві (з 1903 р.) [1].

Постать цього вченого є беззаперечним авторитетом в галузі археології. Про це свідчить не тільки його науковий доробок, а й наукові заходи, присвячені його ювілейним датам. Серед них найбільш визначними стали Городцовські читання, присвячені 100-річчю діяльності В. О. Городцова в Державному Історичному музеї (Москва, 2003) [2], Всеросійська науково-практична конференція «Проблеми вивчення та збереження археологічної спадщини Центральної Росії», присвяченої 150-річчю з дня народження В. О. Городцова (Рязань, 2010) [3]. На цих наукових форумах розглядалися різні сторони та аспекти діяльності видатного археолога, але, на жаль, поза увагою вчених залишилися археологічні дослідження В. О. Городцова на території сучасної України, що стали епохальними як для розвитку та становлення археологічної науки як України так і Росії.

Мета даної статті — зробити історіографічний огляд наукової діяльності В. О. Городцова в Україні та висвітлити його археологічні дослідження на території нашої країни в контексті становлення археологічної науки на початку ХХ ст.

Джерельну базу дослідження складають архівні матеріали відділу писемних джерел Державного історичного музею м. Москви (ВПД ДІМ), Державного архіву Харківської області (ДАХО), публікації В. О. Городцова, статті та повідомлення про розкопки дослідника у місцевих періодичних виданнях (Харьковские губернские ведомости, Южный край тощо), публікації присвячені різним ювілеям дослідника та некрологи.

До сьогоднішнього дня не існує наукової праці, яка висвітлювала б діяльність В. О. Городцова на Україні у повному обсязі. Тому дана стаття має стати спробою заповнити дану лаку.

Перші короткі згадки про дослідження В. О. Городцова на території сучасної України з'явилися у 20–30-х рр. ХХ ст. у зв'язку із відзначеннями 35-річчя, 40-річчя та 50-річчя наукової діяльності вченого [4; 5, с. 7; 6, с. 236], а також у публікаціях присвячених ювілейним датам від дня його народження [1, с. 4; 7, с. 104, 106, 107; 8, с. 122; 9, с. 266; 10]. Серед них найбільш інформативними з приводу досліджень В. О. Городцова в Україні були статті Д. Н. Лева та І. Чернякова.

Ряд статей містять уривчасту інформацію про дослідження В. О. Городцовим окремих археологічних пам'яток на території сучасної України. Серед них роботи про дослідження вченим палеолітичних пам'яток (Гінцівська стоянка на Полтавщині)

[11, с. 15], про дослідження курганів доби енеоліту-бронзи басейну Сіверського Дінця [12, с. 7; 13, с. 18], скіфських курганів на Харківщині [14, с. 68] та поховань пізніх кочовиків на території України [13, с. 19]. Детальна інформація про дослідження В. О. Городцовим археологічних пам'яток Бахмутського краю, міститься у публікації С. І. Татарінова та С. В. Федяєва, яка базується на архівних даних [15].

На сьогоднішній день найбільш висвітлені дослідження В. О. Городцова на Харківщині, які знайшли своє відображення в публікаціях В. С. Романовського [16] та авторів даної статті [17].

Перше знайомство В. О. Городцова з Україною відноситься до кінця ХІХ ст., коли він взяв участь у роботі ХІ АЗ у Києві (1899 р.), де він виступив із ґрунтовою доповіддю про доісторичну кераміку й лише згадував про окремі знахідки на території сучасної України [18, с. 592, 612].

Тим не менше, цей археологічний з'їзд, на думку дослідників, мав досить важливий вплив на В. О. Городцова, який зробив для себе висновок, що найважливіші археологічні пам'ятки знаходяться на території України [10, с. 104].

Найбільш ранні пам'ятки на території України В. О. Городцовим були досліджені в 1925 р. у Криму, коли після розкопок Г. А. Бонч-Осмоловського він провів власні дослідження в печері муст'єрського часу Кіік-Коба [19, с. 33, 35]. Тут, мабуть, також необхідно відзначити, що В. О. Городцов ще в 1923 р. висловив припущення, яке в наш час є незаперечним, із приводу того, що неандертальці робили ритуальні поховання, пов'язував із наявністю у них релігійних уявлень [20; с. 180]. Ця теза була підтримана більшістю вчених лише через сорок років [21, с. 16].

Говорячи про вивчення пам'яток пізнього палеоліту В. О. Городцовим на території України, слід відзначити його дослідження Гінцівської стоянки, час існування якої він вважав пізнішим за Мезинську та Кірилівську [22, с. 34].

Досліджував В. О. Городцов на території України і пам'ятки доби неоліту. Перші п'ять пам'яток цього періоду вченим було виявлено під час розкопок до ХІІ АЗ [23, с. 175]. У подальшому до ХІІІ АЗ у 1903 р. він виявив дві палеолітичні стоянки біля «деревні Переездной» і неподалік від залізничної станції Ступки Катеринославської губернії [24, с. 36]. На цих стоянках неолітичної доби дослідником була виявлена велика кількість уламків кременю і лише 10 цілих знарядь праці [25, с. 214–215].

Про енеоліт на території України В. О. Городцов уперше написав у роботі «Русская доисторическая керамика», де він, говорячи про кераміку трипільської культури, звернув увагу на наявність у ній домішок мушель [18, с. 592]. В. О. Городцов і в подальшому цікавився трипільськими старожитностями. Під час підготовки до ХІІ АЗ він виступив із пропозицією з'ясувати зв'язки між трипільською неолітичною керамікою на території Східної Європи [26, с. 38], хоча на самому з'їзді до цього питання він не повертався.

Тим не менше, енеолітичний період у дослідженнях В. О. Городцова до ХІІ Археологічного з'їзду дістав значно більшого значення. Вченим було розкопано й вивчено 41 курган із 74 похованнями, які були віднесені до виділеної ним ямної археологічної культури (зараз КІС) доби енеоліту [23, с. 180–188]. Серед курганних поховань, розкопаних дослідником на території Бахмутського повіту Катеринославської губернії, було виявлено 16 поховань ямної культури. Всі вони знаходилися у витягнутому чи скорченому положенні на спині або на правому боці та були орієнтовані на схід або північний схід. Лише одне поховання було у скорченому положенні на лівому боці і мало західну орієнтацію. Особливістю цих поховань було: відсутність залишків кісток тварин, металевих речей та незначна кількість кістяних виробів. Аналогії подібних поховань В. О. Городцов знаходив на Північному Кавказі, в Криму, по берегам Дніпра і Дону та в Іркутській губернії [25, с. 215–220].

Бронзову добу в Україні В. О. Городцов почав з вивчення виділених ним, пам'яток катакомбної культури. Під час розкопок 1901 р. в Ізюмському повіті Харківської

губернії дослідник розкопав 25 курганів, які містили в собі 30 катакомбних поховань [23, с. 189–200]. Ще 29 поховань катакомбного типу (25 у катакомбах та 4-х у ямах) було розкопано вченим у 1903 р. на Катеринославщині. В деяких випадках кістяки в похованнях знаходилися не в анатомічному порядку. Це дало вченому можливість зробити припущення про те, що цих померлих поховали не відразу, а через певний час. Дослідником були зафіксовані випадки антропофагії (відрубані частини тварин). В. О. Городцов вбачав зв'язок даних поховань з кавказькими культурами бронзової доби і відзначав, що їх не можна виділити в окрему групу катакомбної культури, а *«разницу их можно объяснить принадлежностью погребений разным небольшим племенам одной и той же народности»* [25, с. 221–233]. На думку вченого, носіям катакомбної культури належали і давні розробки мідяної руди біля «деревни Калиновская» поблизу Бахмута [25, с. 245–247].

Під час розкопок до XII Археологічного з'їзду В. О. Городцовим на Харківщині була виділена ще одна нова культура бронзової доби — зрубна. До неї вчений відніс 40 поховань досліджених в 30 курганах, розкопаних в Ізюмському повіті [23, с. 200–205]. Під час польового сезону 1903 р. в Бахмутському повіті В. О. Городцовим було досліджено лише 5 зрубних поховань. Аналогії їм вчений знаходив на території Воронезької та Курської губерній. На думку дослідника це свідчило про досить широку територію їх розповсюдження, але при цьому вони не мали зв'язку з подібними похованнями в Кубанській області [25, с. 233–237].

Під час розкопок біля Бахмута собливий інтерес у В. О. Городцова викликали 5 поховань у кам'яних ящиках, які на думку вченого були пов'язані з переселенням частини населення Північного Кавказу в басейн Сіверського Дінця. За часом, на думку дослідника, вони були *«ближе к греческой культуре, чем к срубному времени»* [25, с. 237–239].

Вивчення пам'яток ранньої залізної доби В. О. Городцовим також пов'язане з проведеним XII Археологічного з'їзду. Цей період був представлений у його розкопках лише кількома впускними похованнями, які вчений відніс до скіфо-сарматської доби [23, с. 209–211]. Ще 6 подібних поховань даного періоду вченим було досліджено до XIII Археологічного з'їзду [25, с. 248–249].

Найбільший внесок в дослідження пам'яток ранньої залізної доби на території України було зроблено В. О. Городцовим в ході підготовки до XIV Археологічного з'їзду, який відбувся у 1908 р. в Чернігові. В 1906 р. вчений провів дослідження Більського городища на території Зінківського повіту Полтавської губернії за планом і на кошти Д. Я. Самоквасова [27]. Дане городище він розділив на Велике, Східне, Західне та Куземинське. Вчений наводив їхні розміри, креслення та описи, знайдених на них артефактів. Основні розкопки були проведені на території Західного городища, на якому увагу дослідника привернули зольники. На думку В. О. Городцова, вони являли собою сміттєві кучі, аналогії яким він зустрічав в Австрії. Перші зольники з'явилися раніше за укріплення Більського городища. Дослідник відзначав, що конструкція валів і ровів городища не всюди була однаковою, були відсутні сторожові вежі, існували мости через рів, що поєднували городище з прилеглою територією [28, с. 93–127].

Поблизу Більського городища дослідником було розкопано 22 кургани, які мали тотожний внутрішній устрій. Особливу увагу В. О. Городцова привернула курганна група «Скоробор», яка складалася з 40 курганів, розташованих у 5 рядів по 8 курганів у кожному. На думку вченого, таке розташування свідчило про їхній безпосередній зв'язок. Всі досліджені В. О. Городцовим кургани, крім одного, були пограбовані ще в часи їх будівництва. Підкурганні поховання містили від одного до трьох кістяків, орієнтованих на південний захід та північний схід. В непограбованому кургані були виявлені два поховання: чоловіче та жіноче. В. О. Городцова здивував той факт, що колчан зі стрілами було виявлено не біля чоловіка, а біля жінки [28, с. 138–143].

Матеріали, здобуті В. О. Городцовим під час розкопок, дозволили йому стверджувати, що основним заняттям населення Більського городища було скотарство. Серед домашніх тварин переважали вівці, кози, свині. Значну кількість серед домашніх тварин становили собаки. Розведення корів домінувало над конярством. Незначну роль відіграло полювання та рибальство. Знахідки залишків посуду дозволили В. О. Городцову розділити його на місцевий кухонний і столовий та імпортований грецький. Серед артефактів, виявлених в ході розкопок Більського городища були виявлені речі, виготовлені з каменю, кістки та заліза. Останні були найбільш поширеними. Особливу зацікавленість В. О. Городцова викликали намистини, які були тотожними з ольвійськими та пантікапейськими [28, с. 148–154].

Спіраючись на матеріали грецької кераміки, дослідник датував Більське городище часом до VI ст. до н. е. Щодо етнічної належності пам'ятки вчений не висловив жодних припущень. Лише один раз говорючи, про знайдений ним в кургані поблизу Більського городища залізний меч із золотим руків'ям, вчений відзначив його тотожність мечу, знайденому О. Бобринським в скіфському кургані поблизу м. Сміли [28, с. 156–160]. Але в своїх листах до Д. Я. Самоквасова В. О. Городцов неодноразово висловлювався про належність Більського городища скіфському населенню [29].

В ході підготовки XIII Археологічного з'їзду Московським археологічним товариством перед В. О. Городцовим було поставлено також завдання встановити зв'язок між кам'яними бабами та курганными похованнями. У пошуках відповіді на це запитання дослідником було вивчено 16 поховань. Всі вони були впускними у курганні насипи більш раннього часу і орієнтованими переважно на південь, а у виключних випадках на північ. Найбільш важливим, на думку вченого, у питанні встановлення зв'язку між кам'яними бабами та курганными похованнями було виявлення дитячого поховання, у якому була знайдена статуетка, що являла собою мініатюрну кам'яну бабу, вирізану з крейди. Проаналізувавши матеріали, здобуті в даному кургані й інших курганах, із кам'яними та дерев'яними бабами В. О. Городцов прийшов до висновку, що вони датуються II—III ст. н. е. і належать населенню, яке знаходилося під сильним впливом римської культури [25, с. 249–270]. До цього ж періоду вчений відніс речі, куплені ним у місцевого населення, скарбу так званого «готського часу», знайденого біля хутора Блажки поблизу Більського городища, який сучасні дослідники датують V—VII ст. [28, с. 147; 30, с. 142].

На території України В. О. Городцов вивчав і пам'ятки доби середньовіччя. У 1901 р. біля хутора Зливки вчений розпочав дослідження ґрунтових поховань салтівської культури. Він відмітив схожість матеріалів поховань цього могильника з артефактами Верхньосалтівського катакомбного могильника. На думку вченого вони відносилися до одного часу і, ймовірно, були залишені представниками одного племені. Останнє припущення, з точки зору В. О. Городцова, могло бути доведено докладним вивченням антропологічних залишків [23, с. 211–213].

Говорючи про дослідження В. О. Городцовим середньовічних пам'яток на території України, слід згадати про 30 впускних поховань в курганах більш раннього часу, розкопаних вченим під час підготовки до XII Археологічного з'їзду. Всі кістяки цих поховань були орієнтовані на захід і знаходилися в дубових або берестяних колодах. На думку вченого, вони датувалися X—XIII ст. і могли належати половцям або спорідненим їм торкам [23, с. 213–215]. Кілька поховань XII—XIII ст. було розкопано вченим і до XIII Археологічного з'їзду. Вони були розподілені дослідником на торські та такі, що належали невизначеній монгольській народності [25, с. 270–274].

Активну участь В. О. Городцов брав у розкопках, організованих в рамках програми проведення XII Археологічного з'їзду поблизу с. Ніцаха (городище та кургани) та Донецького городища на території Харківської губернії, які відносяться до доби Київської Русі. Завдяки вивченню матеріалів цих пам'ятників, дослідник прийшов до висновку, що Донецьке городище та два городища біля с. Ніцаха були прикордонними

пунктами Давньої Русі до першої чверті XIII ст. й населені слов'янськими колоністами. Цьому ж населенню приписував він і курганний могильник біля с. Ніцаха [31; 32; 33; 34].

В. О. Городцов вивчав і пам'ятки, які на сьогоднішній день відносять до доби українського козацтва. Під час підготовки до XII Археологічного з'їзду вченим було знайдено і обстежено два городища, які він відніс до XVII ст. Одне з них знаходилося біля слободи Велика Комишеваха, а друге — на території міста Ізюму [23, с. 215–216]. Ще чотири пам'ятки XVI—XVIII ст. вченим було досліджено в Бахмутському повіті під час підготовки до XIII Археологічного з'їзду, серед яких прикордонний (межевий) знак, один майдан, залишки одного будинку та землянки. Всі вони були знайдені в насапах курганів [25, с. 275–276].

Аналізуючи археологічні дослідження В. О. Городцова на території сучасної України, необхідно зазначити, що вченим було опубліковано дві окремих статті, присвячених питанню вивчення доби киммерійців та майданів. Щодо киммерійської проблематики, В. О. Городцов зробив припущення, що з ними можна пов'язати кераміку з білою інкрустацією [35, с. 59]. Стосовно майданів, дослідник прийшов до висновку, що це великі кургани, пограбовані не раніше XVI ст. [36, с. 36–39].

Важливим напрямком діяльності В. О. Городцова в галузі археології в Україні була співпраця з музеями Одеси, Харкова, Херсона, Керчі, Севастополя, Ялти, Феодосії, Полтави та Святогорська [37, с. 16, 22–24]. Вчений вивчав артефакти, які зберігалися у зазначених музеях та надавав методичну допомогу їх працівникам.

Підбиваючи підсумки, слід відзначити, що розкопки В. О. Городцова на території України в першу чергу були пов'язані з Археологічними з'їздами початку XX ст., які проходили в українських містах — Харкові, Катеринославі та Чернігові. Найважливішим досягненням вченого цього часу слід вважали виділення трьох нових археологічних культур — ямної, катакомбної та зрубної, а також започаткування наукового вивчення салтівської культури та Більського городища. Але в цілому вчений вивчав на території України археологічні пам'ятки, починаючи з середнього палеоліту і закінчуючи добою українського козацтва. Дослідник доклав своїх зусиль і до вивчення археологічних колекцій музеїв України.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Старейший* русский археолог Василий Алексеевич Городцов (К 80-летию со дня рождения) // КСИИМК. — 1940. — Вып. 5.
2. *II Городцовские* чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003. — М., 2005.
3. *Проблемы* изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. А. Городцова. — Рязань, 2010.
4. *Готье Ю. В.* Городцов (По поводу 35-летия научной деятельности) // *Голос минувшего*. — 1923. — № 3.
5. *Фриче В. М.* В. А. Городцов. К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности // *Труды Секции Археологии РАНИОН*. — 1929. — Т. 4.
6. *Крупнов Е.* К 50-летнему юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова // *ВДИ*. — 1938. — № 3.
7. *Лев Д. Н.* Профессор В. А. Городцов (К 80-летию со дня его рождения) // *Природа*. — 1940. — № 5.
8. *Крайнов Д. А.* К столетию со дня рождения В. А. Городцова // *СА*. — 1960. — № 1.

9. *Крайнов Д. А.* К 125-летию со дня рождения В. А. Городцова // СА. — 1985. — № 4.
10. *Черняков И.* Україна в науковій діяльності Василя Городцова. До 150-річчя від дня народження // Відлуння віків. — 2011. — № 1–2 (14–15).
11. *Крайнов Д. А.* Значение трудов В. А. Городцова о палеолите // Труды ГИМ. — 1960. — Вып. 37.
12. *Брюсов А. Я.* В. А. Городцов // Труды ГИМ. — 1960. — Вып. 37.
13. *Левашова В. П., Трубникова Н. В.* В. А. Городцов и Государственный Исторический музей // Труды ГИМ. — 1960. — Вып. 37.
14. *Семенов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке (1692–1947). — Х., 1947.
15. *Татаринов С. И., Федяев С. В.* В. А. Городцов — археолог и природовед. Известные страницы дневников // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В. А. Городцова. — М., 2003. — Ч. 1.
16. *Романовський В. С.* Археологічні пам'ятки Харківської губернії в дослідженнях Василя Городцова // Вісник ХДАК. — 2009. — Вып. 27.
17. *Скирда В. В., Скирда И. М.* Дослідження В. О. Городцова на Харківщині // Старожитності, 2012. — Х., 2012. — Вып. 11.
18. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI АС в Киеве 1899. — М., 1901. — Т. 1.
19. *Городцов В. А.* К определению древностей мезолитической стоянки в пещере Киик-Коба // ИТОИАЭ. — 1928. — Т. 2 (59).
20. *Крайнов Д. А.* Значение трудов В. А. Городцова о палеолите // Труды ГИМ. — 1960. — Вып. 37.
21. *Городцов В. А.* Археология. — М., 1923. — Т. 1.
22. *Городцов В. А.* Исследования Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Труды Отделения Археологии РАНИОН. — 1926. — Т. 1.
23. *Городцов В. А.* Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII АС в Харькове. 1902. — М., 1905. — Т. 1.
24. *Городцов В.* Неолитические стоянки на берегах р. Бахмута, в Екатеринославской губ. // Ежегодник по геологии и минералогии России. — 1904. — Т. 7. — Вып. 1.
25. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII АС в Екатеринославе. — М., 1907. — Т. 1.
26. *Двенадцатый* археологический съезд в Харькове в 1902 г. — М., 1902.
27. *ОПИ ГИМ.* — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 38.
 1. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. // Труды XIV АС в Чернигове 1909. — М., 1911. — Т. 3.
28. *ОПИ ГИМ.* — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 39–40.
29. *Фирсов К. Б.* В. А. Городцов и Бельское городище: По материалам из собрания и экспозиции ГИМ // Археологические памятники Окского бассейна. — Рязань, 1996.
30. *Южный край* — 1902. — 19 августа.
31. *Южный край* — 1902. — 27 августа.
32. *Городцов В. А.* Раскопки Донецкого городища // Известия XII Археологического съезда. 15–27 августа 1902 г. — Х., 1902.
33. *Городцов В. А.* Результаты исследований, производимых научными экскурсиями XII Археологического съезда / Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. — М., 1905. — Т. 3.
34. *Городцов В. А.* К вопросу о Киммерийской культуре // Труды СА РАНИОН. — 1928. — Т. 2.

35. *Городцов В. А.* Майданы // Древности. Труды ИМАО. — 1904. — Т. 20. — Вып. 2.
36. *Белозерова И. В.* Музейная деятельность В. А. Городцова // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. — М., 1988. (Труды ГИМ, Вып. 68).

Резюме

Скирда В. В., Скирда І. М. Дослідження В. О. Городцова на території сучасної України

В. О. Городцов зацікавився археологічними пам'ятками, розташованими на території сучасної України, наприкінці XIX ст. Його основні дослідження були приурочені до Археологічного з'їзду, що проходив в Україні на початку XX ст. В коло інтересів ученого потрапляли археологічні пам'ятники, починаючи з доби середнього палеоліту і закінчуючи періодом українського козацтва. Дослідник приділив значну увагу вивченню археологічних колекцій музеїв України.

Ключові слова: розкопки, курган, археологічні з'їзди, поховання.

Резюме

Скирда В. В., Скирда І. Н. Исследования В. А. Городцова на территории современной Украины

В. А. Городцов заинтересовался археологическими памятниками, расположенными на территории современной Украины, в конце XIX в. Его основные исследования были приурочены к Археологическим съездам, проходившим в Украине в начале XX в. В круг интересов ученого попадали археологические памятники, начиная со среднего палеолита и заканчивая периодом украинского казачества. Исследователь уделял значительное внимание изучению археологических коллекций музеев Украины.

Ключевые слова: раскопки, курган, археологические съезды, погребение.

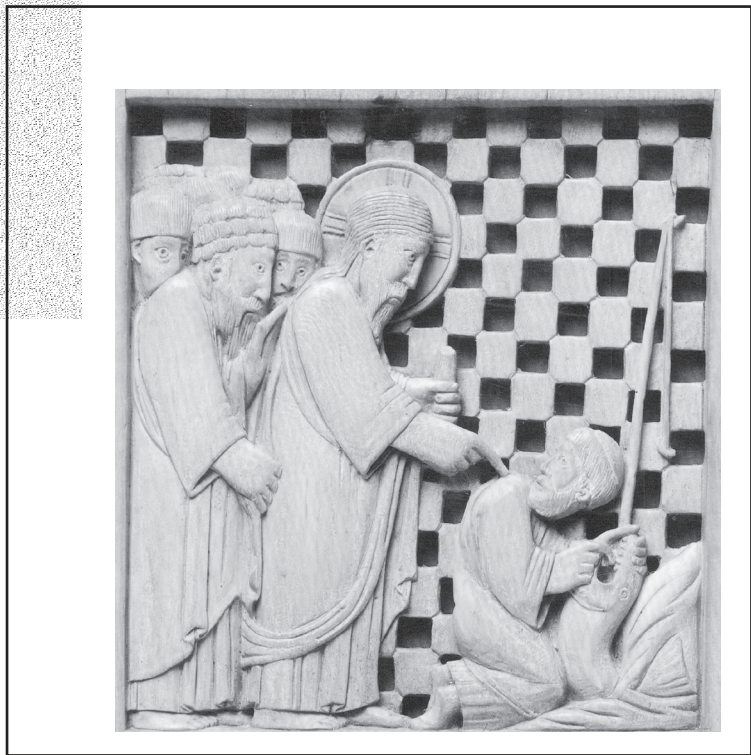
Summary

V. Skyrda, I. Skyrda. Researches of V. A. Gorodtsov on the Territory of Modern Ukraine

V. A. Gorodtsov got interested in archaeological monuments located on the territory of modern Ukraine at the end of the XIXth century. His main researches have been timed to the Archaeological congresses, held in Ukraine at the beginning of the XXth century. The range of interests of the scientist included the archaeological monuments starting from the Middle Paleolithic period and ending with the period of Ukrainian Cossacks. The researcher paid attention to the study of the archaeological collections of the museums of Ukraine.

Keys words: excavation, barrow, archaeological congresses, burial.

З а м е т к и

І. А. Сніжко

Фауністичне місцезнаходження біля смт. Андріївка на Харківщині

еред археологічних пам'яток пізньопалеолітичного часу, відомих на сьогоднішній день на Харківщині, часто помилково згадують два об'єкти, які не мають відношення до людської діяльності, а своєю появою зобов'язані дії виключно природних факторів. Це місцезнаходження плейстоценової фауни біля м. Богодухів та смт. Андріївка Балаклійського району.

Обидві пам'ятки були обстежені І. Ф. Левицьким. Результати досліджень першої опубліковані в збірці «Палеоліт і неоліт України» за 1949 р. [1]. Автор зазначає, що під час розкопок у 1935–1936 рр. на околиці м. Богодухів, біля цегельного заводу у кар'єрі на глибині 5 м в шарі щільного жовтувато-бурого суглинку було виявлено кістки мамонта, носорога, бика та дрібних тварин. Фауністичні рештки знаходились у вимоїні, завширшки 22 м, простеженої в довжину на 70 м. Показово, що пам'ятка розташована в балці, що гірлом виходить в заплаву р. Мерла, з правого боку. Автор досліджень чітко і вичерпно описав геологічні умови залягання кісток, зазначивши: «Крем'яних або кістяних знарядь знайдено не було» [1, с. 291]. Отже, йдеться про фауністичну пам'ятку плейстоценового часу, що виникла внаслідок перевідкладення кісток загиблих тварин річковою течією. Факти, що вказували б на участь людини у формуванні цих відкладів, відсутні.

Місцезнаходження викопних кісток біля смт. Андріївка (рис. 1) було досліджено І. Ф. Левицьким 1948 р., але результати не були опубліковані. Звіт про ці роботи міститься у повідомленні, що в друкованому варіанті зберігається в фондах Наукового архіву Інституту археології НАН України [2]. У відділі археології Харківського історичного музею знаходиться лист міліметрівки із оригіналами креслень. На підставі цих двох документів є можливість узагальнити і опублікувати результати досліджень.

Мешканець смт. Андріївка Балаклійського району М. І. Бовт 2 серпня 1948 р. приїз до Харківського історичного музею кістки, викопані ним під час риття ями для погребу. Обстежити місце знахідки були відряджені І. Ф. Левицький, що на той час був науковим співробітником Інституту археології, та науковий співробітник музею П. Є. Піхур. Роботи тривали 4–10 серпня 1948 р.

За повідомленням І. Ф. Левицького, місце, де були знайдені кісткові рештки, розташоване на відстані 600 м на південь від залізничної станції Шебелинка, на північно-східній околиці смт. Андріївка. Садиба М. І. Бовт виходить до невеликої улоговини, яку добре видно в рельєфі низького лівого берега р. Сіверський Донець. Улоговина проходить розширеною частиною тераси, що відкривається до широкої замкненої низини, яка поділяє високий та низький рівень першої надзаплавної тераси. Верхня частина завширшки 1200–1300 м, заввишки 7–8 м, нижня частина має висоту 4–5 м. Улоговина в низькій звуженій частині мала ширину 60–65 м, глибину 0,8 м. Її лівий схил, на якому розташована садиба М. І. Бовт, повільно переходить на рівень першої надзаплавної тераси.

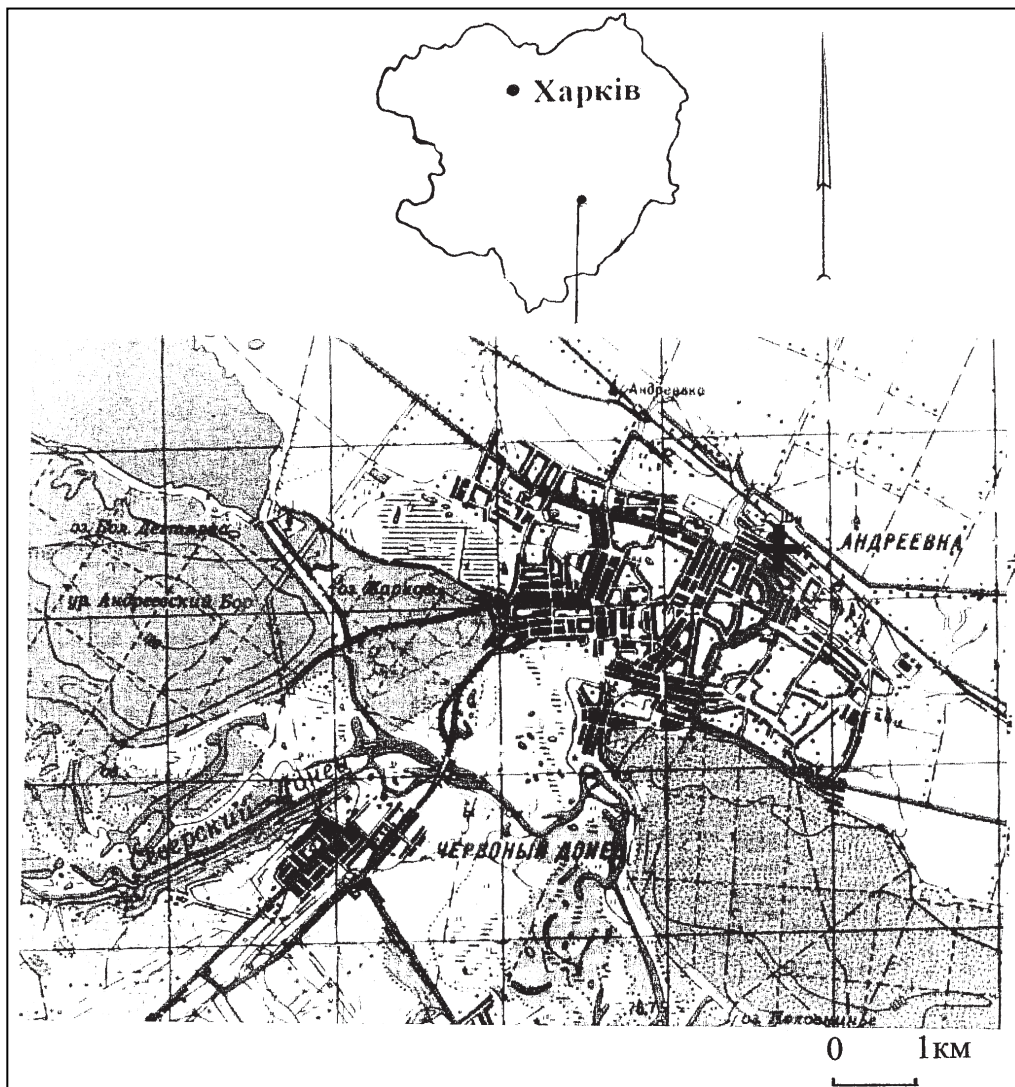

Рис. 1. Сучасна карта околиць с. Андріївка
 + – місце можливого розташування пам'ятки

Fig. 1. The modern map of the Andreyevka village outskirts
 + – the place of the possible site location

Яму для погребу було викопано поруч з будинком із північно-західного боку. Її розміри: $2,1 \times 1,6$ м, глибина 2,35 м. Після вилучення кісток в західному куті ями залишилось заглиблення у вигляді підбою, що знижувався порівняно з центром ями на 0,25–0,3 м (рис. 2).

За повідомленням М. І. Бовт, знахідки розміщувались в заглибині у наведеному нижче порядку. На захід від центру ями лежала стегнова кістка. Її верхній кінець знаходився на рівні 2,3 м, нижній навскіс спускався до глибини 2,5 м. Ближче до північно-західної стінки ями, безпосередньо під стегною кісткою, знаходились ребра, орієнтовані з північного сходу на південний захід та з південного сходу на північний захід. В їх розміщенні спостерігалась деяка симетричність: ребра лежали по 2–3 разом,

И
 К
 Т
 С
 М
 Э

Рис. 2. План і розріз ями, де були знайдені кістки мамонту
 А – яма погребу; Б – вхід з боку будинку; В – підбій

Fig. 2. Plan and cut of the hole where mammoth's bones were found:
 А – the vault hole; Б – entrance from the house side; В – the kerf

майже паралельно одне одному. Ребра, що були орієнтовані з південного сходу на північний захід, дистальними кінцями уходили за межі ями. Після їх вилучення було знайдено нижню щелепу, щоб розкрити її повністю, довелося збільшувати підбій. Її гілки проходили вздовж стінок ями, підборіддя звернуто на північний захід. При подовженні підбою з південно-західної сторони щелепи знайдені кістки правого передпліччя та ліві велика і мала гомілкові. Кістки знаходились в анатомічному порядку з незначним відхиленням від вісі стегна на північ. Відстань між дистальним кінцем стегнової та проксимальною суглобовою частиною гомілкових кісток становила 20–25 см. Трохи вище та західніше гомілкових кісток знаходилась ліва лопатка мамонта, що лежала внутрішньою стороною догори (рис. 2).

Вилучені М. І. Бовт ребра, як і всі кісткові рештки, мали неоднаковий ступінь збереженості. Серед них було 5 правих та 4 лівих із різних частин грудної клітини. На двох правих передніх ребрах були присутні сліди давніх зламів, від одного ребра зберігся верхній кінець, інше зламано на нижньому кінці. З лівих ребер не було жодного цілого.

М
К
Т
С
М

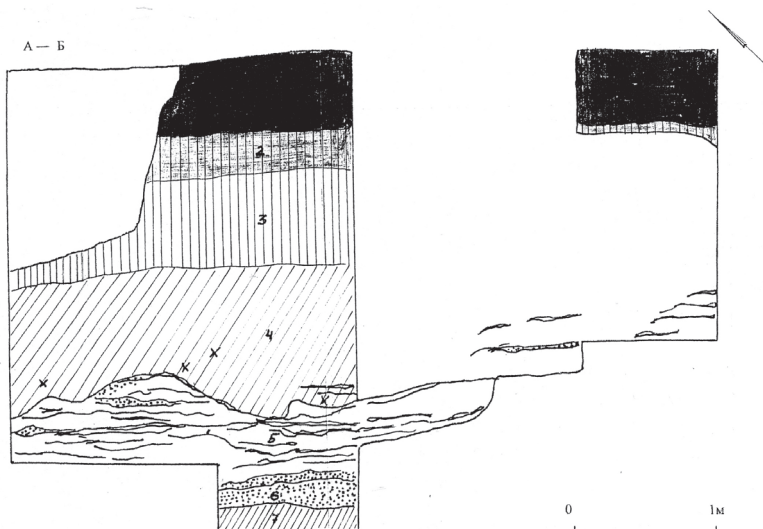

Рис. 3. Розріз вздовж північно-східної стінки розкопу по лінії А-Б.

Умовні позначки до малюнка: 1 – чорнозем; 2 – перехідний горизонт; 3 – лесовидний суглинок; 4 – суглинок з ледь помітною шаруватістю; 5 – пісок з прошарками намитого суглинку та лесовидного супіску; 6 – дрібний пісок з незначним вмістом глинистого домішку; 7 – буруватий суглинок

xx – рівень залягання знахідок в розрізах південно-східної та північно-західної стінок розкопу

Fig. 3. The cut alongside the north-east wall of the excavation at the line A-B.

Symbol legend of the figure: 1 – black soil; 2 – transitional level; 3 – loess clay; 4 – clay with slightly visible flakiness; 5 – sand with layers of cumulic clay and sandy loam clay; 6 – fine sand with negligible contents of clay admixture; 7 – brownish clay
xx – level of artifacts position in the cuts south-east and north-west walls of the excavation

Під час вилучення залишків ребер було знайдено кілька фрагментів інших зламаних ребер, фрагмент під'язичної кістки та два фрагменти трубчастих кісток дрібних тварин.

Для визначення умов залягання кісток та встановлення можливого напрямку їх розповсюдження в безпосередній близькості від міста знахідки, на захід впритул до ями, було закладено невеликий розкоп 3 × 2,5 м.

Будова тераси характеризується в межах розкопу наступним розрізом:

1. Чорнозем.....	0,6 м
2. Сіро-жовтуватий шар підґрунтя (перехідний шар).....	0,25 м
3. Лесовидний суглинок палево-жовтого кольору з незначною кількістю кротовин	0,65 м
4. Світлий бурувато-жовтий суглинок з ледь помітною шаруватістю.....	0,95 м
5. Пісок з прошарками намитого суглинку та лесовидний супісок	0,5–0,8 м
6. Дрібний пісок з незначним вмістом глинистого домішку (алювій).....	0,2 м
7. Буруватий суглинок	

В розрізі ями та розкопу чітко вимальовується схил улоговини, що знижується сходами під кутом 15°–20°. В шарі піску помітні контури вимоїни, що розширюється за схилом. В плані та розрізах були простежені послідовні нашарування, що перекривали вимоїну та схил улоговини, та відповідали часу утворення вимоїни. Нижня її частина замита піском та лесовидною супіссю, верхня та середня заповнені суглинком, що перекриває шар 5 (рис. 3). В західній частині вимоїни знаходилось невелике заглиблення, утворене стоком води. Його довжина 1,9 м, ширина 1,3 м. Саме в цьому заглибленні були знайдені кісткові рештки. В межах частини заглиблення, що збереглась, на північ та захід від нього, в напрямку вимоїни під час розчистки були зафіксовані дрібні фрагменти кісток, що залягали на різних рівнях. Про їх відкладення у різний час свідчать прошарки піску, що розділяють товщу заповнення вимоїни.

До початкового періоду заповнення вимоїни відноситься суглобова кістка мамонту, що лежала на дні заглиблення в лінзоподібному прошарку кварцового піску (2,7–2,75 м). Найбільша кількість кісткових решток залягала в середній частині заповнення (2,4–2,52 м). Кістки передпліччя та гомілка мамонта знаходились над зниженою центральною частиною заглиблення і були відділені від дна стерильним прошарком у 22–25 см завтовшки. На цьому ж рівні знаходилась нижня щелепа та проксимальний кінець стегнової мамонта.

У верхній частині заповнення, на глибині 2,36–2,42 м, переважали фрагменти кісток черепу. Лопатка мамонта за своїм положенням відповідала найвищому горизонту заповнення, що перекривав західну та східну частини вимоїни (2,27–2,28 м). На рівні цього горизонту, навколо заглиблення, знайдено дрібні скалки кісток мамонта та гризунів, а також проксимальний кінець розколотої трубчастої кістки бика.

З найпізнішими відкладами схилу улоговини пов'язані знахідки ребер мамонта в нижній частині делювіального суглинку шару 4 (2,15 м та 1,95 м). Розташування останніх відповідає загальному напрямку, в якому відбувалось розмивання та перевідкладення кісткових решток, що спочатку знаходились на підвищеній частині тераси, біля схилу улоговини.

Вищенаведений звіт І. Ф. Левицького, складений ним 12.09.1948 р. у м. Харкові, доповнено нашими посиланнями на ілюстрації, що були скопійовані з оригінального креслення. Автор наводить загальну кількість зафіксованих кісток — 71, та робить висновки стосовно інтерпретації та датування пам'ятки: «По розміщенню та характеру кісткового матеріалу можна вважати, що знайдене в ямі скупчення має зв'язок з більш значним комплексом залишків культурного шару. Культурний шар, з якого було вимито кісткові рештки, за складом фауни та стратиграфією, відповідає часу верхнього палеоліту». І. Ф. Левицький завжди багато уваги приділяв геологічному опису відкладів пам'яток, що досліджував, яскравим прикладом чого є вищенаведений звіт. В той же час автор також традиційно не дуже коректно ставився власне до археологічної складової — участі людини у формуванні відкладів об'єкту. Визначення палеолітичного віку пам'ятки автоматично пов'язує її виникнення із людською діяльністю, оскільки «палеоліт» — частина історичної періодизації людської історії. Для визначення хронологічної позиції об'єктів, що виникли без втручання людини в означений період часу більш коректним буде термін «плейстоцен».

Місцезнаходження біля смт. Адріївка розташоване на лівому низькому березі р. Сіверський Донець, що не характерно для локалізації палеолітичних пам'яток. Основна частина знахідок залягає в піску з прошарками намитого суглинку та лесовидної супесі, що є безсумнівною ознакою алювіального переносу матеріалу із місця його первинного відкладання. Скоріш за все, кістки загиблої тварини чи тварин були перевідкладені річковою течією, як і у випадку з місцезнаходженням біля м. Богодухів. Свідчень про знаходження артефактів або певну відсортованість кісткового матеріалу немає. Зараз ця територія знаходиться під суцільною забудовою (рис. 1), відомості про будь-які інші палеонтологічні чи археологічні знахідки відсутні.

Археологічні пам'ятки, безумовно, стоять на першому місці серед джерел, що дають можливість вивчати спосіб життя пізньопалеолітичного населення. Фауністичні місцезнаходження плейстоценового часу, які містять інформацію про природне оточення, об'єкти полювання давнього населення тощо, мають не менше значення. Водночас не можна ототожнювати місця знахідок плейстоценової фауни з археологічними об'єктами палеолітичного часу через різну природу їх виникнення.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Левицький І. Ф.* Сліди палеоліту коло Богодухова // Палеоліт і неоліт України – К., 1949. — Т. I. — Вип. V.
2. *Левицький І. Ф.* Археологические исследования в Харьковской области в 1948 г. — НА ІА НАНУ. — № 1948/17.

Резюме

Снежко І. А. Фауністическе местонахождение у пгт. Андреевка на Харьковщине

Местонахождение плейстоценовой фауны у пгт. Андреевка Балаклейского района Харьковской области было раскопано И. Ф. Левицким в 1948 г. Как и фауністическе местонахождение у г. Богодухов, оно было ассоциировано им со следами деятельности верхнепалеолитического населения. В статье впервые полностью опубликованы материалы исследования памятника, включая полевые чертежи. Обоснована его типологическая принадлежность к плейстоценовым фауністическим объектам, происхождение которых не связано с человеческой деятельностью.

Ключевые слова: Харьковская область, плейстоцен, фауністические местонахождения.

Резюме

Сніжко І. А. Фауністичне місцезнаходження біля смт. Андріївка на Харківщині

Місцезнаходження плейстоценової фауни біля смт. Андріївка Балакліївського району Харківської області було розкопано І. Ф. Левицьким у 1948 р. Як і фауністичне місцезнаходження біля м. Богодухів, воно було асоційоване ним зі слідами діяльності пізньопалеолітичного населення. У статті вперше повністю опубліковані матеріали дослідження пам'ятки, включаючи польові креслення. Обґрунтована її типологічна приналежність до плейстоценових фауністичних об'єктів, походження яких не пов'язане з людською діяльністю.

Ключові слова: Харківська область, плейстоцен, фауністичні місцезнаходження.

Summary

I. Snizhko. Faunistic Location Near Andreyevka Village in the Kharkiv Region

Pleistocene fauna location near Andreyevka village in the Bohodyhov district of the Kharkiv region was excavated by I. F. Levitsky in the year 1948. Like the faunistic location near Bohodyhov town, it was associated by him with the traces of the Upper Paleolithic people activity. The materials of the site research are published in full for the first time, this includes field-type drawing. Its typological belonging to Pleistocene faunistic objects origin of which isn't related to human activity is substantiated.

Keywords: the Kharkiv region, Pleistocene, Faunistic locations.

О. В. Шелехань, О. В. Ліфантій

Розвідки на городищі скіфського часу біля с. Якушинці

Розвідки на городищі біля с. Якушинці Вінницького району Вінницької області були проведені авторами статті задля розширення знань про пам'ятки Побужжя. В порівнянні з сусідніми ареалами скіфської культури, територія Побужжя залишається маловивченою. Розвідки були спрямовані по стопам Південно-Подільської експедиції М. І. Артамонова з метою уточнення та перевірки даних її роботи. Досліджена пам'ятка відома в літературі достатньо давно, проте її етнокультурний характер не був змальований у всій повноті. Городище було обстежено нами у 2012–2013 рр. Ця археологічна пам'ятка є північною окраїною Побузської групи. Вона розташована у лісі Стрижавська дача на захід від Вінниці.

Якушинецьке городище традиційно відносили до пізньоскіфського часу. Ця дата була запропонована М. І. Артамоновим на основі того, що найближчий могильник біля с. Переорки дав матеріали IV ст. до н. е. У зв'язку з цим, дослідник вважав, що населення Побужжя скіфського часу на ранньому етапі населяло городища біля Немирова та Северинівки, а на пізньому змістилося на північ на Якушинці та Переорки [1, с. 4]. Сьогодні це глобальне припущення, висунуте на базі дослідження семи курганів, не може бути сприйнято без критичної перевірки. Крім того, існує протилежна, більш аргументована думка про те, що ареал скіфоїдного населення Побужжя навпаки, на пізньоскіфському етапі розширився на південь [2, с. 4].

Пам'ятка розташована на пологому мисі у верхів'ях лівих припливів р. Вишенька, що впадає у Південний Буг (рис. 1). Городище складається з двох нерівнозначних частин (рис. 2). Центральний двір розташовано на південно-західному схилі пологого мису. Має форму асиметричного овалу. Має розміри по довгій осі довжиною 550 м, по короткій — 300 м. Загальна площа сягає близько 11 га. У північно-східній частині було знято профіль поверхні фортифікаційних споруд. Перший, внутрішній вал сягає висоти 3 м від рівня площадки городища і ширини 10 м. Другий, сполучений з попереднім, зовнішній вал приблизно на метр нижчий, але його ширина сягає 15 м. Масштаб насипів з напільної сторони та з боку яру приблизно однаковий. З усіх сторін зовнішній вал оточено ровом, ширина якого сягає 7–8 м.

Із заходу до центрального укріплення примикає передграддя у формі неправильної трапеції. Воно охоплює яр, у котрому, напевно, в давнину протікав струмок. Практично уся територія передграддя мало придатна для проживання через складний похилий ландшафт. Тому на ній дослідження не проводились.

Розміри споруд передграддя скромніші. Висота валу не перевищує двох метрів. Рів також менший у розмірі. Його сучасна ширина сягає 3–4 м. Розміри становлять близько 700 м по повздовжній осі північний захід — південний схід і 350 м по поперечній осі південний захід — північний схід. Площа становить близько 13 га.

За своїми конструктивними особливостями Якушинецьке городище може бути віднесене до третього класу укріплень за класифікацією А. О. Моруженко — городища

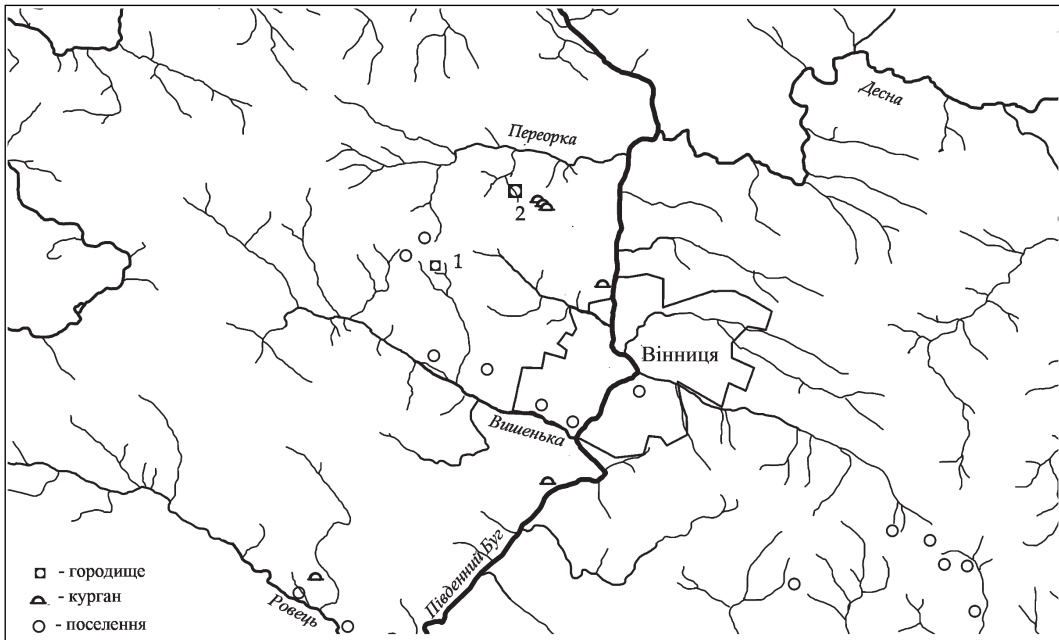

Рис. 1. Карта пам'яток північної околиці Східноподільської групи:
1 – Якушинці; 2 – Переорки

Fig. 1: Map of sites of northern outskirts of East-Podolian group:
1 – Yakushyntsi; 2 – Pereorky

з включенням джерела води у систему валів. Це найбільш складна і найменш поширена схема спорудження укріплень. Подібним чином облаштовувались найбільші укріплення, такі як Немирівське та Пастирське [3, рис. 1, е; 4, рис. 1].

На центральному дворі зафіксовано незначну кількість підйомного матеріалу. Це було можливо завдяки тому, що, незважаючи на лісову рослинність, на території центрального двору практично повністю відсутній трав'яний покрив та, навіть, шар палого листя. Ймовірно, така ситуація обумовлена підвищеною вологістю ґрунту всередині укріплень городища. Також у північній та південній частині закладено 16 шурфів. Стратиграфічна ситуація на обох ділянках однакова: під шаром піщаного сірого лісового ґрунту залягає піщаний суглинок. Культурний шар практично відсутній. Шість шурфів взагалі виявилися стерильними. Жодних закритих комплексів не виявлено.

Видобутий матеріал відноситься до двох культурно-хронологічних горизонтів. Перший представлено старожитностями білогрудівської культури [5, с. 55; рис. 29, 6; 6, с. 397; 7, с. 133] (рис. 3; 1–8). Фрагменти кераміки цієї групи вирізняються значною кількістю крупних фракцій шамота та жорстви. Найбільш інформативними є вінця горщиків, орнаментовані навскісними паличковими вдавленнями (рис. 3: 1, 2). Безумовно, цей хронологічний горизонт відноситься до неукріпленого селища, яке існувало на цьому мису задовго до зведення валів.

Другу групу знахідок складають матеріали раннього залізного віку. До них відносяться фрагменти кераміки, виготовлені більш ретельно. Вінця горщиків, як правило, відігнуті (рис. 3: 9–12). В одному випадку вінце орнаментовано по шийці наліпним валиком з проколами та пальцевими защепами. Два інших орнаментовані защепами по краю. Крім того, знайдені дві стіночки, що орнаментовані наліпним валиком із защепами (рис. 3: 17, 18). Вінця мисок демонструють типову круглобоку

И
К
Т
С
И
С

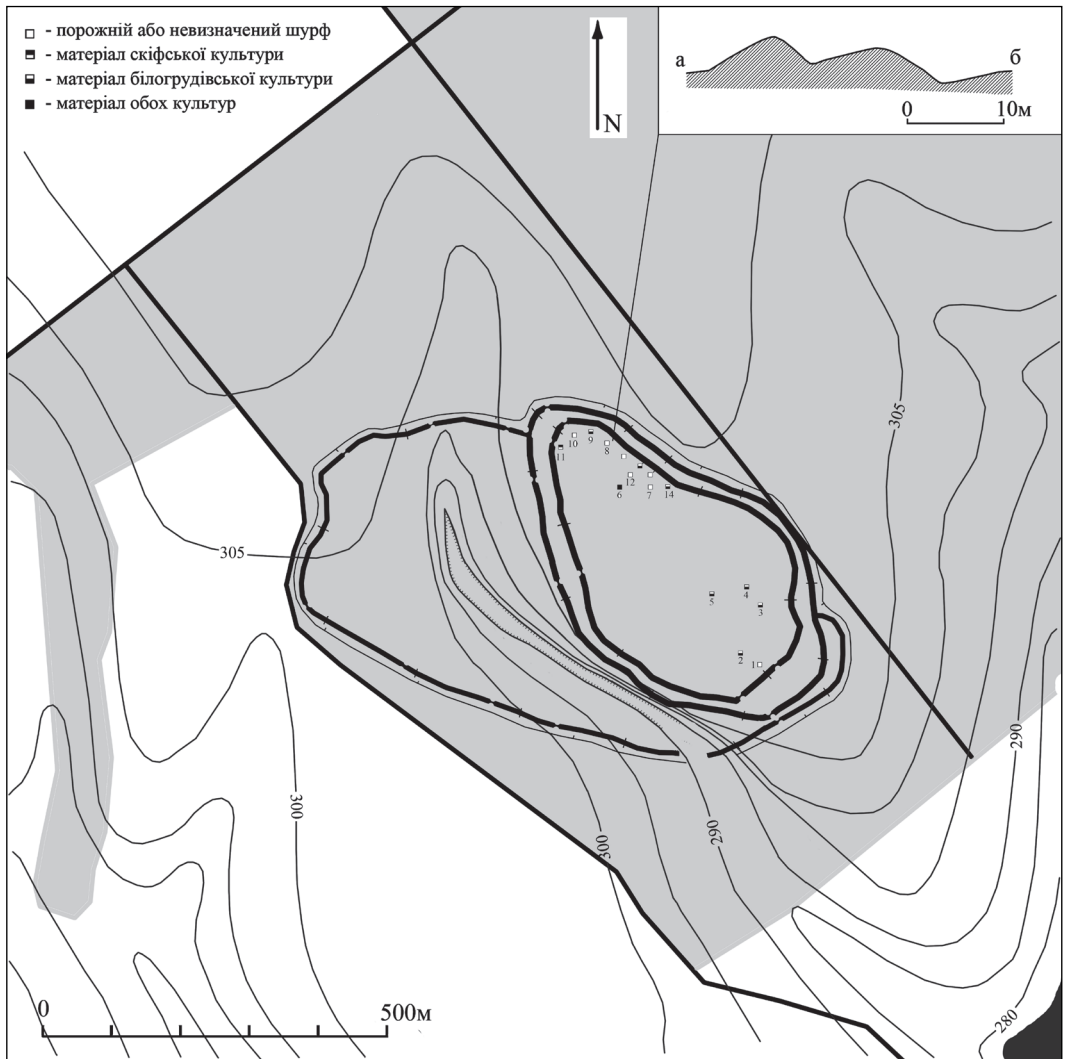

Рис. 2. Городище біля с. Якушинці
 Fig. 2. The plan of the hillfort near Yakushyntsi village

форму з трохи загостреною увігнутою закраїною (рис. 3: 13–16). До того ж часу, вірогідно, відноситься знахідка пряслиця (рис. 3: 19).

Оформлення наліпного валика, особливо на бортику горщика, вказує передусім на період скіфської архаїки — VII—VI ст. до н. е. Сосуди подібного вигляду зустрічаються у шарах архаїчного часу Немирівського та Северинівського городищ [4, с. 67; 8, с. 88]. Подібний набір посуду відомий з Трахтемирівського городища, яке загинуло у першій половині VI ст. до н. е. [9, с. 76].

З поховальних пам'яток, де зафіксовано подібно орнаментований посуд, перш за все слід назвати поховання 2 Реп'яховатої Могили (перша чверть VI ст. до н. е.) [10, с. 79]. У той же час, вінця без наліпного валика можуть бути датовані і більш пізнім часом, принаймні до V ст. до н. е. [11, рис. 22].

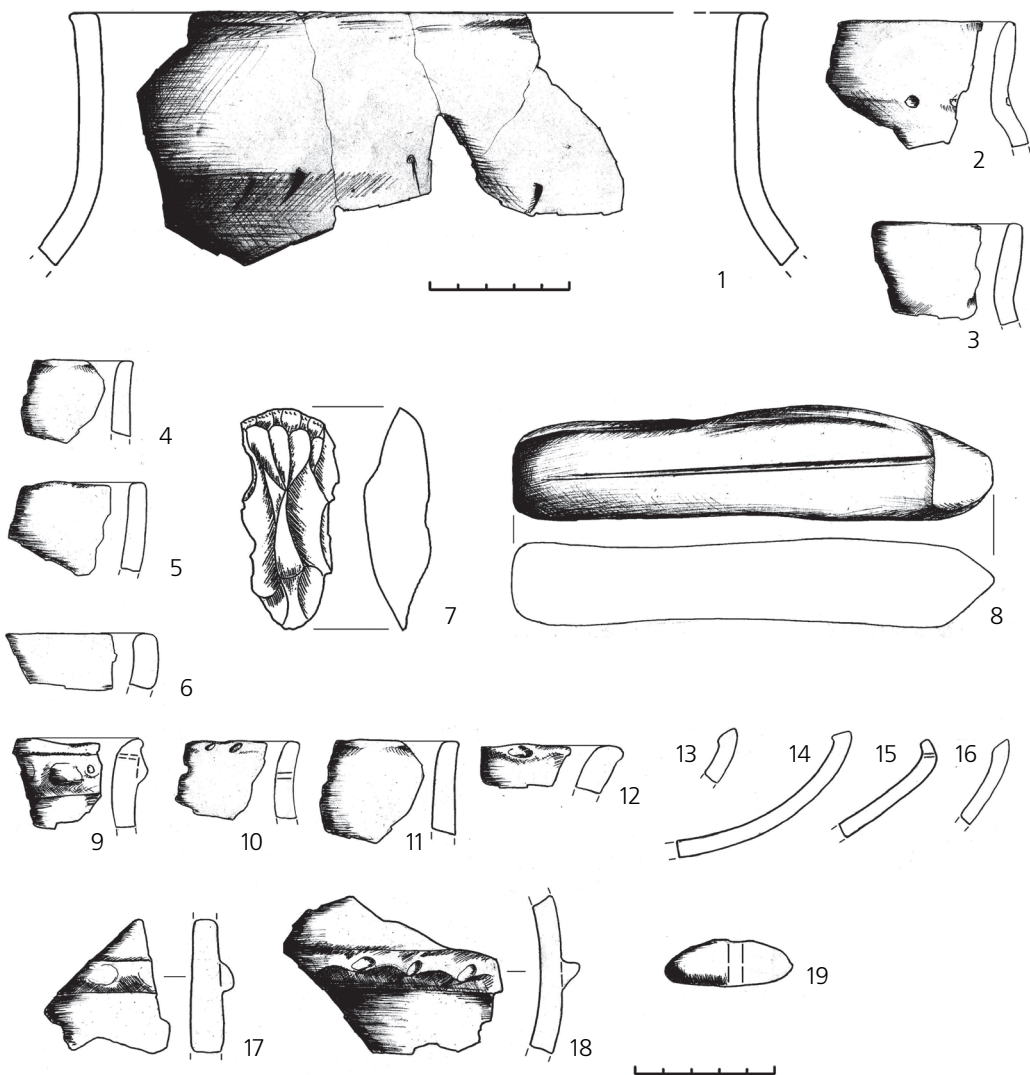

Рис. 3. Знахідки з шурфів:
 1-8 – матеріал білогородівської культури; 9-19 – матеріал скіфської культури
 Fig. 3. Finds from exploring shaft:
 1-8 – material of Bilohrudivka culture; 9-19 – material of Scythian culture

Варто зауважити, що матеріали скіфського часу зафіксовано лише у двох шурфах (№ 6 та 9) у північній частині городища. Тоді як білогородівські знахідки зустрічались всюди.

Досліджена пам'ятка об'єднує північний осередок подільських пам'яток скіфського часу. Окреслений «кущ» обмежується зі сходу Південним Бугом, а з півночі та півдня його притоками Переоркою та Вишенькою (рис. 1). Городище перекриває із заходу доступ всередину окресленої території, на якій відомі ряд неукріплених селищ [12, с. 79] та найбільший могильник регіону.

Дуже бідний культурний шар на городищі свідчить про те, що воно було слабо заселене і ймовірно грало роль «городища-сховища» місцевого населення [13, с. 51;

14, с. 22]. Ця гіпотеза уявляється нам більш вірогідною, ніж думка про городища без культурного шару, які використовувалися як загони для скота. До такого висновку підштовхує також топографія городища. Воно разом із городищем у с. Переорки поєднує найбільш північний осередок подільських пам'яток скіфського часу. Північніше ми вже не зустрічаємо компактних скупчень синхронних поселень. В той же час, вже за 30 км північніше фіксуються милоградські поховання [15, с. 77].

Під час розвідки на Якушинецькому городищі слідів грабіжницької діяльності не було виявлено, чому скоріш за все сприяла слабка насиченість матеріалом. В той час, як на розташованому неподалік курганному могильнику у с. Переорки, на жаль, зустріли іншу картину — більшість насипів містить сліди пошкоджень. Не виключено навіть використання важкої техніки. Судячи зі слідів пошкодження ґрунту, грабіжники діяли тут протягом тривалого часу, аж до наших днів.

Отже, навіть скромна розвідка може принести неочікувані результати і значно розширити уяву про подільські пам'ятки. За результатами наших робіт на Якушинецькому городищі було виявлено матеріали білогрудівського часу. Разом з тим, скіфська кераміка дозволяє віднести укріплення до більш раннього часу, ніж вважалося раніше. Подальше дослідження має пролити більше світла на характер цієї пам'ятки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Артамонов М. И. Археологические памятники Южной Подолии (по материалам Южно-Подольской экспедиции в 1946 г.) // НА ІА НАНУ. — 1946/12.
2. Бессонова С. С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. — К., 1994.
3. Моруженко А. О. Городища скіфського часу на території Лісостепу Східної Європи // Вісник ХНУ. — 1969. — Вип. 3.
4. Смирнова Г. И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII—VI в. до н. э. — Археология. — 1996. — № 4.
5. Терножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961.
6. Березанська С. С. Білогрудівська культура / Археологія УРСР. — Т. 1. — К, 1971.
7. Готун І. А., Гаскевич Д. А., Казимір О. М., Лисенко С. Д., Петраускас А. В., Петраускас О. В. Північна експедиція ІА НАН України. Матеріали і дослідження. — К., 2007.
8. Смирнова Г. И. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947–1948, 1953 гг.) // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2.
9. Фиалко О. Є., Болтфик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003.
10. Гречко Д. С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus: «Iranians and Greeks». — № 3. — 2012.
11. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного правобережья. — К., 1989.
12. Пам'ятки історії та культури Вінницької області. Словникова частина. — Вінниця, 2011.
13. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. — М., 1999.
14. Гречко Д. С., Свистун Г. Є. Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці // Археологія. — 2006. — № 4.
15. Лобай Б. І. Кургани скіфського часу на Вінничині // Археологія. — 1977. — № 21.

Резюме

Шелехань О. В., Ліфантій О. В. Розвідки на городищі скіфського часу біля с. Якушинці

Подано результати досліджень городища біля с. Якушинці у 2012–2013 рр. Знято план пам'ятки за допомогою прибору GPS. Шурфування виявило артефакти двох культур — білогрудівської та скіфської. Фортифікаційні насипи відносяться, безсумнівно, до другого горизонту. Білогрудівський матеріал датується XII—XI ст. до н. е., скіфський — VII—VI ст. до н. е. Остання обставина розширює наші знання про пам'ятку, оскільки раніше вважалося, що вона датується тільки пізньоскіфським часом. Аналіз географічного положення городища вказує на те, що воно було центром найбільш північного вузла пам'яток скіфського часу Східного Поділля.

Ключові слова: Поділля, городище, скіфська культура, білогрудівська культура.

Резюме

Шелехань А. В., Лифантій О. В. Разведки на городище скифского времени у с. Якушинцы

В статье приведены результаты новых исследований городища скифского времени у с. Якушинцы. Снят план оборонных сооружений с помощью прибора GPS. Проведенная шурфовка выявила артефакты двух культур — белогрудовской и скифской. Фортификационные насыпи относятся, безусловно, ко второму горизонту. Белогрудовский материал датируется XII—XI вв. до н. э., скифский — VII—VI вв. до н. э. Последнее обстоятельство расширяет наши знания о памятнике, поскольку ранее считалось, что он датируется только позднескифским временем. Анализ географического положения городища указывает на то, что оно было центром наиболее северного узла памятников скифского времени на Восточном Подолье.

Ключевые слова: Подолье, городище, скифская культура, белогрудовская культура

Summary

O. Shelekhan, O. Lifantii. The Explorations on the Hillfort of the Scythian Period Near Yakusbyntsi Village

The results of new research of the hillfort of the Scythian time near Yakusbyntsi village are presented. The plan of the fortifications was made with using the GPS device. The explorations revealed artifacts of two cultures — Belogrudivka and Scythian. The fortifications are definitely belonging to the second horizon. Materials of Belogrudivka culture are dating XI—XII cent. B. C., Scythian — VII—VI cent. B. C. The last circumstance is expanding our knowledge of the monument. Previously was thought that it is belong only to the late Scythian time. The analysis of the geographical position of the hillfort indicates that it was the center of most northern site of monuments of the Scythian period in the Eastern Podillya.

Key words: Podillya, hillfort, Scythian culture, Bilohrudivka culture.

С. В. Дьячков

Еще одна башня-цистерна генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)

Объединенная археологическая экспедиция Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» в 2013 г. продолжала раскопки оборонительных объектов генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (ныне Балаклава, г. Севастополь). На территории города св. Николая проводились исследования башни № 5, расположенной на северном склоне горы Кастрон между припортовым районом и консульским замком. Башня № 5 была возведена между башнями № 8 и № 6 и, очевидно, составляла с ними единый оборонительный комплекс в системе городских фортификационных сооружений (рис. 1).

Архивные изыскания пока не обнаружили упоминания или описания башни № 5 в письменных источниках, а также в трудах путешественников XVIII—XIX вв. Если верить литографии, выполненной К. Кюхельхеном в 1827 г., то в первой трети XIX в. еще сохранялись стены 2–3-х ярусов башни № 5 [1, с. 142]. Однако почтовая открытка рубежа XIX—XX вв. свидетельствует, что к этому времени сохранилось лишь основание башни [2, с. 283], соответствующее, в целом, ее нынешнему состоянию.

К началу археологических раскопок в 2013 г. руины башни № 5 находились в удовлетворительном состоянии. Размеры восточной стены, развернутой фасадом к Балаклаве, составляли $8,2 \times 6,1 \times 2,0$ м. На расстоянии 2,5 м от северного угла башни сохранились остатки бойницы для стрельбы из арбалета ($0,65 \times 1,2$ м). Впрочем, очевидно, что бойницу заложили во время перестройки башни еще в средневековый период. Северная стена — наиболее сохранившаяся часть башни № 5 — фасадом повернута к бухте. Размеры стены по внешнему фасу: $9,4 \times 7,1 \times 2,2$ м. В верхней части стены на высоте 5 м от уровня нынешней поверхности сохранились две арбалетные бойницы ($0,6 \times 1,0$ м), которые также были заложены в средневековое время. Западная стена башни развернута фасадом к выходу из Балаклавской бухты. К началу работ длина открытой части стены составляла 6,0 м, а высота у западного угла башни 5,1 м, ширина — 2,0 м. Остатки южной стены башни № 5 были покрыты грунтом и растительностью (рис. 2).

В ходе раскопок внутреннего пространства башни № 5 выяснилось, что в основании башни № 5 была сооружена цистерна для хранения воды. Известно, что в Чембало функционировала хорошо организованная, разветвленная система водоснабжения, питавшаяся водами из источников, расположенных в верховьях балки Кефало Вриси [3, с. 91]. До раскопок в башне № 5 были известны три цистерны, сооруженные внутри крепостных объектов: донжон консульского замка (XIV в.), донжон цитадели (XV в.), а также цистерна-водохранилище в башне № 6 [4, с. 22–24].

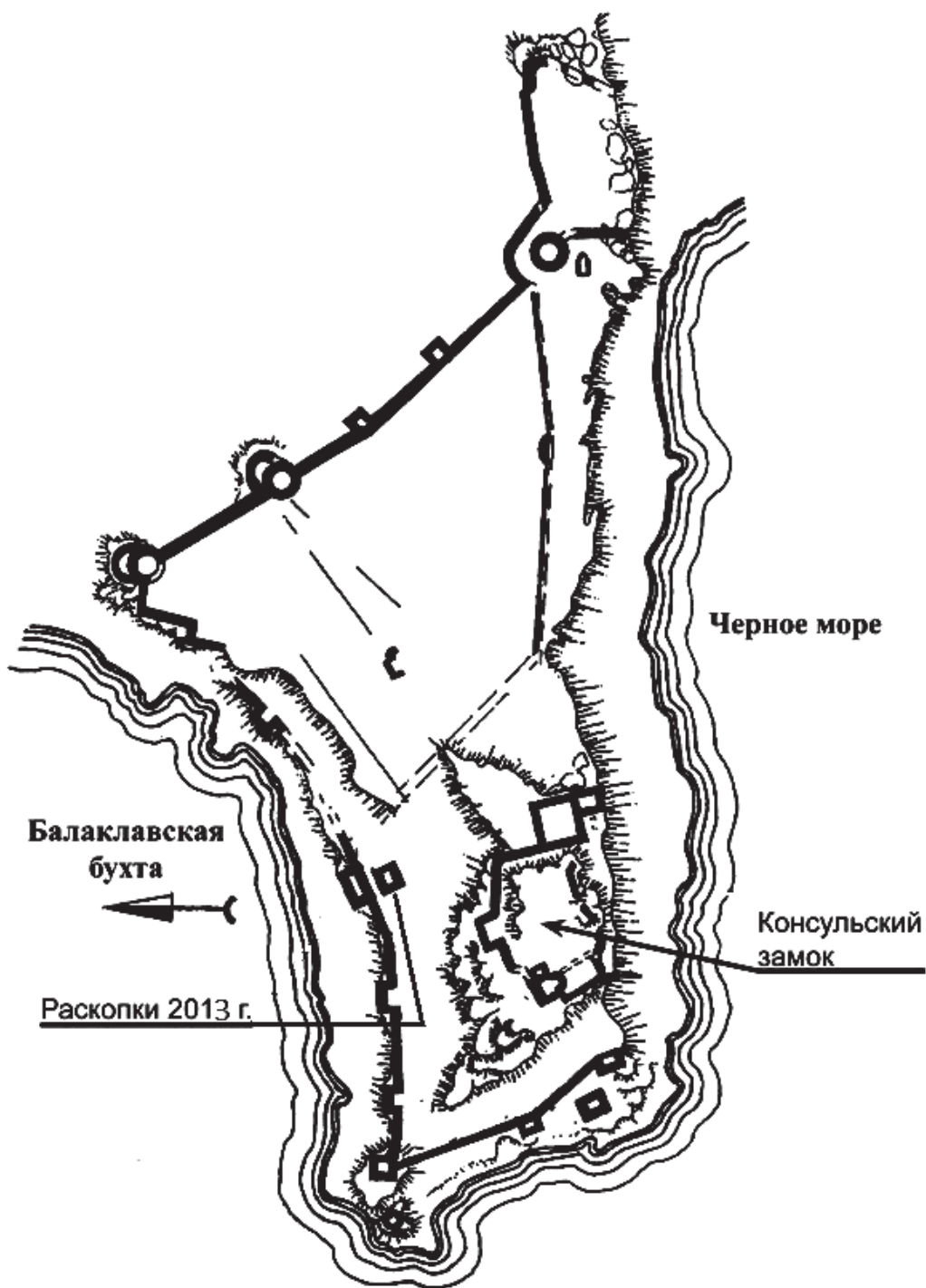

Рис. 1. План генуэзской крепости Чембало. Место раскопок в 2013 г.
 Fig.1. The Plan of Genoese Cembalo Fortress. The excavation site in 2013

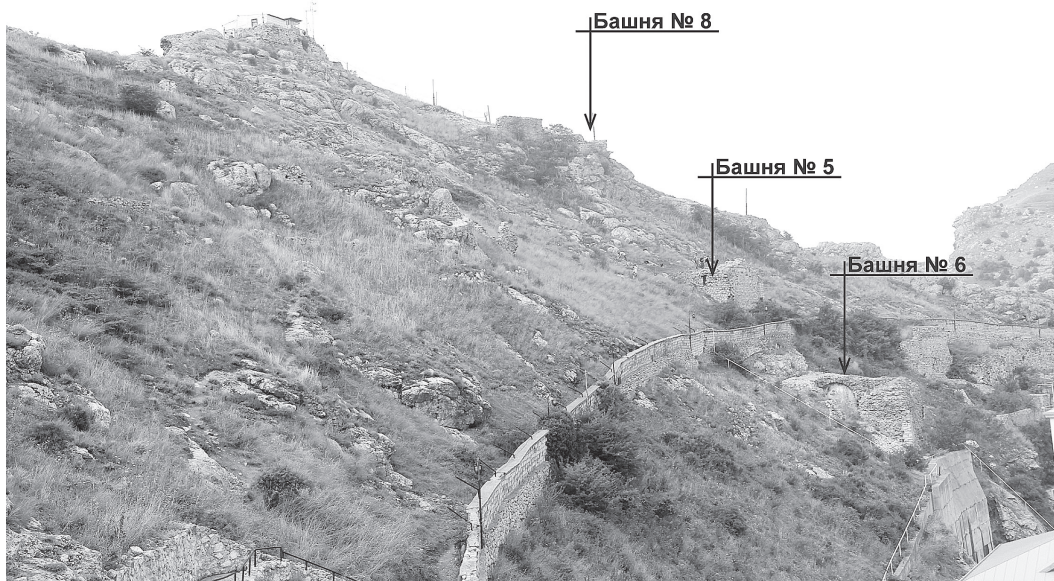

Рис. 2. Северный склон горы Кастрон. Оборонительные сооружения города св. Николая
 Fig. 2. The Northern slope of Mount Castron. The fortifications of St. Nicolas city

Рис. 3. Башня № 5 и цистерна в процессе раскопок (вид с востока)
 Fig 3. Tower № 5 and cistern during the excavations (the view from the East)

Раскопками 2013 г. установлено, что площадь нижнего яруса башни № 5 составляет более 35 кв. м ($6,75 \times 5,25$ м). Здесь впритык к внутренней стороне каменных стен башни № 5 сложена кирпичная кладка, скрепленная густым известковым раствором светло-серого и розоватого оттенков (известь, песок, мельчайший морской камень, толченая керамика). Кирпичная кладка, добавленная с внутренней стороны стен сооружения, перекрыла проемы бойниц, сохранившиеся с внешней стороны северной и восточной стен. В кирпичном слое кладки преобладает красноглиняная плинфа местного производства, покрытая густым светлым ангобом. Размеры кирпичей $0,25 \times 0,15 \times 0,03$ м; $0,22 \times 0,14 \times 0,04$ м и т. п. Кирпичная кладка двухслойная, рядовая, постелистая, на внешнюю сторону кирпич уложен ложком или тычком, вероятно, в зависимости от перевязки слоев и примыкания к первоначальной каменной кладке стены. Толщина шва скрепляющего известкового раствора между кирпичными рядами составляет 2–3,5 см. Кирпичная кладка покрыта слоем гидрофобной штукатурки (до 2 см), которая наносилась в два приема. Первоначально внешнюю сторону кирпичной кладки покрывали слоем раствора, аналогичного раствору, скрепляющему кирпичи в кладке (до 1,5 см). Затем сверху наносился еще один слой штукатурки, в котором преобладала известь, что придает штукатурке бледно-серый цвет. Верхний слой штукатурки стены тщательно заглажен.

Использование кирпичной кладки для сооружения стен емкости — важная конструктивная особенность цистерны в башне № 5. Аналогичная строительная техника на других сооружениях крепости Чембало прежде зафиксирована не была. Не исключено, что артельщики, соорудившие цистерну из кирпича во внутреннем пространстве башни, использовали опыт византийских строителей, повсеместно чередовавших каменную и кирпичную кладки в своих постройках.

В ходе перестройки и возведения кирпичной кладки в северную и южную стены были уложены по четыре каменных плиты правильной прямоугольной формы, тычками выступающие из стены. Ширина плиты (тычок) — 0,50 м. Верхние плоскости плит северной стены установлены на одной высотной отметке –1,282. Верхние плоскости плит южной стены установлены на отметке –1,182, что на 10 см выше опорных площадок в кладке северной стены башни. Очевидно, что эти каменные плиты служили опорой для возведения каменного арочного свода над цистерной.

В верхней части кладки северной стены башни № 5 сохранились четыре отверстия для укладки поперечных, квадратных в сечении деревянных балок ($0,2 \times 0,2$ м). Кроме того, на верхней плоскости стены удалось обнаружить следы, оставленные на застывшем растворе поперечной опорной балкой в виде квадратного в сечении деревянного бруса ($0,2 \times 0,2$ м). По всей видимости, это следы деревянных конструкций межэтажного перекрытия башни № 5. Вероятно, балки перекрытия использовались во время перестройки башни, сооружения цистерны в ее нижнем ярусе и возведения арочного свода над цистерной (рис. 3).

На глубине 3,05 м от уровня дневной поверхности в восточном углу цистерны был обнаружен фрагмент каменного пола площадью 4 кв. м. Дно цистерны выложили плоскими полигональными плитами песчаника, тщательно подогнанными друг к другу. Швы между плитами (3–4 см) скреплены известковым раствором, который по своему составу был аналогичен связующему раствору кирпичной кладки стен цистерны-башни.

В ходе раскопок из башни № 5 был удален слой 2, который возник в результате обрушения свода цистерны и постепенного проседания строительных остатков и натечного грунта вовнутрь сооружения. Таким образом, внутреннее пространство сооружения было заполнено строительными остатками перекрытия цистерны и рухнувших стен верхних ярусов башни. Мощность слоя 2 достигала 1,4–1,6 м, его

основу составлял сухой и рыхлый грунт светло-серого цвета (суглинок) и большое количество необработанных камней местного мраморовидного известняка преимущественно среднего и крупных размеров. На многих камнях сохранились остатки связующего раствора. Важнейшими составными частями слоя 2 являлись обломки плинфы, а также деформированный известковый раствор, мелкий и мельчайший морской камень, линзы морского песка. Среди находок выделим обломки водопроводных труб, а также измельченные фрагменты керамической тары, кухонной и столовой посуды XIV—XV вв.

В ходе раскопок башни № 5 обнаружено более 2,5 тысяч железных арбалетных болтов трех типов. Коллекция арбалетных наконечников значительно пополнила имеющиеся сведения об этом метательном оружии в Чембало [5, с. 210–211; 6]. В слое 2 найдено также более 450 фрагментов пластин доспеха типа «бригандина», которые, очевидно, использовали местные арбалетчики [7, с. 273–289; 8, с. 175–190]. Кроме того, в слое обнаружено более 40 железных гвоздей и фрагменты железных полос, вероятно, скреплявших массивную мебель или стеллажи. Среди скопления болтов найден ордынский серебряный данг, чеканенный в Хаджи-Тархане во времена Махмуд-хана (1459–1465). На полу цистерны обнаружена медная генуэзско-татарская монета XV в. [9, с. 37, № 1, 4]. Уникальный археологический комплекс, который своими количественными показателями превосходит все известные в Восточной Европе аналоги, нуждается в дальнейшем изучении и продолжении раскопок башни № 5.

После антигенуэзского мятежа в 1433–1434 гг. и падения Константинополя в 1453 г. в Чембало проводилась масштабная реконструкция и ремонт старых оборонительных сооружений, а также строительство новой линии крепостных стен и цитадели на вершине г. Кастрон [10, с. 346]. Вероятно, что перестройка башни № 5, а также изменение ее функционального назначения следует связывать именно с этими событиями. Таким образом, в середине XV в. башня № 5 утратила первоначальное оборонительное назначение. Хорошо защищенная цистерна обслуживала потребности обитателей этой части города и была составной частью системы крепостного водоснабжения. Расположенный над цистерной второй ярус, вероятно, использовался в качестве арсенала. Представляется, что в результате захвата Чембало турками-османами в 1475 г. башня № 5 находилась в полуразрушенном состоянии. Иначе трудно объяснить равнодушие османов к скоплению в башне такого вполне полезного металла. В первой половине XIX в. в результате обветшания или, возможно, землетрясения 1838 г. произошло обрушение свода руин заброшенной башни. Таким образом, в цистерну попали остатки арсенала — арбалетные болты и пластинчатые доспехи защитников генуэзской крепости.

Настоящая заметка носит, предварительный характер, но результаты раскопок 2013 г., безусловно, указывают на перспективность и необходимость продолжения археологических исследований башни № 5 и примыкающего к ней пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Севастополь* на литографиях и гравюрах: Альбом. — Симферополь, 2010.
2. *Скарби Херсонеса Таврійського*. — К., 2013.
3. *Столяренко Е. Н.* Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало XIV—XV вв. // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции — Х., 2010.

4. Дьячков С. В. Раскопки башни № 6 генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.): предварительные итоги // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»: Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2012.
5. Дьячков С. В. О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2011. — Вып. 10.
6. Семин С. Средневековое вооружение Крыма второй половины XIII—XV вв. Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Оръжие и снаряжение презквсната античност и средновековието IV—XV в. / Acta musei Varnensis I. — София, 2002.
7. Дьячков С. В. Бригандина арбалетчика из Чембало // Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2010. — Вып. 9.
8. Dyachkov S. The 15th Century Brigandine of a Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo // Acta Militaria Mediaevalia. VII. — Krakow; Rzeszow; Sanok, 2011.
9. Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В., Столяренко Е. Н. Отчет о раскопках генуэзской крепости Чембало в 2013 году. Башня № 5 // НА НЗХТ № 4301.
10. Мьц В. А. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.

Резюме

Дьячков С. В. Ще одна башта-цистерна генуезької фортеці Чембало (XIV—XV ст.)

Нотатки присвячено новітнім розкопкам генуезької фортеці Чембало (XIV—XV ст.), які відбувалися на території міста св. Миколая. За результатами розкопок башти № 5 у 2013 р. було виявлено ще одну цистерну для зберігання води, яка була частиною складної системи водопостачання фортеці й міста Чембало. З'ясовано, що цистерну було збудовано після кардинальної перебудови башти у третій чверті XV ст. На відміну від інших фортечних цистерн, водосховище башти № 5 було побудовано з цегли. Розкопками цистерни башти № 5 було виявлено унікальний комплекс арбалетних стріл та залізних пластин захисних обладунків.

Ключові слова: Генуезька Газарія, Чембало, фортечні споруди, башта № 5, цистерна.

Резюме

Дьячков С. В. Еще одна башня-цистерна генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)

Заметки посвящены новейшим раскопкам генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.) на территории города св. Николая. По результатам раскопок башни № 5 в 2013 г. обнаружена еще одна цистерна для хранения воды, которая была частью сложной системы водоснабжения крепости и города Чембало. Установлено, что цистерна была сооружена после кардинальной перестройки башни в третьей четверти XV в. В отличие от других крепостных цистерн, стены водохранилища башни № 5 возведены из кирпича. Раскопки цистерны башни № 5 обнаружили уникальный комплекс арбалетных стрел и железных пластин защитных доспехов.

Ключевые слова: Генуэзская Газария, Чембало, крепостные сооружения, башня № 5, водосборная цистерна.

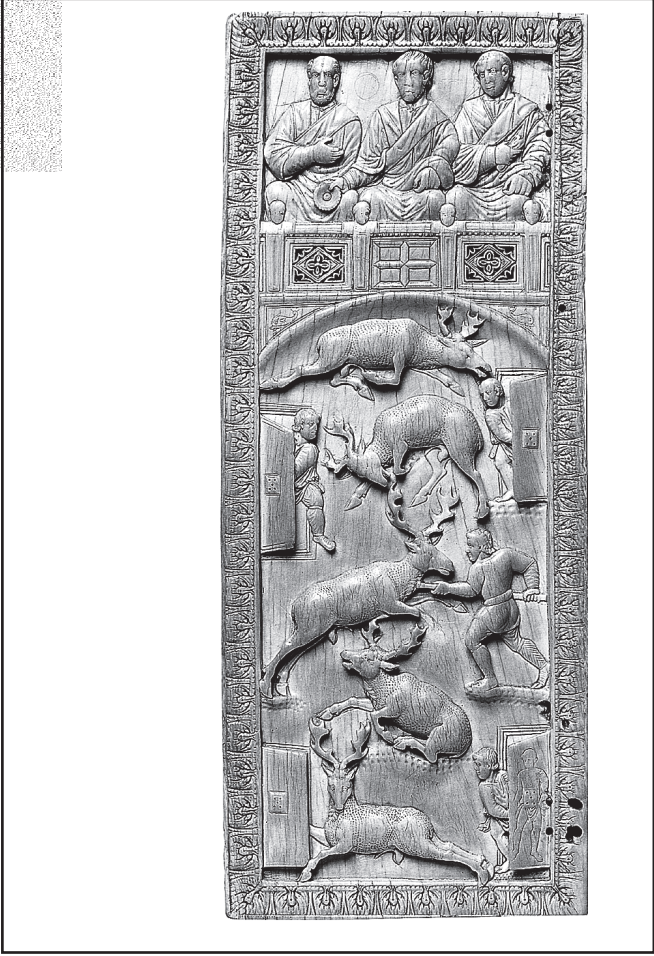
Summary

S. Dyachkov. One More Tower-water Cistern of Genoese Fortress Cembalo (XIV—XV cent.)

The article is devoted to the newest excavations of Genoese Fortress Cembalo (XIV—XV cent.) that took place on the territory of St. Nicolas city. In the result of the excavations of the tower № 5 in 2013 one more cistern for keeping water was discovered. It was a part of a complex water-supply system of the fortress and the city of Cembalo. It was found out that the cistern was build after the pivotal rebuilding of the tower in the third quarter of XV century. Unlike the other fortress cistern the water reservoir of the tower № 5 was made of bricks. With the help of the excavations of the tower № 5 a unique set of arbalest arrows and iron lamellas of the protective armour were revealed.

Key words: Genoese of Gazzary, Cembalo, fortress buildings, tower № 5, water cistern.

Научная хроника

Научная конференция–презентация «Проблемы исследования и охраны культурно–исторического наследия Украины. Итоги полевых исследований в 2013 году»

3 декабря 2013 г. в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина под эгидой Харьковского историко-археологического общества состоялась IX научная конференция-презентация «Проблемы исследования и охраны культурно-исторического наследия Украины. Итоги полевых исследований в 2013 году». В рамках конференции была открыта выставка-презентация итогов полевого сезона 2013 г. археологических экспедиций, организованных научными учреждениями Харькова. Проведение традиционной конференции — один из шагов в деятельности ХИАО, направленных на консолидацию усилий научной общественности Харьковщины в деле научного исследования памятников археологии, охраны культурно-исторического наследия, популяризации знаний по археологии, истории, краеведению.

В работе конференции-презентации приняли участие ученые, представлявшие все научно-исследовательские учреждения г. Харькова, занимающиеся вопросами исследования и охраны археологических памятников. Среди участников конференции: студенты вузов города, преподаватели, учителя и школьники, любители древностей. Тематика докладов охватывала проблемы изучения археологических памятников от палеолита до позднего средневековья на территории Харьковской и Полтавской областей, а также Крыма.

В полевом сезоне 2013 г. значительные и разнообразные исследования были проведены сотрудниками Харьковского исторического музея (ХИМ).

Снежко И. А., Бабенко Л. И. (ХИМ). Работа позднепалеолитической экспедиции. На позднепалеолитической стоянке у с. Каменка (Изюмский р-н), изучалась восточная периферия памятника, датированного 15 тыс. лет назад. Коллекция артефактов из культурного слоя, залегающего на стыке причерноморского лёсса и древнеголоценового грунта, представлена нуклеусами разных стадий обработки, техническими сколами, отщепами и пластинами. Среди находок авторы выделяют орудия труда со следами вторичной обработки: резцы, скребки, микропластины с притупленным краем. На нескольких пластинках и отщепах зафиксированы следы обработки в виде ретуши утилизации.

Пеляшенко К. Ю. (ХИМ). Раскопки Циркуновского городища. В отчетный период экспедиция проводила раскопки на городище у с. Циркуны Харьковского района Харьковской области. Исследования позволили получить важную информацию о характере первоначального периода заселения городища в конце VI — начале V вв. до н. э., уточнить данные о хронологии и времени сооружения отдельных укрепленных частей городища.

Аксёнов В. С. (ХИМ). Исследования раннесредневекового могильника у с. Верхний Салтов. Совместной экспедицией Харьковского исторического музея и ХНУ имени В. Н. Каразина на раннесредневековом могильнике изучено пять катакомбных захоронений (№ 115–119). Большой научный интерес представляет катакомба № 119,

содержавшая парное захоронение молодой женщины и ребенка 3–5 лет. Погребение женщины сопровождалось богатым инвентарем, состоявшим из предметов украшения и амулетов. В состав ожерелья женщины входило десять серебряных монет, превращенных в подвески.

Аксёнов В. С. (ХИМ). Работы на раннесредневековом могильнике у с. Металловка. На Нетайловском могильнике салтово-маяцкой культуры исследовано 11 погребений (№ 515–525). Среди них автор раскопок выделил два захоронения воинов-всадников (№ 522 и 525), содержавшие предметы вооружения и конскую сбрую. В погребении № 525 найдена редкая для нашего региона бронзовая византийская поясная пряжка типа «Коринф», позволяющая датировать погребальный комплекс второй половиной VIII в.

Аксёнов В. С. (ХИМ), Лаптев А. А. (ХГАК). Работы на раннесредневековом кремационном могильнике у с. Кицевка. В 2013 г. продолжено исследование кремационного могильника салтово-маяцкой культуры, датируемого серединой VIII–IX вв. Работы были сосредоточены на раскопе 1. Здесь на площади 225 кв. м исследовано четыре погребения (№ 7–10). Погребения № 7 и № 8 были сильно повреждены грабителями, в перекопах собрано большое количество пережженных бус, а также обломки пяти сосудов: большого кувшина, трех кувшинчиков и кружки с зооморфной ручкой. Оставшиеся два комплекса погребального инвентаря не содержали.

ГП ОАСУ «Слободская археологическая служба» (САС) под руководством И. В. Голубевой в 2013 г. проводила значительные плановые и охранные исследования в различных районах Харьковской области.

Охранные исследования памятников скифского времени (курганы у с. Кусторовка и поселение «Новоселовка»). В отчетный период было завершено полное исследование поселения «Новоселовка» у одноименного села Нововодолажского р-на и курганов у с. Кусторовка (Краснокутский р-н), обнаруженных автором раскопок в предыдущие годы (в 2007 г. и 2012 г. соответственно). Оба кургана были ограблены в древности и являлись женскими захоронениями с оружием («амазонки»?). В одном из курганов сохранилось непотребоженное дополнительное захоронение мужчины-охранника. На поселении «Новоселовка» обнаружено четыре зольника и более 130 ям (жилые и хозяйственные сооружения с сопутствующим материалом). В ходе раскопок выявлены остатки ветряков XIX в.

Охранные раскопки памятников салтово-маяцкой культуры у с. Сухая Гомольша и пгт Кочеток. Совместными исследованиями с Национальным природным парком «Гомольшанские леса» и военно-патриотическим объединением «Ориентир» у с. Сухая Гомольша (Змиевской р-н) зафиксировано и введено в научный оборот два кремационных

могильника салтово-маяцкой археологической культуры. Оба могильника неоднократно были ограблены, но, тем не менее, удалось выявить интересные артефакты, хорошо датируемые серебряными дирхемами. Еще один аналогичный кремационный могильник обнаружен у пгт. Кочеток (Чугуевский р-н), датируемый половинками дирхемов.

Изучение поселения золотоордынского времени «Хутор Стрмоухов». По информации, полученной от человека, обнаружившего клад серебряных дирхемов золотоордынского времени, удалось выявить синхронное кладу поселение недалеко от с. Заудье (Чугуевский р-н).

Рабочий момент конференции (слева направо): В. В. Скирда, В. С. Аксенов, А. А. Лаптев

Располагается поселение вблизи известного по картографическим материалам не существующего ныне хутора «Стромоухов». В настоящее время площадь поселения полностью заросла лесом, однако на поверхности четко прослеживаются впадины от жилых и хозяйственных построек, а также следы средневековой дороги. Культурный слой на поселении в среднем достигает 0,35 м. В ходе работ обнаружены сельскохозяйственные орудия труда и железная крица. Часть монет клада удалось выкупить. Большинство монет относятся к чекану хана Тохтамыш (1380–1395).

Подземный христианский скит у с. Ковьяги (Валковский р-н). Местными жителями был «вновь открыт» подземный христианский скит. Автор сообщения осуществил визуальный осмотр памятника, который представляет собой искусственно сооруженный пещерный храм, вырытый в суглинистой материковой породе с барельефами, колоннами, нишами, служебными помещениями. На стенах сохранились остатки фресковой росписи. Скит находится в аварийном состоянии, многие помещения верхнего и нижнего ярусов завалены грунтом. Выполнена фотосъемка памятника и инструментальный план скита.

Раскопки Цареборисовской крепости. В отчетный период были продолжены плановые исследования Цареборисовской крепости (с. Червоный Оскол, Изюмский р-н). В условиях дефицита времени и средств был заложен небольшой раскоп на посаде крепости. Раскопками обнаружен сложный археологический комплекс: московское жилище-землянка рубежа XVI–XVII вв., частично перерезанное черкасской хозяйственной постройкой с горном второй половины XVII в. Оба объекта содержали соответствующий керамический и монетный материал. Среди находок следует специально отметить бронзовый наперсный крест «Распятие Христово. Знамение Богоматери» XVI в. (по иконографии XV в.).

Окатенко В. Н. (САС). Доисследование курганов скифского времени Караванской группы Люботинского могильника. В июле-августе отчетного года в результате раскопок удалось установить, что вместо предполагаемых ранее шести насыпей на территории Караванской группы в древности было насыпано лишь два кургана (№ 1 и № 2), а современные т. н. «курганы» являются остатками от их насыпей. В кургане № 1 была полностью исследована насыпь и древний грабительский ход. В кургане № 2 изучена насыпь, а также и погребальная камера с остатками инвентаря. С учетом находок грабителей, этот комплекс можно датировать последним десятилетием VII — началом VI вв. до н. э. и связать с первыми номадами, пришедшими в бассейн Северского Донца из Передней Азии.

Колода В. В. (ХНПУ имени Г. С. Сковороды). Средневековая археологическая экспедиция ХНПУ имени Г. С. Сковороды в 2013 г. проводила исследования в с. Мохнач Змиевского р-на и с. Шевченково Валковского р-на Харьковской обл. Оба памятника принадлежат салтово-маяцкой археологической культуре конца I тыс. н. э. (Хазарский каганат). Работа на городище в с. Мохнач велась на большом северном дворе. Общая вскрытая площадь ≈ 800 кв. м. Изучено более 10 хозяйственных комплексов, среди которых амбар, зерновые ямы, погребка. В амбаре найден семейный тайник с украшениями для одежды и конской упряжи, а также культовые вещи (амулеты). В одной из хозяйственных ям обнаружен большой набор железных предметов (сельскохозяйственный инвентарь, орудия для обработки дерева и снаряжение всадника), четыре амфоры и большой двуручный кувшин. На окраине с. Шевченково исследованы остатки горна для обжига гончарной керамики и остатки парадных лощенных сосудов большого объема.

Шрамко И. Б., Задников С. А. (ХНУ имени В. Н. Каразина). Исследование Бельского городища. Скифская экспедиция ХНУ имени В. Н. Каразина продолжала изучение Бельского городища (Полтавская обл.). Работы велись на трех основных объектах: 1) исследовано одно из ранних поселений VIII в. до н. э. в пределах Большого укрепления; 2) заложен раскоп площадью 300 м кв. на Восточном укреплении. Здесь открыто более двух десятков хозяйственных и производственных комплексов, получен разнобразный материал VI–IV вв. до н. э.; 3) исследовано два кургана

Открытие конференции в зале Музея истории университета

На выставке находок полевых исследований 2013 г.

в могильнике Скоробор. В ходе работ на могильнике удалось проследить особенности погребального обряда раннескифского времени. В погребениях найдено несколько уздечных наборов, глиняный кувшин, античная амфора, железное копьё и полторы сотни бронзовых наконечников стрел.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. (*Учебно-исследовательская лаборатория Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ имени В. Н. Каразина*). *Исследование памятников позднееримского времени на территории Харьковской области*. В отчетный период Германо-Славянская экспедиция под руководством М. В. Любичева проводила раскопки поселения и могильника Войтенки (Валковский р-н), могильника Зачепиловка (Зачепиловский р-н), а также разведки на территории Змиевского р-на. На поверхности, а также в культурных и культурных слоях изучаемых памятников обнаружен ряд ярких, интересных в научном плане находок: украшения, элементы одежды, оружия, гончарные и лепные сосуды и т. п.

Сорочан С. Б., Домановский А. Н. (*ХНУ имени В. Н. Каразина*). *Харьковская археологическая экспедиция в «Цитадели» Херсонеса Таврического (2001–2013 гг.): итоги и перспективы (к 12-летию исследований)*. Экспедиция исследует «Цитадель» городища Херсонеса Таврического с 2001 г. Открыты остатки жилой усадьбы (XIII в.); бани VII — середины IX вв.; «фемного претория» IX в.; общественного здания IV—VI вв. к юго-западу от «дома командира». В дальнейших планах археологических работ экспедиции исследование слоев XIII—XIV вв.; раскопки здания IV—VI вв.; а также здания с фресковой росписью у 19-й куртины оборонительных стен Херсонеса.

Дьячков С. В., Столяренко Е. Н. (*ХНУ имени В. Н. Каразина*). *Раскопки башни № 5 генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)*. Объединенная археологическая экспедиция ХНУ имени В. Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» продолжала исследования фортификационных объектов генуэзской крепости Чембало (ныне Балаклава, г. Севастополь). Первоначально башня № 5 и была важным составным элементом обороны консульского замка и крепости в целом. В ходе работ установлены размеры стен башни и ее площадь — более 77 кв. м. (по внешней стороне стен). В восточной и северной стене башни № 5 были оборудованы три бойницы (высотой 0,9–1,1 м) для стрельбы из арбалетов и баллист. В первой половине XV в. башню перестроили. В ее нижнем ярусе соорудили водосборную цистерну, стены которой сложили из кирпича, покрытого гидрофобной штукатуркой. Помещение над цистерной использовали в качестве склада оружия и снаряжения. К числу уникальных находок в башне № 5 следует отнести 2500 железных наконечников арбалетных стрел (три типа и четыре калибра). Кроме того, здесь обнаружено 437 фрагментов железного пластинчатого доспеха типа «бригандина».

IX научная конференция-презентация, посвященная итогам полевых исследований в 2013 г., имела широкий общественный резонанс. Деятельность археологов Харьковщины получила положительную оценку в средствах массовой информации.

С. В. Дьячков

IX Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины»

30–31 октября 2014 года состоялась IX Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», организованная Харьковским областным историко-археологическим обществом и Харьковским национальным университетом имени В. Н. Каразина. В рамках научного форума состоялось общее собрание членов ХИАО, на котором был заслушан отчетный доклад о деятельности общества в 2012–2014 гг. (С. В. Дьячков), а также избран новый состав правления и ревизионной комиссии. В состав правления были избраны Посохов С. И. (сопредседатель), Дьячков С. В. (сопредседатель), Аксенов В. С., Берестнев С. И., Голубева И. А., Колода В. В., Литовченко С. Д., Мартемьянов А. П., Мызгин К. В., Скирда В. В., Сорочан С. Б., Цитковская Ю. И. (исп. директор), Шрамко И. Б. Членами ревизионной комиссии избраны Сергеев И. П., Домановский А. Н., Столяренко Е. Н.

В работе конференции приняли участие более 50 ученых из 17 городов Украины и Крыма. Тематика докладов охватывала вопросы, связанные с исследованием проблем в широком хронологическом диапазоне от палеолита до позднего средневековья, изучались различные аспекты исследования истории города Харькова и Слободской Украины. К началу работы конференции изданы программа и тезисы докладов¹.

Обширной и разнообразной была программа пленарного заседания конференции. С приветственным словом к ее участникам обратился декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина проф. С. И. Посохов. Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, отражали спектр научных проблем, изучаемых участниками конференции.

И. П. Сергеев (*Харьков*) в докладе «*Об участии гражданского населения Римской империи в политической жизни государства в период кризиса III века*» пришел к выводу о том, что во времена всеобъемлющего кризиса в Римской империи активное участие гражданского населения в политических событиях было эпизодическим. С. В. Дьячков (*Харьков*) в докладе «*Использование метательного оружия гарнизоном гетуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)*» познакомил участников конференции с результатами археологических раскопок Чембало, которые значительно дополнили данные об организации военного дела и применении ручного и механического метательного оружия гарнизоном крепости. А. Г. Плешивенко (*Запорожье*) выступила с докладом «*Памятничко-охранный деятельность Б. Н. Гракова на Каменском городище*». Опираясь на всесторонний анализ архивных документов, А. Г. Плешивенко раскрыла еще одну грань деятельности хорошо известного ученого-скифолога. А. Е. Кислый (*Симферополь*) выступил с докладом «*Нові пам'ятки зображальної культури епохи енеоліту — ранньої бронзи з Криму*». По мнению автора доклада, среди степных культур Северного Причерноморья эпохи энеолита и ранней бронзы распространяется идеология символизма в изображении на предметах материальной культуры.

¹ *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы IX Международной научной конференции (Харьков 30–31 октября 2014 г.)* — Х.: ООО «НТМТ», 2014. — 64 с.

Открытие IX Международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины»

В ходе пленарного заседания конференции состоялась презентация ежегодника Харьковского историко-археологического общества «Древности—2013» (Выпуск 12)¹ и третьего тома ежегодника «Нартекс. Byzantina Ucrainensia»².

Секция «Эпохи камня и палеометалла»

Во время работы секции «Эпохи камня и палеометалла» было заслушано три доклада из числа предварительно заявленных докладов. Некоторые авторы, в силу разных причин, не смогли принять участие в работе конференции.

В докладе **И. А. Снежко (Харьков)** «Десять років дослідження стоянки біля с. Кам'янки» был подведен своеобразный итог десяти полевым сезонам исследования палеолитического памятника в Изюмском районе Харьковской области. За этот период общая площадь раскопа достигла 142 кв. м. Хотя культурный слой оказался существенно деформированным вследствие природно-климатических факторов и деятельности землеройных животных, удалось выявить участки концентрации вещественного материала. Подобная планиграфическая структура типична для стоянок-мастерских, расположенных у источников природного сырья. Коллекция находок, включающая 7538 единиц, состоит из нуклеусов и нуклевидных изделий (пренуклеусов, нуклевидных обломков, отбойников) технических сколов, заготовок и изделий с вторичной обработкой (резцов, скребков, проколов, выемчатых орудий, микропластинок с притупленным краем). В ходе микростратиграфического анализа большую часть полученного материала удалось привязать к слою желтовато-палевого лессовидного суглинка

¹ «Древности—2013». Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12. — Х.: ООО «НТМТ», 2013. — 378 с.

² Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швец; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль. — Вып. 1. — Х.: Майдан, 2014. — 516 с. (Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Том 3).

и установить непрерывность и одноактность его отложения. Характер и особенности кремневого инвентаря указывают на позднепалеолитический возраст памятника.

Отвечая на вопросы, И. А. Снежко отметила, что полинологический анализ культурного слоя позволил реконструировать природную обстановку, в условиях которой формировалась стоянка: относительно холодный климат и однообразный, бедный по составу растительный покров. Подобные условия соответствуют причерноморскому этапу позднего плейстоцена.

В докладе **С. И. Берестнева (Харьков)** «О символике красного цвета в археологическом материале» был поставлен вопрос о семантике использования природного минерального красителя — охры (в широком диапазоне красного цвета) в памятниках, традиционно относимых к категории погребальных. В соответствии с общепринятыми взглядами, применение красной охры рассматривается, по ассоциативной аналогии с кровью, как символ воскрешающего начала, как средство возобновления жизни. Насыщение покойника новой кровью выступает необходимым условием его возрождения в новом качестве, а погребальный ритуал приобретает значение одного из многочисленных обрядов «перехода». Докладчик обратил внимание на очевидные противоречия в «воскрешающей» направленности красного цвета, связанные с позицией тела покойника, нередко указывающей на преднамеренное связывание (т. е. лишение возможности двигаться), а также с использованием охры в отношении заведомо неодушевленных предметов. В результате анализа археологических, исторических, фольклорных источников было высказано предположение о трактовке красного цвета в качестве универсального символа жертвования, посвящения божествам Преисподней. В таком случае, погребение представляет одну из разновидностей жертвоприношения, а встречающаяся в Ведах формула «пожертвованный целиком» приобретает конкретное содержание.

В развернувшейся после доклада дискуссии было высказано пожелание учитывать возможные иные семантические трактовки красного цвета, обусловленные конкретно-исторической ситуацией.

Доклад **В. А. Дмитриева (Харьков)** «Медные украшения в погребениях эпохи ранней бронзы» был посвящен характеристике одного из видов медных украшений, найденных в погребениях древнейшей общности на территории Харьковской области. По мнению автора, они представлены двумя разновидностями: «скобообразными» и «трубчатыми» и использовались для закрепления на кожаной основе. Докладчик указал на чрезвычайно широкий хронологический и территориальный диапазоны подобных украшений, известных от эпохи энеолита до среднего бронзового века на пространствах Центральной и Восточной Европы.

В ходе обсуждения доклада было обращено внимание на необходимость выяснения функционального назначения медных украшений, исходя из контекста конкретных комплексов, поскольку их встречающееся сочетание с предметами неутилитарного характера позволяет предполагать их специфическую культовую направленность.

Секция «Ранний железный век»

На секции «Ранний железный век» было заслушано девять выступлений. **Бабенко Л. И. (Харьков)** в докладе «О составе пластинчатой аппликации из кургана *Верхний Рогачик*» представил результаты источниковедческого анализа золотых нашивных бляшек, обнаруженных в 11-метровом кургане Верхний Рогачик в 1914 г. Автор проследил весь путь публикации данных предметов, отметив ряд существенных ошибок и неточностей, допущенных исследователями. В частности доказано, что уже в первой информационной публикации в ОАКе были поданы фото бляшек с двух разных курганов, более раннего — Чмыревой Могилы и более позднего — Верхнего Рогачика. **Д. С. Гречко (Киев)** посвятил свое выступление на тему «*Особые виды погребений VII в. до н. э. в Поросье*» специфическому погребальному обряду,

характерному исключительно для Медвинского курганного могильника, вызванного необычным отношением к костям своих предков. Так, основной чертой данных захоронений, по мнению автора, является нарушение целостности костяка до его погребения (вторичные, расчлененные и парциальные захоронения). С. А. Задников (*Харьков*) в докладе «*Северный участок Восточного Бельского городища: итоги и перспективы исследований*» подвел итоги раскопок на Восточном Бельске, которые позволили установить границы трех усадеб, возникших во второй половине VI и в конце V вв. до н. э. Верхняя граница существования данных объектов ограничена IV в. до н. э. Автор отметил, что в пределах одной из усадеб зафиксированы следы металлургического производства. Основным хроноиндикатором для определения датировок стала античная керамика, представленная образцами продукции из шести античных центров. О. В. Лифантий (*Киев*) в докладе «*Золоті платівки скифського одягу з зображеннями птахів*» проанализировала образы, представленные на 95 золотых бляшках из 14 погребальных комплексов Степной Скифии. По орнитологическому принципу коллекция бляшек была разделена на четыре группы. Автор пришла к выводу, что по сравнению с другими животными, украшавшими траурную церемониальную одежду, птицы не получили широкого распространения. Наиболее популярными были образы хищных птиц. К. Ю. Пеляшенко (*Харьков*) представил «*Ритуальный сосуд из Циркуновского городища*». Сосуд имеет необычную форму и орнаментацию. Характер нанесения орнамента и сюжетный контекст рисунка позволили автору трактовать его как культовый предмет, изображение на котором является идеограммой имеющей особое семантическое значение. Ю. Б. Полидович (*Донецк*) в докладе «*Находки скифских изваяний на территории Донецкой области*» представил все известные каменные изваяния скифского периода, обнаруженные на территории области. Высказано предположение о том, что изваяние из с. Ольховчик, возможно происходит из кургана 12 группы «Рясные Могилы» возле г. Шахтерск. З. Х. Попандопуло (*Запорожье*) в докладе «*К вопросу об этнической принадлежности грунтовых некрополей Нижнего Поднепровья*». По мнению автора, могильник оставило полуоседлое население, что может служить косвенным аргументом в защиту правильности использования греками скифского термина «*gauvarga*» — «почитатели скота». Тема клинкового оружия снова прозвучала в докладе А. В. Шелеханя (*Киев*) «*Еволюція клинкової зброї «Класичної Скіфії»*». Автор предложил для данного периода выделить четыре группы мечей и кинжалов, подчеркнув, что их типологическое развитие происходило путем эволюции форм, и было прервано в результате исчезновения «Великой Скифии». В докладе И. Б. Шрамко (*Харьков*) «*Землянка раннескифского времени из зольника № 28 Западного Бельска*» был представлен жилищно-хозяйственный комплекс, открытый в 1996 г. Необычность и научная информативность объекта позволили сделать важные выводы, связанные с его функциональным назначением, конструктивными особенностями и хронологией. Кроме того, во время работы секции было заслушано, не заявленное ранее сообщение В. Н. Окатенко (*Харьков*) «*Раскопки кургана скифского времени у с. Липковатовка Харьковской области*».

Секции «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху» и «История и культура античного мира»

В рамках работы конференции участники указанных секций провели совместное заседание. Заслушано шесть докладов, в которых нашли отражение актуальные проблемы истории и археологии античной эпохи.

Доклад К. Н. Колесникова (*Днепропетровск*) «*Зовнішньополітичні відносини та статус Херсонесу Таврійського в 170–110-х рр. до н. е.*» был несколько изменен автором и касался оборонительной системы античного Херсонеса. Докладчик предложил ряд возможных фортификационных элементов, которые могли использоваться

защитниками древнего города, и иллюстративно продемонстрировал их конструктивные особенности.

В. В. Котенко (*Киев*) в докладе «*Особливості облаштування західної башти з поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці*» интерпретировала строительные остатки эллинистического поселения Маслины херсонесской хоры. Специфика подобных памятников проявляется, прежде всего, в способе их застройки, где сельскохозяйственные усадьбы представлены полифункциональными комплексами с башнями. На поселении Маслины раскопками под руководством В. А. Латышевой было открыто три подобных усадьбы. В процессе изучения западной башни необычным оказалось обустройство помещения «А». Оно имело глинобитный пол, крашеные стены, в его центре был устроен открытый очаг квадратной формы и углубленная в пол чаша. Очевидно, по ряду признаков, помещение было парадным и использовалось для отправления культов. Возможно, оно имело функции андрона, подобно известным объектам из других северопричерноморских центров.

С. Д. Литовченко (*Харьков*) выступил с докладом «*“Эра Помпея” в Великой Армении*», в котором сосредоточился на выяснении обстоятельств возникновения и внедрения новой системы летоисчисления в Армении. Единственным, но весьма спорным, по мнению автора, упоминанием «эры Помпея» можно считать символы на нескольких бронзовых монетах, датирующихся в диапазоне от I в. до н. э. до II в. н. э. По мнению некоторых исследователей, символы могли обозначать даты по «эре Помпея». Однако нет никаких свидетельств о принятии подобной эры в исследуемый период в Арташате. Само же допущение о введении «летоисчисления по Помпею» противоречит логике римско-армянского союза. Докладчик предположил, что власти Великой Армении, вероятно, не испытывали необходимости в учреждении иной эры летоисчисления по примеру правителей эллинистических государств, но фиксировали на монетах годы правления монарха.

Доклад **Мартемьянова А. П.** (*Харьков*) «*Об участии ветеранов римской армии в самоуправлении сел Малой Скифии во II в. н. э.*» был посвящен верификации письменных источников римского времени. Автор вычленил из массы свидетельств о ветеранах лишь те, которые действительно говорят об участии конкретного военного состава в самоуправлении Мезии. А. П. Мартемьянов привел аргументированные сомнения по поводу количества источников, которые приводятся для подтверждения факта участия римских ветеранов в самоуправлении сел Малой Скифии во II в. до н. э.

Ручинская О. А. (*Харьков*) в докладе «*Система рекреации в представлении граждан античных городов Северного Причерноморья (I—III вв. до н. э.)*» обратила внимание на достаточное количество письменных и археологических источников для исторических реконструкций одной из сфер жизни граждан античных центров. Автор акцентировала внимание на том, что античные города Северного Причерноморья в I—III вв. н. э. оставались греческими, испытывая при этом влияние римской культуры. Поэтому явление рекреации получает здесь широкое распространение и становится самостоятельным элементом жизни гражданских коллективов. О. А. Ручинская выделила три формы рекреации: «сакральный туризм», лечение и отдых, включающий в себя релаксацию и саморазвитие личности. Новым явлением в первые века н. э., вероятно, было посещение выставочных залов, распространяется традиция выступлений знаменитых музыкантов в театрах, музыкально-литературных состязаний, философских диспутов. С появлением культа римского императора становятся популярными гладиаторские бои и травля зверей. Таким образом, весь комплекс рекреационных мероприятий, по мнению докладчика, несмотря на римское влияние, в своей основе оставался греческим.

Доклад **Янко А. А.** (*Полтава*) «*Етруск Фелсна: з Ганнібалом чи проти нього (до інтерпретації напису TLE, № 890)*» посвящен прочтению и толкованию этрусской эпитафии II в. до н. э. из г. Тарквиний. Фелсна, по мнению докладчика, был участником перузинской когорты, которая удерживала оборону города Касилин

от нападения карфагенян во главе с Ганнибалом зимой 215 — весной 215 гг. до н. э. Учитывая все тонкости перевода с этрусского языка, автор предлагает следующий перевод надписи: «Фелсна Ларт, (сын) Летея, прожил 106 лет, находился в Капуе в войне Ганнибаловой». Таким образом, эта надпись может быть информацией о судьбе обычного этруска, участника римской вспомогательной когорты, в годы Второй Пунической войны.

Небольшое количество докладов дало возможность не ограничивать выступления во времени, детально обсудить каждый доклад и обменяться дополнительной информацией.

Секция «Славянский мир и его соседи VII—XVII вв.»

В работе секции «Славянский мир и его соседи в VII—XVII вв.» приняло участие 15 исследователей. Заслушали и обсудили девять докладов, которые хронологически охватывали VII—XVII вв. По четыре доклада было посвящено славяно-русской и кочевнической тематикам, один доклад относился к новому времени.

Володарец-Урбанович Я. В. (Киев) в докладе «*Нові знахідки фібул VI — початку VIII ст. з Полтавщини*» познакомил с новыми находками фибул, что значительно дополнило общее представление о распространении этого элемента костюма населения восточноевропейской лесостепи. Оживленное обсуждение вызвали вопросы хронологической интерпретации полученных в распоряжение науки артефактов.

В докладе Пуголовка Ю. А. (Полтава) «*Житла-майстерні літописних сіверян*» проанализирована группа неординарных построек на памятниках роменской археологической культуры VIII—X вв., в которых сочетались черты жилищного строительства и ремесленной деятельности: обозначены все известные на сегодняшний день комплексы на поселениях, разработаны критерии выделения подобных объектов.

Значительный интерес вызвал доклад Горобца Л. В. (Киев) «*Птахи в побуті східних слов'ян*», в котором автор не только проанализировал археоорнитоморфный материал со славяно-русских памятников, но и отметил отдельные группы пернатых,

Работа секции «Славянский мир и его соседи в VII—XVII вв.»

которые употреблялись в пищу, использовались как ловчие птицы или входили в состав частных коллекций отдельных представителей киеворусской знати.

В докладе **М. С. Сергеевой** (*Киев*) «*Сировинна база давньоруської деревообробки (за матеріалами Південної Русі)*» представлены итоги многолетних исследований автора по древнерусской деревообработке. М. С. Сергеева выделяет группы деревянных изделий, известных по археологическим находкам, условия их сохранности и методы исследования, сопоставляет категории изделий с разновидностями применяемого для этого случая сырья. В обсуждении было уделено дополнительное внимание на возможности и методику консервации органических остатков при полевых работах.

Колода В. В. (*Харьков*) в докладе «*О хозяйственных ямах со стандартизированными наборами предметов на салтовских поселениях*» выделил специализированные хозяйственные ямы, в которых хранились наиболее важные для домохозяйства раннесредневековых алан орудия труда и предметы; их условно можно разделить на три группы: сельскохозяйственный инвентарь, орудия ремесленной деятельности, предметы всаднического обихода (кочевого быта). Автор акцентировал внимание на необходимость более глубокого анализа такой категории комплексов, как хозяйственные ямы. Доклад **Аксёнова В. С.** (*Харькова*) «*Пряжки-пуговицы из раковины в катакомбных погребениях аланского населения Подонцовья*» содержал анализ одного из элементов одежды раннесредневекового населения Хазарии, который кроме утилитарно-практического имел, по мнению автора, и значительную религиозно-магическую нагрузку, что подтвердилось и в результате возникшей дискуссии. Еще один вид магических зооморфных украшений салтовской культуры лесостепи был проанализирован в докладе **Хоружей М. В.** (*Харьков*) «*Бронзовые подвески в виде коней из катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры (из коллекции Харьковского исторического музея)*».

Доклад **Голубевой И. В.** (*Харьков*) «*Скарб золотоординських монет з поселення «Стромоухово»*» был посвящен анализу интересного, хотя и не полного в данный момент нумизматического комплекса, на основании чего предлагались уточняющие выводы о, так называемом, периоде «Дикого поля» в истории Слобожанщины.

Единственный доклад по периоду заселения Слободского края **Желтобородова А. Н.** (*Харьков*) «*Особенности борьбы с татарскими набегами на территории Слободской Украины во второй половине XVII в.*» был посвящен анализу этапов и динамики освоения левобережных территорий Украины русскими и украинскими переселенцами, особенностям организации обороны и обеспечения безопасности населения на начальном этапе освоения Слобожанщины.

Секция «Византия и итальянские колонии в Северном Причерноморье»

В ходе работы секции было заслушано десять докладов из запланированных девятнадцати, что, впрочем, не отразилось на результативности научной полемики. Рассматривался широкий спектр проблем в хронологическом диапазоне от эпохи поздней античности — ранней Византии до XIV—XV вв.

Работа секции началась с презентации первой в Украине хрестоматии, посвященной византийской истории¹. Учебное пособие **О. В. Господаренко** и **В. В. Кузовкова** содержит выдержки из источников практически по всем периодам византийской истории IV—XV вв., позволяет охарактеризовать политическую, экономическую, культурную, церковную сферы жизни ромеев. Участники конференции высоко оценили труд николаевских коллег.

К. Ю. Бардола (*Харьков*) посвятил свое выступление «*Основные проблемы изучения истории византийской дипломатии*» развенчанию устоявшихся историографических

¹ *Господаренко О. В., Кузовков В. В.* «Історія Візантії. Хрестоматія: навчально-методичний посібник. — Миколаїв: Ліон, 2014. — 370 с.

С. В. Дьячков и С. Д. Литовченко

воззрений о византийской дипломатии и внешнеполитической доктрине Ромейской империи. По мнению докладчика, основная проблема заключается в отсутствии четкого объекта исследования и разграничений между понятиями. Исследователи часто смешивали понятия «внешней политики», «дипломатии» и «церемониала». По мнению автора, находит подтверждение утвердившийся в историографии тезис о существовании реваншистской внешнеполитической доктрины в Империи. Требуют дополнитель-

ного изучения проблемы религиозной политики и «брачной дипломатии». Доклад вызвал интенсивную дискуссию; в обсуждении участвовали С. В. Дьячков, А. А. Роменский.

В докладе **О. В. Вуса (Львов)** «*О попытке локализации «страны Дори» Прокопия Кесарийского на европейском Боспоре*» критически рассматривалась гипотеза российского исследователя А. Г. Ермолина о местонахождении «страны Дори» на Китейской равнине. Докладчик подчеркнул недостаточную обоснованность точки зрения А. Г. Ермолина и отсутствие ее подтверждения в источниках, с чем согласились участники секции.

Доклад **О. В. Господаренко и А. И. Смирнова (Николаев)** «*Рельєфні зміни на Дніпровському-2: до питання археологічного дослідження замку Леріче*» представил результаты обследования городища «Днепровское-2» весной 2013 г. Были уточнены локализация «детинца» и «посада» городища, проведена новая топографическая съемка, которая позволила уточнить размеры памятника. Акцентировано внимание на необходимости срочного археологического исследования вследствие опасности, возникшей из-за природного разрушения, а также грабительских раскопок.

С. В. Дьячков (Харьков) в докладе «*Новые данные об использовании арбалетов гарнизоном генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)*» познакомил участников секции с результатами раскопок башни № 5 крепости Чембало, проведенных летом 2013 г. Были обнаружены остатки арсенала арбалетных стрел, выделено три типа арбалетных болтов.

Доклад **А. Н. Литовченко (Харьков)** «*Алтарная преграда как элемент внутреннего убранства базилики (по материалам византийского Херсона)*» был посвящен внутреннему убранству византийских храмов, устройству темплов, анализу символического значения изображенных сюжетов. Докладчик провела сравнение изображений алтарных преград и напольной мозаики, продемонстрировала их взаимосвязь.

Майко В. В. (Симферополь) в докладе «*Средневековые ткани Сугдеи*» интерпретировал находки тканей, найденных при раскопке некрополя Сугдеи. Докладчик познакомил слушателей с обстоятельствами находок фрагментов тканей, привел соображения о датировке захоронений. По убедительному мнению В. В. Майко, экземпляры тканей из погребений некрополя у горы Ай-Георгий близ Судака следует датировать не IX—X вв., а второй половиной XV — началом XVI вв., в пользу чего свидетельствует нумизматический материал и погребальный инвентарь.

В совместном докладе **Могаричева Ю. М. (Симферополь)** и **Сорочана С. Б. (Харьков)** «*К проблеме административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI—VIII вв.*» авторы ознакомили с гипотезой об изменении административно-территориального устройства Боспора в ранневизантийский период. Как показали докладчики, устоявшаяся в историографии точка зрения о том, что в VI—VIII вв. город Боспор (бывший Пантикапей) сохранял значение административного центра, не подтверждается источниками. Есть основания считать, что административ-

ные функции в это время перешли к Горгии или Фанагории на Азиатском Боспоре, а в Крыму — к Сугдее. Боспор вновь обрел статус административного центра не ранее середины VIII в.

Доклад А. А. Роменского (Харьков) «*Огненные столбы в византийской и древнерусской агиографии*» был посвящен символическому значению явления «огненных столбов» на материале византийской и древнерусской письменных традиций. Докладчик проследил взаимосвязь между сюжетами византийской и древнерусской агиографии. Особое внимание вызвал сюжет из X книги «Истории» Льва Диакона о том, что некие «огненные столбы» и комета предвещали (либо указывали) на взятие Херсона «тавроскифами», показана необоснованность хронологических реконструкций, основывающихся на интерпретации этого известия.

Доклад Е. Н. Стреляренко (Харьков) «*Об отношении латинян к женщине в итальянских колониях Северного Причерноморья в XIV—XV вв.*» познакомил с малоизвестными фактами гендерной истории этого периода. Докладчик остановился на правовом и социальном статусе женщин в итальянских колониях, конкретизировал сведения об этических представлениях и брачных связях жителей колоний.

М. В. Фомин (Харьков) в докладе «*К проблеме формирования раннехристианского мировоззрения в позднеантичном Херсонесе*» представил эволюцию античной и раннехристианской традиций на материалах херсонесского некрополя. Автор проанализировал росписи и символику херсонесских склепов.

Секция «История науки и образования»

Во время работы секции было заслушано пять докладов.

Доклад В. В. Скирды и И. М. Скирды (Харьков) «*Археологічна проблематика на XII археологічному з'їзді*» обратил внимание присутствующих на проблемные вопросы, которые изучались участниками съезда на секции «Первобытные древности». Основные доклады секции съезда были посвящены изучению курганных погребений и составлению археологических карт. Докладчики подчеркнули важность археологических экскурсий и посещения выставок во время проведения XII археологического съезда.

Д. С. Гордиенко (Киев) выступил с докладом «*Антикознавчий доробок українських вчених-емігрантів у міжвоєнній Чехословаччині*». Он высоко оценил и показал важность изучения научного творчества украинских ученых-эмигрантов.

С. В. Палиенко (Киев) в докладе «*История отдела теории и методики археологических исследований Института археологии АН УССР по разным видам источников*» обратил внимание присутствующих на проблему «белого пятна» в изучении истории советской археологии и источниковедения истории археологии. Он отметил важность комплексного использования всех видов источников (опубликованных, архивных, устных) для дальнейшего всестороннего изучения и понимания истории археологии в Украине советского периода.

Л. Ю. Посохова (Харьков) в докладе «*Віртуальні мандрівки харківських студентів та викладачів у XVIII ст.*» указала на значительный рост интереса к географическим знаниям среди студентов и преподавателей XVIII в. Знания в области географии на том историческом этапе формировались и вычленились из различных наук: истории, математики, физики, риторики, философии. Развитие географии как науки, по мнению исследовательницы, способствовало формированию национальной и региональной идентичности.

Доклад А. О. Четвераковой (Одесса) «*Потоп в Чёрном море как толчок к открытию древностей Варненской культуры в исследованиях Петко Димитрова*» был посвящен поиску новых фактов, которые указывали на место Потопа. Автор

подвергла критике теорию Петко Димитрова о возникновении культуры Варна на черноморском побережье, в результате Потопа. При этом исследовательница подчеркивает необходимость дальнейшего анализа текстов древних мифов, геологических и археологических данных, которые могут по-новому интерпретировать библейские сказания.

В рамках конференции в помещении Музея истории университета состоялась презентация результатов археологического полевого сезона 2014 г. Выставка археологических находок сопровождалась сообщениями и устными докладами авторов раскопок. Ученые Харьковского исторического музея представили интересные и разнообразные результаты полевых исследований. *И. А. Снежко* и *А. И. Бабенко* рассказали об итогах раскопок на восточной периферии позднепалеолитической стоянки у с. Каменка (Изюмский р-н). *К. Ю. Пеляшенко* сообщил о результатах раскопок хозяйственных и жилых комплексов на Циркуновском городище скифского времени. *В. С. Аксёнов* возглавлял исследования катакомбного могильника у с. Верхний Салтов, руководил проведением охранных работ на раннесредневековом Нетайловском могильнике. В исследованных захоронениях обнаружены керамические сосуды, элементы одежды, хозяйственно-бытовой инвентарь. Погребения датируются второй половиной VIII — первой половиной IX вв.

Значительные результаты были получены экспедициями ГП ОАСУ «Слободская археологическая служба». *В. М. Окатенко* провел исследования курганного могильника скифского времени у с. Липкуватовка Нововодолажского района. В Харькове *В. М. Окатенко* изучал наполнение культурных слоев XVII—XVIII вв. в районе улицы Клочковской. *И. В. Голубева* руководила раскопками поселения «Стромоухово» золотоордынского времени.

Средневековая экспедиция ХНПУ имени Г. С. Сковороды под руководством *В. В. Колоды* продолжала исследования комплексов салтовской археологической культуры на городище близ с. Мохнач (Змиевской р-н). *В. И. Квитковский (ХГПА)* представил артефакты из раскопок селища Пятницкое-I, оставленного носителями салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв.).

Работы ученых Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина были представлены исследованиями Скифской экспедиции, возглавляемой *И. Б. Шрамко* и *С. А. Задниковым*. В указанный период проводились масштабные раскопки Западного и восточного укреплений Бельского городища, а также исследование кургана раннескифского времени в урочище Марченки могильника Скоробор в округе Бельского городища.

М. В. Любичев, *К. В. Мызгин* и *К. Г. Варачева* представили результаты раскопок Германско-Славянской экспедиции ХНУ археологического комплекса Войтенки времен Великого Переселения народов в Валковском районе, а также могильника того же времени у пгт. Зачепилровка.

На заключительном пленарном заседании руководители секций (*С. И. Берестнев*, *И. Б. Шрамко*, *С. П. Сергеев*, *В. В. Колода*, *В. В. Майко*, *В. В. Скирда*) подвели итоги работы конференции. Участники заседания высказали конструктивные пожелания и предложения в адрес организаторов конференции.

*С. И. Берестнев, С. В. Дьячков, В. В. Колода, В. В. Котенко,
А. А. Роменский, В. В. Скирда, И. Б. Шрамко*

Участники IX Международной научной конференции
«Проблемы истории и археологии Украины» (31 октября 2014 года)

Первые Чтения памяти проф. В. И. Кадеева «Античный мир и Средние века» (Харьков, 26 июня 2014 г.)

В ноябре 2014 г. на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина было принято решение о проведении у июне каждого нечетного года научных чтений «Античный мир и Средние века», посвященных памяти основателя и первого заведующего кафедрой (1978–2007) доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки и техники Украины Владимира Ивановича Кадеева (1927–2012). Инициативу кафедры поддержали руководство и Ученый совет исторического факультета университета, а также правление Харьковского историко-археологического общества.

Организационным комитетом определено, что тематика чтений обусловлена кругом научных интересов проф. В. И. Кадеева и посвящается изучению проблем древней и средневековой истории и археологии, а также истории науки и образования. Научные чтения предусматривают участие в форуме состоявшихся ученых, а также молодых преподавателей, сотрудников, аспирантов вузов, академических и музейных учреждений.

26 июня 2015 г. в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина состоялись Первые Чтения «Античный мир и Средние века» памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. К началу форума издан сборник «LAUREA I», содержащий изложение докладов участников конференции¹. В работе чтений приняли участие более 40 ученых из семи городов Украины (Харьков, Киев, Львов, Николаев, Одесса, Полтава, Драгобыч).

Пленарное заседание конференции открыл декан исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина проф. С. И. Посохов. С докладами выступили преподаватели кафедры истории древнего мира и средних веков. **Дьячков С. В.** в докладе «*Археологической экспедиции Чембало 15 лет (1999–2013)*» подвел промежуточные итоги раскопок зданий и сооружений консульского замка крепости Чембало и фортификационных укреплений на территории города св. Николая. Особое внимание было уделено раскопкам консульской церкви и крепостных башен № 5, 6 и 8. Уникальные находки артефактов из погребений консульской церкви, арсенал метательных снарядов для требюше, находки предметов вооружения и защитных доспехов, новые данные об организации водоснабжения — все это значительно расширило наши представления о роли и месте крепости Чембало в системе средневековой итальянской колонизации Причерноморья.

Ручинская О. А. представила доклад «*Агонистические празднества античных городов Северного и Западного Причерноморья: историография и современное состояние проблемы*». По мнению автора доклада, агонистические празднества играли важную роль в религиозной и общественной жизни древнегреческих государств

¹ LAUREA I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. — Х.: ООО «НТМТ», 2015. — 212 с.

Открытие Первых Чтений памяти проф. В. И. Кадеева
Слева направо: С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков, С. И. Посохов

На пленарном заседании Чтений
 На переднем плане (*слева направо*): М. В. Фомин, М. В. Пархоменко, А. Л. Янко, И. П. Сергеев,
 А. Н. Токарев, К. Ю. Нефедов

н а у ч н а я х р о н и к а

Северного и Западного Причерноморья. Тем не менее, эта проблема не получила достаточного отражения в историографии и большинство исследователей обращались к ней эпизодически.

Мартемьянов А. П. свой доклад *«Практичні заняття й наукова робота студентів з історії античного світу в Харківському університеті на початку ХХ ст.»* посвятил изучению очень интересной проблемы формирования профессиональных навыков и умений во время практических занятий по истории древнего мира со студентами-историками в Харьковском императорском университете в начале прошлого столетия. Автору удалось проследить, каким образом закладывались лучшие традиции университетского исторического образования, сохранившиеся в учебном процессе исторического факультета до наших дней.

Секция «Проблемы античной истории и археологии»

На заседаниях секции (руководитель секции проф. И. П. Сергеев) выступили 8 докладчиков.

Козленко Р. А. (Николаев) в докладе *«Римский форт на границе Ольвийского государства»* проинформировал, что в ходе раскопок последних лет у с. Каменка Очаковского района Одесской области был открыт военный лагерь римского времени, который по нумизматическим свидетельствам датируется первой половиной I в. н. э. Автор доклада связывает возникновение этого форта с увеличившейся в то время военной активностью римлян — римско-боспорской войной и известным из источников походом Плавтия Сильвана.

Шейко И. Н. (Киев) в докладе *«Світильники “гличикоподібного” типу з Ольвії»* предложила свою классификацию ольвийских светильников типа «кувшинчик», согласно которой выделяет семь основных вариантов, датирующихся V—I вв. до н. э. По мнению автора, на протяжении этого времени прослеживается тенденция к уменьшению диаметра, к более закрытой форме изделий и увеличению как высоты корпуса, так и длины рожка. Анализ состава глины указывает на местное производство первых шести вариантов и на импортные экземпляры варианта 7.

В докладе Маркович М. Н. (Дрогобич) *«Філософсько-релігійні погляди імператора Юліана Відступника»* уделила внимание вкладу императора Юлиана в разработку такого философского направления, как неоплатонизм. В его рамках император впервые делает попытку реформировать язычество, опираясь на философские учения Платона, Плотина, Ямвлиха и других. Попытка оказалась неудачной, поскольку большинство населения империи в то время уже поддерживало христианство, и вера в древних богов не могла удовлетворить беднейшие слои общества, которые искали в религии спасения.

Акимов А. Б. (Харьков) выступил с докладом *«О взаимоотношениях “раб–свободный” в римской Дакии»*. Автор отметил, что взаимоотношения рабов и свободных в Дакии имели свои особенности. Относительно небольшое количество рабов в провинции заставляло лучше относиться к ним, считаться с ними. В большинстве мелких и средних частных хозяйств рабство, скорее, напоминало патриархальное. Богатые хозяева позволяли рабам обогащаться, так как это было выгодно им же самим. Императорские же рабы по своему положению и вовсе приближались к ведущим слоям провинции.

Литовченко С. Д. (Харьков) в докладе *«Осадные орудия Марка Антония — сложный путь к поражению»* анализирует сообщение Плутарха об огромных осадных машинах, которые взял с собой М. Антоний во время Парфянского похода 36 г. до н. э. Автор полагает, что вряд ли Антоний намеревался использовать эти механизмы для штурма атропатенских крепостей. Целью триумвира, видимо, был штурм парфянских столиц. Но изменение планов, вызванное возможностью взятия столицы Атропатены, заставило его совершить трагические ошибки. Итогом стал разгром парфянами

осадного парка и тяжелое отступление римских легионов, что означало остановку римской экспансии на Восток.

Доклад **Нефедова К. Ю.** (*Харьков*) «*Культ Селевка I Никатора в свете новых эпиграфических данных*» посвящен опубликованной в 2009 г. надписи, которая пока не привлекла к себе широкого внимания исследователей. Она является фрагментом почетного декрета небольшого города Эги в честь Селевка и Антиоха. Новая надпись из Эг стала как бы связующим звеном между отдельными культурами Селевка и Антиоха и дала возможность представить целостную картину их культового почитания в 281 г. до н. э. В этом заключается главное значение этого документа для культуры Селевкидов, равно как и культура правителя в целом.

Янко А. Л. (*Полтава*) в докладе «*“Римский фрагмент” Ликофронтной “Александрии” у світлі етрускології*» попытался доказать, что «римский фрагмент» «Александрии» является аутентичным текстом. Автор отмечает, что свидетельство Ликофронта о том, что Эней оставит после себя потомков — «львят» переключается с римской легендой о Ромуле и Реме, воспитанных волчицей, и с этрусскими преданиями о мальчиках, вскормленных львицей. Вероятно, александриец Ликофронт познакомился с италийскими мотивами во время римского посольства в Египет в 273 г. до н. э. Возможно, что эти сказания в сочетании с эйфорией послов по поводу побед над Пирром и могли оказать содействие утверждению мысли греков о римской мощи.

Сергеев И. П. (*Харьков*) в докладе «*Трактовка понятия “кризис” в современном российском антиковедении*» отметил, что российские исследователи в работах последних лет, в отличие от западноевропейских ученых, единодушно признают, что римскому государству в III в. н. э. пришлось пережить серьезный кризис. Однако их взгляды как на ряд аспектов проблемы данного кризиса, так и на его сущность значительно отличаются.

Секция «История и археология средневековья»

На секции было заслушано двенадцать докладов исследователей по широкому спектру проблем — от историографии медиевистики и наследия ученых прошлого до конкретных сюжетов из истории и археологии Византии, Руси, Германии эпохи Реформации (руководитель секции проф. С. Б. Сорочан). Разнообразие заявленных тем характеризовало основные направления исследований харьковской школы византистики и медиевистики.

В докладе **К. Ю. Бардола** (*Харьков*) «*Особенности брачной дипломатии Византии: постановка проблемы*» была показана роль династических браков в дипломатии империи ромеев на всем протяжении ее существования. Докладчик акцентировал внимание на малоизученности проблемы, отсутствии обобщающих монографических исследований (хотя этот тезис спорен, поскольку отдельные аспекты византийской брачной дипломатии породили колоссальную литературу). К. Ю. Бардола попытался дать представление об «общем тренде» брачной дипломатии в контексте византийской внешней политики; были охарактеризованы и наиболее яркие примеры — переговоры о браке императрицы Ирины и Карла Великого, брак порфирородной Анны с князем Владимиром.

Органично дополняли друг друга посвященные сходным проблемам доклады О. В. Вуса и М. В. Фомина. В своем докладе «*Боевая деятельность легиона *Balistarum Seniores* в Крыму в IV–V вв.*» **О. В. Вус** (*Львов*) анализировал спорные аспекты военной истории Херсона ранневизантийского времени. Докладчик охарактеризовал основные данные источников о херсонесских баллистариях, рассмотрел гипотезы В. М. Зубаря, А. Ю. Виноградова, К. Цукермана по этому вопросу. О. В. Вус акцентировал внимание на технике и вооружении воинов, проследил историю легиона старших баллистариев с IV в. до момента расформирования в первой трети VI в. В обсуждении доклада приняли участие О. М. Луговой, А. Н. Домановский, М. В. Фомин.

с
к
н
н
о
р
х
я
а
н
н
у
а
н

Доклад **М. В. Фомина** (*Харьков*) «*О вооруженных силах Херсонеса в IV—V вв.*» тематически был более широким. Докладчик показал роль Херсонеса Таврического как опорного пункта Римской империи в Причерноморье. Были рассмотрены материалы как археологических исследований «Цитадели», так и письменных источников — Житий епископов херсонских, трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Особое внимание привлек дискуссионный вопрос о численности херсонесского гарнизона: по мнению М. В. Фомина, он состоял из местного отряда в 1000 баллистариев и 500 имперских стратиотов, а гарнизон в целом мог насчитывать до 2000 солдат. С. Б. Сорочан заметил, что такие цифры представляются завышенными в связи с общей численностью населения Херсона не больше 6 тысяч человек. Доклад **А. Н. Домановского** (*Харьков*) «*О взимающих куплю Руси...»: к интерпретации статьи русско-византийского договора 911 г. в контексте регулирования внешней торговли в Византии*» знакомил с экономическим аспектом русско-византийских отношений. Доклад в значительной степени носил источниковедческий характер, реконструируя одну из статей договора 911 г. Несмотря на значительную историографию проблемы, докладчику удалось внести несомненную новизну. Так, А. Н. Домановский предположил разделение «взимающих куплю Руси» — византийских купцов-посредников, скупающих привезенные русами товары, и «различных ходящих в Греки и удолжающих» — торговых представителей самих русов, предложен собственный перевод-реконструкция источника.

Доклад **С. А. Карикова** (*Харьков*) «*Влияние внутренней и внешней политики курфюрста Морица на формирование территориальной государственности Саксонии*» перенес слушателей в историю Западной Европы эпохи Реформации. С. А. Кариков рассмотрел политику Морица Саксонского как эпицентр возникновения реформационных идей. Проанализированы внутренняя и внешняя политика курфюрста, а также значение Саксонии для общей истории Реформации в Германии, в контексте общеполитической ситуации в Священной Римской империи. В обсуждении доклада участвовал С. И. Лиман, который отметил, что саксонский курфюрст, по-видимому, был одним из самых слабых представителей протестантской коалиции.

Доклад **С. И. Лимана** (*Харьков*) «*История средних веков в учебных программах профессора Киевской духовной академии Ю. Д. Подгурского*» был посвящен одному из малоизвестных и незаслуженно забытых деятелей науки и образования XIX в. На основании архивных материалов С. И. Лиман рассмотрел творческое наследие историка, его конспекты чтений «по гражданской истории», а также программы преподавания курса средних веков. Была показана и общая картина преподавания истории в Киевской духовной академии.

Историографическую направленность продолжил доклад **О. М. Лугового** (*Одесса*) в соавторстве с **О. В. Файдой** (*Львов*) «*Одесский церковный историк С. В. Лобачевский*». Докладчики рассмотрели биографию С. В. Лобачевского, его роль как одного из первых исследователей гностицизма и наследия Антония Великого. Особый интерес вызвал тот факт, что С. В. Лобачевский, будучи преподавателем Мариинской женской гимназии, по-видимому, не контактировал с учеными Новороссийского университета конца XIX—начала XX вв.

Доклад **А. Н. Литовченко** (*Харьков*) «*Стратиграфия мозаики: технологии настила храмов византийского Херсона*» возвратил секцию к обсуждению истории и археологии византийской Таврики. А. Н. Литовченко рассмотрела эволюцию техники напольной мозаики, ее художественные приемы. Был поставлен дискуссионный вопрос о существовании местной школы мозаичистов.

Херсонскую тематику продолжила **М. В. Пархоменко** (*Харьков*). Ее доклад «*Представления ромеев о расположении идеального жилого дома в Византии*» являл собой интересную попытку реконструкции восприятия византийцами жилого пространства на основании главным образом данных письменных источников. Были

выделены основные критерии расположения жилого дома на местности, херсонский материал органично вписан в историю византийской архитектуры.

Доклад А. А. Роменского (Харьков) «Русский мир в древнерусской литературе: исторический контекст и семантика термина» затрагивал один из частных источниковедческих вопросов — о значении этнохоронимов «Руская земля», «Русь» и «Русский мир» в тексте таких памятников, как «Слово на обновление Десятинной церкви» неизвестного автора и Послание Симона Поликарпу из Печерского патерика. Докладчик выдвинул предположение о синонимичности рассматриваемых терминов.

Доклад С. Б. Сорочана (Харьков) «О мощах и типах их местоположения в византийском Херсоне V–X вв.» был посвящен типологии расположения мощей на примере Херсона. Докладчик пришел к выводу, что в Херсоне были представлены все основные типы местоположения мощей, как «запечатанных», полускрытых, так и видимых и доступных. Исследователь предположил причину диспропорции культовых мест, связав это с предписаниями византийского законодательства.

На секции был заслушан доклад В. С. Аксенова (Харьков) «Новые погребения в дромосе на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике», ознакомивший аудиторию с результатами раскопок захоронений носителей салтово-маяцкой культуры. В обсуждении доклада участвовал С. Б. Сорочан, поднявший вопрос о возможности реконструкции представлений салтовцев о смерти на основании данных археологии.

После секционных конференций состоялось открытие выставки находок из раскопок профессора В. И. Кадеева на могильнике «Совхоз Севастопольский 10», а также подводных исследований в Карантинной бухте Херсонеса. Выставка была организована в презентационном зале Музея археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, который в тот момент готовился к открытию. Таким образом, участники конференции, по существу, стали первыми посетителями музея. Участникам Чтений была предложена уникальная коллекция краснолаковой керамики, стеклянной посуды и других артефактов из погребений римского времени.

Презентация археологической выставки, посвященной раскопкам В. И. Кадеева в Херсонесе и его округе

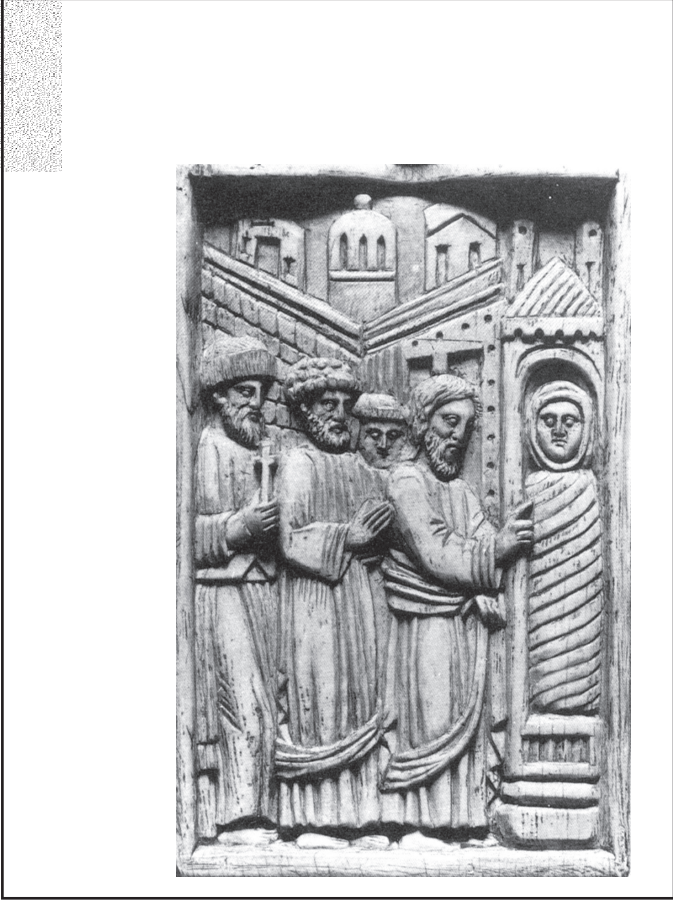

Выставка находок и материалов из раскопок В. И. Кадеева
могильника «Совхоз Севастопольский 10» и подводных исследований в Карантинной бухте Херсонеса

Находки из могильника долгие годы хранились в фондах музея и, фактически, были выведены из научного оборота. Кроме того, на выставке были представлены также крупные фрагменты амфорной тары античного и средневекового времени, обнаруженные во время подводных исследований харьковских ученых и аквалангистов в 60-е годы прошлого столетия. Древние и средневековые артефакты дополняли редкие, малоизвестные фотографии и документы из личного архива В. И. Кадеева, которые были переданы в дар музею его родными. Перед участниками Чтений памяти В. И. Кадеева выступила его дочь В. В. Денчик (Кадеева). Присутствующие подчеркивали, что материалы выставки представляют значительный научный интерес, поскольку существенным образом дополняют уже существующие публикации археологического комплекса могильника «Совхоз Севастопольский 10». Выставка завершилась оживленным обменом мнениями и дискуссией участников конференции. В ходе дискуссии неоднократно высказывались пожелания, чтобы Чтения памяти В. И. Кадеева стали традиционным региональным форумом антиковедов и медиевистов Украины и соседних стран.

С. В. Двячков, А. А. Роменский, А. Н. Токарев

M e m o r i a

Дмитрий Михайлович Дудко (09.12.1956–24.04.2014)

Ушел из жизни историк-музеевед и писатель Дмитрий Михайлович Дудко.

Выпускник кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета Харьковского государственного университета им. А. М. Горького 1979 года, Дмитрий Михайлович всю жизнь был связан с историей. Его увлечение наукой о прошлом началось еще в студенческие годы. Под руководством проф. В. К. Михеева, он участвовал в многочисленных археологических раскопках и разведках. Страсть к археологии сохранилась в нем до конца жизни. До полевого сезона 2013 г. он был частым гостем экспедиций и полевых разведок, которые проводились на Харьковщине.

После окончания университета Д. М. Дудко некоторое время работал в Государственном архиве Харьковской области. Преподавал в школах, а в последующем (с 1985 г.) трудился на разных должностях в Национальном литературно-мемориальном музее Г. С. Сковороды в селе Сковородиновка Золочевского района. В последние годы своей жизни он был хранителем фондов уникального музея. Часто сам проводил содержательные и увлекательные экскурсии для посетителей.

Д. М. Дудко — автор многих научных публикаций, посвященных Г. С. Сковороде, другим сюжетам. В 1990 г. в Москве (Институт востоковедения АН СССР) под руководством выдающегося скифолога, доктора ист. наук Д. С. Раевского он защитил кандидатскую диссертацию по истории религии скифов и сарматов — «Проблемы верований ираноязычных народов Восточной Европы I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. в отечественной и зарубежной историографии».

Десяткам тысяч читателей на просторах СНГ известно имя писателя «Дмитрий Баринов» — литературный псевдоним Дмитрия Михайловича. Свое первое литературное произведение он опубликовал в 1982 г. Его занимательные романы на исторические сюжеты «Воины Солнца и Грома» (1997), «Ардагаст, царь росов» (2000), «Путь к золотым дарам» (2001) и другие, пользуются большим успехом у читателей.

Донецкое городище, фестиваль исторической реконструкции «Игорев полк» (2013 г.).
На втором плане голландский исследователь Род Боут

Мы не можем обойти вниманием еще одну грань деятельности этого незаурядного человека: его принципиальность и последовательность в отстаивании своих идейных позиций. Об этой стороне его личности красноречиво говорят многочисленные публикации в газете «Красное знамя» и других.

В личной жизни он, будучи романтиком по натуре, был крайне непритязателен и аскетичен, отличался скромностью и достоинством в отношениях с людьми.

Светлая память о ярком и талантливом историке нашего времени навсегда сохранится в памяти всех тех, кто его знал.

В. В. Скирда, С. М. Куделко

Список сокращений

АВУ	— Археологічні відкриття в Україні, Київ
АДГУ	— Археология і давня історія України, Київ
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні, Київ
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России, Киев
АМА	— Античный мир и археология, Саратов
АОН	— Археологические исследования на новостройках, Москва
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград (Санкт-Петербург)
БСЭ	— Большая Советская Энциклопедия
ВВ	— Византийский временник, Москва
ВДИ	— Вестник древней истории, Москва
ВХУ	— Вестник Харьковского университета / Вісник Харківського університету
ВЯ	— Вопросы языкознания, Москва
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры, Ленинград
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва
ИАК	— Известия археологической императорской комиссии, Санкт-Петербург
ИИФИКБН	— Известия Историко-Филологического института князя Безбородко в Нежине
ИМАО	— Императорское Московское археологическое общество
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, Симферополь
ИМК	— Інститут історії матеріальної культури, Київ
КСАН	— Корпус случайных археологических находок, Москва
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва; Ленинград
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, Москва
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии, Ленинград (Санкт-Петербург)
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, Львів
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, Москва
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины, Киев
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України, Київ

- НЭ — Нумизматика и эпиграфика, Москва
- НЭПХ — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. — К. : Наук. думка, 1964. — 196 с.
- ОАК — Отчет археологической императорской комиссии, Петроград
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
- РА — Российская археология, Москва
- СА — Советская археология, Москва
- СА РАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, Москва
- САИ — Свод археологических источников, Москва
- СРСР — Союз Радянських Соціалістичних Республік
- СхСв — Східний світ, Київ
- СЭ — Советская этнография, Москва
- Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея, Москва
- УИ — Университетские известия, Киев
- ХДАДМ — Харківська державна академія дизайну і мистецтв
- ХДАК — Харківська державна академія культури
- ХИМ — Харьковский исторический музей
- ХНПУ — Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды
- ЦНБ ХНУ — Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
- ЭО — Этнографическое обозрение, Москва
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд
-
- AIBL — Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris
- AJPh — American Journal of Philology, Baltimore
- App. Mithr. — *Аппиан.* Митридатовы войны // *Аппиан Александрийский.* Римская история: Пер. с греч. — М.: ООО «Изд-во АСТ», «Ладомир», 2002. — 878 с.
- BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt; Berlin
- BS — Byzantinistica, Prague
- CCI — Celtic Coin Index — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finds.org.uk/CCI/>
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen e. a. — Berlin
- Dem. — *Демосфен.* Речи : в 3 т. / Демосфен ; пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — М. : Памятники исторической мысли, 1994. — Т. 1. — 608 с.; Т. 2. — 544 с.; Т. 3. / С. И. Радциг. — М., 1996. — 624 с.
- Diod. — *Диодор Сицилийский.* Библиотека // ВДИ. — 1947. — № 4 : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text>
- FHB — Corpus Fontium Historia Byzantinae
- ILS — Inscriptiones Latinae Selectae / Ed. H. Dessau — Berlin

- IOSPE, I² — Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionales Ponti Euxini: Graecae et Latinae / Ed. V. V. Latyshev. — Vol. I. — Ed. II. — Petropoli, 1916
- JHS — The Journal of Hellenic Studies, Cambridge
- KWMR — Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, Lublin
- MCA — Materiale și Cercetări Arheologice, București
- OGIS — Orientis Graeci inscriptiones selectae, Leipzig
- OJA — Oxford Journal of Archaeology
- P. Haun. — Papyri Graecae Haunienses, Munksgaard
- P. Lond — Greek Papyri in the British Museum, London
- PAS — Portable Antiquities Scheme — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finds.org.uk/>
- PG — Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca, Paris
- PL — Migne. Patrologia Latina
- Polien. — *Полэн.* Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. — СПб.: Евразия, 2002. — 608 с.
- Polyb. — *Полибий.* Всеобщая история: в 3 т. / Полибий; [ред. А. Я. Тыжов; пер. Ф. Г. Мищенко]. — СПб.: Наука, Ювента, 1994. — Т. 1. — 496 с.; Т. 2. — СПб., 1995. — 422 с.; Т. 3. — 384 с.
- RBK — Reallexikon zur Byzantinischen Kunst, Stuttgart
- RC — Royal Correspondence in the Hellenistic Period, New Haven
- RGZM — Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
- RIB I — *Collingwood R. G., Wright R. P.* The Roman Inscriptions of Britain. Vol. I. Inscriptions on stone. — Oxford, 1965
- RIB II — *Collingwood R. G., Wright R. P.* The Roman Inscriptions of Britain. Vol. II. *Instrumentum Domesticum.* Fascicule 5 // Ed. by Sh. S Frere, R. S. O. Tomlin. — Stroud, Gloucestershire: Alan Sutton Publishing, 1993
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum, Leiden
- SIG — Sylloge inscriptionum Graecarum, Leipzig
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Köln

Наши авторы

- АКСЕНОВ Виктор Степанович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Харьковского исторического музея
- БАБЕНКО Леонид Иванович — старший научный сотрудник отдела археологии Харьковского исторического музея
- БАРДОЛА Константин Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина
- БАРЫШНИКОВ Антон Еральевич — соискатель, старший преподаватель Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского
- БЕЙДИН Георгий Владимирович — краевед, нумизмат
- БЕРЕСТНЕВ Сергей Илларионович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры
- БУЙНОВ Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, пенсионер
- БУЛДАКОВА Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент; докторант кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
- ГОРБАНЕНКО Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян и региональных полевых исследований ИА НАН Украины
- ГРЕЧКО Денис Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века ИА НАН Украины
- ДБЯЧКОВ Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея
- ЗЕЛИНСКИЙ Андрей Леонидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классического Востока Института востоковедения имени А. Крымского НАНУ
- ИВАКИН Всеволод Глебович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины
- КАПУСТИН Кирилл Николаевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины
- КАРИКОВ Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Национального университета гражданской защиты Украины (Харьков)
- КВИТКОВСКИЙ Виктор Игоревич — преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Харьковской гуманитарно-педагогической академии
- КОЛЕСНИКОВ Константин Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Академии таможенной службы Украины (Днепропетровск)
- КОЛОДА Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины, заведующий археологической лабораторией Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды
- КОРОХИНА Анастасия Викторовна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины
- КОТЕНКО Виктория Владимировна — аспирантка кафедры археологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»; младший научный сотрудник Института керамологии НАН Украины

- КРОЙТОР Роман Васильевич — доктор биологии, старший научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия АН Молдовы; археозоолог, палеозоолог
- КУДЕЛКО Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, профессор кафедры историографии, источниковедения и археологии; директор Центра краеведения ХНУ имени В. Н. Каразина
- ЛИМАН Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой туристического бизнеса Харьковской государственной академии культуры
- ЛИФАНТИЙ Оксана Валентиновна — аспирантка кафедры археологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», лаборант отдела Полевой комитет Института археологии НАНУ
- ЛУГОВИЙ Олег Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
- МАТВЕЕВА Юлия Геннадьевна — кандидат искусствоведения, преподаватель Харьковской государственной академии дизайна и искусств
- МИЛАШЕВСКИЙ Александр Степанович — аспирант отдела археологии ранних славян и региональных полевых исследований ИА НАН Украины
- ПУГОЛОВОК Юрий Александрович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела палеогончарства Отделения керамологии Института народоведения НАН Украины
- РОМЕНСКИЙ Александр Александрович — кандидат исторических наук, методист «Школы искусств» Харьковского городского совета
- СЕРГЕЕВА Марина Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Киева Института археологии НАН Украины
- СКИРДА Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии ХНУ имени В. Н. Каразина
- СКИРДА Ирина Николаевна — преподаватель высшей категории, преподаватель-методист Харьковского училища культуры
- СМЫКОВ Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета
- СНЕЖКО Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Харьковской государственной академии железнодорожного транспорта
- СОРОЧАН Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина
- ТОКАРЕВ Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина
- ХОРУЖАЯ Мая Владимировна — аспирант кафедры историографии, источниковедения и археологии ХНУ имени В. Н. Каразина, старший научный сотрудник отдела археологии Харьковского исторического музея
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Андрей Геннадьевич — кандидат философских наук; докторант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- ШЕЛЕХАНЬ Александр Владимирович — младший научный сотрудник отдела научных фондов Института археологии НАНУ
- ШРАМКО Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии, директор Музея археологии ХНУ имени В. Н. Каразина

СОДЕРЖАНИЕ

С Т А Т Ь И

История

- Чередниченко А. Г. (*Белгород*). О религии древних индоевропейцев (по итогам анализа лексико-семантического поля «религия» раннего индоевропейского праязыка) 8
- Зелинский А. А. (*Киев*). Еще раз о Коринфе и учреждении культа Птолемея I на Родосе..... 19
- Колесников К. М. (*Дніпропетровськ*). Міжнародні відносини, зовнішньополітичний статус та проблема митно-податкового суверенітету Херсонесу Таврійського від початку до кінця II ст. до н. е..... 28
- Барышников А. Е. (*Калуга*). Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? 38
- Смыков Е. В. (*Саратов*). «Несостоявшийся Александр»: некоторые аспекты образа Германика у Тацита 49
- Бардола К. Ю. (*Харьков*). «Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв. 57
- Луговой О. М. (*Одеса*). «Дани» на Русі та у Візантії на початку XI ст..... 69
- Булдакова Е. В. (*Киев*). “Defensor pacis”: путь к десакрализации власти..... 77
- Каріков С. А. (*Харьков*). Євангелічна Церква в Саксонії та Нижній Саксонії в конфесійну епоху..... 85
- Матвеева Ю. Г. (*Харьков*). «Завеса, называемая воздух»: терминология и реальный предмет 92
- Сорочан С. Б. (*Харьков*). К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки 99

Археология

- Корохина А. В. (*Киев*), Квитковский В. И. (*Харьков*). Материалы эпохи поздней — финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-I в бассейне Северского Донца.....107
- Бабенко А. И. (*Харьков*). Об атрибуции скифских уздечных блях в виде лапы животного или кисти руки.....124
- Бейдин Г. В. (*Харьков*). Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры138
- Буйнов Ю. В. (*Харьков*). Восточнополесский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века.....150
- Горбаненко С. А. (*Київ*), Пуголовок Ю. О. (*Полтава*). Продукты землеробства у літописній Лтаві166
- Гречко Д. С. (*Киев*). Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э.....181
- Івакін В. Г. (*Київ*). Інформативні можливості та базові терміни сучасної тафології201

Кройтор Р. В. (<i>Кишинёв</i>), Колода В. В. (<i>Харьков</i>). Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье. (Часть 1).....	212
Милашевский А. С. (<i>Киев</i>). Фибулы с использованием зерненной кольцевой гарнитуры в черняховской культуре (по материалам раннего и развитого этапов).....	228
Сергеева М. С. (<i>Киев</i>). К вопросу о внешнем факторе развития художественной резьбы по кости в Южной Руси.....	244
Хоружая М. В. (<i>Харьков</i>). Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации).....	257

ПУБЛИКАЦИИ

Мызгин К. В. (<i>Харьков</i>). К карте находок античных монет на Харьковщине (из научного архива Б. П. Зайцева).....	276
Аксёнов В. С. (<i>Харьков</i>). Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника	288
Капустин К. Н. (<i>Киев</i>). Древнерусские памятники Курщины (по материалам разведок И. И. Ляпушкина 1947 г.).....	306

ИСТОРИЯ НАУКИ

Лиман С. И. (<i>Харьков</i>). Империя Карла Великого в курсах лекций и исследованиях медиевистов украинских земель Российской империи (XIX — начало XX вв.)	320
Скирда В. В., Скирда І. М. (<i>Харків</i>). Дослідження В. О. Городцова на території сучасної України	330

ЗАМЕТКИ

Сніжко І. А. (<i>Харків</i>). Фауністичне місцезнаходження біля смт. Андріївка на Харківщині.....	338
Шелехань О. В., Ліфантій О. В. (<i>Київ</i>). Розвідки на городищі скіфського часу біля с. Якушинці.....	344
Дьячков С. В. (<i>Харьков</i>). Еще одна башня-цистерна генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).....	350

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Научная конференция-презентация «Проблемы исследования и охраны культурно-исторического наследия Украины. Итоги полевых исследований в 2013 году» (<i>Дьячков С. В. (Харьков)</i>)	358
IX Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины» (<i>Берестнев С. И., Дьячков С. В., Колода В. В. (Харьков), Котенко В. В. (Киев), Роменский А. А., Скирда В. В., Шрамко И. Б. (Харьков)</i>).....	363
Первые Чтения памяти проф. В. И. Кадеева «Античный мир и Средние века» (<i>Харьков, 26 июня 2014 г.</i>) (<i>Дьячков С. В., Роменский А. А., Токарев А. Н. (Харьков)</i>).....	374

М Е М О Р І А

Дмитрий Михайлович Дудко (09.12.1956–24.04.2014) (<i>Куделко С. М., Скирда В. В. (Харьков)</i>).....	382
Список сокращений.....	384
Наши авторы.....	387

Наукове видання

**Харківський
історико-археологічний
щорічник
СТАРОЖИТНОСТІ 2014–2015**

Українською, російською мовами

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*,
дизайн обкладинки *С. Е. Кулинич*,
комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*,
коректор *І. А. Д'яченко*

Підписано до друку 15.11.2015.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура MyslC.
Облік.-вид. арк. 32,0. Умов. друк. арк. 30,6. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ».
Пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072, Україна
Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

